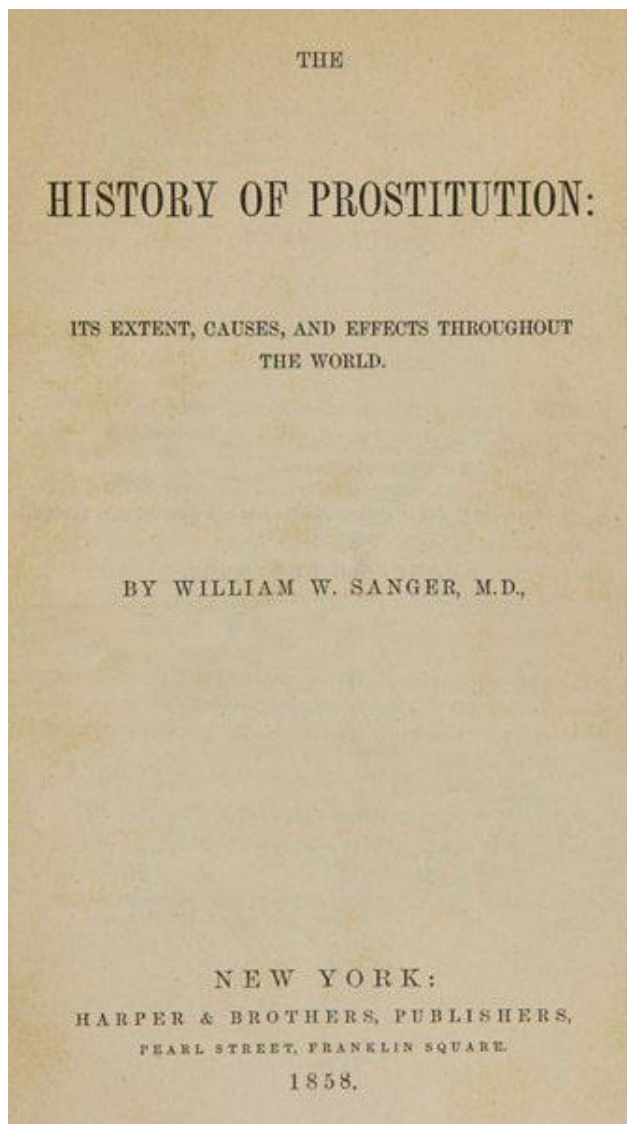

История проституции. Ее масштабы, причины и последствия во всем мире

Уильям В. Сэнджер

Электронная книга проекта "Гутенберг" История проституции: Its Extent, Causes, and Effects throughout the World

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: The History of Prostitution: Ее масштабы, причины и последствия во всем мире

Автор: Уильям В. Сэнгер

Дата выхода: 19 января 2013 года [eBook #41873]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений щедро предоставленных The Internet Archive.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE HISTORY OF PROSTITUTION: ITS EXTENT, CAUSES, AND EFFECTS THROUGHOUT THE WORLD ***

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ:

ЕЕ МАСШТАБЫ, ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВО ВСЕМ МИРЕ.

[ЯВЛЯЯСЬ ОФИЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДОМ СОВЕТУ УПРАВЛЯЮЩИХ БОГАДЕЛЬНЯМИ ГОРОДА НЬЮ-ЙОРКА].

УИЛЬЯМ В. СЭНГЕР, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ, ВРАЧ-РЕЗИДЕНТ НА ОСТРОВЕ БЛЭКУЭЛЛ, НЬЮ-ЙОРК; ЧЛЕН АМЕРИКАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ НАУКИ; В ПРОШЛОМ ОДИН ИЗ ВРАЧЕЙ МОРСКОГО ГОСПИТАЛЯ, КАРАНТИНА, НЬЮ-ЙОРК, И Т. Д., И Т. П.

"О таких обидах, которые общество не может с легкостью излечить, оно обычно запрещает говорить под страхом своего презрения; это презрение является лишь своего рода мишурным плащом для его деформированной слабости" - Кёррер Белл, *Ширли*.

НЬЮ-ЙОРК:
ХАРПЕР И БРАТЬЯ, ИЗДАТЕЛЬСТВО,
ПЕРЛ-СТРИТ, ФРАНКЛИН-СКВЕР.
1858.

Введено, согласно Акту Конгресса, в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году
и пятьдесят восьмом, компанией
ХАРПЕР И БРАТЬЯ,
в канцелярии секретаря окружного суда Южного округа Нью-Йорка.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

УПРАВЛЯЮЩИМ БОГАДЕЛЬНЯМИ ГОРОДА И ОКРУГА НЬЮ-ЙОРК.

Господа, - Вашему почетному совету я посвящаю следующие страницы, являющиеся
результатом расследования причин и масштабов проституции.

Вы задумали, я выполнил эту работу; вам я обязан многими ценными предложениями; вашей
добrote - ободряющим одобрением; и теперь в ваши руки я передаю свои труды, в
уверенности, что они не будут тщетными; что ваш патриотизм, ваша филантропия и ваша
человечность будут немедленно задействованы в этом деле.

В столь благородном начинании мне будет приятно вспомнить, что я помогал вам в тех
щедрых усилиях, которые добавят новые лавры к вашим именам; что я принял некоторое
участие в усилиях, которые побудят будущие поколения с гордостью вспоминать, что первый
удар, нанесенный в западном мире по гигантскому пороку проституции, был нанесен
губернаторами богадельни города и округа Нью-Йорк.

Я ваш уважаемый согражданин,
Уильям В. Сэнгер, доктор медицины.

Кабинет врача-резидента, остров Блэкуэллс,
Нью-Йорк, 10 августа 1858 года.

РЕКЛАМА.

Из основной части этой работы читатель поймет, что "История проституции" была начата в
1856 году. Она была завершена и готова к печати в конце 1857 года. Утром 13 февраля 1858
года островная больница на острове Блэкуэллс была полностью уничтожена огнем, который
распространялся так быстро, что спасти что-либо из пламени было невозможно. Среди

уничтоженного имущества были моя библиотека и рукописи. К счастью, первый черновик этой работы был ранее вынесен из моего кабинета и сохранился, и на его основе был подготовлен настоящий том.

Воспользовавшись предоставленной возможностью, я тщательно пересмотрел работу и ввел некоторые дополнительные факты, доведя историю, особенно Нью-Йорка, до настоящего времени.

Главы, описывающие иностранную проституцию, не претендуют на полную оригинальность. Они представляют собой компиляцию и конденсирование информации из всех доступных источников. Предполагается, что в большинстве случаев, когда использовались чужие идеи, были названы авторитеты; но из-за утраты всех оригинальных работ весьма вероятно, что в некоторых случаях это было упущено. Если читатель обнаружит какие-либо упущения такого рода, он будет достаточно любезен, чтобы понять, что только случайность препятствует обычным благодарностям.

W. W. S.

Кабинет врача-резидента, остров Блэкуэллс,
Нью-Йорк, 10 августа 1858 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

ЕВРЕИ.

Проституция в обществе.- Проститутки в восемнадцатом веке до нашей эры.- Тамар и Иудея.- Законодательство Моисея.- Сирийские женщины.- Обряды Молоха.- Роши.- Социальное положение еврейских блудниц.- Описание Соломона.- Евреи Вавилона.	Страница 35
--	----------------

ГЛАВА II.

ЕГИПЕТ, СИРИЯ И МАЛАЯ АЗИЯ.

Египетские куртизанки.- Праздник Бубастис.- Морали в Египте.- Религиозная проституция в Халдее.- Вавилонские банкеты.- Принудительная проституция в Финикии.- Персидские банкеты.	40
---	----

ГЛАВА III.

ГРЕЦИЯ.

Мифология.- Солонское законодательство.- Диктерии.- Писистратиды.- Ликург и Спарта.- Законы о проституции.- Дело Фрины.- Классы проституток.- Порникон Телос.- Платье.- Прически проституток.- Диктериады в Афинах.- Образ жизни и манеры.- Появление диктериады.- Законы, регулирующие диктериаду.- Школы проституции.- Свободные проститутки.- Старые проститутки.- Аулетриды, или	43
--	----

флейтисты.-Происхождение.-Как нанимаются.-Перформансы.-Анекдот об аркадийцах.-Цены на флейтистов.-Фестиваль Венеры Перибоа.-Венера Каллипига.-Лесбийская любовь.-Ламия.-Гетеры.-Социальное положение.-Венера и ее храмы.-Брелоки Гетаирæ.-Таргелия.-Аспазия.-Гиппархия.-Бакхис.-Гуафина и Гуатион.-Лаис.-Фрина.-Пифионика.-Глицера.-Леонтия.-Другие Гетаирæ.-Биографы проституток.-Филтрес.

ГЛАВА IV.

РИМ.

Законы, регулирующие проституцию.-Цветочные игры.-Регистрация проституток.-Чистота нравов.-Юлианский закон.-Ædiles.-Классы проституток.-Свободные проститутки.-Различные классы развратных женщин.-Меретрицы.-Танцующие девушки.-Бaudы.-Мужчины-проститутки.-Дома проституции.-Лупанарии.-Клетки проституток.-Дома ассигнаций.-Форнисы.-Цирк.-Бани.-Таверны.-Булочные лавки.-Площади и проезжие части.-Привычки и манеры проституток.-Социальное положение.-Одежда.-Ставка найма.-Девственницы в римских борделях.-Содержанки.-Римские поэты.-Овидий.-Марциал.-Римское общество.-Социальная коррупция.-Разговор.-Картины и скульптуры.-Театры.-Бани.-Религиозные непристойности.-Брачные пиры.-Императоры.-Секретные болезни.-Цельс.-Римский факультет.-Архиаты.

64

ГЛАВА V.

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ЭПОХА.

Христианские учителя проповедуют целомудрие.-Ужасное наказание христианских девственниц.-Преследование женщин.-Обращение проституток.-Гностики.-Аскеты.-Конвентуальная жизнь.-Мнение отцов о проституции.-Налог на проституток.-Наказание проституток при греческих императорах.

86

ГЛАВА VI.

ФРАНЦИЯ.- ИСТОРИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА.

Нравы в Галлии.- Гинекея.- Капитулярный Карла Великого.- Нравы в средние века.- Эдикт 1254 года.- Декрет 1358 года, восстанавливающий проституцию.- Руа де Рибо.- Ордонанс Филиппа, отменяющий проституцию.- Свод законов.- Наказание проституток.- Темплары.- Провинции.-Запрет на севере.- Лицензированные бордели в Тулузе, Монпелье и Авиньоне.- Штрафы на юге.- Влияние рыцарства.- Литература.- Эротическая лексика.- Инкубы и суккубы.- Колдовство.- Сабат.- Флагелланты.- Адамиты.- День невинных.- Свадебные церемонии.- Проповедники дня.

93

ГЛАВА VII.

ФРАНЦИЯ - ИСТОРИЯ ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО ЛЮДОВИКА XIII.

Двор.- Людовик IX - Карл V.- Карл VI.- Агнесса Сорель.- Людовик XI.- Карл VIII.- Людовик XII.- Франциск I.- Ла Бель Феронньер.- Генрих II.- Диана де Пуатье.- Известные книги и картины.-Катарина Медичи.- Маргарита.- Генрих IV.- Мадемуазель де Антрагес.- Генрих III.- Миньоны.- Влияние Лиги.-

108

Непристойность одежды.- Театры.- Ордонанс 1560 года.- Полицейские правила.

ГЛАВА VIII.

ФРАНЦИЯ - ИСТОРИЯ ОТ ЛЮДОВИКА XIII. ДО НАШИХ ДНЕЙ.

Изгнание проституток.- Меры Людовика XIV.- Законы 1684 и 1713 годов.- Полицейский устав.- Ордонанс 1778 года.- Республиканское законодательство.- Праведное положение Парижа.- Попытки принять общий закон.- Суд.- Людовик XIII.- Медичи.- Людовик XIV.- Ла Вальер.- Монтеспан.- Ментенон.- Литература дня.- Феодальные права.- Регентство.- Герцогиня Беррийская.- Клодин де Тенсин.- Людовик XV.- Мадам де Помпадур.- Дюбарри.- Парк Серф.- Людовик XVI.- Филипп Эгалите.- Последующие государи.- Литература.- Известные романы и картины.- Тенденция в философии.- Церковь.

120

ГЛАВА IX.

ФРАНЦИЯ - СИФИЛИС.

Первое зарегистрированное появление в Европе.- Описание Фракастора.- Проведение факультета.- Первые больницы в Париже.- Шокирующее состояние больных.- Новая сифилитическая больница.- План лечения.- Учреждение Сальпетриер.- Бикетр.- Капуцины.- Больница Миди.- Реформы в ней.- Приезжие врачи.- Диспансер.- Статистика болезни.- Прогресс и состояние болезни.

131

ГЛАВА X.

ФРАНЦИЯ - СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА.

Количество проституток в Париже.- Их происхождение, воспитание, образование, возраст и т.д.- Причины проституции.- Правила, касающиеся терпимых домов.- Maisons de Passe.- Окна.- Смотрители.- Формальности при выдаче лицензий.- Рекруты.- Сутенеры.- Прибыль от проституции.- Надписи.- Допросы.- Натуральность, как выясняется.- Препятствия.- Принципы надписей.- Возраст, в котором делается надпись.- Радиация.- Профилактическая радиация.- Статистика радиации.- Классы проституток.- Посещение диспансера.- Посещение врачей.- Наказание.- Преступления.- Тюремная дисциплина.- Сен-Дени.- Налог на проституток.- Инспекторы.- Убежище Бон Пастера.- (Примечание: законопроект Дюшатле о пресечении проституции).

139

ГЛАВА XI.

ИТАЛИЯ.

Упадок общественной морали.- Папский суд.- Непотизм.- Иоанн XXII.- Секст IV.- Александр VI.- Влияние Реформации.- Поэма Фракасторо.- Бенвенуто Челлини.- Беатриче Ченчи.- Неаполитанские законы.- Прагматический закон 1470 года.- Суд над проститутками.- Булла Климента II.- Проституция в Ломбардии и Пьемонте.- Клерикальный статут.- Современная Италия.- Законы Рима.- Общественные больницы.- Лазарони из Неаполя.- Итальянские нравы в изображении лорда Байрона.- Фундельские больницы.- Истинный характер итальянского народа.

154

ГЛАВА XII.

ИСПАНИЯ.

Сходство между испанскими и римскими законами о проституции.- Кодекс Альфонса IX.- Результат драконовского законодательства.- Руффиани.- Судебная мораль.- Бордели.- Валенсия.- Законы о борьбе с пороком.- Кубинки, признанные законом.- Сифилис.- Кортехо.- Реформаторские учреждения в Барселоне.- Проституция в Испании в настоящее время.- Мадридский госпиталь для подкидышей.

168

ГЛАВА XIII.

ПОРТУГАЛИЯ.

Конвентуальная жизнь в 1780 году.- Развращение женщин.- Законы против прелюбодеяния и изнасилования.- Венерические болезни.- Незаконность.- Больницы для подкидышей в Лиссабоне и Оporto.- Сингулярные учреждения для жен.

178

ГЛАВА XIV.

АЛЖИР.

Проституция в Алжире до завоевания.- Мезонар.- Неестественные пороки.- Налог на проститутку.- Декрет 1837 года.- Коррупция.- Количество проституток и население.- Национальность проституток.- Причины проституции.- Бордели.- Подпольная проституция.- Бани.- Диспансер.- Сифилис.- Наказание проститутки.

180

ГЛАВА XV.

БЕЛЬГИЯ.

Больницы и благотворительные учреждения.-Фонды.-Оценка брачной церемонии.-Правила в отношении проституции.-Бротели.-Санитарные постановления.

187

ГЛАВА XVI.

ГАМБУРГ.

Древнее законодательство.- Ульм.- Законодательство с 1483 по 1764 год.- Французская революция и ее влияние на нравы.- Указ Абендрота в 1807 году.- Полицейский указ в 1811 году.- Дополнительные полномочия в 1820 году.- Худтвалькер.- Современные полицейские правила.- Количество зарегистрированных женщин.- Терпимые дома.-Нелегальность.-Возраст и происхождение проституток.-Гамбургер Берг и его женщины.-Физика, особенности и болезни проституток.-Одежда.-Питание.-Интеллектуальные способности.-Религия.-Преступления.-Проститутки.-Инструкции.- Местонахождение борделей.-Бротельницы.-Танцевальные дома.-Воскресная вечерняя сцена.-Частные проститутки.-Уличные гуляки.-Домашняя проституция.-Незарегистрированная проституция.-Дома для проживания.- Общие спальные квартиры.-Пивные и винные дома.-Влияние проституции на генеративные органы.-Общие заболевания.-Формы сифилиса.-Сифилис в

189

морских портах.-Сифилис среди незарегистрированных женщин.-"Курхаус" и общий лазарет.-Мужские венерические больные.-Болезни в гарнизоне.-Лечение.-Смертельные болезни гамбургских проституток.-Гамбургская больница Магдалины.

ГЛАВА XVII.

ПРУССИЯ.

Патриаршее правительство.- Церковное законодательство.- Торговые гильдии.- Законы 1700 года.- Расследование 1717 года.- Законы 1792 года.- Приказ полиции 1795 года.- Перепись населения.- Рост незаконной проституции.- Сифилис.- Перепись населения 1808 года.- Министерский рескрипт и полицейский отчет 1809 года.- Закрытие терпимых борделей.- Повторное введение в действие кодекса 1792 года.- Министерский рескрипт 1839 года.- Устранение публичных домов.-Петиции.-Ответ министра.-Отчет полиции, 1844.- Бродячие закрыты по королевскому указу.-Смущение полиции и переписка с Галле и Кельном.-Мнения местных жителей.-Общественная жизнь в Берлине .- Танцевальные салоны.-Пьяные дома.-Имморальность.-Увеличение числа случаев сифилиса.-Статистика.-Незаконность.-Королевский указ 1851.- Последние постановления.

219

ГЛАВА XVIII.

ЛЕЙПЦИГ.

Население.- Зарегистрированные и незаконные проститутки.- Служанки.- Содержанки.- Бордели.- Национальность проституток.- Привычки.- Ярмарки.- Посетители.- Заработок проституток.

252

ГЛАВА XIX.

ДЕНМАРКА.

Проституция в Копенгагене.-Полицейские правила.-Нелегальность.-Бродячие.- Сифилис.-Законы о браке и разводе.-Детоеубийство.-Прелюбодеяние.-Новые брачные постановления.

256

ГЛАВА XX.

ШВЕЙЦАРИЯ.

Высшая нравственность швейцарцев.- Обычаи Нойфхателя.- "связывание".- Влияние климата.

259

ГЛАВА XXI.

РОССИЯ.

Древние нравы.- Петр Великий.- Евдоксия.- Императрица Катарина, ее беспутное поведение и смерть.- Либертинизм Петра.- Анна.- Елизавета.- Катарина II, бесславная карьера и смерть.- Павел.- Александр I.- графиня Нарышкина.- Николай.- Придворная мораль.- Серфаж.- Проституция в Петербурге.- Превышение числа мужчин над женщинами.- Брачные обычаи.-

261

Ярмарка невест.- Брачные отношения среди русского дворянства.- Основание больницы в Петербурге.- Незаконнорожденность.

ГЛАВА XXII.

ШВЕЦИЯ И НОРВЕГИЯ.

Сравнительная мораль.- Незаконность.- Распутство в Стокгольме.- Детоубийство.- Больницы Фаундлинг.- Стора Барнхордст.- Законы против проституции.- Толерантность.- Правительственные бордели.- Сифилис.- Браки в Норвегии.

277

ГЛАВА XXIII.

ВЕЛИКАЯ БРИТАНИЯ - ИСТОРИЯ ДО ЭПОХИ СОДРУЖЕСТВА.

Нравы и законы аборигенов.- Англосаксонское законодательство.- Введение христианства.- Святой Августин.- Проституция в девятом веке.- Судебный пример.- Нормандская эпоха.- Феодальные законы и их влияние.- Гражданские и церковные суды.- Общая испорченность.- Влияние рыцарства.- Фэйр Розамонд.- Джейн Шор.- Генрих VIII.- Елизавета.- Яков I.

282

ГЛАВА XXIV.

ВЕЛИКАЯ БРИТАНИЯ. ИСТОРИЯ ОТ СОДРУЖЕСТВА ДО НАШИХ ДНЕЙ.

Пуритане.- Результаты аскетизма.- Эксцессы Реставрации.- Общая разнузданность.- Искусство.- Литература.- Сцена.- Нелл Гвинн.- Национальность в пороке.- Шабаш при дворе.- Яков II.- Литература семнадцатого и восемнадцатого веков.- Лорд Честерфилд.- Ганноверский дом.- Королевские принцы.- Георг III.- Георг IV.- Влияние французской литературы.- Законы о браке.- Увеличение населения.

298

ГЛАВА XXV.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ - ПРОСТИТУЦИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Влияние богатых классов.- Приемы проституток.- Сцена на железнодорожном вокзале.- Организация для заманивания женщин.- Соблазнение детей.- Континентальный трафик.- Содержание публичных домов.- "Модные мужчины" и "Шпуни".- Количество публичных домов в Лондоне.- Причины проституции.- Сексуальное желание.- Соблазнение.- Переполненные жилища.- Пример родителей.- Бедность и нищета.- Общественные развлечения.- Неправильные браки.- Любовь к одежде.- Юношеская проституция.- Фабрики.- Общественные публикации.- Перепись населения 1851 года.- Образование и преступность.- Количество проституток.- Женское население Лондона.- Рабочие классы.- Домашние служанки.- Нищенки.- Возраст проституток.- Средняя жизнь.- Состояние женщин в Лондоне.- Благотворительные учреждения.- Благотворительная деятельность миссис Фрай.

312

ГЛАВА XXVI.

ВЕЛИКАЯ БРИТАНИЯ. СИФИЛИТИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ.

Первое признание в Англии.- Постановления Генриха VI.- Лазарные дома.- Джон из Гаддесдена.- Хирург королевы Елизаветы.- Народные мнения.- Прокламация Якова IV Шотландского.- Мидлсекские и Лондонские госпитали.- Армия.- Флот.- Купеческая служба.- Госпиталь Святого Варфоломея.- Предполагаемые масштабы распространения сифилиса. 354

ГЛАВА XXVII.

МЕКСИКА.

Испанское завоевание.- Обращение с женщинами-заключенными.- Нравы мексиканцев в 1677 году.- Священство.- Современное общество.- Модная жизнь.- Безразличие мужей к своим женам.- Общая безнравственность.- Правонарушения.- Благотворительные учреждения.- Куна, или больница для подкидышей. 359

ГЛАВА XXVIII.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

Низкий уровень нравственности.- Сальвадор.- Гватемала.- Юкатан.- Коста-Рика.- Гондурас.- Карибы.- Разврат в Перу и Чили.- "Дети дома".- Интриги в Лиме.- Детоубийство.- Нemoщность нравов в Бразилии и Парагвае.- Больница для подкидышей в Рио-Жанейро. 364

ГЛАВА XXIX.

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ.

Уменьшение численности индейской расы.- Обращение с женщинами.- Судебное разбирательство.- Угон жен.- Домашняя жизнь индейцев кроу.- "Сосновый лист".- Женщины-заключенные.- Брак.- Супружеские отношения.- Неверность.- Полигамия.- Развод.- Женская мораль.- Интриги и месть.- Приликие во внешней жизни.- Последствия контакта с белыми людьми.- Торговцы. 372

ГЛАВА XXX.

ВАРВАРСКИЕ НАРОДЫ.

Африка.-Австралия.-Вест-Индия.-Ява.-Суматра.-Борнео. 385

ГЛАВА XXXI.

ПОЛУЦИВИЛИЗОВАННЫЕ НАРОДЫ.

Персия.-Афганистан.-Кашмир.-Индия.-Цейлон.-Ультрагангетические народы.- Целебес.-Китай.-Япония.-Тартарские расы.-Цирказия.-Турция.-Северная Африка.-Сибирь.-Эскимосы.-Исландия.-Гренландия. 415

ГЛАВА XXXII.

НЬЮ-ЙОРК - СТАТИСТИКА.

Расписание вопросов.- Возраст.- Юношеская развращенность.- 450

Преждевременная старость.- Градуальное происхождение.- Средняя продолжительность жизни проститутки.- Нативность.- Пропорция проституток из различных штатов.- Нью-Йорк.- Влияние иммиграции.-Иностранцы.-Доля в населении.-Доля в эмиграции.-Опасности портов отплытия, эмигрантских кораблей и пансионеров.-Длительность проживания в Соединенных Штатах.- Проституция - бремя для налогоплательщиков.-Длительность проживания в штате Нью-Йорк.-Длительность проживания в Нью-Йорке.-Побуждения к эмиграции.-Труд и вознаграждение в Европе.-Помощь эмигрантам; ее размер и от кого.-Образование.-Небрежение удобствами в Нью-Йорке.-Социальное положение.-Одинокие женщины.-Вдовы.-Ранние и неразумные браки.-Мужья.- Дети.-Незаконные дети.-Смертность детей.-Детоубийство.-Влияния, которым подвергаются дети.

ГЛАВА XXXIII.

НЬЮ-ЙОРК.-СТАТИСТИКА.

Продолжение проституции.- Средний уровень в Париже и Нью-Йорке.- Опасности проституции.- Болезни.- Причины проституции.- Склонность.- Деституция.- Влечение.- Неумеренность.- Неправильное лечение.- Обязанности родителей, мужей и родственников.- Влияние проституток.- Разведывательные управления.- Школы-пансионаты.- Нецензурная литература.

484

ГЛАВА XXXIV.

НЬЮ-ЙОРК - СТАТИСТИКА.

Средства к существованию.- Занятия.- Обращение с домашней прислугой.- Нитевщицы.- Недельный заработок.- Женский труд во Франции.- Конкуренция.- Возможность трудоустройства в стране.- Влияние женских занятий.- Искушения швеи.- Неразборчивая занятость обоих полов в магазинах.- Фабричная жизнь.- Бизнес отцов проституток.-Бизнес матерей.-Помощь родителям.-Смерть родителей.-Интоксикация.-Пьяные привычки проституток.-Delirium Tremens.- Ликер, продаваемый в домах проституции.-Влияние родителей.-Религия родителей и проституток.-Добрые чувства.-Любовь и верность друг другу.

523

ГЛАВА XXXV.

НЬЮ-ЙОРК - ПРОСТИТУТКИ И ДОМА ПРОСТИТУЦИИ.

Первый класс, или "салонные дома". - Роскошь. - Полуутонченность. - Плата за пансион. - Одежда. - Деньги. - Непристойная расточительность. - Причина экономии. - Средства развлечения. - Содержатели домов. - Арендная плата. - Предполагаемая выручка. - Управление домами.-Мнимая респектабельность.- Последствия поборов с проституток.-Любовь к любовникам.-Дома второго класса.-Уличные гуляки.-Пьянство.-Сифилитическая инфекция.-Дома третьего класса.-Германцы.-Матросы.-Бал-румы.-Интоксикация.-Дома четвертого класса.-Отталкивающие черты.-Посетители.-Действия полиции.-Дома первого класса.-Секретность и эксклюзивность.-Содержатели.-Арранжировки.-Посетители.-Происхождение некоторых домов.-Распространенность интриг.-Иностранные манеры.-Влияние путешествий.-Платье.-Дома второго класса.-Посетители.-Проститутки.-Увеселительные заведения.-Вино и спиртные

549

напитки.-Дома третьего класса.-Содержанки.-Швейные и цеховые девушки.-
Болезни.-Дома четвертого класса.-"Панельные дома".

ГЛАВА XXXVI.

НЬЮ-ЙОРК - МАСШТАБЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И СТОИМОСТЬ ПРОСТИТУЦИИ.

Количество публичных проституток.- Мнение начальника полиции в 1856 году.-
Влияние на проституцию коммерческой паники 1857 года.- Экстравагантные
предположения.- Полицейское расследование в мае 1858 года.- Частные
проститутки.- Агрегатная проституция.- Посетители из пригородов Нью-Йорка.-
Незнакомцы.- Пропорция проституток к населению.- Сифилис.- Опасность
заражения.- Рост венерических болезней.-Статистика случаев лечения в
островной больнице, остров Блэкуэллс.-Первичный сифилис и его показания.-
Случаи венерических заболеваний в государственных учреждениях.-Больница.-
Рабочий дом.-Пенитенциарное учреждение.-Бельвю больница.-Больница,
остров Рэндаллс.-Больница эмигрантов, остров Уордс.-Нью-Йоркская городская
больница.-Диспансеры.-Медицинские колледжи.-Больница округа Кингс.-
Бруклинская городская больница.-Приют для моряков, Стейтен-Айленд.-Сводка
случаев лечения в государственных учреждениях.-Частное лечение.-
Рекламодатели.-Патентные лекарства.-Наркомагазины.-Общее количество
венерических заболеваний.-Вероятность заражения.-Расходы на проституцию.-
Капитал, вложенный в дома проституции и ассигнации, танцевальные салоны и
т.д.-Доходы проституток.-Индивидуальные расходы посетителей.-Медицинские
расходы.-Расходы на бродяжничество и содержание нищих.-Полицейские и
судебные расходы.-Корреспонденция с ведущими городами Соединенных
Штатов.-Оценка проституции по всему Союзу.-Замечания о "*Проституции*
Таита в Эдинбурге".-Необоснованные оценки.-Национальная статистика
населения, рождений, образования, профессий, заработной платы, нищенства,
преступности, пивоваренных и винокуренных заводов и рождаемости.

575

ГЛАВА XXXVII.

НЬЮ-ЙОРК. МЕРЫ ПО ИСПРАВЛЕНИЮ СИТУАЦИИ.

Последствия запрета.- Необходимое изменение политики.- Обязанности
правительства.- Проституция, усиленная уединением.- Невозможность
благотворительной помощи.- Необходимость санитарных правил.- Желтая
лихорадка.- Эффект мер по исправлению ситуации в Париже.- Сифилитическая
инфекция не является местным вопросом.- Современные меры по борьбе с
сифилисом.-Островная больница, остров Блэкуэллс.- Способ приема.-
Обязательство бродяжничества "на исповеди" и его действие на острове
Блэкуэллс.- Денежные результаты.- Моральные последствия.- Увековечивание
болезни.- Неадекватность существующих мер.- Выписки.- Приговоры *хабеас*
корпус и *сертиорари*, способы получения и их последствия.- Ответственность
общества.-Предлагаемый медицинский и полицейский надзор.-Требования.-
Больницы *должны быть полностью отделены от карательных учреждений*.-
Визиты врачей.-Право помещать больных женщин на лечение и *задерживать их*
до выздоровления.-Опровержение возражений.-Рекламодатели шарлатанов.-
Учреждение медицинского бюро.-Обязанности экзаменаторов.-Лицензионная
система.-Вероятные последствия наблюдения.-Расходы на предлагаемый план.-

627

Агитация в Англии.-Лондонская "Таймс" о проституции.-Рассмотренные возражения.-Доклад медицинского совета больницы Бельвью о проституции и сифилисе.-Доклад врача-резидента острова Рэндаллс о конституционном сифилисе.-Достоверность статистики.-Резюме подтвержденных фактов.

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ.

ВВЕДЕНИЕ.

Аргументы, доказывающие существование проституции, излишни. Это зло настолько известно, что никто не может его опровергнуть. Но когда ставится вопрос о ее масштабах, причинах или последствиях, проявляется поразительная степень невежества или беспечности. Мало кто интересуется тайными источниками, из которых проистекает проституция; мало кто хочет знать, насколько широк поток; мало кто желает знать, какие разрушения он вызывает. Общество официально наложило запрет на эту тему, и тот, кто осмелится утверждать, что то, что затрагивает одного, может повредить всем; тот, кто верит, что болезнь в семье его соседа сегодня может посетить его собственную завтра; Тот, кто осмелится намекнуть, что порок, разрушивший счастье одного родителя и испортивший характер одной дочери, может привести к таким же печальным последствиям в другом кругу; словом, тот, кто осмелится затронуть тему проституции иначе, чем таинственно и шепотом, должен приготовиться встретить неодобрение и порицание общества.

Знание человеческой природы, острое восприятие мирских чувств было в груди одной опытной женщины, недавно скончавшейся, когда она написала: "О таких обидах, которые общество не может легко излечить, оно обычно запрещает говорить под страхом своего презрения; это презрение - лишь своего рода мишурный плащ для его деформированной слабости". Насколько верна эта мысль, хорошо известно многим, кто пытался раскрыть скрытое преступление или докопаться до тайной печали.

Цель этих страниц - не доказать, что проституция существует, ибо это настолько очевидно, что все вынуждены признать это, а выяснить ее происхождение, развитие и конец. На труд могут указывать пальцем презрения; самодовольный мир может закутаться в мантию благоразумия и заткнуть уши от тошнотворных подробностей; благодушная публика может отмахнуться от приближения к греху и несчастью; самодовольное общество может возражать против того, чтобы увидеть убожество, извлеченное из безвестности своего укрытия, в полном свете исследования: Тем не менее, в настоящее время существует моральная язва, которая коварно вкрадывается в уединение домашнего круга и влечет туда мириады своих жертв, и которая разрушает основу того святого доверия, первой, самой

прекрасной привлекательности дома. Существует постоянно присутствующая физическая опасность, настолько фатально разрушительная, что весь мир отшатнулся бы, как от источника змеи, если бы только оценил ее пагубность; пагубность, которая ежедневно и ежечасно угрожает каждому мужчине, женщине и ребенку в обществе; Которое на протяжении сотен лет медленно, но неуклонно продвигалось вперед, оставляя за собой след из разбитых надежд, разрушенных устоев и печальных воспоминаний о погибших друзьях; и которое теперь, в полной силе импульса, полученного и усугубленного сокрытием, почти не поддается сопротивлению. Существует социальная ошибка, которая заставляет общество нести огромные расходы на цели, о которых оно ничего не знает; которая увеличивает государственные налоги и повышает индивидуальные расходы на пороки, которые до сих пор тщательно скрывались. Эти причины были достаточно вескими, чтобы побудить к проведению необходимых исследований для выполнения этой работы, и они считаются достаточными, чтобы оправдать ее публикацию.

Невидимое зло, последствия которого заметны, более страшно, чем то, размеры которого очевидны. Ни один государственный деятель не возьмется за решение политического вопроса, пока не узнает его "форму и давление"; ни один филантроп не сможет удовлетворительно справиться с неизвестной бедой. Оба могут в какой-то степени судить о зле, которого они не видят, но ни один из них не может решиться устранить его, ни другой изменить его беды, пока его сила не будет полностью известна. Так было до сих пор с проституцией. Мир старательно ставил перед ней заслон, а когда страдания ее жертв стали настолько очевидны, что порок стал явным, вокруг него набросили еще одну тайну, и люди XIX века знают его только как грех, в который они не могут вмешаться. Он обладает всей воображаемой силой чудовища из-за своей неясности; всей яростью мстительного изверга, потому что его истинная сила скрыта; и даже тех, кто пострадал от его яда, заставили поверить, что его тайны настолько непостижимы, что не поддаются никакому пониманию.

До сих пор мы придерживались политики сдержанности. Эта позиция сохранялась слишком долго, поскольку она ложна в принципе и вредна в тенденции. Настал день, когда пелена должна быть снята; когда общественная безопасность настоятельно требует расследования этого вопроса; когда те, кто рассматривает его как небольшую ошибку, могут обратить свое внимание на его реальные пропорции; и когда те, кто рассматривал его как неуправляемого гиганта, могут быть в равной степени обмануты.

Маленьким делом это точно не является: вечная гибель одной заблуждающейся женщины фактически исключает такое мнение; физическая гибель импульсивного мужчины запрещает такую оценку, и оба они относятся к тем ежедневным последствиям, которые требуют расследования. Вряд ли в обществе найдется человек, который не вспомнит известных ему обстоятельств, подтверждающих это утверждение; ведь пагубное влияние проституции так широко распространилось, что найдется сравнительно немного тех, кто не пострадал от нее через друзей или родственников, а то и сам по себе.

Она также не является неуправляемой, если только ее не скрывать. Если снять завесу тайны, окутывающую ее, перед нами предстает порок, возникающий из неугасимого естественного порыва одного пола, поддерживаемого доверчивой слабостью другого; из социальных недостатков с одной стороны и социального угнетения с другой; из хитростей обманщика, действующего на ничего не подозревающую доверчивость; и, наконец, *из суровой необходимости жить*.

Утверждать, что проституция может быть когда-либо искоренена, просто абсурдно. В разное время для этого предпринимались энергичные и целенаправленные усилия. Вся мощь

церкви, где она обладала не только духовной, но и светской властью, была направлена против нее. Природа не подчинялась предписаниям духовенства, и угрозы наказаний в загробной жизни были тщетны, чтобы удержать мужчин от поиска, а женщин от предоставления греховных удовольствий в этом мире. Монархи, победоносные на поле брани и непревзойденные в палате советов, прилагали все свои силы воли и привлекали все подручные средства, чтобы подавить порок, но и перед ними он не устоял. Виновных женщин изгоняли, бичевали, клеймили, казнили; их партнеров подвергали тому же наказанию; общественное мнение считало их безнравственными; их лишали гражданских прав; их преступления обрушивались на их семьи; их вели на кол, на виселицу и на дыбу, и все равно проституция существует. Учения о нравственности и добродетели здесь бессильны. В некоторых случаях они сдерживают отдельных людей, но в целом они не действуют. Исследования науки остались без внимания. Они проследили физические результаты порока и предвосхитили его развитие. Они показали, что страдающие родители этого поколения оставят потомкам наследие разрушенных сил; что болезнь, которую несет незаконное удовольствие, разрушительна для надежд человека; что человеческий каркас заметно и регулярно обесценивается под действием этого яда, и показали, что даже желание здоровья и долгой жизни, один из самых сильных мотивов, когда-либо влиявших на человека, не в силах остановить этот поток.

Но если история доказывает, что проституцию нельзя подавить, то она также демонстрирует, что ее можно регулировать и направлять в русло, где ее наиболее вредные результаты могут быть встречены, а опасные тенденции либо полностью остановлены, либо существенно ослаблены. Именно к такой политике склоняются цивилизованные сообщества, и для того, чтобы помочь этому движению, необходимо изучить этот вопрос, даже рискуя навлечь на себя всеобщее презрение.

В некоторых странах континентальной Европы такое исследование уже проведено, и естественные последствия философского исследования проявляются в законодательстве, которое направлено не на то, чтобы запрудить бурный поток, а на то, чтобы направить его туда, где его ярость может быть безвредно потрачена. Когда могучая река выходит из берегов, неуправляемый поток производит широкомасштабные разрушения и опустошения на своем пути; но та же самая река, ограниченная своим естественным руслом, может оказать огромную услугу, унося огромное количество грязи и мусора, которые в противном случае стали бы причиной моровой язвы и смерти. В Западной полушарии и в родной стране англосаксонское благоразумие отстранилось от изучения порока, который, по общему признанию, оскорбляет нравственное чувство людей, и смирилось с накоплением зла, вместо того чтобы попытаться уменьшить его, пока страдание и зло не стали столь смело определены, что заставили обратить на себя внимание общественности.

Несомненно, настало время начать новую линию действий; отбросить как недостойные те грубые сомнения в уместности и целесообразности, которые стояли на пути дальнейшего движения вперед. Само значение слова "пристойность" служит аргументом в пользу предлагаемого курса. Традиционно его толкуют как нечто неопределенное, что каждый человек формирует в соответствии со своими пристрастиями. По тому же принципу, по которому человек, зарабатывающий на жизнь нечестным путем, счел бы вопиющей неуместностью изучать законы мошенничества, мир счел возмутительным против приличий исследовать порок, который многие тайно практикуют, но все публично осуждают. Подобные рассуждения применялись слишком часто и с большим эффектом. Разве может быть неуместным исследование порока, угрожающего чистоте и миру общества, потому что при этом будут раскрыты неприятные факты? Разве нет гораздо более поразительного

несоответствия в том, чтобы безмолвно позволить тому же пороку существовать и расти, не препятствуя ему и не исследуя его?

И снова: следует признать, что требования приличия универсальны. Они не ограничиваются каким-либо человеком или местом, но с одинаковой силой давят на каждого члена общества в любой возможной ситуации. В их общем применении заложено всеобщее благосостояние, и тот заслуживает доброго мнения своих товарищей, кто указывает им на случай, когда приличия нарушены, и просит их помощи в применении средства защиты. Одним словом, *благопристойность* требует разоблачения всех актов *неподобающего* поведения и применения необходимого лекарства.

Тогда возникает вопрос, в какой форме должно быть сделано разоблачение? Истина допускает только один ответ. Оно должно быть настолько явным, чтобы не оставалось сомнений в его значении; оно должно быть настолько осторожным, чтобы не оскорбить в своем применении. Если первое из этих правил не соблюдается, любое разоблачение будет бесполезным; если замечания будут расплывчатыми, неопределенными или обобщенными, никакого хорошего результата не получится. Возьмем простую иллюстрацию.

Благожелательному человеку не придет в голову сказать: "В таком-то городе беда"; но укажите ему на конкретный населенный пункт, назовите точные обстоятельства, и его сочувствие сразу же пробудится и будет эффективно задействовано. Это правило в равной степени применимо как к чудовищному пороку, так и к индивидуальным трудностям, и на этом принципе основаны все последующие страницы. Идея заключалась в том, чтобы достаточно конкретизировать, чтобы привлечь внимание, но не настолько, чтобы удовлетворить распутную склонность; показать зло в правдивом аспекте, но не в увлекательной форме. Никто не может сомневаться в правдивости известных строк Поупа:

"Порок - это чудовище с такой страшной внешностью,
И чтобы его ненавидеть, его нужно только видеть;
Но мы слишком часто видим ее, знакомы с ее лицом,
Мы сначала терпим, потом жалеем, потом обнимаем".

Необходимо стремиться выполнить настоятельные требования приличия, не нарушая общепринятых предрассудков, подразумеваемых тем же словом.

Затем, что касается целесообразности, или пригодности для достижения какой-то благой цели. Следует признать, что сам факт доказательства того, что проституцию можно контролировать, является хорошей целью, и очевидно, что такое доказательство не может быть получено, пока порок остается мифом. Прежде чем решать, в какой форме лучше всего применять надзорную власть, необходимо что-то узнать о ее притонах и обычаях. Эти знания должны быть получены вопреки глубоко укоренившимся предрассудкам. На обычные возражения об опасности прикосновения к нечистым предметам лучше всего ответить замечанием, что для чистого человека все вещи чисты. И хотя благожелательность порой может вести своих почитателей через сцены, где нравственная чистота оказывается под ударом, и в районы, где грязь и непристойность оскверняют сам воздух, которым они дышат, для тех, чьи мотивы добры, в этом нет ничего предосудительного. На нецелесообразность ссылаются так же часто и так же ложно, как и на неуместность. В применении к этому предмету оба эти понятия извращены по сравнению с их законным значением; оба они подчинены фальшивому вкусу или бабьей чувствительности, которая боится столкнуться с воображаемой опасностью.

Безопасность общества, в том что касается его санитарного состояния, настоятельно требует подобного расследования. Больше нет необходимости доказывать, что сифилитическая

зараза распространяется непосредственно через проституцию. Этот факт был доказан много лет назад, и, рассуждая на его основе, мы справедливо заключаем, что разрушительное действие этого яда можно остановить, заставив брошенных женщин соблюдать некоторые разумные правила. Одно можно сказать с полной уверенностью: вмешательство не только не угрожает здоровью населения, но и может принести ему существенную пользу. Ценность этого исследования, насколько оно касается чисто физических вопросов, состоит в том, чтобы не просто указать, где находится зло, но и показать, в какой степени оно существует, а затем сравнить состояние венерической болезни, ее быстрый рост и увеличение вирулентности в этой стране, с ее состоянием в тех странах, где подобные исследования привели к практическим мерам.

Общественная безопасность настоятельно требует проведения такого исследования как средства отслеживания привычных мест обитания преступников. Нет необходимости сообщать любому человеку, знакомому с жизнью города, что дома с дурной славой - обычное местопребывание наиболее заброшенной мужской части общества. Там убийца, от руки которого не застрахована ни одна жизнь, имеет безопасное убежище. Грабитель, совершающий свои преступления под покровом ночи; мошенник, обманывающий честного торговца ложными представлениями; фальшивомонетчик, зарабатывающий на жизнь своим нечестивым ремеслом, - все они устраивают там карнавал. Там они собираются, чтобы рассказать о своих подвигах и поделить добычу; придумать новые схемы злодеяний или разработать планы, с помощью которых простую молодежь можно склонить к порочной практике.

Есть и другая сторона общественной безопасности, которая требует такого исследования, а именно сохранение женской чести. Те, кто часто посещает эти притоны порока, постоянно придумывают силки, чтобы заманить в ловушку молодую, неосторожную или беззащитную женщину. Они склоняют ее к удовлетворению своих либидинозных желаний и пополняют и без того переполненные ряды слабых. Пока эти курорты тайные, здесь есть все условия для такого позорного поведения, но вероятность его обнаружения ничтожна, а возможности предотвращения еще меньше. Туда юношей и даже мальчиков заманивают те, кто уже состарился в пороке, и там их обучают страшным тайнам недозволенной страсти. Многие подающие надежды юноши покидали такие притоны не только с разрушенной конституцией, но и с потерей характера и чести; многие, чьи имена пестрят в криминальных хрониках сегодняшнего дня, делают свой первый шаг в преступлении с того часа, когда они попали в обычный бордель.

И снова: Общественная безопасность требует проведения такого расследования, поскольку оно открывает более широкие возможности для исправительных мер. Начните не с предположения об исправлении куртизанок. Даже для них есть надежда, ведь они - люди, хотя и развращенные. Их сердца пульсируют теми же симпатиями, которые движут более благосклонными представителями своего пола. Их разум восприимчив к тем же эмоциям, что и разум других женщин. Лишь немногие из них становятся мерзкими в силу природных инстинктов: несчастные жертвы обстоятельств, многие из них с радостью исправились бы, если бы в нужное время были использованы соответствующие средства.

"В каждом человеческом сердце есть
Не совсем бесплодная часть,
где цветут цветы с богатейшим ароматом,
И плоды в лучах солнца расти".

Этого можно достичь только тогда, когда псевдодобродетель мира уступит место истинной доброжелательности, и благотворительность станет на деле тем, что она исповедует в названии.

Если общественная безопасность так настоятельна, то частные интересы также имеют аргументы в пользу расследования проституции. Никому не нужно, что для лечения несчастных мужчин и женщин, запятнанных этим пороком, требуется государственная помощь; никого не нужно убеждать, что такая помощь, осуществляемая с соблюдением всех требований экономии, ежегодно требует значительной части налогов, выплачиваемых частными лицами. Было бы полной глупостью утверждать, что любые меры, которые могут последовать за этим расследованием, будут эффективны в искоренении сифилиса, но опыт доказывает, что эффективный надзор существенно ослабит его влияние, сделает его излечимым в гораздо более короткие сроки и сократит расходы на каждого пациента в соответствующем соотношении.

Еще одна крупная заявка на государственные средства связана с необходимостью использования обширной судебной и полицейской организации для борьбы с преступностью и преступниками, порожденными и возвращенными в дома с дурной славой. Гнезда порока, какими они являются сейчас в своей темноте и уединении, невозможно представить себе более подходящего питомника для преступлений, или такого, откуда бы выходило больше преступников. Как и в случае с болезнью, так и в случае с преступлением. Ее нельзя подавить, выставив ее убежища на всеобщее обозрение, но за ней можно наблюдать, и, как только она становится достоянием гласности, половина ее опасностей и трудностей становится преодолимой.

И наконец, частные интересы требуют такого расследования на простом частном основании - индивидуальные и личные расходы, вызванные болезнями, полученными в результате разврата. Есть деньги, которые рабочий человек должен заплатить за свое лечение: это его доля убытков. Непроизводительное время и потеря прибыли от его труда - такова жертва его работодателя. Его семья и иждивенцы лишаются удобств и предметов первой необходимости: это их наказание. Таким образом, общество несет общие потери из-за акта глупости, или страсти, или преступления (называйте как хотите), совершенного в скрытом и тайном месте, и эти потери могут быть спасены вмешательством надлежащих средств.

Здравый смысл требует полного расследования всех бед, связанных с проституцией. В повседневной жизни любой человек, ощутивший на себе давление какого-либо зла, сразу же ищет его причину. Он может не быть ни философом, ни логиком, никогда не слышал и не читал ни одного из светлых трактатов, которые якобы упрощают науку, но он прекрасно знает, что у каждого следствия должна быть какая-то адекватная причина, и обычно он старательно ищет ее, пока не найдет и не устранил. Но здесь, в Нью-Йорке, население, которое утверждает, что оно такое же интеллигентное, как и все на Западном континенте, годами страдает от последствий порока кошелька и личности, платило и платит каждый год большие суммы денег за него, каждый день становится свидетелем того, как в результате этого порока ломается конституция или портится характер, и при этом никогда не задумывалось о том, чтобы найти его причину! Не поздно ли теперь привлечь ваши симпатии к этому делу?

Таким образом, мы приходим к выводу, что правильность, целесообразность, общественная безопасность, частные интересы и здравый смысл требуют проведения расследования, подобного тому, что сейчас представлено читателю. А какие аргументы приводятся в противовес? Презрение мира - "это презрение является лишь своего рода мишурным

плащом для его деформированной слабости". Но разве это презрение не бессильно против множества благоприятных мотивов? Выдержит ли оно испытание сравнением с любым из них, а тем более со всеми? Разве не теряется его влияние, когда становится известен его настоящий характер? Безрассудная беспечность, которая позволила растущему пороку увеличиться и размножиться, которая позволила смертоносному дереву Урас укорениться и расцвести в обществе, пока его ядовитые выхлопы не стали угрожать всеобщей инфекцией; которая своим фактическим безразличием способствовала пороку, соблазну, увековечивала болезни и влекла смерть; неужели эта деформированная слабость теперь поднимет свои дрожащие руки, покажет свою шаткую раму и возвысит свой тщедушный голос, чтобы запретить исследование источников опасности? Не слишком ли долго палец этого презрения запрещал поиск истины? Не настал ли час, когда истина заговорит трубным языком и когда ее голос должен быть услышан?

Возникает вопрос: не привело ли равнодушие мира к этим бедствиям? Несомненно, привело, и следующим образом: Были приняты законы, объявляющие проституток, дома проституции и всех, кто живет подобным образом, незаконными и безнравственными. И этот закон до сих пор действует. Через неопределенные промежутки времени какую-нибудь бедную и бездомную женщину арестовывают как бродягу, и, чтобы умиротворить оскорбленное величие закона, ее отправляют в тюрьму, в качестве козла отпущения для пяти тысяч таких же, как она. Бывает и так, что другую женщину, столь же виновную, но обладающую деньгами или влиянием, арестовывают в то же самое время и за то же самое преступление, и прежде чем она достигает тюремных стен, поднимается юридический вопрос, и она оказывается на свободе. Нет ли в этом преступного безразличия? Дома проституции запрещены законом. Скольким из них предъявляются обвинения, а если предъявляются, то сколько их пресекается? Это тоже следствие преступного безразличия, и оно усугубляется вредными последствиями, вытекающими из одного лишь обстоятельства: закон существует, а усилий по его исполнению не предпринимается. О характере народа судят не по тому, какие законы принимаются, а по тому, насколько строго исполняются и соблюдаются те, которые существуют. Что касается первого, то здесь может проявляться острое восприятие существующего зла и желание исправить его с помощью законодательства; но при повторном взгляде можно обнаружить отсутствие желания сделать это законодательство эффективным. Что касается проституции, то в других местах высказывается мнение, что запретительные законы хуже, чем бесполезны, и опыт Нью-Йорка не может поколебать это мнение, несмотря на то, что усилия, предпринимаемые для обеспечения их соблюдения, так "редки и далеки друг от друга". Если бы существующие законы исполнялись более энергично, их неэффективность давно бы уже была понята гораздо лучше, чем сейчас, и люди не пребывали бы в заблуждении, что все необходимое уже сделано.

Есть и другие случаи преступного безразличия. Те же самые запрещенные дома проституции существуют бесконтрольно, распространяя болезни и увеличивая преступность и бродяжничество во всех частях города. В целом признано, что их невозможно подавить. Какие усилия были предприняты, чтобы сдержать их пагубное влияние? Никаких - буквально никаких. Государственный деятель с ужасом взирал на зло, о масштабах которого он не мог составить правильного представления; священнослужитель не решался встретиться с теми, кто, по его мнению, не принял бы с уважением его наставлений; общественные массы уклонялись от рассмотрения темы, которая была отвратительна и неприятна. Нет ли в этом виноватого равнодушия? На этот вопрос может быть только один ответ, только одно мнение о том, какую долю эта всеобщая апатия сыграла в развитии зла.

Заменить эту апатию здоровым действием - вот цель данного исследования. Это лишь средство для достижения цели. Сами по себе факты и умозаключения, представленные на следующих страницах, не могут ничего сделать, кроме как продемонстрировать необходимость напряженной работы; но эту необходимость они демонстрируют в подавляющем большинстве случаев.

Вот и все общие аргументы в пользу необходимости работы такого рода. Существуют и другие особые и местные причины, которые привели к ее осуществлению в нынешней форме.

"Губернаторы богадельни города и округа Нью-Йорк, или, как они более известны, "Десять губернаторов", - это орган, созданный в соответствии с актом законодательного собрания штата, принятым 6 апреля 1849 года, специально для управления учреждениями для бродяг и нищих в городе. В настоящее время членами Совета являются следующие известные граждане:[1]

С. Годфри Гантер, эсквайр, *президент*.

Исаак Дж. Оливер, эсквайр, *секретарь*.

Вашингтон Смит, эсквайр[2].

Энтони Дугро, эсквайр[3].

Корнелиус В. Андерсон, эск.

Исаак Таунсенд, эск.

Дэниел Ф. Тиманн, эск.

Джозеф С. Тейлор, эск.

Р. Г. Молони, эск.

Бенджамин Ф. Пинкни, эсквайр.

На момент начала расследования в организацию входили еще два известных человека - почтенный Эдвард К. Уэст (ныне суррогат города) и Симеон Дрейпер, эсквайр. Оба этих джентльмена занимали пост президента Совета управляющих с честью для себя и удовлетворением для своих коллег и общественности; оба проявили живой интерес к планируемому расследованию, и обоим я обязан за большую ценную помощь.

Закон о создании Совета губернаторов возложил на них, наряду с другими обязанностями, *медицинскую помощь всем лицам, заразившимся инфекционными заболеваниями в результате разврата и нуждающимся в благотворительной помощи для восстановления здоровья*. В результате под их опеку попало очень большое количество людей, как мужчин, так и женщин, которые должны были обслуживать граждан Нью-Йорка через заведения на острове Блэкуэлл, и они убедились в необходимости принятия определенных мер в связи с этим.

Отдельные члены комиссии придерживались этого мнения в течение некоторого времени, прежде чем были предприняты какие-либо официальные действия, и первым среди них был губернатор Айзек Таунсенд. Этот джентльмен был одним из первоначально назначенных губернаторов и с тех пор был связан с Советом путем переизбрания, что позволило ему прекрасно ознакомиться со всеми особенностями работы нынешней системы, и именно ему общественность обязана зарождением этого начинания. В течение многих лет он трудился, чтобы добиться этого результата, с неукротимой энергией и настойчивостью, равной лишь его известной доброжелательности и честности намерений. Он часто обсуждал целесообразность такой меры с джентльменом, который был моим предшественником на посту врача-резидента острова Блэкуэлл, и при моем назначении (1853 год) он снова затронул эту тему; я не мог не осознавать ее важности. До начала 1855 года никаких

официальных действий предпринято не было. В то время мистер Таунсенд был президентом Совета, и одним из первых его действий в этом качестве было представление списка вопросов по этому вопросу, которые были приняты и переданы мне. Я привожу их из протокола заседания Совета:

"На заседании Совета управляющих богадельни, состоявшемся 23 января 1855 года, президентом были представлены следующие вопросы:

"1. Какая часть заключенных учреждений на острове Блэкуэлл, находящихся под вашим медицинским наблюдением, по вашему мнению, прямо или косвенно страдает от сифилиса?

"2. Число таких заключенных неуклонно растет или нет?

"3. Не покидают ли пациенты различных учреждений, особенно Пенитенциарной больницы, до того, как болезнь излечивается, так что они могут заразить других людей после своего ухода?

"4. Не подвержено ли потомство родителей, страдающих конституциональным сифилисом, многим заболеваниям подобного характера, из-за чего они становятся обузой для города на длительный период времени, а часто и на всю жизнь?

"5. Каковы ваши взгляды относительно наилучших средств сдерживания и уменьшения этой болезни, и какой план, по вашему мнению, может быть принят, чтобы избавить Нью-Йорк от огромного количества страданий и расходов, вызванных сифилисом?

"6. Вы должны дать полный ответ на вышеуказанные запросы в кратчайшие сроки.

"Решено, копия вышеизложенного будет направлена врачу-резиденту на острове Блэкуэлл".

Чтобы ответить на эти вопросы, особенно на пятый, я обнаружил, что необходимо расширить мои исследования за пределы учреждений на острове Блэкуэлл. Эта идея была доведена до сведения президента Таунсенда, который присоединился ко мне в понимании необходимости такого движения. Благодаря ему мэр Вуд и другие должностные лица города были привлечены к расследованию, которое впоследствии было проведено, а его постоянные усилия и искренняя поддержка помогли мне в целом в продолжении работы и заслуживают моей самой искренней и благодарной признательности.

Предпринятые таким образом шаги подробно изложены в следующем письме Совету управляющих; это письмо, или предварительный отчет, было запрошено в связи с отчетами медицинского совета больницы Бельвью и врача-резидента острова Рэндалл, которые *подробно изложены в главе XXXVII* настоящего труда:[4]

"Исаак Таунсенд, эсквайр, президент Совета управляющих.

"Дорогой сэр, - В ответ на ваше письмо с просьбой дать ответы на некоторые вопросы по теме проституции и ее болезней, я вынужден заявить, что не готов к докладу и не смогу сделать это в течение довольно длительного времени.

"Если бы я ограничился простым ответом на вопросы, заданные в отношении учреждений, находящихся под моим медицинским руководством, просто предоставив вам общее количество с указанием процентного соотношения тех, кто страдал или страдает венерическими заболеваниями, такой ответ мог бы быть отправлен вам уже давно. Подобный отчет этого департамента был бы воспринят широкой общественностью как содержащий

историю почти всей проституции в городе, и, в частности, большинство населения поверило бы, что девятнадцать двадцатых болезней, вызванных проституцией, нашли здесь свой дом. На самом деле это не так. Как бы ни было велико число проституток, ежегодно присылаемых сюда, и как бы ни было огромно число случаев венерических заболеваний, ежегодно лечащихся здесь, все же они составляют лишь малую долю от общего количества, реально существующего в этом городе. Проституток на острове не больше, чем на том же количестве акров в некоторых районах города; а что касается венерических заболеваний, то, господа, остров имеет преимущество. Это наименее опасная местность.

"Полагая, что это факты, я не мог заставить себя думать, что можно добиться какой-либо практической пользы, предоставив вам статистику только этих учреждений. Это было бы просто повторением пройденного и не дало бы никакой дополнительной информации для вашего руководства. Но мне показалось, что пришло время привлечь ваше внимание к различным фактам, связанным с проституцией в городе; ведь, несмотря на все наши запретительные законы, нельзя сомневаться или отрицать, что этот порок достигает в нашем обществе такого положения и масштабов, на которые нельзя смотреть без тревоги. Он более чем поспевает за ростом нашего города. В отличие от порока, существовавшего несколько лет назад, он больше не держится в тайне и темноте, а смело шагает по нашим самым людным и элегантным улицам, и там, в широком свете солнца, он сталкивает чистых, добродетельных и хороших людей. Она есть на ваших оживленных улицах и на ваших тихих, по-домашнему уютных улицах; она есть на ваших площадях и в ваших пригородных уединениях и летних курортах; она есть в ваших театрах, вашей опере, ваших отелях; более того, она даже вторгается в частные круги и медленно, но неуклонно распространяет свой яд, известный лишь немногим и совершенно не подозреваемый большинством наших граждан. Против этих женщин безуспешно задействован весь механизм закона, и единственным результатом этого является решимость с их стороны противостоять обществу, обвиняя его в грубом, жестоком и несправедливом обращении.

"Исходя из этих соображений, я счел своим долгом получить все факты, которые только можно собрать, имеющие хоть какое-то отношение к данному пороку, будучи уверенным, что вы желаете всесторонне рассмотреть его; отсюда и решимость, если возможно, проследить до истоков проституцию и сопутствующие ей болезни, чтобы иметь возможность представить вам этот предмет в форме, которая должна показать его в надлежащих красках и размерах.

"Первым шагом в этом исследовании было получение обширной и достоверной информации о масштабах этого порока, как он существует за пределами этих департаментов, - шаг, который был бы не под силу только мне. Учитывая смелую и реформаторскую позицию, которую занял его честь мэр Вуд в отношении многих вопросов, связанных с нашим городским правительством, можно было предположить, что он окажет помощь, если убедится в правильности и перспективной полезности расследования, и результат обращения президента Айзека Таунсенда к его чести полностью подтвердил правильность этого предположения. Оказалось, что он не только готов помочь в этом великом деле, но и полностью осознает его необходимость и важность. План, принятый для продвижения расследования, заключался в проведении переписи города в отношении проституции, включая количество домов проституции; число проституток; причины, побудившие их стать таковыми; их возраст, привычки, место рождения, ранняя история, образование, религиозное воспитание, род занятий и т. д., и эта перепись сейчас проводится начальником полиции, Джорджем В. Матселлом, эсквайром, и капитанами полиции.

"Одновременно с этим ведутся расследования относительно масштабов венерических заболеваний в Нью-Йорке, что позволит получить интересную информацию. Разумеется, это будет сделано без индивидуального воздействия, и отчет, когда он будет завершен, не примет форму путеводителя, по которому люди смогут найти дома с дурной славой. Я хочу получить совокупность фактов о пороке и буду осторожен, чтобы не предпринять никаких шагов для удовлетворения праздного любопытства или ранения ранящей раны.

"Когда эти факты окажутся перед вами, они сами по себе станут аргументом в пользу необходимости действий.

"Я не буду сейчас беспокоить вас замечаниями о смертоносной природе венерического яда, но когда вы будете проинформированы о возможностях его распространения, наступит подходящее время для этого. На данном этапе расследования также нецелесообразно вступать в обсуждение планов, которые могут быть приняты для смягчения этого порока; поскольку, хотя запретительные меры не смогли подавить или даже сдержать его, я не думаю, что вы сочтете благоразумным пытаться схватиться с чудовищем, сила которого до конца не выяснена.

"Вы понимаете, что получение всей необходимой информации по этому вопросу будет делом, требующим времени и труда, и я почтительно прошу вас проявить терпение, заверяя, что представлю вам результаты моих расспросов при первой же возможности, и надеюсь, что масштаб и важность предмета станут извинением за то время, на которое они неизбежно затянутся.

"С большим уважением, сэр, я ваш,
"Уильям В. Сэнгер, врач-резидент, остров Блэквелл".

Чтобы помочь полицейским в проведении переписи, о которой говорилось выше, было составлено расписание вопросов.^[5] Оно было представлено губернатором Таунсендом Совету губернаторов, и на его заседании 23 октября 1855 года была принята резолюция, одобряющая принятый план и уполномочивающая его напечатать достаточное количество экземпляров. Мэр, окружной прокурор, начальник полиции и капитаны нескольких округов охотно и ревностно сотрудничали с губернатором Таунсендом и со мной, и все возможные усилия были направлены на получение точной и обширной информации. Моим долгом было помочь офицерам в выполнении их задачи, и поэтому я могу с уверенностью говорить о достоверности приведенных статистических данных, которые были собраны в основном *под моим собственным наблюдением*.

Я с удовольствием пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить свою благодарность за услуги, оказанные его честью Фернандо Вудом, мэром города Нью-Йорка; Джорджем В. Матселлом, эсквайром, начальником полиции; и капитанами полиции в различных отделениях города, а именно,

Капитан.	Майклу Халпину,	1-й	отделение.
"	Джеймс Леонард,	2d	"
"	Джеймс А. П. Хопкинс,	3d	"
"	Дж. Мюррей Дитчетт,	4-й	"
"	Дэниел Карпентер,	5-й	"
"	Джозеф Даулинг,	6-й	"
"	Эдвард Леттс,	7-й	"

"	Чарльз С. Тернбулл,	8-й	"
"	Абрахам Акерман,	9-й	"
"	Джордж В. Норрис,	10-й	"
"	Питер Сквайрс,	11-й	"
"	Гален Т. Портер,	12-й	"
"	Джон И. Рассел,	13-й	"
"	Дэвид Кисснер,	14-й	"
"	Джордж В. Дилкс,	15-й	"
"	Джон Д. М'Ки,	16-й	"
"	Д. В. Хартт,	17-й	"
"	Джордж У. Уоллинг,	18-й	"
"	Фрэнсис Дж. Туми,	19-й	"
"	Томас Ханнеган,	20-й	"
"	Фрэнсис К. Спейт,	21-й	"
"	Дэниел Виттер,	22d	"

Капитанам Халпину, Хопкинсу, Дитчету, Карпентеру, Даулингу, Леттсу, Тернбуллу, Кисснеру и Дилксу, в чьих приходах наблюдается наибольшее количество проституции, и на кого выпала наибольшая доля труда, я особенно обязан.

Необходимые сведения были наконец получены и изложены в [главах XXXII-XXVII](#) этой работы, но оставалось выяснить еще один важный момент, а именно: что было сделано в других странах и каковы результаты этих действий, чтобы остановить проституцию и уменьшить бедствия венерических болезней. Континент Европы представлял собой поле для этого исследования, и я обратился к нему за необходимой информацией, которая приводится в различных главах, посвященных нескольким странам, в такой форме, чтобы показать принятые меры, эффект и причины, которые привели к законодательному вмешательству, в отличие от тех других частей мира, где до сих пор не были опробованы планы по исправлению ситуации, несмотря на необходимость, которая их требует.

Теперь читатель ознакомился с фактами, которые послужили поводом для этого расследования. Не слишком ли много внимания он просит уделить анализу и показу проституции в ее нынешнем виде, будучи уверенным, что не будет сделано ни одного утверждения, не подкрепленного авторитетом, ни одного вывода, сделанного из сомнительных предпосылок?

Пока речь идет только о Нью-Йорке, это зло известно значительной части его жителей, хотя его разновидности еще очень плохо изучены; и мы постараемся представить всю возможную информацию по этому вопросу и дать правдивую, не преувеличенную картину разврата. Как бы неприятно это ни было, исходя из характера задачи, мы надеемся, что результат будет направлен на благо общества.

Одним из самых болезненно интересных направлений расследования является изучение возраста несчастных женщин. Среди них много тех, кто еще совсем ребенок; кто совсем недавно стоял на коленях у матери и в младенчестве возносил молитвы к Всевышнему; кто совсем недавно с нетерпением и радостью бежал по следам возвращающегося отца; кто в

счастливым и невинном доме совсем недавно подавал надежды на светлую и добродетельную жизнь. Среди них также много тех, кого смерть лишила естественных защитников, и кто, оставшись без присмотра и заботы, пал перед разрушителем, еще не достигнув возраста женственности.

Места их рождения представляют собой интересную тему для рассмотрения на сайте. В этой стране холодный север и солнечный юг, оживленный восток и плодородный запад внесли свою лепту, а зарубежные страны прислали большое количество людей, чтобы пополнить скорбную копилку.

Самая полезная часть этой темы, как можно предположить, будет найдена в ответах на вопрос: "Что послужило причиной того, что вы стали проституткой?" Они, как правило, обнажают скрытые пороки человечества и доказывают, что многие из несчастных жертв "больше грешат против, чем грешат". Среди причин, объясняющих отклонение от пути добродетели, есть такие, которые говорят о человеческом коварстве; другие - о махинациях, использованных для достижения цели, вызывают красноту у человечества; третьи - о том, что жена была принесена в жертву человеком, который поклялся перед Богом и в присутствии людей защищать ее всю жизнь; Другие - когда родители призывали или приказывали к этому, а теперь живут за счет позора своих детей, или когда злоупотребление родительской властью привело к такому же результату; и еще другие - когда женщины, уже развращенные, доводили своих братьев до позора. Одно лишь упоминание об этих пороках вызывает тошноту; но в то время как гангрена проституции стремительно распространяется по обществу, становится настоятельной необходимостью полностью и беспристрастно изучить ее причины.

Еще один источник женского разврата можно увидеть в нескольких таблицах, показывающих описание занятости и заработную плату, получаемую женщинами до их падения, и политэконому предстоит решить, насколько простые деловые соображения должны служить извинением для работодателей за снижение ставок вознаграждения, и не будет ли экономия небольшого процента на зарплате более чем уравновешена огромным количеством налогов, налагаемых на широкую общественность для покрытия расходов, понесенных из-за системы пороков, которая является прямым результатом, во многих случаях, недостаточной компенсации за честный труд.

В заключение следует отметить, что не следует полагать, будто информация, собранная у двух тысяч женщин Нью-Йорка, относится ко *всем* проституткам города. Многочисленные трудности, связанные с исследованием, и особенно секретность, к которой привели этот класс лиц запретительные законы, сделали задачу невыполнимой; но, основываясь на наилучшей информации, которую удалось получить от тех, чье знание порока было получено из реального опыта, можно предположить, что ответы представляют примерно две пятых от общего числа [\[6\]](#) Они представлены с полной уверенностью в их общей достоверности, и можно с полным основанием заключить, что они предлагают справедливую среднюю оценку всего. Они, несомненно, демонстрируют ужасающую степень развращенности и последующей убогости, с очень немногими искупительными чертами, и представляют собой скорбные темы для размышлений для всех классов, с убедительными аргументами в пользу мер по исправлению ситуации. Без этой цели было бы едва ли оправданно, по крайней мере с моральной точки зрения, начинать это расследование или делать эти разоблачения; но, конечно, можно сделать разумный вывод, что многие почувствуют достаточный интерес к продвижению добродетели, чтобы помочь в смягчении этого огромного порока, который угрожает всем социальным отношениям; который уже принес физические страдания в столь многие семьи; и влияние которого, увеличиваясь в прямой зависимости от его

существования, очень вероятно, распространит свой злокачественный яд, душевный и телесный, на все ряды и классы общества. Необходимость действий очевидна, но их успешное завершение должно лежать на широкой общественности, которая должна иметь перед собой бич, выставленный в его фактической силе, и необходимость противоядия, продемонстрированного на основе положительных фактов, а не выведенного из произвольной теории.

Если противоядие будет применено, пусть даже частичное, будет приятно осознать, что исследования не были бесплодными, а труд - напрасным.

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ.

[Если читатель еще не ознакомился с Введением к этому тому, советуем ему сделать это немедленно, так как в нем изложены причины, вызвавшие его появление и расширившие его до нынешних размеров].

ГЛАВА I.

ЕВРЕИ.

Проституция в обществе.- Проститутки в восемнадцатом веке до нашей эры.- Тамар и Иудея.- Законодательство Моисея.- Сирийские женщины.- Обряды Молоха.- Роши.- Социальное положение еврейских блудниц.- Описание Соломона.- Евреи Вавилона.

Самое раннее знакомство с человеческой расой свидетельствует о существовании некоего подобия общества. Оно также свидетельствует о существовании брачных уз, варьирующихся по степени строгости и побочных эффектов в зависимости от климата, нравов, религии или случайности, но везде по существу подрывающих систему беспорядочных половых связей. Ни один народ, как полагают достоверные путешественники, не имел, по достаточным свидетельствам, общих женщин. Тем не менее в каждую эпоху, по-видимому, находились мужчины, которые не пользовались брачным заветом или не могли быть связаны его условиями, и их аппетиты создавали спрос на незаконные удовольствия, которые обеспечивала женская слабость. Можно предположить, что это и есть истинное происхождение проституции во всем мире, хотя в отдельных местностях к этой первой причине добавились женская скупость или страсть, религиозные суеверия или ошибочное чувство гостеприимства.

Соответственно, проституция существует вместе с обществом. О ней сохранились самые ранние мифологические записи. В библейской истории она постоянно фигурирует как существующий факт. Мы можем проследить ее от самых ранних сумерек, в которых зарождается история, до ясного дневного света сегодняшнего дня, без паузы или мгновения неясности.

Считается, что наши самые древние исторические записи - это Книги Моисея. Согласно им, следует признать, что проститутки были распространены среди евреев в восемнадцатом веке до нашей эры. Когда Фамарь, невестка Иуды, захотела нарушить жестокий еврейский обычай и родить детей, несмотря на свое вдовство, она "сняла с себя одежду вдовы своей, и покрыла ее покрывалом, и закуталась, и села на открытом месте..... Иуда, увидев ее, подумал, что она блудница, потому что она закрыла лицо свое"[7]. Таким образом, рассказ Бытия показывает, что проститутки с закрытыми лицами, должно быть, были обычным явлением в то время. Оно тем более ценно, что в нем приводятся подробности сделки. Чтобы сохранить свою маскировку, Фамарь требует в качестве вознаграждения ребенка. Иуда соглашается и оставляет свою "печатку, и браслеты, и посох" в залог за ребенка. По всей видимости, торговать с проституткой не считалось бесчестным, так как Иуда посылает своего друга Адулламитянина, человека солидного, доставить ребенка; но обмануть несчастную женщину в ее незаконно полученном выигрыше, должно быть, считалось позорным, так как, узнав, что она исчезла, Иуда выражает тревогу, "чтобы нас не опозорили" за то, что мы не заплатили оговоренную цену. В качестве иллюстрации связи между проституцией и чистой домашней моралью можно также отметить, что когда Иуда узнал, что его невестка беременна, он тут же приказал сжечь ее за то, что она "играла в блудницу".

Спустя четыре столетия после этого Моисею выпало на долю принять закон о нравственности евреев, несомненно, сильно испорченной пребыванием в Египте. Его приказ формален и категоричен: "Не распутничай с дочерью твоей, чтобы земля не впала в блудодеяние..... Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых"[8] Он столь же решительно осудил худшие обычаи, к которым, судя по всему, евреи были сильно пристрастны.[9] Он налагал наказания за всякого рода нечистоту и блуд; но, похоже, он скорее подтвердил, чем отменил обычное право еврейского отца продавать свою дочь в наложницы. [10] С практической целью улучшить физическое состояние расы Моисей с помощью тщательно продуманных законов предохранял ее от неправильных и порочных союзов. Прелюбодеяние и изнасилование карались смертью. Невеста была обязана под страхом смерти через побивание камнями доказать не только мужу, но и всему племени, что она была целомудренной до дня своего брака.[11] Был указан длинный список родственников, среди которых запрещалось вступать в брак. Кроме того, Моисей с заметным усердием старался остановить распространение болезней среди обоих полов. Были ли болезни, упомянутые в книге Левит[12], сифилитическими по своей природе, сказать трудно. Современная медицинская наука признает, что в жарком климате несоблюдение чистоты и частые любовные утехи порождают явления, схожие с "проблемой", столь часто упоминаемой Моисеем. Как бы то ни было, несомненно, что и евреи, и еврейки были подвержены болезням, внешне похожим на обычную гонорею; что эти болезни были заразными; и что Моисей, повторяя свои предписания, запрещал все сексуальные контакты и почти все связи с больными. Он так искренне желал искоренить это зло в народе, что распространил свой запрет на женщин в период менструации.

Сделав для евреев так много, Моисей, похоже, стал попустительствовать связям их молодых людей с иностранными проститутками. Он сам взял эфиопскую наложницу. Сирийские женщины, моавитянки, мadianитянки и другие соседи евреев - многие из них, как видно, были молоды и прекрасны, но имели развратные и порочные принципы - стали проститутками в земле Израиля. В течение многих лет, вплоть до времен Соломона, они были исключены из Иерусалима и крупных городов. В поисках убежища они уходили на большие дороги и жили в шатрах и палатках, где совмещали ремесло торговца с призванием блудницы. В отличие от Фамари, они не закрывали лицо. Расположившись в шатре, надевая на себя больше одежды, чем предполагала жара, эти распутные девицы вызывали

умиление пассажиров, которые останавливались, чтобы освежиться или пополнить гардероб в их киоске. Пока их действия не нарушали законов природы, благоразумный законодатель проводил терпимую политику. Однако вскоре отвратительные обряды в честь Молоха, Ваала или Белфегора были официально установлены "странными женщинами" и их мужскими сообщниками. Молох, чьи отвратительные поборы мы находим в Финикии, а также в Карфагене, требовал мужского поклонения. В животе статуи бога находилась печь, в которой разжигался яростный огонь, питаемый жертвами животных; вокруг нее жрецы и их прозелиты танцевали под звуки музыки, пели дикие песни и развращали себя практиками отвратительного и противоестественного характера. Не менее отвратительным было и поклонение Ваалу. У него тоже были свои статуи, выполненные в формах, рассчитанных на возбуждение животных страстей, и окруженные прохладными рощами, в которых занимались самой бесстыдной проституцией все, кто хотел принести жертву на алтари идола. Из нескольких отрывков Библии даже следует, что участниками этих злодеяний не всегда были люди. Гнев Моисея и его преемников был вызван подобными бесчинствами как по гигиеническим, так и по моральным и религиозным соображениям. Участие в обрядах Молоха каралось смертью.^[14] Внук Аарона без колебаний совершил двойное убийство в знак Божественного отвращения к дочерям Мадиама; а сам Моисей, предупрежденный страшным развитием болезни среди мужчин-иудеев, ударил по ее корням, истребив всех женщин-мадианитянок среди пленников, кроме девственниц.

Одно из прямых указаний запрещало устраивать рощи возле иудейских храмов, очевидно, из-за того, что такие тенистые убежища были удобны для проституток. Однако в различных случаях в истории Израиля мы находим рассказы о разрушении таких рощ и статуй богов, в честь которых осквернялась человеческая природа.^[15] Соломон, чья мудрость была необычайно смешана с чувственностью, не только подал пример неумеренной похоти, содержа, как говорят, семьсот жен и триста наложниц, но и отменил мудрые ограничения своих предшественников в отношении проституток, позволив им осуществлять свое призвание в пределах города Иерусалима. Они размножались так быстро, что пророки говорят о них, бродящих по всем холмам и занимающихся проституцией под каждым деревом, а позднее они даже вторглись в Храм и установили свои отвратительные обряды в его дворах. Это благородное сооружение во времена Маккавеев превратилось в простой бордель *plenum scortantium cum meretricibus*^[16].

Однако, несмотря на суровые постановления иудейских законодателей, очевидно, что проститутки были признанным классом, не находящимся под безнадежным запретом. Иефти, сын проститутки, стал не меньшим вождем Израиля; некоторые комментаторы утверждают, что отступление, на которое он обрек свою дочь, было просто призванием ее бабушки. Соглядатаи Иисуса Навина открыто спали в доме блудницы Рахав, чья услуга Израилю была верно вознаграждена амнистией, предоставленной ее семье, и почетной резиденцией, выделенной ей в Иудее. Самсон выбрал дом блудницы для своей резиденции в Газе; его роковое знакомство с другой блудницей, Делилой, является главной чертой его истории. Даже Соломон не отказался выслушать перепалки пары блудниц и вынести решение по их делу. На самом деле проституция была узаконена в Иудее очень рано и никогда не теряла своих позиций. О том, как она осуществлялась, можно составить представление по очень яркой картине в Притчах:^[17]

"Ибо у окна дома моего,
я смотрел сквозь створки мои,
и увидел среди простых,
И увидел я среди юношей,

юношу, лишенного разума,
проходящего по улицам близ угла ее (странной женщины);
И пошел он по дороге к дому ее,
В сумерках, вечером,
В черной и темной ночи;
И вот, встретилась ему женщина
В одежде блудницы, с тонким сердцем.
Она громкая и упрямая;
Ноги ее не держатся в доме ее:
То она без дома, то на улице,
И подстерегает на каждом углу.
Тогда она схватила его и поцеловала,
И с дерзким лицом сказала ему,
У меня с собой мирные жертвы;
Сегодня я заплатила обеты мои.
Поэтому я вышла навстречу тебе,
усердно искал лица Твоего,
И нашел тебя.
Я устлал ложе мое гобеленовыми покрывалами,
резными изделиями, виссоном египетским.
Я умастил ложе мое миррой,
алоэ и корицей.
Пойдемте, напитаемся любовью до утра:
Утешимся любовью. * * *
Своими прекрасными речами она заставила его уступить,
Льстивыми устами она его принудила.
Он сразу же пошел за ней,
Как вол на заклятие,
Или как дурак на исправление в колодки".

В том, что проституцией продолжали заниматься открыто и повсеместно вплоть до гибели древнееврейского народа, язык библейских пророков не позволяет нам сомневаться. Можно сомневаться, что в какой-либо другой стране она принимала более отвратительные публичные формы. Вавилонское завоевание, должно быть, изменило роли, не изменив представления. В Вавилоне иудейские девы, чьи большие выразительные глаза, сладострастный рот, стройная и изящная фигура с хорошо развитым бюстом и конечностями часто становились темой древних поэтов, населяли дома проституции и удовлетворяли похоть знати. Даже после возвращения в Иерусалим это зло не было искоренено. Именно проститутке Христос произнес памятную фразу: "Прощаются грехи ее, потому что она много любила".

ГЛАВА II.

ЕГИПЕТ, СИРИЯ И МАЛАЯ АЗИЯ.

Египетские куртизанки.- Праздник Бубастис.- Морали в Египте.- Религиозная проституция в Халдее.- Вавилонские банкеты.- Принудительная проституция в Финикии.- Персидские банкеты.

Прежде чем перейти к теме проституции в Греции, не лишним будет взглянуть на Египет и те народы Азии, которые, похоже, опередили Грецию в развитии цивилизации.

Египет славился своими куртизанками еще до времен Геродота. В египтянах течет горячая кровь, девушки становятся юными в десять лет. При фараонах, если верить древним писателям, существовала общая распущенность моральных принципов, особенно среди молодых женщин.^[18] Их религия была слишком навязчивой. Божества Исида и Осирис были типами полов. Статую последнего, мужское изображение, сделанное из золота, несли девы на праздниках, и ей поклонялся весь народ. Более скромными были и обряды Исиды. "На празднике в Бубастисе, - рассказывает Геродот, - мужчины и женщины отправляются в лодках по Нилу, и когда лодки приближаются к городу, они подплывают близко к берегу. Затем начинается неистовое состязание между женщинами города и женщинами в лодках, каждая из которых оскорбляет другую самыми непристойными словами, а женщины в лодках завершают представление развратными танцами, в самой неприкрытой манере, на глазах у народа и под звуки флейт и других музыкальных инструментов"^[19] Нет причин сомневаться, что храмы, как и храмы Ваала, были домами проституции в широком масштабе. Геродот многозначительно замечает, что закон в Египте запрещал сексуальные отношения в стенах храма и требовал от обоих полов, чтобы после полового акта следовало омовение перед входом в храм^[20].

Там, где благочестие требовало таких жертв, неудивительно, что общественные нравы были распущенными. Для египтянина не считалось постыдным зарабатывать на жизнь, нанимая свою дочь, и упоминается царь, который прибег к этому плану, чтобы обнаружить вора. Аппетит мужчин был настолько поразительным, что молодых и красивых женщин не отдавали бальзамировщику, пока они не умирали несколько дней, а один несчастный был уличен в осквернении недавно умершей девственницы!^[21] Конечно, в таком обществе не было ничего постыдного в том, чтобы быть проституткой. Своим богатством и славой город Наукратис был обязан красоте своих куртизанок, чья слава распространилась по всей Европе и была широко известна в Греции. Радопис, фракийка по происхождению, вела жизнь проститутки в Египте с таким успехом, что не только выкупила свою свободу у работорговца, который привел ее туда для спекуляции, но и, если верить египтянам, построила на свои сбережения пирамиду. Большая часть ее истории, несомненно, мифическая, но сохранилось достаточно фактов, чтобы утверждать, что она была хоть и проституткой, но богатым и высокопоставленным человеком.

В Халдее религия тоже сначала попустительствовала, а затем предписывала проституцию. Каждая вавилонянка по закону была обязана раз в жизни проституировать в храме халдейской Венеры, которую звали Милитта. ^{22]} Геродот, по-видимому, видел парк и площадки, где совершалось это необычное жертвоприношение. Они были постоянно заполнены женщинами с веревками, обвязанными вокруг их волос. Войдя в это место, ни одна женщина не могла покинуть его, пока не заплатит свой долг и не положит на алтарь богини плату, полученную от своего любовника. Некоторые, кто был прост, оставались там до трех лет; но, поскольку территория всегда была заполнена толпами сладострастников, ищущих удовольствий, молодым, красивым и высокородным редко приходилось оставаться там дольше нескольких минут. Об этом странном обычае упоминает пророк Варух, который представляет одну из женщин, упрекающую свою соседку в том, что она не была сочтена достойной того, чтобы ее пояс из шнура был разорван каким-либо мужчиной^[23]. Подобные

заявления делают Страбон и другие древние авторы. Во времена Александра Македонского деморализация достигла апогея. Вавилонские банкеты стали сценой неслыханных позоров. Когда начиналась трапеза, женщины сидели достаточно скромно в присутствии своих отцов и мужей, но, когда вино расходилось, они теряли всякую сдержанность, сбрасывали с себя одно одеяние за другим и разыгрывали сцены вопиющей нескромности. И это были дамы из лучших семейств[24].

Халдейская Милитта стала Астартой в Финикии, в Карфагене и в Сирии. Не изменилось ничего, кроме имени; сладострастные обряды были идентичны. Однако, помимо принудительной проституции в храмах, финикийцы и большинство их колоний в течение многих лет придерживались практики, согласно которой их девы должны были одаривать своими благосклонностями любых чужеземцев, посещавших страну. Коммерческий интерес, несомненно, сыграл определенную роль в распространении столь скандального обычая. На высоких берегах Финикии, как и в Карфагене и на острове Кипр, путешественник, проплывающий мимо на своей лодке, мог видеть прекрасных девушек, одетых в легкие одежды, протягивающих ему приглашающие руки.

Изначально сумма, которую платил любовник, приносилась в дар богине, но впоследствии девушки оставляли ее себе, и это повышало их ценность на брачном рынке. В некоторых местах девушка получала свободу, если решала отдать свои волосы богине, но Лукиан отмечает, что такое случалось крайне редко.

Очень похожи были обычаи лидийцев и их преемников в империи, ранних персов. Их Венера носила имя Митра, в честь нее устраивались праздники, на которых человеческая природа ужасно возмущалась. Отцы и дочери, сыновья и матери, мужья и жены сидели вместе за столом, сладострастные танцы и музыка распяляли их чувства, а когда вино делало свое дело, начиналась беспорядочная чувственная борьба, которая продолжалась всю ночь. Подробности подобных сцен следует оставить для других работ, завуалировав их под заученный язык[25].

ГЛАВА III.

ГРЕЦИЯ.

Мифология.- Солонское законодательство.- Диктерии.- Писистратиды.- Ликург и Спарта.- Законы о проституции.- Случай с Фриной.- Классы проституток.- Порникон Телос.- Платье.- Прически проституток.- Диктериады в Афинах.- Образ жизни и манеры.- Появление диктериады.- Законы, регулирующие диктериаду.- Школы проституции.- Свободные проститутки.- Старые проститутки.- Аулетриды, или флейтисты.- Происхождение.- Как нанимаются.- Перфомансы.- Анекдот об аркадийцах.- Цены на флейтистов.- Фестиваль Венеры Перибоа.- Венера Каллипига.- Лесбийская любовь.- Ламия.- Гетеры.- Социальное положение.- Венера и ее храмы.- Очарования Гетеры.- Таргелия.- Аспазия.- Гиппархия.- Бакхис.- Гуафина и Гуатиона.- Лаис.- Фрина.- Пифионика.- Глицера.- Леонтия.- Другие Гетеры.- Биографы проституток.- Филтрес.

Греческая мифология предполагает явно расслабленное состояние общественной морали. Однако нельзя с уверенностью сказать, какой период истории нации она отражает. Неразумно предполагать, что гомеровские поэмы были написаны для нескромной публики, и, возможно, было бы справедливее возложить вину за мифологические непристойности на эпоху, которая их отшлифовала и усовершенствовала, а не на ту, которая имеет право на их зарождение в грубой форме.

Первые достоверные сведения о нравах греческих женщин, если отбросить на время законодательство, приписываемое Ликургу, содержатся в постановлениях Солона. Предполагается, что Драко назначил смертную казнь за изнасилование, соблазнение и прелюбодеяние без разбора. Существует предположение, что предохранительным клапаном, использовавшимся в то время, когда обычная проституция была неизвестна, была система религиозной проституции в храмах, заимствованная и аналогичная уже описанному плану. Однако это всего лишь предположение. Солон, смягчив суровость драконовского кодекса, законом официально учредил в Афинах дома проституции и заполнил их женщинами-рабынями. Они назывались *диктериями*, а женщины-арендаторы - *диктериадами*. Купленные на государственные деньги и обязанные по закону удовлетворять запросы всех, кто их посещал, они фактически были государственными служащими, а их жалкие доходы были законным источником дохода государства. Проституция стала государственной монополией и настолько прибыльной, что еще при жизни Солона из средств, поступающих из этого источника, был построен великолепный храм, посвященный куртизанке Венере. Плата, однако, судя по всему, была невелика.^[26] Во времена Солона диктериады держались в стороне от афинских женщин с хорошей репутацией. Им не разрешалось участвовать в религиозных церемониях и входить в храмы. Когда они появлялись на улицах, их обязывали носить особый костюм как знак позора. Они лишались тех прав гражданства, которыми могли обладать в силу своего рождения. Сводник или сводница, способствовавшие введению в диктерион свободнорожденной афинянки, наказывались смертью. Закон не ограничивался клеймением позором только проституток и их пособников. Их дети становились бастардами, то есть они не могли наследовать имущество, не могли общаться с другими юношами, не могли получить право гражданства, не совершив какого-либо выдающегося акта храбрости, не могли выступать перед народом в общественных собраниях. Наконец, чтобы довершить свое бесчестье, они освобождались от священной обязанности содержать своих родителей в старости^[27].

Эти постановления, за которые Солон удостоился похвалы афинских философов^[28], недолго оставались в силе. Традиция приписывает распутству Писистратидов смягчение законов, касающихся проституток. Считалось, что сыновья Писистрата не только предоставили диктериадам свободу в городе, но и отвели им места на банкетах рядом с самыми уважаемыми матронами, а в определенные дни каждого года отправляли их в прекрасные сады отца и давали им волю всей распущенности афинской молодежи.^[29] Закон против проституток был изменен: штраф заменили на смерть. "В то же время, - говорится в скандальной греческой хронике, - смертная казнь за прелюбодеяние была заменена на бичевание".

И все же, несмотря на этот спад, Афины, похоже, были более нравственными, чем их соседи, Коринф и Спарта. Первый, самый процветающий морской порт Греции, был заполнен проститутками очень низкого класса. Никакие законы не регулировали эту тему. Любая женщина по своему желанию могла открыть дом для размещения путешественников и моряков, и хотя Коринф был еще далек той пресловутой славы, которую он приобрел впоследствии благодаря своим проституткам, несомненно, они составляли ужасающую

пропорцию совокупного населения порта. В Спарте дело обстояло иначе. В системе законодательства, носящей имя Ликурга, личность приносилась в жертву государству, женщина - мужчине. Женщины получали образование только для того, чтобы рожать крепких детей. Девственницам разрешалось публично бороться с мужчинами. Девушки одевались в распахнутые на юбках одежды, которые лишь частично скрывали лицо при ходьбе, отчего спартанские женщины получили нелицеприятное название.[30] Спартанский муж имел право отдать свою жену любому красивому мужчине с целью рождения детей. То, что эти законы, искусно придуманные призывы к чувственным аппетитам и постоянное зрелище обнаженных прелестей должны были привести к всеобщему распутству среди женского пола, совершенно очевидно. Аристотель утверждает, что спартанские женщины открыто совершали самые грубые акты разврата. 31] Отсюда можно сделать вывод, что проститутки по профессии в Спарте были не нужны, по крайней мере, до позднего периода ее истории.

После персидских войн тема афинской проституции раскрывается в более ясном свете. Как реакция на распущенность эпохи Писистратидов, солунские законы были подтверждены и ужесточены. Из некоторых неясных отрывков греческих авторов можно сделать вывод, что куртизанки образовывали несколько корпораций, каждая из которых отвечала за действия всех своих членов. Они подвергались досадным судебным преследованиям за такие деяния, как подстрекательство к преступлениям, губительство безрассудной молодежи, разжигание государственной измены или совершение нечестивых поступков. Против таких обвинений редко удавалось найти надежную защиту. Если обвинитель давал положительный ответ, Ареопаг, печально известный своим предубеждением против куртизанок, безоговорочно приговаривал виновницу к смерти или налагал на ее корпорацию крупный штраф. Таким образом, пишет один старый автор, государство часто ухитрялось вернуть этим женщинам деньги, которые они получали от своих любовников. До знаменитого случая с Фриной они находились в полной зависимости от своих распутных партнеров. Мужчине достаточно было пригрозить обвинением в нечестивости или чем-то подобным, чтобы получить расписку в полном объеме. Фриния, так долго любимая афинянами, была обвинена в различных неясных преступлениях обычным доносчиком по имени Эвтиас. Ее друг Вакхид, к счастью, уговорил оратора Гиперида взяться за ее дело, и тот смягчил судей, показав ее дивную красоту в момент страсти. "Отныне, - говорит гетера Вакхида Миррине, - наша прибыль обеспечена законом"[32].

В это время, то есть на пике афинского процветания, в Афинах существовало четыре класса женщин, которые вели беспутную жизнь. Самыми высокими по рангу и репутации были *хетайры*, или содержанки, которые жили в лучшей части города и оказывали немалое влияние на нравы и даже политику государства. Далее следовали *Аулетриды*, или флейтисты, которые также были танцовщицами. Обычно это были иностранцы, имевшие некоторое сходство с оперными танцовщицами прошлого века, и они совмещали самый откровенный разврат со своим особым призванием. Самым низким классом проституток были уже упомянутые *диктериады*. Изначально они были обязаны жить в Пирее, морском порту Афин, примерно в четырех милях от города, и им запрещалось выходить на улицу днем или оскорблять взоры публики открытым непристойным поведением. И наконец, *наложницы* - рабыни, принадлежавшие богатым мужчинам с ведома и согласия их жен, которые в равной степени служили страстям своего господина и капризам своей госпожи. Все они платили государству налог, называемый *Порникон Телос*, который переходил в руки спекулянтов, взимавших его с пресловутой жестокостью с несчастных женщин. Во времена Перикла доходы из этого источника были велики.

Все классы также носили одежду разных цветов. Изначально закон определял "цветистые одежды" как наряд куртизанок, но это привело к трудностям, и дальнейшее постановление запретило проституткам носить драгоценные вещи, такие как алый или пурпурный, или драгоценные камни. Отныне обычай, который, судя по всему, был распространен во всех греческих городах и колониях, предписывал носить дешевые халаты с вышитыми или нарисованными на них цветами или полосами разных цветов. К ним часть женщин добавляла гирлянды из роз. В некоторых городах куртизанкам разрешалось носить легкие прозрачные одежды, но в Спарте, как можно предположить, действовало обратное правило: полуобнаженность была отличительной чертой добродетельных женщин[33].

Пожалуй, самым необычным из признаков, по которым узнавали греческую куртизанку, были ее волосы. Говорят, что ни один закон не предписывал эту привычку; если это так, то, должно быть, это был своего рода *esprit de corps*, который заставлял всех куртизанок красить волосы в льняной или светлый цвет. Упоминания об этом обычае встречаются в легкой литературе Греции. Часто вместо крашенных локонов надевали льняной парик. В очень поздний период истории Греции скромные женщины следовали моде на золотые волосы. Это один из предметов порицания, с которым обращались к женщинам Греции раннехристианские проповедники[34].

ДИКТЕРИАДЫ, ИЛИ ОБЫЧНЫЕ АФИНСКИЕ ПРОСТИТУТКИ.

Этот класс более чем какой-либо другой приближается к проституткам наших дней, с той лишь разницей, что первые были обязаны по закону заниматься проституцией, когда это требовалось, при уплате установленной суммы, и что им не разрешалось покидать пределы государства. Их дом, как уже упоминалось, находился в порту Пирей. Их обычным пристанищем была открытая площадь перед цитаделью. Она была окружена киосками, где днем велась мелкая торговля или азартные игры. С наступлением ночи на площадь стекались проститутки. Некоторые из них вели себя шумно и непристойно, другие - тихо и с напускной скромностью. Когда мимо проходил мужчина, направлявшийся из порта в город, отряд нападал на него. Если он сопротивлялся, его осыпали грубыми оскорблениями. Если же он уступал, рядом находился храм куртизанки Венеры и стена Фемистокла, под дружеским кровом которых можно было заключить сделку. Если покупатель был доволен, то недалеко находился большой диктерион, а еще ближе - десяток или более мелких конкурентов, о чем свидетельствовал известный знак.

Диктерии находились под контролем муниципальной полиции. Днем и ночью дверь была открыта, яркая занавеска защищала заключенных от глаз прохожих, а в заведениях лучше дозорным служил свирепый пес, прикованный в вестибюле. У занавеса сидела старуха, часто фессалийка и притворная ведьма, которая принимала деньги, прежде чем впустить посетителей. Первоначально плата составляла обол[35] - около трех центов; но эта попытка регулировать стоимость изменчивого товара была вскоре оставлена. Ночью внутри постоянно слышались звуки музыки, веселья и танцев. Посетителя не держали в напряжении. Занавес опускался, и он оказывался на виду у диктериад, стоящих, сидящих или лежащих в комнате; некоторые занимались приглаживанием своих белокурых волос, некоторые беседовали, некоторые умащивали себя парфюмерией. Юридический принцип в отношении диктериад, по-видимому, заключался в том, что они не должны ничего скрывать; несомненно, в отличие от нерегулярных проституток, о которых будет сказано ниже. Однако не существовало правила, запрещающего носить одежду в диктерионе, но обычная практика, по-видимому, состояла в том, чтобы обходиться без нее или носить легкий шарф,

наброшенный на лицо. Этот обычай соблюдался как днем, так и ночью, и один посетитель описал девушек в большом диктерионе, стоящих в ряд среди бела дня без каких-либо одеяний или покрывал[36].

Похоже, что в более поздние времена любой спекулянт имел право открыть диктерион, заплатив налог государству. Афинянин лишался при этом права гражданства; но, поскольку популярное заведение было очень прибыльным, скупердья часто вступали в дело под чужим именем. Комические писатели жестоко бичевали этих несчастных. Регулярно выплачивая налог государству, *порнобосцейон*, или хозяин дома, получал определенные права. Диктерион был неприкосновенным убежищем, в его стенах муж не мог преследовать жену, жена - мужа, а кредитор - должника. Общественные приличия требуют, говорит Демосфен, чтобы мужчины не выставлялись в домах проституции. 37] Однако посещение таких мест не считалось совсем уж постыдным.

При этих диктериях, по-видимому, существовали школы проституции, где молодых женщин посвящали в самые отвратительные практики женщины, которые сами приобрели их таким же образом. Алексей энергично описывает мошенничество, которому обучают в этих местах,[38] а в выражении Афиней: "Ты будешь вполне удовлетворен тем, как ведут себя женщины в диктериях"[39] есть шокирующее значение.

Помимо этих постоянных диктериад, в Афинах, как и в каждом крупном городе, существовало множество женщин, которые занимались проституцией, не принадлежа ни к одному из признанных классов. Их иногда называли свободными диктериадами, иногда волчицами, а также дешевыми гетайрами. Некоторые из них были коренными афинянами, которых соблазнили и бросили, и которые, ведомые укорами совести и бездельем, продолжали свою карьеру, но все еще испытывали непобедимое отвращение к цветистому одеянию и желтым волосам обычной куртизанки. Они бродили по Пирею и даже по улицам Афин после наступления темноты, добывая жалкое пропитание самым тяжелым ремеслом и прячась в темных нишах старых домов или под сенью деревьев. Другие были старыми гетерами, чье очарование померкло, и они искали скудное пропитание там, где их не знали, и боялись встретить взгляд любовника там, где дружелюбный полумрак ночи не скроет разрушений времени. Другие были слугами в гостиницах и тавернах, от которых всегда ожидали, что они будут обслуживать капризы посетителей.

Все они вели самую жалкую жизнь. Время от времени мы слышим о том, как одна или две из них встречались с богатым и неопытным путешественником, после чего героиня подвига, естественно, возносилась в ранг гетайры; но в целом их клиентами были самые низкие из портовых людей - моряки, рыбаки, слуги на фермах. Их ценой были еда, рыба, горсть фруктов или бутылка вина. Одну бедняжку, которая не принадлежала ни к какому сословию, но приобрела некоторую известность благодаря тому, что ее содержал оратор Итатокл, называли Дидрахмой, потому что она предлагала свои услуги широкой публике за две драхмы, около тридцати пяти центов[40].

Пожалуй, самым любопытным фактом в отношении этих проституток является необычное преобладание среди них старух. Похоже, что для куртизанок этого рода было неизменным правилом красить лицо густой мазью, и говорят даже, что великие художники Греции не гнушались украшать свои часы досуга, совершенствуя таким образом природу[41]. Пожилая проститутка в таком одеянии становилась у открытого окна с веточкой мирта в руке, которой она манила людей на улице. Когда клиент был найден, служанка открывала дверь и молча проводила его в покои хозяйки. Прежде чем войти, он платил требуемую сумму и оказывался в комнате, освещенной лишь слабым светом, пробивающимся сквозь занавеску, которая

теперь висела над окном. В таком полумраке самую почтенную старушку нельзя было отличить от Венеры[42].

АУЛЕТРИДЫ, ИЛИ ФЛЕЙТИСТКИ.

Женщины-флейтистки были обычным сопровождением афинского пира. Флейту, на которой в наше время играют мужчины, в Греции редко можно было увидеть в мужских руках. Хотя басня приписывает ее изобретение богу Пану, а развитие - мифическому царю Мидасу, в очень ранний период она была монополизирована женщинами, которые утешали себя за ущерб, наносимый ее красоте, силой очарования, которую она придавала народу, отличавшемуся высокой музыкальностью. Игра на флейте вскоре стала неотъемлемым ритуалом в служении определенным божествам. Церере неизменно поклонялись под звуки флейты. И когда афиняне однажды попробовали эксперимент - послушать флейтистов после ужина, они уже никогда не ужинали в компании без них.

Фивы, по-видимому, были родным городом самых первых знаменитых флейтистов,[43] но вскоре превосходная красота азиатских девушек - ионийцев и фригийцев - вытеснила их фиванских соперниц с поля боя. Танцы сочетались с игрой на флейте, и в этом искусстве азиаты уступили пальму первенства всему миру. Во времена расцвета Греции в Афины ежегодно привозили множество красивых девушек из Милета и других ионических портов Малой Азии, так же как в более современные времена подобная торговля велась между Трапезундом и Константинополем.

Афинянин нанимал своих флейтистов, как современный европейский дворянин нанимает свой оркестр. Они брали столько-то за свои музыкальные выступления, оставляя за собой право принимать подарки в течение вечера. Некоторые из них были не только певцами, но и исполнителями. При каждом блюде исполнялся новый воздух, который становился все более нежным и выразительным по мере того, как вино циркулировало. Говорят, что звуки хорошего флейтового концерта приводили людей в такое состояние восторга, что они снимали кольца и драгоценные украшения, чтобы бросить их исполнителям: те, кто был свидетелем триумфального оперного суаре, легко поверят этому утверждению. Но успех ярмарочных артистов не полностью зависел от их музыки. Исполнительница танцевала во время игры, сопровождая каждую ноту гармоничным движением тела. Несомненно, эти танцы были в высшей степени безнравственны и развратны. Афиней рассказывает историю о том, как посольство из Аркадии ожидало царя Антигона и было приглашено на обед. После того как голод почтенных гостей был утолен, были введены фригийские флейтисты. Они были задрапированы в полупрозрачные вуали, уложенные с большим кокетством. По сигналу они начали играть и танцевать, балансируя поочередно на каждой ноге и постепенно увеличивая стремительность движений. По мере того как представление продолжалось, танцовщицы обнажали головы, затем бюсты, а в конце концов и вовсе отбрасывали вуали и представляли перед изумленными посольствами в одной лишь короткой тунике вокруг чресл. В таком виде они танцевали столь непристойно, что престарелые аркадяне, не сдержавшись, забыли, где находятся, и бросились на них. Царь смеялся, придворные были шокированы таким дурным воспитанием, но танцоры исполнили священный долг гостеприимства[44].

Флейтист, добившийся подобного успеха, мог заключить выгодную сделку на другие выступления. Мы находим упоминания о гонорарах в размере двух талантов (около 2500 долларов) и пятидесяти кусков золота,[45] хотя это, очевидно, были необычные платежи. Многие из самых модных флейтистов были рабами, привезенными в Грецию спекулянтами. Их обычно продавали с аукциона за обеденным столом, когда хозяин считал, что энтузиазм

гостей достиг наивысшей точки. В связи с этим странным обычаем рассказывают анекдот об одном из самых уважаемых имен в греческой философии. Он ужинал с компанией молодых людей, когда к нему подвели юную флейтистку. Она прокралась к ногам философа и, казалось, укрылась от оскорблений под сенью его почтенной бороды; но он, ученик Зенона, отверг ее и разразился нравоучениями. Раздосадованная оскорблением, девушка поднялась, играла и танцевала с неподражаемой грацией и благородством. По окончании представления хозяин выставил ее на аукцион, и одним из первых покупателей стал философ. Однако она досталась другому, и беловолосый мудрец настолько забыл о своих принципах, что вступил в ожесточенную схватку с победителем за обладание призом.^[46] Рукопашные схватки в таких случаях были обычным делом в лучшем афинском обществе, и флейтистка, вошедшая в моду, похвасталась тем, что устроила беспорядки.^[47] О том, какие состояния выпадали на долю успешных артистов, можно судить по роскошным подаркам, которые флейтисты преподносили дельфийскому оракулу, и по тому, что лучшие дома в Александрии были расписаны именами знаменитых греческих аулетрид^[48].

Как можно заключить из характера их танцев, аулетриды были способны на любую подлость. Постоянно дыша атмосферой разврата и привыкшие к ежедневному зрелищу наготы, они, естественно, достигали такой степени амурной экзальтации, о которой мы, современные, вряд ли можем составить представление. В честь Венеры Перибасии они устраивали заветный праздник, который первоначально учредил Кипсел из Коринфа. На эту церемонию собирались все великие флейтисты Греции, чтобы отметить свое призвание. Мужчинам обычно не разрешалось присутствовать - возможно, это правило было продиктовано скромностью, поскольку на празднике обновлялся суд Париса, а призы вручались за любое проявление красоты. Церемония часто упоминается как Каллипигианские игры; и зарисовка сцены, произошедшей на одном из таких собраний, содержащаяся в письме знаменитого флейтиста, оправдывает это название. Банкет длился с темноты до рассвета, с винами, духами, изысканными яствами, песнями и музыкой. После него между двумя гостями разгорелся спор о том, насколько они красивы. Компания потребовала суда, и о выставке рассказывается долго и наглядно, но современные вкусы не позволяют нам пересказывать подробности^[49].

Знание этих скандальных сцен, можно кратко заметить, было бы хуже, чем бесполезным, если бы не то, что они иллюстрируют жизнь греческих куртизанок; и, будучи исполненными под санкцией религии и закона, они бросают немалый свет на реальный характер греческого общества. Их ценность можно лучше всего понять, попытавшись представить себе, какой эффект произвело бы ежегодное проведение подобных сцен в каком-нибудь общественном здании в наших крупных городах под эгидой полиции, с одобрения духовенства и при полном осведомлении лучшего женского общества.

Высказывалось предположение, что эти фестивали были порождены или стали причиной тех огромных отклонений греческого женского ума, которые древние называли лесбийской любовью. Несомненно, есть серьезные основания полагать, что это так. Действительно, Лукиан утверждает, что, в то время как скупость побуждала к обычным удовольствиям, вкус и чувство склоняли флейтистов к их собственному полу. Не стоит распространяться на столь отвратительную тему.

Многие флейтисты, похоже, были подвержены длительным привязанностям. В сохранившихся эротических произведениях греков упоминается несколько имен успешных флейтистов, чьи доходы были поглощены требовательными любовниками. Не похоже, чтобы они часто или вообще когда-либо женились. Самой известной из всех флейтисток была Ламия, которая, пробыв в Александрии и у царя Птолемея в течение пятнадцати или

двадцати лет, была взята Деметрием Македонским вместе с городом и возведена в ранг его любовницы. В это время ей было сорок лет, но ее мастерство было таково, что она деспотично управляла своим беспутным любовником и оставила памятное имя в греческой истории. Древние утверждали, что своим именем Ламия, что означает нечто вроде вампира или кровопийцы, она была обязана самым отвратительным развратным действиям. Ее власть была настолько велика, что, когда Деметрий обложил город Афины налогом в размере около 250 000 долларов, он отдал всю сумму ей, чтобы, по его словам, купить ее мыло. Афиняне в отместку говорили, что Ламия, должно быть, очень грязная, раз ей нужно так много мыла, чтобы вымыть ее. Но вскоре они сочли за благо построить в ее честь храм и обожествить ее под именем Венеры Ламии[50].

ГЕТАЙРЫ, ИЛИ СОДЕРЖАНКИ.

Гетеры были, безусловно, самым важным классом женщин в Греции. Они занимали такое большое место в обществе, что добродетельные женщины были полностью отброшены в тень, и, должно быть, целомудренная афинская девушка, наделенная честолубием, могла заглядываться на них и жаждать их великолепной славы. Афинская матрона должна была жить дома. Ей не разрешалось присутствовать на играх и в театрах; появляясь на людях, она была обязана прикрываться вуалью и без промедления спешить туда, куда направлялась; она не получала образования и не могла разделять возвышенные мысли или идеи своего мужа; она не имела права требовать от него какой-либо теплоты привязанности, хотя он полностью владел ею[51].

Чтобы судить о том, в какое положение эта социальная система поставила женский пол, необходимо взглянуть на мифологию или, правильнее сказать, на религиозную веру греческого народа. Существует предположение, что они заимствовали свое представление о Венере с Востока. Как бы то ни было, Венера, несомненно, была одной из самых ранних богинь, которым они отдавали дань уважения. Солон воздвиг напротив своего диктериона храм Венеры Пандемос, или публичной Венеры. В этом храме стояли две статуи: одна - богини, другая - нимфы Пифо, которая руководила убеждением; позы и исполнение статуй были таковы, что объясняли характер без надписей. В этом храме четвертого числа каждого месяца устраивался праздник, на который приглашались все афинские мужчины. Но Венера Пандемос вскоре уступила место новым и более откровенным соперницам. В разных городах Греции было воздвигнуто двадцать храмов Венере-куртизанке. У одного автора мы находим упоминание о Венере Мухее, или Венере домов дурной славы. Другой прославляет Венеру Кастнию, или богиню непристойности. Другие почитают Венеру Скотию, покровительницу тьмы, и Венеру Дерсето, божество-покровительницу уличных гуляк. Еще более знаменита была Венера Диварикатрикс, чья фамилия, произошедшая, по словам одного из отцов Церкви, от *divaricatis cruribus*, [52] должна быть оставлена в ученом языке. Еще более известной была Венера Каллипига, чья статуя и по сей день является одним из главных украшений одной из лучших европейских коллекций древностей. Своим очарованием она обязана изумительной красоте конечностей и, как считается, была сконструирована из двух сиракузских сестер, чья необыкновенная симметрия в этом отношении была замечена одним из соотечественников, который застал их врасплох во время купания. У всех этих Венер были храмы, жертвоприношения и жрицы. Их поклонение, естественно, соответствовало их названию и истории. Их почитателями были все жители Греции. И все же именно в этом обществе, приученном к таким зрелищам и воспитанном в таком вероисповедании, матроны и девы учились вести жизнь чистоты, уединения и самопожертвования.

Последствия были очевидны. В то время как невежество и насильственное сдерживание не позволяли женщинам вырваться на свободу, мужчины все больше и больше пристращались к обществу гетер и все чаще рассматривали своих жен как просто предметы мебели. Не обошлось без аномалии и в отношении содержанок. Только они видели пьесы Александра и Аристофана, только они *входили* в мастерские Фидия и Апеллеса, только они слушали рассуждения Сократа и обсуждали политику с Периклом, только они участвовали в интеллектуальном движении Греции. Никто, кроме гетеры, не ездил по улицам с непокрытым лицом и в роскошных нарядах. Никто, кроме них, не смешивался с собраниями великих людей в Пниксе или Стоа. Никто, кроме них, не мог собрать вокруг себя в вечернее время самые лучшие духи дня и вызвать в свободе необузданного общения остроумие и мудрость, вспышку фантазии и жгучее красноречие. Неудивительно, что "Хетайры" занимали столь видное место в греческом обществе! И как мала компенсация для добродетельных женщин знать, что их соперницы не могли стоять у алтаря во время жертвоприношения, не могли родить гражданина!

Помимо этого, существует множество причин, по которым состязание было неравным. Традиция сообщает о нескольких случаях, когда гетеры оказывали государству значительные услуги. Например, Лина, любовница Гармония, скорее откусила себе язык, чем раскрыла имена своих соратников по заговору. Подобные воспоминания более чем сводили на нет номинальное клеймо закона. Кроме того, каждый мудрый законодатель видел необходимость поощрять любую форму рационального общения, чтобы остановить поразительный прогресс, которого добивалась в Греции самая унижительная из мерзостей. Когда за Алкивиадом открыто ухаживали первые философы и государственные деятели, добродетелью было аплодировать Аспазии. Кроме того, нельзя сомневаться, учитывая имеющиеся у нас греческие мемуары, что многие из ведущих гетер были женщинами выдающегося ума, а также необыкновенной привлекательности. Действительно, главной чертой их истории является их интеллектуальность, в отличие от других классов беспутных женщин древности.^[53] Эту черту можно лучше всего проиллюстрировать, обратившись к жизни нескольких наиболее известных гетер.

Милезийская проститутка по имени Таргелия сопровождала Ксеркса во время его вторжения в Грецию. О том, какое положение в обществе занимали проститутки, можно судить по тому, что Ксеркс нанял эту женщину в качестве переговорщика с фессалийским двором, подобно тому как в более поздние времена современные министры использовали герцогинь. Фаргелия вышла замуж за фессалийского царя.

Окрыленная успехом, другая милезианка по имени Аспазия обосновалась в Афинах. Она основала дом проституции и наполнила его самыми прекрасными девушками ионических городов. Но от своих соперниц и предшественниц она отличалась тем, что в своем заведении уделяла большое внимание интеллекту. Она публично, среди своих девушек и их посетителей, читала лекции по риторике и философии, причем с таким успехом, что среди ее покровителей и любовников были первые люди Греции, в том числе Сократ, Алкивиад и Перикл. Последний развелся со своей женой, чтобы жениться на ней, и был обвинен в том, что позволил ей управлять Афинами, находившимися тогда на пике своего могущества и процветания. Говорят, что она подстрекала к войне против Самоса; а главной причиной войны против Мегары, как полагают, стало изнасилование гражданами Мегары двух девушек Аспасии. Какой удивительный свет бросают эти факты на греческое общество!

Разгневанные ее успехом, добродетельные женщины Афин восстали против нее. Ее публично оскорбляли в театре, нападали на улице, а в крайнем случае обвиняли в нечестии перед Ареопагом. Перикл, находившийся тогда в упадке сил и не сумевший спасти своих друзей Фидия и Анаксагора, выступил в качестве ее защитника. Но в такой ситуации его красноречие подвело его. Он смог лишь схватить любимую жену в объятия, прижать ее к груди и разрыдаться в присутствии суда. Апелляция увенчалась успехом; возможно, судьи учли народные предрассудки; во всяком случае, Аспазию оправдали и вернули в общество. Она дожила до того времени, когда стала любимицей торговца мукой, под крышей которого ее лекции по философии продолжались с неизменным успехом до самой ее смерти[54].

Ее подруга и наследница ее мантии, Гиппархия, прожила не менее замечательную жизнь. Она была афинянкой по происхождению и из хорошей семьи, но, услышав речь киника Кратеса, заявила родителям, что ничто не удержит ее от того, чтобы отдаться ему. Она сдержала свое слово и стала любовницей философа, несмотря на его грязь, бедность и грубость. Сообщается, что она приобрела большую известность как практический преподаватель философии киников. Однажды, вступив в ожесточенную дискуссию с несколько жестоким философом из конкурирующей секты, последний, отвечая на заданный ею вопрос, жестоко обнажил ее лицо перед всем собранием. "Ну и что, - холодно сказала она, - что это доказывает?" Эта женщина была одним из самых объемных и уважаемых авторов своего времени[55].

Вакхида, любовница оратора Гиперида, иллюстрирует характер афинской содержанки с другой точки зрения. Она была чрезвычайно красива и одарена милым нравом. Один из ее первых поклонников подарил ей ожерелье огромной стоимости. Первые дамы Афин и даже иностранные знатные дамы тщетно желали заполучить эту драгоценную безделушку. Она была в зените своей славы и очарования, когда услышала мольбу оратора Гиперида. Сраженная наповал, она стала его любовницей и хранила ему верность, которая не была ни обычной для ее класса, ни взаимной для ее любовника. Однажды соперник объявил, что ценой за ее покладистость будет ожерелье Вакхиды. Любовник имел подлость попросить его, и Вакхида отдала его без единого слова. И снова: когда все Афины знали, что она - любовница Гиперида, к ней явился назойливый друг, чтобы сообщить, что ее возлюбленный в этот момент занимается любовью с другой женщиной. Вакхиды восприняли это сообщение спокойно. "Что ты намерена делать?" - поинтересовалась она у гостя. "Ждать его", - был кроткий ответ. Она умерла очень молодой, и ее возлюбленный частично искупил вину за свое плохое обращение, произнеся над ее останками великолепную ораторию. Лишь немногие отрывки в греческой литературе отмечены такой красноречивой нежностью и неподдельным чувством, как этот фрагмент Гиперида[56].

Гнафина и ее наследница и преемница Гнатииона прославились в свое время как остроумцы; биографию первой написал в стихах поэт Махон.[57] Она начала жизнь как любовница комического поэта Дифила, но вскоре оставила его, чтобы держать своего рода *стол* для остроумных и модных афинян. У ее стола собиралось "лучшее общество", а по окончании трапезы она продавала себя с аукциона. Афиней записал ряд ее остроумных и язвительных высказываний, добавив, что изящество ее речи придавало необыкновенное очарование каждому ее слову. Ее протеже, Гнатенион, вовремя повзрослел и принял мантию, которую возраст срывал с плеч Гнатены. Сохранился анекдот, который проливает свет на выгоду от призвания гетеры. В храме Венеры Гнатена и ее протеже встретили старого персидского сатрапа, богато одетого в пурпур, который был поражен красотой последней и потребовал ее цену. Гнафина ответила: тысяча драхм (около двухсот долларов). Сатрап возмущился таким вымогательством и предложил пятьсот, заметив, что еще вернется. "В твоём возрасте, -

злобно возразила Гнафина, - один раз - это слишком много", - и повернулась на пятках. Похоже, что в старости Гнафина опустилась до позорного призвания, которое греки называли *гиппопорносом*^[58].

Но славу этих гетер затмила слава двух единственных хранительниц, которые могут сравниться с Аспазией - Лаис и Фрины.

Лаис была сицилийкой по происхождению. Как и императрица Катарина, она попала в плен при захвате родного города и была продана в рабство. Художник Апеллес увидел, как она носит воду из колодца, и, пораженный красотой ее фигуры, купил ее и обучил в своем доме. Это, опять же, поразительная картина. Представьте себе, что ведущий художник современности сознательно обучает проститутку! Надо полагать, Апеллес собрал вокруг себя лучшее общество Греции. Лаис, когда ее образование было завершено, отличалась не только умом и информацией, но и великолепной фигурой и прекрасным лицом. Ее хозяин освободил ее и поселил в Коринфе, находившемся в то время на пике своего процветания и являвшемся крупнейшим торговым портом Греции.

Коринф и коринфские проститутки заслуживают особого внимания. Похоже, что почти каждый дом в этом месте был, по сути, домом проституции. Здесь существовали регулярные школы, где обучали искусству разврата, а частый ввоз девушек с Лесбоса, Финикии и Эгейских островов поставлял им учениц. Древние эротические писатели изобилуют упоминаниями об опасности посещения Коринфа; поговорка *Non cuivis homini contingit adire Corinthum*, которая, по ошибочному мнению большинства современных людей, относится только к Лаису, на самом деле была поговоркой, обоснованной опытом купцов и моряков. Однако было бы неверно сравнивать Коринф с современными морскими портами, где естественные потребности моряков требуют дешевого предложения женщин. Первоклассные гетеры в Коринфе брали за одну ночь компанию до таланта (около 1000 долларов), и 200 долларов, похоже, не были необычной платой. Для простых моряков коммерческая смекалка коринфян создала храм Венеры, в котором содержалась тысяча молодых рабынь, обязанных заниматься проституцией за один обол (цент)^[59].

Именно в этом центре проституции Лаис начала свою деятельность. Вскоре она заняла первое место в своем деле. Ее капризность придавала дополнительную ценность ее прелестям. Даже деньги не могли купить ее, когда она по своей прихоти не уступала. Она отказалась от 2000 долларов оратора Демосфена, который фактически превратил свое имущество в деньги, чтобы положить их к ее ногам; но она безвозмездно уступила грязному, оборванному цинику Диогену, а милостиво поделилась достоянием философа Аристиппа. Последнему, занимавшему немалое положение в греческом обществе, было сделано замечание, что ради его же блага ему следовало бы оградить свою любовницу от беспорядочных связей. Он флегматично ответил: "Разве ты будешь возражать против того, чтобы жить в доме или плыть на корабле, потому что другие только что опередили тебя в том или ином?" Ксенократ, ученик Платона, успешно противостоял Лаис. Она поспорила, что преодолит его стоическую холодность. Вбежав однажды вечером в его дом в аффектированном ужасе, она попросила убежища, так как, по ее словам, за ней гнались воры. Философ сурово велел ей ничего не бояться. Она сидела молча, пока Ксенократ не лег спать; затем, сбросив с себя платье и открыв всю свою дивную красоту, она расположилась рядом с ним. Он грубо подчинился этому посягательству. Став смелее, она обняла его, ласкала и исчерпала все свои искусства очарования, но Ксенократ остался непоколебим. "Я поспорила, - вскричала она, - что разбужу человека, а не статую", - и, вскочив с дивана, она вновь надела свое платье и исчезла.

Жители Коринфа хотели иметь ее статую, и, поскольку она потратила свои деньги на украшение города, возможно, она имела право на этот знак уважения. Для моделирования ее прелестей был приглашен скульптор Мирон. Он был стар и сед, но красота ее была столь пленительна, что во второй свой визит он положил к ее ногам все сбережения своей жизни. Надменная куртизанка отвергла его. Он ушел, отдал себя в руки искусного парфюмера, покрасил волосы и бороду, омолодил свой облик. Затем он возобновил свой костюм. "Мой бедный друг, - сказал Лаис с горькой улыбкой, - ты просишь то, в чем я вчера отказал твоему отцу".

В старости у Лаис было время раскаяться в своих капризах. Она тратила деньги так же быстро, как и зарабатывала, и сохраняла свое призвание еще долго после того, как исчезли ее прелести. Эпикрат нарисовал меланхоличную картину пьяной старухи, бредущей по набережной Коринфа и пытающейся продать за три цента то, что когда-то считалось дешевым за тысячу долларов. Таков был конец Лаис[60].

Фрина оказалась более удачливой. Она распорядилась своей привлекательностью с рассудительностью и до конца своей долгой жизни сохранила свой ранг и ценность. Ее богатство было таково, что, когда Александр разрушил Фивы, она предложила отстроить город за свой счет, при условии, что фиванцы отметят этот факт надписью. Они отказались. Среди ее любовников были самые знаменитые люди того времени, в том числе оратор Гиперид, чья успешная защита своей любовницы уже упоминалась, художник Апеллес и скульптор Пракситель. Именно ей последний подарил свое коронное произведение - своего Амура. И он, и Апеллес получили привилегию любоваться и воспроизводить ее обнаженные прелести - привилегия, в которой было строго отказано даже самым богатым из ее любовников.

Фрина была необычайно любима афинским народом. Она играла заметную роль в празднике Нептуна и Венеры. В определенный момент церемонии она появилась на ступенях храма на берегу моря в своем обычном платье и медленно разделась в присутствии толпы. Затем она подошла к берегу, погрузилась в волны и принесла жертву Нептуну. Вернувшись, как морская нимфа, высушив волосы, с которых капала вода на ее изящные конечности, она на мгновение остановилась перед толпой, которая с восторженными криками проводила прекрасную жрицу, скрывшуюся в одной из келий храма[61].

Другие знаменитые гетеры добились политических и литературных успехов. Когда Александр Македонский предпринял азиатскую экспедицию, его казначей Гарпалус, своего рода Крёйс, сопровождал его, окруженный самыми прекрасными женщинами, которых мог себе позволить македонский двор. Награжденный за свою верность губернаторством в Вавилоне и еще более обогатившийся за счет трофеев от этой прибыльной должности, Гарпал послал в Афины за самой искусной и прекрасной гетерой того времени. Ему прислали Пифионику. Она не была в расцвете молодости. Несколько лет назад она была знакома с молодыми афинскими модниками, теперь же она была степенной хозяйкой двух братьев, сыновей богатого торговца кукурузой. Но ее таланты были неоспоримы. Прибыв в Вавилон, она поселилась во дворце, стала править провинцией и управляла Гарпалом, как говорят, сурово и энергично. В самый разгар своей славы она внезапно умерла; ее отравил, несомненно, кто-то из сотни красавиц, которых она вытеснила из любовных отношений правителя. Гарпалус, безутешно сожалея о ее утрате, потратил большую часть содержимого своей казны, чтобы похоронить ее и увековечить ее славу. Ни одна вавилонская царица не была отправлена в могилу с такой пышностью, показухой или показными страданиями, которые оказали честь памяти афинской проститутки. Ее гробница стоила 50 000 долларов, и историки, восхищаясь

в последующие века ее великолепием и размерами, с насмешливым удивлением спрашивали, не лежат ли под грудой кости Мильтиада, Кимона или Перикла!

Гарпалус нашел утешение в объятиях греческой ткачихи по имени Гликера, которая, как мы знаем, была отравительницей Пифионика. Она тоже стала царицей Вавилона, издавала свои указы, вершила суд, поклонялась и видела свои бронзовые статуи в натуральную величину, воздвигнутые в вавилонских храмах. Она была женщиной с мужским умом в женском теле. Когда Александр вернулся с Востока, отомстив неверным слугам, она заставила своего любовника лететь с ней в Аттику, где с помощью своего красноречия, денег и обращения собрала шеститысячную армию, чтобы противостоять герою Македонии. Говорят, что она купила, неизвестно какой ценой, молчание Демосфена; она, конечно, подкупила афинский народ большими пожертвованиями кукурузы. Но она не смогла подкупить или убедить своего несчастного любовника быть благоразумным; его глупость вскоре вызвала против него афинян, и он был изгнан вместе со своей любовницей. В этом изгнании один из сопровождающих перерезал горло почтенному любовнику, и Гликера, оставшись вдовой, вернулась в Афины, чтобы продолжить свое призвание гетайры. Она была уже немолода и нуждалась в помощи торговца косметикой, но ее престиж бывшей хозяйки Вавилона обеспечил ей определенную известность, и вскоре она заняла положение в афинском обществе. Из толпы поклонников, приставших к ее двору, она выбрала двух, которые стали, как сказали бы французы, ее *друзьями*. Одним из них был художник Паузий, другим - комический поэт Менандр. Первый добился одного из своих самых блестящих триумфов, написав портрет своей хозяйки. Но то ли его нрав был ей не по нраву, то ли соперник внушал исключительную привязанность, Гликера вскоре отказалась от Паузиаса и стала любовницей одного лишь поэта. Менандр, как нам кажется, был человеком сурового, ворчливого нрава; надменная Гликера была единственной, кого его *бутафория* никогда не раздражала, кто терпеливо сносил все его злоключения. Когда он добивался успеха, она усиливала его радость; когда его пьесы принимали плохо, и он возвращался из театра в подавленном состоянии духа, она утешала его и безропотно переносила самые острые оскорбления. Ее приветливость была вознаграждена. Из одного из самых беспутных людей Афин Менандр прочно привязался и стал верен Глицере, и так скоро ее вавилонская карьера была забыта, что она дошла до потомков в афинском сердце неразрывно связанной с самым дорогим из их комических писателей[62].

Другой знаменитой гетайрой была Леонтия, которая сменила свою госпожу Филенис в привязанности к философу Эпикуру. Говорят, она родила ему дочь, которая появилась на свет в тени рощи в его саду; но, независимо от того, вкладывала ли она свой собственный смысл в эпикурейскую философию или действительно не любила седобородого учителя, она была далека от верности, которая полагалась столь выдающемуся любовнику. В письмах Алкифрона она фигурирует как нежная подруга нескольких молодых модников; ее обвиняют, и трудно сказать, насколько это справедливо, в попытке компромисса между доктринами Эпикура и Диогена. Как бы то ни было, Леонтия, несомненно, была женщиной редких способностей и замечательного вкуса. Она написала несколько работ, среди которых одна против Теофраста, вызвавшая удивление и восхищение такого хорошего судьи, как Цицерон. Она пережила своего старого покровителя и умерла в неизвестности[63].

Еще кое-что можно сказать об Археанассе, на морщины которой Платон не преминул сочинить любовную эпиграмму; о Теорис, прекрасной девушке, которая предпочла славную старость Софокла пылкой юности Демосфена, и которую мстительный оратор наказал, приговорив к смерти; Архиппа, последняя любовница и единственная наследница Софокла; Феодот, ученик Сократа, под чьими советами она занималась куртизанками, и чья смерть

может быть частично приписана злобе, вызванной тем, что Феодот отверг Аристофана; и другие, которые в значительной степени фигурируют в любой достоверной истории интеллектуальной Греции. Но мы должны остановиться.

В большинстве стран, о которых пойдет речь на последующих страницах этого тома, проститутки были изгоями; в Греции же они были аристократией, оказывали ощутимое влияние на национальную политику и социальную жизнь и принимали заметное участие в великом шествии греческого интеллекта. Не менее одиннадцати известных авторов использовали свои таланты в качестве историографов афинских куртизанок. Их труды не дошли до нас целиком, став жертвой целомудренных угрызений совести духовенства Средневековья; но в цитатах Афиней, "Письмах Алкифрона", Лукиана, Диогена Лаэртца, Аристофана, Аристенета и других сохранилось достаточно сведений, чтобы мы могли составить гораздо более точное представление об афинских гетерах, чем о проститутках последнего поколения.

В искусство, которым занимались выпускники коринфских академий, вряд ли можно проникнуть, по крайней мере, на современном языке. Даже греки были вынуждены изобретать глаголы для обозначения чудовищ, которыми занимались лесбиянки и финикиянки. Демосфен, успешно выступая против куртизанки Неэры, рассказывает, что у нее в доме было семь молодых девушек, которых она хорошо знала, как подготовить к своему призванию, что доказывалось неоднократной продажей их девственности. О шокирующей развращенности царивших вкусов можно судить по насмешкам, которые были высказаны в адрес Фрины и Вакхиды, неуклонно придерживавшихся естественных удовольствий.

Использование фильтров, или амулетов (о которых подробнее будет сказано в последующей главе о римской проституции), было распространено в Греции. Отставные куртизанки часто совмещали изготовление этих предполагаемых чар с работой повитухи. Они делали зелья, возбуждающие любовь, и зелья, разрушающие ее; чары, превращающие любовь в ненависть, а другие - ненависть в любовь. То, что эффективность последних должна была быть вопросом чистой веры, не требует доказательств, хотя вера в них была общей и глубокой. Первые хорошо известны в фармакопее, и, судя по рассказам об их действии, нет причин сомневаться, что в Греции они успешно применялись как ревнивыми мужьями и подозрительными отцами, так и пылкими влюбленными. Не менее авторитетный человек, чем Аристотель, упоминает случай, когда женщина ухитрилась напоить приворотным зельем своего любовника, который от этого умер. Женщину судили за убийство, но, убедительно доказав, что ее намерением было не вызвать смерть, а возродить угасшую любовь, ее оправдали. Упоминаются и другие случаи, когда вместо любви фильтры вызвали безумие. Подобные случаи происходили и в наше время при демонстрации кантаридов.

ГЛАВА IV.

РИМ.

Законы, регулирующие проституцию.- Цветочные игры.- Регистрация проституток.- Чистота нравов.- Юлианский закон.- Жидилы.- Классы проституток.- Свободные проститутки.-

Различные классы развратных женщин.-Меретрицы.-Танцующие девушки.-Бауды.- Мужчины-проститутки.-Дома проституции.-Лупанарии.-Клетки проституток.-Дома ассигнаций.-Форнисы.-Цирк.-Бани.-Таверны.-Булочные лавки.-Площади и проезжие части.- Привычки и манеры проституток.-Социальное положение.-Одежда.-Ставка найма.- Девственницы в римских борделях.-Содержанки.-Римские поэты.-Овидий.-Марциал.- Римское общество.-Социальная коррупция.-Разговор.-Картины и скульптуры.-Театры.-Бани.- Религиозные непристойности.-Брачные пиры.-Императоры.-Секретные болезни.-Цельс.- Римский факультет.-Архиаты.

ЗАКОНЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ПРОСТИТУЦИЮ.

Самое раннее знакомство с римскими законами, регулирующими проституцию, относится к периоду правления императора Августа, однако существует множество свидетельств того, что проститутки были распространены в Риме в то время, когда начинается подлинная история.

Не похоже, что религиозная проституция когда-либо была распространена в Италии, хотя в более поздние времена праздники в честь некоторых божеств были скандально распущенными, и, судя по этруским картинам, нравы коренных италийцев должны были быть отвратительно развращенными.

В комедиях Плавта, которые являются одними из самых древних произведений римской литературы, дошедших до нас, проститутка (*meretrix*) и шлюха (*leno*) фигурируют особенно часто. Таким образом, в третьем веке до Рождества Христова они, очевидно, были хорошо известными персонажами в римском обществе. Когда были учреждены Флоралийские игры, мы не можем знать (не стоит доверять грубым рассказам Лактанция о куртизанках Акке Лаврентии и Флоре[64]); Но несомненно, что главным развлечением этих позорных празднеств было появление проституток на сцене в обнаженном виде и их развратные танцы в присутствии народа;[65] а в рассказе о том, что представление было приостановлено во время присутствия сурового моралиста Катона, есть свидетельство того, что они практиковались задолго до его времени.[66] Действительно, было бы не слишком самонадеянно решать, не других доказательств, что проституция должна была стать неизменным фактом в Риме очень скоро после того, как римляне начали свободно смешиваться с греческими колонистами в Тарентуме и других греческих городах в Италии, то есть примерно в начале третьего века до Рождества Христова.

Из Тацита[67] мы узнаем, что с незапамятных времен проститутки должны были регистрироваться в офисе эдила. Церемония, по-видимому, была очень похожа на ту, что сейчас навязывается законом французским проституткам. Женщина, намеревавшаяся стать проституткой, представала перед эдилом, называла свой возраст, место рождения и настоящее имя, а в случае псевдонима - имя, которым она пользовалась.[68] Чиновник, если она была молода или внешне респектабельна, делал все возможное, чтобы побороть ее решимость. Если это не удавалось, он выдавал ей лицензию -*licentia stupri*, определял сумму, которую она должна была требовать от своих клиентов, и заносил ее имя в свой реестр. Из закона Юстиниана[69] можно сделать вывод, что при получении лицензии проститутка должна была дать клятву исполнять обязанности своего призвания до конца жизни; но закон, о котором идет речь, очень правильно решил, что клятва, столь явно противоречащая добрым нравам, не является обязательной. Как бы то ни было, на проститутку, однажды получившую клятву, ложилось пятно позора, которое ничто не могло стереть. Покаяние было невозможно, даже когда она выходила замуж и становилась матерью законных детей;

роковая надпись все еще свидетельствовала о ее позорном положении.^[70] В Риме, как и во многих других странах, принцип закона заключался в том, чтобы закрыть дверь для реформ и сделать порок безнадежным.

Есть все основания полагать, что эти правила действовали в очень ранний период Республики. О дальнейших правилах, установленных при императорском режиме, мы поговорим позже. Пока же можно отметить, что есть основания надеяться, что в лучшую эпоху Республики общественная мораль не была в целом развращенной. Старые истории о Лукреции и Виргинии не имели бы смысла среди деморализованного народа. Все, кто знаком с римской историей, помнят ожесточенную борьбу, которую Катон Цензор вел против драгоценностей, изысканных платьев и карет римских дам,^[71] свидетельствующую о том, что более серьезные проступки не требовали официального вмешательства. Этот же Катон после смерти первой жены сожительствовал с женщиной-рабыней; но, хотя наложничество признавалось римским законом и, казалось бы, не должно было повлечь за собой позора в более поздний период, интрига не успела стать известной, как старый цензор женился на второй жене, чтобы избежать скандала.^[72] Аналогичный вывод можно сделать из странной истории, рассказанной Ливием о вакхических мистериях, привнесенных в Рим иностранцами около начала второго века до Рождества Христова. В наше время нелегко определить, что в приведенном им рассказе правда, а что ложь; но нет никаких сомнений в том, что молодые люди обоих полов под влиянием чувственности создавали общества, в частности, для удовлетворения развратных инстинктов. До какой степени распространилась мания, судить невозможно; цифры, приводимые латинскими авторами, не слишком достоверны. Но мы можем узнать, насколько сильны были моральные чувства римского народа, из очень строгого декрета, который сенат издал по предложению консула Постумия, и из повальных казней тех, кто был причастен к таинственным обрядам^[73].

Другие свидетельства чистоты римских нравов можно было бы найти, если бы их не хватало, в удивительной верности, с которой весталки соблюдали свои клятвы; в тоне речей государственных деятелей того времени; в высоком характере, который поддерживали такие матроны, как мать Гракхов; и, наконец, в законодательстве Августа, которое скорее утверждало и улучшало старые законы, чем вводило новые принципы.

По мере приближения к христианской эре картина постепенно темнеет. Гражданские войны обычно губительны для частной добродетели: не приходится сомневаться, что век Силлы и Хлодия отнюдь не был нравственным. Силла, диктатор, открыто вел скандальную развратную жизнь; Клодий, всесильный трибун, обвиняется Цицероном в совращении трех своих сестер.^[74] Солдаты, прошедшие кампанию в распутной Греции или сладострастной Азии, естественно, привезли с собой домой вкус к удовольствиям, которыми они научились наслаждаться за границей. Бани Сципиона были темными: через узкие отверстия проникал свет, достаточный, чтобы сохранить скромность купальщиц; но в банях, возведенных в поздние годы Республики, свет сиял, как в камере.^[75] Даже Силла, как ни развратен он был, не считал безопасным отречься от власти без законодательных усилий по очищению нравов, которые он так сильно развратил своим примером.^[76]

Об эпохе Августа и двух-трех последующих столетиях мы имеем возможность составить близкое и полное представление. Наши сведения перестают быть скудными; в некоторых вопросах они даже слишком обильны.

Целью юлианских законов было сохранить римскую кровь от разврата и еще больше унижить проституток. Эти цели были частично достигнуты путем запрещения браков граждан с родственниками или потомками проституток; путем подвергания прелюбодеям суровым

наказаниям и объявления терпимого мужа соучастником; путем наложения наказаний на холостяков и женатых мужчин без детей; путем запрещения дочерям конников становиться проститутками.[77] Тиберий, находясь в своем позорном убежище в Капрее, санкционировал постановление сената, которое усилило суровость законов против прелюбодеяния. Согласно этому декрету, матрона любого сословия могла играть в блудницу, а ее любовник, владелец дома, где они встречались, и все лица, потворствовавшие прелюбодеянию, объявлялись равно виновными. По-видимому, нередко некоторые замужние женщины заносили себя в список эдилов как проституток и занимали комнату в домах с дурной славой. Это объявлялось уголовным преступлением, и мужей и простых доносчиков всячески поощряли к преследованию[78].

В других отношениях республиканское законодательство, как полагают, не подверглось изменениям со стороны императоров. Формальность надписи, сопутствующая ей позорность, последствия деяния остались прежними. Проститутки занимались своим ремеслом под зорким оком эдила. Он патрулировал улицы и заходил в дома с дурной славой в любое время дня и ночи. Он следил за тем, чтобы они были закрыты с рассвета до трех часов дня. В случае драки он арестовывал и наказывал нарушителей спокойствия. Он наказывал штрафом и бичеванием за то, что содержатель борделя не вписывал в свой дом каждую женщину. Он настаивал на том, чтобы проститутки носили одежду, предписанную законом, и красили волосы в синий или желтый цвет. С другой стороны, он не мог ворваться в дом, не будучи одетым в знаки отличия своей должности и сопровождении своих ликторов. Когда эдил Хостилий попытался открыть дверь проститутки Мамилии, возвращаясь с праздничного ужина, та отбросила его камнями и была поддержана судом.[79] Также эдил был обязан по жалобе проститутки приговаривать любого ее клиента к выплате причитающейся ему по закону суммы.[80]

КЛАССОВ ПРОСТИТУТОК.

В обязанности эдила входило арестовывать, наказывать и изгонять из города всех свободных проституток, которые не были записаны в его книге. Это постановление было практически мертвой буквой. Ни в один период истории империи не прекращалось существование многочисленного и известного класса проституток, которые не были зарегистрированы. Их отличали от зарегистрированных проституток (*meretrices*) под названием *prostibulae*. [81] Они не платили налогов государству, в то время как их зарегистрированные соперницы вносили значительный вклад в муниципальную казну; и если они рисковали больше и подвергались большему номинальному позору, чем последние, то им чаще удавалось выйти из своего несчастного положения.

У нас нет возможности судить о количестве проституток, занимавшихся своим призванием в Риме, Капуе и других итальянских городах в первые годы христианской эры. Во времена правления Траяна полиция смогла насчитать тридцать две тысячи в одном только Риме, но это число явно не соответствует истине. Поражает разнообразие классов, на которые делились *простибулы*, или незарегистрированные проститутки. Это были *Деликатесы*, соответствующие содержанкам, или французским *лореттам*, чьи чары позволяли им требовать большие суммы с посетителей; [82] *Фамосы*, принадлежавшие к уважаемым семьям и пристрастившиеся к порочным занятиям из-за похоти или скупости; [83] *Дорисы*, отличавшиеся красотой форм и пренебрегавшие одеждой; [84] *Лупæ*, или волчицы, которые бродили по рощам и лугам и отличались особым криком, подражая волку; [85] *Эликарии*, или девушки-пекари, которые продавали маленькие пирожки для жертвоприношения Венере и Приапу в виде мужских и женских органов порождения; [86] *бустуарии*, чьим домом было место погребения, и которые иногда выступали в качестве скорбящих на похоронах; [87]

копæ, служанки в трактирах и тавернах, которые неизменно были проститутками; [88] *ноктилуæ*, или ночные гуляки; *блитидæ*, очень низкий класс женщин, получивших свое название от *блитума*, дешевого и нездорового напитка, который пили в самых низких норах; [89] *Диоболары*, жалкие изгои, чья цена составляла два обола (два цента); [90] *Форары*, деревенские девушки, скрывавшиеся на проселочных дорогах; *Галлины*, которые были как ворами, так и проститутками; *Квадрантары*, похоже, самый низкий класс из всех, чья плата была меньше, чем любая медная монета, существующая сейчас. [91] В отличие от них, *меритрисы* напускали на себя вид респектабельности и часто назывались *bonæ meretrices*. [92]

Другим и отдельным классом проституток были женщины-танцовщицы, которых охотно искали, и они были более многочисленны, чем в Афинах. Это были ионийки, лесбиянки, сирийки, египтянки, нубийки (негритянки), индианки, но самыми известными были испанки. Их танцы были такого же характера, как и у греческих флейтистов; эротические поэты Рима не стеснялись воспевать поразительную развращенность их представлений [93].

Гораций сокрушался о том, что ионические танцы - ионический *мотус* - распространились даже среди римских девственниц [94]. Эти проститутки занимались своим делом вопреки закону. Если их обнаруживали, то подвергали порке и изгоняли из города; [95] но поскольку их клиенты принадлежали к богатым слоям населения, они редко подвергались наказанию за свое поведение.

Кроме того, от всех этих людей отличался многочисленный класс тех, кто торговал проститутками. Собственное имя этих несчастных - *Лено* (*bawd*), они были обоих полов, хотя на сцене обычно изображались в виде безбородого мужчины с бритой головой. Под этим названием скрывалось множество разновидностей, таких как *лупанариум*, содержательницы постоянных домов с дурной славой; *аддукторы* и *пердукторы*, сутенеры; *консилиатрисы* и *анциллулы*, женщины, заключавшие безнравственные сделки, и другие. Затем, поскольку почти каждый пекарь, трактирщик, банщик, цирюльник и парфюмер совмещал *lenocinium*, или торговлю проститутками, с другими своими занятиями, их различные названия, *tonsor*, *unguentarius*, *balnearius* и т. д., стали синонимами *leno*. К этому жалкому сословию в Риме относились с величайшей ненавистью [96].

Эта поспешная классификация римских проституток была бы неполной без некоторого, пусть и краткого, упоминания о проститутках-мужчинах. К счастью, прогресс добрых нравов лишил эту отталкивающую тему ее важности; цель этой работы может быть достигнута без введения подробностей в эту область, которая в нашей стране вряд ли потребует нового законодательного уведомления. Но у читателя сложится неполное представление о состоянии нравов в Риме, если он останется в неведении о том, что число мужчин-проституток было, вероятно, не меньше, чем женщин; что, как и в Греции, это унижительное явление не вызывало особого стыда; что все римские авторы упоминают о нем как о чем-то само собой разумеющемся; Известно, что ведущие люди империи пристрастились к подобным привычкам; что эдил воздерживался от вмешательства, за исключением случаев, когда римский юноша подвергался насилию; и что, если судить по языку писателей первого, второго и третьего веков христианской эры, римляне, как и некоторые азиатские расы, отдавали предпочтение противоестественным похотям. [97]

ДОМА ПРОСТИТУЦИИ.

Рассмотрев законы, регулировавшие проституцию в Риме, и классы, на которые делились проститутки, теперь необходимо взглянуть на заведения, в которых занимались проституцией.

М. Дюфур и другие вслед за Публием Виктором и Секстом Руфом полагают, что в эпоху Августина в Риме было сорок шесть первоклассных домов с дурной славой и гораздо больше заведений, где проституцией занимались без надзора эдилов. Поскольку сейчас общепризнано, что работы, носящие имя Публия Виктора и Секста Руфа, являются подделками сравнительно недавнего времени, это заявление теряет всякую претензию на достоверность, и мы остаемся без статистической информации о количестве домов проституции в Риме[98].

Зарегистрированных проституток можно было найти в заведениях, называемых лупанариями. Они отличались от греческих диктерий тем, что были разных классов, от хорошо обеспеченных домов в квартале Мира до грязных притонов в кварталах Эсквилина и Субуррана; и еще тем, что содержательницы разных домов назначали самые разные цены. Из результатов раскопок в Помпеях и некоторых скудных намеков, сделанных латинскими авторами, можно сделать вывод, что лупанарии в Риме были небольшими по размеру. Самые процветающие были построены как хорошие римские дома, с квадратным двором, иногда с фонтаном, играющим посередине. На этот двор выходили камеры проституток. В небольших заведениях камеры выходили в коридор или на крыльцо, которое, по-видимому, использовалось в качестве приемной. Камеры представляли собой темные чуланы, освещаемые по ночам маленькой бронзовой лампой. Иногда в них стояла кровать, но нередко всю мебель составляли несколько подушек или просто циновка с грязным покрывалом. Над дверью каждой камеры висела табличка с именем проститутки, которая ее занимала, и ценой, которую она назначала за свои услуги; на другой стороне - слово *occupata*. Когда проститутка принимала посетителя в своей камере, она поворачивала табличку, чтобы предупредить злоумышленников, что она занята.[99] Над дверью дома наносилось или изображалось в камне или мраморе изображение, наводящее на размышления: одну из таких табличек можно увидеть в Помпеях и по сей день. Внутри дома было множество подобных непристойных скульптур. Бронзовые украшения в этом стиле висели на шеях куртизанок; лампы были той же формы, как и разнообразная другая утварь. Стены были покрыты соответствующими фресками. В лучших заведениях, как можно понять, сцены из мифологии были обычными предметами этих художественных украшений; но в Помпеях мы имеем достаточно свидетельств, чтобы показать, что грубая непристойность, а не поэтический эффект, была главным объектом, к которому стремились художники при создании этих работ.

Регулярные дома проституции, *лупанарии*, были двух видов: заведения, принадлежащие и управляемые баудом, который снабжал камеры рабами или наемными проститутками, и заведения, где бауд просто сдавал свои камеры проституткам за определенную сумму. В первом случае главным был бауд, во втором - женщины. Есть основания полагать, что первые были более респектабельными. Петроний упоминает дом, где за пользование кельей платили столько-то, а сумма *была* меньше двух центов[100]. Мессалина, очевидно, поселилась в одном из таких заведений, которые для ясности мы можем назвать домами ассигнаций; и поскольку, судя по всему, ей платили медью (*æra poroscit*), можно с уверенностью предположить, что дом был не слишком респектабельным.

Лучшие дома были в изобилии снабжены слугами и предметами роскоши. В каждом районе города сутенеры и бегуны искали для них клиентов. Женщины - *ancillæ ornatrices* - были готовы искусно исправить те разрушения, которые амурные конфликты вызывали в туалетах

проституток. *Мальчики-бакарионцы* стояли у дверей камеры с водой для омовения. Слуги, носившие несовместимый титул *aquarii*, были готовы угостить клиентов вином и другими прохладительными напитками. А в некоторых лупинариях содержался кассир, называемый *villicus*, в обязанности которого входило обсуждать с посетителями выгодные сделки и получать деньги, прежде чем развернуть табличку.

Под многими общественными и некоторыми из лучших частных домов Рима находились арки, верхушки которых возвышались над уровнем улицы всего на несколько футов. Эти арки, темные и пустынные, стали прибежищем для проституток. Их название, *fornices*, в конце концов стало синонимом *lupanar*, и от него мы заимствовали наше родовое слово "блуд".^[101] Есть основания полагать, что под большим цирком и другими театрами Рима,^[102] помимо жилых домов и магазинов, было несколько десятков арок такого характера и использовавшихся для этой цели. В этих мерзких жилищах остро ощущалась нехватка свежего воздуха. Римские авторы часто упоминают о зловонии, выдыхаемом из рта форникса^[103].

Еще более низкими заведениями были *pergulae*, в которых девушки занимали балкон над улицей; *stabula*, где не было клеток, а беспорядочные половые связи происходили открыто;^[104] *turturilla*, или голубятни;^[105] *casauria*, или пригородные дома самого низкого класса.

Наиболее четкое представление о римском доме, пользовавшемся дурной славой, дано в знаменитом отрывке Ювенала, который, возможно, сохранился в оригинале. Женщиной, следует добавить, была Мессалина:

"Dormire virum quum senserat uxor,
Ausa Palatino tegetem præferre cubili,
Sumere nocturnas meretrix Augusta cucullos,
Linquebat comite ancilla non amplius una,
Sed *nigrum flavo crinem abscondente galero*,
Intravit calidum veteri centone lupanar,
Et *cellam vacuam* atque suam. Tunc nuda capillis
Constitit auratis, titulum mentita Lyciscæ,
Ostendit que tuum, genere Britannie, ventrem.
Excepit blanda intrantes, atque æra poposcit,
Et resupina jacens multorum absorbuit ictus.
Mox lenone suas jam dimittente puellas,
Tristis abit, et quod potuit, tamen ultima cellam
Clausit, adhuc ardens rigidæ tentigine vulvæ,
Et lassata viris necdum satiata recessit;
Obscurisque genis turpis fumoque lucernæ
Fœda lupanaris tulit ad pulvinar adorem."^[106]

Отрывки, выделенные курсивом, содержат полезную информацию; на некоторые из них мы будем ссылаться в дальнейшем. Между тем из строки *mox lenone* и т. д. видно, что в определенный час ночи содержатели домов с дурной славой имели обыкновение закрывать свои заведения и отправлять девушек домой. По закону они должны были закрываться на рассвете, но, вероятно, их интересам соответствовал гораздо более ранний час.

Мы уже упоминали о блудницах при цирке. Хорошо известно, что проститутки были частыми посетителями зрелищ, и в сводчатых фойе под сиденьями и сценой они всегда были

готовы удовлетворить страсти, которые слишком часто возбуждали комедии и пантомимы.[107] Это был один грозный соперник обычных люпинариев.

Другой соперницей были бани. В ранних римских банях царила темнота или, в лучшем случае, слабый полумрак; кроме того, там не только разделяли полы, но и не разрешали купаться вместе старикам и молодым мужчинам.[Но после войн Силлы, хотя и существовали отдельные *судариарии* и *тепидариарии* для полов, они могли свободно встречаться в коридорах и покоех, и любая безнравственность, кроме настоящей проституции, могла иметь место.[109] Мужчины и женщины, девушки и юноши смешивались вместе в состоянии совершенной наготы и в такой близости, что контакта едва ли можно было избежать. Такое сборище, очевидно, стало бы местом отдыха для торговцев проститутками в поисках товара. В более поздний период к баням стали пристраивать камеры, в которых содержались молодые мужчины и женщины, частично в качестве банщиков, частично в качестве проституток. После купания мужчины и женщины подвергались растиранию, разминанию и помазанию со стороны этих служителей. Похоже, что женщины соглашались на то, чтобы эти непристойные услуги для них мужчины, и что даже римские матроны не всегда стремились к здоровью.[110] Несколько императоров пытались исправить эти ужасающие безнравственные явления. Адриан запретил смешивать мужчин и женщин в общественных банях[111]. Аналогичные постановления были приняты Марком Аврелием и Александром Севером, а Гелиогабал, как говорят, радовался объединению полов даже в моечной комнате. Однако уже в эпоху Августа бани считались не более чем домами проституции под респектабельным названием[112].

Таверны или увеселительные заведения тоже в какой-то мере были борделями. Закон считал проститутками всех слуг, ожидающих путешественников в трактирах или тавернах[113]. Кроме того, мясные, пекарские и цирюльные лавки могли быть заподозрены в использовании для проституции. Плебейские эдилы постоянно посещали их в поисках незарегистрированных проституток, хотя, как и следовало ожидать, учитывая количество правонарушителей и неполноценную систему муниципальной полиции Рима, без особого успеха. В заведениях пекарей, которые обычно включали в себя мукомольную мельницу, обитали проститутки низкого класса, о которых уже упоминалось. В подвале, где стояла мельница, часто строили камеры, и эдилы хорошо знали, что все, кто туда входил, шли не за хлебом[114].

Наконец, проституция в значительной степени осуществлялась под открытым небом. Тени некоторых статуй и храмов, таких как статуи Марсия, Пана, Приапа, Венеры и т. д., были обычными местами отдыха для проституток. Говорят, что Юлия, дочь императора Августа, занималась проституцией под сенью статуи Марсиаса. Аналогичными пристанищами брошенных женщин были арки акведуков, портики храмов, пустоты в стенах и т. д. Даже улицы в бедных кварталах города, похоже, были заселены самым низким классом проституток, чьи природные блага давно перестали быть предметом торговли.[115] Следует помнить, что улицы Рима не освещались, а при затуманенной луне царила глубокая тьма.

ПРИВЫЧКИ И НРАВЫ ПРОСТИТУТОК.

Существенное различие между римской и греческой проституцией заключается в том, как в этих двух сообществах относились к торговле проститутками. В Афинах не было ничего зазорного в посещении диктериона или содержании гетайры. В Риме, напротив, женатый мужчина, посещавший дом с дурной славой, считался *прелюбодеем* и подлежал наказанию за прелюбодеевание. Постоянный посетитель таких мест становился *mœchus* или *scortator*,

оба термина означали язвительный упрек. Когда Цицерон хочет одолеть Катилина, он говорит, что его последователи - *scortatores*.^[116] Более того, до самой низкой эпохи римской деградации ни один человек с любым характером не входил в дом с дурной славой, не скрыв лицо юбкой своего платья. Даже Калигула и Гелиогабал скрывали свои лица, когда посещали городских женщин^[117].

Закон тщательно регламентировал одежду римских проституток, исходя из того, что они должны были во всем отличаться от честных женщин. Так, им не разрешалось носить целомудренную *stola*, скрывавшую фигуру, или *vitta*, или *fillet*, которыми римские дамы подвязывали волосы, носить обувь (*soccus*), драгоценности или пурпурные одеяния. Это были знаки отличия добродетели. Проститутки носили *тогу*, как мужчины; их волосы, окрашенные в желтый или красный цвет или усыпанные золотыми блестками, были уложены по азиатской моде. Они носили сандалии с позолоченными ремешками, завязывающимися на ноге, а их платье должно было быть из цветистой материи. Однако на практике эти правила соблюдались не слишком строго. Куртизанки носили драгоценности и пурпурные одеяния,^[118] а некоторые смело скрывали свое распутство под *столой*. Другие, стремясь скорее избежать заблуждений относительно своего призвания, носили зеленую тогу с гордостью, а поверх нее - куртку под названием *amiculum*, которая, как и белая простыня времен баронства, была знаком прелюбодеяния. Другие предпочитали шелковые и марлевые платья Востока (*sericæ vestes*), которые, по выражению классика, "казалось, были придуманы для того, чтобы ярче демонстрировать то, что они должны были скрывать"^[119]. Тирские одеяния также были в обиходе, о фактуре которых можно судить по названию "текстильные испарения" (*ventus textilis*), которое они получили.

Закон строго запрещал куртизанкам пользоваться любыми транспортными средствами. Это также часто нарушалось. При нескольких императорах проституток видели в открытых литаврах в самых людных местах Рима, а другие - в литаврах, которые закрывались занавесками и служили для постели.^[120] Закон Домициана налагал суровые наказания на куртизанок, которых видели в литаврах.

В лупанаре, конечно же, не соблюдались правила, касающиеся костюма. Проститутки сохраняли свои волосы черными, но в остальном они руководствовались собственным вкусом. Нагота, судя по всему, была довольно распространенным явлением, если не правилом. Петроний описывает, как его герой шел по улице и увидел оттуда обнаженных проституток у дверей лупанария^[121]. Некоторые прикрывали свои бюсты золотыми вещами, другие закрывали лица.

Уже упоминалось, что размер вознаграждения проституток устанавливался ими самими, хотя, по-видимому, и объявлялся эдилам. Невозможно составить представление о среднем размере этой платы. Самые низкие классы, как уже говорилось, продавали свои жалкие услуги примерно за две десятых цента; другой большой класс довольствовался двумя центами. Единственный прямой свет на эту тему проливает неясный отрывок из странного романа под названием "Аполлоний Тирский", который, как предполагается, был написан христианином по имени Симпосий. В этом произведении описывается захват девственницы по имени Тарсия некой бандой. Злюка приказывает вывесить табличку или объявление с надписью: "Тот, кто обескровит Тарсию, заплатит полфунта, после чего она будет на государственной службе за золотой кусок". Полфунта, по предположению комментаторов, означало половину римского фунта серебра и стоило 30 долларов; золотой кусок, согласно лучшим расчетам, был примерно эквивалентен 4 долларам. Но можно ли считать эти цифры средними, вызывает сомнение, даже если предположить, что наша оценка стоимости сумм, упомянутых в древнем произведении, точна.

Упоминание о Тарсии наводит на мысль о практике римских проституток, когда им удавалось заполучить девственницу. Ее можно найти достоверно описанной в старой английской пьесе "Перикл, принц Тирский", которую иногда связывают с произведениями Шекспира. Когда публичный дом покупал девственницу в качестве рабыни или, как это иногда случалось при позднейших императорах, девственницу отдавали ему для проституции в наказание за преступление, дверь его дома украшали веточками лавра, на ночь вывешивали светильник необыкновенной величины и выставляли табличку, несколько похожую на ту, что цитировалась выше, где говорилось, что получена девственница, и с жестокой грубостью перечислялись ее прелести. [Когда находился покупатель и заключалась сделка, несчастная девушка, часто еще ребенок, отдавалась на его жестокость, а сам негодяй выходил из камеры, чтобы потом быть увенчанным лаврами рабами заведения.

Так далеко зашли обычные проститутки. Хотя у римлян не было свободных женщин, которые могли бы сравниться по положению, влиянию или интеллекту с греческими гетайрами, их высший класс проституток, *famosæ* или *delicatæ*, был намного выше несчастных созданий, только что описанных. Их не записывали в списки эдилов; они не посещали ни лупанаров, ни таверн, ни булочных; их не видели скрывающимися в тенистых местах по ночам; они не носили никаких отличительных костюмов. Их можно было встретить среди бела дня, в театре, на улицах, на Виа Сакра, которая была излюбленным местом отдыха модного Рима, и там их можно было отличить от добродетельных матрон только по превосходной элегантности их платья и рою поклонников, которыми они были окружены. Действительно, при поздних императорах внешнее или внутреннее различие между этими проститутками и римскими матронами было очень незначительным. [123] Их окружали или сопровождали рабы обоих полов, любимая официантка была самой обычной сопровождающей. [124] Их многозначительные взгляды часто становятся предметом едких аллюзий у римских поэтов. [125] Многие из них были иностранками и выражались знаками из-за незнания латинского языка.

Эти женщины обычно были любовницами богатых мужчин, хотя и не всегда были верны своим любовникам. У нас нет таких биографий, как у греческих *hetairæ*, и нет оснований предполагать, что их жизнь когда-либо становилась темой серьезных произведений, хотя римская эротическая библиотека была богата. То немногое, что мы знаем о них, мы почерпнули в основном из стихов Горация, Тибулла, Овидия, Проперция, Катулла, Марциала, а также из таких произведений, как "Сатирикон" Петрония и роман Апулея, и это немногое едва ли стоит того, чтобы о нем знать.

Первые пять упомянутых поэтов - Катулл, Гораций, Проперций, Овидий и Тибулл - посвятили немалую часть своего времени и таланта воспеванию своих любовниц. Но кроме их имен - Лидия, Хлоя, Лалагея, Лесбия, Синтия, Делия, Неэра, Коринна и т. д. - нам ничего о них не известно, кроме того, что можно было бы принять как должное: они были иногда красивы, распутны, экстравагантны, часто неверны и бессердечны. Из отрывков Овидия, а также одного или двух других авторов можно сделать вывод, что нередко у этих великих проституток был номинальный муж, который брал на себя обязанность вести переговоры об их аморальных сделках (*leno maritus*).

Единственная действительно полезная информация, которую мы извлекаем из этих эротических излияний, касается самих поэтов. Все пятеро упомянутых нами поэтов вращались в лучшем обществе Рима. Некоторые из них, как Гораций, достигли кульминации своей славы при жизни; другие занимали важные посты в правительстве. Овидий был близко знаком с императором Августом, и предполагается, что причиной его изгнания стали некие неуместные открытия, которые он сделал в связи с отношениями императора с его дочерью.

Однако совершенно очевидно, что все эти люди привыкли жить с проститутками, не испытывали от этого никакого стыда и без стеснения описывали прелести и подвиги своих любовниц в стихах, предназначенных для всеобщего чтения римской молодежью.

Между Овидием и Марциалом дистанция огромного размера. Полвека разделяют их по времени; целые века - по тону. В эпоху Августа язык поэтов, хотя и гораздо более свободный, чем это принято в наши дни, не был неизменно грубым. Поэты того времени не употребляют грубых выражений, обращаясь к своим любовницам, и даже к обычным проституткам обращаются с эпитетами, которые современный любовник мог бы применить к своей суженой. Но Марциал не знает приличий. Можно с уверенностью сказать, что его эпиграммы никогда больше не должны переводиться на современный язык. Выражения, обозначающие самые отвратительные развратные действия, которые, к счастью, не имеют эквивалента и не нуждаются в нем в нашем языке, изобилуют на его страницах. Картины самой отвратительной распущенности быстро сменяют друг друга. Одним словом, используются такие выражения и изображаются такие сцены, которые в наше время привели бы к изгнанию их исполнителя из любого дома с дурной славой. Тем не менее, Марциал пользовался большим расположением правительства. Он смог добиться натурализации многих своих испанских друзей. У него были загородный и городской дома, оба, вероятно, подаренные императором. Его произведения еще при жизни тщательно искали не только в Риме, но и в Галлии, Испании и других провинциях. На характер и жизнь куртизанок в его время он бросает мало света. Женщины, чью отвратительную развращенность он воспекает, должны были быть хорошо известны в Риме; их имена должны были быть знакомы ушам римского общества. Но эта особенность римской цивилизации, известность проституток и их гнусных искусств, относится к другому разделу темы.

РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Древние часто говорили, что чем больше будет проституток, тем больше будет добродетельных женщин. "Молодец", - говорил моралист юноше, входящему в дом с дурной славой, - "так пощади матрон и девиц". Поскольку эта идея опирается на слабый субстрат правдоподобия, не лишним будет разоблачить ее ошибочность, что можно сделать, взглянув на римское общество при императорах.

Даже допуская поэтическое преувеличение, можно с уверенностью сказать, что нет ни одного современного общества, а возможно, и не было со времен падения Рима, к которому можно было бы применить знаменитую сатиру Ювенала на женщин.^[126] Независимо от противоестественных похотей, о которых так откровенно заявлялось, картина, нарисованная римлянином, превосходит современную достоверность. В то, что она была верна природе и фактам, к сожалению, есть слишком много оснований верить. Причины этого следует искать в разных направлениях.

Сразу же можно отметить два заметных различия между современным и древним обществом. Ни в одном современном цивилизованном обществе не принято представлять взору нескромные образы или произносить нескромные слова на ухо женщинам или юношам. В Риме было принято обратное. Стены респектабельных домов были покрыты картинами, сюжеты которых в наше время вряд ли кто осмелится назвать. Развратные фрески и развратные скульптуры, которые в любой современной стране были бы конфискованы полицией, заполняли залы самых добродетельных римских граждан и знати.^[127] Изобретательность была доведена до предела, чтобы воспроизвести некоторые непристойные объекты в новых формах.^[128] Обычная непристойность не была достаточной,

чтобы удовлетворить развратный вкус римлян. Такие группы, как сатиры и нимфы, Леда и лебедь, Пасифая и бык, сатиры и козы, были многочисленны. Некоторые из них были найдены и демонстрируют прекрасное художественное мастерство. Все это ежедневно выставлялось на обозрение детей и молодых девушек, которым, как говорит Проперций, не позволялось оставаться новичками в каком-либо бесечестве.

И хотя Гораций, обращаясь к Тындарису или Лалаге, использовал бы вежливые выражения, латинский язык был гораздо свободнее современного. Нет ни одного латинского автора лучшей эпохи, в сочинениях которого не встречались бы самые грубые слова. Комедии были ужасающе непристойны, как в идеях, так и в выражениях. Юноша или девица не могли приступить к обучению, не встретив слов самого грубого смысла. Удобная пословица "*Charta non erubescit*" была придумана для того, чтобы скрыть благопристойность авторов, а один из худших прибегает к жалким доводам, что "хотя его страницы развратны, его жизнь чиста". Совершенно точно, что, какое бы воздействие ни оказывалось на поэта, его читатели не могли не быть деморализованы развратом его стихов.

Добавьте к этим причинам безнравственности бани, и уже можно будет говорить о справедливости доводов в пользу Ювенала. Молодая римская девушка с теплой южной кровью в жилах, которая могла бы смотреть на неприкрытые картины любви Венеры, читать постыдные эпиграммы Марциала или жгучие любовные песни Катулла, ходить в бани и видеть наготу десятков мужчин и женщин, чтобы к ней самой прикасались сотни развратных рук, а также руки купальщиков, которые вытирали ее насухо и разминали ее конечности... Девушка, которая могла бы выдержать такие испытания и остаться добродетельной, должна была бы, действительно, быть чудом принципа и силы духа.

Но даже тогда религия и закон продолжали преследовать ее. Она не могла пройти по улицам Рима, не увидев храмов, воздвигнутых в честь Венеры, той Венеры, которая была матерью Рима, покровительницей незаконных удовольствий. На каждом поле и на многих площадях красовались статуи Приапа, чья безмерная непристойность была его главной чертой, часто окруженные благочестивыми матронами, ищущими милости у бога. Раз в год, во время Луперкалий, она видела молодых людей, бегающих обнаженными по улицам, вооруженных веревками, которыми они били всех встречных женщин; она заметила, что матроны ухаживали за этой флагелляцией как за средством стать плодовитыми. Что она могла знать о Дионисиях или Сатурналиях, диких играх в честь Вакха, и о других развратных праздниках, известных как вечера Венеры, которые проводились в апреле, сказать нелегко, но нет причин полагать, что эти развратные сцены были предназначены только для порочных людей или что они держались в секрете.

С приближением свадьбы остатки ее скромности были окончательно уничтожены. Перед свадьбой ее подводили к статуе Мутина, обнаженной сидящей фигуре, и заставляли сесть на его колено,^[129] *ut ejus pudicitiam prius deus delibasse videtur*. Этот обычай так глубоко укоренился среди римлян, что, когда Август разрушил храм Мутина в палате Велиана из-за безнравственности, к которой он приводил, на его месте вскоре возникла дюжина других. В брачную ночь над брачным ложем вывешивались статуэтки божеств *Субикуса* и *Премы* - *ut subacta a sponso viro non se commoveat quum premitur*;^[130] а утром ревнивый муж требовал, измеряя шею своей невесты, доказать своему суеверному уму, что она отдала ему свою девственность^[131].

В эпоху республики не считалось приличным, чтобы женщины откидывались на кушетки за столом, как это делали мужчины. Однако вскоре это стало обычным делом. Мужчины и женщины укладывались вместе на одной кушетке так близко, что едва оставалось место для

еды. Причем так было принято не только у женщин распущенных нравов, но и у самых респектабельных матрон. На пиру Трималхия, который является лучшим из имеющихся у нас рассказов о римском обеде, перед гостями появились жена хозяина и жена Габинуса. Хабинус забавлялся тем, что схватил жену хозяина за ноги и швырнул ее вперед так, что ее платье взлетело и обнажило колени, а сам Трималхион не краснел, показывая свое предпочтение гитону в присутствии компании и бросая кубок в голову жены, когда ее ревность заставила ее возражать.[132] Путешествие героя "Сатирикона" дает другие картины сильно развращенного чувства, которое пронизывало римское общество. Автор, кажется, не признает возможности существования добродетели; все его мужчины и женщины одинаково порочны и бесстыдны. Открытое зрелище самого отвратительного разврата вызывает только смех. Если мужчина отказывается от предложений, которые первыми делают женщины, это должно быть потому, что он ученик *аверсной Венеры*, а целые города изображены присоединившимися к шуму и крикам по поводу пропажи *брата* известного развратника.

commessiones, которые Цицерон перечисляет среди симптомов разврата в его время, вошли в обиход. Именно ради них римские повара исчерпали свое искусство в придумывании блюд, которые озадачили современных гастрономов; ради них редкие старые вина Италии были спрятаны в погребах; ради них египетские и ионийские танцовщицы раздевались или надевали *nebula linea*. [133] Никакие английские слова не могут изобразить чудовищ, о которых спокойно повествуют страницы Петрония и Марциала. Ювенал мог бы воскликнуть: "Порок достиг кульминации"[134].

Пожалуй, трудно представить, как могло быть иначе, учитывая примеры, поданные императорами. Нужно провести не мало исследований, чтобы найти в длинном списке хоть одного персонажа, который не был бы запятнан самыми грубыми привычками. О Юлии Сезаре, "лысом прелюбодее", обычно говорили, что он был "мужем всех жен"[135]. Август, чья молодость была столь беспутной, что вызывает презрительную эпиграмму, в старости нанимал людей для приобретения матрон и девиц, которых эти поставщики императорской похоти осматривали так, словно это были лошади на публичной распродаже[136]. Достаточно сказать, что не было ни одного постыдного изобретения, которому он не покровительствовал бы; ни одна молодая особа, обладавшая хоть какими-то прелестями, не была застрахована от его вожделения. Не один сенатор считал, что для безопасности ему следует увезти из Рима свою красавицу жену или хорошенькую дочь, ибо Тиберий всегда был готов отомстить за препятствия смертью. Печальная судьба прекрасной Маллонии, зарезавшей себя во время судебного процесса, который император затеял против нее из-за того, что она отказалась выполнить его звериные требования, дает представление о той эпохе.[137] Калигула, который внес некоторые изменения в налог, взимаемый с проституток, и основал бордель во дворце, начал жизнь с разврата своих сестер, а закончил ее грандиозными ужинами, во время которых он удалял из зала любую понравившуюся ему даму и, проведя с ней несколько минут наедине, вернуться и рассказать о беседе для развлечения всей компании.[Мессалина настолько превзошла Клавдия в разврате, что "обильные распутства" первого, по сравнению с ним, кажутся почти умеренными и добродетельными][139].

Нерон превзошел своих предшественников в циничном безрассудстве. Он был постоянным посетителем домов проституции. Он обедал на публике в большом цирке среди толпы проституток. Он основал на берегу Неаполитанского залива дома проституции и заполнил их женщинами, чьи распутные привычки были ему рекомендованы. Краткий очерк его

путешествий, приведенный Тацитом, и упоминания о его министре удовольствий Тигеллине не оставляют места для сомнений в том, что он был чудовищем разврата^[140].

Миновав грубого Гальбу, распутного Оттона, звероподобного Вителлия, подлого Веспасиана и беспутного Тита, Домициан возродил эпоху Нерона. Он соблазнил дочь своего брата и увел ее от мужа, постоянно купался в компании проституток и подавал пример отвратительного порока, одновременно принимая суровые законы против разврата. После очередного перерыва Коммод превратил дворец в дом проституции. Он держал на содержании триста красивых девушек и столько же юношей и оживлял свои притупленные чувства зрелищем удовольствий, которые больше не мог разделить. Как и Нерон, он насиловал своих сестер; как и тот, он принял женское платье и функции и порадовал двор зрелищем своего брака с одной из своих вольноотпущенниц. Наконец, Элагабал, которого историки сравнивают лишь с диким зверем, превзошел даже самые дерзкие проступки своих предшественников. Его гордостью было то, что он смог научить даже самых опытных куртизанок Рима чему-то большему, чем знали они сами; его удовольствием было валяться среди них голым и опускаться в раковину скотоложства, в которой жили первые офицеры империи.

Когда такой пример подают люди, занимающие высокие посты, нет нужды дальше допытываться о состоянии общественной морали. Цензор, подобный Тациту, мог бы возмутиться, но Марциал - а он, несомненно, был лучшим выразителем общественной и социальной жизни, чем суровый историк, - только посмеялся бы и скопировал образец, стоящий перед ним. Можно с уверенностью утверждать, что ни в одном современном языке не существует произведения, которое указывало бы столь безнадежно развращенное состояние нравов, как эпитафия Марциала на свою жену.

ТАЙНЫЕ БОЛЕЗНИ В РИМЕ.

В какой период и где впервые появились венерические заболевания - вопрос спорный. Долгое время среди преподавателей бытовало мнение, что они имеют современное происхождение и что Европа завезла их из Америки, где ими впервые заразились моряки Колумба. Это мнение не имеет под собой прочной основы и в настоящее время отвергается. Факт в том, что венерическая болезнь широко распространилась в Европе в пятнадцатом веке; но на основании внушительной массы косвенных доказательств можно предположить, что она поражала человечество с самого начала истории.

Тем не менее, странно, что греческие и латинские авторы не упоминают о ней. У Ювенала есть отрывок, где упоминается отвратительная болезнь, которая, похоже, имеет сходство с венерическим заболеванием. Эпиграммы Марциала намекают на нечто подобное. Цельс описывает несколько заболеваний половых органов, но ни один из этих авторов не приписывает упомянутые болезни венерическому половому акту.

Цельс предваряет свои слова по поводу этого класса болезней извинением. Ничто, кроме чувства долга, не заставило его затронуть столь деликатные вопросы; но он чувствует, что не должен позволить своей стране лишиться пользы от его опыта, и считает "желательным распространить среди людей некоторые медицинские принципы в отношении класса болезней, которые никогда никому не открываются".

После этого извинения он переходит к рассказу о болезни, которую он называет *inflammatio colis* и которая, похоже, имела поразительную аналогию с современным *фимозом*. Предполагалось, что *эlefантиаз*, который он подробно описывает, также имел

сифилитический характер; симптомы, описанные Аретусом, писавшим во второй половине первого века, несомненно, напоминают вторичный сифилис; но лучшее мнение сегодняшнего дня заключается в том, что эти болезни различны и не связаны между собой.

Женщин, страдающих тайными болезнями, называли *auscunnuentæ*, что само собой объясняется. Они молились Юноне Флуонии об облегчении, а в качестве лекарства использовали *астру аттикус*. Греческий термин для этой травы - *Bonbornion*, который римляне переделали в *Bubonium*, и это слово стало применяться к болезни, от которой ее давали, будь то у женщин или у мужчин. Современная наука получила от него термин Bubo. Римляне говорили о женщине, передавшей болезнь мужчине: "*Hæc te imbubinat*"[141].

Кроме того, у поздних авторов мы находим упоминания о *morbus campanus*, *clazomenæ*, *rubigo* и т. д., которые были тайными болезнями, если не сифилитическими, то сильно напоминающими их. Следует, однако, признать, что ни один отрывок из древних писателей не приписывает эти болезни непосредственно торговле с проститутками.

Римские врачи отказывались лечить тайные болезни. Их называли общим термином *morbus indecens*, и считалось неприличным признаваться в них или лечить их. У богатых людей был раб-врач, который пользовался доверием семьи и которому, естественно, доверяли такие деликатные тайны. Но основная масса людей сдерживалась стыдом, чтобы не сообщать о своих несчастьях; как и в случае с евреями, несчастный пациент был вынужден уединяться как единственное средство. Какой бы жестокой и бессмысленной ни была эта практика по отношению к страдальцу, она была полезна для народа, поскольку в определенной степени предотвращала распространение заразы.

Вплоть до периода гражданских войн, а возможно, и до христианской эры, единственными врачами в Риме были продавцы лекарств, чародеи и повитухи. О положении первых можно судить по отрывку из Горация, где он причисляет их к самым низким изгоям римского общества.[142] Чародеи (*sagæ*) изготавливали филтры, чтобы вызвать или подавить чувственный аппетит. Их презирали, и даже такой любвеобильный поэт, как Овидий, считал своим долгом предостеречь молодых девушек от дурного воздействия афродизиаков, которые они придумывали[143]. Акушерки также изготавливали филтры, и их часто путают с *сагерами*. Лечебная наука этих трех классов, должно быть, была невелика.

Примерно в правление Августа греческие врачи начали селиться в Риме. Они обладали большой теорией и некоторым практическим опытом, как показывает "Трактат Цельса", и вскоре стали важным классом в римском обществе. Однако только при Нероне была учреждена должность государственного врача. При этом императоре грек по имени Андромах был назначен *архиатером*, или придворным врачом, а вскоре после этого для народа были назначены *народные архиатерии*. Им разрешалось получать деньги от богатых, но они были обязаны, учитывая различные привилегии, которыми наделялась их должность, лечить бедных безвозмездно. Они были размещены в каждом городе империи. В Риме их было четырнадцать, помимо весталок, гимнасия и суда; в других крупных городах - десять, и так далее, вплоть до небольших городков, где их было один или два.[144] Из обязанностей и привилегий *архиариетов* следует, что они подчинялись эдилам.

Может показаться почти излишним добавить, что ни один внимательный медицинский читатель истории Рима времен империи не может сомневаться в том, что архиатии не занимали синекуру и что значительная часть болезней, которые они лечили, была напрямую связана с проституцией.

ГЛАВА V.

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ЭПОХА.

Христианские учителя проповедуют целомудрие.- Ужасное наказание христианских девственников.- Гонения на женщин.- Обращение проституток.- Гностики.- Аскеты.- Конвентуальная жизнь.- Мнение отцов о проституции.- Налог на проститутку.- Наказание проституток при греческих императорах.

Пожалуй, наиболее заметной оригинальностью христианского учения было то, что оно делало упор на целомудрие. Хорошо замечено, что даже самые строгие из языческих моралистов рекомендовали целомудрие только по *экономическим соображениям*. Апостолы требовали его как моральный и религиозный долг. Они проповедовали против разврата так же горячо, как и против язычества. Ни одно из посланий, содержащихся в Новом Завете, не обличает самым решительным образом пороки, объединенные под общим названием "роскошь". Нельзя сомневаться и в том, что по Божьему промыслу очевидные достоинства этой черты новой религии оказали большое влияние на привлечение лучших умов к ее поддержке.

С самого начала христианские общины по праву гордились чистотой своей морали. Их противники встречали их на этой почве в очень невыгодном положении. Известно, что коллегия весталок поддерживалась с большим трудом. В последнее время приходилось заполнять вакансии детьми, но даже при таких обстоятельствах число весталок, похороненных заживо, составляло лишь малую долю от числа тех, кто понес это страшное наказание. Нельзя отрицать и того, что целомудрие римских девственников было в лучшем случае частичным, самые чистые из них привыкли к нецеломудренному языку и нецеломудренным взглядам. В христианских общинах, напротив, было много девственников, посвятивших себя безбрачию из любви к Христу. Они были скромны в одежде, благопристойны в манерах, целомудренны в речи.^[145] Они отказывались посещать театры, жили экономно и умеренно, не допускали танцовщиц на свои пиры, не пользовались духами и вообще воздерживались от любых действий, которые могли поставить под угрозу их строгое целомудрие.^[146] Брак среди христиан был святым институтом, единственной целью которого было рождение детей. Он не должен был использоваться, как это часто случалось у язычников, в качестве прикрытия для безнравственности. Христос, говорили они, разрешил брак, но не разрешил роскошь.^[147] Первые отцы налагали суровые покаяния на блуд, прелюбодеяние и другие виды чувственности.

Гонения помогали Церкви в великой работе по очищению общественной морали, заставляя ее помнить о христианском различии между моральной и физической виной. В какое время стало обычным делом обрекать христианских девственников на посещение публичного дома, выяснить трудно. Возможно, эта практика возникла на основе отвратительного обычая, предписывавшего насиловать римских дев перед казнью, если существование такого обычая можно допустить на основании авторитета столь вольного летописца, как Суетоний.^[148] Как бы то ни было, эта ужасная утонченная жестокость была в ходу во времена Марка Аврелия.^[149] Девственников хватали и требовали принести жертву идолам. Если они отказывались, их тащили, часто голых, по улицам в бордель и там бросали на произвол судьбы. Благочестие первых христиан внушало веру в то, что во многих известных случаях Всемогущий вмешивался, чтобы защитить своих избранных детей от этого ужасного

бедствия.[150] Святую Агнессу, отказавшуюся принести жертву Весте, по приказу префекта раздели догола; но не успела ее одежда упасть, как волосы чудесным образом выросли и окутали ее, как саван. Когда ее притащили в публичный дом, от ее тела исходил удивительный свет, и прохожие, потрясенные этим зрелищем, вместо того чтобы предложить ей насилие, падали перед ней на колени, пока, наконец, сын префекта, более смелый и безрассудный, чем остальные, не вышел, чтобы привести приговор в исполнение, и не был сражен насмерть у ее ног молнией.[151] Феодора, знатная дама из Александрии, была столь же неустрашима и столь же верна своему вероучению. Судья дал ей три дня на размышление, предупредив о последствиях упрямства. Она осталась непреклонной, и ее отвели в дом проституции. Там, в окружении развратников обоих полов, она молила Бога о помощи, и вид полуобнаженной девы, склонившейся в горячей молитве, повергал людей в трепет. Наконец один из воинов объявил, что исполнит приговор. Бросившись в камеру к Феодоре, он признал себя христианином, одел ее в свои одежды и позволил ей бежать. Его схватили и казнили, но христианская дева, отказавшись купить свою безопасность такой ценой, отдала себя и умерла вместе с ним.[152] Подобные истории содержатся у нескольких христианских отцов.[153]

К сожалению, нет причин сомневаться в том, что во многих случаях жестокий приказ языческих судей исполнялся неукоснительно и что вера многих христианских дев была поругана через их добродетель. Так было во время гонений Диоклетиана, когда мы слышали, как христианских женщин подвешивали обнаженными за одну ногу и пытали другими дикими и ужасными способами. Эта практика привела к ясному изложению важной доктрины нравственного целомудрия, уже изложенной самим Христом в Евангелии. Римляне не могли представить себе целомудренную душу в теле, подвергшемся загрязнению, и поэтому для Лукреции не оставалось ничего другого, кроме поникшей души. Святому Августину, святому Иерониму и другим отцам оставалось смело утверждать, что преступление заключается в намерении, а не в действии; что целомудренное сердце может обитать в теле, которое осквернила грубая сила; и что христианские девы, которых бесчестный судья приговорил к публичному дому, были не менее угодными служительницами Божьими[154].

Единственным возмездием, которое пытались предпринять первые христиане, было обращение проституток. В трудах отцов содержится множество рассказов о замечательных обращениях такого рода, а один ученый иезуит в свое время составил объемный труд на эту тему. Египтянка Мария была образцом этого класса. Она призналась Зосиме, что семнадцать лет занималась проституцией в Александрии. Ее сердце открылось, она села на корабль до Иерусалима, оплатила свой проезд, выполняя свое призвание на борту, и искупила свои грехи покаянной жизнью в лесах Иудеи. По легенде, она прожила в лесу сорок семь лет, нагая и одинокая, не видя ни одного человека. В средние века в Париже в ее честь была построена часовня. Расписные окна, изображающие ее во время исполнения своего призвания на корабле, появились в очень позднее время[155].

В отместку за победы христиан язычники обвиняли их в совершении самых грубых безнравственных поступков. На протяжении многих веков раннехристианские общины собирались в очень трудных условиях, в тайниках, в катакомбах. Их религиозные обряды совершались таинственно. Часто гасили свет, чтобы помешать шпионам и доносчикам. Эти особенности служили поводом для многих явных клеветнических измышлений. Даже люди такого уровня, как Тацит, считали, что христианские обряды сильно напоминают обряды Исиды, которые в ранний период римской истории вызывали в Риме такую тревогу и ужас. Эти клеветы не ограничивались язычниками. В третьем и четвертом веках, когда сектантская

вражда грозила разрушением Церкви, подобные обвинения свободно распространялись. В то, что они были полностью необоснованными в каждом случае, трудно поверить перед лицом четких заявлений таких писателей, как Епифан. Каковы были точные доктрины различных сект, называемых адамитами, каинитами, николаитами и некоторыми подразделениями гностиков, сейчас, возможно, излишне спрашивать; Но небезосновательно предположить, что в некоторых случаях люди с развращенными инстинктами могли воспользоваться плащом христианства, чтобы скрыть удовлетворение чувственных привычек; или, с другой стороны, умы в состоянии религиозного возвышения могли наткнуться на нечистоты в поисках естественного состояния. В сравнительно недавние времена мы видели, как в Америке, так и в Савойе, несколько слабых умом людей поддались религиозному энтузиазму, что противоречило общественным приличиям. Возможно, подобные отклонения были более частыми в эпоху кипения, предшествовавшую установлению христианства, а проституция в той или иной форме могла снова стать религиозным обрядом в некоторых заблуждающихся или безнравственных сектах. Неестественно и то, что язычники обвиняли христианство в целом в пороках тех его последователей, которые поклонялись в обнаженном виде и сопровождали молитву беспорядочными половыми связями[156].

Даже в лоне истинной Церкви время от времени возникали практики, которые печально расходились с моральной теорией апостолов. Многие люди обоих полов под влиянием религиозного энтузиазма искали облегчения для своих смятенных душ в уединении и неразумно пытались умертвить плоть практиками, которые слишком часто обостряли аппетиты. Достаточно прочесть красноречивые излияния святого Иеронима, чтобы убедиться, что образ жизни, принятый многими раннехристианскими отшельниками обоих полов, невольно приводил к нравственным отклонениям. Юноши и девушки, посвятившие себя уединенной жизни в лесах, живя как дикие звери, без одежды и стыда, естественно, возродили бы систему религиозной проституции в более или менее измененной форме. С другой стороны, во многих частях Европы христианские церкви считали небезопасным принимать наследие языческих религий в виде идолов, форм и церемоний. Святые сменили почести богов; танцы в честь Венеры стали танцами в честь Девы Марии; статуи, изначально предназначенные для изображения языческих божеств, были спасены от разрушения, будучи приняты в качестве честных изображений христианских святых. До недавнего времени в разных частях Европы существовали статуи Приапа под именем какого-нибудь святого, что сохраняло непристойность идола и было связано с верой некоторых простых женщин в то, что изображение обладало силой, приписываемой ему мифологией. В процессиях третьего и четвертого веков святые девы носили на шее непристойный символ старого поклонения, а святой хлеб в некоторых местах сохранял форму римских *колива* и *силигины*. Св. Иоанн Златоуст жалуется, что в указанных им местах женщин крестили в естественном состоянии, не разрешая им даже покрывать свой пол[157]. Большинство христианских учителей, не желая лишать массы суеверного удобства, которое им давало язычество, разрешали им молиться определенным святым не только о плодородии, но и об избавлении от импотенции мужей и любовников[158].

К этим безнравственным чертам следует добавить отдельные случаи распущенности в монастырской жизни. Преамбула различных эдиктов во Франции и других странах не оставляет места для сомнений в том, что в ряде случаев безнравственные люди принимали религиозное одеяние и собирались в религиозные общины с целью удовлетворения чувственности.

Таковы были те средства, которые христианство предоставляло проституции в ее различных формах. Они - сущий пустяк по сравнению с теми препятствиями, которые оно ставило на ее пути. Независимо от влияния нравственного учения святого Павла и апостолов, растущая сила Церкви была энергично направлена на изменение законодательства Восточной и Западной империй по вопросу сексуальных развратов.

Отцы не единодушно запрещали проституцию. Святой Августин говорил: "подавите проституцию, и капризные похоти низвергнут общество"[159]. Иероним признавал проституцию и утверждал, что, как Мария Магдалина была спасена, так и любая проститутка может покаяться[160]. Каноны апостолов исключали из сана всех, кто был осужден за связь с проститутками, и отлучали тех, кто был виновен в изнасиловании, но они не выносили общего приговора проституткам.[161] Но апостольская конституция клеймит как греховный любой половой акт, который не запрещен для поколения детей, а только для воли. [162] Тот же принцип утверждается в различных местах этого труда; вино осуждается как провокатор нечистоты, а верующие предостерегаются от общества развратных людей (*scortatores*). Эльвирский собор наложил наказание в виде отлучения на блудниц и проституток, но прямо повелел священникам принимать за столом для причастия проституток, вышедших замуж за христиан.[163] Святой Августин считал, что ни одна церковь не должна допускать проституток к алтарю, пока они не оставят свое призвание.[164] Подобная доктрина была выражена Толедским собором. В более поздний период, по мере продвижения в средневековой истории, мы видим, что соборы признают проституцию и проституток как класс. В 1431 году на Базельском соборе святой отец представил доклад на тему проституции, в котором говорилось, что она является единственным гарантом доброй морали. Столетие спустя Миланский собор особенно тщательно выделил проституток как класс. Они должны были носить особую одежду, без украшений из золота, серебра или шелка; проживать в местах, специально отведенных епископами, на расстоянии от соборов; избегать таверн и общежитий. Исполнение указа возлагалось на епископов и гражданские магистраты[165].

Вектигаль, или налог, который платили все лица, живущие проституцией, взимался императорами, начиная с Калигулы и заканчивая Феодосием. Обычно его собирали раз в пять лет. Зосима обвиняет Константина в том, что он увеличил и переделал этот налог, но, по-видимому, безосновательно. Первые христиане делали его предметом упреков императоров.[166] Вследствие их нападок Феодосий отменил ту часть закона, которая облагала налогом публичных домов, оставив налог на проституток. Последний взимался так же строго, как и раньше. Современник описывает, как императорские агенты выслеживали проституток в тавернах и домах проституции и заставляли их покупать, уплачивая налог, право заниматься своим делом.[167] Наконец, в V веке проституция и налог на проституток, или *хрисаргурон*, были официально отменены императором Анастасием I, а записи и списки сборщиков сожжены. Говорят, что через некоторое время после этого император объявил, что раскаивается в содеянном и желает, чтобы *хрисаргурон* был восстановлен. Это сообщение вызвало большую радость у развратников, и множество людей готовились воспользоваться восстановлением закона. Император дал понять, что желает, чтобы дела были поставлены, насколько это возможно, на прежнюю основу, и поэтому хотел бы собрать как можно больше старых свитков и записей. Они были собраны со всех концов и положены к ногам императора. Затем народу было дано извещение собраться в цирке в определенный день; когда все собрались, вся коллекция документов была сожжена под неистовые аплодисменты населения[168].

Утверждается, однако, что *хрисаргурон* был возрожден впоследствии и взимался при Юстиниане. Этот законодатель изменил старые римские законы, касающиеся проституции, и освободил проститутку от нерушимого запрета, наложенного на них республиканской юриспруденцией. Он разрешил браки граждан с проститутками и поощрял их своим примером. Его собственная жена, императрица Феодора, была балериной и проституткой. Когда она обрела императорский сан, то первым делом вспомнила о своих прежних спутницах. Она построила великолепный дворец-тюрьму на южном берегу Босфора и за одну ночь схватила и перевезла туда пятьсот константинопольских проституток. С ними обращались ласково, удовлетворяли все их желания, но ни один мужчина не вошел в их убежище. Эксперимент оказался полностью провальным. Большинство девушек в отчаянии покончили с собой, а остальные вскоре умерли от *тоски* и *уныния*.

Феодосий наложил на содержательниц публичных домов суровые наказания;^[169] Юстиниан повторил их и ужесточил. За захват и проституцию девушки он карал смертью. Тот, кто потворствовал женской проституции, должен был быть изгнан из города, где он жил, а любой человек, укрывавший его, должен был быть оштрафован на сто золотых. Все, что можно было сделать, чтобы искоренить систему сводников и публичной проституции, Юстиниан сделал;^[170] но в его законах нет и следа какой-либо жесткой политики по отношению к проституткам. К этим несчастным созданиям он относился со снисходительной гуманностью, которую, ради человеческой природы, можно, пожалуй, приписать доброму сочувствию императрицы.

ГЛАВА VI.

ФРАНЦИЯ - ИСТОРИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА.

Нравы в Галлии.- Гинекея.- Капитулярий Карла Великого.- Нравы в Средние века.- Эдикт 1254 года.- Декрет 1358 года, восстанавливающий проституцию.- Руа де Рибо.- Указ Филиппа, отменяющий проституцию.- Свод законов.- Наказание проституток.- Темплары.- Провинции.- Запрет на севере.- Лицензированные бордели в Тулузе, Монпелье и Авиньоне.- Штрафы на юге.- Влияние рыцарства.- Литература.- Эротическая лексика.- Инкубы и суккубы.- Колдовство.- Сабат.- Флагелланты.- Адамиты.- День невинных.- Свадебные церемонии.- Проповедники дня.

Римские рассказы о галлах представляют их как людей, ведущих добродетельный образ жизни. Выражение историка - *Severa matrimonia*. По всей видимости, это в большей степени относится к женщинам, чем к мужчинам. Как это обычно бывает у полумодернизированных народов, галлы, германцы, франки и большинство аборигенных народов Северной Европы налагали на женщин обязательства целомудрия, которые они не всегда принимали для себя. Прелюбодеяние и, в некоторых случаях, блуд они карали капитально; но, если верить ранним церковным писателям, эти грубые воины были склонны к грубому разврату, в котором большую роль играли опьяняющие напитки и беспорядочные половые связи с женщинами. Пиршества, которые устраивались после побед на поле боя или в честь национальных годовщин, имели некоторое сходство с римскими *commensationes*, хотя, конечно, им не хватало утонченности и остроумия, которые иногда пытались искупить эти позорные банкеты. Что касается женщин, то, несомненно, римские авторы судили правильно. То ли суровость

климата сдерживала пыл северной чувственности, то ли суровость закона сдерживала страсти, но женское население Галлии со времен римского завоевания на протяжении как минимум двух или трех веков было, несомненно, добродетельным. Проституция была сравнительно неизвестна. Старый закон или обычай предписывал побивать проституток камнями, но мы не слышим, чтобы этот закон был приведен в исполнение.

Одновременно с укреплением королевства франков мы отмечаем, что наложничество стало устоявшимся институтом, признанным законом и санкционированным церковью. Все франкские вожди, которые могли позволить себе такую роскошь, содержали гаремы, или, как их называли в те времена, *гинекеи*, наполненные молодыми девушками, которые служили их удовольствиям. Как оказалось, их устройство имело некоторое сходство с тем, которое в настоящее время используется в Турции и некоторых других магометанских странах. У вождя была одна законная и правильная жена, своего рода *султана валиде*, и другие жены, чьи супружеские права были определены менее четко, но все же их состояние не обязательно было неблагоприятным. Как жили эти люди, мы не можем сказать, но, несомненно, проституция в какой-то степени преобладала среди них, хотя, по всей вероятности, общественные нравы были чище, чем они стали в десятом и одиннадцатом веках.

Возможно, первое достоверное законодательное упоминание о проституции во Франции можно найти в Капитуляриях Карла Великого. Этот монарх, который, похоже, не видел ничего плохого в системе *гинекея*, был суров к обычной проституции. Он велел бичевать вульгарных проституток и подвергать подобному наказанию всех, кто их приютил, содержал развратные дома или оказывал помощь проституткам и развратникам. Другими словами, Карл Великий рассматривал один и тот же поступок как преступление среди бедных и как оправдательную привычку среди богатых.

Наши сведения об обществе в Средние века поневоле туманны и скудны, но их достаточно, чтобы понять, что в десятом, одиннадцатом, двенадцатом и тринадцатом веках безнравственность преобладала в ужасающей степени. Вероятно, богатые люди, имевшие свои *гинекеи*, были самым добродетельным классом в нации. Большинство королей подавали пример свободного общения с придворными дамами. Армии того времени были отмечены опустошениями, которые они совершали среди женского населения тех стран, где они квартировали. Оба эти сословия, похоже, уступили пальму первенства в разврате духовенству. Антикварам хорошо известно, хотя визуальные свидетельства этого становятся все скуднее, что большинство великих произведений готической архитектуры, относящихся к этому периоду, были обильно украшены развратными скульптурами, сюжеты которых были взяты из религиозных орденов. В одном месте монах был изображен в плотской связи с женщиной-подвижницей. В других - аббат, занимающийся с монахинями, обнаженная монахиня, которую беспокоят обезьяны, юные кающиеся, подвергающиеся порке от рук своего духовника, дамы-настоятельницы, оказывающие гостеприимство хорошо сложенным незнакомцам, и т. д. и т. п. Эти непристойные произведения искусства раньше украшали двери, окна, арки и ниши многих лучших готических соборов Франции. В последнее время скромность настояла на их удалении, но многие из них были спасены от уничтожения благодаря усердию антикваров, и есть основания полагать, что некоторые из них все еще избежали иконоборческой руки современной церкви. При таком состоянии духовенства и такой известности этого состояния было бы неоправданно ожидать чистоты нравов в народе.

Людовик VIII предпринял попытку упорядочить проституцию. Она оказалась безрезультатной, и уже следующий король того же имени, Людовик IX, предпринял первую серьезную попытку остановить развитие этого зла во Франции. Его эдикт, датируемый 1254

годом, предписывал немедленно изгнать из королевства всех проституток, а также лиц, зарабатывающих на жизнь косвенным путем, таких как содержатели публичных домов и сводники. Частично этот закон был введен в действие. Большое количество несчастных женщин было схвачено, заключено в тюрьму или отправлено за границу. Жестоким наказаниям подвергались те, кто возвращался в Париж после изгнания. Клиентов публичных домов охватила паника, и на несколько месяцев общественная благопристойность была восстановлена. Но вскоре стали ощущаться неизбежные последствия произвольного указа короля. Хотя служители правосудия насильно заключили в заведения, напоминающие больницы Магдалины, большую часть самых известных проституток и сослали многих других, на их место пришли другие. *Подпольный трафик сменил прежний открытый разврат*, и в темноте зло болезни неизбежно усугублялось. Более того, как это обычно случается, когда проституция жестоко и внезапно подавляется, количество добродетельных женщин стало меньше, и разврат вторгся в семейный круг. Торговцы жаловались, что со времени принятия постановления им стало невозможно оградить добродетель своих жен и дочерей от предприятий военных и студентов.

Наконец, жалобы на дурное влияние указа стали настолько общими и насущными, что по прошествии двух лет он был отменен. Новый королевский указ восстановил проституцию по правилам, которые, хотя и не были особенно просвещенными или гуманными, все же ставили ее на более прочную основу, чем та, которую она занимала до того, как королевское внимание было обращено на эту тему. Проституткам было запрещено жить в определенных районах Парижа, им не разрешалось носить украшения и изысканные вещи, и они были поставлены под непосредственный надзор полицейского магистрата, чей официальный или народный титул был *Le roi des ribauds* (король рибалодства). Обязанности этого чиновника, по-видимому, были аналогичны обязанностям римских эдилов, отвечавших за проституцию. Он был уполномочен арестовывать и заключать в тюрьму женщин, которые нарушали закон либо в одежде, либо в жилище, либо в поведении. Впоследствии против сохранения должности *Roi des ribauds* было выдвинуто возражение, что ее обычно занимали безрассудные, развращенные люди, которые выполняли свои обязанности скорее из соображений личных интересов и удовлетворения своей чувственности, чем из соображений общественной морали. Против них были выдвинуты обвинения в грубой тирании, и за неимением доказательств того, что их назначение было полезно для общества, Франциск I не испытывал особого сожаления, когда должность была упразднена.

Вернемся к Людовику IX. В старости он раскаялся в содеянном и вернулся к духу своего раннего ордонанса. В своих наставлениях сыну и преемнику он призвал его удалить из своей страны позорное пятно проституции и недвусмысленно указал, что лучшим способом достижения этой цели будет повторное принятие ордонанса 1254 года. Филипп послушно выполнил просьбу отца. Проституция снова была объявлена законным проступком, и против женщин и их сообщников снова был введен грозный набор наказаний. Но, как и многие законодательные акты в более современные времена, постановление Филиппа слишком явно противоречило государственной политике и народным настроениям, чтобы быть введенным в действие. Его тихо оставили мертвой буквой, и, за редким исключением, парижские проститутки продолжали заниматься своим делом без всяких опасений.

Через несколько лет после этого его отмена была авторитетно санкционирована новыми законами о роскоши. Королевский указ предписывал куртизанкам носить на плече узел определенного цвета как знак своего призвания. Все силы правительства были брошены на исполнение этого правила, а также тех, что были приняты Людовиком IX. В протоколах суда содержится бесчисленное количество отчетов об арестах проституток за нарушение этих

постановлений. Если они поселялись на запретной улице, их сажали в тюрьму и выдворяли; если они совершали преступление, надевая незаконную одежду или украшения, запрещенные предметы изымались и продавались, причем констебль, очевидно, делил выручку от продажи. К сутенерам и сводникам применялись более суровые меры. Как обычно, в своде законов содержалось множество противоречивых постановлений на эту тему, и им грозили всевозможные наказания, от сожжения заживо до штрафа и тюремного заключения. Несомненно, что в XIII и XIV веках несколько отъявленных сводниц были сожжены заживо в Париже. Других сажали на столб, бичевали, обрезали уши, а многие из более богатых людей отделались штрафом. Известны случаи, когда проститутку обнаженной выставляли на оскорбления толпы в течение целого дня, а к вечеру волосы на ее теле сжигали горящим факелом. Других снова гоняли по городу в обнаженном виде и забрасывали камнями. Эти варварские наказания, похоже, пришлись по вкусу народу. Проститутки всегда были отвратительным сословием, и неудивительно, что наказание отъявленной негодяйки жители французской столицы отмечали как радостный праздник. С другой стороны, сами проститутки нередко становились объектом общественного сочувствия.

В этот период действовали особые причины, способствовавшие формированию благоприятного настроения по отношению к проституткам. Становились известны ужасные развратные действия тамплиеров. Общество с ужасом воспринимало симптом возрождения самого страшного порока древних. Как известно, в сравнительно недавние времена предпринимались изобретательные и красноречивые попытки набросить завесу на развращенность тамплиеров и доказать, что они стали жертвами королевской ревности, но эти доводы не подтверждаются фактами. Документы, в подлинности и достоверности которых невозможно усомниться, неопровержимо доказывают, что секта тамплиеров была запятнана противоестественными пороками и что одним из главных секретов ее существования было то, что она предоставляла развращенным людям возможность удовлетворять чудовищные наклонности. В том, что именно такое мнение преобладало в Париже во время вспышки, которая в итоге привела к подавлению ордена, сомневаться не приходится. Легко понять, что ужас, который должны были пробудить подобные открытия, заставил бы людей более снисходительно относиться к пороку, который, по крайней мере, имел то достоинство, что соответствовал природному инстинкту.

Пока речь идет только о Париже. В Средние века, как известно, большинство провинций Франции были самоуправляемыми общинами, которые сами управляли своими делами и не получали никаких полицейских предписаний от короны. Поэтому полное исследование этой темы во всей Франции включало бы в себя столько же историй, сколько провинций. Разумеется, наше пространство не позволяет сделать ничего подобного, и мы можем лишь вкратце рассмотреть основные направления.

Большинство северных народов приняли, частично из старых германских конституций и частично из римского права, суровые положения против проституции, но они нигде, по-видимому, не были введены в действие. Время от времени отъявленные содержатели публичных домов или профессиональные сводники подвергались суровому наказанию, но к проституткам редко приставали. На севере и западе Франции терпимость, очевидно, была естественной политикой, поскольку мы не можем поверить, что в этой части страны это зло когда-либо доходило до крайности. В Нормандии, Бретани, Пикардии, больших северных и западных провинциях добродетельная простота была правилом жизни среди крестьян, и даже города не представляли собой разительного контраста. Во многих провинциях обычай, не подкрепленный текстом какого-либо обычая, позволял сеньору взимать пошлину с

проституток, занимающихся проституцией в пределах его юрисдикции. Некоторые старые титулы и записи упоминают об этой практике. В одном из них налог, уплачиваемый каждой проституткой, составляет четыре *динара* в пользу сеньора. В других говорится, что налог может быть уплачен деньгами или натурой, по выбору сеньора. Во многих сеньориях к этому необычному налогу относились с презрением, которого он заслуживал.

На юге Франции мы встречаемся с другим зрелищем. Там проституция уже давно стала неотъемлемой чертой общества. Горячие страсти южан требовали выхода, и в отсутствие какого-либо предохранительного клапана всем было очевидно, что неуправляемые похоти мужчин вскоре разожгут пылкие страсти смуглых южанок. Поэтому в трех крупнейших городах юга - Тулузе, Авиньоне и Монпелье - были открыты публичные дома проституции.

Тулузский публичный дом был основан на основании королевской хартии, в которой говорилось, что прибыль от этого предприятия должна делиться поровну между городом и университетом. Здание, выделенное для этой цели, было большим и удобным и носило название *Большого аббатства*. В нем размещались не только постоянные проститутки города, но и все свободные женщины, которые путешествовали этим путем и желали заниматься своим нечистым делом. Судя по всему, они получали жалованье от города, а плата, взимаемая с клиентов, делилась между двумя государственными органами, которым было предоставлено это предприятие. В знак своего призвания они обязаны были носить белые платки и белые ленты или шнуры на одной из рук.

Когда несчастный монарх Карл VI посетил Тулузу, проститутки аббатства встретили его в полном составе и выступили с обращением. Король принял их милостиво и пообещал оказать им любую милость, о которой они попросят. Они просили освободить их от обязанности носить белые значки, и король, верный своему обещанию, предоставил им эту возможность. Королевская декларация специально освободила их от старого правила. ^[171] Но жители Тулузы, несомненно раздраженные тем, что их жен и дочерей нельзя было отличить от "глупых женщин", по общему согласию толпой набросились на проституток, которые воспользовались королевским указом. Никто из них не мог решиться появиться на публике, не подвергаясь оскорблениям и даже телесным повреждениям. Решив довести дело до конца, женщины заперлись в аббатстве и делали все возможное, чтобы держать клиентов на расстоянии. Их расчет оказался верным: город и университет вскоре ощутили последствия сокращения числа посетителей аббатства. Корпорация обратилась к королю, и когда во время беспорядков, охвативших Францию в то время, Карл VII посетил Тулузу, *капитоны* подали ему официальное прошение с просьбой принять меры, которые его мудрость сочтет целесообразными, чтобы стать посредником между проститутками и народом и вернуть аббатству его бывшее процветание. Король действовал энергично. Он самым суровым образом осудил нападавших на проституток, а над дверью аббатства установил свои королевские *флёр-де-лис* в качестве защиты для его обитательниц. ^[172] Но народ не уважал королевское оружие так же, как "глупых женщин". Нападения на аббатство стали более многочисленными, чем когда-либо. Проститутки беспрестанно жаловались на насилие со стороны диких молодых людей, отказывавшихся платить за их удовольствия; а городские власти оказались неспособны пресечь беспорядки, и проститутки были вынуждены искать убежища в новой части города, где, надо полагать, они заручились достаточной поддержкой среди своих знакомых. В течение ста лет они жили в своем новом доме в мире и спокойствии. Затем университет вытеснил их, чтобы занять это место, и город построил для них новое аббатство за пределами респектабельных приходов. Оно называлось *Chateau vert*, а его слава и доходы равнялись прибыли старого аббатства.

Примерно в середине XVI века город уступил угрызениям совести некоторых моралистов того времени и передал доходы от Chateau vert госпиталям; но при условии, что госпитали будут принимать и лечить всех женщин, пораженных венерической болезнью, после шестилетнего испытания выяснилось, что это стоило больше, чем приносило. Госпитали передали замок городу. Как раз в это время многие выдающиеся философы и экономисты выступали за возвращение к старой церковной политике полного искоренения проституции. После дискуссии, длившейся несколько лет, власти Тулузы приняли эти взгляды и закрыли замок Верт. Один из высокопоставленных магистратов выразил протест против этого курса, основываясь на сценах безнравственности, которые он сам наблюдал в пригородах и в деревне по соседству с Тулузой; но городские власти остались при своем мнении и ограничились арестом нескольких самых бесстыдных из свободных проституток.^[173] С этого времени проституция в Тулузе подчинялась тем же правилам, что и в остальной Франции.

История проституции в Монпелье была аналогичной. В ранний период монополия, которую корона предоставила городу, будучи переданной частным лицам, попала в руки двух банкиров, в семье которых она оставалась на протяжении нескольких поколений. Во время их правления в городе был открыт публичный дом одним из тогдашних спекулянтов, но обладатели монополии преследовали его в судебном порядке и добились вечного запрета, запрещающего ему содержать или укрывать проституток.

В Авиньоне проституция была узаконена Джейн Неаполитанской всего до передачи города Папе. Постановление о создании публичного борделя, похоже, было составлено с особой тщательностью, и, хотя в последнее время появились сомнения в его подлинности, они не настолько обоснованы, чтобы оправдать его отклонение. Проституткам было предписано жить в борделе. Они обязаны были носить красный плечевой узел как знак своего призвания. Еженедельно публичный дом должны были посещать байли и "цирюльник", последний должен был осматривать девушек и изолировать всех, кто казался зараженным. Ни одному еврею не разрешалось входить в бордель ни под каким предлогом. В дни святых двери должны были быть закрыты, а особые предписания ограждали от распространения сцен бунта и беспорядков^[174].

Это постановление, по-видимому, оставалось в силе в течение всего периода оккупации Авиньона папой, и его наказания время от времени применялись к нарушителям. Но если верить Петрарке и другим современным авторам, город был не меньшим прибежищем для развратников и скандалом для христианства. Петрарка жалуется, что он был гораздо более развратным, чем старый Рим, и народная пословица подтверждает, по крайней мере частично, его мнение^[175].

В некоторых южных провинциях, однако, существовали суровые законы против проституции, хотя некоторые из наказаний, похоже, были сформулированы скорее с целью стимулирования, чем подавления страстей. В одном или двух городах мы находим рассказы о том, что проституток и их клиентов в качестве наказания заставляли ходить голыми по улицам. В других городах сутенеров и проституток наказывали железной клеткой. Если проститутка вела себя особенно несносно, ее хватали, раздевали догола и тащили посреди большой толпы к берегу водоема. Там ее засовывали в железную клетку, в которой заставляли стоять на коленях. Когда дверь клетки закрыли, ее бросили в реку и оставили под водой достаточно долго, чтобы вызвать временное удушье. Это шокирующее наказание повторялось несколько раз.

Сильное влияние на нравы южных людей, по крайней мере высших классов, оказывал институт рыцарства. Суть этого института заключалась в том, чтобы поощрять духовное за

счет чувственного удовлетворения. Шевалье годами тайно обожал свою любовницу, не осмеливаясь даже произнести ее имя. Годами он носил шарф или ленту в ее честь через сцены сражений и всевозможных опасностей, радуясь, когда после целого дня, проведенного в воздыханиях и надеждах, чаровница снисходила до того, чтобы вознаградить его верность благосклонной улыбкой. Очевидно, что сексуальные контакты должны были быть редкими среди людей, которые придавали столь большое значение самым скромным комплиментам и малейшим знакам привязанности; не приходится сомневаться и в том, что рыцарство придавало высокий тон чувствам и языку общества, а также смягчало манеры всех, кто попадал под его влияние.

С другой стороны, если мы посмотрим на литературу, которая процветала во Франции в период возрождения образованности, то не сможем не сделать вывод, что нравы народа в целом не были чистыми. В тринадцатом, четырнадцатом и пятнадцатом веках стандартным чтением образованных французов был знаменитый *"Роман де ла Роза"*, произведение замечательного таланта, но в то же время отличающееся циничной философской жилкой и необыкновенной непристойностью языка. Ни одна часть этого произведения не была полностью свободна от непристойных выражений, и сегодня было бы невозможно процитировать пятьдесят строк из него на современном языке. Доктрина автора в отношении женщин была оскорбительной и циничной.^[176] Они были единообразно изображены как сдерживаемые только юридическими трудностями, чтобы не поддаваться самым свободным страстям; а все мужчины, подобным образом, были изображены как соблазнители, прелюбодеи и насильники молодых девушек. Так читало лучшее общество Франции. *Роман де ла Роз* был для них тем же, чем для нас является Шекспир.

Он также не был единственным в своем роде. Из всех произведений, которые та эпоха оставила нам в наследство, почти все запятнаны той же грубостью языка и щедростью идей. Все, или почти все, дышат воздухом борделя. У авторов это было скорее поводом для хвастовства, чем для стыда. Вийон и Регнье, кажется, гордятся своим знакомством со сценами дебоша и обширными знакомствами среди проституток. Лучшие из их работ - это описания эпизодов распутства; самые живые зарисовки имеют в качестве темы проституток, их судьбы или болезни. Кажется, они подражали Горацию, когда заимствовали его самые одиозные недостатки. Некоторые из них были не только поэтами, но и актерами, и использовали механизм сцены для распространения своих развратных сочинений. Хотя в их время появление женщин на сцене было еще необычным или даже незаконным, мальчики, игравшие женские роли, были хорошо обучены этому делу, и представления, восхищавшие города и деревни Франции, по своей грубости мало чем уступали театральным безобразиям императорской эпохи в Риме.

О популярности эротической литературы в этот период во Франции можно судить по удивительному словарю эротических терминов, который можно почерпнуть из произведений Рабле, Бероальда де Вервиля, Регье, Брантома и их современников. Не было ни одной формы разврата, для которой не было бы придумано соответствующее название; а что касается обычных действий и инструментов проституции, то можно было бы составить словарь синонимов, не охватив их все. Месье Дюфур в своем добросовестном труде заполняет несколько страниц словами, которые использовались для выражения акта блуда.

Многие события также свидетельствуют о распущенности нравов. История *инкубов* и *суккубов*, занимающая определенное место в каждом трактате по демонологии, представляет собой любопытнейшую характеристику нравов того времени. Существование демонов, которые занимались посягательством на добродетель девушек и юношей, признавали некоторые отцы Церкви,^[177] цитировавшие слова Бытия в подтверждение этой

необычной доктрины. Они были двух видов: *incubi*, от латинского *incubare*, демоны-мужчины, посягавшие на целомудрие девочек; и *succubæ*, демоны-женщины, лишавшие мальчиков невинности. Старые хроники полны рассказов о злодеяниях этих злых духов. Как и следовало ожидать, *инкубы* были более многочисленны и предприимчивы, чем *суккубы*. На одного мальчика, который признался, что во сне на него напал демон женского пола и заставил его служить ее чувственности, приходился целый десяток девушек, которые приводили вполне сносные доказательства того, что отдали свою девственность существам мужского пола, которые, как они были уверены, могли быть не иначе как дьяволами. Церковные писатели того времени сохранили ряд скандальных историй такого рода, которым настолько доверяли, что папа Иннокентий VIII счел необходимым издать буллу на эту тему и снабдить верующих действенной формулой экзорцизма.

Женщины, большинство из которых были монахинями, признавались, что подвергались скандальным визитам демонов в течение длительного времени, и ни пост, ни молитва, ни духовные упражнения не могли избавить их от ненавистной чумы. Некоторые девушки были вынуждены признаться в подобном общении и были сожжены на костре как обладательницы колдовской природы.[178] Замужние женщины делали подобные признания. Они заявили, что могут подтвердить, что общение с демонами было крайне болезненным; что их фригидная природа в сочетании с чудовищными пропорциями делала их общество тяжелым испытанием, независимо от греха. Было замечено, что женщины, замужние или незамужние, которые обращались к церковным властям с просьбой избавить их от этой диковинной формы мучений, почти всегда были молодыми и красивыми.

В 1637 году в Париже состоялась публичная дискуссия по вопросу: "Существуют ли *суккубы* и *инкубы* и могут ли они давать потомство? Дискуссия была долгой и обстоятельной. Ее вели ученые врачи в присутствии большой аудитории, состоявшей частично из дам; и хотя решение трибунала было отрицательным, оно не было столь категоричным, чтобы решить вопрос.[179] Даже столетие спустя, когда один из королевских врачей взялся взорвать теорию развратных демонов и доказать, что девушки пытались скрыть свои связи с любовниками, приписывая им дьявольский характер, общественность не была убеждена, и *инкубы* не остались без верующих. Законы по-прежнему предусматривали смертную казнь для всех людей, будь то мужчина или женщина, которые вступали в связь с демонами.

Другая практика, которой был положен конец примерно в то же время, называлась "*Le sabat des sorciers*", бдение ведьм. Похоже, что в самые ранние времена, о которых мы имеем хоть какие-то сведения, жители Франции и Германии имели привычку посещать ночные собрания, в которых, как считалось или утверждалось, колдовство занимало видное место. В XIII веке их осудил папа Григорий IX,[180] который был уверен, что к ним причастен дьявол и что их главной целью является удовлетворение чувственности. Его булла не достигла своей цели. Собрания ведьм продолжали проводиться или считалось, что они проводились на протяжении XIV, XV и части XVI веков. По народному поверью, лица, состоящие в союзе с ведьмами, помазывали свои тела магической мазью, садились на метлу и немедленно переносились по воздуху к месту встречи; Сатана присутствовал на церемонии в виде огромного козла и принимал почести от ведьм и их прозелитов; затем следовали песни и танцы, и все представление завершалось сценой распутного разврата.[Инквизиция взяла дело в свои руки и получила показания под присягой от нескольких женщин, утверждавших, что они имели сношения с демонами в таких случаях, и с необычайной грубостью

рассказывавших о тех особых ощущениях, которые они испытывали. [182\]](#) На основании этих доказательств были возбуждены судебные дела, и многие люди были осуждены и казнены.

В наше время принято считать преследование ведьм доказательством варварской нетерпимости древней церкви; но на самом деле внимательное изучение доказательств не оставляет места для сомнений в том, что колдовство было лишь прикрытием настоящих пороков. Большинство людей, сожженных во Франции как колдуны, на самом деле использовали популярную веру в магию, чтобы скрыть свои собственные распутства, и преуспели в развращении большого количества молодежи обоих полов. Один богословский писатель времен Франциска I утверждал, что в его время во Франции насчитывалось сто тысяч человек, проданных сатане. [\[183\]](#) Если допустить некоторое преувеличение, то из этого заявления все равно следует, что эта форма проституции приняла угрожающие масштабы. Нет никаких оснований сомневаться и в том, что священники и другие люди с развратными наклонностями во многих случаях обращали простоту деревенских девушек в свою пользу и заслужили суровое наказание, которое обрушила на них рука Церкви. Бдение, или *сабат*, исчезает из истории в XVI веке. То, что он некоторое время до своего исчезновения был притоном развратников и благодатным источником проституции, неопровержимо доказывают авторы демонологических трудов и старые летописцы.

Другие средства, способствующие проституции, были получены из рядов самой Церкви. В Средние века появилось множество странных сект, успех многих из которых зависел от благосклонности, которую они оказывали чувственности. В настоящее время нелегко определить, какая доля печатных историй о многих из этих сект была плодом сектантской ревности их противников; некоторые из них, несомненно, были клеветаны, но есть и другие, о характере и практике которых нет места для споров. Флагелленты, например, насчитывавшие во Франции в XIV веке восемьсот тысяч прозелитов, были, несомненно, развратны. Они шествовали процессией, мужчины и женщины вместе, по городам Франции, причем каждый член общества свободно бил плетью по голой спине стоящего перед ним человека; а по ночам они собирались в сельских местах и приступали к более серьезным флагелляциям. Знающие люди приписывали этим поркам эротический эффект, утверждая, по-видимому, правду, что, когда флагелленты возбуждали свои чувства дисциплиной, они предавались неистовому разврату. Как бы то ни было, очевидно, что зрелище обнаженных мужчин и женщин, марширующих в процессии и бичующих друг друга, не могло не провоцировать проституцию [\[184\]](#).

Другой похожей сектой были адамиты, которые утверждали, что нагота - это закон природы, а одежда - мерзость в глазах Бога. Говорят, что поначалу адамиты настаивали на наготы только во время религиозных упражнений, а их прозелиты раздевались в пределах места поклонения; но один из них, Пикар, ставший ведущим авторитетом в секте, заявил, что их принципы должны смело проводиться в жизнь перед лицом всего мира. Он и его последователи, мужчины и женщины, появились на улицах в костюмах, в которых они родились. Инквизиция очень правильно наложила на них руки, наказала одних и сослала других [\[185\]](#).

И снова: если мы перейдем от отдельных происшествий к состоянию общества в целом, то обнаружим множество черт, которые не могли быть подспорьем для добродетели. Уже упоминалось о непристойном характере большей части ранней поэзии Франции и о чрезмерной грубости тех произведений, которые получили и, возможно, заслужили самую широкую популярность. Многие обычаи того времени были в равной степени противны здоровой морали. Приведем один из них в качестве примера: В *День невинных*, который

приходился на 28 декабря, мужчинам разрешалось вторгаться в спальни девушек и, если они заставали их в постели, подвергать наказанию, которое было принято в школах. Отсюда и возникло поговорка - *Donner les innocents à quelqu'un*, означающая бить розгами по голой коже. Несомненно, старые летописцы были правы, говоря, что когда девушка стояла хлопот, вторгшийся в покои не довольствовался наказанием[186].

Браки сопровождались церемониями, намного более грубыми, чем те, что практиковались в Риме. Было не только прилично, но и модно, как для мужчин, так и для женщин, подглядывать за спальней новобрачных, и удачливый мужчина или девушка, которым удавалось разглядеть интерьер комнаты через щель в стене или отверстие в двери, громко аплодировали, когда становился известен результат его или ее открытий.[187] Поэтому изобретение свадебных комнат не является оригинальным в Америке, как предполагают некоторые.

Как ни странно, ни разврат поэтов, ни грубость социальных привычек того времени не поражают воображение больше, чем тон проповедей, которые произносились в Париже в тот же период. Одним из самых известных проповедников того времени был Майяр, возвысившийся при Людовике XI. Его проповеди о роскоши и разврате того времени были очень популярны. Мы видим, как он проклинает "бюргеров", которые ради выгоды сдавали свои дома проституткам: "*Vultis vivere de posterioribus meretricum*", - возмущенно восклицает он. С необычайной яростью он осуждает "преступления наглости, которые совершаются в церквях" и которые "колонны и нефы обличали бы, если бы у них были глаза и голос". Он не пощадил и своих прихожан. Яростно обращаясь к сидящим перед ним женщинам, он апострофировал их: "Вы, мужеложницы, позубоскалите, позубоскальте над своими дочерьми? Вы, мужеложницы, за то, что ввели их в заблуждение, провоцируете других на преступление? *Et vos, maquerellæ, quid dicitis?*" Он громит этот последний класс, сводниц, которых, по его словам, следует сжечь на костре, особенно когда, как это часто бывает, они одновременно являются матерями и продавцами своих дочерей. У него не хватает слов, чтобы осудить связь брошенных женщин с церковниками; он призывает божественный гнев на тех из своих прихожан, *которые имеют куриальное, монашеское и пресвитерское звание*. И он, и другие известные проповедники того времени произносили проклятия в адрес развратных монастырей, которые, по словам некоторых из них, являются просто сералями для епископов и монахов, где практикуются все мерзости.

По оценкам, в XV веке, когда Париж был сравнительно небольшим городом, в нем насчитывалось от пяти до шести тысяч проституток, которые, по словам одного итальянца, были гораздо красивее и привлекательнее всех проституток, которых он видел в других местах.

ГЛАВА VII.

ФРАНЦИЯ - ИСТОРИЯ ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО ЛЮДОВИКА XIII.

Двор.- Людовик IX - Карл V.- Карл VI.- Агнесса Сорель.- Людовик XI.- Карл VIII.- Людовик XII.- Франциск I.- Ла Бель Феронньер.- Генрих II.- Диана де Пуатье.- Известные книги и картины.-

Катарина Медичи.-Маргарита.-Генрих IV.-мадемуазель де Антрагес.-Генрих III.-Миньоны.- Влияние Лиги.-Непристойность одежды.-Театры.-Указ 1560 года.-Полицейские правила.

Уже приведенные нами заметки позволяют читателю составить представление о состоянии общества в целом. Остается сказать кое-что о дворе, который в некоторых отношениях был Францией.

Говорят, что короли Франции от Людовика IX до Карла V включительно не подавали примеров разврата, и что двор скорее поощрял добродетель, чем порок. Когда невестки Филиппа Красивого оскандалили Париж своей разгульной жизнью в Тур-де-Несль, куда они, по слухам, увлекали студентов, которых убивали, когда пресыщались своей смазливостью, король привлек их к наказанию и разобрался с ними так, словно народный скандал имел под собой реальные основания. Когда на трон взошел Карл VI, ситуация изменилась. Этот несчастный монарх не только сам был слаб и развратен, но и его жена, Изабелла Баварская, была еще порочнее. Эта пара поощряла все, что могло шокировать скромность или возмутить приличия. Королева почти открыто жила со своим любовником, герцогом Орлеанским. Король, пока сохранял рассудок, был ведущим актером скандальных маскарадов при дворе и едва избежал гибели в одном случае, когда переоделся в дьявола и нескромно танцевал перед придворными дамами. Вокруг его чресл, как и вокруг чресл его братьев-демонов, было завязано нечто вроде буксирного пояса, и все маскарадики были скованы одной цепью. В разгар их танцев какой-то глупец бросил в них зажженный факел. Их кушаки загорелись, и все сгорели заживо, кроме короля, которого спасла герцогиня Беррийская, смело подняв свои юбки и набросив их на горящего монарха.

В молодости у Карла было много любовниц. Когда он сошел с ума, врачи велели королеве отказаться от выполнения супружеского долга. У Карла осталось достаточно прежней натуры, чтобы возмутиться этим лишением. Он даже применил силу, и в конце концов ему удалось заставить жену вновь занять свое место в королевском ложе. Однако она ухитрилась обмануть его, наняв на свое место хорошенькую девушку. Говорят, что Чарльз так и не обнаружил обмана. Его жена тем временем дала волю своим необузданным страстям и, как известно, имела не менее десятка любовников.

Очень яркое представление о нравах того времени дает история Агнес Сорель. Как известно, она была любовницей Карла VII, дамой из хорошей семьи и, кроме как в качестве любовницы короля, с безупречной репутацией. Свое влияние на короля она использовала в самых лучших целях. Именно она побудила его предпринять усилия, которые в конечном итоге привели к изгнанию иностранца из Франции. Ее личный характер был похвален: она была приветлива, щедра, добра и правдива; однако когда она посетила Париж в компании с королем, толпа следовала за ней, когда бы она ни появилась на улицах, оскорбляя ее и называя проституткой в самых грубых выражениях. Король прожил с ней восемнадцать лет, но так и не решился публично признать ее своей любовницей. Из четырех дочерей, которых она ему родила, только три были узаконены его преемником.

Людовик XI имел сераль и колонию бастардов еще до того, как стал королем, и не изменил своего образа жизни, когда принял на себя управление королевством. Его фаворитки обычно выбирались из самых низких слоев подданных, многие из которых проходили ученичество на службе у короля в столичных домах проституции. Людовик никогда не притворялся, что испытывает к ним привязанность; он использовал их, как использовал литераторов, сочинявших для его развлечения развратные истории, которые дошли до нас.

Карл VIII, судя по всему, был более добродетельным, чем его предшественники, хотя, конечно же, не побрезговал супружеской верностью. Рассказывают историю, которая

положительно отражается на его характере. Говорят, что во время похода в Италию, когда он однажды вечером удалился в свои покои, то обнаружил там молодую девушку изумительной красоты в состоянии полной дешаби́ли. Когда король вошел, она стояла на коленях и плакала. Когда Карл поинтересовался причиной ее печали, она призналась, что родители продали ее камердинеру короля для использования его величеством, и умоляла Карла пощадить ее. Король был тронут ее бедой. Он выяснил все обстоятельства и, обнаружив, что все так, как она заявила, и, кроме того, что она была обручена с молодым человеком, живущим по соседству, послал за ним и немедленно обвенчал молодую пару.

Кажется несомненным, что причиной смерти Карла стала его неосторожная связь с полом. Все летописцы утверждают, что он пал жертвой потворства своим страстям, будучи хрупким телом и слабым телосложением.

Двор Людовика XII был чище, чем у его предшественников, благодаря строгой добродетели королевы. Сам Людовик в молодости разделял распутство своей семьи, но, став королем, он позволил жене управлять своим хозяйством в соответствии со своими принципами. Впервые за многие годы, говорят старые летописцы, проституция была изгнана из двора.

Нам будет что сказать о Франциске I. в связи с сифилисом, ранней и яркой жертвой которого он стал. В возрасте восемнадцати лет его мать заявила, что он был наказан там, где согрешил. Это несчастье не послужило предостережением. Его жизнь была печально известна распущенностью в то время, когда распутство было таким правилом, что его вряд ли можно было заметить. Брантом утверждает с уверенностью [188], что его экспедиция в Италию была вызвана желанием познакомиться с миланской куртизанкой, чьи прелести превозносил адмирал Бонниве. До его времени, судя по всему, при дворе всегда существовала группа проституток для использования придворными. Франциск подавил эту организацию и фактически пригласил придворных дам занять их место. Брантом анализирует эту политику, и хотя он хвалит ее за "радостное времяпрепровождение", к которому она привела, он вынужден признать, что она породила величайшую безнравственность, когда-либо известную во Франции. Городские дамы последовали примеру придворных, и мало того, что каждая женщина во Франции стала проституткой.

В это время король имел обычай приглашать всех своих придворных, их жен и дочерей время от времени останавливаться в королевских дворцах. У дам были отдельные апартаменты, и от каждой комнаты у короля был ключ. Мы уверены, что у мужей, отцов и братьев дам, которые отказывались подчиняться королевским требованиям, было мало шансов сохранить свои должности. Если же они были виновны в злоупотреблениях или казнокрадстве, как это случалось с большинством из них, они могли надеяться на помилование только благодаря покладистости своих родственниц. История месье де Сен-Валье, который был освобожден на эшафоте в качестве платы за милости, оказанные королем его дочерью, прекрасной Дианой из Пуатье, слишком хорошо известна, чтобы повторять ее здесь.

Франциск хвастался тем, что всегда уважал честь придворных дам, и это хвастовство было справедливым, с его точки зрения. Его визиты к любовницам всегда совершались таинственным образом и по ночам. Даже с герцогиней Этампской, которая была его признанной любовницей и сводницей на протяжении почти двадцати лет, он никогда не вел себя на людях так, чтобы скомпрометировать ее репутацию. В частной жизни он не был столь щепетилен. Когда однажды вечером муж этой дамы потревожил короля, Франциск набросился на него с мечом и пригрозил убить, если тот посмеет раскрыть то, что всем известно, или наказать жену, чьей измене он потворствовал долгие годы. Похоже, он считал, что только слова являются грехом разврата. Однажды он пригласил всех придворных дам

посмотреть на королевского оленя в период гона; но когда один джентльмен осмелился на весьма очевидную любезность, он изгнал его из двора на всю жизнь.

Его смерть часто описывалась. Некоторые авторы своим молчанием заставляют усомниться в подлинности истории о *красавице Ферроньер*; однако она опирается на весьма убедительные доказательства. Эта дама, отличавшаяся необыкновенной красотой, была женой адвоката или купца (власти не согласны в этом вопросе). Король обратился к ней с просьбой о благосклонности, но, как ни странно, получил положительный отказ. Однако, посоветовавшись с придворными юристами, Франциск получил информацию о том, что он может, пользуясь своей королевской прерогативой, наслаждаться обществом любой женщины, которую пожелает, и Ферроньер была уведомлена о том, что король повелевает ей уступить его желаниям. Она сообщила об этом мужу, который, поразмыслив, посоветовал ей подчиниться. Тем временем сам Ферроньер приложил все усилия, чтобы заразиться сифилитической болезнью, которую он передал своей жене. Она передала болезнь королю, который умер от нее после долгих мучений.

Заслуга Генриха II заключалась в том, что он хранил верность не жене, а любовнице. Последней была знаменитая Диана де Пуатье, об успешном заступничестве которой перед Франциском I от имени отца уже говорилось. Брантом утверждает, что она не подражала постоянству своего королевского любовника, говоря, что в молодости она "обязала многих". Он рассказывает историю, которая, если она правдива, положительно отражается на нраве короля. Однажды, навестив свою любовницу, он застал ее в компании придворного по имени Бриссак, который успел спрятаться под кроватью. Проведя несколько минут с Дианой, король попросил подкрепиться. Ему принесли несколько коробок с кондитерскими изделиями, и в разгар трапезы он взял одну коробку и бросил ее под кровать со словами: "Хэллоу, Бриссак, каждый должен жить!". Диана не потеряла часть сердца своего возлюбленного из-за своих неверных поступков. Этим она в какой-то степени была обязана своей необыкновенной красоте, которую сохранила до конца жизни, так что поговаривали, что она имеет привычку пользоваться мылом из жидкого золота. Генрих гордился своей любовницей и никогда не скрывал их связь. Его руки были переплетены с ее руками на многих общественных зданиях и тарелках. Он постоянно разъезжал по улицам с прекрасной Дианой на крупе; он оказывал ей столь явное предпочтение перед своей женой, что благоразумные придворные никогда не совершали ошибки, ухаживая за последней.

Но упорядоченная жизнь короля не была подражанием двору. По мнению Брантома и Совалья, излишества эпохи Франциска усугубились при Генрихе. По словам первого, дамы редко преподносили свою девственность мужьям; а мужья, возражавшие против близости своих жен с "королями, принцами, дворянами и другими придворными", избегали общества. Женщина считалась добродетельной, если она умоляла своего любовника подождать до замужества, чтобы удовлетворить его желания; замужние женщины, сохранившие любовь к одному и тому же *галанту* в течение нескольких лет, считались образцами чистоты. Брантом ясно дает понять, что обычный разврат не удовлетворял желаниям придворных; кровосмешение, содомия и подобные им мерзости могли лишь насытить страсти старых развратников того времени.

Тот же автор частично объясняет распространение порока тем, что за последние полвека дамы Франции овладели искусствами Италии; не вызывает сомнений и то, что при Медичи во Францию были завезены многие из чудовищных пороков, свойственных Италии со времен императорского Рима. Мы слышим о всевозможных орудиях разврата, о развратных книгах и развратных картинах, о непристойных скульптурах и бронзе, которые продавались в парижских лавках без всяких препятствий. Это был век Аретино; кроме этого знаменитого

или печально известного писателя, множество других итальянцев соревновались за приз разврата в сочинениях. Поэты, художники, скульпторы, казалось, пробовали, насколько искусство может быть проституировано. Челлини, Леонардо да Винчи, Джулио Романо, Николло дельи Абате, да и почти все их современники, опорочили свой гений исполнением непристойных произведений. Многие из них попали в Париж. Когда папа Климент VII взялся преследовать авторов непристойных произведений, будь то в письмах или в искусстве, большинство композиций, которым угрожала его булла, были перевезены во Францию. Брантом упоминает многие из них как весьма распространенные в его время. Например, он описывает серебряный кубок, на котором были выгравированы самые непристойные сцены, и который один придворный дворянин всегда обязывал дам, посещавших его, пользоваться им за столом. Другие дворяне расписывали свои комнаты фресками в похожем вкусе. Утверждается, что по приказу Анны Австрийской с потолков дворца в Фонтенбло были сняты фрески такого рода на сумму в триста тысяч экю.^[189] Но в правление Генриха II, похоже, никто не был привлечен к ответственности за торговлю подобным товаром.

В течение трех последующих царствований именно Катарина Медичи задавала тон при дворе и действительно управляла королевством. Все историки сходятся в том, что она использовала проституцию в качестве основной движущей силы своей политики. У нее был двор, состоявший иногда из двух-трех сотен фрейлин, которых она использовала для выведывания секретов тогдашних политиков. Их называли "Летучим эскадроном королевы", и, судя по всему, они успешно справлялись со своими обязанностями, разумеется, за счет тех добродетелей и приличий, которые еще сохранялись при дворе. Брантом все еще является нашим авторитетом в утверждении, что они внесли новую черту в разврат; они брали на себя инициативу в делах такого рода, и вместо того, чтобы поддаваться на уговоры любовников, именно они заставляли своих возлюбленных встретиться с ними на полпути. Он также сообщает нам, что они способствовали распространению во Франции других пороков, которые до этого были свойственны южному и восточному климату, возрождая практику, которая была распространена среди афинских *гетер*.

Утверждалось, что Катарина намеренно приучала своих детей к разврату, чтобы отвлечь их от политики и сохранить контроль над королевством, но этот скандал, похоже, не опирается на достоверные доказательства. Однако не вызывает сомнений тот факт, что Карл IX, автор убийства святого Варфоломея, жил в кровосмесительной связи со своей сестрой Маргаритой, и, кажется, нет причин сомневаться в правдивости истории о том, что Катарина не раз развлекала короля и двор на банкетах, где официантами служили обнаженные женщины.

Возможно, лучшее представление о нравах того времени можно получить из приключений Маргариты, которая вышла замуж за Генриха IV, короля Наварры, а затем короля Франции. Говорят, что в возрасте одиннадцати лет у нее было два любовника, оба из которых утверждали, что лишили ее добродетели. Выйдя замуж за короля Наварры, она нашла средства, чтобы покинуть мужа и поселиться в Париже, воздух которого подходил ей больше, чем деревенский. Здесь ее распутство стало обычной темой для скандалов, а счет ее любовникам шел на минуты. Наконец, родив ребенка, который таинственным образом исчез, ее брат Генрих III отправил ее к мужу с позором. Генрих Наваррский отказался от сожительства с ней. Король тщетно пытался примирить пару. С большим рвением, чем тактом, он использовал в качестве аргумента кузену, что мать короля Наваррского сама не вела безупречную жизнь. На это Генрих разразился смехом и заметил посланнику, что король был очень комплиментарен в своих письмах: в первом его величество описывал пороки жены, а во втором упоминал о слабостях матери.

Он упорно отказывался принять Маргариту, и она укрылась в маленьком городке Аген, но не успела она начать вести там привычную жизнь, как народ поднялся и изгнал ее. Второе убежище она нашла в крепости Уссон, и там она прожила двадцать лет в своеобразной тюрьме, которую превратила в бордель. Она была лишена общества модных людей и придворных, но для ее целей подходили слуги, секретари, музыканты и даже окрестные крестьяне, в которых не было недостатка. Вернувшись в Париж в преклонном возрасте, она не изменила своего образа жизни. Она стала внешне набожной, основала женский монастырь и монастырь рядом со своей гостиницей; последний, как говорили люди, для того, чтобы монахи всегда были под рукой; но список ее любовников оставался неизменным до самой ее смерти[190].

Ее муж также не представлял собой разительного контраста со своей женой, хотя он так сурово отзывался о ней в работе, опубликованной под названием *"Сатирический развод"*. Бейль замечает, что, если бы не тратил столь значительную часть своей энергии на погоню за чувственными удовольствиями, он стал бы одним из величайших героев истории[191]. Он был обилён и неразборчив в своих привязанностях; герцогиня или дочь фермера - для него это было одно и то же. Он менял любовницу не реже раза в месяц. Исключением из этого правила стала его привязанность к Габриэль д'Эстре, очень милому созданию, которую он делил с маркизом Беллегардом и которая родила ему (или им) троих детей, и которая длилась несколько лет. Он не был ей верен и не скрывал своих неверностей, но страстно любил ее. Однажды он оставил свою армию в разгар кампании, переоделся крестьянином и отправился через вражескую страну, чтобы встретиться с ней. Однажды он отправился к ней, но его остановили на пороге, объявив, что с ней находится Беллегард. Первым его порывом была ярость. Выхватив шпагу, он бросился к двери, но остановился на полпути и, сказав: "Нет, это ее рассердит", вернулся домой. Габриэль была очень красивой и очаровательной. Она имела привычку рисовать себя в состоянии совершенной наготы, а вокруг нее играли ее дети.

Когда она умерла, Генрих предложил заменить ее мадемуазель д'Антрагэ, чья красота произвела фурор при дворе. Были начаты переговоры с дамой, которая покорно передала дело в руки своей семьи, и отец, мать и братья начали торговаться с королем за проституцию их дочери и сестры. Они попросили сто тысяч крон. Король посчитал эту сумму большой и предложил пятьдесят тысяч, но семья, не желая уступать, согласилась на их требования. Затем они добавили, что хотели бы получить обещание жениться при условии, что дама родит ребенка мужского пола в течение года. Генрих согласился и на это, несмотря на уговоры Сюлли, и госпожа д'Антрагес стала признанной дамой. Д'Антрагес стала признанной любовницей короля. Нет нужды добавлять, что обещание жениться так и не было выполнено.

Спустя некоторое время Генрих влюбился в девушку, которая была обручена с маршалом Бассомпьером. Пылкий, как никогда, он послал за маршалом, объяснил ему свои чувства и приказал Бассомпьеру отказаться от своих притязаний. Маршал повиновался, и Генрих выдал даму (которая была Монморанси) замуж за принца Конде. Брак едва успел закончиться, как король начал переговоры с невестой. Вряд ли стоит доверять тому, что эмиссаром, которого он нанял, была мать принца Конде, которая не оставила попыток добиться бесчестия своего сына. Принц, менее благодушный, чем большинство других придворных, отказался позволить своей жене стать любовницей короля. Он увез ее из Франции, и как раз в тот момент, когда Генрих собирался послать за ней, убийца Равайяк избавил Конде от опасности.

Беспорядки Генриха III, предшественника короля Наваррского, пользуются позорной славой. В его правление было время, когда по той же причине, которая побудила основать *диктерию* в Афинах, проституция казалась почти желанным учреждением в Париже. В молодости он был известным соблазнителем знатных дам. Анекдот из его жизни в этот период не только раскрывает тон двора, но и с радостью показывает, что разврат не был таким всеобщим, как можно было бы представить. Когда Генрих был избран королем Польши, ему захотелось успокоить свою любовницу, госпожу де Шатонеф, подыскав ей мужа. Он обратился к одному из придворных, проректору Парижа, месье де Нантонилле, но получил язвительный ответ, что "месье де Нантонилле не женится на проститутке, пока король не установит бордели в Лувре".

Лучше, пожалуй, отбросить завесу над более поздними историями о Генрихе III, его *миньонах* и ужасающих пороках, которые практиковались в Париже в его время. О них можно догадаться по тому факту, что Брантом упоминает некоторые оргии, во время которых король и компания друзей, мужчин и женщин, раздевались догола и пытались поставить себя в один ряд с грубыми существами, как скорее издевательские примеры его чувственности.

В дальнейшем мы воспользуемся случаем, чтобы проследить историю двора от Людовика XIII до наших дней. Пока же следует кратко отметить некоторые особенности общества, влияющие на проституцию в описываемую нами эпоху.

Все летописцы утверждают, что влияние Лиги (*Ligue*) было самым пагубным. Похоже, что религиозный энтузиазм разгорелся в результате межрелигиозных распрей того времени, и высшие власти поощряли практики, которые выдавались за религиозные, но были лишь аморальными. Религиозный фанатизм царил по всей Франции. Мужчины и женщины ходили голыми в процессиях, которые возглавляли кураторы. Как и положено в эпоху гражданской войны, обе враждующие армии свободно применяли насилие к женщинам. В каждом городе, который брали либо лигисты, либо гугеноты, все женщины, замужние и незамужние, подвергались насилию со стороны солдат; так, по крайней мере, утверждает один из современных историков. Кроме того, в общей неразберихе ни в Париже, ни в других местах не было надлежащей полиции, и витрины типографий пестрели непристойными картинками, которые, по словам историка, никто и не думал изымать. По сути, это был период анархии. Дошедшая до нас книга "*Moyen de parvenir*" Бероальда де Вениля дает некоторый критерий популярной литературы того времени. Аретино, текст и листы, был в большой моде; а Санчес и Бенедикти оставили своих светских соперников далеко позади в сочинении произведений, которые могут поспорить за пальму первенства в разврате с Марциалом или Петронием^[192].

На протяжении всего Средневековья, вплоть до середины семнадцатого века, духовенство жаловалось на непристойность одежды жителей Франции. Примерно в тринадцатом веке вошло в моду украшать носок туфли или сапога металлическим орнаментом: львиным когтем, орлиным клювом или чем-то подобным. Какой-то нескромный человек осмелился заменить привычный аксессуар сексуальным изображением из бронзы, и вскоре эта мода стала всеобщей. Ее переняли даже женщины, и вскоре все лучшее парижское общество демонстрировало непристойности на своих ногах. Король запретил их использование королевскими эдиктами,^[193] а папа Урбан V издал специальную буллу против них,^[194] но чудовищные туфли устояли против обоих, и их перестали использовать только тогда, когда мода пошла в другом направлении. *Брагетта* была еще одним чудовищем того же характера. Первоначально, как говорят, рабочие придумали небольшую сумку, висевшую между коленями, в которой можно было носить нож или другую утварь. Примерно в начале пятнадцатого века эту моду переняли знатные люди, и она сразу же приобрела нескромный характер. Чтобы придать *брагетам* самый новый и примечательный вид, были

задействованы все возможные средства, чтобы сделать их одновременно отвратительно неприличными и экстравагантно богатыми. Они прикреплялись к платью разноцветными лентами, а если носитель был богатым человеком, то украшались драгоценными камнями и кружевами. Ко времени написания Монтеня *брагеты* почти вышли из моды: их носили только старики, которые, по выражению эссеиста, "выставляли на всеобщее обозрение то, о чем нельзя прилично упоминать". Женщины, в свою очередь, изобрели обручи, бюсты и платья с низким вырезом. В библиотеках хранится большая коллекция работ, написанных моралистами и проповедниками того времени против этих "непристойных злоупотреблений" дам. Поскольку все они используются в настоящее время, мы можем заключить, что старые французские моралисты были излишне встревожены; но вполне вероятно, что форма бюста была далеко не такой скромной, как у современных кринолиновых юбок, и что мода на дамские подштанники еще не вошла. По крайней мере, именно такой вывод можно сделать из некоторых критических замечаний, которые они вызывали. При Людовике XIV обнажение груди было на время приостановлено, но реформа оказалась скоротечной, и обычай, против которого церковники гремели в XVI веке, сохранился до наших дней.

Мы уже упоминали о театре. Театральные представления были запрещены первыми французскими королями по инициативе церкви, но запрет был обойден представлением сцен из Евангелия в драматической форме. Судя по остаткам этих "Моралите", они всегда были грубыми и часто безнравственными. Дьявол всегда играл важную роль и был бы непоследовательным, если бы не возмущал приличия. При Генрихе III на сцене стали появляться женщины, а вместо старых моралите стали разыгрываться фарсы, очень широкие по идеям и языку. Нас заставляют поверить, что ничто не было слишком скандальным, чтобы быть представленным на сцене; на самом деле, идея, похоже, заключалась в том, чтобы вместить в фарсы как можно больше чувственности и порока. Едва ли какой-нибудь случай из жизни был слишком непристойным, чтобы быть либо изображенным, либо описанным, а если последнее, то описание давалось на самом неприкрытом языке. Описать сцены такого рода совершенно невозможно. Достаточно сказать, что на сцене женщин заставляли переживать родовые муки; муж и жена ложились в постель в присутствии публики; а когда скромность заставляла актеров удалиться по причинам еще более неприличным, коллега редко не объяснял, почему они удалились и что делают за занавесом. Многие из самых *гривуазных* историй Лафонтена взяты из фарсов, которые когда-то разыгрывались с обильной пантомимой перед парижскими дамами. Даже в эпоху правления Генриха IV пьесы такого рода часто ставились в Париже в Бургундском отеле. Обычно главный актер произносил пролог или интермедию, которые неизменно рекомендовались из-за своей непристойности. У нас есть несколько названий этих прологов, и в целом они были того же характера, что и рассматриваемый: "*Uter vir an mulier se magis delectet in copulatione*".

Число регулярных проституток, осуществлявших свое призвание во Франции в XV и XVI веках, невозможно оценить точно. Несомненно, оно было велико. Во время религиозных войн один писатель, выступавший на стороне протестантизма, взялся составить отчет о количестве проституток и развратных женщин, чьи пороки вменялись в вину духовенству. Его оценка, конечно, вызывает подозрения, поскольку является сектантским выступлением; но, если допустить большое преувеличение, она все равно покажется тревожной. По его подсчетам, в то время насчитывался миллион женщин, больше или меньше, которые вели привычный развратный образ жизни и служили страстям духовенства. Они не зависели от замужних женщин, которых вводили в прелюбодеяние, а также от сутенеров и сводников, получавших жалованье от священнослужителей[195].

Возвращаясь к законам, регулирующим проституцию, следует отметить, что во времена правления Катарины Медичи были предприняты серьезные усилия по ее искоренению. Ордонанс Карла IX, датированный 1560 годом, запрещал открывать или содержать в Париже любые бордели или дома для приема проституток. На короткий период, похоже, эта практика была фактически подавлена, и следствием этого, как говорят, стало значительное увеличение тайного разврата. Через несколько лет после принятия этого постановления гугенотский священник по имени Кайе предложил восстановить публичные бордели в интересах общественной морали, но власти его церкви выступили против него с такой яростью, что его затея провалилась, не получив общественного обсуждения, а сам он был вынужден присоединиться к романистам. В 1588 году ордонанс Генриха III подтвердил ордонанс 1560 года и утверждал, что городские власти попустительствовали созданию борделей. В том же духе последовали и указы прокуратора, согласно которым все проститутки должны были покинуть Париж в течение двадцати четырех часов. Ордонанс от 1635 года был еще более строгим. Он приговаривал всех мужчин, причастных к "торговле проституцией", к пожизненному заключению на галерах, а всех женщин и девушек - к "порке, бритью и изгнанию на всю жизнь, без какого-либо формального суда". Как и следовало ожидать, этот указ попеременно игнорировался и использовался в целях частной злобы. Мужчины, желавшие отомстить своим любовницам, обвиняли их в том, что они проститутки; *но не похоже, чтобы реальное предложение когда-либо серьезно сокращалось.*

ГЛАВА VIII.

ФРАНЦИЯ - ИСТОРИЯ ОТ ЛЮДОВИКА XIII. ДО НАШИХ ДНЕЙ.

Изгнание проституток.- Меры Людовика XIV.- Законы 1684 и 1713 годов.- Полицейский устав.- Ордонанс 1778 года.- Республиканское законодательство.- Праведное положение Парижа.- Попытки принять общий закон.- Суд.- Людовик XIII.- Медичи.- Людовик XIV.- Ла Вальер.- Монтеспан.- Ментенон.- Литература того времени.- Феодальные права.- Регентство.- Герцогиня Берри.- Клодин дю Тенсин.- Луи XV.- Мадам де Помпадур.- Дюбарри.- Паре о Серф.- Луи XVI.- Филипп Эгалите.- Последующие государи.- Литература.- Любые романы и картины.- Тенденция философии.- Церковь.

Таким образом, мы в общих чертах описали историю проституции во Франции с момента зарождения французской нации до правления Людовика XIII. В этой главе мы завершим рассмотрение темы до наших дней.

Ордонанс 1560 года, запрещавший проституцию в любой форме и дававший проституткам и их сообщникам всего двадцать четыре часа на то, чтобы покинуть Париж, оставался в силе до конца XVIII века. Несмотря на то, что для общего оборота это была мертвая буква, она позволяла полицейским властям время от времени сажать в тюрьму или ссылать непокорных проституток, а также послужила основой для той бесцеремонной меры, благодаря которой колонисты Канады впервые получили жен прямо из парижских тушканчиков. Это также позволяло дворянам и чиновникам, связанным с правительством, мстить неверным

любовницам и осуществлять удобную тиранию над хорошенькими *лингерами* и швейными девушками метрополии.

В 1684 году Людовик XIV внес некоторые изменения в законы, регулирующие проституцию. Он оборудовал тюрьмы для содержания проституток и наделил лейтенанта полиции полномочиями исправлять их; он также провел широкую линию разграничения между беспутными женщинами, которые на самом деле не находятся в городе, и собственно проститутками.

Еще одно полицейское постановление по этому вопросу было принято в 1713 году. Этим постановлением была введена определенная регулярность в процедуру борьбы с куртизанками и развратными женщинами. Они были четко разделены на два класса: женщины, ведущие развратный образ жизни, не являясь проститутками, и собственно проститутки. Полиция имела право вмешиваться в дела и тех, и других по жалобе любого, обвинявшего их в нарушении общественного приличия. В случае с проститутками процедура была упрощенной. Виновную вызывали, осуждали на основании незначительных улик и приговаривали либо к изгнанию, либо к тюремному заключению, либо, что случалось реже, к порке или лишению волос. В отношении беспутных женщин, не являющихся постоянными проститутками, власти действовали более осторожно. Они пользовались всеми привилегиями других обвиняемых, приговоры, вынесенные в отношении них, подлежали обжалованию, а в случае признания вины наказание обычно заключалось в штрафе. Иногда дома, где они занимались своим делом, закрывали, мебель выбрасывали из окон, а глашатай возвещал об их позоре на весь город.

Месье Парент-Дюшателе, у которого хватило терпения прочитать все записи судебных процессов против проституток в Париже с 1724 по 1788 год, *выводит* закон из этих случаев его применения и заключает: (1.) Что, несмотря на ордонанс 1560 года, публичные дома лицензировались полицией. (2.) Что проституток никогда не беспокоили, кроме как по жалобе ответственного лица. (3.) В борделях царил беспорядок; в их стенах и по соседству нередко происходили бунты, драки и убийства. (4.) Что наказание оставлялось на усмотрение магистрата. (5.) К концу исследуемого периода наказания были более мягкими. (6) Что некоторые улицы Парижа были полностью заняты проститутками[196].

Вероятно, с целью расширить свободу действий магистратов, в 1778 году был принят новый ордонанс, в котором в императивной форме были повторены запретительные положения закона 1560 года. Этот ордонанс, носящий имя и, вероятно, исходивший из канцелярии Ленуара, полицейского магистрата, объявляет, что ни одна публичная женщина не должна впредь пытаться ловить мужчин на пристанях или бульварах, на улицах или площадях Парижа под угрозой бритья, порки и тюремного заключения; чтобы ни один домовладелец не сдавал свой дом или какую-либо его часть проституткам, под страхом штрафа в пятьсот франков, и чтобы содержатели пансионеров не позволяли мужчинам и женщинам спать вместе, не видя их брачного контракта.

Самым любопытным в связи с этим постановлением было то, что оно не было направлено на борьбу с публичными домами, которые правительство продолжало лицензировать, как и раньше. Он должен был затронуть только частных проституток. Мы можем судить о его успехе по тому, что вскоре после его принятия улицы и площади заполонили проститутки. Ни одна женщина или скромная особа не могла ночью пройти по саду Тюильри. Развратные женщины показывались в окнах в обнаженном виде и еще больше шокировали общественные приличия своими позами на улицах. По сути, это был настолько полный

провал, что через два года после его создания он был практически отменен новым полицейским регламентом.

В 1791 году все законодательство монархии было отменено, и вместо него республиканский законодательный орган принял кодекс, который стал единственным действующим законом во Франции. В этом кодексе ничего не говорилось о проституции, но юристы пришли к выводу, что женщины имеют естественное право заниматься проституцией по своему желанию, и, соответственно, торговля стала открытой и свободной. Следствием этого стало колоссальное развитие порока. Проститутки обосновались на каждой улице и монополизировали все общественные места. Париж стал едва ли пригоден для жизни скромных женщин. Возмущение против такого чудовищного положения вещей дошло до Исполнительной директории в 1796 году, и та направила послание Совету пятисот, умоляя его принять закон по этому вопросу. Послание было четким и ясным, оно призывало Совет дать определение понятию "проститутка" и предлагало считать доказательством проституции "повторные преступления, доказанные на законных основаниях, общественную известность или арест на месте преступления". Казалось бы, это требовало наказания в виде тюремного заключения для женщин, занимающихся этим видом деятельности. Но ни это предложение, ни последующий проект такого же характера так и не были реализованы. Наполеон очистил Пале-Рояль от проституток, сделавших его своей штаб-квартирой, и разогнал несколько крупнейших борделей, преследуя их обитательниц различными способами, но не принял никакого закона на эту тему.

В 1811 году префект полиции М. Паскье разработал законопроект о регулировании деятельности проституток, но он так и не вступил в силу, а имперский указ, составленный префектом, был утерян. Пять лет спустя М. Англис, префект полиции при Людовике XVIII, попытался сделать то же самое, но не более успешно: служители закона короны, похоже, полагали, что общие положения статей кодекса об общественных приличиях и "возмутителях общественной морали" распространяются на конкретный случай проституции. Последние попытки добиться принятия закона о регулировании проституции были предприняты во Франции в 1819 и 1822 годах, когда министерство всерьез задумалось о том, чтобы решить этот вопрос с помощью королевской декларации. Эти попытки имели ту же судьбу, что и предыдущие, не приведя ни к какому результату.

В последние годы сложилось общее впечатление, что нравственное чувство общества будет шокировано любым законодательным актом, разрешающим такой большой грех, как проституция; а поскольку правительство без конституционных оснований взяло на себя контроль и регулирование проституток и осуществляло его с той же полнотой, с какой оно могло бы это делать, если бы существовал закон на эту тему, недостаток почти не ощущался. Сознательный чиновник иногда испытывал угрызения совести, действуя без законных оснований; правительство иногда пугали угрозой сопротивления со стороны какого-нибудь смелого адвоката, но на деле никаких проблем никогда не возникало, и обычай придает полицейским правилам силу закона.

Мы рассмотрим эти правила в другом месте; пока же следует бросить взгляд на прогресс нравственности во Франции в течение семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого веков.

Галантность, отличавшая двор Генриха IV, стала более утонченной, хотя и не менее преступной, при Людовике XIII. Прелюбодеяние и соблазнение были повседневными делами в кругах, которые воспитали Марию, королеву Шотландии, и развили остроумие автора "Мемуаров Граммона". Предполагалось, что у каждой дамы есть любовник, а у каждого

модного мужчины - не одна любовница. Ришелье хвастался, что ни одна дама не могла отказать ему, когда он решил бросить платок, а Мазарина обвиняли в интригах с самой королевой. Людовик не стеснялся посещать своих любовниц во главе гвардии и со всей королевской пышностью; в качестве примера их влияния на него приводится тот факт, что именно по просьбе мадемуазель де ла Файетт он согласился навестить свою жену за девять месяцев до рождения Людовика XIV.

Под влиянием Медичи возникла целая раса женщин, сочетавших политическое мастерство с развратными наклонностями, которые с одинаковым пылом и успехом вели государственные и любовные интриги. Дамы, окружавшие Анну Австрийскую и Марию Медичи, и тот блестящий круг, который описан в "Мемуарах" мадам де Лонгвиль и мадам де Сабле, были, несомненно, столь же рассеянны, сколь и изысканны; их добродетели были обратно пропорциональны их остроумию. В Париже больше не было ни Лувра, превращенного в королевский заповедник, ни отвратительных развратников, преследующих его темные коридоры; но при дворе царила атмосфера отполированной чувственности, которая, по сути, должна была быть, по крайней мере, столь же пагубной для добрых нравов.

Людовик XIV впитал дух эпохи во время своего несовершеннолетия. Королевские любовницы стали признанным институтом, отцы и мужья скорее ухаживали, чем боялись бесчестия со стороны короля. Распределив свои милости с некоторой беспристрастностью среди придворных дам, он, к своему удивлению, обнаружил, что одна из них, очаровательная девушка по имени Луиза де ла Вальер, действительно любит его. Единственной, кто проявил раздражение по поводу теплоты, с которой король вступил в эту новую связь, была герцогиня Орлеанская, Генриетта Английская, невестка короля, которая, похоже, ожидала, что станет счастливой получателем всех крошек, которые могут упасть с королевского стола. Однако ей не удалось отвлечь Людовика от его цели; Ла Вальер стала его любовницей и родила ему двоих детей. Когда она ему надоела, а случилось это вскоре после рождения второго ребенка, она удалилась в монастырь и искупила свою вину тридцатилетним строгим покаянием.

Затем король обратил свое внимание на даму знатного рода, жену маркиза Монтеспан, и в деловой манере сослал маркиза в его поместье, а сам поселился с его женой. Женщина в остальном добродетельная, гордая и королевская, она прожила с королем четырнадцать лет и родила ему восемь детей. Эти дети были открыто узаконены Людовиком и выданы им замуж за членов королевской семьи. Он даже подумывал о том, чтобы закрепить за ними трон, хотя они, таким образом, были вдвойне прелюбодеями.

Последней любовницей Людовика XIV была знаменитая мадам де Ментенон, вдова поэта Скаррона; особа с выдающимися способностями и достаточно пожилая, чтобы оправиться от страстей, которые, как говорят, будоражили ее молодость. Она была представлена королю в качестве гувернантки его незаконнорожденных детей и своими искусствами сумела не только отвратить сердце короля от его любовницы, но даже отдалить детей от их матери. В течение тридцати пяти лет она властвовала над умом Людовика; и что бы ни говорили о ее ранней жизни и как бы сурово ни оценивали ее политические меры, следует признать, что в целом ее влияние было направлено на благо религии и морали. Под ее руководством двор стал положительно набожным. Интриги скрывались, а не демонстративно выставлялись на всеобщее обозрение; а дамы, которыми она была окружена, были обязаны вести хотя бы внешне благопристойную жизнь. Возможно, она не смогла бы пресечь чудовищные действия герцога Орлеанского, но большую часть распущенности при дворе она смогла и действительно положила конец. Ее королевский любовник, который поначалу ловил себя на том, что возвысился над обязательствами верности своим любовницам настолько же,

насколько он считал себя выше политических обязательств перед своим народом, смирился с духовным руководством маркизы и позволил старости заявить о своих правах, приговорив его к добродетели. С учетом всех обстоятельств, последние двадцать лет правления Людовика XIV были, пожалуй, самыми нравственными за всю историю монархии.

Это хорошо видно из истории литературы того времени. Ведущие философы, писатели и поэты эпохи Людовика XIV не боялись шокировать приличия, и сегодня их можно читать так же спокойно, как и любые современные произведения. Проповедники - Боссюэ, Массильон, Бурдалу - оказывали мощное влияние на тон писем и общества. Корнель, Расин и их современники поставляли на сцену репертуар, который никогда не вызывал румянца на щеках. Даже Мольер, который время от времени отпускал шуточки сомнительной пристойности ради, кажется смелым новатором, когда его сравнивают с его предшественниками. Порядочность, по сути, является одной из самых ярких характеристик литературы той эпохи.

К правлению Людовика XIV можно также отнести окончательное исчезновение многих старых феодальных прав, которые враждовали с моралью. Как это ни ужасно, но во Франции были районы, где обычай позволял сеньору развратничать с дочерью своего вассала без препятствий и наказаний. Говорят, что в некоторых провинциях было принято, чтобы сеньор наслаждался первой ночью каждой девушки, вышедшей замуж в его поместье. В других - особая власть сеньора над крепостными, прикрепленными к земле, наделяла его правом распоряжаться телами их жен и дочерей по своему усмотрению. Ни один письменный обычай не оправдывал эти чудовищные привилегии, но частые упоминания о них в старых французских писателях показывают, что в некоторых частях они были санкционированы обычаем. Людовик XIV сделал своим особым делом уничтожение привилегий дворянства, и, несомненно, уничтожение этих прав было в основном связано с общими полицейскими правилами, которые он ввел для управления королевством в целом.

При регентстве обстановка меняется. Герцог Орлеанский долгое время был одним из самых развратных людей во Франции. Пока был жив Людовик XIV, он вынужден был соблюдать определенный внешний приличия; но смерть монарха и захват герцогом регентства позволили ему дать волю своим наклонностям. Он поселился в Пале-Рояле и почти каждый вечер устраивал там ужины для избранного круга руэ и шустрых женщин, среди которых мадам де Парабьер долгое время занимала почетное место. Компания нередко разнообразила развлечения исполнением шарад и таблесток, среди которых суд Парижа был любим регентом. Разговор гостей был настолько грубым, что шокировал всех, кроме посвященных, а когда они расходились, то, как правило, все были в состоянии алкогольного опьянения[197].

Самой поразительной и ужасной особенностью этих развлечений было то, что на них почти всегда присутствовала дочь регента, герцогиня Беррийская. Ее жизнь была сплошной романтикой. Выданная замуж еще в детстве за Дуэ де Берри, она своим пылким нравом и распутством стала бичом жизни своего мужа. Вместе с отцом она приняла неверные и развратные доктрины эпохи, и пара так увлеклась друг другом, что возникли самые ужасные подозрения. На некоторое время их удалось развеять благодаря раскрытию интриги между герцогиней и ее камергером, что так спровоцировало герцога, что он схватил жену за волосы и избил ее. После его смерти, которая произошла вскоре после этого, она дала волю своей страсти и подала пример скандала. В Люксембурге, где у нее были апартаменты, она демонстрировала состояние королевы, и любовник сменял любовника с поразительной быстротой. В конце концов она, похоже, влюбилась в офицера своей охраны по имени Риом, единственным достоинством которого была молодость. Он покорила ее. Она стала такой же послушной и покорной с ним, какой была несговорчивой и надменной со своими прежними

любовниками, и весь Париж говорил об этом преображении. Примерно через год этой *связи* она родила ребенка. Во время родовых мук ожидалось, что она не выживет, и за ней спешно послали викария из Сен-Сюльпис, чтобы совершить крайнее отлучение. Этот священник оказался строгим поборником нравственности и отказался проводить обряд, пока Риом не будет уволен из Люксембурга. Герцогиня не соглашалась расстаться со своим возлюбленным, и в течение многих часов у постели умирающей женщины продолжался этот странный конфликт. Однако викарий упрямылся, и таинство не было совершено; но герцогиня выздоровела, регент воспользовался своей властью и отправил Риома в свой полк. Это убило его дочь. Она пригласила отца к себе и использовала все свое красноречие, чтобы убедить его позволить ей выйти замуж за Риома; но регент остался непреклонен, она удалилась в свои покои, легла в постель и умерла через два дня после этого.

Говоря о любовницах регента, следует сказать несколько слов о знаменитой Клодин дю Тенсин, чьи похождения пролили свет на нравы того времени. Она была хорошенькой девушкой из уважаемой, если не сказать знатной семьи, жившей в далекой провинции. Чтобы спастись от насильственного брака, она укрылась в монастыре. Однако вместо того, чтобы приспособить свои привычки к месту жительства, она сумела изменить образ жизни в монастыре так, чтобы он соответствовал ее желаниям, и он стал известен благодаря веселости светских развлечений и живости своих обительниц. Одним из джентльменов, которым было позволено разделить его гостеприимство, был поэт Дестуш. Он был влюблен в прелестную Клодин, которая признала очарование его достижений и после нескольких месяцев близости родила ему ребенка мужского пола, который стал математиком и философом Д'Алембером.

У Клодин был брат, аббат, человек весьма хитрый и беспринципный. Он уговорил сестру отправиться в Париж и попытать счастья. Он добился ее представления регенту, и Клодина сумела произвести такое впечатление, что вскоре была назначена титулярной хозяйкой. Однако это продолжалось недолго. Однажды, осмелившись возразить регенту на его разгульный образ жизни, привычное пьянство и т. д., ее любовник потерял терпение и внезапно созвал толпу своих придворных из предбанника, чтобы они стали свидетелями дешабиля и слушали проповеди мадам. В отместку Клодина вырвалась на свободу и стала любовницей премьер-министра, кардинала Дюбуа. Ее брат, аббат, получил епископство за свою долю в сделке.

После смерти Дюбуа мадам дю Тенсин отдала ему в качестве преемника герцога Ришелье, самого известного придворного дамского угодника. Но она старела, и честолюбие привлекало ее больше, чем любовь. Она стала писательницей, писала религиозные труды и романы, покровительствовала литераторам, выпустила "Дух законов" Монтескье. Ее салоны стали самыми модными в Париже. Не так уж необычно, что она была главой одной литературной клики, а ее сын, д'Алембер, - вождем другой: оба положительно ревновали друг друга, но жили на условиях холодной сдержанности.

Людовик XV шел по стопам своего прадеда и регента. Его похождения не привлекали внимания, будучи мимолетными и пустяковыми, пока он не поссорился с королевой и не присвоил титул любовницы графине Мейли. У этой дамы было четыре сестры, три из которых достигли женского возраста. Они завидовали успеху своей сестры и просили о доле королевской милости. Монарх милостиво удовлетворил их мольбу и вступил в союз со всеми четверьмя. Ему было очень обидно, когда пятая, в возрасте шестнадцати лет, отказалась от участия в этом восхитительном партнерстве. Заболев вскоре после этого, он позволил своему духовнику запугать себя, чтобы расстаться с сестрами, а когда поправился, заменил их женой финансового субарендатора, мадам ле Норманд д'Этуаль. Он сделал ее маркизой

де Помпадур и заставил двор признать ее. К счастью для него, она была человеком умеренного вкуса и привычек. Она покровительствовала литературе, была другом Вольтера и, похоже, использовала свое влияние на короля в своих интересах и интересах общества. В качестве примера бессердечия короля рассказывается, что после ее смерти он стоял у окна, чтобы посмотреть, как проходят ее похороны, и, заметив, что день был дождливый, с улыбкой заметил, "что у маркизы была плохая погода для ее долгого путешествия".

Ее преемницей стала мадам Дюбарри, обычная проститутка, выловленная из парижских тушканчиков благодаря своему мастерству в разврате. Ее настоящее имя было Ванбернье, но, чтобы представить ее при дворе, дворянина по фамилии Дюбарри уговорили жениться на ней. Именно при ней *парк Серф* (к созданию которого, как говорят, приложила руку мадам де Помпадур) достиг своей наивысшей славы и блеска. Это был королевский сераль, наполненный самыми красивыми девушками, которых можно было купить или украсть. Чудовищный старый развратник, занимавший трон Франции, питал слабость к совсем юным девушкам: пятнадцать лет - возраст, в котором он предпочитал своих любовниц. Под умелым руководством Дюбарри множество сутенеров и торговцев рыскали по Франции в поисках юных девушек, которые пришлись бы по вкусу королю. Там, где переговоры не удавалось провести, применялась прерогатива, а полицейские власти разумно ослепляли; но нас убеждают, что редко приходилось прибегать к этим жестоким мерам, и что французские отцы того времени редко создавали трудности, кроме как в отношении суммы, которую нужно было заплатить. О том, что король был либерален, можно судить по сумме, в которую обошелся ему этот сераль - не менее ста миллионов франков. Это было большое, богато обставленное здание в Версале, где каждая женщина имела отдельные апартаменты. Король редко посещал каждую из них более трех-четырёх раз; но по случаю первого визита он гордился тем, что соблюдает этикет мужа. Он настоял на том, чтобы бедное дитя, которое он собирался погубить, встало на колени у кровати и произнесло молитву в его присутствии. Стоит ли говорить, что парк Серф был большим резервуаром, откуда публичные дома того времени черпали пополнение. После нескольких недель или месяцев проживания, в случае беременности, бедных детей выбрасывали на свет, и разорение становилось необходимостью.

Последний монарх старой французской династии, несчастный Людовик XVI, представляет собой яркий контраст со своими предшественниками. Его воспитание было суровым, а принципы - по природе своей строгими. Посаженный на трон уже после того, как революция стала неизбежной, он все свое внимание посвятил правлению и попыткам реформ, которые были предприняты слишком поздно. Ни он, ни его жена никогда не вызвали заслуженного скандала.

Однако распутный характер двора поддерживался семейством Орлеанских и их связями. Филипп Эгалите был истинным потомком регента. В самый канун революции он предавался оргиям, которые в точности повторяли оргии в Пале-Рояле.

На этом наш очерк безнравственности французского двора, естественно, заканчивается. Хотя период Директории был отмечен общей распущенностью в лучшем французском обществе, а Наполеон и Людовик XVIII не подавали своим подданным пример супружеской верности, при них порок не выставлялся так открыто, как при прежних королях, и законы приличия не шли наперекор. Их слабости были личным делом, в которое историку вряд ли стоит вмешиваться. То же самое можно сказать о Карле X. и Луи Филиппе. Первый в молодости был участником многих эксцессов Орлеанской семьи, но к моменту, когда он стал королем, он был уже пожилым человеком и мог позволить себе вести достойную жизнь. Луи

Филипп никогда не давал повода для скандалов и, став королем, подавал пример строгой нравственности.

Если мы теперь вернемся к периоду регентства, то обнаружим, что письма самым заметным образом сочувствуют двору. При режиме строгого этикета и приличий, установленном Людовиком XIV, авторы уважали слух невинности; при жестоком регенте и развратном влиянии сатира Людовика XV. возрождалась старая проституция литературы. Таким образом, мы видим, что самые успешные авторы того времени, такие как Вольтер, обращались к темам, которые сами по себе были безнравственны и становились еще более оскорбительными из-за их способа обработки. Самый популярный роман XVIII века - "Манон Лескан" - произведение, кстати, аббата, повествует о приключениях проститутки. Из всех писателей-романтиков той эпохи никто не был более популярен и более читаем, чем *Кребийон-сын*, чьи произведения в наше время едва ли не попали бы в руки полиции. Дидро, Мирабо, Монтескье и, за редким исключением, все самые выдающиеся люди Франции посвящали свой гений сочинению эротических произведений, которые широко читались как женщинами, так и мужчинами. Из легкой поэзии восемнадцатого века очень мало пригодно для современного чтения, поэты, как правило, либо скучны, либо развратны. Не отставало и искусство. Фрески, мало чем отличающиеся от тех, что украшали Фонтенбло при Франциске I, снова покрывали стены богатых домов; и самыми удачливыми художниками того времени были те, кто мог наилучшим образом возмутить приличия, не наводя на мысль о публичном доме. Развратные книги и картины свободно продавались в Париже во времена регентства, правления Людовика XV и революционного периода. Наполеон сжег все, что смог найти, но все равно оставалось достаточно, чтобы удовлетворить спрос почти с тех пор.

В связи с состоянием нравов во Франции во второй половине XVIII века следует отметить, что философские доктрины, существовавшие в то время, были направлены на подрыв уважения к браку и целомудрию. Первое, будучи таинством, подвергалось нападкам как часть церковной системы; второе считалось противоречащим естественным, а значит, и должным страстям человечества. Некоторые философы делали вывод из своих трудов или заявляли в общих чертах, что беспорядочные половые связи или, во всяком случае, неограниченные возможности развода являются естественной судьбой человеческой расы, и что ограничения, которые были наложены на чувственное удовлетворение, не имеют никаких оснований с точки зрения разума или здравой этики. Эти глупые представления принесли свои плоды. При Директории проституток принимали в определенные общества, а модные дамы становились проститутками. Даже при Империи не было ничего необычного в том, что дама просила своего мужа нанести ей визит, так как это, возможно, позволяло избежать вопросов о законности, возникающих в будущем.

Была одна ветвь общества, в которой мораль достигла большого прогресса в течение столетия: это церковь. В ней все еще оставались кардиналы вроде Дюбуа, епископы и аббаты вроде Дю Тенсина, но подавляющее большинство сельского духовенства вело чистую нравственную жизнь. Этот факт не вызывает сомнений, если учесть молчание партий, выступавших против иерархии, когда разразилась революция, а они были так настроены атаковать священство по каждому уязвимому пункту. В целом можно сказать, что пороки, которыми было заражено все духовенство в XVI веке, исчезли к XVIII; несмотря на закон о безбрачии, сельские викарии, как правило, были нравственными, строгими, добродетельными людьми.

ГЛАВА IX.

ФРАНЦИЯ - СИФИЛИС.

Первое зарегистрированное появление в Европе.- Описание Фракастора.- Проведение факультета.- Первые больницы в Париже.- Шокирующее состояние больных.- Новая сифилитическая больница.- План лечения.- Учреждение Сальпетриер.- Бичетр.- Капуцины.- Больница Миди.- Реформы в ней.- Приезжие врачи.- Диспансер.- Статистика болезни.- Прогресс и состояние болезни.

В этой главе следует упомянуть о возникновении и развитии болезней, называемых сифилитическими.

Были ли они древними, были ли "постыдные болезни", о которых говорилось в главе, посвященной проституции в Риме, тем же самым, что и современный сифилис, читатель может решить сам. Здесь же достаточно сказать, что на протяжении всего Средневековья во Франции, как и в других европейских странах, преобладала болезнь, называемая то проказой, то *пудендагрой*, и избравшая своим главным очагом органы размножения. Однако только в конце XV века внимание общественности стало уделяться половым заболеваниям.

Мы кратко перечислим самые ранние известия о ее появлении. Когда Карл VIII въехал в Неаполь в 1495 году, он обнаружил, что город страдает от чумы (сифилиса), которой предрассудки местных жителей дали название "французская болезнь". Италия, говорили писатели того времени, подверглась одновременному нападению французской армии и этой новой болезни.^[198] Большинство итальянских писателей обвиняют французов в ее занесении. Беневенис, однако, утверждает, что они получили ее от испанцев, а Гиччардини откровенно признает, что его соотечественники были настоящими распространителями болезни. Немецкие врачи также проследили его происхождение до Неаполя и отнесли его к 1493 году,^[199] приписав его неблагоприятному планетарному соединению. Болезнь появилась в Барселоне в 1493 году, а в других частях Испании - в следующем году. ²⁰⁰ Но за шестьдесят лет до этого, в 1430 году, в Лондоне были приняты государственные постановления, запрещающие допускать в дома проституции лиц, страдающих болезнью, очень похожей на сифилис, и обязывающие полицию постоянно следить за теми, кто проявляет симптомы этой *недужной болезни*.^[201] Первое достоверное упоминание об этой болезни во Франции - постановление Парижского парламента от 1497 г., предписывающее всем лицам, подвергшимся нападению "большой оспы", покинуть город в течение двадцати четырех часов и не возвращаться до тех пор, пока они не вылечатся; предоставляющее своего рода госпиталь для тех, кто не может передвигаться; и назначающее агентов, которые должны выдавать изгнанникам четыре *соли парижских* на оплату их путешествия. ^{202]} В этом постановлении говорится, что болезнь была распространена в течение двух лет.

Поэтому можно считать само собой разумеющимся, что независимо от того, существовали ли сифилитические заболевания до этого или нет, в конце XV века они в очень тревожной степени распространились по всей Европе.

Чтобы избежать заблуждений, можно привести диагностические признаки "французской болезни" в изложении Фракастора: "Пациенты были в плохом настроении и разбиты, их лица были бледными. У большинства из них были шанкры на органах генерации. Эти шанкры были

упрямыми; когда их вылечивали в одном месте, они появлялись снова в другом, и работа никогда не заканчивалась. На коже появлялись пустулы с твердой поверхностью, как правило, сначала на голове. При первом появлении они были маленькими, но постепенно увеличивались до размера желудя, который они напоминали по форме. В одних случаях они были сухими, в других - влажными; одни были синюшными, другие - белыми и бледными, третьи - твердыми и красноватыми. Через несколько дней они лопались и выделяли невероятное количество мерзкой фекальной жидкости. Когда они начали нагноиться, то превратились в настоящие фagedенические язвы, разъедающие плоть и кости. Когда они поражали верхнюю часть тела, возникали злокачественные флюктуации, которые отгрызали нёбо, или трахею, или горло, или миндалины. Одни пациенты лишались губ, другие - носа, третьи - глаз, четвертые - всех органов генерации. Многих беспокоили влажные опухоли на конечностях, которые вырастали размером с яйцо или маленькую буханку. Когда они лопались, из них выделялся белый муцилагиновый раствор. Обычно они располагались на ногах и руках. Некоторые из них изъязвлялись, другие же оставались мозолистыми до последнего. И, как будто этого было недостаточно, пациенты страдали от ужасных болей, особенно по ночам, причем не только в сочленениях, но и в конечностях и нервах. При этом у одних больных гнойники были без болей, у других - без гнойников; но в большинстве случаев и то, и другое происходило вместе. Пациенты были вялыми, не имели аппетита, хотели постоянно оставаться в постели. Лицо и ноги опухали. У некоторых наблюдалась небольшая лихорадка, но это случалось редко; у других были сильные головные боли, от которых не удавалось найти никакого средства"[203].

Поначалу, похоже, профессорский состав, странно не понимая своих обязанностей, отказывался лечить пациентов, пораженных этой новой чумой. Как и в Риме, они были брошены на произвол судьбы шарлатанами, цирюльниками и старухами. Однако в начале XVI века масштабы бедствия вызвали сочувствие со стороны врачей, и появились один или два трактата на эту тему. Основным средством были, по-видимому, судорификаторы. Широко использовалось святое дерево (древесина дерева *lignum-vitæ*), которое для этих целей импортировалось из Америки. Именно дозы святого дерева в отваре, как говорят, спасли жизнь великому Эразму.

После принятия закона 1497 года один из домов в Фобур-Сен-Жермен был выделен для приема жертв сифилиса, но нет никаких оснований полагать, что там предпринимались какие-либо попытки их лечения. Их оставляли умирать или самих себя лечить. Восемнадцать лет спустя, в 1505 году, когда дом, о котором идет речь, стал слишком мал для количества больных, и было ясно показано, что сифилис не заразен, кроме как при половом контакте или положительном контакте с больным, новый декрет парламента выделил средства на строительство "больницы для лиц, пораженных большой оспой (*les grands vérolés*)", и предписал обеспечить им надлежащий уход.[204] Этот декрет так и не был введен в действие. Через тридцать лет после этого состояние больных стало гораздо хуже, чем когда-либо, их оставляли умирать на улицах. Новый указ 1535 года назначил уполномоченных выбрать место для больницы; и, несмотря на некоторое противодействие со стороны религиозных властей, они выполнили свою задачу. Небольшая больница была отведена для больных сифилисом, а также для людей, страдающих чесоткой, эпилепсией и танцем святого Вита. Вскоре она была переполнена, и несколько пациентов оказались на одной койке. Из-за бесхозяйственности директоров в больнице не хватало белья, простыней и лекарств. Парламент вмешался, но безуспешно; в отчаянии несчастные страдальцы добились поступления в общую больницу "Отель Дье". Вскоре их приняли на тех же условиях, что и других страдальцев; но поскольку заведение было слишком маленьким, чтобы вместить всех, кто искал там убежища, их клали по четыре и по пять человек на одну кровать, и

больные сифилисом лежали рядом с людьми в заразной лихорадке, а другие - со сломанными ногами и руками.

Парламент вмешался во второй раз. Были собраны муниципальные чиновники Парижа, которых призвали организовать больницу для венерических больных, но в течение многих лет упорное сопротивление Отель-Дье нейтрализовало все предпринимаемые усилия. Только в 1614 году проект парламента был реализован, и сифилитическая больница была открыта.

До этого времени, то есть в течение века с четвертью, люди, страдающие венерическими заболеваниями, были предоставлены заботам Провидения. Мужчины могли, приложив некоторые усилия, иногда добиться приема в Hotel Dieu, где они часто заражались новыми болезнями, не избавляясь от старых; но о женщинах до сих пор не было сказано ни слова. Никто за эти сто двадцать пять лет не возвысил голос в защиту проституток; похоже, даже парламенту, который так сочувствовал *бедным жителям*, не пришло в голову, что женщины тоже заслуживают жалости и внимания.

Мы не располагаем информацией о методах лечения, применявшихся в этой новой больнице. Однако несомненно, что в соответствии с законом о ее основании пациентов били розгами при поступлении и при выходе из нее, чтобы наказать их за то, что они заразились болезнью. В 1675 году управляющие госпиталя заявили, что эта практика удерживает многих больных от того, чтобы прийти и признаться в своей болезни; однако она сохранялась, по-видимому, в течение четверти века после этого.

Примерно в середине XVII века, при Людовике XIV, была создана больничная тюрьма, названная Сальпетриер, для приема проституток; но, по странной непоследовательности, в 1658 году она была закрыта для женщин, страдающих сифилисом (*femmes gâtées*), а врачам было предписано осматривать всех женщин, "у которых проявляются симптомы сифилиса на лице". Опыт нескольких лет показал ошибочность этой системы. Заболевшие женщины находились в этом месте; разве их нельзя было там лечить? Врачи решили, что должны, и, соответственно, хотя и в нарушение правил заведения, для этой категории пациентов была выделена небольшая комната. Похоже, что в это время проститутка столкнулась с определенными трудностями при поступлении в Сальпетриер; нередко несчастные существа арестовывались за бродяжничество и добровольно подвергались порке, которую этика того времени требовала как для женщин, так и для мужчин, чтобы получить медицинскую помощь. Как видно, наша нью-йоркская система не может претендовать на оригинальность. Проститутки, действительно, стекались в Сальпетриер в таком количестве, что комната, оборудованная при попустительстве властей, вскоре стала слишком мала для их размещения. Управляющие больницей заявили королевскому правительству, что в столь тесном помещении не может быть и речи о медицинской помощи и что, если не будут предоставлены лучшие условия, можно ожидать гнилостной лихорадки. В ответ правительство предоставило в их распоряжение палату в больнице Бичетра.

Это произошло в 1691 году. В течение почти ста лет после этого тяжелые случаи венерических заболеваний отправляли в Бикетр, а более легкие - в Сальпетриер. Оба заведения были позором для человечества. Пациентов обманывали, лишая их положенной пищи, и снабжая вместо нее дешевым бульоном и сыром. В их распоряжении не было ни ванн, ни лекарств. Их палаты были грязными, тесными и разрушенными. Пациенты часто были вынуждены так долго ждать медицинской помощи, что их болезни становились неизлечимыми. Воздух, в котором они жили, был вредоносным, и никто не мог посетить больницу, не будучи потрясенным ее видом.^[205] Медики, видевшие это место, выражали

удивление, что столько людей может существовать в таком маленьком помещении. Восемь женщин спали на одной кровати, а в комнате, отведенной для тех, чья очередь на лечение еще не подошла, пациенты спали группами: одна половина спала с 8 вечера до 1 часа ночи, а остальные - с 1 часа ночи до 7 утра. Пол был покрыт грязью и нечистотами, а окна заколочены из опасения, что их разобьют, если откроют. Белья было мало, да и то в лохмотьях и отвратительно грязное. Одновременно лечилось всего 1600 человек: пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин. Каждые два месяца на лечение поступала новая партия, и, поскольку в больнице всегда находилось от трех до четырехсот страдальцев, некоторые случаи лежали по шесть-восемь месяцев без всякого лечения. Многие умирали, так и не дойдя до рук врачей. Диета была одинаковой для всех. Тех, кто не был допущен к лечению, кормили грубым хлебом, сыром, прогорклым маслом и (очень редко) небольшим количеством мяса. Хирурги Бичетра, как правило, за короткое время наживали состояния[206].

Если бы потребовалось что-то еще для характеристики больницы Бишетра в XVIII веке, то это были бы правила, в соответствии с которыми ни один больной не мог требовать приема, пока не пройдет целый год с момента его первого обращения, и каждый больной, будь он болен или здоров, выписывался после шестинедельного лечения. М. Парент-Дюшателе сообщил, что средняя смертность составляет сто женщин и шестьдесят мужчин в год[207].

В 1787 году доктор Кюллерье был назначен хирургом, ответственным за сифилитические случаи в Бикетре. Он начал свою администрацию с осуждения состояния дел, которое он там обнаружил, и именно из *воспоминаний*, которые он направил правительству, в основном и были получены предыдущие факты. Его выступления, по-видимому, не имели большого успеха. В 1789 году, однако, большая часть заключенных в Бикетре была освобождена, и он немедленно воспользовался увеличившимся помещением для размещения своих пациентов.

Реформа была настолько незначительной или, скорее, настолько необходимой, что, как только внимание республиканского правительства было привлечено к этой теме, оно перевело больных сифилисом из больницы Бичетра в больницу капуцинов. Это учреждение было расширено и названо Больницей Юга (l'Hôpital du Midi). Были устроены сады и бани; просторные палаты позволяли классифицировать болезни; питание было наилучшего качества и в достаточном количестве. Этот грандиозный шаг был делом рук республиканских властей.

Однако это была лишь первая из целого ряда реформ. Первоначально мужчины и женщины всех сословий принимались беспорядочно. Это приводило к серьезным неудобствам. Приличия госпиталя часто нарушались поведением некоторых мужчин по отношению к проституткам в соседних палатах. Чтобы избежать этого, при Карле X. была построена новая больница, предназначенная приема только пациентов мужского пола. Это госпиталь де Лурсин.

Еще более серьезная проблема возникла из-за смешения проституток с другими женщинами, которые из-за неверности мужей, наследственных заболеваний или других причин оказались заражены сифилисом. В течение некоторого времени на них поступали жалобы, но несчастный случай, произошедший в 1828 году, заставил власти принять меры. Дочь профессиональной медсестры, проживавшей в окрестностях Парижа, заразилась сифилисом от ребенка, которого кормила мать и который унаследовал эту болезнь. Заболевание приняло форму вирулентного шанкра на нёбе, и девочку отправили на лечение в госпиталь дю Миди. Она оказалась в окружении самых отвратительных проституток, язык и

чувства которых настолько шокировали ее, что она настояла на том, чтобы немедленно покинуть больницу. Дежурный врач отказался удовлетворить ее просьбу, и тогда бедняжка ухитрилась пробраться во двор и бросилась в колодец. Она утонула, а при вскрытии ее трупа выяснилось, что она была девственницей. Это ужасное происшествие взбудоражило общественность. До сих пор вопрос об избавлении от проституток был предметом спора между администрацией больницы и администрацией города, каждая из которых хотела навязать их другой. Теперь в дело вмешалось правительство, и для проституток было выделено специальное помещение в тюрьме Сен-Лазар. Больница дю Миди предназначалась исключительно для тех женщин, которые не числились в списках полиции.

До этих распределений, когда мужчины и женщины без разбора поступали в госпиталь дю Миди, средний ежегодный прием с 1804 по 1814 год составлял 2700 человек; с 1822 по 1828 год он превышал 3100 человек. Двадцать лет назад смертность составляла менее двух процентов; в Бикетре она равнялась десяти процентам.

В госпитале дю Миди больных, не желающих госпитализироваться, лечат на улице, причем все необходимые им лекарства предоставляются бесплатно.

Из отрывочных упоминаний в различных старых постановлениях следует, что в XVIII веке правительство учредило некий медицинский кабинет для оказания безвозмездных консультаций проституткам и обличений больных; однако никаких достоверных свидетельств существования такого учреждения или кабинета не существует. Лишь в 1803 году префект полиции издал постановление, обязывающее всех публичных женщин подчиняться посещению назначенного им врача. План был неудачным, так как врач получал плату, которую он имел право взимать; на практике он оказался еще хуже из-за нечестности человека, выбранного для этой должности, некоего Кулона. Этот человек делал деньги и пренебрегал своими обязанностями. В 1810 году система была изменена, и был создан диспансер с сильным медицинским персоналом, которому было поручено посещать всех проституток Парижа. Это учреждение существует до сих пор; о нем будет рассказано в следующей главе.

Когда диспансер был создан, его медицинские работники получили указание предлагать проституткам выбор: лечиться на дому или лечь в больницу. Почти все выбрали первое. Тогда врачи взялись сами решать, кто из них должен отправиться в больницу, а кто остаться в своем доме. Результаты их опыта и политика, которую они вынуждены были принять, представлены в следующей таблице, составленной Парент-Дюшателе:

Год.	Лечились дома.
1812	276
1813	300
1814	296
1815	Нет отчета.
1816	"
1817	123
1818	Нет отчета.
1819	25
1820	19

1821	27
1824	27
1825	7
1826	4

От системы лечения проституток на дому фактически отказались. Было установлено, что их невозможно заставить принимать лекарства, которые им дают, и что, несмотря на тяжелейшую болезнь, они не воздерживаются от выполнения своего призвания.

Таблицы, составленные санитарным управлением или диспансером в Париже, дают четкое представление о масштабах и ходе распространения болезней в этом городе. Из тех, что предоставил М. Парент-Дюшателе, мы приведем несколько наиболее ярких. Ниже приводится совокупность заболеваний за двадцать лет:

Годы.	Среднее Пациенты.	Всего Пациенты.
1812	51	612
1813	79	948
1814	102	1224
1815	Отчет пропал.	
1816	88	1056
1817	76	912
1818	68	816
1819	58	696
1820	62	744
1821	55	660
1822	Сообщить о пропаже.	
1823	69	828
1824	84	1008
1825	81	972
1826	93	1116
1827	Сообщение пропало.	
1828	104	1248
1829	99	1188
1830	91	1092
1831	110	1320
1832	78	936
		17376
Добавьте примерную смету на три года, желая		3250
Всего заболевших за двадцать лет		20626

Другие таблицы, очевидно, составленные с большой тщательностью, показывают, что пропорция болезней проституток сильно варьируется в разные годы. В 1828 году она составляла шесть процентов, то есть шесть из ста проституток были больны; но в 1832 году она едва достигала трех процентов. Четыре или пять процентов представляются вполне справедливым средним показателем[209].

Из другой таблицы, составленной тем же автором, мы узнаем, что в течение восемнадцати лет самым смертельным месяцем для проституток был признан январь, за ним следовали август и сентябрь, а февраль, апрель, май и июль казались сезонами, менее благоприятными для болезни. М. Дюшателе, однако, откровенно признает, что не может проследить здесь действие какого-либо закона, и склоняется к мнению, что колебания полностью обусловлены случайностью[210].

ГЛАВА X.

ФРАНЦИЯ - СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА.

Количество проституток в Париже.- Их происхождение, воспитание, образование, возраст и т.д.- Причины проституции.- Правила, касающиеся терпимых домов.- Дома для прогулок.- Окна.- Смотрители.- Процедуры при выдаче лицензий.- Рекруты.- Сутенеры.- Прибыль от проституции.- Надписи.- Допросы.- Нativность, как устанавливается.- Препятствия.- Принципы надписей.- Возраст, в котором делается надпись.- Радиация.-Профилактическая радиация.-Статистика радиации.-Классы проституток.-Посещение диспансера.-Посещение врачей.-Наказание.-Преступления.-Тюремная дисциплина.-Сен-Дени.-Налог на проституток.-Инспекторы.-Убежище Бон Пастера.- (Примечание: законопроект Дюшатле о пресечении проституции).

Остается описать состояние и систему проституции в Париже на сегодняшний день. Огромная важность этой темы, несомненно, оправдывает длительность ее рассмотрения.

В прошлом веке было принято оценивать количество проституток в Париже в двадцать пять или тридцать тысяч. Даже в 1810 году авторитетное мнение утверждало, что их не менее восемнадцати тысяч.[211] Полицейские сводки показывают, что эти подсчеты сильно ошибались. Согласно им, среднее число зарегистрированных проституток выросло с примерно 1900 в 1814 году до 3558 в 1832-м, последнем году, о котором у нас есть какие-либо записи. Если предположить, что в настоящее время их число составляет 4500 или около того, что предполагает рост, равный тому, который наблюдался до 1832 года, то проституток приходится на каждые двести пятьдесят человек всего населения. Из них город Париж дает более трети. Остальные приходят из департаментов; те, что граничат с Парижем, наиболее плодотворны на проституток, а север в значительной степени превосходит юг по производству.

Подавляющее большинство этих проституток - дети рабочих и механиков. Из 828 отцов были

Ткачи	19
торговцы	12
Каменщики и плиточники	28
Водовозы	11
Водители поездов и карет	35

Сапожники	50
Фермеры и садоводы	31
Слуги	23
Лица, занятые на литейных заводах и т.д.	18
Поденные рабочие	113
Плотники	31
Продавцы спиртных напитков	22
Кузнецы	23
Бакалейщики и продавцы фруктов	18
Солдаты, получающие пенсию	30
Часовщики и ювелиры	16
Парикмахеры и парикмахерские	16
Лица без профессии или призвания	64
Портные	22
Штукатуры, укладчики и т.д.	21
Куперс	11
Художники, стекольщики и печатники	25

В то время как в стране было только

Хирурги, врачи и адвокаты	4
Учителя	3
Музыканты	9

М. Парент-Дюшателе делает из этого вывод, что публичные дома пополняются за счет домашней прислуги и фабричных девушек, и что девушки, не воспитанные для работы, редко попадают в них. Более трети отцов этих проституток не могли подписать свое имя.

Из проституток, родившихся в Париже, около четверти были незаконнорожденными; из тех, кто родился в департаментах, одна восьмая была незаконнорожденной.

Более половины парижских проституток не умели писать свои имена; такая степень невежества свидетельствует о весьма примечательном пренебрежении со стороны родителей, ведь в Париже каждый может научиться писать безвозмездно, а не умеющий писать всегда будет испытывать трудности с получением работы.

Почти половина проституток была в возрасте от двадцати до двадцати шести лет включительно. Одна заявила, что ей всего двенадцать лет; тридцати четырем было больше пятидесяти, двум - больше шестидесяти. Если обратиться к спискам регистрации, то окажется, что большинство проституток зарегистрировались в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет; но тридцать четыре были зарегистрированы до четырнадцати лет, что можно считать периодом полового созревания во Франции, и несколько после достижения пятидесяти лет.

В следующей таблице показано количество лет, в течение которых парижские проститутки занимались своим делом на момент проведения исследования:

Время.					Число Проститутк и.
1 год и менее					439
С	1	до	2	лет	590
"	2	на	3	"	440
"	3	на	4	"	485
"	4	на	5	"	294
"	5	на	6	"	139
"	6	на	7	"	150
"	7	на	8	"	143
"	8	на	9	"	96
"	9	на	10	"	100
"	10	на	11	"	109
"	11	на	12	"	93
"	12	на	13	"	99
"	13	на	14	"	98
"	14	на	15	"	107
"	15	на	16	"	80
"	16	на	17	"	19
"	17	на	18	"	14
"	18	на	19	"	17
"	19	на	20	"	4
"	20	на	21	"	-
"	21	на	22	"	1
"	22	на	23	"	-

М. Дюшателе тщательно исследовал причины проституции. Он признает, что, поскольку получить достоверную информацию по этому вопросу очень сложно, в его расчеты могли вкрасться многочисленные ошибки. Тем не менее, он приводит их в том виде, в каком они могут быть.

Хочу	1441
Изгнание из дома или дезертирство родителей	1255
Желание содержать старых и немощных родителей	37
"Младшие братья и сестры, племянники и племянницы	29
Вдовы с семьями на содержании	23
Девушки из деревни, чтобы содержать себя	280
"""" Привезенные в Париж солдаты, клерки, студенты и т.д.	404
Слуги, соблазненные хозяевами и брошенные	289
Наложницы, брошенные своими любовниками	1425
Всего	5183

Оказывается, в 1832 году в Париже было двести двадцать "терпимых домов", то есть борделей. Правила, касающиеся этих заведений, многочисленны. Они не могут быть открыты в определенных местах, например, на бульварах или других больших улицах. Они не должны находиться в ста ярдах от церкви, в пятидесяти или шестидесяти ярдах от школы, как для мальчиков, так и для девочек, от дворца или другого общественного здания, а также от большого пансиона. Владелец дома должен дать свое согласие, прежде чем дом будет использоваться в качестве борделя. Два дома не могут располагаться рядом друг с другом, а тем более иметь один и тот же вход. Как правило, предпочтение отдается маленьким, узким улочкам, особенно *culs de sac*, и местам, где публичные дома уже открывались ранее.

Что касается интерьера этих домов, то в них должна быть отдельная комната для каждой девушки; ни в коем случае нельзя допускать, чтобы две проститутки занимали одну и ту же комнату, а тем более одну и ту же кровать. Кроме того, каждая комната должна быть снабжена достаточным количеством посуды, мыла и воды для омовения. Ни один дом проституции не может иметь задних или боковых дверей, или каким-либо образом сообщаться с прилегающими зданиями. Ни в одном доме не может быть темных чуланов, или темных ходов, или тайников. Ни в одном из них не может осуществляться торговля или трафик.

Что касается класса домов, называемых *maisons de passe* (дома для свиданий), то полицейские власти требуют, чтобы в каждом таком доме постоянно жили две постоянные проститутки, внесенные в полицейские списки. Цель этого правила - обеспечить контроль и надзор за этими домами. До его принятия полиция часто оказывалась в неловком положении, когда ей отказывали в праве вторгаться в эти дома. Выяснилось, что проститутки, по природе своей враждебные к хозяйкам домов, в случае скандального разбирательства выступают в роли агентов полиции.

Окна домов проституции должны быть зашторены, как и окна комнат, где живут отдельные проститутки. Они могут быть открыты только частично. Эти правила были приняты в связи с шокирующими сценами, которые можно было наблюдать в окнах борделей после революции, причем обнаженные женщины были наименьшим из скандалов, которые выставлялись напоказ.

Никто не может содержать дом проституции в Париже без разрешения полиции. Мужчинам никогда не разрешается содержать подобные заведения. Женщина, желающая открыть свой дом, должна обратиться с письменным заявлением к префекту полиции. По получении заявления женщина обращается к комиссару полиции соответствующего района, чтобы выяснить ее характер. Если она была осуждена за преступление или проступок, ее просьба редко удовлетворяется. Если она числится в полицейских книгах как женщина, нуждающаяся в надзоре, она не сможет добиться успеха. При обычных обстоятельствах она также не может получить лицензию, *если сама не была проституткой*. Причина этого правила очевидна: никто, кроме проститутки, не понимает этого дела досконально, а поскольку должность содержательницы публичного дома считается самой деморализующей в мире, парижская полиция стремится создать препятствия на пути не совсем развращенных людей, посвятивших себя столь опасному занятию. Кроме того, претендентка должна достичь определенного возраста. Она также должна быть трезвой и обладать достаточной силой характера, чтобы управлять домом, полным проституток. Она должна обладать суммой денег, достаточной для того, чтобы гарантировать себя от немедленного провала, и ей должна принадлежать мебель в доме, который она хочет содержать.

Когда все эти условия выполнены, претендентка получает пропускную книжку, в которой указано количество девушек, которых ей разрешено содержать. В этой книге она обязана записать имя каждой проститутки, которую она принимает, будь то пансионерка или временная жиличка, ее возраст, дату ее поступления в дом, дату ее осмотра врачом и дату ее ухода из дома. В начале книги пропусков напечатан бланк, напоминающий хозяйке дома о том, что она обязана под угрозой наказания заносить в полицейские списки каждую девушку, принятую ею в течение двадцати четырех часов после прибытия.

В случае пренебрежения этими правилами со стороны содержательниц домов проституции, лицензия аннулируется. Понятно, что полиция следит за соблюдением этих правил со всей строгостью.

О том, как содержательницы домов проституции набирают себе жертв, сказано и написано немало. М. Парент-Дюшателе, чьи источники информации были самыми лучшими, считает, что большинство проституток набирается из больниц, особенно из больницы дю Миди, где лечат женские венерические заболевания. Оказывается, в этой и других больницах обитают старухи, которые были проститутками, а в старости добывают средства к существованию, завлекая других в то же занятие. Они скоро узнают происхождение и склонности каждой молодой девушки, которую находят в больницах; и если она красива или привлекательна, у нее должно быть либо много принципов, либо заботливые друзья, чтобы спасти ее из лап старых ведьм. Пока она лежит на больничной койке, последние постоянно находятся рядом с ней и завоевывают ее дружбу. Они знают, какие средства нужны, чтобы навязать ей свою простоту, и нередко могут подкрепить свои обещания небольшими денежными пожертвованиями или еженедельным пособием на время ее выздоровления. За хорошенькую девушку содержатель борделя заплатит целых пятьдесят франков. Поскольку девушки во Франции, за редким исключением, приезжают в Париж лечиться, заразившись болезнью от связи с любовниками, вполне вероятно, что, как предполагает мсье Парент-Дюшателе, эти больницы являются плодотворным источником проституток.

У других содержателей публичных домов есть агенты в провинциальных городах, которые присылают им девушек. Одна известная женщина, которая много лет содержала одно из крупнейших заведений во Франции, наняла разъездного клерка с большим жалованьем. Некоторые нанимают пансионеров своей провинции или родного города; другие, занимающиеся ремеслом, набирают рекрутов среди знакомых, которых они завели в мастерской. В последнее время, судя по всему, сутенеры занимаются своим ремеслом с необычайной смелостью и успехом. Некоторое время назад было замечено, что в Париж из Реймса прибывает необычное количество девушек. Все они приезжали с именами и адресами домов, в которые направлялись, и ехали туда с вокзала. Информация об этом поступала в полицию Реймса, и по прибытии девушек снова отправляли обратно. Замысел властей некоторое время сдерживался хитростью сутенеров, которые отправляли своих рекрутов другими дорогами; но в конце концов полиция одержала победу, отказавшись в течение года или двух выписывать проституток из Реймса.

Однако известно, что в настоящее время тот же самый трафик в угрожающих масштабах осуществляется между Лондоном и Парижем, Лондоном и Брюсселем, а также другими крупными городами по соседству. Было создано несколько обществ, а полиция приложила немало усилий, чтобы пресечь эту торговлю, но без особого успеха.

Подразумевается, что проститутки Парижа не получают за свой "труд" ничего, кроме питания, жилья и одежды. Последнее зачастую обходится очень дорого. В первоклассных домах она превышает пятьсот франков, что в женском наряде стоит столько же в Париже,

сколько пятьсот долларов в Нью-Йорке. Вся плата, взимаемая с посетителей, идет хозяйке, и девушкам неохотно разрешают оставлять себе подарки, которые они иногда получают от своих любовников. Обычно они в долгу перед хозяйкой, которая, не имея других способов удержать их под своим контролем, спешит выдать им деньги на украшения, кареты, изысканные блюда и дорогие вина. Никакой письменный договор не обязывает их оставаться на месте; они могут уйти, когда им заблагорассудится, если смогут оплатить свои долги; обязательства, которые они берут на себя в связи с этим, носят исключительно почетный характер и не могут быть принудительно взысканы в судебном порядке.

Дома проституции, если их хорошо содержать, очень прибыльны в Париже. По оценкам, чистая прибыль от каждой девушки должна составлять десять франков и более в день. Многие содержатели домов уходят на пенсию, имея от десяти до двадцати пяти тысяч франков в год, и удачно выдают замуж своих дочерей. Добрая воля одного популярного дома была продана за шестьдесят тысяч франков (двенадцать тысяч долларов).

Теперь мы переходим к главной особенности парижской системы: проституток в отделении префектуры полиции под названием *Bureau des Mœurs*. По-видимому, до революции использовался какой-то вид надписей, но ни закона, упоминающего о них, ни записей о них найти не удалось. Во времена Республики и Империи использовались различные системы. Та, что используется сейчас, была принята в 1816 году и изменена полицейским постановлением 1828 года.

Проститутки записываются либо

1. По их собственному желанию;
2. По требованию хозяйки дома; или,
3. По сообщению инспектора проституток.

Когда девушка предстает перед бюро при любом из этих обстоятельств, ей задают следующие вопросы, ответы на которые записываются в письменном виде:

1. Ее имя, возраст, место рождения, профессия и место жительства?
2. Является ли она вдовой, женой или девой?
3. Живы ли ее отец и мать и каково было или есть их призвание?
4. Живет ли она с ними, и если нет, то когда и как она их покинула?
5. Были ли у нее дети и где они находятся?
6. Как долго она находится в Париже?
7. Имеет ли кто-нибудь право претендовать на нее?
8. Арестовывали ли ее когда-нибудь, и если да, то как часто и за какие проступки?
9. Была ли она раньше проституткой и в течение какого времени?
10. Страдает ли она или страдала ли венерическими заболеваниями?
11. Получила ли она какое-либо образование?

12. Каков мотив, побудивший ее вписать себя в книгу?

Ответы на эти вопросы предполагают другие, которые ставятся на усмотрение чиновников. Их практика настолько велика, что они редко обманывают женщин; М. Парент-Дюшателе утверждает, что они могут отличить старую проститутку только по тому, как она сидит.

Окончив допрос, инспектор отводит девушку в диспансер и осматривает ее, а дежурный врач сообщает результат, который приобщается к справке. Тем временем изучаются полицейские журналы, и если девочка была давней преступницей или известна полиции, ее опознают.

Если у девушки есть свидетельство о крещении (*extrait de naissance*) с , ее сразу же вписывают и регистрируют среди публичных женщин Парижа. Однако, поскольку проститутки редко обладают этим документом, обычно делается предварительная запись, а за свидетельством обращаются непосредственно к мэру города или коммуны, где она родилась. Это заявление зависит от возраста девушки. Если она совершеннолетняя, то просто требуют *"extrait de naissance"* от -- --, которая утверждает, что она уроженка вашего города или коммуны". Если же, напротив, она несовершеннолетняя, в заявлении указывается, что "девушка, называющая себя ---- и утверждающая, что родилась в --, подала заявление на вписание в этот кабинет. Прошу вас выяснить положение ее семьи и сообщить, какие меры они намерены принять в случае, если захотят добиться возвращения этой девушки".

Часто случается, что семья просит вмешательства полиции; в этом случае девушку отправляют туда, откуда она пришла. Во многих случаях семья отказывается вмешиваться, и тогда девушку должным образом заносят в реестр. Она подписывает документ, в котором указывает, что, "будучи должным образом ознакомлена с санитарными правилами, установленными Префектурой для публичных женщин, она заявляет, что будет им подчиняться, позволит периодически посещать себя врачам Диспансера и будет во всех отношениях соответствовать действующим правилам".

Конечно, эта процедура иногда затягивается из-за ложных заявлений женщин. Часто случалось, что мэры сообщали, что в их городе или коммуне в указанное время не родился человек с таким именем. В этом случае девушку отзывали и давали понять, что правда - лучшая политика, чем ложь. Девушки редко держались дольше двух недель, и в настоящее время число ложных заявлений очень невелико. Похоже, они уверены, что полиция - это всезнающая машина, которую невозможно обмануть.

Когда девушку привозят в офис либо содержатель борделя, либо инспектор, процедура несколько меняется. В последнем случае ее арестовывают за занятие подпольной проституцией, но она почти всегда отрицает этот факт и заявляет о своей невиновности. Правило в этом случае - сделать ей замечание и отпустить. И только после третьего или четвертого проступка ее заносят в книгу. Когда хозяйка дома приводит девушку в офис, ей задают вопросы, аналогичные вышеприведенным. Если у нее есть родственники или друзья в Париже, за ними посылают и консультируются. Если девушка выглядит явно потерянной, ее должным образом , но если она проявляет признаки стыда или раскаяния, ее часто отправляют домой за государственный счет. Стоит ли говорить, что если девушка оказывается больной, ее отправляют в больницу, а надпись задерживают. Иногда случается, что девственницы сами являются в канцелярию и желают быть вписанными; в этом случае чиновники прибегают к принуждению, чтобы избавить их от позора.

Одним словом, парижская система в отношении надписей состоит в том, чтобы не вписывать ни одну девушку, в отношении которой не очевидно, что она будет продолжать заниматься проституцией независимо от того, будет она вписана или нет.

Из следующей таблицы, составленной М. Парент-Дюшателе на основе записей за несколько лет, следует, что хозяйки домов вписывают более трети всех проституток:

Девушки	вписаны	по собственной просьбе	7388
"	"	хозяйки домов	4436
"	"	инспекторами	720
Всего			12544

Возраст, в котором девочки могут быть записаны, менялся при разных администраторах. При одном из них он составлял семнадцать лет, при его преемнике - восемнадцать, при следующем - двадцать один год; но сейчас общее правило гласит, что ни одна девушка не должна быть записана в возрасте до шестнадцати лет. Исключения из этого правила делаются в отношении девочек младшего возраста - тринадцати, четырнадцати или пятнадцати лет, которые ведут развратный образ жизни и часто подвергаются болезням. Из соображений заботы о здоровье населения их вписывают, несмотря на возраст.

Лишь на втором месте по важности после темы надписей стоит тема "радиации", стирания надписей. Это процесс, с помощью которого проститутка оставляет свое призвание, выходит из-под контроля полиции и восстанавливает свои гражданские права. В Риме, как уже было показано, закон не знал таких формальностей, как облечение; *раз проститутка, то всегда проститутка* - таково было римское правило. Эта система недолго выдерживала испытание христианской экспертизой.

Политика французского *Бюро по делам женщин* в этом вопросе определяется двумя очень простыми правилами: 1-я. Необходимо как можно больше поощрять исправление проституток; 2. Но ни одна проститутка не должна освобождаться от надзора полиции и визитов врачей диспансера до тех пор, пока не появятся достаточные основания полагать, что ее раскаяние и изменение образа жизни искренни и могут быть постоянными.

Лицо, желающее, чтобы его имя было вычеркнуто из списков публичных женщин, должно подать письменное заявление с указанием причин, по которым оно желает изменить образ жизни, и указать средства, на которые оно впредь будет рассчитывать. В трех случаях требование удовлетворяется незамедлительно: 1-е. Если девушка *докажет*, что собирается выйти замуж; 2. Если она представит свидетельство врача о том, что она страдает органическим заболеванием, которое делает невозможным для нее дальнейшее занятие проституцией; и, 3. Если она перешла жить к родственникам и представила доказательства своего примерного поведения.

Во всех остальных случаях управление выдает "временное излучение". В течение некоторого времени, которое варьируется, в зависимости от обстоятельств, от трех месяцев до года, девушка остается под надзором полиции, причем этот надзор, безусловно, является тайным и незаметным. Когда девушка с триумфом проходит этот испытательный срок, ее имя точно вычеркивается из списка проституток.

Когда девушка, после того как ее имя было вычеркнуто, желает быть вписанной заново, ее просьба удовлетворяется без задержек и расспросов, разумно полагая, что она раскаялась в

своем решении. Повторная запись происходит и в том случае, если девушка после облечения оказывается в доме проституции даже в качестве служанки.

Проститутка вычеркивается из списков по решению управления, если она исчезла, и в течение трех месяцев не было найдено никаких ее следов.

M. Parent-Duchatelet приводит следующую таблицу радиации, которая, в сочетании с уже приведенной таблицей количества зарегистрированных проституток, показывает движение реформы:

Годы.	Женщины, вычеркнутые из списков проституток		Итого.
	по их собственной просьбе.	Вследствие отсутствия.	
1817	485	575	1060
1818	477	582	1059
1819	469	571	1040
1820	415	716	1131
1821	433	733	1166
1822	417	739	1156
1823	502	605	1107
1824	442	602	1044
1825	456	527	983
1826	486	554	1040
1827	490	542	1032
1828	572	415	987
1829	298	536	834
1830	334	502	836
1831	284	452	736
1832	449	718	1167
	7009	9369	16378

После регистрации проститутки делятся на три класса:

1-й. Те, кто живет в лицензированном или "терпимом" борделе.

2d. Те, кто живет один в меблированных комнатах.

3d. Те, кто живет в комнатах, которые они сами обставляют, и внешне не имеют никаких признаков позора.

С точки зрения закона между этими тремя классами нет никакой разницы; все они в равной степени подлежат полицейскому и медицинскому надзору. Каждая девушка, которая записана, получает карточку с ее именем и номером страницы в реестре; пустая колонка этой карточки заполняется записями о дате каждого посещения врачами диспансера.

Но эти три класса различаются по месту посещения. Врачи диспансера посещают содержательниц публичных домов в домах, где они живут; все остальные проститутки посещают их в диспансере. Еще один визит врачи диспансера наносят в Депо, или камеру хранения, при префектуре полиции; поскольку каждую ночь там бывает некоторое количество проституток, арестованных за пьянство или нарушение общественного порядка, было решено воспользоваться возможностью их заключения, чтобы поинтересоваться состоянием их здоровья.

Все дома проституции посещаются врачами диспансера раз в неделю; час визита известен заранее, и каждая девушка должна присутствовать и пройти осмотр. Осмотр производится наедине, результат отмечается в "фолианте", который хранится у врача, о чем делается соответствующая запись в книге пропусков дома и в карточке проститутки. При обнаружении болезни хозяйку дома ставят в известность и предупреждают, чтобы заболевшая девушка не принимала посетителей. После обеда или на следующее утро она приходит или ее приводят в диспансер, где она проходит повторный осмотр, и, если результат такой же, как и в первый раз, ее немедленно отправляют на лечение в Сен-Лазар.

Свободные проститутки, то есть те, кто живет в квартирах или комнатах, обставленных ими самими, обязаны посещать диспансер и проходить обследование раз в две недели. Время и день они выбирают сами, но между посещениями не должно проходить более двух недель.

Из таблиц, опубликованных М. Парент-Дюшателе, следует, что эти правила строго соблюдаются. Свободных проституток посещают почти тридцать раз в год, а проституток в домах терпимости - более пятидесяти раз. О результатах посещений мы уже упоминали в другом месте.

Опыт доказал, что единственным безопасным методом наказания для проституток является тюремное заключение. Раньше их били плетью, а в более позднее время отрезали волосы; но гуманный дух современного законодательства отверг оба этих наказания как неоправданно жестокие. В настоящее время преступления против правил, касающихся проституции (*delits de prostitution*), наказываются тюремным заключением; проступки и преступления, предусмотренные кодексом, находятся в ведении обычных судов как в отношении проституток, так и в отношении других лиц.

Деликты проституции были разделены Бюро по делам женщин на два класса: легкие правонарушения и тяжкие правонарушения; к легким правонарушениям относятся:

1. Появление в запрещенных местах.
2. Появление в запрещенные часы.
3. Напиваться и валяться в подъездах, на улицах и других проезжих частях.
4. Требовать пропуска в караульные помещения.
5. Ходить по улицам в светлое время суток так, чтобы привлекать внимание прохожих.
6. Стучать в окна своих комнат.
7. Отлучаться на медицинский осмотр.
8. Попрошайничать.
9. Оставаться более двадцати четырех часов в своем доме, после того как врач объявил его больным.

10. Убегать из больницы или диспансера.

11. Выходить за дверь с голой головой или шеей.

12. Оставаться в Париже после приказа покинуть его и предъявления паспорта.

Эти преступления наказываются тюремным заключением на срок не менее двух недель и не более трех месяцев. Обычный срок - один месяц.

Проститутка считается виновной в совершении тяжких преступлений, если она

1. Оскорбляет приходящего врача.

2. Не посещает диспансер.

3. Продолжает заниматься проституцией после того, как ее признали больной.

4. Использует нецензурную лексику на публике.

5. Появляется обнаженной у своего окна.

6. Нападает на мужчин с применением насилия и пытается затащить их к себе домой.

Эти преступления наказываются тюремным заключением на срок не менее трех месяцев и не более года, редко более шести месяцев. Срок в таких случаях устанавливается с учетом прежнего характера проститутки.

Когда проститутка арестована, ее доставляют в префектуру полиции, где есть комната, специально отведенная для ее класса. Ее судят в течение сорока восьми, обычно двадцати четырех часов ее прибытия. После вынесения приговора ее доставляют в тесной карете или фургоне в тюрьму.

В парижской тюрьме обычно содержится от четырехсот пятидесяти до шестисот заключенных. Все они обязаны работать. Некоторые из них, как правило, оказываются неспособными, либо из-за идиотизма, либо из-за слепоты, либо из-за неисправимого упрямства, выполнять даже самую простую работу. Их помещают в отделение, которое называется "палата имбецилов". Остальным разрешается выбирать работу; большинство, естественно, выбирает шитье. За работу им платят небольшую сумму, частично по мере выполнения работы, а оставшуюся часть - когда они покидают тюрьму. Трудолюбивые девушки получают из поступающих им денег от пяти до восьми су ежедневно. То, что этого, в дополнение к обильному питанию, предоставляемому тюрьмой, достаточно для удовлетворения их потребностей, доказывается частыми покупками цветов и других излишеств. Раньше проститутки в тюрьме не должны были работать, и в этот период постоянно происходили драки и беспорядки. Теперь же дисциплина здесь отличная, а заключенные соблюдают порядок. Единственным наказанием за неподчинение правилам или плохое поведение является строгое заключение в *кашот*.

М. Парент-Дюшателе признается, что тюремная дисциплина настолько мягкая, что наказание не вызывает ужаса у проституток. Нередко можно встретить девушек, которые тридцать раз были приговорены к тюремному заключению. В качестве исправительного средства он рекомендует использовать беговую дорожку.

Его опыт заставил его усомниться в пользе монахинь и священников в тюрьмах для проституток. Он считает, что они не приносят никакой пользы, и склоняется к мнению, что

советы и посещения замужних женщин, которые заботятся скорее о нравственном, чем о религиозном исправлении женщин, принесут больше пользы.

Старая практика во Франции состояла в том, чтобы допускать посетителей в тюрьму для проституток в определенные часы и в определенную комнату, но оказалось, что это приносит большое зло. Сцены в комнате для посетителей были возмутительными, поэтому была принята новая система. К проститутке не допускался никто, кроме *добросовестного* родственника, и даже он должен был получить письменное разрешение от префектуры полиции.

Ежегодно в тюрьму Сен-Дени отправляется определенное количество проституток. Это те, кто в силу физических или психических недугов, таких как ректо-вагинальный свищ, рак, неизлечимые органические заболевания, идиотизм и т. д., не в состоянии заниматься своим делом и рискуют умереть с голоду. В течение года в Сен-Дени отправляется не более восьми-десяти таких. Смертность среди них составляет не менее двадцати пяти процентов в год[212].

Еще несколько лет назад с парижских проституток взимался налог на содержание диспансера. Каждая хозяйка дома платила двенадцать франков в месяц; каждая девушка, живущая одна, - три франка в месяц. Штраф в два франка также налагался на всех проституток, которые не успевали посетить диспансер. Сумма этих различных налогов составляла от семидесяти пяти до девяноста тысяч франков в год. Система была отменена по причине ее безнравственности. В народе бытовало мнение, что полиция получала от налога на проституцию полмиллиона или больше, и нападки на администрацию в связи с этим были непрекращающимися. В конце концов полицейские власти уступили, и муниципальный совет города взял на себя обязательство покрывать расходы на диспансер в будущем. Подобные налоги, по-видимому, существовали в Лионе, Страсбурге и других городах[213].

Упоминаются инспекторы. В то время, когда писал М. Парент-Дюшателе, было десять инспекторов, в ведении которых находилась каждая десятая часть города. В их обязанности входило следить за выполнением правил, регулирующих деятельность проституток. Они арестовывали нарушительниц и передавали их в префектуру полиции. В случае сопротивления они призывали на помощь обычную полицию района. Им не разрешалось самим применять насилие ни для ареста, ни для доставки девушки в тюрьму. Как правило, это были отборные люди с хорошим характером. Их жалованье составляло двенадцатьсот франков в год, кроме того, им полагались красивые подарки[214].

В заключение следует сказать несколько слов о заведении под названием *"Бон Пастер"*. Это приют для магдалинок, основанный много лет назад несколькими благожелательными дамами, а в настоящее время поддерживаемый в основном за счет ежегодного голосования города Парижа и пособия от больниц. Здесь принимают проституток, желающих исправиться; кормят, одевают и обучают их; предоставляют им место, когда они хотят уйти, или работу, если они хотят остаться в заведении. Правило гласит, что ни одна проститутка не может быть принята моложе восемнадцати или старше двадцати пяти лет. За этими пределами, как выяснилось, гуманные усилия директрис заведения редко приводят к какому-либо результату. Ни в одном случае управляющие не прибегают к принуждению. Девушки могут свободно уходить, как и приходить. Однако до тех пор, пока они остаются, они должны подчиняться правилам заведения, которые являются строгими, но не монашескими. За первые двенадцать лет существования приюта в среднем в него поступало двадцать человек в год. Смертность среди обитателей была очень велика и составляла двадцать процентов от общего числа за двенадцать лет. Из общего числа (двести сорок пять человек)

сорок были уволены за неподчинение, двадцать семь ушли по собственному желанию и, вероятно, вернулись к своим прежним занятиям, а пятнадцать были возвращены в полицию. Остальные были либо возвращены в свои семьи, либо устроены в больницы или другие места.

Как бы ни были малы эти цифры по сравнению с огромной армией проституток, осуществляющих свое призвание в Париже, не приходится сомневаться в том, что заведение является полезным. Никто не может не согласиться с месье Парент-Дюшателе, когда он замечает, что "если бы его не существовало, его нужно было бы создать".

Примечание: поскольку М. Парент-Дюшатель написал лучшую, можно сказать, единственную философскую работу о проституции, возможно, будет полезно привести текст закона, которым он предлагал регулировать предмет проституции.

ЗАКОН О ПРЕСЕЧЕНИИ ПРОСТИТУЦИИ.

Ст. 1. Обязанность пресечения проституции, как провокационной, на общественных дорогах, так и иной, возлагается в Париже на префекта полиции, а во всех остальных коммунах Франции соответственно на мэров.

Ст. 2. Этим должностным лицам предоставляется дискреционная власть над всеми лицами, занимающимися публичной проституцией, в пределах их полномочий.

Ст. 3. Доказательством публичной проституции является, во-первых, непосредственное провоцирование ее на публичных дорогах, во-вторых, общественная известность, или, в-третьих, юридическое доказательство, представленное после обвинения и судебного разбирательства.

Ст. 4. Префект полиции Парижа и мэры других коммунах принимают все постановления, которые они сочтут нужными для пресечения проституции, и эти постановления касаются всех тех, кто поощряет проституцию как торговлю - бродяг, трактирщиков и содержателей таверн, домовладельцев и арендаторов.

Ст. 5. Диспансер в Париже для наблюдения за женщинами города ставится на одну ступень с общественными медицинскими учреждениями. Другие подобные диспансеры могут быть учреждены везде, где они необходимы.

Ст. 6. Полный отчет о работе этих диспансеров ежегодно направляется министру внутренних дел.

М. Дюшатель считал этот короткий закон достаточным для достижения поставленной цели. Можно предположить, что он считал само собой разумеющимся, что мэры коммунах никогда не попытаются воплотить в жизнь собственные оригинальные взгляды на этот вопрос; он, несомненно, отдавал им должное за достаточное самоотречение, чтобы принять, без сомнения, продуманный и разумный план, который опыт подсказал властям Парижа. Насколько оправданным было это предположение, остается неясным, учитывая тот факт, что в Лионе и Страсбурге система проституции всегда отличалась от столичной. В обоих этих городах налог на проституток взимался до очень позднего времени; в Лионе он был введен, как полагают, в 1842 году.

ГЛАВА XI.

ИТАЛИЯ.

Упадок общественной морали.- Папский суд.- Непотизм.- Иоанн XXII.- Секст IV.- Александр VI.- Влияние Реформации.- Поэма Фракасторо.- Бенвенуто Челлини.- Беатриче Ченчи.- Неаполитанские законы.- Прагматический закон 1470 года.- Суд проституток.-Булла Климента II.-Проституция в Ломбардии и Пьемонте.-Клерикальный статут.-Современная Италия.-Законы Рима.-Общественные больницы.-Лазарони из Неаполя.-Итальянские нравы в изображении лорда Байрона.-Фундельские больницы.-Истинный характер итальянского народа.

Родина современного искусства и литературы, одаренная роковым наследием красоты, Италия, на разных этапах своей карьеры среди наций, была столь же примечательна пороком и чувственностью своих детей, сколь и их талантами и достижениями.

Сердце студента-историка трепещет от уважительного сочувствия к горестям и облагораживающим добродетелям ее патриотов во все века, а его интеллект захватывает восторженное восхищение и благоговение при рассмотрении памятников блистательного гения, подаренных человечеству ее сыновьями. Пусть он перевернет страницу, и его душа отшатнется в отвращении и глубочайшем ужасе от повествования о разврате самом отъявленном, амбициях самых беспринципных, похоти самой отвратительной, преступлениях самых чудовищных, которым история мира едва ли может найти параллель и которые клеймят виновников позором всех последующих поколений.

Самая славная эпоха итальянских республик непосредственно предшествовала их падению. Подобно сияющим огням, они погибли от собственного сияния. Взаимная ревность Флоренции, Пизы, Генуи, Лукки и многочисленных независимых городов-государств возбуждала в них "благородную и неистовую ярость", чтобы превзойти друг друга в поощрении искусства и литературы, а также в могучих произведениях, созданных их гражданами. Но те же чувства побуждали их и к более смертельной вражде, и, когда общее поле национального патриотизма было закрыто, они изнуряли себя и друг друга отчаянно затяжной борьбой и невероятными жертвами крови и сокровищ. Таким образом, они подготовили почву для появления иностранцев и наемников, которые довершили их разорение; пока на месте маленьких, но прославленных республик, составлявших диадему из ярчайших драгоценных камней, не возникла система мелких тиранов, ввергнувших страну в нищету и деградацию. Они, в свою очередь, были сметены сильной рукой деспотизма, который с тех пор никогда не ослаблял своей хватки в этой прекраснейшей стране Земли.

Ни одно влияние не сыграло более важной роли в приближении этой катастрофы, чем влияние римского двора. Интриги римских понтификов обостряли взаимную ревность государств и разжигали их ссоры. Хотя эти результаты были вызваны политическими действиями пап и их советников, худшие последствия для общественных нравов и морали были вызваны их примером. Злоупотребления, установившиеся среди римской иерархии, были естественными последствиями долгого и беспрепятственного пользования духовенством своими огромными иммунитетами и привилегиями. Деморализация и распущенность, которые таким образом существовали и распространяли свой яд по всему

цивилизированному миру, но особенно по Италии, засвидетельствованы потомками всеми современными писателями.

Огромные беззакония, которыми отличались такие люди, как Иоанн XXII, Секст IV или Александр VI, известны всем. Хотя о характере общества нельзя судить по поступкам исключительных вундеркиндов, как добродетельных, так и порочных, очевидно, что система, которая могла поставить таких чудовищ на высокие посты, которые они занимали, должна была быть прогнившей до основания. Достоинства Льва X. или Климента VII заключались скорее в отсутствии грубых пороков, чем в каких-либо положительных качествах, а поощрение такими людьми предосудительной практики больше способствовало утверждению распущенности нравов, чем одиозные и непростительные проступки их предшественников.

Некоторое политическое распутство римского двора, а по его примеру и других итальянских дворов, было вызвано возникшей системой, когда каждый папа обеспечивал свою семью. Термин *nepote* (племянник) вошел в обиход как выражение отношений, существовавших между папой и лицами, выбранными для продвижения по службе. У священников всех конфессий были племянники и племянницы, которых нужно было обеспечивать, и злоупотребления, которые охватывал этот термин, были предметом самой острой сатиры. Так, Иннокентий VIII обеспечил восемь открыто объявленных сыновей и дочерей.^[215] Псевдоавантюристические обязательства Секста IV также были хорошо известны. Другие папы, чьи грехи не лежали в этой области, не имея сыновей, усыновляли *добросовестных* племянников, а один или два, чувствуя недостаток родственных или семейных связей, фактически усыновляли незнакомцев. В одном случае донна Олимпия, племянница по браку, "дама способная и мужественная", заняла место племянника при дворе Иннокентия X., без какого-либо упрека в адрес папы или племянницы^[216].

Можно представить себе, какой эффект произвел этот пример в высших кругах, особенно на духовенство, а через него и на общество. Из постановления церкви, принятого на одиннадцатой сессии Латеранского собора, следует, что духовенство привыкло жить в состоянии публичного наложничества, более того, позволять это делать другим за деньги, выплачиваемые им по разрешению. Данте в одном из своих смелых полетов сравнивает папский двор с Вавилоном и объявляет его местом, лишенным добродетели и стыда. В девятнадцатом канто "Преисподней" Данте, посетив ад, застаёт там Николая III, ожидающего прибытия Бонифация, которого снова должен сменить Климент.

Реформация заставила духовенство обратить внимание на нравственность, и некоторое время предпринимались серьезные усилия по очищению церкви. Это была одна из главных задач знаменитого Трентского собора. Этот собор, конечно, пресек злоупотребления среди рядового духовенства, но законотворцы были законопреступниками. Они не могли тронуть ни кардиналов, ни архиепископов, ни самого папу, и поэтому радикальных изменений среди высших сановников почти не произошло^[217].

Не мало авторов, которые снимают вину с итальянского национального характера, приписывая общую коррупцию отчасти страшному примеру иностранных захватчиков. Вторжение Карла VIII, который сам был беспутным монархом, и всеобщая разнузданность французских войск, несомненно, во многом способствовали разрушению нравов всего народа, но, говоря словами Макиавелли, "если бы папский двор был перенесен в Швейцарию, то самый простой и религиозный народ Европы в невероятно короткое время совершенно развратился бы порочным примером итальянского священства"^[218].

Экклезиасты не ограничивались разнузданностью поведения. Писателей-клириков обвиняют в пристрастии к самой низкой практике развращенных умов - непристойности, и в этом они превосходят светских писателей. Роско, опытный итальянский ученый и человек, не склонный к ярости, поддерживает это утверждение.[\[219\]](#) Это напоминает нам строки Поупа:

"Нескромные слова не допускают никакой защиты,
Ибо отсутствие приличий - это отсутствие смысла".

Для ограниченного круга нашей темы история, столь изобилующая иллюстрациями войн, кровопролитий и личных приключений людей, примечательных своим положением или характером, крайне скудна на материалы. В случае с Италией свидетельства о нравственности высокопоставленных лиц в избытке, и они, а также законодательные акты того периода дадут нам некоторые сведения, которые мы ищем.

В пятнадцатом веке Карл VIII, воюя за Неаполь с испанцами, обрушил на несчастных итальянцев невыразимые страдания. Считается, что его армии предавались всем излишествам необузданного разврата и насилий; и именно во время осады Неаполя, как говорят, впервые проявилась венерическая болезнь, хотя сведения об этом недуге, приведенные в [главе IX](#) под заголовком "Франция", показывают, что сифилис существовал в Неаполе за два-три года до осады. Как это обычно бывает с новыми болезнями, из-за страха или незнания средств борьбы с ними, было представлено, что этот недуг был такой злобы, какой еще не знали. Его ужасающие разрушения и отвратительный характер внушали людям веру в то, что это новый бич, специально посланный в наказание за разврат и проституцию того времени, причем каждая сторона выдвигала против другой обвинение в его введении и называла его *Morbo-Gallico* или *Mal de Naples*, в зависимости от нации, к которой они принадлежали. Похоже, что ни один класс не был освобожден от этого. Секст делла Ровере, племянник Секста IV, один из самых богатых и беспутных церковников эпохи, был "прогнанным от середины до подошв ног"[\[220\]](#). Даже надменный и величественный Юлий II. не выставлял свои ноги для поклонения верующих, потому что они были обесцвечены *Morbus Gallicus*:[\[221\]](#) Лев, его опытный и щедрый преемник, как говорят, был обязан своим возвышением тому факту, что он находился в таком развращенном состоянии тела, что потребовалась хирургическая операция в Консистории во время выборов, и кардиналы выбрали самого больного кандидата на папскую тиару.[\[222\]](#) Недвусмысленный намек на занятия понтифика содержится в почетной надписи Льву X. при его въезде во Флоренцию, уроженцем которой он был.

Olim habuit Cypris sua tempora: tempora Mavos

Olim habuit; nunc sua tempora Pallas habet:

Mars fuit; est Pallas; Cypra semper erit.

Раньше господствовала Венера, потом Марс, теперь Паллас:

Марс был, Паллас есть, Венера будет всегда.

Кардиналы не стеснялись открыто добиваться благосклонности прославленных куртизанок, а Карл VIII, во время похода на Неаполь, был обеспечен Людовиком Сфорца и его женой Беатриче, его либеральными развлекателями, самыми красивыми женщинами, которых только можно было достать.[\[223\]](#) Некоторые авторы утверждают, что именно Карл был первым, кто ввел венерическую болезнь в Италию.

Эксцентричный трофей общественной лицензии можно найти в поэме Фракасторо, врача и искусного писателя, - действительно элегантно произведении под названием "Сифилис". Аргументация в ней взята из страданий Сифилуса, пастуха, которого Аполлон наказал злокачественной болезнью за нечестивость. В этой работе автор знакомит читателя с

внутренними областями земли, с рудниками, минералами и сопутствующими им духами, объясняет открытие ртути и ее благотворное и целебное влияние на больного, которому после излечения предписывается давать обеты Диане.

В 1520 году этот буйный и отъявленный художник Бенвенуто Челлини в своей автобиографии (одном из самых энергичных изображений национальных нравов, дошедших до нас) рассказывает о сифилитической болезни, которой он заразился от куртизанки. Он мало говорит о способе лечения, но из вышесказанного очевидно, что применение ртути было известно в очень ранний период после того, как общественное внимание было обращено на это заболевание.

Излишества этого железного века не ограничивались обычной разнузданностью; преступления против природы, похоже, были широко распространены и даже, как утверждается, служили источником дохода. В сборнике папских житий, который попал в наше поле зрения, но который не очень подробно описывает свои полномочия,^[224] мы находим утверждение, что некие лица из семьи кардинала Сент-Люсии подали Сексту IV меморию о снисхождении к содомии, и что папа написал в конце мемории обычное "*Fiat*".

Случай Беатриче Ченчи подтверждается лучше. Все помнят накопившиеся ужасы этой истории. Отец, ненавидящий своих детей, жену, все человечество, вводит в свой дом проституток и силой развращает свою дочь Беатриче. Через посредничество епископа она подговаривает его к убийству и вместе с мачехой казнит за это преступление, причем папа римский отказывается проявить милосердие. Граф Ченчи пристрастился к противоестественным преступлениям и трижды компенсировал папскому правительству свои преступления выплатой огромной суммы денег, и рассказчик говорит, что папа так ожесточился по отношению к несчастной дочери за то, что она лишилась выгодного источника дохода.

В Неаполе законы, касающиеся проституции, были чрезвычайно суровы. До XIII века каждая проститутка, пытавшаяся совратить невинную женщину, наказывалась, как и прелюбодейка, калечением носа. Мать, проституировавшая свою дочь, терпела это наказание до тех пор, пока король Фредерик не освободил таких женщин, торговавших своими детьми, от давления нужды. Тот же принц, однако, издал указ о наказании всех, кто был уличен в приготовлении наркотиков или возбуждающих напитков, чтобы помочь в их замыслах в отношении добродетельных женщин, смертью в случае ранений, полученных в результате их действий, и тюремным заключением, если не было нанесено серьезного вреда. Этих законов оказалось недостаточно, и к концу XV века в Неаполе разгулялось распутство. Руффиани множились на его улицах, добывая силой или подкупом множество жертв для заполнения таверн и борделей города. Против них были объявлены крайне суровые наказания. Руффиани было приказано покинуть королевство, а проституткам было запрещено приютить таких людей у себя. Любая женщина, ослушавшаяся, приговаривалась к выжиганию железом по лбу, самым унижительным поркам и изгнанию.

При короле Роджере обвинение в совращении никогда не принималось, но Вильгельм, преемник этого принца, карал смертью за изнасилование. Жертва, однако, должна была доказать, что она громко кричала, и что она предпочла подать жалобу в течение восьми дней, или что ее удерживали силой. Если женщина однажды занялась проституцией, она не имела права отказать кому-либо в предоставлении своей персоны.

В Неаполе проститутки, несмотря на принятый закон об ограничении публичных домов определенными кварталами, обосновывались на самых красивых улицах города в дворцовых зданиях, и там с непрекращающимся шумом собиралась целая орда воров, распутников и

бродяг всех мастей, пока главный квартал не становился непригодным для жизни. В 1577 году им было приказано покинуть улицу Каталана в течение восьми дней под страхом бича для женщин, галеры для тех из владельцев, которые были простолюдинами, а для дворян было объявлено простое изгнание.

Одним из примеров хорошего законодательства стал прагматичный закон 1470 года, призванный защитить несчастных женщин от корыстолюбия, поборов и мошенничества трактирщиков и других людей. Мужчины имели привычку приходить в увеселительные заведения с незамужними девушками, брать с них большой долг, а затем оставлять жертву расплачиваться. Затем их ставили перед выбором: позорная порка или каторга в доме. Часто они соглашались и проводили остаток своих дней в зависимости от кредиторов, не имея возможности освободиться. По новому закону хозяевам таверн запрещалось давать проституткам кредит более чем на определенную сумму, и то лишь для того, чтобы снабдить их едой и одеждой, которые были абсолютно необходимы. Если они превышали эту сумму, у них не было возможности вернуть долг.

Самой примечательной особенностью неаполитанского законодательства в этой области было создание в неизвестное, но раннее время Суда проститутток. Этот трибунал, заседавший в Неаполе, имел свой особый устав и был подсуден всем делам, связанным с проституцией, богохульством и некоторыми другими позорными преступлениями. К концу шестнадцатого века он достиг необычайной власти и изобиловал злоупотреблениями. Он практиковал все виды поборов и насилия, все виды пристрастия и несправедливости, и даже осмеливался издавать собственные эдикты. Судьи бросали в тюрьму множество молодых девушек, которых заставляли покупать свободу за деньги, а иногда даже осмеливались захватывать женщин, которых, несмотря на распущенное поведение, нельзя было причислить к профессиональному сословию. Это было обнаружено и привело к реформе суда в 1589 году. Его полномочия были строго определены, форма судопроизводства регламентирована, а возможности для коррупции сужены. После этого учреждение просуществовало еще почти сто лет.

В Риме в XI веке бордель и церковь стояли бок о бок, а через пятьсот лет, при понтификате Павла II, проститутток стало много. Были приняты законы и множество мер предосторожности, которые доказывают грубость нравов той эпохи. Того, кто был осужден за позорную продажу девушки, подвергали крупному штрафу, а если он не платил в течение десяти дней, то ему отрубали одну ногу. И дворяне, и простолюдины привычно предавались всевозможным излишествах. пытки, порка, клеймение, изгнание применялись к одним для устрашения других, но с весьма неполным успехом. Схватить и удержать проститутку против ее воли каралось отсечением правой руки, тюремным заключением, поркой или изгнанием. Однако богатые люди неизменно покупали себе иммунитет.

Среди самых необычных законодательных актов на эту тему - булла Климента II, который хотел наделить церковь излишками доходов борделя. Каждая виновная в проституции была вынуждена, распоряжаясь своим имуществом, будь то после смерти или при жизни, отдать половину его в монастырь. Это правило легко обходилось и оказалось совершенно неэффективным. Был также учрежден трибунал, ведавший публичными домами, с которых взимался налог, просуществовавший до середины XVI века. Были предприняты попытки ограничить этот класс жилищ определенным кварталом, но безуспешно.

В некоторых итальянских государствах, например в Ломбардии, мужчинам запрещалось предоставлять проституткам убежище. Им запрещалось появляться среди честных граждан, покупать одежду и еду, а также брать деньги в долг под залог своей персоны.

Однако через некоторое время система лицензированных борделей, в подражание заведениям, основанным в Тулузе и Монпелье, была введена в некоторых частях Италии, и бордели стали очень многочисленными. Один из них находился в Мантуе, а Венеция была очень раковиной проституции. В 1421 году правительство привлекло женщин к этой службе, чтобы они охраняли добродетель других сословий. Над ними была поставлена матрона, которая управляла ими, получала их доходы и ежемесячно делила прибыль. Имена нескольких женщин, самых известных и красивых из венецианских куртизанок, сохранил Николо Даглиони. Их покровители платили им очень небольшую сумму.

Законы, регулирующие проституцию и проститутков, похоже, имели удивительное сходство во всей Европе. Среди прочих законов были и законы, регулирующие одежду, которые в свое время были приняты в каждом государстве. Некоторые из них носили сумбурный характер и просто запрещали носить модные наряды. Другие предписывали особые костюмы как знак призвания проститутки и для того, чтобы отличить ее на публике от благовоспитанных женщин. В Мантуе проституткам, когда они появлялись на улицах, предписывалось прикрывать остальную одежду коротким белым плащом и носить на груди значок. В Бергамо плащ был желтым, в Парме - белым, в Милане - сначала из черной шерстяной ткани, а затем из черного шелка. За непослушание их могли оштрафовать, а в случае второго проступка - выпороть; кроме того, любой мог сорвать одежду с незаконно одетой девушки.

В герцогстве Асола в Пьемонте было установлено правило, согласно которому мать могла лишиться наследства свою дочь за порочную жизнь, но она теряла эту привилегию, если было доказано, что она попустительствовала ее безнравственности. Отец имел равные полномочия, но с одним любопытным ограничением. Если, согласно закону, отец стремился выдать свою дочь замуж и достаточно одарил ее, если она отказывалась выйти замуж и становилась проституткой, он мог отрезать ее; но если он противился ее браку до достижения ею двадцати пяти лет и она становилась распутницей, он не мог отказаться завещать ей свое имущество; и женщина, при любой возможности выйти замуж, должна была предстать перед отцом и потребовать его согласия. Если он отказывался, ему не разрешалось наказывать ее в тех случаях, когда в тридцать лет она становилась блудницей.

Усилия по искоренению проституции в домах и кварталах Италии, как и в других странах, привели к тому, что распутные женщины стали посещать места общественного отдыха. Бани регулярно посещались в каждом городе Апеннинского полуострова (отсюда и слово *bagnio*, обозначающее неприличное место), так что едва ли найдется банщик, который не был бы также и борделем.

В Авиньоне, который из-за раскола пап можно считать вторым Римом, в 1441 году церковный устав запретил священникам и духовенству посещать некоторые бани, печально известные как публичные дома. Вскоре лицензия на проституцию была отменена и в Авиньоне. Резиденция пап в этом городе привлекала множество чужестранцев со всех концов света, и бордели возникали у дверей церквей, а также рядом с папской резиденцией и дворцами епископов. Они вызвали такой скандал в обществе, что был издан указ, изгоняющий проститутков из города.

Пытаясь изучить состояние проституции в современной Италии, наши расспросы и исследования оказались почти бесполезными из-за отсутствия достоверной статистической информации по любой части этой интереснейшей страны. В изобразительном искусстве и в некоторых областях абстрактной науки республика букв может показать многочисленные записи о состоянии и прогрессе Италии. Во всем, что рассказывает о народе, его состоянии, отношениях друг с другом и правителями, высказывания писателей, как местных, так и

иностранцев, настолько противоречивы, настолько пропитаны партийными страстями и предрассудками или настолько легкомысленно небрежны и неточны, что мы должны относиться к ним с постоянным подозрением. В то же время официальные документы так скупое предоставляются миру, что опираться на них безнадежно[225].

Принято думать и говорить об Италии, как и о Германии, как о едином целом. Однако в действительности между жителями Пьемонта, Тосканы, Австрийской Италии, Папских земель и Неаполя существуют большие различия. Рим, хотя и не является политической столицей Италии, должен считаться столицей, в силу своего папского двора, традиций прошлого и большого количества иностранцев. Но даже ее нравы едва ли задают тон остальной части страны.

В Риме проституция терпима, хотя и не разрешена законом. Не существует статистики, по которой можно было бы подсчитать количество проституток. Одно время говорили, что в городе пять тысяч этих несчастных; но эта оценка - лишь еще один пример небрежности, которую можно наблюдать у писателей на эту тему. При Павле IV в городе было всего пятьдесят тысяч жителей, а через сорок лет их число возросло до ста тысяч. Публичные проститутки теперь так же редко на улицах Рима, как и в других итальянских городах. Говорят также, что публичных борделей почти нет.[226] Существует закон, согласно которому женщина, виновная в прелюбодеянии, должна быть заключена в тюрьму на три месяца, но итальянские нравы не приемлют судебного разбирательства; скандал оскорбителен для общества; кроме того, суды требуют доказательств преступления. Что касается соблазнения, то здесь законы не менее строги; но такие случаи, когда на них обращают внимание, обычно улаживаются с разрешения властей либо выплатой денежной суммы, либо браком. Сифилис всегда распространен в Риме, и венерологическое отделение в Сан-Джакомо всегда переполнено.[227] После осады Рима французами в 1849 году эта болезнь была страшно распространена.

В 1798 году в списках викариев нескольких приходов числилось тридцать тысяч бедняков, или около одной пятой населения Рима. Под управлением французов, вплоть до 1814 года, эта доля сократилась до одной девятой. С этого времени она стала увеличиваться.

В Риме девятнадцать больниц для лечения больных. В восьми государственных больницах ежедневно находится в среднем около четырнадцатисот пациентов, содержание которых обходится в девятнадцать центов в день. Существует четырнадцать полумонашеских монастырей, где молодые девушки получают безвозмездный прием и образование, получая небольшое приданое, когда они уходят замуж или становятся монахинями. Больница Святого Роха предназначена для беременных женщин[228].

Альберго деи Повери в Неаполе - лучшая богадельня в Италии. В нем проживает около трех тысяч нищих обоих полов, и он оснащен мастерскими и школами, чтобы обеспечить их подходящей работой и обучением. Несмотря на это образцовое заведение и множество других, годовой доход которых составляет почти два миллиона с половиной долларов, в Неаполе проживает большое количество нищих, помимо тех, что содержатся в богадельнях. Лазарони - это особый класс, характерный для этого места. Многие из них категорически отказываются работать и предпочитают жить на мелкие монеты королевства, которые они могут добыть попрошайничеством. Весь день они греются на солнце, ночью спят на земле или на ступеньках, а голодают с величайшим самодовольством. Эпикурец мог бы найти в этом отречении от забот жизни здравую практическую философию. То, что такой класс в высшей степени нежелателен для общества, должно быть очевидно каждому. Во время знаменитого восстания кардинала Руффо, во время французской оккупации в 1805 году,

лазарони совершили самые ужасные эксцессы, и, как говорят, имбецильное правительство Бурбонов полагалось на них как на своих главных друзей и сторонников против опасностей французского республиканизма. Современный прогресс втянул в свой магический круг даже Неаполь и Лазарони, и один опытный путешественник выражает сомнение в их якобы непобедимой лени, поскольку видел, как они работают, носят одежду, спят дома, зарабатывают деньги, когда у них есть возможность, и ведут себя очень похоже на других людей.^[229] Возможно, как и в случае с ирландцами, в основе их безделья лежит отсутствие справедливого вознаграждения.

Необычным институтом итальянского общества является *Cicisbeo*, или *Cavaliere Servente*. Это дальний родственник или друг, который неизменно сопровождает замужнюю даму во всех случаях ее появления на публике. Он оказывает ей все мыслимые знаки внимания и выполняет даже самые подневольные обязанности, носит ее веер, зонтик или собаку на коленях. Нам неизвестно, чтобы кто-нибудь из иностранцев смог удовлетворительно разрешить эту аномалию социальной жизни. Сами итальянцы иногда утверждают, что в этом нет никакой аморальности или неуместности, что это вопрос этикета, в котором сердце ни в коем случае не участвует. Муж прекрасно осведомлен об этом, и появление *cicisbeo* с дамой - это больше *de regle*, чем появление ее мужа. Изначально можно не сомневаться, что это заведение носило амурный характер, и стороны встречались наедине в Казини, где определенные апартаменты были специально выделены для использования дамами и их кавалерами.^[230] С французской оккупацией 1800 года этот обычай стал предметом неумеренной насмешки и сатиры, и есть основания полагать, что он был возрожден лишь частично.

Однако вместо *cicisbeo* или *cavaliere servente*, чьи услуги и внимание были формой общества, мы опасаемся, что более интимные, хотя и менее открытые отношения существуют между многими итальянскими дамами и другими мужчинами, кроме их мужей. Мы охотно признаем, что из этого правила, если это правило, есть многочисленные и достойные исключения; но, если только одновременное свидетельство всех писателей и путешественников по Италии не является абсолютно ложным, либо подлой клеветой, либо преступной небрежностью, брачный обет можно рассматривать только как прикрытие для лицензии, которая недопустима для незамужней женщины.

Свидетельство распутного мужчины редко принимается против женщины; и хотя свидетель - лорд и поэт, мы не знаем, чтобы это имело значение, если бы речь шла о простом злоупотреблении. Однако, поскольку обвинение сочетается с оправдательными замечаниями, мы считаем наблюдения лорда Байрона ценными. В письме к мистеру Мюррею, знаменитому лондонскому издателю (21 февраля 1820 года), он пишет

"Вы просите у меня книгу о нравах в Италии. Возможно, я в том случае знаю о них больше, чем большинство англичан. * Я жил в их домах и в сердце их семей, иногда просто как *Amico di Casa*, а иногда как *Amico di Cuore* of the *Dama*, и ни в том, ни в другом случае я не чувствую себя оправданным для того, чтобы составить о них книгу. Их мораль - не ваша мораль; их жизнь - не ваша жизнь; вы не поймете ее; это не английский, не французский, не немецкий язык, который вы все поймете. * * * * Я не знаю, как заставить вас понять народ, который одновременно умерен и распутен, серьезен в своих характерах и шутилив в своих забавах, способен на впечатления и страсти, которые одновременно внезапны и продолжительны. * Я должен знать кое-что об этом, поскольку имел довольно обширный опыт общения с их женщинами, начиная с жены рыбака и заканчивая *Нобиль Дамой*, которой я служу. * Они

чрезвычайно упорны и ревнивы, как фурии, не позволяют своим любовникам даже жениться, если это возможно, и всегда держат их при себе как на людях, так и наедине. * Причина в том, что они женятся ради своих родителей, а любят самих себя. Они требуют верности от любовника как долга чести, а платят мужу как торговцу. Вы слышите, как характер человека, мужчины или женщины, обсуждается не в зависимости от его поведения с мужем или женой, а в зависимости от его поведения с любовницей или любовником. Если бы я писал кварто, то не знаю, смог бы сделать больше, чем усилить то, что я здесь отметил. Следует заметить, что, пока они все это делают, мужьям должно оказываться величайшее внешнее уважение, причем не только со стороны дам, но и со стороны их *слуг*, особенно если муж сам никому не служит (что, впрочем, случается нечасто), так что часто можно подумать, что они родственники, а *слуга* играет роль одного из приемных членов семьи. Иногда дамы ведут себя немного беспокойно, сбегают, расходятся или устраивают сцену, но это происходит в самом начале, обычно когда они не знают, что лучше, или когда влюбляются в иностранца, или в какую-нибудь подобную аномалию, и всегда считается ненужным и экстравагантным".

В противовес этим мнениям лорда Байрона будет справедливо привести мнение М. Валери, путешественника, чьи личные возможности, возможно, были меньше, чем у благородного поэта: "Нравы итальянских городов, о которых мы до сих пор судим по банальным отчетам путешественников прошлого века, сейчас ни лучше, ни хуже, чем в других столицах; возможно, в Неаполе они даже лучше".

Графиня Пеполи, дама из патриотической и литературной семьи, написала способное учебное пособие, в котором она требует внимания к числу "хороших и добродетельных женщин" в Италии, существование которых игнорируется предвзятыми авторами экстравагантных диатриб. Но мы боимся, что само это исключение и те усилия, которые она прилагает, чтобы доказать искушения, которым подвержена замужняя женщина, лишь подтверждают истинность общего обвинения.

Какие бы обвинения в правдивом или преувеличенном безбрачии или безнравственности ни выдвигались против итальянцев, они, как правило, ложатся на плечи аристократии и высших слоев общества. Среди более скромных итальянцев, крестьян и деревенской бедноты, нет никаких оснований приписывать им большую праздность или худшие нравы, чем в других частях Европы.

Больницы для подкидышей можно встретить в большинстве крупных городов континентальной Европы. Среди протестантов существует сильное предубеждение против этих учреждений. То, что они предотвращают детоубийство, само собой разумеется. Их действие в качестве поощрения незаконных связей невозможно оценить без подробного исследования незаконности в местах, где они поощряются, и в других, где их нет.

Доля детей в больницах для подкидышей в Италии, безусловно, велика, но есть основания полагать, что значительное число из них законнорожденные, от которых родители отказались из-за бедности. Что касается действительно незаконнорожденных, то нет возможности точно сказать (и, насколько нам известно, не предпринималось никаких попыток сделать это), к какому классу общества принадлежат младенцы. Между тем, хотя нет оснований предполагать большую долю незаконнорожденных детей, чем в северном климате, с другой стороны, публично демонстрируемая проституция в Италии бесконечно меньше.

Население Неаполя составляет около четырехсот тысяч человек. Из пятнадцати тысяч рожденных детей две тысячи подкидышей; мы не можем сказать о незаконнорожденных, так как по причинам, которые уже были указаны, нет возможности установить факты.

В Тоскане в 1834 году было двенадцать тысяч подкидышей, поступивших в различные больницы.

Госпиталь Санто-Спирито в Риме - это приют для подкидышей с доходом около пятидесяти тысяч долларов в год.

Примерно каждый шестнадцатый из этих детей востребован родителями; о большинстве из них заботятся в младенчестве и детстве либо в больницах, либо у окрестных крестьян, с которыми они живут на небольшое пособие. Когда они достигают достаточного возраста, их отправляют работать на себя; но во многих больницах они имеют право на жизнь после смерти в случае болезни или беды.

Мы уже упоминали о больших различиях национальных характеров в различных политических делениях Италии. Такие пороки, как лень, распутство и родственные им разврат и нецеломудрие, присущи главным образом большим и малым городам.^[231] Крестьянство Неаполя и папских земель трудолюбиво и умеренно; крестьянки, даже те, что из окрестностей Рима часто посещают мастерские художников в качестве натурщиц, в целом отличаются неидеальным характером.^{[Горцы Абруцци, издавна печально известные как banditti (клеймо, наложенное французами или другими доминирующими державами на тех, кто сопротивлялся их власти), во время сбора урожая отваживаются на смертельную малярию Кампаньи, чтобы честно заработать несколько лири для своих голодающих детей, хотя при этом многие из них никогда не возвращаются в свои горные дома, что свидетельствует о риске, которому подвергаются все. Выращиваемые в Италии кукуруза, вино и масло, хорошо снабжаемые рынки Рима и других городов свидетельствуют о том, что крестьяне не все едят хлеб безделья. В папских государствах находятся одни из самых лучших, богатых и возделываемых провинций Италии.^[233] Именно в городах мы должны искать худшие результаты неправильного управления и дурного примера.]}

ГЛАВА XII.

ИСПАНИЯ.

Сходство между испанскими и римскими законами о проституции.- Кодекс Альфонса IX.- Результат драконовского законодательства.- Руффиани.- Судебная мораль.- Бордели.- Валенсия.- Законы о регулировании порока.- Кубинки, признанные законом.- Сифилис.- Кортехо.- Реформаторские учреждения в Барселоне.- Проституция в Испании в настоящее время.- Мадридский госпиталь для несовершеннолетних.

Между древними испанцами и римлянами существовала самая тесная связь с раннего периода Римской республики, а законы и обычаи первых имели самое близкое сходство с законами и обычаями вторых. Это родство продолжалось до тех пор, пока Римская империя имела название, а после установления христианства в качестве государственной религии родственные узы и зависимость стали еще теснее, ведь испанское королевство всегда было благосклонным наследием, а его правители - самыми послушными сыновьями Рима. Таким образом, максимы римского гражданского права были рано включены в политическую систему, и они до сих пор остаются главными столпами испанской юриспруденции. Так, в

законодательстве о проституции мы видим, что испанцы, наряду с общими теориями, переняли конкретные постановления других латинских народов.

По кодексу Альфонса IX, принятому в XII веке, сводники должны были быть приговорены к "гражданской смерти". Такие преступники классифицировались следующим образом:

1. Мужчины, промышляющие развратом; они подлежали изгнанию.
2. Содержатели ночлежных домов, которые должны были быть оштрафованы, а их дома конфискованы.
3. Содержатели публичных домов, которые нанимали проститутток; эти проститутки, если они были рабынями, должны были быть отданы на воспитание; если они были свободными, то должны были быть выданы замуж за преступников, чтобы у них была возможность выйти замуж.
4. Мужья, потворствующие проституции или бесчестию своих жен: они подлежали смертной казни.
5. Класс лиц, называемых *Ruffiani* (отсюда современное слово "руффиан").

Эти люди были аналогом современных сутенеров и хулиганов и, судя по неоднократным и очень суровым законам против них, доставляли властям немало хлопот. Их изгоняли, пороли, сажали в тюрьму - словом, избавлялись от них на любых условиях. Девушек, которые их поддерживали, публично били плетьюми, а общие законы по этому вопросу были похожи на те, о которых говорилось в предыдущей главе об Италии.

В Испании распутство общественной морали достигло небывалых высот, возможно, в какой-то степени благодаря драконовскому законодательству. Время от времени принимались новые законы против руффиани, поскольку предыдущие эдикты утратили силу, а их присутствие и торговля ими поощрялись проститутками. Последним запрещалось укрывать мужчин, а за нарушение этого запрета их клеймили, публично били плетьюми и изгоняли из королевства. Сводники, сводницы и прелюбодеи наказывались изувечиванием носа. Матери, торгующие добродетелью своих детей, *кроме как под давлением крайней нужды*, также подлежали этому варварскому наказанию.

В 1552 и 1566 годах вновь были приняты эдикты против руффиани. Они были названы крайне неприятным сословием, опасным для общественного порядка. При первом осуждении руффиано преступник приговаривался к десяти годам на галерах; за второе осуждение он получал двести ударов или полос и отправлялся на галеры пожизненно.

Вплоть до этого времени двор Испании, похоже, был почти так же сильно пропитан развратом, как и дворы других стран. Примерно в середине XV века Генрих IV развелся со своей женой, Бланкой Арагонской, после двенадцатилетнего брака, который был публично признан недействительным епископом Сеговии, чей приговор был подтвержден архиепископом Толедо, "по причине бессилия, вызванного каким-то дурным влиянием". Впоследствии Генрих женился на Джоанне, сестре Альфонса V, короля Португалии. Невесту сопровождал блестящий шлейф фрейлин, и ее въезд в Кастилию был встречен празднествами и военными представлениями, характерными для эпохи рыцарства. На родине Джоанна была горячо любима, но в стране, где она была удочерена, ее легкие и живые манеры вызвали самые грубые подозрения. Скандал называл кавалера Бельтрана де ла Куэва ее самым любимым любовником. Он был одним из самых красивых мужчин в

королевстве. На турнире под Мадридом он отстаивал превосходную красоту своей любовницы перед всеми желающими и продемонстрировал такую доблесть в присутствии короля, что побудил Генриха отметить это событие возведением монастыря, посвященного Святому Иоанну.^[234] Однако не известно, кого Бельтран де ла Куэва указал в качестве дамы своей любви по этому случаю.

Два анекдота можно упомянуть как характерные для галантности того времени. Архиепископ Севильи завершил великолепный *праздник, устроенный* в честь королевского бракосочетания, поставив на стол две вазы, наполненные кольцами, украшенными драгоценными камнями, для распределения среди гостей-женщин. На балу, данном по другому случаю, молодая королева соблаговолила танцевать с французским послом, и тот дал торжественную клятву в память о столь высокой чести никогда не танцевать ни с какой другой женщиной.

В то время как легкомыслие королевы вызывало подозрения, разврат ее мужа был нескрываемым. Одна из фрейлин Джоанны добилась расположения Генриха, которое он не пытался скрыть, и после нескольких позорных сцен дворец разделился на фракции враждебных справедливых. Севильский архиепископ не стеснялся поддерживать интересы своей фаворитки, которая поддерживала великолепие государства, соперничавшее с самой королевской властью. Еще больший скандал в обществе вызвало святотатственное вторжение Генриха в должность настоятельницы монастыря в Толедо после изгнания ее предшественницы, дамы благородного звания и безупречного характера.

Эти примеры коррупции повлияли как на народ, так и на духовенство. Представители среднего класса подражали своим начальникам и предавались излишней роскоши, столь же деморализующей и губительной. Архиепископ Сент-Джеймс был изгнан из своей резиденции возмущенным населением в связи с тем, что на юную невесту было совершено покушение, когда она возвращалась из церкви после совершения обряда бракосочетания^[235].

В правление Фердинанда и Изабеллы произошли полные перемены. "Они оба проявляли в личных отношениях практическую мудрость, которая всегда вызывает уважение, и которая, как бы ни смаковала мирская политика Фердинанда, в его супруге основывалась на самых чистых и возвышенных принципах. При таком государе двор, который в предыдущее царствование был не более чем борделем, превратился в питомник добродетели и великодушных амбиций. Изабелла усердно следила за воспитанием высокородных придворных дам, которых она принимала в королевском дворце, давая им образование под своим присмотром и одаривая их щедрыми порциями при вступлении в брак"^[236].

Джоанна, вторая дочь Фердинанда и Изабеллы, была неудачно выдана замуж за Филиппа, сына эрцгерцога Максимилиана и правителя Низких стран по праву своей матери. Супруги отправились во Фландрию в 1504 году, и вскоре после их прибытия непостоянство мужа и неуправляемая чувствительность жены стали причиной нескольких скандальных сцен. Филипп был откровенно очарован одной из дам ее свиты, и его оскорбленная жена в пароксизме ревности лично напала на соперницу и заставила состричь с ее головы прекрасные локоны, вызывавшие восхищение ее непостоянного мужа. Это возмущение так задело Филиппа, что он выплеснул свое негодование на Джоанну в самых грубых и нелюдимо выражениях и в конце концов отказался от дальнейших сношений с ней^[237].

В Испании, как и в других странах Европы, были созданы публичные бордели, один из которых был очень обширен в Валенсии в пятнадцатом веке. Он представлял собой целый пригород, похожий на гетто, или еврейский пригород, в большинстве столичных городов.

Более того, судя по его описанию, сомнительно, что это не было убежищем для мошенников, подобно известной Альсатии в Лондоне. Он был окружен стеной с одними воротами, у которых стоял стражник. Он был городским чиновником, и одной из его обязанностей было предупреждать всех желающих о риске, которому подвергается их имущество при посещении такого места. Если они хотели оставить ценности на его попечение, то могли сделать это и получить их при выходе. В этом огромном притоне беззакония проживало несколько сотен девушек. К позору этого места добавлялось то, что у его ворот находилось место публичной казни.

В 1486 году рента, прибыль и вознаграждение публичных борделей Севильи были переданы Алонсо Фахардо, хозяину королевского стола.

В 1559 году в Гранаде был издан закон, устанавливающий арендную плату, которую должны были платить женщины за комнаты и жилье в публичных борделях, а также подробно описывающий мебель и еду, которыми они должны были обеспечиваться взамен. Это схоже с минутным законодательством немецких городов. После того как это положение было принято, никому не разрешалось одалживать этим женщинам постельное белье.

Власти различных городов не могли разрешить проститутке проживать в городе без предварительного осмотра лицензированным врачом, который должен был под присягой заявить, больна ли женщина в данный момент или была больна недавно.

По некоторым испанским законам, *варраганы* (содержанки или наложницы), похоже, были законным институтом, поскольку мужчинам высокого ранга запрещалось брать в наложницы рабынь-танцовщиц, трактирных служанок, проституток или проституток. Вероятно, это нарушение обычных институтов христианства было компромиссом между мавританскими и христианскими обычаями и нравами. До последней смертельной схватки, закончившейся изгнанием мавров, междоусобные браки между двумя народами были нередки. Между расами существовали дружеские отношения и тесная близость, поддерживалась взаимная терпимость к законам и обычаям друг друга, за исключением энтузиастов одной из религий.

Испанские юристы однозначно признавали право женщины на возмещение ущерба, причиненного ее бесчестьем. Схолиасты выделяли различные тонкие различия, за которые монашеские диалектики были так заслуженно высмеяны вольнодумцами XVIII века, и эти различия обсуждались с величайшим рвением.^[238] Один из вопросов заключался в том, может ли мужчина, если он заплатил заранее, а женщина отказалась выполнить контракт, принудить ее к этому? По общему мнению, поскольку речь идет о безнравственном поступке, он не может ни вернуть деньги, ни принудить к исполнению договора. Другим не менее важным вопросом было использование доходов от проституции на законных основаниях. Казалось бы, законность их доходов должна была превалировать над способом их расходования, но казуисты считали иначе, и королевским эдиктом Альфонса IX было решено, что священники не могут получать средства, полученные из таких нечистых источников.

По старому испанскому законодательству проститутки подвергались различным ограничениям в вопросах наследования или завещательного распоряжения. Как уже упоминалось в обзоре старых немецких обычаев, церковь считала благодеянием женитьбу на блуднице, полагая, что таким образом спасается клеймо от сожжения.^[239] Рассказывают, что, когда молодого человека вели на эшафот, куртизанка, пораженная его мужественной красотой и статью, предложила выйти за него замуж, и таким образом, в силу закона или обычая, его жизнь была бы спасена. Он отверг ее предложение, поскольку

существование не стоило того, чтобы выкупать его такой ценой. Добавим, что его жизнь все же пощадили, принимая во внимание его дух и мужество.

В 1570 году по приказу Филиппа II правила, действовавшие в главных городах Андалусии, были распространены на города Кастилии. Согласно им, женщина становилась проституткой по собственной воле, и никто не мог принудить ее к этому, даже если она влезла в долги. Хирургу предписывалось еженедельно посещать ее дом и сообщать депутатам консистории о заболевших, чтобы их можно было отправить в больницу. Содержатель публичного дома не мог принимать в свой дом ни одну из тех, кто не был предварительно осмотрен, и не позволял больным оставаться там под страхом штрафа в тысячу мараведи и тридцатидневного тюремного заключения. В каждой комнате должна была находиться определенная мебель, а дом должен был быть закрыт по праздникам, во время Великого поста, Янтарной недели и во все постные дни, под страхом наказания в сто ударов каждой женщине, принимающей посетителей, а также содержательнице дома. Эти и другие приказы должны были вывешиваться на разных частях дома под страхом штрафа (около шести долларов) и восьмидневного тюремного заключения.

Тема венерических заболеваний в Испании приобрела некоторый интерес из-за общепринятого мнения, что они появились в этой стране, откуда распространились по всей Европе. Считалось, что Колумб и его команда привезли его из Америки, но более поздние исследования доказали, что сифилис не был известен по эту сторону Атлантики до тех пор, пока его не завезли европейцы. На предыдущих страницах приводились факты, свидетельствующие о его почти одновременном появлении в Италии и Испании, и мы возвращаемся к этой теме только в связи с теорией его американского происхождения. В одной из поздних работ, *Lettere sulla Storia de Mali Venerei, di Domenice Thiene, Venezia, 1823*, перечислены некоторые доказательства по этому вопросу. Основными из них являются: 1. Что ни Колумб, ни его сын ни словом не упоминают о подобной болезни в Новом Свете. 2. Среди частых упоминаний об этой болезни в течение двадцати пяти лет после открытия Америки нет ни одного упоминания о том, что она возникла именно там, а, напротив, указывается на ее единообразное происхождение из какого-то другого источника. 3. Что это заболевание было известно и описано еще до осады Неаполя, а потому не могло быть завезено испанцами в то время. 4. Оно было известно в разных странах в 1493 и начале 1494 года; быстрота распространения несовместима с тем, что оно было завезено Колумбом в 1493 году. 5. Первая работа, в которой утверждалось, что она ведет свое происхождение из Америки, была опубликована только в 1517 году, и принадлежала она не испанцу, а иностранцу. Вопрос о его происхождении более определенно решен благодаря письму Петра Мученика, в котором самым недвусмысленным образом отмечаются симптомы болезни и которое датировано 5 апреля 1488 года, примерно за пять лет до возвращения Колумба. Некоторые сомнения были высказаны в отношении точности этого письма, но они не лишают его юридической силы[240].

В Мадриде в 1522 году Антуаном Мартином, членом ордена Святого Жана де Дье, была основана специальная больница для венерических больных. В 1575 году испанцы приняли постановление, согласно которому неженатые мужчины не должны брать в услужение женщин-домохозяек моложе сорока лет. Суть этого закона говорит о том, какое зло предполагалось устранить.

В настоящее время в Испании мало что делается в отношении проституции путем принятия соответствующих законов. Рамон де ла Сегра в своем мемуаре, написанном по этому поводу на Брюссельском конгрессе, сообщает, что старые эдикты постепенно устарели и что ни муниципальные власти, ни правительство не проявляют к этому вопросу никакого интереса,

кроме эпизодического исполнения католических законов против безнравственности и женщин с дурной славой. Говорят, что в Севилье в первоклассных домах проституции принято за свой счет содержать врача, в обязанности которого входит посещение и осмотр женщин. Кадис печально известен своим привлекательным климатом и распутством[241].

В прошлом веке на испанском полуострове преобладал тон нравов, который был существенно изменен французской оккупацией, сметающей многие из слабостей эпохи. В 1780 году в Испании была принята итальянская система сопровождения замужних дам. Их называли *кортехос*, и утверждается, что в городах это были в основном военные, а в сельской местности эту обязанность выполняли монахи. Верность и привязанность женщин была направлена на их галантов, и даже считалось позорным без достаточных оснований проявлять непостоянство в этом вопросе. Женатые мужчины были даже *кортежами* чужих жен, пренебрегая своими собственными или оставляя их следовать своим личным наклонностям. Ни один муж не ревновал, но по этикету испанские дамы должны были соблюдать внешнее приличие и воздерживаться от явных проявлений внимания к *кортехо* в присутствии мужа, хотя он мог прекрасно знать о неверности своей жены и о присутствии в доме ее любовника.[242] Любопытной иллюстрацией этого необычного состояния общественных нравов служит случай, произошедший в Картахене. Однажды утром один джентльмен сказал своему другу: "Прежде чем я лягу спать этой ночью, весь город придет в смятение". Он вызвал эти общественные беспорядки, отправившись домой на час раньше обычного времени, в результате чего *кортехо* его жены был вынужден поспешно ретироваться. Прибытие *кортехо* в его собственный дом произвело аналогичный эффект, который был умножен в вежливом обществе по всему городу.

По испанским законам, которые во многих провинциях были особенно благоприятны для женщин, они могли возбуждать *ex parte* дела против своих мужей за плохое обращение, а если те их били, то наказание могло быть очень суровым. Эти законы, как можно предположить, часто становились средством вопиющей несправедливости.

В Барселоне существовал институт Магдалины, имевший двойную цель - исправление проституток и исправление женщин, не выполнивших брачный обет, пренебрегших своими семьями или опозоривших их. Первое отделение называлось Каса-де-Галера, второе - Каса-де-Коррексьон. Проститутки частично содержались за государственный счет, их дополнительное питание, помимо хлеба и мяса, обеспечивалось их собственным трудом, которому они были вынуждены посвящать весь день. Женщин-виновниц содержали их родственники. Их заключали в тюрьму по приговору определенного суда, по жалобе одного из членов их семьи, и они, как и проститутки, должны были работать. Когда это считалось необходимым, преступники подвергались личному исправлению. Одним из оснований для лишения свободы было пьянство. Конкретные проступки не упоминаются нашим автором,[243] но мода и обычаи народов настолько различны, что неосмотрительность или даже фамильярность в одной стране может быть безнравственностью в другой. Главный принцип испанских манер - не давать себя в обиду. Люди могут быть сколь угодно порочными; может быть даже известно, что они таковыми являются, но их манеры должны быть внешне правильными. Несомненно, нарушение этого правила было главной причиной тюремного заключения.

В 1780 году в Барселоне также существовал госпиталь для подкидышей, который получал значительную поддержку. В отношении девочек соблюдался любопытный обычай. Когда они достигали брачного возраста, их вели в процессии, и любой, кому приглянулась девушка, мог попросить ее руки, обозначив свой выбор публичным бросанием на нее платка.

В Астурии некоторые формы заболеваний проявлялись с чрезмерной силой и были очень распространены. Сифилис был широко распространен. В Овьедо была больница для его лечения, но пациенты обращались туда с большой неохотой. Связано ли это с распространенностью сифилиса или нет, мы не имеем возможности установить, но проказа была очень распространена, и в Астурии было двадцать или более больших домов для ее лечения. Обычная чесотка в крайне обостренной форме также была распространена повсеместно, и в ней часто плодились паразитические паразиты.

Современное состояние испанского общества является предметом обычных расхождений между путешественниками, вызванных их различными предрассудками, средствами получения информации или возможностями для проведения наблюдений. Ни одна страна Европы не сохранила больше самобытных особенностей и национальных привычек, чем Испания. Под яростным солнцем Андалусии вряд ли можно найти такое же строгое соблюдение традиций, как в северном климате Бискайи, чьи выносливые сыновья всегда были защитниками своих прав и политических привилегий. Мадрид, как столица, может служить прекрасной иллюстрацией привычек и нравов основной массы городского населения, чьи расовые особенности не были сглажены межнациональным общением, а средства передвижения в Испании все еще остаются одними из худших в Европе. Потомки гота и мавра все еще отличаются друг от друга по характеру. В Европе существует общее предубеждение относительно нравственности южных народов, и испанские женщины отнюдь не избавлены от доли этого прискорбного мнения. Тем не менее, один из недавних авторов заявляет:

"Я высказываю свое искреннее мнение, когда говорю, что, за исключением нескольких модниц, чья жизнь действительно проходит в постоянном разгуле, чье время тратится на прогулки по Прадо, посещение театра, оперы или балов, точно так же, как это делают их подруги в любом другом большом городе, испанские женщины - самые домашние в мире, самые преданные заботе о своих детях, самые искренне набожные и самые лучшие воспитательницы. Последнее обстоятельство, возможно, объясняется тем, что их состояние редко соответствует их рангу, и щедрые траты вскоре привели бы к разорению обладательниц самых древних имен и самых великолепных дворцов в Мадриде"[244].

Это мнение относится исключительно к высшим слоям населения Мадрида. Оно ничего не выражает в отношении основной массы населения, и, какими бы приятными ни были сведения о достоинствах, мы опасаемся, что хвалебные речи должны быть приняты *cum grano salis*.

О воспитании испанских женщин миссис Донн Пиатт говорит, что из-за небольшого состояния дворянства дочери древнего дома должны быть полезны до того, как они достигнут совершеннолетия; что, однако, первым делом они получают религиозное образование, которому, а также подготовке к конфирмации - великому обряду для несовершеннолетних в католических странах - уделяется максимальное внимание и забота. Далее, после религиозного обучения, прилагаются все усилия, чтобы сделать из них опытных домохозяек. Их учат самостоятельно шить одежду, вести счет, регулировать свои расходы и следить за самыми мельчайшими деталями семейного хозяйства. Не пренебрегают они и преимуществами хорошего основательного образования; природные способности и врожденный вкус к искусствам, особенно как музыкантов и художников, быстро развиваются, при очень умеренном обучении, и приобретают превосходный характер, а о произведениях молодых женщин высокого положения говорят с большим восхищением. Одна из черт испанского характера, громко говорящая в пользу женщин, - это преданность,

уважение и послушание, которые сыновья оказывают своим матерям долгое время после того, как возраст освобождает их от материнской опеки.

В Мадриде есть больница для подкидышей, которых, по слухам, ежегодно насчитывается около четырех тысяч. Это настоящие подкидыши, открыто выставляемые на сострадание благотворителей. В основном здесь работают сестры милосердия. Младенцев вверяют няням, а в возрасте семи лет их переводят в колледж *Desamparados* (незащищенный), где они получают простейшие основы образования, а также заботятся об их религиозном и нравственном воспитании. Существует также приют, в который направляются другие, чтобы научиться какому-либо практическому ремеслу, например, изготовлению перчаток, соломенных шляп, вышиванию и т. д., и который, похоже, в значительной степени является самоокупаемым учреждением.

Существует три больницы Магдалины: *Николая де Барра*, основанная в 1691 году для женщин лучшего сословия, изгнанных за проступки из дома своих мужей и отцов; *Аррепендидос*, для кающихся; и *Рекогидос*, основанная в 1637 году, для исправления женщин, направленных туда их семьями, чтобы побудить их вернуться на путь добродетели.

ГЛАВА XIII.

ПОРТУГАЛИЯ.

Конвентуальная жизнь в 1780 году.- Разврат женщин.- Законы против прелюбодеяния и изнасилования.- Венерические болезни.- Незаконность.- Больницы Лиссабона и Оporto.- Сингулярные учреждения для жен.

Один из писателей о Португалии в 1780 году жалуется на скандальную развращенность монахов и монахинь, которых насчитывалось не менее двухсот пятидесяти тысяч при двухмиллионном населении. Говорят, что в монастыре Одивелас, гареме монарха Иоанна V., содержалось триста женщин, считавшихся самыми красивыми и искусными куртизанками в королевстве. Великий маркиз де Помбаль подавил многие из этих монастырей и был генеральным реформатором религиозных орденов.

О том, как подобный пример из таких кругов повлиял на население того времени, погруженное, как и прежде, в самое имбецильное невежество, говорить не приходится. Считалось, что женщины Португалии превосходят всех европейских женщин в галантности, а их привлекательность была такова, что для полного завоевания требовалось лишь одно интервью. Этому состоянию всеобщей безнравственности, возможно, в немалой степени способствовала суровость их мужей и мужчин. Говорят, что они были возмутительно ревнивы и не стеснялись убивать любого незнакомца, который вызывал у них хотя бы слабые подозрения.

В основных законах Португалии, обнародованных в 1143 году, говорится, что "если замужняя женщина совершит прелюбодеяние, а муж пожалуется судье, а судьей будет король, то прелюбодей и прелюбодейка будут осуждены на костер; если же муж оставит жену, то ни одна из сторон не будет наказана".

В случае изнасилования знатной дамы все имущество насильника переходило к даме; если же женщина не была знатной, мужчина, невзирая на свой ранг, обязан был на ней жениться.

Писатель, которого мы уже цитировали[245], говорит о том, что венерическая болезнь в то время, когда он писал (1770-1780), была распространена в Португалии, и что португальцы не знали, как ее лечить, ее злокачественность настолько усилилась, что в некоторых случаях люди, заболевшие особой формой этой болезни, умирали через несколько часов, как будто пораженные активным и смертельным ядом. Скорее всего, это преувеличение народного мнения на эту тему. Более поздние авторы осторожны с информацией и избегают упоминания столь оскорбительных для вежливых ушей вопросов.

Манеры и нравы высших слоев общества, должно быть, претерпели существенные изменения к лучшему в нынешнем столетии, поскольку один английский дворянин (лорд Порчестер, впоследствии граф Каэрнарвон) в весьма благоприятных выражениях отзывается о пристойности, приветливости и совершенстве португальских дам, которые, за исключением интеллектуального образования, ни в чем не уступают достойным представителям своего пола в других странах Европы.

Среди низших классов, однако, не похоже, чтобы тон нравов был сильно изменен, независимо от того, рассматриваем ли мы их уважение к женской добродетели или культивирование материнской нежности и заботы, естественной для всех созданных существ.

В окрестностях Оporto можно встретить деревенских женщин, которые несут в корзине по четыре-пять младенцев в Больницу для подкидышей. Эти беспомощные создания - незаконнорожденные дети крестьянских девушек, открыто брошенные в деревнях и переданные властями на попечение благочестивых чужестранцев, которые берут на себя заботу об их воспитании и сохранении[246].

В этих случаях, говорит мистер Кингстон, родители не обращаются с девочками ни сурово, ни жестко. Они скорее сочувствуют их несчастью и отправляют их из дома только в том случае, если обнаруживают, что они упорно продолжают совершать зло.

Как и следовало ожидать, больницы для подкидышей предъявляют большие требования к своим фондам. Реал Касапия в Белеме, недалеко от Лиссабона, и еще одна больница в Лиссабоне при Каса де Мизерикордия принимают вместе около трех тысяч детей, которых воспитывают по разным специальностям и готовят к активной жизни, как и положено в подобных заведениях. Аналогичный приют, не менее посещаемый, есть в Оporto. В этом городе также есть приют, в который мужья могут поместить своих жен на время своего отсутствия дома. Часто случается, что дамы в таких случаях попадают в приют по собственному желанию.

В Оporto также есть учреждение, напоминающее пенитенциарный центр, куда мужья могут помещать своих неверных жен или даже тех, кто вызывает подозрения. Предполагается, что в XIX веке, даже в Португалии, это должно было делаться под прикрытием каких-то юридических полномочий.

ГЛАВА XIV.

АЛЖИР.

Проституция в Алжире до завоевания.- Мезонар.- Неестественные пороки.- Налог на проституток.- Декрет 1837 года.- Коррупция.- Количество проституток и население.- Национальность проституток.- Причины проституции.- Бордели.- Подпольная проституция.- Бани.- Диспансер.- Сифилис.- Наказание проституток.

Недавно во Франции появился памфлет на тему проституции в Алжире. Ее автор, доктор Э. А. Дюшен, оказал услугу, собрав большое количество важных фактов и статистических данных[247].

Когда французы завоевали Алжир в 1830 году, они обнаружили, что проституция там уже укоренилась и в значительной степени преобладает. Насколько мы можем судить, она всегда была одной из главных черт алжирского общества; путешественники замечали ее в XVII и XVIII веках. В 1830 году было подсчитано, что при тридцатитысячном населении в Алжире насчитывалось три тысячи проституток. Мы уже имели случай отметить ненадежность подобных оценок в целом, но несомненно, что количество развратных женщин в Алжире во времена арабского правления было непомерно велико. В основном это были мавры, арабы и негритянки. Все они находились под контролем начальника местной полиции - мезонара. Он вел их список и взимал с каждого налог в размере около двух долларов в месяц. Поскольку он платил правительству фиксированную сумму за привилегию собирать этот налог, в его интересах было увеличить число проституток настолько, насколько это возможно, и он, похоже, так и сделал. Он держал в своем штате нескольких шпионов, которые следили за женщинами, подозреваемыми в аморальных привычках, и доносили на них при обнаружении, в этом случае они заносились в список Мезонара и становились проститутками на всю жизнь. Он был уполномочен заставить каждую проститутку выполнять обязанности по своему призванию, и к нему часто обращались незнакомые люди, чтобы он предоставил им женщин. Однако ему не разрешалось сдавать женщин в аренду христианам или евреям. Дважды в год мезонар устраивал публичные празднества, на которые приглашались все жители Алжира мужского пола; проститутки составляли женскую часть собрания, и чиновник извлекал выгоду из повышенного покровительства, которое они получали во время празднеств, а также от продажи билетов на развлечения[248].

Нелишне добавить, что в Алжире французы обнаружили и другую особенность восточных нравов - неестественные привычки. Кафе, улицы, бани, общественные места были полны мальчиков удивительной красоты, которые с лихвой делили с женщинами благосклонность богатых туземцев. Из-за преступной небрежности французских властей не было предпринято никаких систематических усилий по искоренению этого постыдного порока, который, похоже, все еще преобладает в угрожающих масштабах.

Приток населения, в основном солдат, в город, погрязший в безнравственности, привел к естественным результатам. Через несколько недель после вторжения французский генерал был вынужден основать диспансер и постановить, что все распутные женщины должны проходить там осмотр раз в неделю. Налог в пять франков в месяц взимался с проституток, чтобы покрыть расходы учреждения. Не прошло и года, как в сбор этого налога вкрались столь серьезные злоупотребления, что было решено отдать его на откуп, и он был продан с аукциона человеку, который согласился платить за него 1860 франков в месяц. В 1832 году ежемесячный налог был последовательно повышен до семи ^{(44)/100} и девяти франков с

девушки, и по этим ставкам он перешел в собственность некоего Бальре, который заплатил 1666^{(80)/100} за привилегию собирать его. Он также имел право взимать и удерживать сумму всех штрафов, налагаемых полицией на проституток, и взимать с женщин по десять франков за каждый раз, когда они отправлялись на праздник за город, и по пять франков, если праздник проходил в черте города. Прибыль от фермы была настолько велика, что в 1835 году Бальре смог выплачивать правительству 2250 франков (четыреста пятьдесят долларов) в месяц[249].

При этой системе возникали серьезнейшие неудобства, и она стала настолько хлопотной, что в ноябре 1835 года губернатор обнародовал указ, пересматривающий действующие правила по этому вопросу. Судя по всему, от фермерской системы тогда отказались, а правительственные агенты, которым было поручено собирать налог, бессовестно обкрадывали и проституток, и государство.

Поэтому в декабре 1837 года губернатор издал новый указ, отменяющий все прежние законы и постановления и передающий всю эту тему под контроль комиссара полиции. Основные положения этого указа гласили следующее:

"Каждая публичная женщина, желающая заниматься проституцией, должна предварительно заявить о своем намерении контролеру публичных женщин, который заносит ее имя в свой реестр и выдает ей пропускную книжку, которую он подписывает".

"Каждая девушка, занесенная в реестр, должна ежемесячно передавать в руки казначея диспансера сумму в двадцать франков, если она содержанка, и десять франков, если она не содержанка. Казначей выдает ей квитанцию на эту сумму и записывает ее в свою бухгалтерскую книгу".

"Мэр уполномочен отменить этот ежемесячный платеж, а также любые штрафы, которые могут быть наложены, если девушка, задолжавшая его, может доказать свидетельством контролера, казначея и врача, что она неимущая".

"Каждая девушка, которая не выплатит причитающийся ей ежемесячный взнос, а также штрафы в течение десяти дней после посещения диспансера, должна быть подвергнута тюремному заключению на срок не менее пяти дней и не более трех месяцев, если она не докажет свою неимущность, как указано выше."

"Девушки, содержащиеся в тюрьме, при первых симптомах сифилиса должны быть переведены в диспансер для лечения, после чего они должны быть возвращены в тюрьму для отбывания оставшегося срока".

"Врач диспансера должен не только лечить больных в этом заведении, но и *периодически, случайно и по необходимости посещать* проституток, которые настоящим подлежат такому посещению. Он должен посещать диспансер два раза в день, с 7 до 9 часов утра и с 3 до 4 часов вечера. Он должен заносить в свою записную книжку и в пропускную книжку девушки результаты всех случайных или необходимых посещений. Он должен получать жалованье в две тысячи франков"[250].

Этот закон действует в настоящее время и, как говорят, привел к большим неудобствам. Полицейских агентов обвиняют в том, что они в огромных размерах взимают с проституток черную почту в виде штрафов, пошлин за посещение балов, денег за то, чтобы избежать визита в диспансер, подарков полицейскому по случаю рождения его детей и т. д. Сумма налога непомерно велика и составляет, независимо от штрафов, сто двадцать франков, или двадцать четыре доллара в год на каждую девушку. Несколько администраторов

рекомендовали уменьшить или полностью отменить этот налог, но он по-прежнему сохраняется[251].

В 1838 году, когда был принят настоящий закон, число женщин, внесенных в полицейский реестр, составляло 320 человек при общем населении Алжира в 34 882 человека, из которых две трети были африканцами, а одна треть - европейцами; но мэр города высказал мнение, что эта цифра (320) в действительности гораздо ниже истины. В 1846 году были приняты меры для более строгого, чем прежде, соблюдения полицейских правил, и было предпринято некоторое усилие для получения правильной статистики населения и проституции.[252] Мы составили следующую таблицу из нескольких, приведенных доктором Дюшенном:

Год.	Зарегистрирова но Проститутки (в среднем).	НАСЕЛЕНИЕ.		
		Африка (по оценкам).	Европейское.	Всего.
1847	442	25,000	42,113	67,113
1848	387	25,000	37,572	62,572
1849	395	25,000	37,572	63,072
1850	479	26,000	29,392	55,392
1851	342			55,392

К этим цифрам, некоторые из которых являются лишь приблизительными, следует добавить количество французских солдат в гарнизоне Алжира. Временами численность действующих войск достигала двенадцати или пятнадцати тысяч человек.

Еще один интересный момент - национальность проституток Алжира. Известно, что местные женщины отличаются распушенностью нравов. Во многих частях внутренних районов страны отцы или братья часто сдают своих дочерей или сестер на ночь или на неделю чужим людям, а сами молодые женщины с готовностью соглашаются на сделку, которая обещает удовлетворить их безграничную чувственность. В следующей таблице приведена национальность зарегистрированных проституток за период 1846-1851 годов[253].

Годы	ЕВРОПЕЙЦЫ.							АФРИКАНЦЫ.				
	Фран ция.	Мао н.	Итал ия.	Герм ания	Вели кая Вели кобр итан ия.	Испа ния.	Голл анди я.	Араб ы и мавр ы.	Евре йки.	Мула тки.	Негр итян ки.	Итог о.
1847	107	14	6	11	4	58	2	203	26	6	16	451
1848	78	10	5	10	3	49	...	181	28	7	16	387
1849	82	8	2	17	3	60	...	183	22	7	17	401
1850	113	8	2	20	2	57	...	248	19	7	17	493
1851	81	4	5	9	2	37	...	170	12	3	13	336

Заинтересовавшись причинами проституции в Алжире, доктор Дюшен пришел к выводу, что их можно свести к трем пунктам: 1-е. Бедность, в основном вызванная французским

завоеванием и последовавшими за ним войнами. И по сей день кажется, что арабский вождь нередко облегчает свои нужды, отправляя свою самую красивую дочь в Алжир для участия в кампании в качестве проститутки. 2d. Безделье, к которому приучены все арабские и мавританские женщины. Было доказано, что, хотя все европейские женщины были способны работать по тому или иному призванию и работали во время пребывания в госпитале, ни одна из туземных женщин не имела ни малейшего представления о ручном труде. Некоторые из них умели петь и одно время зарабатывали на жизнь уличными певицами, но подавляющее большинство было абсолютно неспособно заниматься чем-либо, что давало бы средства к существованию. 3d. Восточная идея о том, что женщина - это движимое имущество, которое может быть продано или сдано в наем ее законным владельцем, отцом, братом или мужем. Эта идея, преобладающая у многих диких народов, в том числе у многих наших индейских племен, является, конечно, лучшим из всех клиньев для вхождения в проституцию[254].

В Алжире существует четырнадцать домов проституции, все они содержатся, судя по всему, европейцами, а большая часть - проститутками на пенсии. Туземцы возражают против жизни под контролем содержателей борделей. Они живут одни в своих собственных комнатах. Иногда три или четыре объединяются в клуб и образуют партнерство. Их комнаты, как правило, обшарпаны и плохо обставлены[255].

Арабские проститутки редко появляются на улицах, а когда появляются, то завуалированы и одеты как скромные женщины. Вечером их можно увидеть у окон, подглядывающими через маленькие отверстия, придуманные для этой цели, и курящими сигареты. Клиентов они находят через прогонщиков, которые в большинстве своем - маленькие мальчики.

Как можно заключить из суммы налога на проституток, подпольная проституция очень широко распространена в Алжире. У нас нет подробностей или даже приблизительных оценок количества подпольных проституток, но оно, несомненно, превышает количество зарегистрированных женщин. Многие из них прикреплены к гарнизону и переходят из полка в полк, защищаясь от полиции тем, что некоторые солдаты выдают их за своих жен. Другие таким же образом уговаривают какого-нибудь колониста предоставить им временный дом и таким образом избегают визита врача. Доктор Дюшен имел основания полагать, что среди тайных проституток сифилис распространен в угрожающих масштабах и что, пока не будет отменен налог и их не побудят регистрироваться в полиции, он будет оставаться всеобщим и вирулентным[256].

Раньше бани были большим пристанищем подпольных проституток. Известно, что в большинстве восточных стран баня - не только санитарная необходимость, но и обычный союзник чувственности. Говорят, что в Алжире до завоевания мужчины и женщины купались беспорядочно, и страшные сцены разврата происходили ежедневно. При французском правлении эта практика была реформирована. Мужчинам запрещено купаться с 6 утра до 6 вечера, но доктор Дюшен был уверен, что мужчины довольно часто вводили женщин в бани по ночам при попустительстве служителей бани. Действительно, некоторые из них, похоже, выполняли по отношению к алжирским купальщикам те же функции, что и римские служители бань по отношению к беспутным мужчинам того времени[257].

Теперь остается рассказать о диспансере в Алжире. Он был основан, как уже говорилось, через несколько дней после захвата города. В течение почти десяти лет он был скандалом для преподавателей и властей. Палаты были слишком малы, для женщин не хватало кроватей, все вещи были либо в недостаточном количестве, либо плохого качества. В 1839 году был отдан приказ о создании надлежащего и комфортабельного диспансера. Три

старых мавританских дома были наняты и разделены на палаты. В настоящее время в них тринадцать палат с кроватями для семидесяти семи пациентов, ванная комната с шестью ваннами, зал для посещений проституток, необходимые офисы и т. д. Персонал диспансера состоит из директора, казначея (*эконома*), врача, аптекаря, писаря, повара, помощника аптекаря, носильщика, пяти рабочих и четырех полицейских агентов. Вся стирка производится в самом заведении. Комиссариат работает в самом широком масштабе: мясо, супы, овощи всех видов, рис, яйца, фрукты и т. д. поставляются пациентам в изобилии[258].

Каждое утро в семь часов женщин посещает врач, которому помогает аптекарь. Те, кто в состоянии ходить, осматриваются в *salle de visite*, остальные - в своих постелях. Среднее количество пациентов за год составляет от пятисот пятидесяти до шестисот человек. Средняя продолжительность лечения составляет от двадцати четырех до тридцати четырех дней. Расходы диспансера составляют в среднем от полутора до трех четвертей франка в день на каждую девочку (около тридцати или тридцати пяти центов)[259].

Врач диспансера сообщил доктору Дюшену, что, по его наблюдениям, на морском побережье сифилис протекает тяжелее, чем во внутренних районах, а в сентябре, октябре, ноябре и декабре - тяжелее, чем в любое другое время года[260].

Проститутки наказываются за опоздание в посещении диспансера более чем на двадцать четыре часа; за оставление его во время лечения; за оскорбление врача или других властей; за продолжение занятий своим делом после того, как на них напала болезнь. Наказание - тюремное заключение, либо в обычной тюрьме, либо в одиночной камере. Раньше использовалась беговая дорожка, а в плохих случаях девушке отрезали волосы и перерезали нос; но от этих диких пережитков мавританского законодательства давно отказались. Одиночное заключение, как выяснилось, отвечает всем полезным целям[261].

ГЛАВА XV.

БЕЛЬГИЯ.

Больницы и благотворительные учреждения.-Фонды.-Оценка брачной церемонии.-Правила проституции.-Бродячие.-Санитарные предписания.

Бельгия занимает более видное место в Европе, чем можно было бы предположить по ее размерам. Это влияние обусловлено энергичным и эффективным выступлением в защиту рациональной свободы, а также тем, как зарождаются и поддерживаются свободные институты.

Больницы и другие лечебные учреждения Бельгии имеют великолепный характер и поддерживаются за счет ежегодных расходов в размере почти двухсот тысяч долларов. Почти в каждом городе и во многих крупных деревнях есть больницы для больных, которые содержатся иногда за счет корпорации, иногда на частные пожертвования. В 318 больницах за четыре года с 1831 по 1834 (включительно) было вылечено не менее 22 180 человек[262].

Больницы для подкидышей - заметная особенность этих благотворительных заведений. Токарный стол, который раньше использовался во всех подобных учреждениях, в последнее время был отменен в большинстве из них, но все еще используется в Брюсселе и Антверпене. Общее число детей, ежегодно оставляемых в Бельгии, по оценкам, превышает восемь тысяч из ста сорока четырех тысяч рожденных, то есть примерно один к восемнадцати. Средний расход на содержание каждого младенца составляет около семидесяти двух франков.

Брак в Бельгии по закону является простым гражданским договором, требующим уведомления за пятнадцать дней до свадьбы, вывешенного перед зданием отеля Hôtel de Ville. Несмотря на простоту этого обряда, утверждается, что безнравственность и незаконнорожденные встречаются в огромных количествах, а добродетельная девушка-служанка - явление совершенно исключительное; едва ли найдется хоть одна из них, у которой не было бы незаконнорожденного ребенка; при этом они с непреклонной уверенностью утверждают, что, если отец - *bon ami* (возлюбленный), в этом деле нет никакого морального порока.

Бельгия примечательна своими правилами в отношении проституции и распространения венерических заболеваний. О совершенстве последних свидетельствует тот факт, что в 1855 году в тридцатитысячной армии было зарегистрировано менее двухсот случаев заболевания сифилисом.

Брюссельские публичные дома бывают двух видов: *дебоширские* и *пассивные*; их посещают *девушки-парни*, которые там назначают свидания. Эти два класса домов отличаются друг от друга фонарями разного цвета, развешанными над дверями.

Проститутки всех классов обязаны проходить осмотр дважды в неделю; тех, кто живет в публичных домах первого и второго класса, посещают врачи, а очень бедные женщины третьего класса и все те, кто не живет в публичных домах, обязаны посещать диспансер. Если они пунктуальны в своих посещениях в течение четырех недель подряд, то освобождаются от всех налогов; если же, наоборот, посещают нерегулярно, то могут быть заключены в тюрьму на срок от одного до пяти дней. Любая женщина, не живущая в публичном доме, может быть осмотрена по месту жительства при условии, что она заплатит в диспансере сумму, равную примерно восьмидесяти пяти центам. За это она получает четыре визита, и врачи будут обращаться к ней до тех пор, пока оплата будет производиться заранее. Таким образом, обитательницы аристократических борделей избавлены от необходимости посещать диспансер, равно как и та их часть, живущая в частных домах, которая может позволить себе внести плату, чтобы освободить себя от необходимости ходить в офис как обычные проститутки, в то время как полуголодная, плохо одетая нищенка третьего класса должна ждать в диспансере до осмотра, а затем возвращаться в свой убогий дом, где никто, кроме ее компаньонов и полицейских, ее никогда не видит.

Медицинский персонал диспансера состоит из инспектора-распорядителя, в обязанности которого входит присутствие в диспансере во время осмотра и посещение домов не реже одного раза в две недели; двух медицинских инспекторов, которые в течение нескольких месяцев поочередно осматривают: один - женщин в публичных домах, другой - тех, кто посещает диспансер. Дата и результат каждого осмотра отмечаются на карточке, принадлежащей каждой женщине, в журналах, которые ведутся в публичных домах, и в записях диспансера. Если у женщины обнаружен сифилис или любая другая инфекционная болезнь, владелец борделя должен немедленно отправить ее на машине в больницу, и как только она вылечится, ей выдается карточка, и она может вернуться к своей работе.

ГЛАВА XVI.

ХАМБУРГ.

Древнее законодательство.- Ульм.- Законодательство с 1483 по 1764 год.- Французская революция и ее влияние на мораль.- Указ Абендрота в 1807 году.- Полицейский указ в 1811 году.- Дополнительные полномочия в 1820 году.- Худтвалькер.- Современные полицейские правила.- Количество зарегистрированных женщин.- Терпимые дома.-Нелегальность.- Возраст и происхождение проституток.-Гамбургер Берг и его женщины.-Физика, особенности и болезни проституток.-Одежда.-Питание.-Интеллектуальные способности.- Религия.-Преступления.-Проститутки.-Инструкции.-Местонахождение борделей.- Бродельницы.-Танцевальные дома.-Воскресная вечерняя сцена.-Частные проститутки.- Уличные гуляки.-Домашняя проституция.-Незарегистрированная проституция.-Дома для проживания.-Общие спальные квартиры.-Пивные и винные дома.-Влияние проституции на генеративные органы.-Общие заболевания.-Формы сифилиса.-Сифилис в морских портах.- Сифилис среди незарегистрированных женщин.-Курхаус и общий лазарет.-Мужские венерические больные.-Болезни в гарнизоне.-Лечение.-Смертельные болезни гамбургских проституток.-Гамбургская больница Магдалины.

Древние законодательные акты, касающиеся проституции в Гамбурге, похоже, носили тот же характер и основывались на тех же принципах, что и в других континентальных городах, а именно на частичном попустительстве необходимому злу ради предотвращения вредных излишеств. Это можно проследить в самом старом из сохранившихся законов на эту тему, датированном 1292 годом. В государственных бухгалтерских книгах за 1350 год есть записи о расходах, из которых следует, что публичные бордели были построены корпорацией, хотя мы не находим удовлетворительной информации о том, управлялись ли они назначенным чиновником, как в Кельне, Страсбурге или Авиньоне, или сдавались городом в аренду частным лицам, как в Ульме. Прежде чем перейти к исследованию Гамбурга, будет небезынтересно рассказать о правилах проституции в этом городе.

Законы города Ульма 1430 года, или, по крайней мере, та их часть, которая называлась законами о "женских домах", предусматривали, что дома должны сдаваться в аренду, а арендатор, становясь арендатором, клялся верно служить городу; предотвращать любые нечестные игры или сокрытие подозрительных товаров в своем доме; предоставлять чистых, здоровых женщин, и никогда не держать меньше четырнадцати. Он был обязан соблюдать установленную диетическую шкалу; ежедневные порции должны были составлять "стоимость шести пенсов"; в мясные дни каждая женщина должна была иметь два блюда, суп с мясом и овощами и жареную или вареную кость, как удобнее. В постные дни и в Великий пост они должны были иметь столько же блюд, которые (вне поста) могли состоять из яиц и печеного мяса. В качестве замены им полагались селедка и яйца, или рыба (вероятно, пресноводная), которую они могли приготовить сами, и к которой сторож должен был добавить белый хлеб. Если женщина отказывалась от еды, он должен был дать ей что-нибудь стоимостью в шесть пенсов; он также должен был продавать им вино, "когда они его потребуют". Если женщина была беременна, он должен был выставить ее из дома. В

"женском доме" стоял сундук для общих нужд и копилка для счетов между хозяином и женщинами. Каждая женщина, которая составляла компанию мужчине ночью, должна была заплатить хозяину крейцер, а остальная часть платы была ее собственностью. Все деньги, полученные женщинами за день, складывались в общий сундук; треть из них принадлежала хозяину; остаток выплачивался женщинам в конце недели за вычетом всех долгов, которые они успели наделать за это время. В каждом доме жила женщина, которая вела финансовые расчеты между обитательницами и посетителями. Если женщина получала подарок в дополнение к оговоренной плате, она имела право потратить его на одежду, обувь или личные вещи, на которые никто не мог претендовать. Содержатель не мог снабжать женщин одеждой и т. д. без ведома и согласия Мастера нищих (местного чиновника, который, по-видимому, совмещал надзор за публичными домами, а также за известными бродягами и нищими). Хозяин должен был за свой счет предоставлять повара и служанку. Девушки или женщины могли, с их собственного согласия, поступить в ученицы к "хранителю женщин" от своих родителей или мужей; но если одна из них была отдана в ученицы против своей воли, и она или ее друзья пожелали расторгнуть договор, хранитель был обязан отпустить ее, не требуя возврата денег, которые он мог за нее выдать. Если женщина, накопившая собственный гульден, желала оставить греховную жизнь, ей разрешалось отдать его смотрителю в счет погашения всех своих обязательств, после чего ей должны были разрешить покинуть дом в той одежде, в которой она входила в него, или, если она была изношена, в своей обычной "понеделничной одежде". Женщина, по своему желанию, могла уйти без этой платы, если ей нечего было дать, но если впоследствии ее обнаруживали в любом другом доме, смотритель мог предъявить ей свои требования, причем увольнение не влияло на его претензии при таких обстоятельствах. Каждый понеделник каждая женщина должна была вносить один пенни, а хозяин - два пенни в копилку для покупки лампад для Богородицы и святых, которые возжигались в соборе в воскресные вечера. Если кто-то из женщин был болен или не мог содержать себя сам, он должен был получать необходимое из копилки, от которой (для большей безопасности) было два ключа, один из которых хранился у хозяина, а другой - у мастера нищих. Каждая женщина должна была ежедневно прясть для смотрителя два мотка пряжи, а в случае неудачи - платить по три геллера за каждый моток. В воскресенье, женский и двенадцатый день, после вечерни и на Страстной неделе дом не открывали. Если хранитель нарушал любое из этих правил, совет мог его уволить. Присяга, приносимая магистром нищих, обязывала его посещать женские дома каждую четверть дня, читать женщинам законы и сообщать совету о всех нарушениях, которые он обнаружит[263].

В Гамбурге в 1483 году должность содержателя публичных домов была ограничена определенными улицами, помимо обычно посещаемых магистралей - это правило подразумевает, что власти перестали строить публичные бордели и передали этот бизнес частным лицам.

В семнадцатом веке был принят другой образ действий, и вместо терпимости и ограничения публичных домов были приняты строгие законы, касающиеся посещения подозрительных мест и содержания под стражей лиц с дурным характером. Женские дома были снесены, а женщины изгнаны; в уголовных архивах часто встречаются случаи, когда за преступление, связанное с проституцией, подвергали наказанию в виде столба или ссылки.

В 1764 и в 1767 годах гамбуржцы приняли очень суровые законы против преступников под названием "*плотские преступления*", по которым оба пола подвергались мучениям и наказаниям, но мужчинам, похоже, разрешалось оправдываться под присягой. Служителям правосудия предписывалось наносить визиты по домам в поисках преступников, а

наказаниями для злостных нарушителей были столб, хлеб и вода, исправительный дом или изгнание.

В Германии проституция получила страшный импульс после Французской революции, когда всеобщее разрушение общественных обязательств открыло путь к неограниченному частному свободомыслию. Вероятно, разнузданность Европы в конце прошлого и начале нынешнего века была более экстравагантной, чем в любое другое время. Наплыв иммигрантов после падения французской монархии наводнил Гамбург парижскими нравами и обычаями. Места развлечений и чувственных удовольствий возникали во всех направлениях, домашние, простые нравы *Ватерланда* были подорваны, и на их место пришла менее строгая линия поведения. По словам одного из писателей того времени: "Наши столовые превратились в рестораны, танцевальные залы - в салуны, питейные заведения - в павильоны, подвалы - в залы, девушки - в девичники; словом, мы были основательно отполированы безнравственной толпой иммигрантов". Быстрая и безудержная толпа пронеслась по нашим приятным улицам, а скромность и респектабельность бежали с закрытыми лицами, к несчастью немногих хороших людей".

Название "*демуазель*" было дано многим простым женщинам, а их места отдыха назывались "домами Маамзель". В те времена гамбургцы с изумлением наблюдали дома, обставленные в стиле особняков, с дорогой обивкой и краснодеревщиками.^[264] Среди женщин были *femmes entretenness*, которые принимали своих друзей в определенные часы, и их услуги оказывались за луидор или дукат. Они часто посещали первые и вторые ложи немецких и французских театров и разъезжали по общественным улицам в красивых каретах. Некоторые содержатели домов этого класса имели в своем штате врачей, услугами которых всегда могли воспользоваться постояльцы. Здесь давали *пиры*, а иногда устраивали балы.

Это была буквально аристократия проституции. Второй, третий и четвертый классы проживали на соседних улицах или в пригородах, различаясь по своей привлекательности в зависимости от ранга, который они занимали, но все они были одинаково бесстыдны и однозначны в своем поведении и внешнем виде.

Несмотря на столь стремительное распространение проституции, полицию города нельзя справедливо обвинить в пренебрежении обязанностями: за любое общественное возмущение следовало достойное наказание. Однажды целый корабль с нимфами из *Паве* был отправлен в колонии; в другой раз был проведен рейд по самым заметным домам, некоторые из обитательниц были призваны к благопристойному поведению, а неисправимые публично выставлены на улицах, украшенные надписями, обозначающими их проступки. Голос немногих был бессилен против разврата многих. Pamфлеты и газеты того времени изобиловали предложениями услуг посредников, и даже сами гамбургские дамы были далеки от совершенства, если верить свидетельствам вымышленной петиции, в которой дамы, помимо прочего, просили ограничить непристойность своих нарядов и не демонстрировать так широко свои прелести.

Такое экстравагантное состояние общества не могло существовать долго; реакция была неизбежна, и мы находим постановление, принятое в 1807 году проктором Абендротом в связи с этим вопросом. Он признавал содержание публичных домов и проституцию как призвание и разрешал их при определенных ограничениях. На это занятие взимался налог, а также предписывалось вести реестр всех лиц, занимающихся этим, следить за их здоровьем и общим хорошим поведением. Официальное обоснование налога содержится в самом приказе, который гласит, что "для вышеуказанных целей" (полицейский реестр и надзор, медицинский осмотр, содержание в болезни, нищете и т. д.), "и для того, чтобы

общественность не была обременена расходами, каждый домохозяин должен за каждую проживающую с ним женщину платить две марки в казну проктора. Излишки этой казны должны поступать в госпиталь".

Во время французской оккупации в 1811 году полиция возобновила и усилила строгие правила, касающиеся общих домов и женщин. Преамбула их "Инструкции" (апрель 1811 года) заслуживает внимания:

"Общественная и личная безопасность требуют постоянной проверки как публичных домов, предназначенных для разврата, так и женщин и девушек, которые часто посещают их, живут в них или останавливаются там время от времени. Этот контроль должен распространяться и на те места, которые не предназначены для жилья, но которые, тем не менее, должны быть включены в число публичных домов, поскольку они служат убежищем для женщин и девушек, которые бродят по улицам".

"Основания для этой проверки двояки. С одной стороны, они связаны с поддержанием общественного порядка: необходимо, чтобы никто не скрывался от глаз полиции и не находил убежища в таких домах. Также целесообразно, чтобы магистрат обращал внимание на позорные и беспорядочные действия или предотвращал те, которые слишком часто происходят в городе. Другие причины касаются здоровья населения. Развратные привычки стали настолько распространенными, а контроль за ними в течение нескольких лет стал настолько затруднительным, что самые опасные болезни возросли до небывалых размеров. Все слои общества жалуются и громко призывают к принятию нормативных актов для сдерживания этого зла. Эти соображения побудили генерального комиссара полиции возобновить в полной силе ранее принятые законы и правила и приказать неукоснительно соблюдать их при настоящем положении дел".

После ухода французов бдительность полицейских властей, по-видимому, ослабла, если судить по опубликованным в то время жалобам, в которых их обвиняют в пособничестве несчастным, заполонившим улицы Гамбурга, и утверждают, что "с помощью ничтожной взятки они могут беспрепятственно заниматься своим отвратительным ремеслом, к большому раздражению добродетельных людей, которые после определенных часов вечера не могут пройти по улицам".

В 1820 году, когда "существовавшие ранее полицейские правила против проституток оказались весьма неэффективными, так как они заполнили общественные улицы и пути, не только нарушая приличия и благопристойность, но и подвергая опасности общественный порядок и безопасность", было приказано обновить правила и предоставить полиции дополнительные полномочия для обеспечения регистрации лиц, попадающих под действие закона.

В это время мы располагаем некоторыми сведениями о количестве проституток, которых насчитывалось около пятисот, в основном иностранки, и их доходах от покровителей, но у нас нет сведений о количестве женщин, которые занимались своим делом в частном порядке, которое, должно быть, было велико.

Гражданское управление сенатора Худтвалкера отмечено искренними усилиями по контролю над проституцией и ограничению ее в известных пределах. Некоторые из его взглядов на эту тему встретили серьезное сопротивление. Он хотел закрыть один конец печально известной улицы и замуровать задние окна, поставив сторожа у оставленного открытым конца. После большого личного внимания к этому вопросу он опубликовал

результаты своего опыта.^[265] Его принципы - это те, на которых основаны нынешние полицейские правила Гамбурга. Он сказал:

"Всем содержательницам публичных домов и девушкам следует ясно дать понять, что их позорное и губительное занятие только *терпимо*, не разрешено, не санкционировано и даже не желаемо. Тем более они не должны чувствовать, что имеют право сравнивать себя с достойными гражданами, как будто их призвание, поскольку с них взимается пошлина, может быть поставлено в один ряд с другими разрешенными призваниями. Они должны помнить, что этот налог взимается исключительно для того, чтобы покрыть необходимые расходы на полицейский надзор и лечение болезней, которые приносит обычным женщинам их собственный распутный образ жизни."

"2. О публичных или частных борделях сообщать в полицию; правила должны быть прочитаны и подписаны; нарушители должны быть наказаны хлебом и водой, а также исправительным домом. Если не подписавшаяся женщина заболит венерической болезнью, то этот факт будет являться *prima facie* доказательством проституции."

"3. О перемене места жительства сообщать под страхом наказания."

"4. Концессия может быть отозвана властями по их усмотрению".

"5. Жилые дома будут допускаться только в том случае,

(a.) где хозяин прописан;

(b.) где прописана проживающая девушка;

(c.) если в нем проживает девушка, имеющая прописку".

"6. Женщины из-за границы, содержащиеся одинокими мужчинами, должны получить разрешение полиции на проживание и платить налог за первый класс, не подвергаясь, однако, медицинским посещениям. Они имеют право на бесплатное пользование общим лазаретом. Если будет доказано, что такая девушка имела сношения с несколькими мужчинами или, будучи венерической, заразила других, с ней следует обращаться как с публичной женщиной".

7, 8, 9. Предписать идентификацию лиц, дающих подписку; сведения о месте их рождения; согласие родителей, если они живы; также: "Что любой содержатель публичного дома, удерживающий невинную девушку под ложным предлогом, должен быть наказан штрафом и тюремным заключением, а уступка должна быть отменена."

"10. Служанки или родственницы содержательниц публичных домов, проживающие с ними, должны быть старше двадцати пяти лет."

"11. Ни одна проститутка не имеет права содержать детей любого пола старше десяти лет; даже ее собственные дети должны воспитываться в другом месте, если она продолжает заниматься своим делом."

12. Запрещает приставание к пассажирам.

"13. Ни одна обычная женщина не может находиться на улицах после одиннадцати вечера без сопровождающего мужчины".

14. Ограничивает места, куда могут прибегать проститутки.

"15. Молодые люди, не достигшие двадцати лет, не должны входить в публичные дома".

"16. В публичных домах запрещается музыка и азартные игры, а также продажа спиртных напитков, кроме как по специальному разрешению."

"17. Шум и гам в публичных домах наказуемы."

"18. Содержатель публичного дома или женщина с надписью не должны допускать вымогательства или насилия по отношению к клиенту, но они могут задерживать тех, кто не заплатил. Кражи и нечестная торговля запрещены; ответственность несет хозяин дома".

"19. Запрещается принуждение или насилие над женщинами со стороны содержателя, а также гостей, находящихся в его ведении."

"20. Женщина, желающая вернуться к добродетельной жизни, вольна сделать это, невзирая ни на какие притязания содержателя. Если они расходятся во мнениях относительно таких претензий, полиция должна их урегулировать, но ни в коем случае смотритель не имеет на нее никаких прав. Тем не менее этой привилегией не следует злоупотреблять. Если женщина возвращается к своему дурному образу жизни, претензии хранителя к ней возобновляются, и она может быть даже наказана. Ограничение, в зависимости от сословия женщины, права занимать деньги".

"21. Если родители или родственники возьмут на себя возвращение проститутки, то полиция обязана вернуть ей ее личность, независимо от требований содержателя или даже от отказа самой женщины."

"22. Женщина, сменившая место жительства и оспаривающая любой расчет с содержателем, может добиться от полиции исправления ситуации."

"23. Женщины должны еженедельно подвергаться медицинскому осмотру. Ни одна женщина, во время менструации или при каком-либо заболевании половых органов, не должна принимать посетителей от мужчины. Ни к одной женщине не должен приближаться мужчина, больной или обоснованно подозреваемый в болезни". С этой целью должны быть представлены признаки венерической болезни".

"24. Предписания общественного врача являются обязательными и должны строго соблюдаться. Недостаток личной чистоты увеличивает вирулентность сифилиса, поэтому указания врача по этому вопросу должны неукоснительно выполняться."

"25. Медицинский работник должен сообщать полиции о результатах обследования и заносить их в книгу, которая будет храниться у каждой женщины и предъявляться по первому требованию."

"26. Женщина, обнаружившая у себя венерическое заболевание, должна явиться либо к сторожу, либо в полицию; при других заболеваниях - к медицинскому работнику, который назначит ей курс лечения на дому или, в случае венерических и инфекционных заболеваний, в больнице. В случае беременности она должна сама явиться к медицинскому работнику".

"27. Смотритель наказывается за болезнь человека, находящегося в его доме, и несет ответственность за лечение".

Остальные разделы касаются сбора налога; наказание за нарушение - штраф и тюремное заключение.

Кратко обрисовав таким образом ход развития законодательства о проституции в Гамбурге, основанного на принципе, что "проституция - это необходимое зло, и как таковая она должна существовать под строгим надзором властей", мы считаем уместным привести следующие высказывания видного местного писателя:

"То, что публичные дома являются злом, никто не может отрицать; тем не менее, аргументы против содержания публичных домов, за исключением этой неоспоримой истины, не являются ответом на "необходимость", которая является самой *сутью* дела, и эта необходимость основана на неконтролируемой природе сексуальных отношений и на обстоятельствах нашего социального положения."

"Содержание публичных домов необходимо

"1. Для подавления распутства, частной проституции, а также родственных ей преступлений, прелюбодеяния, изнасилования, аборт, детоубийства и всякого рода незаконного удовлетворения половой страсти. Последние случаи встречаются у нас крайне редко. Пæдерастия или содомия встречаются крайне редко, а от противоестественного совокупления женщин друг с другом, о котором упоминает Парент-Дюшатель как о распространенном среди парижских девушек, мы не находим и следа".

"Разрешение публичных домов способствует подавлению частной проституции в той мере, в какой содержательницы публичных домов и "записанные" женщины, исходя из своих собственных интересов, противостоят ей и помогают полиции в ее выявлении. Несомненно, частная проституция - неисчислимо большее зло, чем общественный порок".

"2. По соображениям государственной политики в отношении здоровья. Совершенно ошибочно полагать, что легализованные публичные дома способствуют распространению сифилитических заболеваний. Это скорее следует отнести на счет частной проституции, которая возникнет после ликвидации борделей, и с которой, конечно, будет снят тот медицинский полицейский надзор, который сейчас ограничивает распространение инфекции. Опыт всех времен доказывает, что с помощью тайной проституции интенсивность и вирулентность венерических заболеваний усугублялась, умножались те ужасающие примеры, которые знакомы каждому читателю-медику и заставляют содрогаться от ужаса; в то время как численно болезнь и ее последствия проникали во все классы общества. Именно знание этих фактов побудило нас терпеть или, скорее, регулировать эти публичные дома".

"3. *Подавление* АБСОЛЮТНО НЕПРЕДСКАЗУЕМО, поскольку зло коренится в непобедимой физической потребности. Может показаться, что ревность против публичных борделей подразумевает, что их уничтожение приведет к ограничению сексуальных контактов, за исключением брака. Это ошибочно, поскольку достоверные данные доказывают, что на каждую сотню женщин из публичных домов приходится двести частных проституток, и никакая человеческая сила не сможет этому помешать. В таком большом городе и таком часто посещаемом морском порту, как Гамбург, надежда на изменение этого закона была бы чисто химерической".

Вот и все о гамбургском законодательстве и весомых аргументах в его пользу. Теперь мы приведем несколько фактов, иллюстрирующих этот порок в его нынешнем виде, используя памфлет доктора Липперта "Проституция в Гамбурге. 1848."

Следует отметить, что для этой цели Гамбург разделен на две части: собственно город и пригород Санкт-Паули. Последний находится в ведении отдельного муниципалитета и является обычным местом жительства моряков и тех, кто зависит от мореходной жизни.

В течение многих лет в полицейских сводках самого города указывалось около пятисот зарегистрированных "простых женщин" (*eingeschrieben Dirnen*) и сто зарегистрированных борделей. Полицейские правила, требующие ежемесячной уплаты личного и квартирного налога, а также продления разрешения на содержание публичных домов, являются очень удобным методом переписи этого класса. Ниже приведены данные о наибольшем и наименьшем ежемесячном количестве зарегистрированных женщин за несколько лет:

Год	1883	Наибольшее	число,	550	Наименьшее	число,	456
"	1834	"	"	550	"	"	450
"	1835	"	"	481	"	"	441
"	1836	"	"	546	"	"	473
"	1837	"	"	514	"	"	484
"	1844	"	"	502			Нет отчетов.
"	1846	"	"	512			Нет отчетов.

Эти ежемесячные отчеты не показывают каких-либо заметных колебаний в определенный период, подъем и спад произвольны. Колебания в целом не очень велики, хотя с ноября 1834 года по январь 1835 года произошло уменьшение на 86 человек (или почти на одну пятую), а с ноября 1835 года по январь 1836 года - соответствующее увеличение. С тех пор их число стабильно держится примерно на одном уровне.

Показатели доходности домработниц (*bordelwirth*) варьируются не в такой степени.

В среднем	105
Но в 1844 году она снизилась до	90
"" 1845"	93
"" 1846"	96
Из этих домохозяек в последнем названном году (1846) было	
Мужчины	60
Женщины	36 -96
В декабре 1844 года было	
Зарегистрированные женщины	502
которые подразделялись на	
Проживающие в зарегистрированных домах	294
проживающих в частном порядке	208 -
	502
В мае 1845 года в городе было	
Зарегистрированные женщины	505
которые подразделялись на	
Проживающие в зарегистрированных домах	326
живущие в частном секторе	179 -
	505

(В этот период было зарегистрировано четыре дома, в которых не проживало ни одной женщины).

В августе 1846 года в городе было

Зарегистрированные женщины	512
которые подразделялись на	
Проживающие в зарегистрированных домах	334
проживающие в частном порядке	178 -
	512

Эти цифры показывают, что число тех, кто живет частным образом, постепенно уменьшается, все больше их концентрируется в зарегистрированных домах.

Доктор Липперт считает, что проституция уменьшается летом и увеличивается в зимние месяцы. Статистика, конечно, подтверждает эту теорию, но разница настолько мала, что вряд ли можно принять ее за правило.

Так, май и июль за пять лет дают в среднем по месяцу	499 ⁵ /10
а месяцы ноябрь и январь за то же время дают среднемесячное значение	501 ¹ /10
что свидетельствует о среднем увеличении в зимние месяцы	1 ⁶ /10
или около одной трети одного процента от среднего числа проституток.	

Говоря о классах, из которых пополняются ряды простых женщин в Гамбурге, доктор Липперт утверждает, что четыре пятых из них - выходцы из сельскохозяйственных районов, живущие в качестве прислуги, трактирщиц или по другим специальностям, а затем становящиеся проститутками "по делу". Не желая оспаривать его мнение по местным вопросам, можно усомниться, что дурной пример, порочное воспитание, незнание моральных или религиозных обязательств или искушение не являются достаточными причинами их падения, помимо этого огульного осуждения, этого коммерческого взгляда на вопрос, противоречащего всему опыту во всех цивилизованных странах, где проводились какие-либо исследования по этому вопросу.

Частные проститутки, как зарегистрированные, так и незарегистрированные, в основном швеи или другие люди, зависящие от ежедневного труда. Эти женщины, по-видимому, сохраняют естественное чувство позора, присущее открытым и явным куртизанкам, и в своей скрытности и тишине сохраняют некоторые женские черты, которых лишена обычная женщина из публичного дома.

У нас нет достоверных сведений о частной незарегистрированной проституции или просто о ночлежных домах в Гамбурге, но важным фактом является количество незаконнорожденных детей и уменьшение, пропорционально численности населения, числа браков. Следующие результаты взяты из книги Неддермайера "Статистика и топография Гамбурга".

В 1799 г,	на сайте	браков	было	около	1	в	45;
С 1826 по 1835 год,	"	"	"	"	1	"	97;
В 1840 году,	"	"	"	"	1	"	100.

Соотношение незаконнорожденных и законнорожденных детей составляет примерно 1 к 5, фактическое число незаконнорожденных выглядит следующим образом:

Годы	Незаконнорожденные Рождения.
1826	649
1827	606
1828	723
1829	801
1830	786
1831	805
1832	926
1833	867
1834	846
1835	730
1836	807
1837	771
1838	762
1839	765
1840	754
1841	749
1842	702
1843	655
1844	797
1845	778
1846	779

Сайт	население	города	Гамбург	было	в	1826	100,902	
"	"		"	"		1840	124,967	
"	"		"	"		1846	130,000	или выше, было принято за цифру.

Теперь нам предстоит рассмотреть физиологические и патологические особенности гамбургских проституток.

Полицейские правила требуют, чтобы ни одна зарегистрированная женщина не была моложе двадцати лет; но при этом они имеют право по собственному усмотрению держать под наблюдением и контролем некоторых молодых девушек, которых не могут вернуть ни работные дома, ни тюрьмы, поскольку опыт гамбургских властей убедил их в том, что такие *карательные учреждения редко бывают успешными в деле исправления*; эта истина будет вскоре более общепризнанной, особенно в отношении брошенных женщин, чем в настоящее время.

Официальный список за 1844 год показывает, что среди зарегистрированных проституток было

Под	20	лет	из	в возрасте	16
С сайта	20	"	на	30 лет	401
"	30	"	"	40 "	74
"	40	"	"	50 "	11
Всего					502

В 1846 году среди женщин, проживающих в зарегистрированных домах, было

С сайта	20	лет	до	30 лет	возраст	199
"	30	"	"	40 "	"	50
"	40	"	"	50 "	"	8
Всего						257

Места рождения 502 женщин, о которых сообщалось в 1844 году, включали большинство стран Германии. Среди них были женщины из

Гамбурга	108
Ганновера	101
Пруссия	81
Гольштейн	78
Другие части Германии	129
Голландия	2
Россия	2
Франция	1
Всего	502

Данные о рождении 512 женщин в 1846 году существенно не отличаются от вышеприведенных. Разница в числе родившихся за границей заключается в том, что четыре женщины вместо пяти родились за пределами Германии. Из этих таблиц видно, что примерно каждая пятая - уроженка города и территории Гамбурга. Доктор Липперт отмечает этот факт как незначительную долю и объясняет его, перечисляя трудности, связанные с местными родственными связями, родством и т. д., которые могли бы воспрепятствовать регистрации местных женщин. Эти обстоятельства позволяют предположить, что многие из незарегистрированных женщин являются уроженками города.

Гамбургер Берг, или предместье Святого Павла, находится в западной части Гамбурга и уже упоминался как место обитания моряков и их иждивенцев. В то время, когда публичные дома были строго запрещены в самом городе, здесь допускались, исходя из потребностей жителей. Женщины и дома отличаются от тех, что есть в других частях Гамбурга. Все проститутки живут в зарегистрированных домах, а незарегистрированный или частный трафик в этом квартале решительно пресекается властями. Наибольшего расцвета бордели и их обитательницы достигают в конце осени, когда завершаются плавания домой и моряки получают зарплату. На какое-то время воцаряется веселье и оживление; когда заработки все потрачены, все возвращается в прежнее состояние, и иногда содержатели увольняют некоторых из своих женщин, поскольку предложение превышает спрос.

В 1846 году число зарегистрированных женщин в этом районе составило

Январь	186
май	189
Август	181
Декабрь	169

169 женщин, зарегистрированных в декабре, были распределены между девятнадцатью домами терпимости. В семи из них были разрешены музыка и танцы, и в них проживали соответственно 21, 13, 11, 19, 20, 18, 29 женщин, в остальных двенадцати домах оставалось только 26 женщин.

Возраст этих женщин был следующим

Под	20	лет		27
С сайта	20	"	на 30 лет	129
"	30	"	" 40 "	13
			Всего	169

Места рождения существенно не отличаются от уже приведенных пропорций. Другие вопросы, связанные с этим конкретным классом, будут рассмотрены далее.

По своему *телосложению* подавляющее большинство зарегистрированных женщин не представляют собой ничего приятного. Как правило, взятые из самых грубых слоев общества, они грубы и непривлекательны внешне, а из-за последствий нерегулярных возлияний и постоянного пребывания под открытым небом они вскоре теряют те женственные черты, которыми когда-то обладали. Но это не полный портрет. Среди незарегистрированных частных женщин можно найти немало красивых.

Зарегистрированные женщины, проживающие в частных или первоклассных борделях, имеют в своих рядах привлекательных представительниц, в то время как в пригороде Сент-Пола их немного, но они грубоваты. Физическая сила кажется более востребованной среди *обитателей* этого района, чем изящные формы или красивое лицо.

По своим телесным особенностям и болезням публичные женщины Гамбурга не отличаются от жительниц других городов. В начале своей карьеры они часто становятся худыми и истощенными, но через некоторое время, вероятно, благодаря праздной жизни и хорошей пище, вновь обретают стройность. В их френологическом развитии мы обнаруживаем заметное преобладание животных инстинктов над интеллектуальными способностями. Влияние их образа жизни в некоторой степени зависит от индивидуальной конституции. Зубы у горожанок, как правило, плохие, но в Гамбурге они в отличном порядке - гораздо лучше, чем у большинства населения. Цвет лица у них бледный, и они стараются исправить это постоянным использованием грубых тканей, применением eau de Cologne и других стимуляторов, но очень редко красятся, за исключением самых низких классов. Они быстро теряют волосы от распушенности, использования поматума, щипцов для завивки и т. д. Однако именно в грубом, резком голосе проявляется наиболее заметный результат их призвания.

На данный момент мы оставим медицинскую часть этого исследования и дадим очерк их бытовой или повседневной жизни. Следует помнить, что полиция делится на

"зарегистрированных" и "незарегистрированных", а также на "государственных" и "частных" женщин.

Общественные женщины (*öffentlichen dirnen*) находятся под особым контролем и надзором полицейского органа, на который возложена эта обязанность. Без его прямого ведома и разрешения они не могут быть зарегистрированы или "записаны" (*eingeschrieben*), а также не могут свободно менять свое место жительства или быть "выписанными" (*ausgeschrieben*). Этот чиновник взимает с них и с содержателей публичных домов налог (*bordelwirth*), который перечисляется в фонд (*meretricen kasse*). Мы не можем подробно описать применение этих денег, но в целом они не увеличивают доходы города и, во избежание публичного скандала, направляются исключительно на полицейские и медицинские услуги, необходимые этому классу.

Смотрители и женщины делятся на три класса. Неясно, может ли женщина выбрать класс, к которому она будет принадлежать. Мы склонны думать, что этот вопрос решают магистраты и определяют ее в то сословие, к которому она лучше всего приспособлена.

В одежде и питании существуют обычные различия, которые можно найти во всех местах и сословиях. Полицейские правила и в целом трезвый стиль одежды гамбургцев ограничивают любую нескромную демонстрацию лица или экстравагантность наряда. Женщины первого класса, как правило, одеваются со вкусом и элегантностью, в то время как среди низших слоев населения востребована простая и удобная одежда. В большинстве случаев зарегистрированным женщинам, проживающим в публичных домах, одежду предоставляет содержатель, который очень часто взимает за нее экстравагантные цены. Вымогательские требования в этом отношении являются плодотворным источником жалоб в полицию, которая выставляет умеренные счета без особой симпатии к кредитору. Одежду и украшения некоторые первоклассные женщины берут напрокат у ростовщиков одежды (*vermietheinnen*), но другие редко прибегают к этому способу, за исключением безделушек.

Питание домашних женщин хорошее и обильное, варьируется в зависимости от уровня борделя, в котором они живут. Старые законы о роскоши не действуют, но интересы содержателя побуждают его стремиться к благоразумной популярности среди своих женщин и поддерживать характер своего дома либеральностью своих развлечений как по количеству, так и по качеству. Значительную часть их жидкостей составляет кофе, который они очень любят. Вина и ликеры поставляются в дом только по праздникам, но посетители могут приобрести их в любое время по своему желанию. Пьянство среди лучшего класса встречается сравнительно редко, отчасти благодаря заботе сторожа, но больше из-за страха перед полицейским надзором и последующим наказанием.

По своим интеллектуальным способностям проститутки Гамбурга ничем не выделяются. Лишь немногие умеют читать, и еще меньше умеют писать. Те, кто умеет читать, ищут развлечений в старинных романах из тиражных библиотек, изредка заглядывая в либидинозный стиль публикаций, известный у нас как "литература в желтых обложках". По всей видимости, это универсальная практика этого класса, где бы ни проводились расследования. Как и другие невежественные люди, они суеверны. Липперт упоминает об одной особой примете, связанной с их призванием: та, кто подбирает любой предмет, выброшенный, обязательно получит вскоре визит от мужчины. Он не говорит, было ли это подтверждено опытом.

Обычный распорядок их жизни - это бесполезное безделье. Они встают около десяти и завтракают, причем основным блюдом является кофе. Утро проходит в одевании, чтении романов, игре в карты или домино и тому подобных занятиях. В некоторых домах низшего

класса они развеивают свою *тоску*, помогая по хозяйству, но это - вопрос одолжения, которое они стараются не превращать в обязанность. К середине дня они уже готовы к обеду. После обеда они вносят последние штрихи в свой наряд и ждут прихода гостей. Некоторые посещают общественные гостиные или танцевальные салоны, чтобы завязать или завести знакомство, но аристократы ордена считают более достойным оставаться дома и ждать своих "друзей".

В том прекрасном и своеобразном качестве скромности, которое придает женским прелестям изящество, даже проститутка не полностью лишена. Некоторые следы ангельского атрибута заметны, но в основном в частных женщинах, где среди обломков характера еще сохраняется уважение к приличиям жизни, и для таких она часто является главной привлекательной чертой.

Религия оказывает влияние на некоторых, как ни странно, расходящихся с ее велениями в своей жизни, но большинство полностью лишены каких-либо подобных чувств. Иногда в комнатах борделей можно увидеть библейские картины, но лишь в качестве украшения, поскольку они нейтрализованы соседством других, более созвучных этому месту.

В отношениях с мужским полом существуют различия между женщинами, живущими в публичных борделях, и теми, кто живет в частных, зарегистрированных или незарегистрированных. Отчасти по склонности, но в основном из соображений политики содержателя, первые редко хранят верность какому-то определенному любовнику. Правда, любой, кто способен и готов платить, может приходить и уходить, когда ему заблагорассудится, если он не мешает "бизнесу" девушки в других выгодных кварталах. Не так обстоит дело с частными женщинами, у которых часто есть особые "любовники", к которым они проявляют большую доброту, хотя от них они часто не получают ни сочувствия, ни защиты. Многие из этих мужчин не гнушаются существовать исключительно на доходы женщины, которую они публично оскорбили бы, встретив ее вдали от дома.

В личном поведении друг с другом женщины, живущие в одном доме, скованны и завистливы. В первом классе соблюдаются формы вежливости, но они слишком часто вступают в личное соперничество, чтобы испытывать много добрых чувств. В низших классах ревность часто находит выход в упреках или ударах, и нередко возникает конфликт, требующий вмешательства хозяина или соседского полицейского. Среди тех, кто живет в одиночестве, нередко теплые дружеские отношения; часто оказывают своевременную помощь во время болезни или нужды; добрые услуги взаимны; иногда случается, что в деликатном вопросе их посетителей мужчина, имеющий привычку благоволить к одной женщине, не встречает одобрения со стороны других.

Их преступления и правонарушения относятся к обычной категории, но утверждается, что воровство в Гамбурге встречается реже, чем в других местах, а если оно и случается, то чаще совершается нерегулярными членами тела, чем зарегистрированными в установленном порядке женщинами. Понятно, что система регистрации предоставляет слишком много возможностей для обнаружения, чему, несомненно, следует приписать необычайную честность. Личные ссоры и нападения, а также пьянство среди пожилых членов приводят их в дом заключения или исправительный дом. Число заключенных по разным причинам обычно достигает ста или ста двадцати человек.

В лицензированных борделях содержатся женщины (*kupplerinnen*), чьи услуги признаются властями. В случае крайней необходимости содержатель обращается к одной из сводниц, и если девушка, которую она предлагает, ему подходит, кандидатка сначала проходит медицинский осмотр. Благополучно пройдя через это испытание, она попадает в

полицейское управление и "записывается" к своему новому содержателю, который обязан погасить некоторые ее долги, например, сумму, причитающуюся его предшественнику. Если медики признают ее больной, ее отправляют в лазарет, если она жительница Гамбурга, а если иностранка - немедленно высылают из города. В тех случаях, когда женщина, обратившаяся к властям, ранее не занималась проституцией, магистрат обычно увещевает ее отказаться от своего намерения и вернуться на путь добродетели - рутинное благодеяние, которое, как правило, не приносит результатов. Обычная полицейская пошлина за регистрацию составляет две марки, пошлина врача - одну марку, а обычное вознаграждение агента - четыре марки.

Таким образом, зарегистрированные женщины находятся под строгим наблюдением полиции и, когда бы они ни пожелали бросить свою жалкую жизнь, находятся под особой защитой этого органа. Хранители, естественно, чинят все возможные препятствия на пути к такому решению, особенно если девушка сильно задолжала; но, по какой-то причине, когда женщина находится под какими-либо ограничениями и, следовательно, не может лично обратиться в полицию, анонимная записка попадает в офис и быстро достигает желаемой цели. Власти нисколько не сочувствуют содержательницам борделей, но используют все свои силы, чтобы помочь женщинам при каждом удобном случае.

Зарегистрированные женщины подразделяются на "бордельных" (*Bordell dirnen*), которые живут в лицензированных домах; "частных" (*für sich wohnende dirnen*), когда они живут сами по себе, в этом случае их хозяевами являются в основном механики, лоточники или прачки; и обычных "уличных" (*Strassen dirnen*), которые промышляют на улицах и находят приют в обителях нищеты и бедности. Последние представляют собой низший класс зарегистрированных женщин.

Большинство публичных домов (*борделей*) находится в самых старых частях города, которыми они изначально ограничивались, но ведущие дома можно найти на *Швигер-штрассе*, улице с умеренным движением в хорошем районе. Здесь женщины сидят у окон, нарядно одетые и подготовленные для всеобщего обозрения, и жестами и приветствиями дают о себе знать пассажирам. Некоторые из этих домов вмещают до четырнадцати человек. Они обставлены добротной мебелью из красного дерева, украшены изысканными драпировками и отличаются аккуратностью и элегантностью. Женщинам, как правило, от двадцати до двадцати пяти лет, они привлекательно одеты и украшены. Венерические заболевания очень редки среди этого класса, так как большое внимание уделяется личной чистоте, а ванна используется очень часто. Мужчины, которые посещают этот район, состоят из купцов, более богатых государственных и деловых служащих, офицеров и особенно многочисленных коммерсантов, которые приезжают в Гамбург в любое время года.

Жители *Даммторвалля*, *Дребама* и *Ульрикас-штрассе* ведут скучную жизнь, поскольку в этих местах женщины имеют обыкновение сидеть у окон весь день. Их главным дневным событием является визит парикмахера (*friseurian*), который, внося свой вклад в украшение лица, что является очень серьезным делом из-за количества требуемых накладных волос и необходимости сделать сегодняшний эффект отличным от вчерашнего, также продает последние интересные новости или скандалы. Когда одна из этих женщин отправляется на прогулку, смотритель обычно посылает вместе двух, которые не согласны друг с другом, чтобы установить взаимный контроль. После прически и прогулки следующим важным событием становится ужин, после которого они проводят время исключительно у дверей или окон.

Часы закрытия в этих борделях первого и второго разряда не так строго соблюдаются полицией, как в нижних частях. Иногда женщинам разрешают посещать балы в знаменитом Зале зеркал или других известных танцевальных салонах поблизости.

В первоклассных домах счета между содержателем и женщинами малопонятны. Как уже отмечалось, некоторые из них берут одежду напрокат; другие покупают ее у хозяина в кредит, и он выставляет соответствующие счета; но эти вопросы мало беспокоят женщин. Если они покидают один дом, чтобы поселиться в другом, новый содержатель оплачивает счет старого; если женщина полностью отказывается от проституции, требование хозяина не подлежит возмещению.

В домах второй и третьей категории плата за питание и проживание более понятна. В среднем это около двадцати марок (пяти долларов) в неделю, а стирка, огонь и свет оплачиваются дополнительно. Смотритель снабдит удачливых или привлекательных женщин одеждой на любую разумную сумму, но его либеральность ограничена в отношении тех, у кого меньше посетителей. Он стремится держать всех в долгах, и в этом он обычно преуспевает. Их украшения обычно являются собственностью хозяина и составляют общий фонд, который распределяется между его постояльцами так, чтобы увеличить или продемонстрировать их силу очарования, и пополняется им по собственному усмотрению.

Пройдя через промежуточные классы борделей, не отличающихся особыми характеристиками, к тем, что находятся в *Гангене*, мы обнаруживаем самый низкий класс зарегистрированных домов и зарегистрированных женщин. Большинство из них - питейные заведения, и полиция имеет право определять цены на спиртные напитки. Здесь часто можно увидеть хозяев, гостей и девушек, пьющих и резвящихся вместе в маленькой задней комнате, где часто происходят сцены грубой непристойности (мягко выражаясь). Женщинам в этом районе приходится буквально вкалывать, и, как правило, они обязаны выполнять всю домашнюю работу в заведении. Зимой им часто приходится брать в руки лопату и убирать снег и лед с тротуара перед домом. Как и другие люди их профессии, они редко остаются в долгу у хозяина: их питание обходится им от десяти до четырнадцати марок в неделю (около трех-четырех долларов). Стирка, огонь и свет стоят на доллар больше, а парикмахерская - около пятидесяти центов. Кроме того, они должны платить еженедельный медицинский и ежемесячный полицейский налог. Они влачат жалкое однообразное существование, редко покидая дом на несколько недель или даже месяцев, за исключением тех случаев, когда им необходимо посетить врачей или полицию. Их посетители - представители самых грубых и животных слоев населения, а лечение, которое они получают, сводится к покупке товаров, предназначенных для удовлетворения грубых потребностей людей, чья жизнь сосредоточена на чувственности. Как и их спутницы из пригорода Сент-Пол, они, как правило, обладают большой силой и выносливостью, но вскоре превращаются в пассивный, бесстрастный инструмент. Если представить, что они имеют рефлексивные привычки, то невозможно представить себе более суровое наказание, чем их собственное ощущение деградации, полной утраты всех женских чувств, проявляющихся в их повседневном существовании.

Содержатели публичных домов, среди которых есть и евреи, не имеют ярких особенностей как класс. Уже было показано, что этим отвратительным ремеслом занимаются представители обоих полов, и, несмотря на полицейские предписания и ограничения, обязательства и ограничения, которые на них накладываются, это, несомненно, самое прибыльное занятие. Арендная плата за зарегистрированный дом обычно вдвое превышает обычную плату за аналогичное жилье. Некоторые смотрители являются собственниками домов, в которых они живут. В их обязательства должно быть включено положение, согласно

которому они несут ответственность за кражи, совершенные в их домах, и за любое насилие или беспорядки, которые могут там происходить; наказанием за это являются штраф, тюремное заключение и потеря лицензии. Кроме того, они несут значительные убытки из-за раскаяния некоторых из своих постояльцев, но, несмотря на все неприятные обстоятельства, им удается быстро зарабатывать деньги.

Период, в течение которого они продолжают *заниматься бизнесом*, неопределенный: многие из них продолжают работать в своих домах по своей склонности еще долго после того, как накопили достаточно имущества, чтобы уйти на пенсию. Среди содержательниц есть молодые и красивые, но они не пользуются особой популярностью у своих женщин, которые опасаются последствий противостояния. Они редко выходят замуж, но сожительствуют с кем-то из мужчин ради его защиты. Среди этих *временных* мужей есть и такие, чья квалификация и прежнее положение заставляют удивляться тому, что они соглашаются приобретать существование из столь загрязненного источника.

Домохозяйки Гамбургер Берг не только находятся под отдельной муниципальной юрисдикцией, но и сами по себе представляют собой другой класс людей. В основном это мужчины, которые имеют дело в основном с моряками, а их посетители иногда требуют больше физической силы, чем могла бы приказывать женщина, чтобы сдерживать их в установленных рамках. Их дома обставлены довольно скудно, а все их убранство очень скромно и непритязательно. Несколько лет назад среди их клиентов нередко случались ссоры с летальным исходом, но эта драчливая тенденция была существенно пресечена более строгим и постоянным посещением полиции. Но и сейчас ревность иногда становится причиной яростного поединка между двумя выносливыми сынами Нептуна. Это объясняется необычной верностью некоторых моряков определенным женщинам. Когда мужчина возвращается из долгого плавания, ему хочется оказать знаки внимания женщине, которая до этого разделяла его привязанность и заработок, и если он застаёт ее под защитой другого мужчины, то естественным результатом становится испытание на прочность, кто же станет обладателем спорной красоты. Такие турниры или общие потасовки, которые иногда возникают по окончании вечерних воскресных танцев, нужно умирять не щадящими средствами: сердечные удары - гораздо более действенные миротворцы, чем слова или угрозы.

Некоторые из этих зарегистрированных хозяев следуют своему призванию уже много лет. Нельзя не упомянуть об одном благородном инциденте, связанном с ними. Суровой зимой 1846 года хозяин "Четырех львов", содержатель публичного дома с двадцатичетырехлетним стажем, за свой счет в течение нескольких месяцев содержал около ста бедных семей, многие из которых имели по три-четыре ребенка.

В танцевальных домах музыка звучит каждый вечер, кроме субботы; в будние дни - с шести до одиннадцати, а в воскресенье - с четырех до одиннадцати. В одиннадцать музыка прекращается, а в двенадцать дом императивно закрывается. Вечера в течение недели проходят сравнительно скучно, а посетителей-мужчин иногда так мало, что женщины вынуждены танцевать друг с другом или сидеть в бесславном безделье. Сцена дичайшего разгула и неконтролируемого веселья демонстрируется по вечерам в воскресенье. Тогда можно увидеть все разновидности национальных танцев: качучу, рил, джигу, контрданс, вальс и хорнпайп - у каждого из них есть свои поклонники. Песни и крики звучат на всех мыслимых диалектах, и комната становится буквально "путаницей, еще более путаной", пока не наступит час закрытия.

О зарегистрированных женщинах, живущих сами по себе, мало что можно сказать. Они более трудолюбивы, чем те, кто находится в борделях. Многие из них имеют постоянную профессию, но прибегают к проституции, чтобы увеличить свой доход. Деньги, заработанные таким образом, иногда требуются на предметы первой необходимости, но чаще тратятся на личные удовольствия, на покупку изысканных платьев, украшений и т. д., или идут на поддержание экстравагантности какого-нибудь любовника, который отплачивает за щедрость лстивым вниманием или случайным сопровождением в какой-нибудь танцевальный салон в пригороде. Посетители этих женщин более избирательны, чем посетители куртизанок, описанных выше.

В самых низших слоях проституции, обычных "уличных гуляках", которых можно встретить в любое время и в любом месте, при любых обстоятельствах и в любом возрасте, мы находим самые плодотворные источники инфекции. Определенные, хотя и очень незначительные остатки благопристойности, подкрепленные неоценимой бдительностью полиции, защищают посетителей от болезней среди обитателей зарегистрированных домов, но уличный гуляка не находится под таким контролем. Молодые девушки, едва ли больше, чем дети, старухи, почти бабушки, занимаются своим страшным ремеслом на "стенах" вокруг города и в других безлюдных местах, где за ничтожный подарок можно приобрести их ласки. Их главные клиенты - молодые мальчики и очень старые мужчины, их занятия продолжаются под покровом вечера, пока ночная стража не загонит их в их жалкие притоны.

Гамбургская полиция прекрасно осведомлена об этих действиях и ведет вечную войну с отдельными людьми, но не может подавить этот класс, среди которых есть постоянные жильцы тюрьмы и исправительного дома. Никто не может не согласиться с мнением доктора Липперта, который говорит: "В этом классе женщин можно найти самые пагубные результаты проституции".

Частная или домашняя проституция, столь широко распространенная в каждом большом городе, в Гамбурге существует в меньшей пропорции, чем в других столицах того же масштаба. Этот позорный союз во зле, иногда встречающийся на континенте, в котором муж и жена по взаимному согласию следуют своим наклонностям или похотям, не сдерживая друг друга, почти не известен. Содержанки встречаются сравнительно редко. Расходы, связанные с таким придатком роскоши, являются серьезным соображением, и никто, кроме богатого патриция или успешного бизнесмена, не решается на этот шаг. Предполагается, что в Гамбурге насчитывается не более пятидесяти "любовниц". Те, кто там проживает, не находятся под контролем полиции, поскольку с общественной точки зрения они не совершают никаких нарушений закона.

Под второй категорией частной проституции мы находим тех, кто, имея законную работу, увеличивает свой заработок таким образом. Мы уже упоминали об одном классе зарегистрированных женщин, но большая часть из них старается как можно дольше оставаться в стороне от наблюдения полиции. Среди них есть рукодельницы, прачки, парикмахеры, продавщицы и другие, но не следует думать, что они представляют большинство женщин, зависящих от этих профессий. Напротив, в Гамбурге, как и везде, можно найти множество ярких примеров целомудрия среди бедности, терпеливого, настойчивого труда и честности в неблагоприятных обстоятельствах. Тех работающих женщин, которые готовы принять цену греха, можно узнать на улицах по своеобразной походке, по ищущему и манящему взгляду, по коварной, но обворожительной улыбке, а также по тому, что они часто ходят в одном и том же районе. Днем их редко можно увидеть за городом, но после полудня, примерно в "часы перемен", они начинают появляться на улицах возле *Биржи*, сталкиваясь с мужчинами, спешащими в деловой центр и обратно. Вечером

они прогуливаются вблизи отелей и театров, на *Юнгфернштиге*, у новых стен и т. д., когда ночь помогает их *инкогнито* и окутывает их чуть большей таинственностью. Они любят посещать театры и танцевальные салоны по воскресеньям и праздникам, как парижская *гризетка*, в компании с любовником, но сумма их удовольствия будет полной, если они смогут принять участие в ежегодном бале и маскараде в масленичный вторник в Apollo Saal, Elb Pavilion или в театре.

Другой класс частных проституток известен полиции под названием "*Winklehuren*" (хеджировать w--). Они относятся к низшему классу женщин-операторов. Девушки-служанки, из-за своей близости к младшим членам семьи, часто распространяют болезни в доме своих работодателей. Доктор Липперт подтверждает как медицинский факт, что обследования часто показывают, что прислуга в высших семьях буквально пропитана венерическими заболеваниями, и высказывает мнение, что шесть из каждых десяти девушек-служанок, которых можно встретить на улицах ночью, подвержены денежному соблазну. Это соотношение очень велико, но поскольку речь идет о местном вопросе, с которым он, как предполагается, хорошо знаком, было бы неуместно пытаться его подтвердить или опровергнуть.

Все эти частные проститутки прибегают к услугам ночлежных домов (*Absteigequartiere*), которые существуют, несмотря на постоянную бдительность полиции. Когда их отслеживают и изгоняют из одного места, они вновь появляются под другой личиной в другом месте; их перемещение облегчается из-за скромности их оборудования, которое редко состоит из мебели для одной комнаты. Для "благовоспитанных" преступников их помещают туда, где жилье скрыто под французской маскировкой "*petits soupers*" или каким-нибудь другим подобным хлипким приемом.

На вопрос "Что будет с проститутками?" Гамбург не дает особого ответа. Гамбург не дает особого ответа. При благоприятных обстоятельствах они оставляют свое призвание и становятся женами механиков или мелких торговцев; либо занимаются каким-то бизнесом сами и стремятся стать уважаемыми членами общества; либо становятся компаньонками какого-нибудь мужчины и следуют его судьбе, обычно возвращаясь к обычной проституции. Когда их очарование полностью утрачено, и не остается надежды заработать на их продаже, они иногда, но очень редко, становятся содержательницами публичных домов, иногда - сводницами, а чаще - служанками в зарегистрированных домах.

Некоторые из уже упомянутых танцевальных салонов приобрели европейскую известность. Они находятся в таком же отношении к обычным женщинам, как биржа к торговому сообществу. Их посетительницы - в основном проститутки, и этот факт лишает сцену многих очарований, существующих в других городах. В конце прошлого века не было ни одного общественного места, специально предназначенного для танцев, пока, благодаря многочисленным двусмысленным благословениям, распространенным Французской революцией, они не стали институтом. В гамбургских салунах царит порядок и тишина, а закрываются они, как правило, около часа ночи. Один из самых важных салонов, "Бахус-холл", сгорел несколько лет назад, и власти до сих пор отказываются выдать лицензию на его повторное строительство.

В качестве общественных мест, в той или иной степени способствующих проституции, следует упомянуть общие спальные апартаменты, которые в народе называют "глубокими подвалами" (*tiefen kellar*). Это просторные подвалы, расположенные на много футов под землей, в которых бедняки находят ночной приют по очень низким ценам. Им предоставляются кровати и постельные принадлежности. При той нищете, до которой

дошли некоторые из их клиентов, они не могут позволить себе заплатить два шеллинга (около четырех центов) за такую роскошь, как кровать, и они укладывают свои усталые конечности на какую-нибудь поганую солому или на землю, заплатив за это полшеллинга. Некоторые из этих подвалов находятся на пятнадцать или двадцать футов ниже поверхности улицы, и не нужно обладать очень живым воображением, чтобы представить их ужасы.

Пивные и винные дома Гамбурга довольно свободны от проституции, но в последнее время появился новый класс, называемый "содержателями погребов" (*kellerwirthschaft*), и в них гостей обслуживают женщины в причудливых костюмах, швейцарки, польки или черкески, в зависимости от обстоятельств. Многие из них содержат частные комнаты для занятий проституцией, и, хотя за ними пристально следит полиция, которая иногда беззастенчиво выдворяет честных иностранцев и закрывает заведения, они все равно процветают, а другие быстро открываются в других местах, чтобы заполнить пробел.

От этого общего описания проституток, их местожительства и обычаев мы перейдем к рассмотрению их состояния здоровья, а также масштабов и распространенности сифилиса среди них, по-прежнему руководствуясь брошюрой доктора Липперта.

Принято считать, что чрезмерное действие генеративных органов препятствует деторождению у обычных женщин. Доктор Липперт берется опровергнуть это мнение, насколько успешно, смогут судить медики, чей профессиональный опыт относится к этому классу. Он подкрепляет свои взгляды общими утверждениями, а не конкретными фактами, но в подтверждение ссылается на известные случаи рождения детей, когда матери жили в состоянии открытой проституции, а также на те случаи, когда женщины, отказавшиеся от привычки беспорядочных половых связей, ограничивались одним мужчиной, вступая в брак или сожительствуя, а затем становились матерями. Он объясняет бесплодие женщин во время проституции их дикой и нерегулярной жизнью, постоянным воздействием погоды и т. д. и утверждает, что способность к зачатию приостанавливается, но не уничтожается при этом. Он также приводит факт, что аборт в Гамбурге часто производится самими женщинами или некоторыми старыми женщинами, которые руководят их оргиями, и, как утверждается, имеют длинный список лекарств, применимых для этой цели, которые они используют безрассудным образом. Медицинская полиция не знает об этих процедурах, но обнаружить их трудно, поскольку женщина будет пытаться избежать осмотра, ссылаясь на обильные менструации или придумывая какую-нибудь историю, которую она считает способной обмануть, пока все следы аборта не будут удалены. Замечания д-ра Липперта приводят к убеждению, что *чрезмерное использование* женских органов более благоприятно для здоровья, чем их неиспользование, - вывод, который большинство врачей не захотят признать. Он добавляет: "Рак матки встречался лишь однажды за одиннадцать лет моей работы в Главном лазарете, а случаи выпадения матки очень редки".

Болезнь, свойственная обычным женщинам, *Colica scortorum* (W--'s Colic), встречается в Гамбурге, как и в других местах, но больше всего ее связывают с воздействием погоды, чем с какой-либо другой причиной. Она представляет собой боль в матке, распространяющуюся по всему животу до поясницы, а иногда охватывающую всю область желудка. Она часто сопровождается желудочными расстройствами, болезнью или диареей.

Увеличение клитора, на котором так настаивают некоторые авторы, Липперт вообще ставит под сомнение, за исключением исключительных случаев; он также не признает никакого влияния проституции на прямую кишку, если только оно не вызвано неестественным половым актом. В качестве общего результата своих наблюдений он делает вывод, что "за

исключением сифилитических поражений, генеративные органы проститутки обычно не отличаются от органов добродетельной женщины".

Мы находим некоторые случаи возвращения болезней, не связанных напрямую с проституцией; так, случаи чесотки, которая сейчас становится редкостью, были в

1836	62
1837	76
1838	87
1839	98
1844	38
1845	22
1846	36

Из других общих болезней, включая лихорадки, воспаление легких, печени, матки и т.д., ревматизм, оспу, пилули, желтуху, подагру, водянку и диарею, сообщается следующее:

1837	62
1838	90
1839	100
1844	85
1845	76
1846	77

Судороги встречаются реже, чем у женского пола в целом; от истерии почти не осталось и следа, а несколько случаев эпилепсии приписывают употреблению крепких спиртных напитков.

Трепетный бред встречается редко. Это объясняется бдительностью полиции и быстрым помещением в тюрьму каждой проститутки, уличенной в пьянстве и беспорядке. Доля случаев трепетного бреда составляет примерно один на тысячу.

Иногда проявляется мания. Это может быть вызвано угрызениями совести, а также сильной привязанностью к определенному мужчине.

О реальных масштабах венерических заболеваний в Гамбурге или любом другом городе невозможно говорить с уверенностью, но тот факт, что в общей больнице они протекают в очень легкой форме, является аргументом в пользу медицинского контроля. Доктор Липперт заявляет:

"Обычная форма - это гонорея с ее осложнениями, бубон, воспаление мошонки, фимоз, парафимоз и т. д. Воспаление предстательной железы и стриктура встречаются сравнительно редко. Заболевания прямой кишки встречаются очень редко, но есть примеры".

"У нас есть экскориации и раздражения половых органов. Простой шанкр - обычное явление; индуративный шанкр - нередкое; фагеденический шанкр встречается редко. В целом, язвы имеют мягкий характер и легко заживают при простом лечении и регулярных аппликациях. *Препуциальный герпес* - чрезвычайно распространенное явление. Это группа мелких пустул,

быстро заживающих, но так же быстро возникающих вновь, часто с регулярными рецидивами. Особенно часто он встречается у мужчин, перенесших гонорею или шанкр".

"Вторичный сифилис, язвы на шее, высыпания, сифилитическое воспаление глаз, опухоли и т. д. Они преобладают в одни времена больше, чем в другие; насколько сильно действует эпидемический род, погода и время года, идиосинкразия человека или интенсивность инфекции, нам еще предстоит узнать."

"Третичный сифилис встречается редко".

"В морских портах часто можно наблюдать, что болезнь принимает своеобразные формы, и иногда встречаются формы, которые можно назвать экзотическими. У моряков сифилис часто протекает в скрытой форме или лишь частично излечивается, что усиливается их привычками и питанием. Сексуальные контакты с ними вызывают его в преувеличенном виде. В Гамбурге это не так часто встречается благодаря постоянной и оперативной медицинской помощи; тем не менее, можно заметить некоторое различие между венерическими заболеваниями городских женщин и жительниц пригорода Сент-Пол. Среди последних, как правило, встречаются случаи злокачественного типа".

Негр-моряк пользуется у этих женщин дурной славой, и некоторые хозяйки не пускают его в свои дома, считая, что заражение от цветного мужчины - самое страшное и почти неизлечимое.

В медицинских отчетах за 1846 год приводятся следующие таблицы, касающиеся женщин в пригороде Сент-Пол:

"В январе было 186 женщин, из которых 15 были больны; болезни были следующие

Венерическая болезнь	9
чесотка	1
Колики	1
Желудочная лихорадка	1
Ревматическая лихорадка	1
Катар легких	1
Калькулез	1
Всего	15

"В мае из 189 женщин 21 была больна:

Венерическая болезнь	9
чесотка	8
Лихорадка в желудке	2
Воспаление легких	1
Отхаркивание крови	1
Всего	21

"В августе из 181 женщины 17 были больны:

Венерическая болезнь	13
Колики	2
Зуд	1
Ревматизм	1
Всего	17

"В декабре из 161 женщины 18 были больны:

Венерическая болезнь	6
чесотка	6
Растяжение	1
Колики	1
Желудочная лихорадка	2
Расстройство органов пищеварения	1
Холод в груди	1
Всего	18

Это дает в среднем около десяти процентов больных женщин пригорода".

Из приведенных нами фактов следует, что вирулентность сифилитических заболеваний среди зарегистрированных женщин, несомненно, снижена. *"Третичный сифилис встречается редко; вторичный сифилис - изредка, а первичные формы утратили свою вредоносность"*. "Заметно обострение болезни в летние месяцы, когда происходит значительный приток чужеземцев. Это было особенно заметно после большого пожара 1842 года".

Мягкое течение болезни и легкий контроль над ней можно приписать только еженедельному медицинскому наблюдению. Женщин посещают в их собственных домах, и любое нежелание или отказ влечет за собой наказание.

В противовес этому положению дел мы имеем тяжелую форму сифилиса среди незарегистрированных женщин, которые скрывают свою болезнь так долго, как только могут. Среди арестованных многие оказываются больными в тяжелой форме. В 1845 году из 138 незарегистрированных женщин, отправленных в тюрьму, 43 были больны сифилисом, или почти одна треть от общего числа. Парент-Дюшатель утверждает, что эта пропорция превышает аналогичный класс в Париже, где инфицированные составляют половину незаконных проституток.

Курхаус - это медицинское учреждение, специально предназначенное для плохих персонажей, арестованных полицией, как зарегистрированных, так и незарегистрированных. В общем лазарете также есть венерологическое отделение. Полицейские власти ежегодно отчисляют в фонд этого лазарета 5000 марок (\$1500) из суммы, взимаемой с борделей и проституток. Исходя из следующих фактов, эта сумма кажется недостаточной. В 1844 году было принято и пролечено 580 женщин, больных сифилисом; общее пребывание составило 30 387 дней, или в среднем 53½ дня на каждую; пособие, выплачиваемое за эту службу, составляло около *четырех с половиной центов в день*.

Число больных сифилисом женщин, поступивших в это же учреждение в 1843 году, составило,

Зарегистрированные женщины	480
Незарегистрированные женщины	74
Всего	554

и в 1845 году,

Зарегистрированные женщины	521
Незарегистрированные женщины	71
Всего	592

Состояние венерических пациентов-мужчин свидетельствует о таком же общем улучшении характера заболевания. Случаи заболевания, однако, хуже, чем среди зарегистрированных женщин, что следует объяснить нежеланием мужчин ложиться в больницу до тех пор, пока такой курс не станет неизбежным. В 1843 году число поступивших составило

1843	355
1844	335
1845	316

Доктор Липперт приводит некоторые данные о количестве болезней в гарнизоне; но он не указал число солдат, поэтому на основании его информации нельзя провести сравнение. Цифры следующие:

1843,	Гонорея	90	
	Шанкр	67	
	Вторичный сифилис	13	-170
1844,	Гонорея	58	
	Язвы	63	-121
1845,	Гонорея	89	
	Язвы	79	-168

Лечение сифилиса, принятое в гамбургской больнице, было введено доктором Фрикке, одним из первых применившим немеркуриальную систему. Также используется практика Рикорда и опробована гидропатия. Здесь было бы неуместно вступать в споры об относительных достоинствах этих систем.

Смертельные заболевания гамбургских проституток обусловлены их образом жизни. Непогода, чередование нужды и роскоши, ночные бдения и постоянные волнения вызывают чахотку, воспаление легких, водянку, внутренние и брюшные болезни, желудочные, ревматические или нервные лихорадки; эти или хронические заболевания, возникающие в результате повторного заражения венерическими болезнями, приводят к

"Последняя сцена",
которая завершает эту странную, богатую событиями историю".

Прежде чем закрыть эту тему, мы дадим краткий обзор

ГАМБУРГСКОЙ БОЛЬНИЦЫ МАГДАЛИНЫ.

Это учреждение было основано в 1821 году благодаря усилиям бургомистра Абендрота и других людей и построено по образцу аналогичного приюта в Лондоне. Цель - избавление женщин от порока с помощью средств, которые могут быть применены только в специально отведенном для этого месте.

Количество воспитанниц невелико: их может быть всего двенадцать. Дела приюта ведет комитет, в который входят два священника, врач, три надзирательницы и матрона. Надзирательницы - респектабельные замужние женщины или вдовы, которые добровольно берут на себя обязанности подкомитета. Они берут на себя руководство домашними делами поочередно в течение месяца каждая. Они часто встречаются в доме, помогают в богослужении и заботятся о выписанных девушках. Они получают работу или устраиваются в бизнес, и их необходимо поддерживать и сохранять в новом облике.

Капеллан помогает женскому комитету в выполнении их обязанностей, но особенно много сил направляет на религиозное воспитание воспитанниц. Часто проводятся молитвенные собрания, а раз в полгода причастие совершается над теми, кто, по его мнению, должным образом подготовлен к его принятию и имеет представление о его важности и действенности.

Чтобы быть квалифицированным для приема, проситель должен быть молод и иметь желание исправиться. Ограниченное помещение не позволяет принимать старых или изможденных женщин, которые будут стекаться туда толпами, чтобы получить убежище, под которым они смогут спокойно умереть. Когда прошение женщины удовлетворено, она должна пройти через послушничество продолжительностью четыре или восемь недель. В течение этого времени она работает и ест вместе с другими заключенными, но спит одна, и за ней внимательно наблюдает член комитета. Когда срок послушничества истекает, и она полностью принята, ее просят дать подробный отчет о своей жизни, каждая деталь которой записывается. Ее имя не сообщается ее товарищам, но она, как и все остальные, известна только под христианским именем.

Женщины заняты всеми видами работ по дому, рукоделием или, если это возможно, любыми способами, которые приучают их к постоянным физическим нагрузкам. Поскольку прежняя жизнь сделала праздность почти "второй натурой", этот курс принят для того, чтобы привить им необходимость трудолюбия. Ведется строгий учет результатов их труда, и определенная часть откладывается в фонд на их нужды.

Срок их пребывания здесь обычно составляет около двух лет. Уезжая, они дают капеллану письменное обещание хорошо себя вести, получают от него Библию и молитвенник, а также накопленную для них сумму денег. Результаты этой благотворной попытки достаточно воодушевляют тружениц в добром деле, и мы не можем не думать, что их усилия должны принести большую пользу, поскольку они основаны на здравом принципе приема всего нескольких женщин и обращения с ними как с членами одной семьи, в отличие от общей теории подобных учреждений, руководители которых пытаются собрать столько людей, сколько может вместить большое здание, и, пытаясь обобщить правила исправления, теряют ценную возможность заметить индивидуальные черты характера и действовать в соответствии с ними.

Ниже приведены подробности последующей жизни двадцати женщин:

Остались верны своим обещаниям	6
Сняты с места	10
Вернулись к пороку, только	1
Умер	1
Неизвестно	2
Всего	20

ГЛАВА XVII.

ПРУССИЯ.

Патриаршее правительство.- Церковное законодательство.- Торговые гильдии.- Законы 1700 года.- Расследование 1717 года.- Законы 1792 года.- Полицейский приказ 1795 года.- Перепись населения.- Рост незаконной проституции.- Сифилис.- Перепись 1808 года.- Министерский рескрипт и полицейский отчет 1809 года.- Терпимые публичные дома закрыты.- Повторное введение в действие кодекса 1792 года.- Министерский рескрипт 1839 года.- Устранение публичных домов.- Петиции.- Ответ министра.- Отчет полиции за 1844 год.- Бродячие, закрытые по королевскому указу.- Смущение полиции и переписка с Галле и Кельном.- Мнения местных жителей.- Общественная жизнь Берлина.- Танцевальные салоны.- Пьяные дома.- Имморальность.- Увеличение заболеваемости сифилисом.- Статистика.- Нелегальность.- Королевский указ 1851 года.- Новые правила.

Среди воинственных германцев во времена Германия сексуальные отношения считались возбуждающими для молодежи, а дискредитирующими или даже позорными для мужчин, пока их доблесть не была доказана ратными делами, а опыт не позволил им взять на себя обязанности мужей и отцов.

В Средние века, когда законодательные и исполнительные функции принадлежали одному человеку, а права и обязанности правящей власти носили отцовский или патриархальный характер, мы видим, что большая часть их законотворчества была направлена на сохранение нравственности, подавление расточительности, а также на точное регулирование общественной экономики. В их эдиктах против проституции был замечен этот отеческий дух в сочетании с тем, что можно считать должным уважением к правам и интересам законотворцев. Наказания были направлены против нарушения морали или публичного скандала, потому что это было позором для семьи и опасностью для мужей и отцов, а не пороком как таковым. Положения молчаливо санкционировали его существование; и хотя они сурово наказывали любое вторжение в домашний мир или нарушение супружеских прав, кажется, можно признать, что, когда таких отношений не было, незаконный половой акт рассматривался как допустимое утешение или фактическая необходимость для удовлетворения физических потребностей неженатых мужчин.

От немецкого историка Фидуцина ("*Diplomatischen Beitrage zur Geschichte der Stadt Berlin*") мы узнаем, что по немецким законам каждый благородный мужчина обязан был взять в жены добродетельную девушку, а термин "*hurenkind*" (незаконнорожденный) был самой жестокой формой порицания. Ранние законы были очень суровы в наказании нескромных женщин, а

некоторые доходили до того, что требовали сжечь на костре женщину, которая вела нецеломудренную жизнь в доме своего отца. Церковное законодательство смягчило эту строгость, и преступления против нравственности стали грехами, которые искупались публичным покаянием. Жители Берлина убедились, что церковные покаяния недостаточно действенны, чтобы противостоять злу, нравственность самих священнослужителей часто ставилась под сомнение, и вместо церковного правительства было предложено светское. Это казалось особенно необходимым, поскольку каноническое право, предписывающее безбрачие священства, объявляло делом милосердия женитьбу на заблудшей женщине, в противовес берлинскому шерифскому закону (*schoffen recht*), объявлявшему детей от таких браков незаконнорожденными; и не было недостатка в людях, придерживавшихся мнения, что дело милосердия, рекомендуемое Церковью, иногда отстаивалось духовенством как средство прикрытия собственных слабостей.

Тот же автор приводит случаи, когда в конце XVI века прелюбодеяние каралось смертью, причем в каждом случае преступники были женатыми людьми. Он также ссылается на записи четырнадцатого века, чтобы показать, что такому же наказанию подвергались те, кто выступал в роли сводников или сводниц, когда посягали на честь семьи.

В XVI веке закон требовал, чтобы нескромной женщине, принадлежащей к любой уважаемой семье, публично отрезали волосы и приговаривали к ношению льняной вуали; при этом не делалось различия между незамужними женщинами и вдовами, в отношении которых был доказан проступок.

Примерно в тот же период торговые гильдии приняли строгие законы, запрещающие допускать на свои общественные праздники неподобающих персонажей и удерживающие своих членов от женитьбы на женщинах этого класса. Для достижения этой цели любой мастер-торговец, задумавший жениться, должен был представить свою невесту на собрании компании, чтобы все могли убедиться в ее благоразумном характере и поведении, а тех, кто женился без соблюдения этого требования, изгоняли из ассоциации. Гильдии подвергали таким же наказаниям любого из своих членов, кто вступал в связь с непорядочными людьми или соблазнял добродетельную женщину и впоследствии женился на ней.

Определенное признание существования публичных женщин можно проследить во всех этих правилах, которые, по-видимому, признавали необходимость строгого соблюдения святости домашнего круга, но в то же время стремились предотвратить рост безнравственности путем наложения одиозности на ее приверженцев.

И снова, обратившись к страницам Фидуцина, мы обнаруживаем, что "во всех больших городах Германской империи общественная защита женщин удовольствия (*lust dirnen*), похоже, была обычным делом", в доказательство чего он говорит: "Если кредитор, возбуждая дело против своего должника, находил необходимым остановиться в гостинице, одной из разрешенных статей его расходов была разумная сумма за общество женщины во время его пребывания (*frauen geld*)". В 1410 году в Берлине это был вопрос государственного этикета: в том году была официально израсходована сумма на содержание нескольких красивых женщин для украшения публичного праздника и банкета, устроенного в честь знатного гостя, Дидриха В. Квитцова, чью добрую волю горожане хотели задобрить.

В этот период веротерпимости целесообразность контроля публичными женщинами не вызывала сомнений; однако первый берлинский закон, имеющий существенное значение для данного исследования, датируется 1700 годом и примечателен тем, что в нем четко сформулированы принципы, которых придерживаются с тех пор с небольшим перерывом.

Первый раздел гласит: "По закону этот трафик решительно не разрешен (*erlaubt*), а просто терпим (*geduldet*) как необходимое зло".

Разделы 2, 3 и 4 обязывают содержателя любого дома проституции уведомлять комиссара квартала, когда кто-либо из его женщин покидает его или когда он получает новую, и запрещают ему держать больше женщин, чем указано в его контракте.

Разделы 5-9 предусматривают, что хирург должен посещать каждую женщину раз в две недели "с целью охраны здоровья пирующих (*schwärmer*), а также самих женщин"; что каждая женщина должна платить ему два гроша за каждое посещение; и что, заметив малейшие признаки болезни, хирург должен потребовать от экономки задержать женщину в ее комнате. Если экономка пренебрегает этим распоряжением, она несет ответственность за все расходы, связанные с болезнью, которая, как может доказать любой посетитель, была заражена от одной из его женщин. Если хирург обнаружит, что женщина уже настолько заражена, что не может быть вылечена только чистотой и уходом, он уполномочен распорядиться о ее перемещении в Шарите, "где о ней будут заботиться в павильоне бесплатно".

Разделы 10 и 11 предусматривают, что долги женщины должны быть оплачены, прежде чем она сможет перейти из одного дома проституции в другой или покинуть один дом, чтобы начать другой за свой счет.

Раздел 12 предписывает, что любая женщина, желающая полностью отказаться от своего образа жизни, должна быть полностью освобождена от любых долгов перед экономкой.

Последний раздел требует, чтобы каждый домохозяин, у которого есть музыка, платил шесть грошей в год за разрешение на выступление своих музыкантов; эти деньги должны идти на нужды богадельни.

Положение о "веротерпимости, но не разрешении" является заметной чертой этих правил и указывает на политику, которая в то время была принята во всем королевстве.

Что касается периода, последовавшего за изданием этих правил, которые действовали до 1792 года, мы находим некоторые сведения на страницах Фидуцина. Так, в 1717 году расследование показало, что содержательницами публичных домов, а также тайными проститутками были в основном дети солдат, которые "были приведены к пороку как к ремеслу, либо из-за отсутствия должного воспитания, либо из-за отсутствия искусного ремесла"... *Все меры по истреблению зла оказались неэффективными*, "пришлось принять систему более терпимого отношения к общим борделям, за которыми строго следила полиция, как за необходимым выходом для склонности к безнравственности". Число домов с дурной славой росло пропорционально численности населения, притоку чужеземцев и пополнению гарнизона при Фридрихе II, а после окончания семилетней войны еще больше. В 1780 году в Берлине насчитывалось сто таких домов, в каждом из которых проживало восемь или девять женщин. Они делились на три класса: самые низкие - те, в которых женщины были одеты в простую одежду, и их посещали в основном гамбургские или амстердамские моряки; второй класс женщин выставлял себя с раскрашенными лицами, преследуя более уединенные уголки города, не имел ничего привлекательного в своей внешности или одежде и посещался в основном механиками и рабочими; третий, и, по-видимому, самый избранный, был разновидностью кофейни, посещаемой женщинами, которые назывались "*мамзелями*": "Они не жили в этих домах, а использовали их только как удобное место встречи.

В 1792 году появился новый свод правил, основная часть которого действовала в Берлине и других городах в течение многих лет. Правила 1700 года были слишком расплывчаты, не предусматривали разнообразных случаев, которые могли возникнуть, и ничего не говорили о частной проституции. Из-за этих упущений возникало множество неудобств, и в связи с этим директор полиции фон Эйзенхардт направил правительству меморандум с предложениями по изменению закона.

В преамбуле королевского ответа на это обращение с большим удовлетворением отмечается внимание полиции к этому вопросу; признается, что проституция (*hurenanstalten*) является "необходимым злом в большом городе, где многие мужчины не в состоянии жениться, хотя и находятся в возрасте, когда половые инстинкты достигают наивысшей точки, чтобы таким образом избежать больших расстройств, которые не могут быть сдержаны никаким законом или властью, и которые берут свое начало от неугасимого природного импульса"; но прямо повторяет, что ее "можно только терпеть (*zu dulden*)", и что она не может, "без неуместности и последствий, вредных для нравственности, быть установлена общественными законами, которые не содержат никакой санкции на обычную проституцию."

Разделы, следующие за этой преамбулой, предусматривают, что любой, кто соблазнит женщину или побудит ее заниматься развратом со своим человеком, подлежит годичному заключению в исправительном доме, а при повторении проступка, помимо удвоения наказания, будет подвергнут порке и изгнан из страны; Объявить любого мужчину или женщину, передающего венерическую болезнь, ответственным за расходы на лечение и побочные убытки (*sonstigen interesse*), а также за тюремное заключение на три месяца, заменяемое уплатой штрафа в сто долларов; запретить вывозить молодых женщин из страны в дома проституции любым способом против их воли и разрешить наказывать любого мужчину, который умышленно заразит простую женщину.

Что касается особых указаний, касающихся публичных домов и проституток, то в документе говорится, "что все, что выходит за рамки простого удовлетворения естественных страстей и направлено на развитие разврата или злоупотребление нашей терпимостью к необходимому злу, должно быть предотвращено;" и, соответственно, женщинам запрещается увеличивать свою привлекательность "раскраской или отличительными нарядами", а также зазывать пассажиров на общественных улицах, у дверей или окон своих домов, "поскольку это не только противоречит общественной морали, но и особенно опасно для мужской молодежи; и такие способы увеличения прибыли людей, ищущих средства к существованию таким образом, не должны быть терпимы." По аналогичным причинам содержателям домов было запрещено предлагать посетителям вина и другие крепкие напитки, хотя и признается, что "им нельзя препятствовать в предоставлении прохладительных напитков", однако возбуждающие средства запрещены, "поскольку они являются большим стимулом к разврату, что может привести к другим эксцессам".

Далее в приказе говорится, что ни одна женщина не должна становиться обитательницей дома проституции, не явившись предварительно в полицию и не получив от нее разрешения; при этом полиции предписано не давать такого разрешения ни одной несовершеннолетней женщине, если они не убедятся, что она ранее занималась проституцией. Раздел, содержащий это положение, предваряется заявлением о том, что "содержатели этих домов особенно стремятся заполучить цветущих молодых девушек, которых нельзя заполучить без позорного соблазнения, рассчитанного на разврат".

Что касается мер предосторожности против заражения, то в нем говорится, что проститутки и содержатели домов должны быть проинструктированы компетентным хирургом о

признаках венерических заболеваний, чтобы они могли обнаружить их у своих посетителей или у себя; кроме того, любой мужчина, передавший инфекцию проститутке, может быть приговорен к выплате значительной компенсации, если женщина сможет его опознать; И далее, что наказание, положенное девушкам, заражающим своих посетителей, должно быть положено и на домработниц, "поскольку, хотя они могут быть невиновны, их включение в наказание за случай, связанный с их профессией, служит общему благу". Все полученные штрафы должны были поступать в медицинские учреждения, предназначенные для лечения сифилиса.

Кроме того, было признано, что "венерическая болезнь в значительной степени распространяется обычными уличными гуляками", и не допускались женщины, проживающие в известных домах, где постоянно проводятся медицинские осмотры, а ночным дозорам предписывалось арестовывать тех обычных женщин, которые имеют привычку промышлять на улицах после наступления темноты, причем часть взыскиваемого штрафа выдавалась офицерам, производившим такие аресты, "для поощрения их усердия". Однако их строго предостерегали от досаждения невиновным, "поскольку ошибки в таких делах производят дурное впечатление на власти, а также потому, что честь и счастье человека могут быть безвозвратно ущемлены, так что лучше обойти стороной одного виновного, чем обвинить одного невиновного". В заключение королевский рескрипт предписывает вести строгий *надзор* за женщинами гарнизона, многие из которых, как утверждается в весьма откровенных выражениях, имеют дурной характер.

Эти указания были впоследствии закреплены в общем статуте, или законе земли (*landrecht*), и на нем основывались полицейские правила, которые мы цитируем далее.

Официально статут объявляет, что сводники и сводницы подлежат заключению в исправительный дом на срок от шести месяцев до трех лет, с "приветствием и прощанием"; *по-английски*, при поступлении в исправительный дом, их подвергают звуковой порке, а при освобождении - еще одной. В отношении родителей или опекунов, которые могут содействовать или потворствовать проституции своих детей или подопечных, срок заключения удваивается и становится более суровым. Он требует, чтобы все обычные женщины проживали в терпимых домах "под присмотром государства", которые разрешены только в густонаселенных городах, и "не иначе как в уединенных и задних улицах, предварительно получив согласие полицейских властей". А в случае открытия дома проституции без такого согласия или вопреки общественным порядкам его содержатель подлежал тюремному заключению сроком на один или два года. Полиции строго предписано держать все терпимые дома под строгим и постоянным *наблюдением*; часто посещать их в сопровождении медиков, чтобы следить за распространением венерических заболеваний; не допускать продажи в них опьяняющих напитков; следить за тем, чтобы ни одна женщина не была введена в дом без ведома и разрешения властей, под страхом штрафа в пятьдесят талеров за каждое правонарушение; и, в особенности, чтобы ни одна невинная женщина не была, силой или обманом, принуждена или побуждена жить в этом доме; последнее преступление предполагает "публичную выставку", в колодках или на доске, мы предполагаем, и от шести до десяти лет тюремного заключения, с "приветствием и прощанием" для содержателя, которому не должно быть позволено держать такой дом снова ни при каких обстоятельствах.

Полиции также предписывается следить за тем, чтобы хозяйка дома сообщала властям о беременности любой женщины, проживающей в доме, как только она сама об этом узнает, но если это будет скрыто, то она (хозяйка) подлежит тюремному заключению, особенно если произойдут тайные роды. Хозяйка обязана взять под опеку любую забеременевшую

женщину, если нет общественного заведения, куда ее можно было бы отправить, и имеет право требовать компенсации от отца ребенка, а если его не удастся найти, то она имеет право требовать ее от матери. Ребенок должен быть удален из дома, как только его отлучат от груди, и за ним должны ухаживать за государственный счет, если у родителей нет на это средств.

Если содержатель дома или сами жильцы скрывают от полиции венерическую инфекцию, они подвергаются тюремному заключению на срок от трех месяцев до года с "приветствием и прощанием".

Если в таких домах случаются кражи, нападения или другие правонарушения, содержатель во всех случаях несет ответственность перед пострадавшей стороной, которая не может иным способом получить возмещение, а также подозревается в соучастии в правонарушении, пока обратное не будет доказано; если же будет доказано, что он не приложил всех своих сил для предотвращения подобных случаев, его небрежность наказывается штрафом или тюремным заключением.

Ни одна женщина, желающая покинуть дом терпимости, чтобы изменить образ жизни и честно содержать себя, не может быть удержана против своей воли, и никакие трудности не могут быть ей в этом помехой; хозяину не будет позволено принуждать ее остаться, даже если она будет у него в долгу, под страхом лишения разрешения полиции.

Проститутки, которые не подчиняются правилам и не себя под надзор, подлежат аресту и заключению в тюрьму на три месяца, а по истечении срока заключения отправляются в "рабочие дома" и содержатся там до тех пор, пока у них не появится склонность и возможность найти достойную работу. Любые женщины, не являющиеся воспитанницами домов терпимости, которые вступали в половые сношения, будучи больными, и тем самым заражали мужчин, подлежат тюремному заключению на три месяца.

Этот всеобъемлющий закон оставлял многие детали на усмотрение полиции, и, соответственно, она издавала свои правила. Благодаря противодействию, с которым они впоследствии столкнулись, они занимают важное место в истории проституции в Берлине, и хотя во многих моментах они являются простым повторением положений закона, мы приводим их в *полном объеме*. Они называются,

"ПОЛОЖЕНИЯ ПРОТИВ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН В ПУБЛИЧНЫЕ ДОМА И ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВЕНЕРИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ".

"Препамбула. Стало известно, что простых молодых девушек, особенно из небольших городов, под самыми хитрыми предложениями устроить их в хорошее положение, привозят в Берлин, без их ведома отводят в публичные дома и там, против их воли, ведут к гибели и к жизни обычной проститутки.

"В то же время следует отметить, что обычные проститутки, заболев, продолжают свою практику до тех пор, пока позволяет состояние их болезни, и таким образом дальнейшая инфекция чрезвычайно усиливается и распространяется.

"С целью противодействия таким позорным соблазнам и крайне вредным результатам вышеупомянутого распространения венерической болезни, следующие указания доводятся до сведения и полной информации содержателей домов проституции и женщин, которые занимаются торговлей своими лицами.

"1. Никто не может открывать публичный дом или содержать женщин для целей проституции, не обратившись предварительно в Полицейскую дирекцию по этому вопросу и не получив от них письменного разрешения. Тот, кто действует вопреки этому, наряду с абсолютным лишением лицензии подлежит одному или двум годам заключения в исправительном доме".

"2. Каждый содержатель публичного дома должен, прежде чем принять к себе девушку, представить ее в Полицейскую дирекцию и не заключать с ней никакого договора до тех пор, пока Директор полиции не даст ему письменного разрешения на это; после чего условия, на которых содержатель и указанная женщина договорились, должны быть немедленно зарегистрированы в полиции, и выписка из них должна быть выдана каждой стороне, за что должно быть уплачено восемь грошей в качестве гонорара. Вышеупомянутые содержатели публичных домов, к которым директор полиции относится снисходительно, должны по его приказанию представлять обычных проституток и выдавать им аналогичные лицензии, причем условия должны быть составлены для них вышеупомянутым образом. Если содержатель не сделает этого и будет обвинен в том, что в его доме в течение сорока восьми часов находится какая-либо женщина для общего пользования без такого уведомления, он должен заплатить штраф в пятьдесят талеров, а при третьем нарушении, в дополнение к указанному штрафу, его торговля должна быть прекращена, и он не должен заниматься ею впредь. Кроме того, не должно служить оправданием то, что данная особа не находилась там с целью проституции, так как ему предписано указывать всех без исключения женщин, которых он принимает в своем доме, и пренебрежение этим будет считаться доказательством нарушения. Под страхом того же наказания он должен дать такое же уведомление, если к нему придет обычная женщина из другого дома.

"3. Женщины, не достигшие совершеннолетия, которые до опубликования настоящего постановления не отказались от проституции, не должны приниматься ни одним содержателем публичных домов, и когда он представит таких лиц в полицейскую дирекцию, разрешение не должно быть выдано. Если он поступит вопреки этому запрету, то будет наказан двумя годами каторжных работ в тюрьме".

"4. Уход из публичного дома любой женщины, желающей изменить образ жизни и вести респектабельное существование, не подлежит проверке или препятствованию. Даже в связи с внесенными поручительствами или возникшими долгами содержатель не должен удерживать такую женщину против ее воли, рискуя потерять свое разрешение, а полиции поручено оказывать всяческое содействие. Если же такая особа пожелает перейти в другой дом проституции, это можно сделать только с согласия прежнего содержателя, но только после трехмесячного предупреждения, когда это будет разрешено при наличии доказательств жестокого обращения со стороны содержателя или других веских и разумных оснований, предъявленных полиции. Ни одной женщине, стремящейся покинуть бордель с целью заниматься проституцией за плату на свой счет, не будет позволено сделать это; и если какая-либо особа, под предлогом честного призвания покинувшая дом проституции, будет признана виновной в проституции на свой счет, она должна будет провести четыре недели в Исправительном доме, с приветствием и прощанием. А так как известно, что многие содержательницы публичных домов, обращающиеся со своими девушками с невыносимой жестокостью, так строго следят за ними, что те не могут добиться успеха в подаче жалоб властям, то время от времени, *по должности* и без присутствия содержательницы, должна проводиться проверка, нет ли у девушек обоснованных жалоб на упомянутую содержательницу.

"5. Обычным проституткам в публичных домах строго запрещается завлекать или приглашать пассажиров на улицах взглядами или знаками из домов или окон, и зрители ни в коем

случае не должны допускать этого. Полиция тщательно следит за этим, и те, кто поступает иначе, будут наказаны, на первый раз тремя днями, а при повторении проступка - недельным одиночным заключением, половину времени на хлебе и воде. Смотритель, который будет уличен в том же, понесет двойное наказание".

"6. В этих домах смотрители не должны давать посетителям ни вина, ни бренди, ни ликера, ни пунша, ни других крепких напитков, ни пищи, а только чай, кофе, шоколад, пиво или другие подобные напитки; кроме того, не разрешается, чтобы посетители приносили с собой питье или пищу. За каждое нарушение содержатель должен заплатить пять талеров или неделю ареста; при повторении он должен быть наказан более строго; если этого будет недостаточно, разрешение должно быть отозвано из дома. Ни один содержатель публичного дома не должен позволять гостям оставаться после двенадцати часов ночи, а также не должен позволять никому входить после этого часа. Кто поступит иначе, тот за первое нарушение должен заплатить десять талеров; при повторении штраф удваивается; в третий раз содержатель лишается разрешения.

"7. Если в таких домах будут происходить кражи, нападения или другие правонарушения, то содержатель во всех случаях несет ответственность перед пострадавшей стороной, если она не может получить возмещение в другом месте. Кроме того, указанный смотритель подозревается в соучастии в преступлении до тех пор, пока не будет доказано обратное, и если окажется, что он не использовал все возможные средства для предотвращения такого преступления, он будет наказан штрафом или лишением свободы.

"8. Если какая-либо невинная женщина обманом или насилием будет водворена в какой-либо публичный дом, то содержатель и соучастники такого позорного преступления должны быть подвергнуты публичной выставке и от четырех до десяти лет исправительного дома, с приветствием и прощанием. Кроме того, разрешение будет отозвано. Не будет оправданием для него утверждение, что он не знал и не содействовал указанному совращению, так как он не имел права принимать в своем доме женщину, не уведомив об этом Полицию и не получив от нее, после выяснения обстоятельств, разрешения на это.

"9. Точно так же содержатель публичного дома не имеет права, под страхом двенадцатимесячного тюремного заключения, предоставлять кому бы то ни было (какого бы ранга он ни был) возможность вступать в преступную связь с любой женщиной, которая была приведена в его дом; И совершенно запрещается кому бы то ни было приводить женщину в такой дом и иметь с ней какое-либо частное общение, которое должно происходить только с обычными женщинами этого места, так как согласно разделу 2 ни одному содержателю не разрешается принимать какую-либо женщину в качестве служанки или под каким бы то ни было предлогом в число своих заключенных без предварительного уведомления полиции и ее согласия на это.

"10. Для того чтобы бороться с частым заражением проституток и, по возможности, предохранить их от тяжелых приступов венерической болезни или ее дальнейшего распространения, а также для того, чтобы не только сдержать быстрое развитие этого крайне пагубного недуга, но, насколько возможно, полностью его искоренить, содержатели публичных домов и содержащиеся ими женщины обязаны уделять этому самое пристальное внимание, как для своей собственной пользы, так и для уменьшения своих несчастий и суровых наказаний. С этой целью содержательницы публичных домов не должны противодействовать назначенным в каждом квартале хирургам, когда те будут посещать женщин в их домах; и каждая женщина должна быть подвержена этим посещениям. Для сведения каждого содержателя публичного дома и содержащихся у него проституток ему

выдается копия печатных указаний, составленных компетентным органом, по которым он может узнать признаки действительного заражения и начала венерической болезни, и они должны быть четко проинструктированы должным образом назначенным хирургом, как составить мнение о состоянии своего здоровья и уметь объяснить его при его посещениях, чтобы тем самым облегчить обнаружение венерической болезни в любое время. Кроме того, при обнаружении симптомов венерической болезни у мужчины они должны воздерживаться от плотских сношений с ним.

"11. Если женщина заподозрит, что она заражена, она должна никому не позволять вступать с ней в связь, но должна сообщить об этом как своему сторожу, так и районному хирургу, после чего должны быть немедленно приняты меры для ее излечения. Если она пренебрежет этим, то будет наказана заключением под стражу, в первый раз на три месяца, при повторении проступка - на шесть месяцев в исправительном доме, с приветствием и прощанием. Если указанная женщина, скрывая свой венерический недуг, дала повод к более широкому его распространению, то в первый раз она подлежит двенадцатимесячному заключению в Исправительном доме, с приветствием и прощанием. Если содержатель публичного дома, зная о болезни такой женщины, не воспрепятствует ей заниматься своим ремеслом или будет держать ее у себя, то он подлежит такому же наказанию и, кроме того, обязан оплатить расходы и издержки по лечению и уходу за мужчиной, зараженным такой женщиной, если он того требует или если он не может оплатить эти расходы. За это возмещение содержатель публичного дома должен нести ответственность, даже если он не знал о болезненном состоянии женщины, содержащейся в его доме, поскольку такая обязанность должна, ради общественного блага, считаться риском и бременем, связанным с разрешенной ему торговлей.

"12. С другой стороны, проститутка может преследовать любого человека за то, что он заразил ее через связь, и этот человек, по жалобе и свидетельству ее и содержателя публичного дома, должен нести расходы по лечению и содержанию в течение такого длительного времени, в течение которого, согласно распоряжениям властей лечебницы, женщина должна оставаться в лечебнице; кроме того, он должен быть подвергнут штрафу в пятьдесят талеров или трехмесячному заключению в Исправительном доме.

"13. Если какая-либо женщина, прежде чем объявить о своей венерической болезни, скрывала ее так долго, что, по мнению компетентных лиц, она должна была знать о ней в течение значительного времени, то она, независимо от того, заразила она или не заразила других лиц, подлежит такому же наказанию, как если бы она заразила других.

"14. Принимая во внимание, что женщины скрывают свои венерические болезни; принимая во внимание, что они вверяют себя некомпетентным лицам для лечения; принимая во внимание, что содержательницы публичных домов обязаны возмещать благотворительной организации расходы на лечение и уход, которые иногда ложатся на них непосильным бременем: Для устранения этой трудности предписывается учредить лечебный фонд (*heilings casse*), с помощью которого содержатели и их женщины в случае болезни могут быть освобождены от тяжелых расходов, которым они подвергаются, и могут быть гарантированы от разрушения их тела и здоровья, которое происходит в результате роста этой ужасной болезни. В этот фонд каждый содержатель публичного дома должен ежемесячно вносить сумму в шесть грошей (двенадцать центов) за каждую женщину, которую он содержит, и указывать имя и место рождения такой женщины; за это в начале следующего месяца он должен получить расписку и взыскать эту сумму с каждой женщины, за счет которой он ее уплатил. Тем не менее, любой содержатель публичного дома, допустивший задолженность перед женщиной более чем по одному из этих ежемесячных платежей, не сможет в силу

этого воспрепятствовать ее уходу от него, если, как уже было предписано, она пожелает изменить свой образ жизни. Если женщина переходит из одного публичного дома в другой, не заплатив за нее шести грошей, то содержатель публичного дома, к которому она переходит, должен своевременно выплатить за нее эту сумму. Это должно произойти несмотря на то, что она обязана уведомить о своем уходе полицейского комиссара квартала. Ежемесячный платеж этого налога должен производиться надлежащим образом назначенным медицинским чиновником квартала, который перечисляет всю сумму сборщику лечебной кассы, выдавая ему за это расписку своей рукой; после чего контролер сличает список этого налога со списком содержателей публичных домов и женщин в нескольких районах и заставляет неплательщиков уплатить причитающийся налог.

"15. В этой лечебной кассе должен вестись точный учет, и из нее каждая больная женщина должна быть доставлена в благотворительный дом и, без дальнейших расходов для себя или содержателя, содержаться и тщательно лечиться без отправки, как это было предписано ранее, в работный дом. Кроме того, женщина не должна доверять себя ни приходящему хирургу, ни какому-либо другому лицу для лечения, но оно должно происходить только в благотворительном заведении.

"16. Ни один бордель не должен быть терпим на уважаемых и посещаемых улицах и площадях города, но они должны быть установлены на умеренном расстоянии от них, чтобы полиция могла наблюдать за ними и быстро исправлять любой беспорядок; в противном случае только на небольших улицах и проезжих частях.

"17. То, что предписано и указано в вышеупомянутых статьях для содержателей публичных домов, должно соблюдаться и содержательницами публичных домов под аналогичным наказанием.

"18. Одинокие женщины, живущие сами по себе с целью проституции, должны подавать свои объявления в полицейский справочник таким же образом, как и женщины в публичных домах; должны также проходить осмотр у медицинских работников квартала, в котором они проживают; должны платить свои шесть грошей в месяц в лечебную кассу и подчиняться всем предписаниям, применимым к содержателям публичных домов и их наемным женщинам, и подвергаться аналогичным наказаниям в случае нарушения этих предписаний.

"19. За сводниками и сводницами, предоставляющими в своих домах возможность для преступных сношений мужчин и женщин (в каком бы состоянии они ни находились), устанавливается строгий надзор, и в случае осуждения они подлежат заключению в Исправительный дом на три месяца.

"20. Бродящих по улицам после наступления темноты не терпеть, а там, где их можно встретить, брать под стражу и после излечения, если они поражены венерической болезнью, отправлять на срок от шести до двенадцати месяцев в Исправительный дом.

"21. Кто не может уплатить штрафы, тот подвергается соответствующему телесному наказанию (*am leibe*).

"22. Информаторы получают половину уплаченных штрафов, а остальные штрафы собираются и распределяются в качестве вознаграждения тех, кто делает открытие и сообщает о каких-либо нарушениях настоящих правил.

"23. В случаях, указанных в § 3, когда, наряду с нарушением настоящих правил, совершается преступление против законов государства, уголовный департамент Высокого суда

принимает его к рассмотрению, и от них средства защиты поступают в уголовную депутацию Палаты правосудия.

"24. Для того, чтобы никто из тех, кто в качестве содержателя или девушки занимается проституцией, не мог оправдаться незнанием настоящего свода правил, каждому при регистрации выдается его копия, за которую уплачивается шесть грошей, поступающих в фонд вознаграждения информаторов".

Королевский рескрипт, статут и полицейский ордонанс 1792 года основаны на принципе, что проституция - это необходимое зло, которое, если его не регулировать, ведет к деморализации всего общества и причиняет физические страдания его приверженцам; но, поскольку ее невозможно подавить, ее терпят, чтобы поставить тех, кто ею занимается, под надзор и контроль. В развитие этой идеи в 1795 году был издан еще один полицейский указ, запрещавший музыку и танцы в терпимых домах и ограничивавший посещение проститутками общественных мест увеселения. Непосредственным следствием этой меры стало закрытие нескольких кофеен, обслуживаемых женщинами (*mädchen tabagieen*). В то же время женщины были разделены на первый, второй и третий классы, а ежемесячный налог вырос до одного талера (шестьдесят восемь центов), двух третей талера и одной трети талера, которые, согласно постановлению 1792 года, отчислялись в фонд лечения. Впоследствии этот налог был удвоен в связи с общественными бедствиями.

Для обеспечения исполнения полицейских предписаний и сбора налога в июне 1792 года была проведена перепись публичных проституток в Берлине, в результате которой их оказалось 311. Некоторым из них по разным причинам было отказано в разрешении, и их число составило в

июле	269
август	268
Сентябрь	249
Октябрь (период ярмарок и других сборищ)	258
И в итоге среднее значение установилось на отметке	260

при населении в 150 000 человек.

Пользуясь правом усмотрения, которым наделена полиция Берлина, как и большинства других городов континентальной Европы, она сочла необходимым расширить сферу своей деятельности, чтобы включить в сферу своего надзора тех частных проституток, которые не могли быть допущены к проживанию в терпимых домах, поскольку не достигли возраста, предписанного законом, который в Пруссии устанавливает совершеннолетие в двадцать четыре года; а также другая категория, которую тайно посещали в частных домах те богатые распутники, чья гордость не позволяла им войти в общий бордель, и чьи *похождения*, следовательно, подвергали их опасности, с которой дух закона оправдывал полицию. Лица (в основном вдовы), у которых проживали частные проститутки, были поставлены в зависимость от полиции и подчинялись тем же правилам, что и терпимые дома.

По новой шкале пошлин в 1796 г,

6 борделей из 1-го класса, с заключёнными	16
8 " " 2d " "	33
40 " " 3d "	141

	-	190
Частные проститутки 1-го класса	39	
"" 2d"	28	
	-	67
Всего	257	

Примерно в этот период, в эпоху всеобщего политического движения, люди высшего ранга в Пруссии начали сомневаться в целесообразности терпимого отношения к проституции, и в ответ на уговоры полиции были отданы приказы принять меры, которые заставили бы содержательниц публичных домов закрыть свои заведения. Это, похоже, была первая позитивная попытка абсолютного подавления, и полиция намекнула, что незаконная проституция станет ее неизбежным результатом. В ответ им было дано указание, что если их предсказание подтвердится, то они должны более тщательно преследовать этот порок. В 1800 году число зарегистрированных женщин сократилось до 246, *но было известно, что незаконная проституция значительно возросла.* Этот факт не отрицался полицией. Они справедливо приписывали его ограничениям, наложенным на терпимые дома, которых теперь стало меньше, чем когда-либо, в то время как постоянное население Берлина было на двадцать тысяч больше, чем по последнему подсчету, не считая большого притока войск и иностранцев. Их не поддерживали, но приказали, ссылаясь на обширные болезни среди солдат, "подавить" незаконную проституцию, и это распоряжение они тщетно пытались выполнить. В то же время было проведено расследование сравнительного состояния венерической болезни, и государственный врач сообщил, что *среди зарегистрированных проституток болезнь встречается реже, чем среди незаконных, из чего следовало, что сокращение числа терпимых, но строго охраняемых регулярных борделей не пойдет на пользу обществу.*

1808 год, когда французская армия захватила Европу, был периодом всеобщей войны и бедствий; полицейские правила отступили, и проституция стала сравнительно свободной и бесконтрольной. Французское военное командование в Берлине обратилось в полицию с жалобой на беззаконие в городе, в частности, указав на некоторые бордели, которые превратились в гнезда азартных игроков, где часто происходили грабежи, дуэли, самоубийства и другие преступления. Результаты инспекции были следующими:

50 борделей с женщинами	230		
частные проститутки	203	-	433
Кроме того, среди известных нелегальных проституток были известных полиции (60 из них, как утверждалось, были болезнь в ее			400

худших формах)

А также

обоснованно

подозреваемых

в проституции

Доведение до

сведения

властей

совокупности

67

900

Кроме того, в городе было семьдесят танцевальных домов, которые назывались ночлежками. Население в это время составляло около 150 000 человек. Приведенные цифры, полученные в результате официального подсчета, являются лучшим практическим комментарием последствий отказа от испытанной системы *наблюдения*.

Положение дел, выявленное в результате этого расследования, вызвало появление министерского рескрипта от 8 мая 1809 года, который мы приводим:

"Бордели, в силу их огромного влияния на нравственность и здоровье, являются очень важной отраслью полицейского управления. *Мы хотели бы знать, что желательнее - подавлять их или терпеть.* В любом случае, лицензировать их и тем самым давать им определенную санкцию нецелесообразно и вредно; тем более нельзя терпеть их в общественных кварталах города. Скорее следует желать, чтобы при каждом удобном и подходящем случае на них ставилось заслуженное клеймо глубочайшего разврата и бесчестия. Поэтому мы приказали полицейскому управлению удалить все такие дома на тихие, уединенные улицы пригородов и свободных районов, а вам поручаем рассмотреть вопрос, нельзя ли провести подобное регулирование здесь, в Берлине; после чего вы представите нам тщательно продуманный отчет. Вы также должны принять во внимание, что можно сделать, чтобы заклеить подобные места глубочайшим развратом и позором".

Повинуясь этому приказу, который, несомненно, исходил непосредственно от самой королевской власти, герр фон Грюнер, начальник берлинской полиции, представил доклад, содержащий следующие выводы:

"1. Что закрытие или даже ограничение публичных домов приведет к всеобщему ухудшению здоровья".

"2. Что благодаря усилиям полиции незаконная проституция значительно сократилась, и даже число зарегистрированных женщин уменьшилось".

"3. Что в 1809 году в Берлине было

1	первый	класса	публичный дом	содержащий	женщины	6	
20	второй	"	"	"	"	75	
22	третий	"	"	"	"	117	- 198
					Частные проститутки	113	
					Всего зарегистрировано	311	

Это число может показаться большим, чем прежде, но проход войск и большой гарнизон Берлина привели к его увеличению, и, очевидно, большой рост тайной проституции и ее результатов произошел бы вместо зарегистрированной проституции, если бы не расширение этой самой зарегистрированной проституции."

"4. Что определенные улицы, на которых находились публичные дома, несомненно, больше не являются подходящими местами из-за большого трафика, который они приобрели, и эти дома могут быть перенесены на задние улицы, включая *Кенигсмауэр* и т.д."

"5. Что он не знает, каким образом "клеймо разврата и позора" может быть наложено на торговлю проституцией, кроме как путем указания особого костюма, отличающегося от одежды респектабельных женщин".

В продолжении этого отчета комиссар высказывает свое мнение, "что было бы опасно для общественного порядка держать общие дома в узких пределах, так как это собрало бы всех праздных людей, что могло бы привести к беспорядкам; Что специальный костюм для женщин не принесет пользы дома, а вне дома он только даст повод для публичного скандала, не достигая цели их реформы; что, наконец, он возражает против терпимости к частным проституткам, поскольку от их регистрации нет никакого хорошего результата, кроме здоровья, а общее регулирование в этом и других вопросах гораздо лучше обеспечивается в публичных домах."

Среди официальной переписки по этому вопросу мы находим еще один документ, заслуживающий внимания. Это рапорт субинспектора вышестоящему полицейскому начальству, датированный 16 января 1810 года.

"Таких домов проституции сорок четыре, и, по сравнению с населением Берлина в 180 000 человек, это не так уж много. Они делятся на три класса и, вместе с проститутками, живущими за свой счет, контролируются в соответствии с правилами от 2 февраля 1792 года. В соответствии с этими правилами они платят налоги в лечебный фонд.

"Прошрое халатное бесхозяйственное отношение, к сожалению, позволило открыть несколько борделей на часто посещаемых улицах. Их удаление в более уединенные места я считаю весьма желательным. Необходимо, чтобы больше не терпели частных женщин города, а, если они не могут вернуться к хорошему поведению, отправляли их в публичные дома, или, если они не уроженки Берлина, немедленно высылали из города, или, в противном случае, отправляли в Дом промышленности. Эти женщины, живущие в одиночестве, представляют большую опасность для нравственности и здоровья, поскольку их нельзя так строго контролировать, как в публичных домах, в отношении скромности поведения, чистоты и уединения; кроме того, они могут укрыться от медицинского осмотра и заниматься своим ремеслом, когда знают, что страдают венерическими заболеваниями. Об этом свидетельствуют списки проституток, находящихся на лечении в Шарите. Мнение о том, что только такая жизнь способствует возвращению к добродетели, не подтверждается опытом; если бы это было так, то перечисленные недостатки были бы важнее, чем столь редкое и проблематичное преимущество.

"На вопрос: "Целесообразно ли разрешить публичные дома в больших городах и регулировать их полицией, чтобы туда не допускались зараженные женщины, чтобы противостоять соблазнению респектабельных женщин?" нельзя ответить однозначно утвердительно. Тем не менее, в Берлине считают, что публичные дома, если они не являются необходимым злом, не могут быть в одночасье ликвидированы, но должны быть разработаны такие меры, которые постепенно устранят это зло и сделают позор общезаметным. Для этого

будут реализованы вышеуказанные предложения, касающиеся частных проституток и удаления борделей с общественных улиц. Явное ограничение борделей двумя или тремя улицами даст повод к сборищам в праздничные дни, что может привести к беспорядкам и другим эксцессам.

"Особое внешнее обозначение проституток привело бы только к беспорядкам, не заставляя женщин чувствовать одиозность своего призвания больше, чем в настоящее время".

Остальная часть этого отчета не имеет значения. В октябре 1810 года был издан указ о выполнении его рекомендаций.

После этого события король проникся идеей нецелесообразности и неуместности системы "толерантности", и между различными ведомствами и государственными чиновниками завязалась длительная переписка по этому вопросу; в королевских рескриптах излагались часто повторяемые мнения по этому вопросу в целом, возражения против деталей полицейского управления или предписывались отчеты о некоторых конкретных случаях этой системы; полицейские власти, укрепленные опытом в противовес теории, придерживались практики толерантности и требовали расширения полномочий по пресечению частной проституции и принуждению всех таких лиц к посещению публичных домов. Дело было завершено в 1814 году приказом короны о полном закрытии терпимых борделей. Прежде чем выполнить этот приказ, президент полиции Лекок счел целесообразным связаться с властями города Бреслау и запросить информацию о состоянии общественной морали в этом городе, так как было заявлено, что в его пределах нет ни одного публичного дома или зарегистрированной проститутки.

Ответ чиновников из Бреслау был утвердительным. Что касается результатов, то они проконсультировались с государственным врачом и больничным врачом, и их мнение сводилось к тому, что закрытие публичных домов и отмена веротерпимости *не принесли пользы*, поскольку, несмотря на бдительность полиции, незаконная проституция с тех пор возросла, а сводники стали заниматься своим делом более широко, причем их деятельность была совершенно тайной и не контролировалась полицией; *Что венерическая болезнь не уменьшилась; что ничто не противодействует ей так эффективно, как медицинский осмотр известных публичных домов; и что ее тайное распространение было столь велико, что она распространила свои бедствия, через посредство женской прислуги, на респектабельные семьи*; что больничные отчеты мало что доказывают, потому что случаи заболевания были запущены или вылечены частным образом, но эти отчеты были представлены следующим образом:

Годы.	Случаи венерических заболеваний в Больница Бреслау.	Незаконнорожд енные дети в Бреслау.
1805	155	
1806	202	
1807	323	
1808	233	
1809	150	

1810	118	382
1811	98	316
1812	139	282
1813	159	222

1800 и 1807 годы были временем французского вторжения. В 1812 году публичные дома в Бреслау были закрыты.

Всеобщий мир 1814 года отвлек энергию коронованных особ и ведущих государственных деятелей от вопросов внутренней политики, и берлинская полиция получила свободу для осуществления своих прежних планов. Тогда жители стали возражать против публичных домов и подавать петиции против тех, что находились в непосредственной близости от них. Это вызвало у полиции аргументированный документ, в котором она подробно рассмотрела вопрос, но отказала в просьбе.

Смена населенных пунктов, изменения в законодательстве и другие обстоятельства сделали желательным повторное принятие кодекса 1792 года, что и было сделано в 1829 году. Изменения коснулись в основном мелких деталей, не представляющих общего интереса, но закон о запрете посещения мест общественных развлечений был включен в этот полицейский указ, который объявил, что присутствие проституток в домах общественных развлечений строго запрещено. Самое существенное изменение заключалось в очень подробных указаниях по защите от венерических заболеваний. С этой целью каждый содержатель публичного дома должен был снабдить каждую женщину в своем доме надлежащим шприцем, который она должна была часто использовать по указанию посетителей-медиков. Частным проституткам предписывалось соблюдать аналогичные меры предосторожности, а вместо фиксированного еженедельного осмотра медицинским работником ему предписывалось наносить визиты через неопределенные промежутки времени.

В это время в Берлине насчитывалось тридцать три публичных дома. Некоторые горожане вновь подавали прошения об удалении части из них, но не с большим успехом, чем раньше.

В 1839 году нравственность системы веротерпимости вновь была поставлена под сомнение властями, и министр внутренних дел в рескрипте властям рейнских провинций затронул вопрос о проституции и высказался как решительный противник любой системы веротерпимости. Мы приводим часть его высказываний:

"Что касается выдачи лицензий борделям, то я не могу согласиться с этим, поскольку преимущества, которые будут получены, на мой взгляд, иллюзорны и ни в коей мере не компенсируют неудобства, связанные с государственной санкцией, предоставляемой таким образом дискредитирующим себя заведениям. Все попытки полиции внедрить приличия и благопристойности с помощью правил содержания публичных домов оказываются напрасными. * * * * Бордели - это не изобретение необходимости, а просто отросток безнравственной роскоши. * * * * * Никто не имеет права рассчитывать на то, что он будет защищен от травм и болезней, пока ищет удовлетворения неразумных сексуальных удовольствий. * * * Мнение о том, что публичные дома - это места для занятий опасным искусством обольщения, никогда не было обосновано. * * * Если бы полиция когда-либо осознала необходимость пресечения незаконной проституции посредством терпимых борделей, тогда, действительно, могло бы сложиться определенное мнение о полезности, с санитарной точки зрения, борделей".

Подобные мнения, прозвучавшие из такого круга, несмотря на их абсурдность во многих отношениях, не могли не оказать своего влияния и побудили горожан возобновить свои петиции о пресечении или удалении некоторых из терпимых домов проституции. В 1840 году министерский приказ предписывал их удалить. Оно было незамедлительно исполнено: некоторые бордели были сразу же подавлены, а другие вывезены и сосредоточены в печально известном месте под названием Кёнигсмауэр. Относительное количество публичных домов и проституток в 1836 и 1844 годах было следующим:

1836,	публичные дома	33	Проститутки	200
1844,	"	24	"	240
Сокращение количества публичных домов в 1844 году				9
Увеличение количества проституток в 1844 году				40

На сорок женщин больше в меньшем количестве домов; в среднем десять проституток на каждый бордель, а не шесть, как раньше, - это лишь плохой комментарий к насильственному подавлению.

Известная склонность высших лиц королевства к уничтожению борделей быстро вызвала возобновление агитации против них. Что касается места, то было признано, что более подходящего места не найти. Кёнигсмауэр был местом, которого с давних пор избегали порядочные люди, находился в стороне от дороги, и в нем проживало мало людей, кроме тех, кто был заинтересован в трафике, поэтому страдать было некому, и весь спор практически сводился к моральным последствиям правительственных постановлений и их пользе для общества.

Среди петиций 1840 года была одна, поданная "от нескольких берлинских граждан" принцу Вильгельму, дяде короля, в которой говорилось, что эти бордели - мерзость; что многие из них великолепно оборудованы, в них используются все средства возбуждения; что женщины появляются у окон обнаженными и с голыми шеями; словом, мемориальцы говорили все, что обычно говорят по таким поводам. Но они, по-видимому, забыли, что полиция обладает и властью, и склонностью подавлять подобные недовольства, или же этим "берлинским гражданам" не пришло в голову, что их помощь, оказанная полиции, быстро пресекла бы злодеяния. Мемориал был передан самому королю, и он потребовал отчета по этому вопросу от директора полиции. Он был должным образом предоставлен и представлял собой следующее,

"1. Что испорченность нравов в Берлине и в тех частях Берлина, на которые жалуются, была не более крайней, чем в других больших городах Германии и в подобных местах.

"2. Что в ограничении неизлечимого порока проституции с помощью полицейских правил Берлин имеет значительное преимущество перед Веной; ибо в 1840 году население Берлина (включая гарнизон) составляло 350 000 душ, среди которых, конечно, было очень много неженатых мужчин. Сифилитические случаи в Шарите были в

1838,	мужчины	569	Женщины	634	Всего	1209
1839,	"	695	"	738	"	1433
1840,	"	704	"	757	"	1461

Если предположить, что одна треть венерических заболеваний в Берлине лечится частным образом, то это дает в среднем 1 к 450, или на каждые четыреста пятьдесят мужчин

приходится один сифилитик, тогда как расчет М. Парент-Дюшателе для Вены составляет 1 к 250"[266].

Тот же отчет продолжает:

"Каждый чиновник подтвердит мое утверждение, что количество публичных домов находится в обратной пропорции к незаконной проституции; то есть чем меньше первых, тем больше вторых, и тем труднее бороться с ними и предотвращать сифилис".

В 1841 году был подан еще один меморандум с новыми жалобами на те же дома в Кенигсмауэре. Он был передан полицейским властям с кратким предписанием: "Покончить с неприятностями, на которые поступает так много жалоб".

Теперь *Шулькколлегия* провинции Бранденбург присоединила свое влияние к общественному резонансу, заявив, что несколько домов проституции на Кенигсмауэре наносят вред общественной морали и служат плохим примером для молодежи, и, руководствуясь интересом своих студентов и учеников, потребовала их закрыть. Полиция, которая и раньше принимала все меры предосторожности против нарушения общественных приличий, теперь направила специального инспектора, чтобы тот лично проверил местность. Он сообщил, что нет никаких оснований для жалоб ни на внешнее поведение жителей, ни на внутреннее устройство домов. Удостоверившись в природе оппозиции, полиция отнеслась к руководству колледжа несколько бесцеремонно и порекомендовала запретить своим студентам посещать столь необычное место: очень разумный совет, и лучший, который можно было дать в сложившихся обстоятельствах.

По словам д-ра Беренда (автора книги "Проституция в Берлине"), главными духами этой агитации были священнослужитель и винокур, имевший пивоварню и магазин спиртных напитков в окрестностях Кенигсмауэра. Духовник исходил из моральных и религиозных соображений и возглавил крестовый поход против борделей как общественного позора, недостойного христианской нации. Мы не знаем, какой линии аргументации придерживался винокур, и повлиял ли на его рвение запрет на продажу спиртного в домах проституции. Эти агитаторы обратились в полицию с чередой общих жалоб на роскошь домов, наживу женщин, на плохой пример для молодежи и на другие темы подобного рода. Они не встретили поддержки, однако их заверили, что будут использованы все возможные средства, чтобы удержать нарушителей в рамках существующих правил.

Затем мемориальцы передали свои жалобы различным влиятельным лицам, и в конце концов дошли до графа Арнима, министра внутренних дел, которому была представлена петиция с просьбой полностью подавить все терпимые публичные дома. В этой петиции содержались все обвинения и аргументы, которые только можно было выдвинуть против данных заведений, дополненные риторикой о деградации королевских офицеров, осквернении крестильного реестра проститутками во время надписи, оскорблении величества, позволившем существовать борделям на улице под названием Кенигсмауэр, и многими подобными весомыми аргументами. Теоретически оспаривались практические знания полиции о влиянии регистрации на предотвращение более пагубных эксцессов; опровергались положения, на которых основывалась система толерантности; полностью исключалась защита плана теми, кто был знаком с его работой; так что для человека, не знакомого с обеими сторонами вопроса, представлялось достаточное *дело ex parte*.

Ответ министерства был положительным, но не окончательным; в нем говорилось следующее,

"1. Число публичных домов должно быть сокращено наполовину; они должны быть удалены за городские стены в наиболее уединенное место, где можно не опасаться раздражения соседей.

"2. Для контроля за оставшимися должны быть выставлены патрули из дворян, которые будут освобождаться шесть раз в день.

"3. За каждое третье нарушение правил, как в малом, так и в большом, будет следовать закрытие дома".

"Если этих распоряжений окажется недостаточно, полиция имеет право закрыть все дома, так как следует понимать, что публичные дома не лицензируются, а лишь терпят, если того требует необходимость и позволяет забота об общественном приличии".

Полицейские власти предвидели трудности в деталях этих действий и попросили дать им более четкие инструкции, которые и были предоставлены. Во втором сообщении был такой примечательный пункт:

"Если уменьшение числа публичных домов произойдет и тем самым повлияет на число обычных проституток, то мы на опыте узнаем, не приведет ли это к последствиям, вредным для общественной нравственности и порядка, и тогда можно будет с уверенностью решить главный вопрос, не можем ли мы перейти к полной отмене публичных домов".

Следуя предписанному курсу и ниспровергая устоявшуюся систему, чтобы предоставить министерству "опыт" в том, какие неприятности она может вызвать, полиция провела ряд исследований и закрепила их результаты в отчете министру внутренних дел, датированном июлем 1844 года, из которого следует, что в городе существовало

26 публичных домов, в которых содержались женщины	287
Зарегистрированные частные проститутки	18
Всего	305

Сумма, полученная и израсходованная из средств лечебного фонда, также указывается в талерах, таким образом:

1841.	Получено	3384	Выдано	1027
1842.	"	3393	"	861
1843.	"	3365	"	689

В заключение приводится мнение, которого придерживается полиция:

"Что касается влияния, которое ликвидация публичных домов может оказать на мораль, безопасность и здоровье общества, то полицейские власти считают себя обязанными, как и прежде, заявить о нецелесообразности этого шага. Что делать в случае принятия такого решения - вопрос, требующий серьезного рассмотрения. Между тем, полиция считает, что было бы крайне нежелательно закрывать публичные дома до того, как будут подготовлены другие меры по борьбе с проституцией".

Таких мер подготовлено не было. Король не хотел больше слушать никаких споров по этому вопросу; и, по положительному "королевскому приказу", публичные дома были закрыты, а зарегистрированная проституция прекращена, 31 декабря 1845 года. Берлин стал (номинально) настолько добродетельным, насколько его мог сделать тронный указ.

Большинство проституток были либо отправлены в свои прежние дома, либо получили паспорта для выезда за пределы королевства. Некоторые остались без жилья, друзей и средств к существованию. История не сообщает, позаботились ли друзья принудительного воздержания об этих страдальцах.

Этот суммарный указ серьезно смутил полицию, тем более что государственные законы, разрешающие проституцию, не были отменены. Они обратились к властям Галле и Кельна, где была введена подобная мера, и получили следующие ответы.

Из Галле:

"Со времени французской оккупации публичные дома были ликвидированы. Было несколько человек, обвиненных в проституции, которых полиция *время от времени* ловила и отправляла в тюрьму, где они излечивались. Однако в Галле было очень мало порочных людей, и в специальных мерах не было необходимости. Найти честный заработок для простых женщин было несложно. Что касается сифилиса, то со времени закрытия борделей число случаев заболевания не увеличилось".

Власти Кельна не могут похвастаться столь приятной историей. Они заявляют,

"К концу французской оккупации власти закрыли все лицензированные публичные дома и в то же время вели тщательный поиск частных проституток. На протяжении многих лет на этом пути стояли юридические трудности, поскольку законы не предусматривали никаких мер против частной проституции, если она не является торговлей с целью наживы, а технические доказательства были затруднены. Против сводников и сводниц закон был неэффективен, за исключением случаев, когда соблазненная женщина была несовершеннолетней. Когда были приняты поправки к закону, полиция работала энергично, и в 1843 и 1844 годах, когда незаконная проституция чрезвычайно возросла, она предъявила триста дел об этом преступлении.

"Что касается сифилиса, то, по мнению городского врача, в последние годы эта болезнь распространилась среди всех классов и проявилась в гораздо худшем виде.

"Однако, благодаря усиленной работе полиции, дела стали лучше контролироваться, а количество частных борделей значительно сократилось, так что сейчас в городе их насчитывается около пятнадцати. Однако тайная проституция не поддавалась никакому контролю. Полиции не удавалось сдерживать порочных людей, которые (при отсутствии другого жилья) совершали самые развратные действия в бродячих автомобилях или в любом подходящем укрытии".

Автор этого официального сообщения добавил свое частное мнение, основанное на опыте нескольких лет, что "никаких эффективных мер для подавления проституции придумать невозможно: все, что можно сделать, - это смягчить ее и держать под *наблюдением*".

Эти заявления не могли унять беспокойство берлинских чиновников, на которых министры давили, требуя разработать план выполнения королевских распоряжений. Они собрались на совещание и, испытывая большие затруднения, подготовили схему, которая не устроила высшие силы. В итоге было приказано, "что женщины, подозреваемые в проституции, а их в Берлине около 1000 или 1200, должны быть предупреждены полицией, чтобы они прекратили свою деятельность. В случае обнаружения таковых они должны были быть наказаны, а после наказания за ними должен был быть установлен *надзор* до тех пор, пока они не станут вести себя хорошо. В течение этого периода они должны были периодически

проверяться на наличие заболеваний в полицейском управлении медицинскими работниками; наказание должно быть ужесточено при повторении проступка".

Эти приказы, последовавшие сразу за мандатом на подавление, покажутся всем подтверждением принципов системы веротерпимости в самом важном аспекте - заботе о здоровье населения. Полиция использовала все свои силы, чтобы обеспечить их выполнение, но в то же время выражала опасения по поводу последствий, а именно распространения проституции, роста заболеваний и общей разнузданности привычек.

Теперь остается проследить последствия подавления зарегистрированных борделей, и местные власти предоставляют многочисленные и удовлетворительные доказательства того, что опасения полиции оправдались.

Газета "*Воссихер Цайтунг*" (июль 1847 года) заявляет:

"Хорошо, но совершенно ошибочно утверждение, что во времена всеобщего благоразумия и образования можно обойтись без публичных домов и что теперь с этим пережитком варварства можно покончить. Уже через два года после закрытия публичных домов этот обман был разрушен, и мы приобрели опыт за государственный счет. Незаконные проститутки, которые хорошо знают, как ускользнуть из рук полиции, раскинули свои сети деморализации по всему городу; и против них старые дома проституции, которые находились под очистительным полицейским контролем в санитарных и общих вопросах, обеспечивали безопасность и защиту".

В другой местной газете мы находим:

"Проституция, которая раньше скрывалась от посторонних глаз в темных и укромных уголках, теперь заявила о себе смело и открыто; она нашла защиту и одобрение в большом количестве своих сторонников, и никакая полицейская опека не могла ее сдержать. Проститутки не просто бродили по улицам и проезжим частям, выслеживая свою добычу, оскорбляя тем самым добродетельных женщин и заставляя их краснеть, они толпились на модных променадах, концертах, в театрах и других увеселительных заведениях, где занимали первые места и задавали моду времени. Они отличались блестящими туалетами, и их пример был в высшей степени пленительным и пагубным для молодежи обоих полов".

Из работы "Берлин", написанной Зассом, мы получаем прилагаемое представление о

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ БЕРЛИНА.

"Ни один город Германии не может похвастаться такими великолепными бальными залами, как Берлин. Один из них, расположенный недалеко от Бранденбургских ворот и Парадной площади, отличается своими размерами и представляет собой великолепный экстерьер, особенно в вечернее время, когда сотни ламп струятся через окна и освещают парк перед ним. Интерьер отличается соответствующим великолепием, и когда огромный зал звучит музыкой большого оркестра и заполняется веселящейся толпой, шуршащей в шелках и атласах, отдыхающей в зале или кружащейся в головокружительном вальсе, это, безусловно, сцена, способная опьянить молодежь, которая посещает ее в поисках приключений, или выпить яд соблазнительных и обманчивых, хотя ярких и завораживающих глаз. Если иностранец посетит эту сцену в одну из ее веселых ночей, он сможет заглянуть в глубины берлинской жизни. Многие завесы здесь приоткрыты. У этой великолепной сцены есть и темная сторона. Это не респектабельный Берлин. Эта вихрящаяся, смеющаяся толпа - легкомысленный Берлин, будь то богатство, экстравагантность и глупость или бедность, порок и нужда. Проститутки и мошенники здесь на каждом шагу. Раньше посетительницы

были с хорошей репутацией, но постепенно к ним стали просачиваться куртизанки и женщины с легким характером, и в конце концов ни одну даму нельзя было там увидеть. И вышеупомянутый иностранец, который прогуливается по комнатам, любясь элегантными и прекрасными женщинами, которые окружают его под присмотром какой-нибудь уважаемой пожилой особы, "тетушки" или "сопровождающей", а может быть, в компании с "новобрачным мужем", интересуется именами и положением столь явных знаменитостей и модниц. Разве вы ее не знаете? Любой полицейский может рассказать вам ее историю", - таков ответ. В этом месте есть класс мужчин, которые выполняют необычную для непосвященных функцию. Эти достойные люди - "мужья" вышеупомянутых дам. Они играют беспечного или строгого кавалера, по случаю становятся синебородыми, появляются или не появляются, в зависимости от приличий момента".

У того же автора мы находим следующую зарисовку

ТАНЦЕВАЛЬНОГО САЛУНА.

"Цена входного билета - десять грошей (около двадцати центов), что страхует компанию, которая может заплатить. Мужская публика - люди разного достатка, среди них есть студенты, клерки, художники и, конечно, изрядная доля мошенников и карманников. Большинство женщин - проститутки: здесь можно встретить девушек редкой красоты, по уши погруженных во все искусства беззакония. Философ может увидеть жизнь в основном в том же классе, что и в предыдущем описании, но в несколько менее искусственном состоянии. Здесь можно наблюдать сцены вакхического возбуждения и дичайшей несдержанности. Внешний вид - сплошное веселье и счастье; безудержное наслаждение кажется делом всего этого места. Поверните картинку. Самые броские костюмы - наемные; веселье - ради заработка; свобода - ради разврата. Эти существа, которые, как им кажется, являются жертвами других, отнимающих у них все, что они могут заработать, теперь заняты поиском жертв, у которых они могут вырвать деньги, чтобы оплатить прокат их элегантных платьев, или предоставить средства для дальнейших излишеств, или, возможно, заплатить за свой ужин в этот вечер. Здесь принято, чтобы каждый *джентльмен* приглашал даму на ужин, где выпивается невероятное количество вина. Сколько молодых людей не только потеряли деньги и здоровье в таком месте, но и потеряли честь! *Дамы*, у которых нет таких приятных партнеров, сидят в стороне, угрюмые и недовольные; часто у них нет денег, чтобы заплатить за свои угощения. Пара за парой толпа уменьшается, пока ближе к трем или четырем часам дня заведение не закрывается".

Самые низкие танцевальные дома - *Tanz wirthschaften*, уступающие салунам, где (снова цитирую)

"Танцы доводятся до диких пределов, под бьющую в уши музыку в ядовитой атмосфере. Бедняки экстравагантны; пьянство и распутство в изобилии. Публику составляют слуги обоих полов, солдаты и подмастерья, работницы и проститутки. Здесь под самыми легкомысленными предложениями заключаются браки и наложницы, и с этой сцены безрассудства и порока семья отправляется в мир. Здесь можно встретить мокрую няню, "образец деревенской простоты", которая после ночного шума и гама со своим любовником утром отправляется нянчить ребенка, чья мать пренебрегает своими родительскими обязанностями по велению моды. Рабочие классы имеют своих представителей, которые топят свои заботы в выпивке, а мальчики и девочки составляют пеструю компанию. В этих собраниях есть разница. В одних участвуют граждане более скромных классов, рабочие мужчины и женщины, в других - преступники и их подружки. На этих последних курортах эксцессы носят более устрашающий характер, чем там, где приличия сдерживают грубые

проявления; молодежь обоих полов входит в число известных преступников, которые привыкли к курению, выпивке и самым диким оргиям, задолго до того, как их психика достигла должного развития. Можно встретить физиономии, которые могли бы возникнуть из самой отвратительной фантазии поэта или художника".

В анонимном памфлете, озаглавленном "Проституция в Берлине", приводится еще одна отвратительная картина:

"В Кенигштадте есть питейное заведение, где, кроме жены хозяина, есть две молодые девушки, превосходящие всех соперниц в бесстыдстве и разврате. Старшая из них выдает вторичный сифилис своим голосом; младшая обладает такими благородными чертами лица, такой красотой и вообще такой привлекательной внешностью, что позорность ее поведения просто невероятна. Вечером эти девушки и хозяин, как правило, напиваются. В час или два ночи здесь творится настоящий ад, вся компания - и гости, и хозяин, и девушки - безумствует от спиртного. Одни танцуют с девушками под звон гитары, исполнительница которой исполняла свою роль в одном из упраздненных борделей; другие ревут непристойные песни. Если гитарист привел свою дочь, то шум в притоне становится полным. Он никогда не закрывается раньше четырех часов утра, когда девушки удаляются в свои жилища в компании с тем или иным из своих гостей".

Читая эти описания, следует помнить, что при системе толерантности полиция не разрешала проституткам посещать места общественных развлечений, а также не разрешала музыку и танцы в борделях.

Другая часть работы доктора Сасса содержит поистине ужасающую картину безнравственности города. Мы приводим ее в заключение этой части темы:

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В БЕРЛИНЕ.

"... Войдем в дом. На первом этаже живет знатная семья; муж и жена уже много лет как разошлись; он живет на одной стороне, она - на другой; оба вместе выходят в свет; приличия соблюдаются, но слуги болтают. На втором этаже живет заседатель со своей содержанкой. Когда его нет в городе, как известно в доме, ее навещает доктор. По другую сторону лестницы живет разносчик с женой и ребенком. Жена не упомянула, что ребенок родился до брака, он узнал об этом; конечно, они поссорились, и теперь он мстит за это пьянством, ударами и оскорблениями. Мы поднимаемся на третий этаж. Справа от лестницы сидит учитель, у которого есть ребенок от сестры жены; жена очень горюет по этому поводу. С ним живет маляр, который сбежал от жены и троих детей и теперь живет с наложницей и одним ребенком в жалкой каморке. Слева - семья разносчика писем. Его зарплата составляет пятнадцать талеров (двенадцать долларов) в месяц, но люди выглядят очень комфортно. У их дочери очень красивая парадная комната, хорошо обставленная, и содержит ее очень богатый купец, женатый человек. Прямо напротив находится ночлежный дом, а рядом - акушерка, вывеска которой гласит: "Институт для состоятельных дам, где они могут пережить свой родовой период на пенсии". Могу заверить читателя, что в этом очерке сексуальной и семейной жизни в Берлине я "ничего не оправдываю и ничего не приписываю со злым умыслом".

При оценке последствий подавления борделей необходимо учитывать медицинские свидетельства. В памфлете доктора Лозе "Проституция в Берлине, 1852 год" мы находим:

"Напрасно Шарите, после того как обычные палаты были переполнены венерическими больными, отводила для них другие части здания. Больные все еще продолжали поступать из

арестантских домов, пока, наконец, директора Шарите не отказали в дальнейшем приеме, следствием чего стала долгая и гневная переписка между ними и полицией. Вмешался министр внутренних дел и распорядился выделить для Шариата дополнительные помещения. Это было сделано, но новые палаты вскоре были заполнены венерическими женщинами; количество пациентов превысило все возможности, и в конце концов было признано необходимым принять холерный лазарет для сифилитических больных. Против этого решения берлинская магистратура возразила, что нынешний приток венерических больных должен рассматриваться как неизбежное, естественное следствие отмены публичных домов; что эта отмена произошла не по их инициативе, поэтому они не обязаны ее обеспечивать".

Доктор Беренд, на чью работу мы уже ссылались, приводит множество статистических данных из оригинальных документов, показывающих результаты подавления. Он заявляет:

"В 1839 году из 1200 женщин, привлеченных к наказанию за попрошайничество и подобные проступки, было около 600 обычных незарегистрированных проституток. В 1840 году, в период сокращения числа публичных домов, таких женщин было 900. В 1847 году, через год после их пресечения, пресловутых проституток было уже 1250. По мнению полиции, они составляли лишь часть тех, кто занимался проституцией, но при этом имел очевидные средства к существованию. За Кенигсмауэром торговля ведется еще хуже, чем раньше, а само место представляет собой сцену беспорядка и нарушений, которых не было при прежней системе. Эти правонарушения не могут быть наказаны из-за трудностей с техническими доказательствами, которые всегда должны существовать. Полиция делает все возможное, постоянно патрулируя улицы и арестовывая откровенно неприятных личностей и даже тех, на кого поступают жалобы как на больных, но большего она сделать не может. Проституция, которая раньше была ограничена рамками одного района, теперь охватила весь город".

Что касается влияния отмены веротерпимости на здоровье населения, Беренд делает вывод, что сифилис стал более распространенным. Он приводит следующий список случаев заболевания в Шарите:

Год	1840	Женщины,	757	Мужчины,	--
"	1841	"	743	"	--
"	1842	"	676	"	--
"	1843	"	669	"	--
"	1844	"	657	"	741
"	1845	"	514	"	711
"	1846	"	627	"	813
"	1847	"	761	"	894
"	1848	"	835	"	979

Он также исследовал среднее время, в течение которого каждый пациент находился на лечении, так как это может показать злокачественность заболевания, и сообщает:

Год	1844,	мужчин,	21 ⁵ / ₆	дней;	женщины,	31 ² / ₃	дней;	оба	пол,	26 ³ / ₄	дней.
"	1845,	"	26 ⁶ / ₇	"	"	42 ⁸ / ₉	"	"	"	34 ² / ₃	"
"	1846,	"	30 ¹ / ₂	"	"	51 ¹ / ₂	"	"	"	40 ⁷ / ₈	"

"	1847,	"	34 ¹ / ₉	"	"	43 ² / ₃	"	"	"	38 ² / ₃	"
"	1848,	"	33 ¹ / ₃	"	"	53 ¹ / ₆	"	"	"	43 ¹ / ₂	"

Эти факты подтверждаются регистрами Военного лазарета. Из деклараций, поданных в полицейское управление герром Лемейером, врачом Генерального штаба, следует, что в гарнизоне было

В 1844 и 1845 годах было зарегистрировано 735 случаев сифилиса. Из них,

63	случае	и	первичны	сифилис	требуетс	17,91	дне	посещени	посещения
3	в	з	й	а	я	6	й	я	;
10	"	"	вторичны	"	"	4,947	"		"
2			й						
73	"	"		"	"	22,86	"		"
5						3			

В 1846 году и за первые шесть месяцев 1847 года было зарегистрировано 618 случаев:

50	случае	и	первичны	сифилис	требуетс	17,78	дне	посещени	посещения
1	в	з	й	а	я	8	й	я	;
11	"	"	вторичны	"	"	5,213	"		"
7			й						
61	"	"		"	"	23,00	"		"
8						1			

Доктор Беренд утверждает, основываясь на результатах бесед и общения со многими представителями медицинской профессии, а также на собственном опыте:

"1. Что за последние четыре года случаев сифилиса стало больше.

"2. Что в результате расширения средств коммуникации болезнь распространилась на небольшие города и деревни.

"3. Что она стала чаще проникать в частные семьи.

"4. Что характер болезни стал более упрямым, тем самым тяжело воздействуя на конституцию и будущие поколения.

"5. Что после отмены системы веротерпимости противоестественные преступления стали встречаться гораздо чаще".

Что касается влияния на общественную мораль, он утверждает, что отмена привела к самым пагубным последствиям, особенно ссылаясь на осквернение брака. Он заявляет:

"Обычно люди с порочными привычками заключают брак, чтобы избежать вмешательства полиции. Эти брачные узы разрываются при удобном случае, и заключаются другие браки: иногда две пары взаимно обмениваются и проходят через церемонию".

Он также навел справки о незаконнорожденных и опубликовал несколько объемных таблиц по этому вопросу. На их основе мы приводим

Сравнительный отчет о законных и незаконных рождениях
в Берлине с 1 января 1838 года по 31 марта 1849 года.

Годы.	Рождения.		Всего.	Соотношение незаконнорожде нных к законных рождений.
	Законные.	Незаконнорожд енные.		
1838	8,587	1196	9,783	1 в 7-2
1839	7,820	1412	9,232	1 в 5-5
1840	9,019	1487	10,506	1 в 6-
1841	9,024	1557	10,581	1 из 5-7
1842	10,269	1928	12,177	1 из 5-3
1843	10,370	1969	12,339	1 из 5-2
1844	10,958	2000	12,958	1 в 5-4
1845	11,402	2138	13,540	1 в 5-3
1846	11,717	2140	13,857	1 в 5-4
1847	11,294	2204	13,498	1 в 5-1
1848	12,113	2303	14,416	1 в 5-2
3 месяца 1849 года	3,278	646	3,921	1 в 5-1

Быстро проследив берлинский опыт применения различных методов борьбы с проституцией на протяжении почти трех четвертей века, остается только сказать, что растущее зло незаконной проституции и полная неспособность полиции противостоять ей; распространение венерической болезни и ее возросшая вирулентность; Очевидная и растущая разнузданность города; жалобы публичных журналов; исследования ученых; меморандумы горожан - все это достигло королевского слуха и побудило принять в 1851 году указ, восстанавливающий систему веротерпимости и полностью отменяющий эдикт 1845 года, который привел к столь катастрофическим результатам.

Эксперимент по "подавлению" был честно опробован. Король и его министры приложили к нему всю свою энергию и склонность, но после шести лет попыток он был признан тщетным и полностью оставлен. Берлину придется годами страдать от последствий этого неверного шага, ведь отказаться от контроля легко, а вернуть его - крайне сложно. Теперь, когда полиция вновь обрела свои прежние полномочия, она стремится всеми возможными способами исправить то зло, которое в период междуцарствия. Их последние постановления воплощены в следующем

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ СОДЕРЖАТЕЛЕЙ, КОТОРЫМ РАЗРЕШЕНО ПРИНИМАТЬ В СВОИ ДОМА ЖЕНЩИН, БРОШЕННЫХ НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ.

"1. Обязанности, возлагаемые на содержателя, не освобождают его от обычных уведомлений полиции о лицах, принятых в его дом или на работу.

"2. Смотритель должен жить на первом этаже своего дома, около наружной двери, чтобы наблюдать за всеми входящими в его дом и быть готовым вмешаться в случае беспорядков или волнений в нем".

"3. Смотритель имеет право отказать любому человеку во входе в дом. Для поддержания порядка и тишины в доме и перед ним смотритель будет пользоваться необходимой помощью полиции.

"4. Танцы и музыка в доме строго запрещены; бильярд, карты и другие игры также запрещены, за чем смотритель должен быть особенно бдителен.

"5. Во избежание ссор с посетителями смотритель обязан вывесить в каждой из своих комнат список цен на угощения, который должен быть предварительно представлен на утверждение нижеподписавшейся комиссии.

"6. Соглашение, которое смотритель заключает с живущими в его доме женщинами, должно быть также сообщено нижеподписавшейся комиссии. В случае разногласий по этому договору между содержателями и женщинами, те и другие должны обращаться в эту комиссию.

"7. Каждая из самок получает напечатанный список указаний, которым она должна строго следовать. Обязанность смотрителя - хорошо ознакомиться с этими указаниями и следить за тем, чтобы они выполнялись.

"8. В своих собственных интересах смотритель должен поддерживать порядок и тишину в своем доме, а также следить за чистотой и здоровьем обитательниц. Каждая из них должна подчиняться ему во всем, что касается этого, и если какая-либо из них будет непокорной, смотритель должен обратиться к комиссару полиции или к нижестоящей комиссии, но он не может сам наказывать или применять силу к любой женщине.

"9. Если смотритель знает или подозревает, что какая-либо женщина больна венерической болезнью или чесоткой, он должен уведомить об этом приходящего медицинского работника или нижестоящую комиссию и держать ее отдельно, пока она не будет осмотрена. В случае невыполнения этого требования или даже уединения сторож подлежит такому же наказанию, какое закон предусматривает за сознательное соучастие в болезни других людей.

"10. Если смотритель знает или подозревает, что какая-либо из женщин беременна, он должен уведомить об этом приходящего медицинского работника. Пренебрежение этим влечет за собой наказание за сокрытие беременности".

"11. Каждый человек должен посещаться медицинским работником три раза в неделю, в назначенные дни и часы; кроме того, согласно распоряжению комиссии, в неустановленные часы. Этим посещениям смотритель должен всячески содействовать.

"12. Для этих посещений, необходимых для здоровья заключенных женщин, смотритель должен заранее обеспечить,

"(a.) Кресло для осмотра, утвержденного образца.

"(b.) Две или три спекулы.

"(c.) Несколько фунтов хлористой извести.

"d.) Для каждой женщины, кроме необходимого белья, ее собственный прибор для мытья, ее собственный шприц и две или три губки".

"13. Сторожу строго вменяется в обязанность, чтобы он заставлял женщин соблюдать приличия и благопристойность всякий раз, когда им будет позволено гулять по улицам или

упражняться на свежем воздухе ради их здоровья. Если кому-то из них потребуется прогулка, смотритель не может отказать ей в этом, но должен предоставить подходящего спутника-мужчину, который будет присматривать за ней. Она должна быть прилично и благопристойно одета, не должна стоять на улице и не должна оставаться на улице дольше, чем это необходимо для завершения ее дел или для надлежащего упражнения.

"14. Если какая-либо женщина проявит твердое желание отказаться от своего распутного образа жизни, смотритель не должен пытаться отвратить ее от этого и не может, даже под страхом поручительства, препятствовать ей в осуществлении ее намерения. Кроме того, смотритель должен снабдить женщину одеждой, подобающей женщине служилого сословия, если она окажется без таковой".

15. Предусматривает смену хранителей.

"16. Смотритель обязан оказывать всяческое содействие комиссии в ее усилиях по возвращению таких лиц к честному существованию; особенно в ее усилиях по пресечению незаконной проституции и выявлению источников венерической инфекции."

ГЛАВА XVIII.

ЛЕЙПЦИГ.

Население.- Зарегистрированные и незаконные проститутки.- Служанки.- Содержанки.- Бордели.- Национальность проституток.- Привычки.- Ярмарки.- Посетители.- Заработок проституток.

Но совсем немного замечаний необходимо сделать относительно проституции в Лейпциге, где нет никаких поразительных особенностей, отличающих простых женщин как класс, а законодательство основано на обычном немецком принципе веротерпимости.

Если считать гарнизон города частью его населения, то число жителей составит около ста тысяч, почти треть из которых - солдаты или временные жители. В разное время оно подвержено значительным колебаниям, но в целом можно считать, что среднее число составляет указанную цифру. Среди постоянных жителей есть около шестисот хорошо известных и исповедуемых мужчин-изгоев и черноногих; они находятся под постоянным и бдительным *надзором* полиции. Они, несомненно, оказывают значительное влияние на женскую мораль этого места, причем не только своими собственными *похождениями*, о которых мужчины этого типа печально известны везде, где бы они ни находились, но и тем, что часто берут на себя организацию "удовольствий" своих жертв и знакомых.

Поэтому не стоит удивляться тому, что, помимо трехсот зарегистрированных проституток, которые находятся под медицинским и полицейским надзором, в городе насчитывается около двенадцатисот женщин, которые, как известно, приезжают в город из соседних городов и деревень с целью проституции, когда большой наплыв посетителей делает Лейпциг выгодным рынком для них. Они не находятся под непосредственным контролем полиции. К этим пятнадцати сотням явных и известных проституток, которых можно встретить в городе в оживленные сезоны года, следует добавить класс нерегулярных или частных куртизанок, состоящих в основном из домработниц. По оценкам, в городе насчитывается три

тысячи девушек-служанок, и привычки многих из них не оставляют сомнений в целесообразности включения их в это перечисление; более того, те, кто имел наилучшие возможности для наблюдения, без колебаний утверждают, что по крайней мере одна треть из них порочна. Если предположить, что это точный подсчет, то мы имеем 2500 проституток, или каждую сороковую из общего числа населения, не считая содержанок или тех хрупких женщин в аристократических кругах общества, которые должны быть должным образом причислены к ним. В этом отношении у нас нет оснований заключать, что Лейпциг лучше или хуже других крупных городов современности.

В Лейпциге насчитывается около шестидесяти шести публичных домов, большинство из которых зарегистрированы и находятся под пристальным наблюдением полиции. Они расположены в самых низких и малопосещаемых частях города, и многие из них в избытке демонстрируют худшие черты подобных заведений. Чтобы по возможности избежать раздражения и сохранить внешнюю респектабельность, наиболее приемлемую для посетителей, многие из проституток имеют частные дома в разных частях города, прибегая ко всем мыслимым маскировкам, чтобы скрыть или изменить свой настоящий характер. Говорят, что многие из них - замужние женщины, чьи мужья не только попустительствуют, но и часто вынуждают заниматься этим отвратительным ремеслом ради его вознаграждения.

Владельцы терпимых борделей "принимают на себя добродетель, если у них ее нет", и стараются замаскировать свои дома под названиями кофеен или ресторанов; этот способ признают власти, которые не настаивают на том, чтобы называть такие места простонародным именем, как это делается в Гамбурге или Берлине.

Женщины, населяющие эти дома, в основном уроженки Альтенбурга, Берлина, Дрездена или Брауншвейга; жительниц последнего района путешественники отмечают за их личную красоту. Польских женщин здесь очень мало. Необходимый приток женщин поддерживается через посредничество сводниц, как в Гамбурге, которые получают вознаграждение от содержателей публичных домов пропорционально расстоянию, которое они преодолели, чтобы найти новых клиентов, или в зависимости от привлекательности девушки, или ее вероятного успеха в заведении.

По одежде, манерам, поведению и другим признакам своего призвания проститутки Лейпцига мало чем отличаются от проституток других европейских городов. Поздний анонимный автор отдает им должное как классу за ученость и литературные привычки и называет несколько интеллектуальный выбор легких произведений, которые они предпочитают читать, например, труды Фредрики Бремер, Бульвера, Вальтера Скотта, Каролины Пихлер, Шиллера и других. Если это утверждение верно, оно может быть объяснено большим местным спросом на литературу: книги и меха повсеместно известны как основные товары в Лейпциге, и этот факт вряд ли может свидетельствовать о какой-то особой склонности к *беллетристике*. Проституция очень редко ассоциируется с научными привычками или размышлениями. Большинство содержателей публичных домов, как утверждается, придерживаются антилитературных взглядов. Они обильно снабжают женщин картами и домино, которые используют скорее для предсказания удачи посетителям и себе, чем для азартных игр. Мы никогда не слышали, чтобы хоть один из их либеральных прогнозов подтвердился. По всей видимости, среди простых женщин Лейпцига преобладают те же обычаи и привычки, что и среди женщин Парижа, Гамбурга, Берлина, Лондона и других городов. Неспешная по характеру своего положения, завистливая по отношению к своим подругам, их жизнь, казалось бы, проходит в рутине ничегонеделания со значительной изюминкой или ссор между собой с заметным оживлением.

В Лейпциге не было обнаружено никаких существенных отклонений от обычной рутины болезней, вызванных проституцией. Сифилис имеет свое среднее число жертв, интенсивность заболевания уменьшается или усиливается в зависимости от того, меньше или больше незнакомцев оказывается в городе.

Медицинский и полицейский надзор за проститутками в европейских странах почти буквально смоделирован из одной системы, как и строгость, с которой он сейчас применяется, поэтому нет необходимости говорить о его работе в Лейпциге, кроме того факта, что переменчивый и плавающий характер населения иногда делает его применение трудной задачей. Описание его будет лишь повторением того, что уже было сказано о Париже, Гамбурге или Берлине.

Большие ярмарки привлекают в Лейпциг огромное количество чужестранцев со всех концов света, а его географическое положение за пределами центра Европы настолько приближает его к границам Турции, Польши, Дунайских провинций и России, что сцена на этих собраниях, возможно, более пестрая и любопытная по расам, костюмам и характеристикам, чем в любом другом городе мира. Среди столь разнородной массы существует множество стандартов морали. Полуварварские привычки некоторых посетителей влекут за собой большую долю горестей для проституток; больше, чем обычно испытывают все женщины, кроме самых низших слоев населения в других местах. Находясь в домах терпимости, эти грубые орды предаются грубейшей разнузданности, употребляют выражения, по сравнению с которыми обычный разговор в борделях целомудрен и изыскан, и стремятся погасить в своих спутницах всякий остаток стыда или женского чувства. Если женщина осмеливается возразить на такую экстравагантную развратность, ей отвечают: "Ну, теперь молчи. Я заплатил тебе, и ты моя, пока ты у меня". Поэтому можно легко поверить, что в такие периоды в обычных домах нет и тени приличия. Все, что существует (а правда заставляет признать, что в сезон многолюдья это большая редкость), можно найти только среди тех женщин, которые имеют частные дома.

Единственной компенсацией за такое развращение служат большие суммы, получаемые женщинами от своих любовников, в некоторых случаях доходящие до сорока талеров (около тридцати долларов) в неделю. Из них половина всегда достается содержателю публичного дома, и если посчитать, что его расходы составляют пять талеров в неделю на питание и проживание каждой женщины, то можно увидеть, что его прибыль не незначительной. Сумма, остающаяся у женщин, тратится на одежду, развлечения и т. д. Этот расчет сделан для времени, когда город находится в полном разгаре коммерческого процветания; но если мы предположим, что средняя выручка в обычное время составляет только половину, мы сможем составить довольно хорошее представление о финансовых результатах проституции в Лейпциге.

ГЛАВА XIX.

ДЕНМАРКА.

Проституция в Копенгагене.- Полицейские правила.- Незаконность.- Бордели.- Сифилис.- Законы о браке и разводе.- Детоубийство.- Прелюбодеяние.- Новые постановления о браке.

Проституток в Копенгагене очень много. Этого следовало ожидать из-за смешанного характера города, который одновременно является столицей, военной станцией и морским портом. Один опытный путешественник заметил[267], что в Копенгагене очень редко можно увидеть пьяного человека или уличного гуляку; у всех, похоже, есть дом или место, куда можно пойти, а общий характер датчан - это упорядоченный, образованный, воспитанный народ.

Некоторые проститутки Копенгагена живут в своеобразных отелях, где устраивают публичные развлечения; другие - в публичных домах; третьи - в частных жилищах. В них нет ничего настолько примечательного, чтобы требовать какого-то особого описания. В некоторой степени они находятся под контролем полиции и получают своего рода полуразрешение, которое не отменяется при хорошем поведении. Существует постановление, которое призвано ограничить количество детей, которых им разрешено рожать, не становясь при этом преступницами. Оно требует, чтобы мать более чем двух незаконнорожденных детей была оштрафована и заключена в тюрьму. Как можно легко представить, этот закон применяется крайне редко, поскольку его нецелесообразность, если бы он неукоснительно соблюдался, очевидна, так как он является прямой премией за аборты.

"Официальные льготы не предоставляются ни публичным проституткам, ни тем, с кем они проживают; в Дании также нет борделей в обычном смысле этого слова, как это принято в других странах"[268] - так пишет датский чиновник. Его различие слишком красиво, чтобы его можно было оценить. Копенгагенская полиция знает о существовании таких женщин и ставит их под строгий контроль, но не совсем запретительный. Они контролируют проституток и вмешиваются в их деятельность; они не терпят их, то есть не выдают обычных лицензий ни им, ни содержателям борделей. Следовательно, признанных борделей не существует. Дом, в котором живут куртизанки, является частным жильем, и полиция вмешивается в него только в случае беспорядка, при этом содержатель не несет ответственности за женщин и их поведение.

Тем не менее, полицейские правила предписывают количество женщин, признанных проститутками, которые могут жить в любом доме, и из официальных отчетов следует, что в Копенгагене в

1850 201 проституток.

1852 198 "

В прошлом году было шестьдесят восемь человек, которым было разрешено содержать от одной до четырех женщин, в общей сложности 139 женщин, которым было разрешено жить в этих домах, а остальным 59 было разрешено жить в частных квартирах. "Заботятся о том, чтобы все они лечились в общей больнице, и чтобы их не лечили в других местах, если только они не дадут достаточной гарантии не распространять болезни или если их личное положение не потребует определенных соображений, что редко можно применить ко всем проституткам". Смысл этого постановления не совсем ясен, как и "определенное внимание"; оно может означать беременность или влиятельных друзей. Медицинский работник посещает все случаи, которые полиция передает ему на рассмотрение, и проводит необходимые обследования, получая за это вознаграждение от полиции.

Правила выявления и пресечения сифилиса в Копенгагене очень строгие. Все арестованные обязаны заявить, что они больны или были больны в последнее время, и подлежат наказанию, если они скрывают или искажают факты. Когда корабль собирается выйти в

море, проводится инспекция. Все унтер-офицеры, музыканты и солдаты осматриваются при поступлении на службу и уходе с нее, а также регулярно каждый месяц во время пребывания на ней.

Для борьбы с распространением венерических заболеваний каждый солдат, подвергшийся нападению, обязан указать источник заражения, после чего информация о нем передается в полицию. Те, кто не сообщает о своей болезни заблаговременно, подлежат хлебо-водной диете в течение определенного времени после излечения. В 1797 году все жители нескольких районов были обязаны пройти обследование, назначенное канцлером, в связи с частыми случаями заболевания сифилисом в этих районах.

Следующая таблица, взятая из отчета Берханда о Копенгагене, показывает работу этой системы в течение семи лет. Наиболее примечательной особенностью является большое число тех, кто женился или поступил на службу, что, по-видимому, свидетельствует о более милосердном отношении датчан к этим несчастным, чем обычно проявляется:

Годы.	Проститутки зарегистрированы.			Проститутки отказались от своего призвания.							
	На Нача ло года.	В течен ие в течен ие года.	Всего .	Посту пило на служ бу.	Пере веден о в коми ссию для бедн ых.	Отпр авлен в тюрь му.	Жени лся.	Поки нул стран у.	Умер.	Сове ршил Само убийс тво.	Итого .
1844	297	34	331	20	13	1	16	2	7	4	63
1845	284	43	327	14	27	-	24	4	3	-	77
1846	256	18	274	15	16	2	13	1	2	-	49
1847	241	22	263	20	17	1	17	2	4	1	62
1848	116	27	143	15	16	1	16	2	7	-	51
1849	208	19	227	17	10	1	9	-	6	1	44
1850	196	23	219	18	7	1	1	-	-	-	27

Согласно кодексу 1734 года, брачные обещания могли быть либо устными в присутствии свидетелей, либо письменными и заверенными двумя свидетелями. Вдовы, действующие против согласия своих опекунов, и женщины с дурной репутацией не подпадали под действие этого кодекса. Служанка, беременная от своего хозяина, сына хозяина или любого другого лица, проживающего в доме хозяина, не могла ссылаться на обещание вступить в брак. Подтверждающие свидетельства иногда требовались в делах о родстве, когда предполагаемый отец под присягой отрицал свою ответственность.

Развод допускался при простом оставлении в течение семи лет, при дезертирстве в течение трех лет, в случае приговора к бессрочному тюремному заключению, при добрачной импотенции, при добрачной венерической болезни, при сумасшествии и при прелюбодеянии. Развод по взаимному согласию также мог иметь место, но предварительно требовалось три года разлуки с постелью и питанием. Король обладал прерогативой развода без объяснения причин.

Незаконнорожденные дети должны были содержаться отцом до двух лет в соответствии с его жизненным положением. Они не могли наследовать отцовское имущество, но могли взять имущество матери. Они могли быть узаконены последующим браком или усыновлением.

Детоубийство наказывалось отсечением головы и выставлением головы преступника на колышке.

Прелюбодеяние карается законом как для мужа, так и для жены. На практике оно редко замечается.

В 1834 году был провозглашен новый ордонанс, фиксирующий все тонкости брачных контрактов, родительских обязательств и общие законы сексуальных отношений. Мужчина является несовершеннолетним до восемнадцати лет, а под определенной степенью родительской власти - до двадцати пяти, в этом возрасте он становится гражданином. Женщина находится под опекой всю свою жизнь. Вдовам назначаются опекуны, которые контролируют их юридические полномочия, но вдова может сама выбрать себе опекуна. Законы о разводе схожи с французскими. Практика официального обручения так же распространена в Дании, как и в Северной Германии, и подразумевает реальную и обязательную помолвку, которая не может быть разорвана без объяснения причин или без ущерба для одной или обеих сторон. Вопрос о том, благоприятствует ли этот обычай незаконнорожденным, в Дании до сих пор остается спорным.

ГЛАВА XX.

ШВЕЙЦАРИЯ.

Высочайшая нравственность швейцарцев. Обычаи Нойфхателя. "Обязка". Влияние климата.

Эта страна, благодаря республиканской форме правления и сравнительной изоляции от остального мира, представляет особый интерес для исследователя природы и работы социальных институтов. Защищенные, как и швейцарцы, от резких контрастов чрезмерного богатства и крайней бедности, моральное состояние их народа может выгодно отличаться от большинства наций. Простота патриархальных отношений сохраняется как в национальных, так и в муниципальных органах власти; и хотя сохраняются многие обычаи, сильно смахивающие на деспотизм средневековья, нельзя сказать, что они существенно снижают благосостояние народа. В отсутствие подражания, поощряемого постоянным созерцанием роскоши и богатства, потребности населения немногочисленны и легко удовлетворяются. Их добродетели, однако, отражают смелую и суровую природу их страны; и хотя здесь, возможно, мало тех практических пороков и безнравственности, которые обычно сопровождают общество в большинстве королевств и государств, мы не готовы утверждать, что они превосходят остальное человечество во врожденной добродетели. Черствость сердца и эгоизм нравов так же распространены в Швейцарии, как и в других странах; разница лишь в их проявлении.

Авторам так не хватает замечаний по поводу проституции или даже безнравственности в Швейцарии, что, если судить по их молчанию, ничего подобного там не существует.

"Швейцарское население в целом нравственно и благовоспитанно. Пьяницы встречаются редко, а незаконнорожденные дети - редко", - говорит Боуринг[269].

В Нойфштателе, который, за исключением политического аспекта, вряд ли можно считать частью Швейцарии, существует обычай, во многом схожий с норвежским и распространенный среди лютеран, а именно обычай вступать в связь до брака. Это, как говорит Вашингтон Ирвинг о "восхитительной практике связывания", иногда приводит к плачевным результатам. Одна писательница утверждает, что общественное мнение поддерживает респектабельность женщин, если они состоят в браке достаточно долго, чтобы узаконить свое потомство. Бывали случаи, когда две пары ссорились, и происходил взаимный обмен любовниками и возлюбленными, а номинальные отцы усыновляли рано рожденных детей[270].

Бережливость основной массы швейцарцев, их небольшое расселение по стране, отсутствие больших масс людей, скопившихся в зловонной атмосфере городов, их постоянное и тесное общение с пасторами, а также надежда, которую лелеет каждый человек, приобрести на свои сбережения небольшой участок любимой родной земли в качестве наследства, препятствуют проституции как ремеслу. Нельзя забывать и о влиянии климата, и мистер Чемберс, объясняя общее хорошее поведение швейцарских крестьян, делает большой акцент на их умеренных привычках, а также на том, что они очень редко употребляют одурманивающие напитки.

ГЛАВА XXI.

РОССИЯ.

Древние нравы.- Петр Великий.- Евдоксия.- Императрица Катарина, ее беспутное поведение и смерть.- Либертинизм Петра.- Анна.- Елизавета.- Катарина II, бесславная карьера и смерть.- Павел.- Александр I.- графиня Нарышкина.- Николай.- Придворная мораль.- Серфаж.- Проституция в Петербурге.- Превышение числа мужчин над женщинами.- Брачные обычаи.- Ярмарка невест.- Брачные отношения среди русского дворянства.- Основание больницы в Петербурге.- Незаконнорожденность.

Жестокость, пьянство и разврат, сопутствующие полуварварству, которых в старых русских нравах было более чем достаточно, продолжали быть характерными для жителей этой страны до самого последнего времени; в то время как их приветливость, пластичный нрав, высокая способность к подражанию в искусствах и способность к совершенствованию отмечаются многими писателями. Только что вышедшая из дикой жизни нация, они были сформированы и сварены в единую массу неуклонной и неизменной политикой своих государей, среди которых мы имеем примеры огромных умственных способностей и возвышенных амбиций в сочетании с самой низкой испорченностью и самым бесстыдным распутством, являя собой пример крайностей человеческой природы в одном и том же человеке.

До Петра Великого Россия была сравнительно неизвестна, а в елизаветинскую эпоху в Англии московитский царь рассматривался лишь как варвар, чьи подданные значительно уступали в цивилизованности татарам Крыма. И действительно, только в XVIII веке русские

были признаны частью европейской политики, а их власть рассматривалась как элемент в расчетах государственных деятелей.

Самым важным, можно сказать, единственным законодателем до Петра Великого был Иван III, правивший в начале XVI века. Среди законов того времени, которые все были кровавыми, был один, устанавливающий стоимость женской жизни, в случае смерти по несчастью, в половину жизни мужчины. Рабство было государственным институтом, каждый ребенок являлся абсолютной собственностью своего родителя. Женщины были в большем рабстве, чем у азиатов, и никакой закон не защищал их от насилия мужа. Жел, убившую мужа, закопать живьем по шею, а вокруг нее поставить стражу, чтобы никто не снабжал ее пищей или средствами для прекращения страданий.^[271] Женщины жили в строжайшем уединении, не имели ни веса, ни власти в семье. В их обязанности входило прясть, шить и выполнять рутинную работу.

Петр I вступил на престол, как и большинство русских государей, путем интриг или узурпации. Как до, так и после Петра воля и каприз правящей власти были главенствующими. Он мог назначить своего преемника при жизни или по завещанию, и такое назначение часто отменялось более могущественным конкурентом. В общественной жизни Петр, в его стремлении к всеобщему благосостоянию, в его самоотверженности, в его представлениях обо всем, чего не хватало для возвышения и величия его страны, в его железной воле и сверхъестественной энергии, был героем; в его личной жизни, в его страстях, вкусах и привычках, он был на одном уровне с самыми низкими из людей.

Наша цель - выявление национальных особенностей, а индивидуальные склонности или проступки не имеют значения, за исключением тех случаев, когда они иллюстрируют национальный характер. Хорошо замечено, что добродетель или порок народа заключается не в арифметическом увеличении или уменьшении безнравственных поступков, а в преобладающих настроениях эпохи или народа, которые осуждают или одобряют их. Именно в этом отношении поведение монархов и придворных приобретает важное значение для оценки национальных нравов, особенно в условиях деспотии. Царь России является одновременно религиозным и политическим лидером своего народа, и его личное поведение становится стандартом нравственных отношений, давая ободрение и поддержку добрым людям, или санкцию и оправдание развращенным.

Первая жена Петра, Евдокия, была женщиной добродетельной и достойной. Ни ее молодость, ни красота не обеспечили привязанности мужа. Она не избежала голоса клеветы. Глебов, ее предполагаемый любовник, был заколот Петром, который пришел посмотреть на него, корчащегося в предсмертных муках, и несчастный отомстил единственным оставшимся ему способом: он плюнул в лицо царю. Впоследствии Евдокия по приказу Петра была отправлена в женский монастырь в Москве и, наконец, приняла постриг под именем Елены.

Едва Петр обрел корону, как завязалась его связь с Катариней. Романтическая история ее происхождения и возвышения слишком хорошо известна, чтобы повторять ее здесь. Ее муж, шведский драгун, был жив; она была любовницей сначала маршала Шеремелова, затем Ментчикова, в доме которого ее видел Петр и откуда он ее увез. Она приобрела большое влияние на необузданную свирепость царя, и, к ее бесконечной заслуге, это влияние всегда использовалось для смягчения страшной строгости его наказаний и для успокоения его в противном случае непримиримо мстительного духа. При жизни ее мужа и его первой жены Петр женился на ней.

Приятные черты характера Катарина были затушеваны нерегулярностью ее жизни. Возведенная по любви Петра на императорский трон, она подавала пример распущенности своим подданным. Есть все основания полагать, что при жизни Петра у нее было несколько интриг, но случай с Менс де ла Круа не вызывает сомнений, а обнаружение ее неверности в этом случае привело к разрыву с Петром и смерти любовника.

В 1724 году, после кампании против турок, в которой Катарина сопровождала царя и своим духом и примером поддерживала мужество армии среди больших трудностей и неудач, Петр решил публично короновать ее; эта церемония была очень необычной в России и почти равносильна провозглашению ее своей преемницей.

Моэнс де ла Круа был младшим братом Анны де ла Круа, одной из первых любовниц Петра. Он был камергером Катарина. Его должность позволяла ему находиться в непосредственной близости от императрицы, и между ними установились близкие отношения. Какое-то время об этом знали все, кроме самого Петра. Однако в конце концов его подозрения оправдались, и, подсылая шпионов к Катарине, он стал личным свидетелем ее неверности. Первый взрыв его негодования был ужасен, и он уже готов был казнить и императрицу, и ее любовника, но по сдержанному совету некоторых друзей, которые посоветовали ему избежать скандала, было решено арестовать Моэнса по ложному обвинению в заговоре.

Моэнс и его сестра были схвачены и заключены в одну из квартир зимнего дворца. Петр не позволял никому приближаться к ним и сам принимал пищу. Когда их допрашивали на предмет заговора, Моэнс, чтобы спасти императрицу и публику, во всем признался. Его осудили и обезглавили. Его сестру повязали и отправили в Сибирь.

Катарина подарила своему возлюбленному свою миниатюру на браслете, который он всегда носил. Когда он шел на смерть, ему удалось передать ее незамеченной лютеранскому министру, сопровождавшему его, с указанием передать ее императрице в частном порядке, что и было сделано. Царь был зрителем казни, после которой голову преступника, согласно обычаю, насадили на кол. Чтобы еще больше устроить Катарину, Петр водил ее вокруг головы ее любовника. К счастью для нее, она сумела сохранить самообладание во время пытки этим ужасным зрелищем. После этого царь разговаривал с ней только на людях.

После смерти Петра Катарина взошла на российский престол на основании притворного предсмертного заявления мужа. Она разыграла пантомиму скорби и слез над его телом, но, как только прочно уселась, предалась удовольствиям и сладострастию и завела сразу двух любовников, князя Сапича и Лойвенвольдена. "Эти два соперника одинаково старались угодить ей и попеременно получали доказательства ее нежности, не позволяя ревности омрачить их счастье". Нерегулярная жизнь императрицы и ее неумеренное употребление крепких напитков ускорили ее смерть, которая наступила на тридцать девятом году жизни.

Сам Петр являл собой жалкий пример супружеской неверности и низкого разврата. Его соратниками часто становились самые низкие слои населения. Правда, в его время высшие не сильно отличались от низших по благопристойности манер; низшие же часто обладали если не интеллектуальной культурой, то, по крайней мере, практическим умом, которым Петр наслаждался. Он проводил многие часы за распитием бренди и других спиртных напитков с моряками, плотниками и ремесленниками, независимо от того, что временно принимал на себя занятия рабочего человека. Он без разбора вступал в связь с женщинами всех мастей и состояний. В конце концов он заразился венерической болезнью. Из-за пренебрежения и общей развращенности его жизни болезнь настолько обострилась, что в конце концов стала косвенной причиной его смерти. Сам он говорил, что заразился от мадам Тхнертихофф, жены генерала и дипломата с таким именем. Когда ей об этом упомянули, случайно или со

злым умыслом, неизвестно, она, как сообщается, очень наивно ответила, что не давала ему эту вещь, а, напротив, он имел такие распущенные привычки и низких соратников, что подарил ее ей[272].

В 1722 году на Петра напал этот недуг, и, страдая от него, он отправился в Персию и на протяжении всей кампании испытывал усталость самого захудалого солдата. Жара, засуха и постоянная пыль страшно усилили болезнь, и боли стали настолько мучительными, что он не мог скрыть их от своих приближенных. Однако он не стал обращаться к придворному лекарю, а поручил своему слуге получить совет, как будто для кого-то другого. Затем он отправился в горячие ванны Плонца и, по-видимому, выздоровел. Но, похоже, болезнь не была излечена, а лишь смягчена этим лечением, и при рецидиве он был вынужден прибегнуть к помощи обычных врачей, и в течение трех месяцев его жизнь была в отчаянии. Наконец он выздоровел, но теперь, несмотря на все предостережения, он вернулся к своему обычному образу жизни, возобновил свои долгие и суровые путешествия, общественные работы и общую активность ума и тела, нисколько не изменив при этом другим, более вредным занятиям и практике.

5 ноября 1724 года, во время путешествия в Финляндию, он остановился в порту Лахта. Там с берега он увидел небольшое судно, полное солдат и матросов, которое налетело на отмель. Понимая, что им грозит опасность, он закричал им, но бушующий ветер заглушил его голос. Тогда он вскочил в ялик, подплыл к отмели и, добравшись до судна, прыгнул в воду, снял его и высадил пассажиров, которые остались целы и невредимы. Пренебрегая всеми мерами предосторожности, необходимыми в его состоянии здоровья, он заболел жестокой лихорадкой, и в то же время прежние муки разыгрались с прежней силой. Его отвезли обратно в Санкт-Петербург, где он получил частичное облегчение от своих страданий. В один из перерывов между отдыхом он отпраздновал великий праздник освящения невских вод, и от невозддержанности в празднествах приступ возобновился, и после продолжительной агонии он умер 28 января 1725 года.

Петр, по описаниям, отличался чрезмерным либидинозным темпераментом, а его грубые распутные похождения были обычным предметом его шуток, даже в присутствии Катарини. Он даже пристрастился к отвратительным развратным действиям, которые, как утверждают современные писатели, были обычной практикой русских того времени.[273] Петр временами поддавался приступам похоти, в которых, как разъяренный зверь, не обращал внимания ни на возраст, ни на пол. В это время в русской армии неестественные пороки наказывались особым военным уставом, и это преступление было постоянным упреком в народе, который, как говорили, перенял его от греков из нижней империи[274].

У Анны, преемницы Петра и Катарини, было два публично объявленных любовника - Долгорукий и Эрнест Джон Бирен. Последний был более известен, поскольку его влияние и значение во время правления Анны были очень велики. Долгорукий стал одним из депутатов, которые должны были объявить Анне о ее престолонаследии, и он принял этот пост, надеясь возобновить прежние интимные отношения со своей будущей государыней. Когда он вошел в апартаменты, то обнаружил, что рядом с принцессой сидит человек в плохом одеянии. Он приказал ему удалиться и, услышав невнимание к приказу, взял его за руку, чтобы выпроводить, но императрица остановила его. Этим неизвестным человеком был Бирен, который стал регентом империи[275].

Анна не была погружена ни в пучину распутства, как ее преемница Елизавета, ни в жестокость, как ее предок Петр. Она была воспитана в Курляндии и приобрела некоторую утонченность идей и манер. При ее дворе были несколько менее распространены обжорство

и пьянство, зато в полной моде были распутство, разорительные азартные игры и безграничная экстравагантность. Весь двор превратился в сборище шутов и балагуров, в моде были самые нелепые и абсурдные наряды, самые грубые и буйные выходки и гулянки. В качестве примера придворных манер можно вспомнить розыгрыш, сыгранный с князем Галициным, в котором было столько же злобы, сколько и веселья.

Обидевшись на смену религии, князь был принудительно женат на девушке самого низкого происхождения. В его честь был построен дворец, но материал был ледяной, и вся мебель состояла из него же. Свадебная процессия, состоящая из более чем трехсот человек в национальных костюмах, собранных со всех губерний России, проехала по улицам города. Новобрачные были установлены в пагоде на спине слона. По окончании бала жениха и невесту проводили в их брачные покои, как и весь дом, полностью выложенные льдом, и уложили в ледяную опочивальню, а у дверей поставили стражу, чтобы они не смогли выбраться из комнаты до утра.

Анна умерла в 1740 году, и после короткого междуцарствия на престол взошла Елизавета, дочь Петра I. Она унаследовала все пороки и чувственность своего отца, но не унаследовала ни одного из его выдающихся качеств. Еще не став императрицей, Елизавета нарушила все приличия; открыто вступала в непристойные связи с подпрапорщиками и солдатами гвардии, расквартированными неподалеку от ее жилища. Похоть и пьянство, в которых она погрязла, отвратили ее от всякого стремления к величию. Но в ее имени нуждались другие, и, составив заговор, она, вопреки себе, стала императрицей. Ее главным любовником в то время был Грюнштейн, сержант гвардии, который был возведен в звание генерал-майора. Другие солдаты и унтер-офицеры, которые были служителями ее разврата, были произведены в офицеры. Эти люди часто посещали обычные публичные дома, напивались, проникали в дома знатных особ и безнаказанно совершали всевозможные развратные действия. Когда люди, которые могли похвастаться благосклонностью императрицы, становились невыносимыми, их забирали в армию, на должности офицеров в полках, находящихся на службе.

Говорят, что Елизавета была тайно замужем за Разамовским, а также за известным шевалье д'Эоном, который посещал российский двор под женской маской и, несомненно, пользовался благосклонностью Елизаветы, какой бы ни была правда о ее браке с ним. Елизавета на целые месяцы отстранялась от дел, пьянствовала по несколько дней и даже недель подряд. Она имела репутацию гуманной особы, но, хотя она никого не приговорила к смерти, не менее восьмидесяти тысяч ее подданных были подвергнуты пыткам или отправлены в Сибирь во время ее правления. Ее экстравагантность была такова, что когда она умерла, в ее гардеробе было около пятнадцати тысяч платьев, тысячи пар рукавов и несколько сотен кусков французского и других шелков.

Катарина II, как и Петр, представляла собой соединение благороднейших интеллектуальных способностей с непревзойденной развращенностью нравственной организации. Ее обычно считают чудовищем похоти; но она была не менее печально известна своей жестокостью и полным отсутствием всех тех качеств и чувств, которые составляют главное изящество и красоту внутренней жизни женщины. Ее любимая столовая в Таврическом дворце была украшена картинами, изображающими разграбление Охкзакова и Исмаила, в которых художник превзошел мрачное видение Карраваджо и изобразил нападение, резню, увечья и все отвратительные детали подобных сцен. Говорят, что Катарина получала от них огромное удовольствие. Она ненавидела музыку и никогда не допускала в свой слух других звуков, кроме барабанов, труб и подобных варварских инструментов; и все же говорят, что в начале своей жизни в качестве принцессы Анхальт-Цербстской она обладала женским сердцем,

тонким вкусом и утонченным умом;^[276] что только спустя много времени после того, как ее муж, Петр III., оскорбил ее открытым пренебрежением к ее очень привлекательной внешности и юношеским грациям и бросил ее ради вульгарной и некрасивой принцессы Воронцовой, она посвятила себя ужасной карьере, которую впоследствии так неуклонно продолжала.

Герцогиня д'Абрантес в своих мемуарах о Катарине рассказывает, что ее первый любовник, Солтикофф, был навязан ей в рамках государственной политики хитрым и беспринципным Бестужевым, умелым министром Елизаветы, ради того, чтобы получить наследника для великого князя Петра. Катарина возражала и грозилась пожаловаться. "Кому вы будете жаловаться?" - холодно спросил министр. Катарина покорилась и приняла навязанного ей любовника. Во время этого прелюбодеяния, совершенного из соображений целесообразности, Катарина была глубоко увлечена учебой, чтобы достойно подготовиться к своей будущей судьбе, и ей были противны непристойности русского двора!

Впоследствии было признано целесообразным удалить Солтикова. Катарина родила ребенка и была недовольна этим увольнением, но бесстрастный Бестужев лишь насмеялся над ее уговорами и признаниями в любви к уволенному любовнику и советовал ей выбрать другого. Этот урок она не замедлила претворить в жизнь. Список ее любовников был не менее многочисленным, чем у Елизаветы.

После того как Катарина стала причиной убийства Петра III и взошла на престол в качестве императрицы, она предалась полному удовлетворению своих страстей, как королевских, так и личных. Кроме вульгарной толпы, которую она выбирала в качестве получателей своих грязных услуг, мир знал в качестве общепризнанных и признанных женихов имена Орлова, от которого у нее был сын граф Бобруский, Василитчикова, Потемкина, Луского, Морнонова и Зубова.

Их назначение было сведено к системе, и этикет был установлен столь же точно, как и при назначении государственного министра. Когда Катарине надоедал ее нынешний фаворит, одному из ее близких друзей поручалось подыскать другого. Иной раз, обратив внимание на молодого человека, который пришелся ей по вкусу, она сообщала о своем желании подруге, и тогда в доме устраивалось развлечение, которое императрица удостоивала своим присутствием и тем самым получала возможность ближе познакомиться с избранником. Затем он получил приказ явиться во дворец, где был представлен придворному врачу и обследован на предмет общего здоровья и физического состояния. После этого он был отдан под опеку некой мадемуазель Протасовой.^{277]} После успешного прохождения различных экзаменов фаворит был введен в обычные служебные апартаменты, которые находились в непосредственной близости от апартаментов императрицы. В первый же день своего назначения он получил сто тысяч рублей (около двадцати пяти тысяч долларов) на белье и пособие в размере двенадцати тысяч рублей в месяц; кроме того, все его домашние расходы были оплачены. Он был обязан сопровождать императрицу, куда бы она ни отправилась, и не имел права покидать дворец без ее разрешения. Ему не разрешалось общаться с другими женщинами, а если он обедал с друзьями, то хозяйка дома обязательно должна была отсутствовать.

Когда фаворит завершал свой срок службы, он получал приказ отправиться в путешествие, и с этого момента всякий доступ к ее величеству был закрыт. Фавориты редко восставали против своей судьбы в этом отношении; но Потемкин и Орлов, у которых были совсем другие взгляды, нежели даление, имели смелость ослушаться приказа, и им удалось сохранить власть и дружбу императрицы еще долго после того, как их личные притязания на ее

нежность закончились. По окончании близости фаворит обычно получал роскошные подарки. Потемкин, прекратив свои функции фаворита, становился сводником своей царственной госпожи, получая таким образом двойное преимущество - благосклонность императрицы и покровительство фаворита, с которого он взимал солидную плату за знакомство. Потемкин и Орлов одно время были соперниками, в котором Орлов в конце концов потерпел поражение; но когда Потемкин достиг своего высокого положения, он стал настолько необходим Екатерине в своем высшем качестве, что ставил и смещал фаворита времени по своему усмотрению и даже решался на самые экстравагантные полеты дерзости и личного неуважения к императрице. Орлов также был соперником Понятовского, но его превосходные способности и жестокая энергия воли заставили Екатерину уважать и бояться его еще долго после того, как он перестал ей нравиться.

Денежные результаты для государства, огромные, как и грабежи, были, пожалуй, наименьшим из зол, причиненных этой системой беззакония. Зарегистрированные подарки двенадцати фаворитам составили до ста миллионов долларов.^[278] Ланской, который не занимал никаких политических должностей и все состояние которого было составлено из вопиющих доходов от его бесчестной должности, умер после менее чем четырехлетнего пребывания на посту, имея только наличными, без учета ценностей, семь миллионов рублей. Богатство Потемкина, накопленное из всех источников государственного грабежа и частного вымогательства, было баснословным. К моменту смерти он владел двумястами тысячами крепостных; целые шкафы его были набиты золотой монетой, драгоценностями и банковскими векселями; он имел тридцать два ордена, а его состояние оценивалось в шестьдесят миллионов долларов^[279].

В последние дни правления Екатерины она нашла более глубокое место, куда можно было погрузиться. Когда ей перевалило за шестьдесят, она взяла на пост своего фаворита Зубова, которому не было и двадцати пяти. Теперь она создала Общество Малого Эрмитажа. Это была отборная компания умников и распутников обоих полов, на сценах разврата и веселья которой председательствовала императрица. Даже в этих оргиях была создана внутренняя пенетрация, получившая название Малого общества.

Пагубное влияние такого примера, подаваемого в течение столь долгого времени государыней, отличавшейся способностями и прославившейся успешными иностранными предприятиями, привело к почти всеобщему развращению русского двора и аристократии обоих полов. Женщины, в подражание ее величеству, содержали мужчин, носящих титул и должность фаворитов. Это было так же привычно, как любая другая мода, и признавалось мужьями. Нежные интриги были неизвестны, сильные страсти еще более редки, брак был просто союзом. Существовал клуб, называемый клубом натурфилософов, который представлял собой общество мужчин и женщин высшего сословия, целью встреч которых были беспорядочные половые связи. Члены клуба собирались для пиршества, а после банкета расходились по парам, выбранным по жребию. Впоследствии этот клуб был уничтожен российской полицией, как и все другие тайные общества. Екатерина основала больницу для пятидесяти дам, страдающих венерическими заболеваниями. О них должны были заботиться все; не допускалось никаких сомнений относительно имени или качества, а на белье заведения было написано многозначительное слово "discretion".

Конец Екатерины был внезапным и страшным. Она сильно располнела, ноги и тело распухли и лопнули. Она передвигалась с большим трудом, хотя ее властная воля не позволяла ей уступить ни в амбициях, ни в распутстве. 4 ноября 1796 года она была в Малом Эрмитаже в необычайно приподнятом настроении и даже подшучивала над своим шутком Леофом Наускиным, в том числе и по поводу его смерти и связанных с ней опасений. На следующее

утро страшный гонец, о появлении которого она шутила, принес ей свои распоряжения. С ней случился апоплексический удар, и после тридцати семи часов бесчувствия она умерла без благословения, и ее преемником стал Павел, ее ненавистный сын от первого любовника Солтикова.

Император, или, как его больше называл Наполеон, безумный император Павел, был слишком примечателен своими странностями, чтобы прославиться галантностью. Даже в этом он сохранил свою эксцентричность. Он пренебрегал своей женой, приятной и красивой женщиной, матерью Александра и Николая, ради некрасивой любовницы, мадемуазель Нелидовой, и ради другой, мадемуазель Лапухиной, которая не принимала его обращений, но которой он, тем не менее, исповедовал терпеливую преданность Дон Кихота. Самым примечательным в этой связи обстоятельством жизни Павла стало косвенное влияние женской слабости на его убийство. Враги, которые впоследствии замыслили его гибель и уничтожение, добились своего возвращения из ссылки благодаря услугам некой мадемуазель Шевалье, французской актрисы, которая управляла Кутайсовым, а тот, в свою очередь, управлял царем.

По мере приближения к нашим временам описание исторических персонажей приобретает оттенок предвзятости или пристрастности.

Александр, сын и преемник Павла, отличался приветливостью нрава и философским тоном своих политических теорий. Он был женат в раннем возрасте по приказу своей бабушки Катарини, которая в его случае настаивала на том, чтобы он стал хорошим мужем, и принимала для этого многочисленные меры предосторожности, которые ее пример нейтрализовал или опроверг. В условиях скромной жизни или свободного выбора выбор мог бы сложиться удачно. Но он предпочитал общество придворных дам, в частности графини Нарышкиной, от которой у него было трое детей. Графиня оказалась непостоянной, и все его дети от нее умерли, к глубокому горю Александра.

После потери этих незаконнорожденных детей привязанность Александра обратилась к императрице, истинную ценность которой он осознал, когда было уже слишком поздно. Ее поразила болезнь, и он отправился в путешествие по Южной России, чтобы выбрать подходящее место для ее резиденции, когда его охватила лихорадка, от которой он и умер.

Если мягкий характер Александра мало повлиял на его подданных, то имя его преемника, Николая, отождествляется с самим существованием русского народа, как ни одного государя со времен Петра Великого. Его пример и выраженная воля оказали огромное влияние, как на добро, так и на зло. В настоящее время почти невозможно составить истинное представление о характере Николая по причинам, о которых уже говорилось выше. В его личной жизни как мужа и отца, а в общественной - как правителя и политика, писатели диаметрально противоположны друг другу. Партийные предрассудки отказывают ему во всех достоинствах или делают из него такого Сократа. Головин и авторы демократической школы утверждают, что, помимо других его проступков, у Николая было несколько незаконнорожденных детей, а также "что ни одна женщина не могла чувствовать себя в безопасности от приставаний Николая"; в то время как такие писатели, как фон Тиц, Джерманн и другие панегиристы русского двора, описывают Николая как образцового мужа и отца, пример для своих подданных в домашних отношениях. Они также утверждают, что грубая безнравственность, которая была главной чертой русского общества, была очень сильно подавлена и сделана совершенно немодной благодаря хорошим манерам императорской семьи.

Истина редко встречается в крайностях. В нашем столетии среди государей преобладало обыкновение "прикидываться добродетелью, если ее нет", и сохранять респектабельную внешность ради общественного мнения. Такой политичный правитель, как Николай, вряд ли отказался бы от этого. Он делал все возможное, чтобы добродетель была в почете при дворе. Но о нем рассказывают слишком много мелких происшествий, чтобы верить в его безупречную безупречность. Характеры отдельных людей, даже правителей, были бы для нас неважны, если бы не то, что в России общество находится в переходном состоянии и проявляет себя пластично в руках энергичного императора. "Государство! Я - государство!" - совершенно верно звучало в устах Николая. Подданные почитали его чуть ли не до идолопоклонства, и он был, во всех смыслах этого слова, самым замечательным человеком в своих обширных владениях.

Английский путешественник Томпсон, весьма благосклонно отзывавшийся о личных достоинствах императора Николая, говорит о морали высших классов среди русских: "Лишенный преимуществ рациональных развлечений и невинных общественных удовольствий, лишенный тех средств, которые, рассеивая *тоску*, возвышают чувства, ум прибегает к чувственным поблажкам и удовлетворению страстей, чтобы найти отдых и облегчение от омертвляющего давления деспотизма. Безнравственность и интриги распространены повсеместно и (в социальном смысле) едва ли рассматриваются как преступные деяния, а азартные игры и разврат - естественные последствия утомительного однообразия, от которого все стремятся спастись, предаваясь грубым и порочным волнениям".

При системе крепостного права, которая сейчас подходит к концу, было почти невозможно, чтобы в низших классах существовала такая вещь, как общественная мораль. Русские, как дворяне, так и крепостные, по пословице, лживы и бесчестны. Проституция в таких случаях - лишнее понятие: женщина не имела ни права, ни возможности быть добродетельной.

Нравственность Петербурга, несомненно, самая низкая, и все же мы не встретили там ни одного рассказа о местной проституции. Это город мужчин, в котором мужчин на сто тысяч больше, чем женщин. 280 Келли говорит, что женщины составляют лишь две седьмых ^(2/7) всего населения, и называет это "тревожным фактом". Климат неблагоприятен для женской красоты, и обычно признается, что мужчины красивее женщин. Немецкие девушки пользуются в Петербурге почти исключительной репутацией красавиц. Из-за диспропорции полов говорят, что дамы не могут выходить на улицу без сопровождения. Таков этикет среди высших классов всей континентальной Европы, и простой факт, без причины, не вызывает удивления.

Внимание к мелочам, отличающее деспотизм и составляющее столь замечательную черту русского государственного ремесла, не позволяет нам предполагать, что статистических документов на тему проституции не существует; напротив, совершенно точно известно, что таковые имеются. Секретность, которая тщательно соблюдается во всех государственных делах, и бдительное наблюдение полиции за чужаками не позволяют им получить какие-либо сведения, кроме самых явных и известных. Замечания путешественников о русском обществе очень расплывчаты и общи, и не подкреплены ни одной из тех деталей, которые могли бы подтвердить их достоверность.

Мы уже упоминали о древнем восточном уединении женщин у русских. Оно было настолько строгим, что жених никогда не видел или, по крайней мере, предполагалось, что он никогда не видел лица своей невесты до брака. В 1493 году Иван Великий сказал немецкому посольству, требовавшему его дочь в жены маркграфу Баденскому, что русские никогда не

показывали своих дочерей никому до того, как был решен вопрос о браке. Петр I отменил эту лотерею и предписал, чтобы стороны могли видеть друг друга, но все же счел необходимым издать строгий указ против родителей, принуждающих детей к браку против их желания.

Компромисс древнего обычая, к которому привел этот закон, заключается в том, что старшие в семье обычно заключают предварительный договор с младшими: затем следует променад невесты, на котором молодые люди, будучи незнакомы друг с другом, случайно встречаются на одной и той же прогулке. Проведя таким образом собеседование, отец молодого человека, если все предварительные приготовления прошли благополучно, посылает к отцу невесты, и происходит общее семейное собрание, на котором завершаются приготовления, определяется приданое, а затем следует помолвка. Избранники опускаются на колени на меховой коврик и обмениваются кольцами. Начинается подготовка к свадьбе, и в это время влюбленные имеют возможность часто встречаться и узнавать друг друга получше; это общий период посещений и вечеринок. В день свадьбы подружки невесты расплетают волосы дамы, и она выходит к мужу с распущенными локонами. Это пережиток древнерусского обычая, когда самым большим оскорблением, которое можно было совершить над женщиной, было распустить ей волосы. Считается, что среди низших сословий жена обязана снимать с мужа сапоги в день свадьбы, а также что русский крестьянин бьет свою жену в начале ее супружеской жизни, чтобы показать свое превосходство. Относительно существенного соблюдения последней практики современные путешественники расходятся во мнениях, хотя, похоже, символически она сохраняется до сих пор[281].

В летнем саду Петербурга в день Уитсандай проходит любопытная выставка под названием "Ярмарка невест". В этот день все замужние дочери российских купцов выходят на променад. Молодые люди в своих лучших нарядах выходят на них посмотреть. Будущие невесты не ограничиваются своими прелестями, а дополняют их более существенными, украшая себя безделушками, драгоценностями, а то и серебряными чайными ложечками, тарелками и другими ценностями, полезными в хозяйстве. Все это осуждалось как свидетельство распространенной среди русских бестактности, своего рода рынок невест. Разве это более предосудительно, чем многие обычаи на родине? Однако в настоящее время этот обычай сходит на нет.

Супружеские отношения русской знати были крайне свободными и неоправданными в те времена, когда порок был в моде, а добродетель в придворном обществе считалась осуждением высших сил. Тогда и вплоть до царствования императора Николая брак был просто делом удобства - муж жил в Москве или Петербурге, жена в Париже или Италии; такие разлуки часто длились годами[282].

Больница для подкидышей в Санкт-Петербурге, *Воспитательный дом*, является самым великолепным учреждением подобного рода в Европе, и власти рады предоставить информацию о ее особенностях. Благодаря щедрости сменявших друг друга государей, сделавших его своего рода государственным капризом, средства на содержание больницы огромны. Ежегодные расходы превышают пять миллионов двести тысяч рублей.[283] Число детей в этом заведении соизмеримо с его богатством. До двадцати пяти тысяч постоянно состоят на учете.

Для приема младенцев приют открыт днем и ночью. В среднем в день привозят около двадцати детей. Единственный вопрос, который задается, - крещен ли ребенок и под каким именем. Если он не крещен, обряд совершает священник греческой церкви. При отъезде мать получает билет, дубликат которого надевается на шею ребенка. Смертность, которая

происходит среди этих беспомощных жертв греха и несчастья, огромна. Некоторые умирают в ложе, когда их только что приняли; еще большее количество погибает во время утомительных церемоний крещения, которые длятся несколько часов. Общее число смертей среди детей, находящихся в приюте и отданных на воспитание, составляет, вероятно, три тысячи в год, или примерно каждый четвертый из всего количества детей, отданных на воспитание в приют[284].

Дети отдаются на попечение мокрых нянь примерно на шесть недель, после чего их отправляют в деревню до шести лет. Затем их возвращают в учреждение и дают им высшее образование; девочек готовят к роли гувернанток в русских семьях, а мальчиков - к роли ремесленников на императорских мануфактурах. В случае особых способностей они получают научное или музыкальное образование.

В прессе широко освещается инцидент, который, как говорят, произошел в этом учебном заведении. Рассказывают, что одна из воспитанниц родила младенца, а провинившаяся не была обнаружена, император Николай, узнав о случившемся, нанес инспекционный визит. Вызвав к себе учениц, он потребовал назвать виновную, добавив, что если она явится, то будет помилована. Никто не послушался, и он собрался уходить, угрожая опозорить все общество, когда одна девочка, чтобы спасти своих товарищей, вышла вперед, бросилась ему в ноги и призналась в своей вине. Николай отпихнул ее с дороги, воскликнув, что уже слишком поздно[285].

Лечебница является одним из придатков этого заведения. Беременные женщины могут попасть туда за четыре недели до родов, и при этом соблюдается строжайшая тайна относительно их имени и характера. Даже всемогущий царь уважает привилегии этого места.

Учреждение в Москве имеет такие же гигантские масштабы и управляется по той же схеме.

Императрица является матерью подкидышей, которые, надо заметить, в большинстве своем являются детьми тех, кто не может или не хочет содержать своих отпрысков. В назначенные дни родителям детей разрешается свободный доступ; при особых обстоятельствах императрица разрешает забрать ребенка из учреждения, если родители докажут, что у них есть средства и желание содержать его должным образом.

Коль, который дает нам конкретные и даже подробные отчеты об управлении и устройстве государственных больниц, ни словом не упоминает о сифилитических отделениях. Высокая эффективность системы, в которой содержатся военные лазареты, могла бы внушить надежду на более подробную информацию по этому вопросу.

ГЛАВА XXII.

ШВЕЦИЯ И НОРВЕГИЯ.

Сравнительная мораль.- Беззаконие.- Распутство в Стокгольме.- Детоубийство.- Больницы для подкидышей.- Стора Барнхордст.- Законы против проституции.- Толерантность.- Государственные публичные дома.- Сифилис.- Браки в Норвегии.

Древний Скандинавский полуостров, земля скальдов и рунов, с его викингами и бейскерами, донес до нас много легенд о войнах и завоеваниях, но мало - о нравах и моральных отношениях в обществе. Высокое уважение, с которым древние германцы относились к своим женщинам, а также сходство законов и обычаев норманнов и тевтонов оправдывают нашу уверенность в том, что голубоглазые девы скандинавских героев были столь же уважаемы за добродетель, сколь и любимы за красоту. Вечные девы в Вальхалле западной мифологии не были связаны с грубыми удовольствиями, которыми нечистая фантазия Корана наделила чашников магометанского рая; а норманны, через своих потомков, норманнов, ввели среди прочих удобств рыцарства такое важное обязательство истинного рыцарства, как "*devoir aux dames*", возможно, не в последнюю очередь очеловечивающее этот институт.

Переходя от одной длинной полосы к другой, мы обнаруживаем в объединенном королевстве Швеции и Норвегии две территории, столь же различные по своему социальному положению, как и по географическому делению. Норвегия всегда отличалась простым и выносливым населением, состоящим из рыбаков и мелких фермеров, элементов, в высшей степени благоприятных для добродетели и независимости, а их бедность и изолированность от континентальных интересов Европы избавили их от политики и войн. Швеция, с другой стороны, хотя и не намного богаче как нация, имела наследственное дворянство, а честолюбие и способности некоторых ее монархов, особенно великого Густава, заставили ее сыграть в истории роль, совершенно несоразмерную ее территориальному значению. Однако, если историческое значение Швеции несколько выше, чем у менее претенциозного братского королевства, статистика не дает первой такой же оценки с точки зрения морали, какую она дает второй.

Среднее число незаконнорожденных, хотя и не является непогрешимым, обычно принимается как справедливый тест на безнравственность народа. По этому показателю Швеция занимает более низкое место, чем почти любая страна Европы. Но если характер населения в целом безразличен, то Стокгольм "превзошел Ирода".

В Стокгольме в 1838 году на 1577 законных рождений приходилось 1137 незаконнорожденных; в 1839 году на 1492 законных рождения приходилось 1074 незаконнорожденных.

Среднее соотношение незаконнорожденных и остальных рождений в столице и по всей стране было следующим:[286]

	1835.		1838.		1839.	
В Стокгольме	1 в	2-44	1 в	2-47	1 в	2-38
В других городах	1 в	6-18	1 из	6-18	1 в	6-40
В стране	1 из	20-41	1 из	20-01	1 из	20-01
По всему королевству	1 в	15-20	1 в	14-69	1 в	14-94

Что касается среднего показателя по всему королевству, то пропорция примерно такая же, как в Англии и Франции. Каково же состояние городов и, в частности, столицы?[287] Цифры таковы, что оправдывают обвинение Стокгольма в том, что он является самой безнравственной столицей в Европе, а также предположение, что сокращение населения, от

которого он только недавно оправился, является прямым следствием порока, который его пятнает.

При таком большом количестве незаконнорожденных неудивительно, что детоубийство стало обычным явлением. Наказанием за это преступление является смерть, хотя из-за растущего отвращения к смертной казни она обычно смягчается.

По всему шведскому королевству расположены многочисленные больницы для подкидышей, в частности, одна из них, *Стора Барнхорст* в Стокгольме, основанная Густавом Адольфом, первоначально предназначалась для детей военных с подорванным здоровьем и состоянием. Она была извращена из простоты своего первоначального основания и теперь принимает детей всех желающих, которые платят вступительный взнос в размере около тридцати пяти долларов. При поступлении младенца в приют не задают никаких вопросов, и, за исключением платы, он ничем не отличается от обычных больниц для подкидышей. Однако именно эта плата, как считают некоторые авторы, имеет значение, поскольку в какой-то мере оправдывает тех родителей, которые, имея достаточные средства, решают освободить себя от заботы и расходов о своем отпрыске, и используют эту плату как бальзам на совесть, считая, что они в какой-то степени выполнили свой долг. Стора Барнхорст богата, ее доход составляет более ста пятидесяти тысяч долларов в год.

В 1836 году проституция была запрещена на всей территории Швеции, а женщины, не имеющие законного занятия, подлежали тюремному заключению как нарушительницы общественного порядка. Проститутка, разумеется, попадала в эту категорию. В то время утверждалось, что проституции в стране не существует, но юрист Ангелот выступил с опровержением, заявив, что каждый увеселительный дом - это бордель, а каждая служанка - распутная женщина.

Эта запретительная система не сработала так хорошо, как предполагалось, и в 1837 году были предприняты изменения. Корпорация взяла в аренду большую гостиницу, и, по примеру различных городов Средневековья, ею стали управлять государственные служащие. Так был создан правительственный бордель. Но и этот разврат с помощью власти не принес желаемого результата. Бордель был заполнен женщинами, но клиентов не появлялось. Некоторое время существовали частные бордели, которые открывались по обычным лицензиям. Теперь они исчезли, а поскольку неэффективное полицейское управление никогда не преуспевало в подавлении незаконной проституции, даже когда существовали терпимые бордели, никто не удивится, узнав, что Стокгольм теперь представляет собой один огромный, кипящий очаг частного блуда.

По всей Швеции существуют больницы Lock, созданные на государственные средства и содержащиеся за счет прямых налогов, взимаемых по муниципальным тарифам. Стокгольмская больница для лечения сифилиса в 1832 году приняла семьсот одного пациента, из которых сто сорок восемь были из деревни, а остальные - из города. В столице в том году проживало 33 581 человек обоего пола старше пятнадцати лет, следовательно, *каждый шестьдесят один человек был болен сифилисом*.

Поверхностный аспект общества в Швеции, конечно, не такой, как здесь описано. Представители высших классов культурны, вежливы и соблюдают все обычные тонкости современного общества, а для более низких классов, за исключением того, что половые связи среди них свободны и необузданны, нет оснований приписывать какие-либо необычные отступления от скромности и приличий. Законы также не отличаются особой строгостью: несмотря на трудности, возникающие при вступлении в брак, они в принципе совпадают с теми, что приняты в современном статутном праве Англии. Тем не

менее, в том, что безнравственность здесь налицо, сомневаться не приходится. Официальная статистика страны доказывает это, если бы можно было усомниться в утверждениях многочисленных путешественников, пользующихся высочайшей репутацией за правильность и надежность, которые отмечали это. Последняя публикация по этому вопросу принадлежит Байярду Тейлору, который, написав из Стокгольма от 1 мая 1857 года, заявляет,

"Я не должен заканчивать это письмо, не сказав ни слова о его (Стокгольма) нравах. Его называют самым развратным городом в Европе, и я не сомневаюсь, что это совершенно справедливо. Вена может превзойти его по количеству супружеской неверности, но уж точно не по общему недержанию. Почти половина зарегистрированных рождений - незаконнорожденные, не говоря уже о незаконнорожденных детях, рожденных в браке. Среди городских служанок, продавщиц и швей можно с уверенностью сказать, что едва ли одна из ста целомудренна, в то время как, как мне прохладно сообщали бесцеремонные молодые шведы, значительная часть девушек из уважаемых семей не лучше. Мужчины, конечно, гораздо хуже женщин, и даже в Париже можно увидеть меньше физических признаков чрезмерного распутства. Здесь же количество сломленных молодых людей и мрачных, охрипших грешников просто поражает. Я никогда не был ни в одном месте, где разврат был бы столь открытым и неприкрытым, и в то же время где был бы так распространен сленг притворной морали. В Стокгольме нет ни одного дома проституции, и город был бы в ужасе от одной мысли о том, чтобы допустить подобное. Несколько лет назад было открыто два, но не успели об этом узнать, как поднялась добродетельная толпа и силой снесла их. В ресторанах молодые девушки заказывают ужины у официантов, обнимая их за талию, а пожилые мужчины не стесняясь кладут руки на грудь. Во всех банях Стокгольма работают женщины (как правило, средних лет и, надо признаться, отвратительные), которые с величайшей невозмутимостью выполняют обычную процедуру мытья скрабом и шампунем. Не приходится удивляться, когда рассказывают о молодых людях, которые благополучно прошли через испытания Берлина и Парижа и наконец приехали в Стокгольм, чтобы разориться. * Что лучше: Стокгольм, где проституция запрещена, Нью-Йорк, где она молчаливо разрешена, или Гамбург, где она легализована?"

Мы уже говорили о разнице между Швецией и Норвегией в их моральных отношениях. Сначала это не бросается в глаза, поскольку незаконнорожденность встречается так же часто в одной стране, как и в другой; но есть сопутствующие обстоятельства, которые существенно меняют вывод, который можно сделать из необъяснимого факта. Можно отметить, что уличные гулянки и открытая проституция встречаются редко. Незаконнорожденность имеет значительные масштабы, составляя в среднем один к пяти, а в некоторых районах - один к трем от общего числа рождений.

В соответствии с практикой лютеранской церкви, людей обручают за долгое время до фактического брака. В целом это считается не более чем полезной мерой против поспешных союзов. В Норвегии, однако, этот испытательный срок продлевается до предела, не подвластного плоти и крови. Свадьба - это грандиозное веселье, и совершенно необходимо, чтобы средства для экстравагантного гостеприимства были накоплены до того, как стороны осмелятся приступить к публичной церемонии. Изобилие настолько велико, что иногда сметает весь годовой заработок. Обязанность нести такие расходы увеличивает отсрочку, требуемую церковью, и часто случается, что новобрачные сожительствуют до произнесения брачного благословения. Поскольку обручение - это полубрак, соглашение теряет часть своего оскорбительного характера в глазах самих сторон, а также их соседей. Дети узакониваются последующим браком, который имеет место в большинстве случаев. В тех

редких случаях, когда церемония бракосочетания не была завершена должным образом, существует особый юридический акт, с помощью которого можно признать ребенка. Несостоявшийся брак при таких обстоятельствах или неисполнение естественного долга перед потомством противоречит настроениям народа. Хотя эти факты не меняют фактической ситуации с наложничеством или незаконнорожденностью, легко понять, что существует значительная разница между таким поведением, как бы оно ни было предосудительно, и теми привычками, которые можно справедливо охарактеризовать как разврат или распутство.

Норвегия очень далека от того, чтобы быть свободной от сифилиса. Байярд Тейлор говорит: "Берген, как мне сообщили, ужасно страдает от венерических заболеваний. Конечно, я не помню места, где было бы так мало мужчин, высоких, сильных и хорошо сложенных, как правило, люди, без видимых признаков болезни или уродства". Один из городских врачей недавно попытался вылечить сифилис на вторичной стадии с помощью прививки, предварительно опробовав эксперимент на себе, и теперь здесь есть больница, где эта форма лечения практикуется на двух-трех сотнях пациентов, причем с величайшим успехом, как сообщил мне другой врач. Я намеревался посетить ее, но вид нескольких больных, стоящих у дверей, так меня утомил, что я не отважился взяться за это дело". У нас нет возможности выяснить, существует ли эта болезнь с той же силой во внутренних районах, что и на побережье. Привычки людей не позволяют предположить, что это так.

ГЛАВА XXIII.

ВЕЛИКАЯ БРИТАНИЯ - ИСТОРИЯ ДО ЭПОХИ СОДРУЖЕСТВА.

Нравы и законы аборигенов.- Англосаксонское законодательство.- Введение христианства.- Святой Августин.- Проституция в девятом веке.- Судебный пример.- Нормандская эпоха.- Феодальные законы и их влияние.- Гражданские и церковные суды.- Общая испорченность.- Влияние рыцарства.- Прекрасная Розамонда.- Джейн Шор.- Генрих VIII.- Елизавета.- Яков I.

Первые упоминания о проституции, которые мы находим в трудах ранних британских летописцев, настолько расплывчаты, что из них трудно составить какое-либо определенное представление о ее масштабах и характере. Среди грубых попыток законодательного регулирования есть законы о соблюдении целомудрия среди женщин, но была ли необходимость в этих законах вызвана общей разнузданностью или существованием постоянного класса проституток, неизвестно.

В период римского вторжения нравы бриттов были настолько низкими, насколько это можно было ожидать от их кочевого образа жизни. Население было разделено на небольшие общины мужчин и женщин, которые, судя по всему, жили беспорядочно, ни одна женщина не была привязана к определенному мужчине, но все сожительствовали по склонности, плотский инстинкт был тем чувством, которое регулировало сексуальные отношения. Был учрежден своего рода брак, но без мысли о том, что кто-то из его участников должен быть ограничен его обязательствами. Его единственной целью было обеспечить средства для воспитания детей и возложить на кого-то ответственность за их воспитание и поддержку.

Общество, созданное таким образом, можно, конечно, считать едва ли на шаг удаленным от варварства. Положение об обеспечении детей было необходимо для предотвращения депопуляции; его тенденция заключалась в том, чтобы устранить с пути женщины все препятствия для похоти; над мужчиной оно осуществляло лишь очень слабый контроль.

Еще одним доказательством деморализованного состояния народа служат грубые церемонии, сопровождающие эти браки. Мужчина появлялся в день свадьбы одетым во все грубые атрибуты того времени; женщина была полностью обнажена. Отталкивающая грубость отличала их разнузданность, а грубость манер нигде не была так заметна, как в отношениях между полами.

Можно предположить, что англосаксы импортировали в Англию законы и обычаи, преобладавшие в их собственной стране. Правила, установленные ими против прелюбодеяния, были ужасающе суровы. Если пара была уличена в совершении этого преступления, женщину заставляли покончить с собой, чтобы избежать больших мучений, ожидавших ее в случае отказа. Ее тело клали на кучу хвороста и сжигали. Не избежал наказания и ее партнер по преступлению: его обычно предавали смерти на том месте, где лежал ее прах. Казалось бы, эти наказания достаточно суровы, но в некоторых случаях применялись и более жестокие. Если случай был особенно тяжелым, прелюбодейку выслеживали несколько разъяренных демирепов ее собственного пола, каждый из которых был вооружен дубиной, ножом или другим грозным оружием, и закалывали или забивали до смерти. Если один из преследователей уставал от этой забавы, на его место приходил другой, и так до тех пор, пока жертва не умирала под ударами.

Эти чрезвычайно жесткие представления англосаксов, похоже, не были последовательными, поскольку в то время как прелюбодеяние наказывалось описанным суровым образом, кровосмешение не только разрешалось, но и широко практиковалось, и даже существовал обычай жениться в ближайших степенях кровного родства.

Однако они недолго прожили в Англии, прежде чем более дикие черты их характера смягчились, и женщины вскоре нашли более подходящее для своего пола развлечение, чем преследование своих провинившихся сестер в качестве добычи. Церемонии бракосочетания также приобрели более утонченный и пристойный характер, хотя жена по-прежнему регулярно покупалась мужем, а договор все еще считался просто сделкой и продажей. По законам Этельберта замужние женщины становились предметом бартера, и подобные постановления встречаются уже после его правления.

Поскольку англосаксы были выносливой, энергичной расой и существовали в основном за счет охоты, рыбной ловли и грубой и несовершенной системы земледелия, маловероятно, что проституция существовала среди них в какой-либо значительной степени. Усталость от погони и полевых работ истощала энергию тела и уменьшала желание и способность к сексуальным утехам, а живя небольшими обособленными общинами, они не знали ничего о стимулирующих стимулах городской жизни.

О том, что проститутки существовали и жили на доходы от своей профессии, свидетельствует тот факт, что женщины (которые по закону имели право владеть и распоряжаться имуществом) завещали свои богатства дочерям, при этом иногда оговаривая, что те должны вести целомудренную жизнь, если останутся незамужними, и не зарабатывать проституцией.

В правление Канута был принят закон, по которому любая уличенная в прелюбодеянии должна была быть наказана лишением носа и ушей. [288\]](#) Со временем это преступление стало наказываться штрафом, выплачиваемым мужу женщины. Эта мера наказания вскоре

перестала применяться, так как выяснилось, что некоторые мужья и жены пользуются ею для вымогательства штрафов у тех, у кого денег было больше, чем благоразумия. Согласно последующему закону, мужчина, совершивший прелюбодеяние, становился собственностью короля, который мог отправить его на войну или нанять на каторжные работы по своему усмотрению. По закону времен Эдгара прелюбодеи любого пола должны были жить на хлебе и воде три дня в неделю в течение семи лет. Это было лечение зла по физиологическим принципам.

Мы не можем сделать вывод о каком-то очень строгом состоянии нравов как результате этого сурового законодательства. Когда наказание доводится до крайности, совершенно несоразмерной преступлению, оно с такой же вероятностью не достигает своей цели, как и ошибочная мягкость. Подлог и поджог в Англии чаще карались смертью, чем в настоящее время; и хотя у нас нет статистики того времени, из которой можно было бы сделать какие-либо положительные выводы, мы можем с полным основанием предположить, что ни смертная казнь, ни другие варварские наказания, заменявшие ее, не оказали какого-либо сильного влияния на снижение уровня преступности среди наших выносливых предков. Возможно, она научила их большей осторожности и скрытности в осуществлении своих злых целей, но не сделала их менее жаждущими извлечь выгоду из возможностей, открывавшихся на их пути.

Уже было показано, что основатели христианства относились к незаконной сексуальной жизни как к греху и прибегали к крайним мерам для ее подавления, но все же в какой-то степени терпимо относились к проституции. Вскоре после того, как он обосновался в Британии, Августин обратился к папе с несколькими любопытными вопросами, касающимися того, как следует обеспечивать целомудрие среди новообращенных в новую веру. Характер этих вопросов и ответов не позволяет приводить их здесь [\[289\]](#).

То, что Августин нуждался в наставлениях по поводу таких нечистоплотных деталей, доказывает, что он был верующим в иудейские предписания физических омовений и очищения личности, необходимых для удаления моральной нечистоты, и что он заходил в своих исследованиях нравов своей паствы гораздо дальше, чем это было возможно в соответствии со скромностью и здравым смыслом. Как бы ни улучшали его религиозные учения нравы людей, упомянутые предписания не оказали бы на них ни спасительного, ни действительного влияния.

Жизнь первых королей и правителей Британии служит иллюстрацией нравов нации во время их правления, не только демонстрируя отдельные примеры, когда состояние масс скрыто от глаз, но и давая нам представление об этом состоянии, если учесть, что нравы двора во все века и во всех странах оказывали важное влияние на нравы народа.

Августин обратил Этельберта, но его сын Эндбалд отрекся от христианской церкви, потому что она не дала согласия на то, чтобы его теща стала его женой. Правда, впоследствии он развелся с ней и вернулся к христианству, но на это его подвигла скорее пресыщенность, чем побуждения возрождающейся веры. Многие из других королей Гептархии отличались такой же упрямой пылкостью, как и Эндбалд. В 784 году Канульф Уэссекский завел интригу с одной из своих подданных, и часто покидал свой двор, чтобы насладиться ее обществом в деревне. Во время одной из таких тайных вылазок он был застигнут врасплох и окружен ночью последователями Кинчарда, претендента на трон, и убит в объятиях своей любовницы.

В IX веке проституция, по-видимому, была распространенным пороком по всей стране, и на нее часто ссылаются в дискуссиях того периода. В качестве аргументов в пользу десятины во

времена Ательстана некоторые канонисты утверждали, что духовенство имеет право требовать десятую часть от прибыли, получаемой проститутками в ходе исполнения своего призвания. Нелишне будет добавить, что церковь не стала упорствовать в исполнении этого необычного требования[290].

Эдви, взошедший на престол в раннем семнадцатилетнем возрасте, вступил в полемику с монахами по впервые возникшему тогда вопросу о безбрачии духовенства. Прославленный Дунстан поддерживал новую доктрину, но Эдви выступал против нее. Молодой и неопытный принц не мог сравниться со своим проницательным антагонистом, как он вскоре обнаружил. В день коронации, которая состоялась вскоре после его свадьбы с кузиной Эльгивой, которую он любил и решил жениться на ней, хотя она находилась в пределах степеней родства, запрещенных церковью, его вельможи предавались удовольствиям пира, когда обнаружилось, что Эдви украли. Дунстан и Одо, архиепископ Кентерберийский, догадавшись о причине его отсутствия, отправились в личные апартаменты королевы и застали его в ее обществе. Они оторвали его от нее и потащили обратно на вечеринку. Лицо Эльгивы прижгли раскаленным железом, чтобы уничтожить ее красоту, и увезли в Ирландию. Вскоре ее раны зажили, и все следы повреждений были удалены, она вернулась в свою страну, но была встречена отрядом, посланным архиепископом, чтобы перехватить ее, и предана смерти. Так, якобы для сохранения нравственности короля, эти высокопоставленные церковники совершили преступления куда более тяжкие, чем брак даже между людьми, более близкими родственниками, чем Эдви и Эльгива.

Эдгар, сменивший Эдви, отличался еще более страстным и развратным нравом. Он ворвался в монастырь и увлек за собой одну из монахинь по имени Эдита, отличавшуюся красотой. В пылу страсти он надругался над ее личностью, и за двойное преступление - похищение и изнасилование - церковь, в соответствии со своеобразной моралью того времени, наказала его, заставив сложить с себя корону на семь лет. По странному стечению обстоятельств ему было позволено сохранить за собой Эдиту, которая жила с ним в качестве наложницы.

Другую свою любовницу он заполучил менее жестоким способом. Проезжая через Андовер, он случайно встретил дочь соседнего дворянина, которая очаровала его своей удивительной красотой. Повинуясь лишь порыву страсти, он немедленно отправился к матери девицы и, сообщив ей о неистовой любви, которую она ему внушила, потребовал, чтобы в эту ночь она поделила с ним постель. Мать, опасаясь вызвать гнев короля отказом, прибегла к хитрости, с помощью которой надеялась избежать его гнева и в то же время сохранить целомудрие дочери. Она приказала красивой служанке ввести себя в покои молодой леди, и король был принят после наступления темноты. Когда Эдгар узнал, что его разыграли, он не проявил негодования, и случайная партнерша по постели стала впоследствии его любимой любовницей.

Это были не единственные его увлечения. Эльфрида, дочь графа Девоншира, отличалась необыкновенной красотой, и слава о ее прелестях дошла до двора, хотя она жила в деревне в строгом уединении и никогда не отходила ни на милю от дома. Эдгар, наслышанный о ее красоте и сомневавшийся, оправдывает ли ее внешность экстравагантные похвалы, послал одного из своих доверенных фаворитов, графа Ателволда, в резиденцию ее отца, чтобы тот доложил ему об этом. Сам Ателволд, как и многие другие подобные посланники, влюбился в молодую леди и сообщил королю, что молва сильно преувеличила ее достоинства и что она совершенно некрасива. Этого оказалось достаточно, чтобы унять любопытство короля, и вскоре Ательвольд добился руки молодой леди. Он объяснил Эдгару, что именно ее состояние побудило его не обращать внимания на ее неказистые черты. Король попросил

его представить ее ко двору, но Ательвольд упорно отказывался, и король догадался об истинном положении дел. Он сообщил графу, что намерен посетить замок, где она живет, и муж, опасаясь последствий, умолял жену как можно дольше скрывать свою красоту. Эльфрида, как женщина, поступила как раз наоборот и подчеркнула свои прелести самым богатым и изысканным туалетом из своего гардероба. Эдгар был так разгневан обманом, который ему устроили, что предал несчастного графа смерти и женился на вдове.

Вливание датской крови, похоже, не оказало улучшающего влияния на англосаксонские нравы. Судя по следующим фактам, можно сделать вывод об обратном.

Этельред держал на жалованье несколько датских отрядов, которые были расквартированы в разных частях страны. Королю пожаловались, что датчане достигли такого уровня утонченности и роскоши, что ежедневно расчесывают волосы и совершают другие не менее предосудительные действия по украшению себя. Хуже того, утверждалось, что женщины с благосклонностью смотрели на эти обычаи датчан, а последние развращали жен и дочерей англичан и позорили нацию.^[291] Очевидно, что женщины, которых можно было так легко увести в сторону, были добродетельны только из-за отсутствия возможности.

Законодательство этого периода показывает, что проституция не только допускалась, но и косвенно поощрялась.

Если мужчина соблазнял чужую жену, то, согласно раннему саксонскому закону, он должен был заплатить штраф мужу и найти для него другую женщину, которой он должен был заплатить за то, что она допустит его в свою постель.^[292] Это не только прямо поощряло проституцию, поскольку предусматривало разврат женщины каждый раз, когда другая решала соблазнить ее, но и показывало, что женщины имели привычку сожительствовать с мужчинами по найму. Штрафы за прелюбодеяние зависели от ранга женщины. Если она оказывалась женой дворянина, ее целомудрие оценивалось в умеренную сумму - шесть фунтов стерлингов (около тридцати долларов); в то время как жена холопа приносила своему мужу в качестве мази для его оскорбленной чести около полутора долларов. Эти законы не могли не оказать деморализующего и пагубного влияния на нравы народа. Они низвели оценку женского целомудрия до уровня дешевого ходового товара, потерю которого можно возместить небольшой денежной компенсацией.

По законам Этельберта мужчине разрешалось покупать жену при условии, что покупка совершалась открыто, и таких сделок зафиксировано множество: иногда цена выплачивалась деньгами, а иногда телятами и другими видами имущества. Однако вскоре эта практика была изменена, и стало необходимо получать согласие невесты. Муж был обязан содержать и защищать ее, а также относиться к ней с уважением. Пару, желающую вступить в брак, официально обручали в присутствии священника, и эта практика, имевшая что-то вроде церковного обязательства без какой-либо юридической силы, часто приводила к тем же дурным последствиям, что и в Норвегии в наши дни. Этот обычай обручения преобладал вплоть до эпохи Елизаветы.

Норманны привнесли в Англию если не более высокие стандарты морали, то, по крайней мере, большую утонченность в пороках. Их законы были сформированы под влиянием духа феодальной системы, которую они привезли с собой. Под их властью общество делилось на два класса - феодалов и их вассалов. Сеньор мог распоряжаться личностью и имуществом вассала, правда, с некоторыми ограничениями, но все же оставляя в своих руках столько власти, что последний становился фактически рабом.

Так, по законам того времени, вассал, соблазнивший или развративший жену или близкую родственницу своего господина или даже вступивший с ними в неподобающие отношения, мог быть наказан лишением земли. После смерти барона поместье переходило к королю, который немедленно вступал во владение им и хранил его до тех пор, пока наследник не обращался к нему за данью и не платил пошину, которую мог потребовать король. Если наследник оказывался несовершеннолетним, король сохранял право владения имением до его совершеннолетия; если же наследство переходило к женщине, король мог дать ей любого мужа, которого считал нужным. Он часто использовал эту привилегию в своих интересах, продавая право на руку и состояние наследницы. Джеффри де МанDEVиль заплатил Генриху III сумму, равную примерно двадцати тысячам долларов, за разрешение вступить в брак с Изабел, графиней Глостерской, с правом на все ее земли и доходы. Даже наследник мужского пола не мог сам выбрать себе невесту, кроме как купив разрешение у короля, в противном случае он должен был принять выбор его величества.

У нас нет возможности оценить масштабы разврата, вызванного этими произвольными правилами, но нужно лишь немного знать человеческую природу, чтобы прийти к выводу, что они должны были быть плодотворным источником порока. Муж выбирался королем из чисто корыстных или заинтересованных побуждений, и, разумеется, не обращалось никакого внимания на разницу в возрасте или другие обстоятельства, от которых зависит чистота брачного ложа. Когда склонности навязываются таким образом, женщины, как и мужчины, склонны мстить своим партнерам, стремясь к незаконным удовольствиям. Браки по расчету, заключаемые, как это происходит и в наши дни, из гнусных побуждений родителей или опекунов, почти неизменно приводят к неверности, и многие старые мужланы, навязывающие себя несовершеннолетней девушке, служат лишь ширмой для ее тайных похощений.

Во времена правления Генриха III между гражданским и церковным судами возникли серьезные разногласия по поводу бастардизма. По общему праву незаконнорожденными считались все дети, рожденные до брака. По каноническому праву они считались законными, если родители вступили в брак после их рождения.

Когда возникал спор о наследстве, по обычаю, гражданский суд обращался в духовные суды с предписанием провести расследование о законности претендентов; и поскольку епископы всегда давали ответы в соответствии с каноническим правом, все лица, чьи родители вступили в брак в любой период, считались законными. Если учесть, как сильно большинство родителей заботятся о чести своих отпрысков, то становится очевидной тенденция таких решений увеличению проституции. Можно считать несправедливым налагать на ребенка лишения за грехи родителя, но такие наказания, несомненно, сдерживают наложничество.

Мы уже говорили, что король претендовал на распоряжение руками и состоянием наследниц: бароны требовали еще большей привилегии от своих арендаторов. В некоторых местностях феодал настаивал на том, чтобы наслаждаться личностью одной из дочерей каждого арендатора, который оказался благословлен их множеством. Через определенное время он возвращал ее родителям.

За каждой крайностью следует реакция в противоположном направлении. Униженное положение женщины, о котором свидетельствуют вышеприведенные факты, привело к появлению института рыцарства, который возвысил ее из положения рабыни и простого орудия чувственного удовлетворения почти до положения божества, присвоив ей ранг настолько выше ее настоящей сферы, насколько она была ниже ее прежней.

До появления этой системы женщины не могли появляться ни на одной публичной выставке или в увеселительных заведениях, если их не сопровождал отряд вооруженных охранников. Любая женщина, встреченная в одиночестве и без охраны, могла подвергнуться оскорблению.

Рыцарство если и не положило конец, то значительно изменило такое положение вещей. По его правилам каждый член ордена становился защитником женской добродетели и чести. В орден не принимали мужчин, чья доблесть не вызвала подозрений, а одно слово, произнесенное им в унижительной форме в адрес *прекрасного пола*, исключало его из его рядов. Однако ни одна женщина не считалась достойной рыцарской защиты, если она не сохранила свою честь, а ведь только за это качество рыцарство добровольно защищало себя. На общественных церемониях, если женщина легкого поведения осмеливалась первенствовать перед женщиной с почетной славой, ей немедленно указывал на неуместность ее поведения какой-нибудь член ордена и заставлял отойти в тыл.

Такое признание добродетели имело сильную тенденцию к поощрению женского целомудрия. Оно не могло положить конец добровольной проституции, но, по крайней мере, предотвращало необходимость для добродетельных женщин уступать свою честь силе. Кроме того, она была привлекательной для исправления поведения представительниц прекрасного пола, делая их объектами героических подвигов, воспетых в романтических песнях менестрелей и трубадуров. В свете современной цивилизации его соблюдение выглядит фантастически, однако он, несомненно, оказывал мощное корректирующее влияние на женский характер, столь деградировавший в его начале, и в то же время возвышал мужской пол, уча его уважать себя.

Во время войн того времени брать женщин в плен противоречило рыцарским правилам. Когда победоносные войска захватывали город и входили в него, первым делом объявляли, что ни одна женщина не должна подвергаться насилию. Такое поведение настолько расходилось с представлениями и привычками солдат, что чувства, поддерживающие рыцарство, должны были пустить глубокие корни в умах всех сословий, чтобы сдерживать страсти военных, усиленные распутными привычками и отсутствием возможности их удовлетворения во время службы в поле.

До такой крайности было доведено это чувство почтительной вежливости по отношению к полу, что норманны подверглись суровому порицанию за свое поведение при взятии замка Дю Гесклен, утверждая, что они нарушили покой дам. Но, поскольку любой человеческий институт имеет тенденцию вырождаться из своей первоначальной цели, жесткий пуризм, который обозначил основу рыцарства, вскоре начал ослабевать, и беспорядки вкрались и подточили основу системы, которая была слишком теоретически совершенной, чтобы иметь какую-либо продолжительную продолжительность.

Трудно определить точный характер отношений, существовавших между трубадурами и любовницами, которым они посвящали себя, и которые часто были замужними женщинами. Так, рыцарь Бертрам потерял расположение своей любовницы, жены Талейрана де Перигорда, из-за того, что с ней были связаны истории, уличающие его в верности и обвиняющие его в разделении рыцарских забот. Он заявляет о своей непричастности к этим обвинениям в столь же пылкой речи, как и влюбленный в предмет своего обожания, и призывает на себя ряд рыцарских бедствий, если его преданность ей не окажется вне подозрений.

Вряд ли можно поверить, что любовь таких пылких поклонников была безупречным платонизмом. С другой стороны, тот факт, что мужа редко или никогда не ревновали их, в

какой-то мере опровергает мысль о том, что они имели более серьезный характер. Повелители тех времен гордились признаниями в уважении к своим дамам и награждали трубадуров богатыми и ценными подарками. Лорды наших дней, умудренные опытом, стараются держать всех подобных завсегдатаев на расстоянии.

В то время как рыцарство направило свое копье в защиту Лукреций, а затем и Дульсиной того времени, религиозные взгляды на торговлю полами были особенно аскетичны.

Хотя в ордене женщине уделялось самое глубокое внимание, церковь стремилась поощрять вечное безбрачие, уединение женщин и разделение полов. Духовенству запрещалось вступать в брак, и, похоже, преобладала идея, что мужчинам и женщинам невозможно общаться, не находясь под влиянием развратных идей и не будучи готовыми воплотить их в жизнь, как только представится возможность. Попытка организовать общество на такой основе имела неизбежную тенденцию к деморализации. Ее очевидным результатом, вместо того чтобы способствовать целомудрию, было усиление тайной разнузданности и поощрение проституции.

Даже добровольные обеты рыцарей и трубадуров в конечном итоге соблюдались так же мало, как и церковные предписания. Распутство трубадуров стало открытым и неприкрытым, и добродетель их любовниц, естественно, не отставала от их примера. Рыцари, участвовавшие в крестовых походах, с большим рвением и небольшим состоянием, поддерживали своих помощников грабежами в пути, а женщины, сопровождавшие их, вели себя так, как обычно ведут себя в лагере. Ни один институт, который занимается только внешними соблюдениями, не может сдерживать безнравственность в обстоятельствах, благоприятствующих ее развитию, и поэтому рыцарство было вынуждено уступить перед более сильным влиянием. Было бы несправедливо отрицать, что оно служило своей цели в улучшении положения женщины и в придании лучшего тона обществу в целом.

Даже когда рыцарство пришло в упадок и перестало вдохновлять на рыцарские подвиги, мы видим, что женщины, вместо того чтобы вернуться в то унижительное положение, которое они занимали раньше, занялись интеллектуальной деятельностью, издавали книги, участвовали в общественных спорах, отличились в изучении языков и даже принимали ведущее участие в политических делах того времени.

Среди женщин, получивших историческую известность благодаря своему положению королевских любовниц в эпоху между нормандским завоеванием и правлением Генриха VIII, были Прекрасная Розамонда, наложница Генриха II, и Джейн Шор, любовница Эдуарда IV. Несчастья, равно как и великодушные качества этих прекрасных грешниц, создали вокруг них своеобразный ореол.

Розамонда, прозванная Прекрасной из-за своей изысканной красоты, была дочерью Уолтера, лорда Клиффорда, и получила образование в женском монастыре Годстоу. Согласно народному преданию, Генрих, прослышав о ее прелестях, нанес ей визит, но, обнаружив, что ее добродетель непреклонна, был вынужден воспользоваться своей властью государя, чтобы заставить ее уступить его желаниям. Он поместил ее в здание, возведенное посреди лабиринта в Вудстоке, попасть в которое можно было только с помощью нити. Генрих поместил ее сюда, чтобы защитить от ревности своей королевы Элеоноры. Она родила королю двух сыновей: Уильяма Длиннобородого, графа Солсбери, и Джеффри, епископа Линкольна. Во время отсутствия короля во Франции он поручил содержание Вудстока и заботу о прекрасной Розамонд некоему лорду Томасу, который пытался ее соблазнить. В отместку за то, что он отверг его уговоры, неверный надзиратель провел королеву Элеонору в ее убежище, и та, как говорят, подмешала в чашу яд, который ее

приспешники заставили выпить несчастную Розамонд. Также утверждается, что королева ударила бедную девушку по губам сжатой рукой.^[293] Некоторые утверждают, что Розамонда умерла естественной смертью в монастыре в Оксфорде, и приписывают происхождение истории об отравлении фигурке чаши, которая была изваяна на ее могиле. Более вероятно, что это чучело было помещено туда в память о реальном событии. Розамонда была похоронена в церкви Годстоу, напротив главного алтаря, где ее останки лежали нетронутыми до тех пор, пока Хью, епископ Линкольнский, в 1191 году не приказал убрать их со всеми признаками оскорбления. Люди считали ее святой, если не мученицей, и о ней ходили удивительные легенды.

Джейн Шор, знаменитая наложница Эдуарда IV, была женой Мэтью Шора, ювелира с Ломбард-стрит в Лондоне. Эдуард обладал хорошей фигурой и приятной внешностью, увлекался атлетическими видами спорта и упражнениями, которыми он наслаждался в компании горожан, среди которых он стал очень популярен. Его популярность распространялась на многих жен горожан, и не считалось естественным, что миссис Шор должна быть удалена с Ломбард-стрит, чтобы блистать при дворе в качестве королевской фаворитки. Историки описывают ее как чрезвычайно красивую, с необычайно веселым нравом и необычайной щедростью. Говорят, что король был очарован ее нравом и поведением не меньше, чем ее личностью. Она никогда не использовала свое влияние на него в ущерб кому-либо, а если и просила его, то только в пользу несчастных.

После смерти Эдуарда она привязалась к лорду Гастингсу, а когда Ричард III отстранил этого дворянина как помеху своим планам, она была арестована как соучастница по нелепому обвинению в колдовстве. Это обвинение, однако, закончилось публичным покаянием и потерей всего имущества, которым она владела. Несмотря на жестокость, проявленную к ней, можно с уверенностью сказать, что она была жива во времена правления Генриха VIII, когда сэр Томас Мор упоминает, что видел ее, бедную и сморщенную, без малейшего следа былой красоты. Мистер Роу в своей трагедии "Джейн Шор" принял популярную историю, рассказанную в старой балладе, о том, что она погибла от голода в канаве, где сейчас находится Шордич, но Стоу уверяет нас, что эта улица была названа так еще до Джейн Шор.

Пример ни одного из английских королей не оказал большего влияния на то, чтобы брачные узы оказались в неприглядном положении, чем пример Генриха VIII. Мистер Фронда в своей новой истории Англии попытался избавить характер этого монарха от части злословия, которым он покрыт, но нет никаких сомнений в том, что он был чудовищем без преувеличения. Любопытно отметить, что в юности и ранней молодости он не проявлял никаких признаков тех жестоких страстей, которые двигали им впоследствии. Он был мужем Катарины в течение семнадцати лет, прежде чем его поведение в семье вызвало упреки. В этот поздний период своей карьеры он воспылал неистовой страстью к Анне Болейн и, чтобы заставить ее разделить с ним ложе, попытался развестись с женой. С этого времени он, похоже, стал жертвой беспокойного сладострастия, которое искало удовлетворения в новых объектах потворства, и его страсть к женщинам, на которых он женился и которых обезглавил, была столь же недолговечной, сколь и бурной.

Есть основания полагать, что его брак с Анной Болейн был более чем прелюбодейным. Говорят, что мать Анны была более покладистой с Генрихом, чем это допускал ее долг перед мужем или законы морали, и мы имеем авторитет епископа Фишера для заключения, что Анна была результатом этой незаконной связи, и что, когда король выразил намерение жениться на ней, леди Болейн увещевала его отказаться от своего замысла, поскольку Анна была его собственной дочерью. Генриха не остановило препятствие такого рода. Он с большим трудом добился развода, а тем временем их с Анной отношения стали настолько

близкими, что она начала демонстрировать доказательства связи, которые невозможно было скрыть. Пришлось прибегнуть к частному браку, поскольку государственные соображения требовали сохранить союз в тайне.

Катарина была разведена при посредничестве Кранмера, но Генрих недолго сохранял доверие к своей новой невесте. Вскоре после обнародования брака и официального вступления в должность королевы она посетила тилтинг-матч в Гринвиче в сопровождении короля и большого количества зрителей. Король наблюдал, как она обменивалась любовными сигналами с одним из участников матча, который также был одним из ее ухажеров. Генрих подозревал ее в связи с этим мужчиной, и это доказательство, как он считал, ее неверности, вызвало у него ревность. Он немедленно покинул место происхождения и вернулся в Вестминстер, где отдал приказ о ее немедленном аресте. Ее бросили в тюрьму и судили по совместному обвинению в прелюбодеянии и кровосмешении. Ее обвинили в прелюбодеянии с четырьмя членами королевского дома и в кровосмесительной связи со своим родным братом, лордом Рочфордом. Ее судили, признали виновной и казнили.

Совершила ли она все преступления, в которых ее обвиняли, сказать невозможно, но в том, что описанные эпизоды карьеры были в полном соответствии с поступками Генриха и его двора, сомневаться не приходится. Влияние подобных примеров на нравы широких слоев населения, к сожалению, также не вызывает сомнений. Если придворные манеры и придворный стиль ревностно соблюдаются, то пороки, вытекающие из них, не менее усердно совершенствуются.

Сильные сексуальные страсти Генриха, равно как и его произвол, были завещаны его дочери Елизавете. Как бы историки ни расходились во мнениях о степени ее испорченности, все они сходятся во мнении, что ее право на титул "королевы-девственницы" было крайне необоснованным. Многие из ее проступков с лицами противоположного пола были известны, хотя, возможно, и труднодоказуемы. Хотя она не имела ни малейших претензий на красоту, она наслаждалась лестью и могла проглотить любое количество грубого и пышного восхваления. Ее тщеславие настолько ослепило ее, что она никогда не замечала, что экстравагантные дифирамбы в адрес ее личной привлекательности были всего лишь скрытой сатирой.

Говорят, что Елизавета предавалась разврату почти без разбора, и ее благосклонность разделяли Лестер, Хаттон, Эссекс, Маунтджой и многие другие. В одном из примечаний, приложенных к четвертому тому Хьюма, рассказывается о характере отношений Елизаветы с большим числом ее фаворитов, причем автором этого рассказа является графиня Шрусбери.

Мария, королева Шотландии, в то время, когда между ней и Елизаветой существовали дружеские отношения, написала последней, что графиня сообщила, будто Елизавета дала обещание выйти замуж за некоего придворного, но, сочтя брак нецелесообразным, обошлась без церемонии и приняла его в свою постель. Графиня также заявила, что была столь же снисходительна к Симиеру, французскому агенту, и что Хаттон, еще один ее поклонник, распространил множество сообщений, свидетельствующих о ее крайней сексуальной страсти.

Ближайшие преемники Елизаветы отличались личным темпераментом и не позволяли себе таких скандальных излишеств. У Якова I не было любовниц, и он был не из тех, кто ищет удовольствия в экстравагантной разнузданности, но его двор не был свободен от сцен, позоривших Генриха и Елизавету. Джеймс, желая соединить графа Эссекса с леди Фрэнсис

Говард, дочерью графа Саффолка, обручил молодую пару, хотя они еще не достигли половой зрелости. Графу было всего четырнадцать лет, а леди Фрэнсис - тринадцать, и было решено, что молодые люди должны путешествовать до тех пор, пока оба не достигнут зрелости, необходимой для завершения брачных отношений. После четырех лет, проведенных на континенте, граф вернулся в Англию и нашел свою невесту в полном блеске необыкновенной красоты и славы, которую вызывают большие личные чары. Ему также было неприятно обнаружить, что его отталкивают, когда он приближается к ней в качестве мужа, и встречают со всеми проявлениями неприязни и презрения. Он пожаловался на нее родителям, и те заставили ее сопровождать его в деревню.

Хотя молодая графиня подчинилась этому приказу буквально, вражда между ней и Эссексом далеко не прекратилась: она признавала его своим мужем только по имени и старательно избегала его общества, и никакие его попытки не могли преодолеть ее отвращения. Леди упорствовала в своем упрямстве; муж удвоил свои усилия и настойчивость, но, убедившись, что она непобедима, в конце концов отказался от преследования и расстался с ней.

Причиной такого странного поведения графини стала страсть, которую она питала к шотландскому авантюристу по имени Роберт Карр, нашедшему благосклонный прием у короля, который сделал его виконтом Рочестером. Она полагала, что, отказавшись заключить брак с Эссексом, не будет рассматриваться миром в качестве его жены, и надеялась добиться развода, который позволил бы ей выйти замуж за Рочестера.[\[294\]](#) Поскольку их взаимная привязанность была пылкой, а возможности побыть вместе - частыми, они предвидели вероятность брака и предавались страсти, не дожидаясь церемонии. Добиться развода оказалось не так сложно, как они предполагали.

Король, питавший пристрастие к Рочестеру, благосклонно отнесся к их мнению, а Эссекс, признав безнадежность своей тяжбы с женой, не стал препятствовать аннулированию своего брака. Основания, на которых графиня подала иск о разводе, были довольно любопытными. Главным обвинением против Эссекса была импотенция. В то время существовала твердая вера в абсурдные представления о том, что существуют люди, обладающие колдовской силой, позволяющей им, помимо прочего, лишать мужчину мужественности. Утверждалось, что Эссекс подвергся такому влиянию и поэтому неспособен занимать положение женатого мужчины. Развод был получен, и Рочестер с графиней больше не испытывали никаких препятствий для удовлетворения своих желаний.

Рочестер предварительно проконсультировался с Овербери о трудностях своего положения, и тот настоятельно советовал ему не жениться на графине. Эти факты дошли до слуха леди Фрэнсис, и она подговорила Рочестера отравить Овербери. Когда убийство было раскрыто, Рочестер и его жена предстали перед судом и были осуждены, но ошибочное милосердие короля помешало им обречь себя на гибель, которую они так заслужили. Остаток своих дней они провели в неизвестности, но как злейшие враги, и хотя они жили в одном доме в течение многих лет, между ними никогда не было ни слова, ни послания.

ГЛАВА XXIV.

ВЕЛИКАЯ БРИТАНИЯ - ИСТОРИЯ ОТ СОДРУЖЕСТВА ДО НАШИХ ДНЕЙ.

Пуритане.- Результаты аскетизма.- Эксцессы Реставрации.- Общая разнузданность.- Искусство.- Литература.- Сцена.- Нелл Гвинн.- Национальность в пороке.- Шабаш при дворе.- Яков II.-Литература XVII и XVIII веков.-Лорд Честерфилд.-Ганноверский дом.- Королевские принцы.-Георг III.-Георг IV.-Влияние французской литературы.-Законы о браке.- Увеличение численности населения.

Придя к власти, пуритане попытались исправить общую испорченность общества, вырезав корень поразивших его расстройств. Однако вместо того, чтобы разумно применять нож, они вырезали как здоровые, так и нездоровые части. Их меры доходили до крайности - они убивали все привязанности и импульсы, естественные для человеческой груди, чтобы подавить эксцессы, возникающие из-за слишком свободного их проявления. Некоторые фанатики, например, всерьез предлагали, чтобы покончить с блудом и прелюбодеянием, запретить все половые сношения между полами.

В наши дни можно убедиться, что невинные развлечения являются лучшей защитой от преступного потворства, но пуритане считали иначе и рассматривали радостное возбуждение любого рода как почти греховное. Они навязывали свои мрачные доктрины с помощью тирании, столь же непреклонной, сколь суровыми и неестественными были сами их догматы. Театральные развлечения, танцы и т. д. были под строгим запретом, и пуританство представляло собой лишь тяжелую и мутную атмосферу, в которой не было ни одной светской звезды, способной оживить ее мрачный аспект.

Когда Реставрация сняла с общественного духа гнетущий груз фанатизма, он поднялся настолько выше здорового уровня, насколько раньше был опущен ниже него. В нравах и привычках народа произошел немедленный переворот. Театры, закрытые пуританами, были немедленно открыты вновь, и народ предался приятным излишествам с готовностью, пропорциональной наложенному на него ограничению. Со временем эта свобода была бы остановлена размышлениями, если бы импульс не поступил оттуда, где должно было действовать репрессивное влияние. Веселый монарх и его двор возглавили этот национальный карнавал, и примеры, которые они подавали, только стимулировали аппетит общества к разврату. В самом деле, двор Карла был немногим лучше публичного борделя, а остроумие, с которым украшались его оргии, лишь усиливало опасность, вытекающую из его видного положения и его власти над умами людей как центра, из которого вытекали все звания и соображения. Поведение придворных было строго подражаемо поведению их царственного господина, а их социальные достижения лишь несовершенно лакировались грубыми чертами грубой чувственности. Женщинам льстили и ласкали, но не уважали, а почтение, которое им оказывали, было таким, какое ни одна порядочная женщина в наше время не согласилась бы получить.

Наиболее точное изображение нравов этой эпохи можно найти в ее драматической литературе. Основные инциденты пьес, представленных в театрах, состояли из любовных интриг, соблазнений и изнасилований. Пьесы, разыгрываемые пажом, никогда не вызывали таких бурных аплодисментов, как при рассказе о своих подвигах по разрушению женской добродетели среди жен горожан.

Театр не только способствовал разврату, изображая его в ярких и привлекательных красках, но и его актеры распространяли по всему миру разврат, который они должны были изображать. Их личные характеры слишком часто соответствовали тем ролям, которые они исполняли, и в частной жизни они повторяли те развратные действия, которые показывали на сцене.

Сам театр стал центральным местом встречи безнравственных персонажей и местом, где было удобнее всего назначать свидания. Развратные девицы под предлогом продажи апельсинов зрителям часто посещали яму и занимали места в первом ряду, спиной к сцене. Было понятно, что они готовы продавать услуги не хуже фруктов, и, по сути, они пришли из соседних борделей именно с этой целью.

Глубокие попойки были еще одной характерной чертой того времени, а вакхическим оргиям свободно предавались все классы, от короля до нищего, мало чем отличаясь в крайностях, до которых они доходили. Разговоры, даже в так называемом лучшем обществе, были обезображены грубейшей непристойностью и богохульством, а *бонтон* заключался в экстравагантности, до которой доходило это порочное поведение.

Даже крестьяне старались подражать костюмам и повадкам придворных, а деревенских женщин можно было увидеть в кричащих платьях, выкроенных так, чтобы как можно больше обнажить лицо.

До этого времени ни одна женщина не появлялась на английской сцене; там, где женщины появлялись, их роли исполняли мальчики. Монарх также не имел обыкновения появляться на публичных представлениях пьес, но, когда они ставились для его развлечения, представление проходило в каких-нибудь апартаментах королевского дворца. В правление Карла на сцене впервые появились женщины, которые исполняли роли, отведенные героиням драмы.

Король и королева стали постоянными посетителями театра и своим присутствием поощряли *двусмысленность* и широкую непристойность модных пьес. В качестве примечания можно отметить, что незамужние актрисы обычно носили титул "госпожа" перед своим именем, а слово "мисс" в те времена означало, что носящая его женщина была наложницей. В наши дни принято отменять эту практику, поскольку считается, что состояние замужества лишает актрису половины ее привлекательности.

В этот период в Лондоне было всего два театра: Королевский, где главными актрисами были знаменитая Нелл Гвинн и миссис Ребекка Маршалл, и Герцогский, где выступала другая труппа. Однажды фаворитки Королевского театра жестоко поссорились, и миссис Маршалл назвала Нелл "любовницей лорда Бакхерста". Нелл довольствовалась ответом, что она всего лишь любовница одного мужчины, хотя и воспитывалась в борделе, в то время как миссис Маршалл имела такое же отношение к трем или четверым, несмотря на то что была дочерью пресвитерианца. Их собственные рассказы друг о друге не оставляют сомнений в их нравственности.

Пьесы, представленные в лондонских театрах во времена Карла II, были, как мы уже говорили, полны непристойных намеков, и интерес публики к ним зависел от количества и интенсивности этих непристойных пассажей. Дамы никогда не посещали первые представления комедий, кроме как в масках; и когда придворные дамы с их устоявшейся репутацией галантности опасались быть замеченными на них, можно составить некоторое представление о развратном характере пьес, пользовавшихся наибольшей популярностью.

Но многие из этих пьес до сих пор сохранились и говорят сами за себя. Видно, что в большинстве из них сюжет построен так, что допускает величайшую свободу в либидинозных аллюзиях. Их отличительной чертой является то, что самые нескромные фрагменты вкладываются в уста женщин, и, действительно, мы знаем, что та актриса была наиболее успешной, которая взяла на себя наибольшие вольности с текстом, и наиболее улучшила его развратные выражения.

В качестве примера общего характера этих пьес можно назвать "Все перепутали, или Безумная парочка", весьма полюбившуюся публике в свое время. Героя домогаются шесть шумных несчастных, чье разорение он совершил, и вдобавок кормилицы их незаконнорожденных отпрысков требуют причитающееся им жалованье. Восхитительную надстройку из непристойных диалогов, возведенную на этом фундаменте, лучше представить себе, чем описать.

Театры обычно открывали свои двери в четыре часа пополудни, а после окончания представлений зрители обычно отправлялись в сад или другое место общественного увеселения. Здесь разыгрывались сцены, которые оказывались достойным продолжением тех, что можно было наблюдать на сцене.

У апельсиновых девушек была начальница, известная как "Апельсиновая молла", которая занимала должность, аналогичную должности современной содержательницы публичного дома. Она сопровождала девушек в театр, контролировала и руководила их действиями там. Во время *антреактивов* между апельсиновыми девушками и галантами велись непристойные разговоры, которые перемежались непристойными шутками и очень нравились зрителям. Обычай интерпелляции геев, посещавших театр, сохранился до сравнительно недавнего времени. Все слышали историю о Пег Планкет и герцоге Ратленде в те времена, когда боги дублинского театра считались самой разборчивой, хотя и шумной и разгульной публикой в трех королевствах.

Чарльз выбрал несколько своих любовниц со сцены, к которым питал страстное пристрастие. Мисс Дэвис буквально пела и танцевала, добиваясь его расположения. Ее покорение короля завершилось тем, как она исполнила популярную балладу "Мой ночлег на холодной земле". Карл решил, что она заслуживает более теплых покоев, и перевел ее в свою постель. Он поселил ее в великолепной резиденции и осыпал самыми экстравагантными подарками.

Поначалу королева возмущалась открытыми и неприкрытыми изменами короля и однажды публично выразила свое отношение к ним, уйдя из театра, когда на сцене появилась мисс Дэвис; но, обнаружив, что вернуть ему порочные наклонности невозможно, она оставила все надежды ограничить его распутство или даже удержать его в рамках общепринятых приличий.

Графиня Каслмейн (впоследствии герцогиня Кливлендская) отличалась более ревнивым нравом, чем королева, и более характерно мстила Чарльзу за его слабости. Она завела себе другого любовника и поселилась в его доме, что очень обрадовало ее королевского покровителя, который по-королевски не любил неприятностей.

Поссорившись с лордом Бакхерстом, Нелл Гвинн вернулась на сцену, но не успела она вернуться к своей профессии, как поползли слухи, что она покорила короля. Эти слухи опровергались ее постоянными появлениями в театре и успехами в ее искусстве, которые могли быть только результатом тщательного обучения. Была объявлена трагедия Драйдена, главную героиню которой должна была сыграть Нелл; но, прежде чем наступила ночь

первого представления, выяснилось, что спектакль необходимо отложить, поскольку Нелл была не в состоянии появиться. С этого момента ее связь с Чарльзом перестала быть тайной.

Нелл, как и ее предшественницам, недолго оставалось сохранять неоспоримое превосходство над привязанностью короля. Когда в 1670 году герцогиня д'Орлеанская, сестра Карла, нанесла визит английскому двору, в ее сопровождении была красивая горничная, которая вызвала восхищение своей простой и детской красотой. То ли подстрекаемая придворными, сопровождавшими ее госпожу, чей визит носил политический характер, то ли побуждаемая собственной проницательностью, она поставила свое согласие с желаниями короля в зависимость от выполнения им позорного договора, дававшего Франции столь важные преимущества и делавшего Карла простым данником французского короля. Эта девушка, Луиза де Керуайе, стала соперницей Нелл Гвинн и родила от Карла ребенка, который стал герцогом Ричмондом.

Отношения Карла с окружавшими его распутными женщинами стали настолько скандально известны, а поведение последней - настолько вопиющим и неприкрытым, что королева не могла больше жить во дворце Уайтхолл и, соответственно, переехала в Сомерсет-Хаус на Стрэнде. Чувство негодования со стороны ее величества вскоре охватило и добродетельно настроенную часть общества. Были предприняты попытки применить средство против беспорядков, которые грозили испортить весь уклад английского общества. В парламенте было предложено обложить налогом игровые дома, которые превратились в неприкрытые гнезда проституции. Последовавшие за этим дебаты вызвали остроту, которая привела к серьезным последствиям для произнесшего ее джентльмена. На замечание сэра Джона Биркенхеда о том, что "игроки - слуги короля и часть его удовольствий", сэр Джон Ковентри имел неосторожность поинтересоваться, "в чем заключаются удовольствия короля - в мужчинах, которые играют, или в женщинах". За это оскорбление Карла он был схвачен некоторыми придворными, которые перерезали ему нос и подвергли другому жестокому обращению.

Однако невозможно отрицать, что именно эта свобода нравов сделала короля популярным среди определенной части его подданных. Единственное исключение, которое они сделали из его поведения, - это выбор иностранки в качестве одной из своих любовниц, и даже это прошло бы без комментариев, если бы не политические последствия этой связи. В народе было принято считать, что мадемуазель де Керуайе, или миссис Карвелл, как ее обычно называли, была агентом, использовавшимся для того, чтобы обеспечить преобладание французских интересов. Это вызвало враждебное отношение к ней со стороны населения, которое использовало любую возможность продемонстрировать свою неприязнь к ней.

Нелл Гвинн была англичанкой, протестанткой и кумиром города. Ее называли протестантской хозяйкой, а миссис Карвелл - наложницей короля. Однажды Нелл оскорбили в ее карете в Оксфорде, и она чуть не стала жертвой толпы, приняв ее за миссис Карвелл. Со свойственным ей остроумием и присутствием духа она высунула голову из окна и успокоила бунтовщиков, сказав им, что она "протестантская ж...".

Поскольку литература того времени отражала общую разнузданность нравов, не стоило ожидать, что искусство избежит их деморализующего влияния. Большинство картин, написанных в то время, отличались той же свободой выражения, что и на сцене. Сохранилась старая гравюра с изображением герцогини Портсмутской, возлежащей на берегу фиалок, на которой нет ничего, кроме кружевного халата; на другой картине Нелл Гвинн изображена в таком же полуобнаженном виде. Говорят, что это платье принадлежало герцогине и очень нравилось королю, но Нелл, со свойственной ей любовью к озорству,

украла его, к большому удовольствию своего королевского любовника и к большому огорчению и огорчению герцогини.

У короля был свой особый способ празднования субботы. В этот день он обычно собирал вокруг себя своих любовниц и развлекался, забавляясь с ними и убажывая их капризы. Современник запечатлел один из его воскресных вечеров в Уайтхолле, где находился двор. Это было незадолго до его смерти. Чарльз сидел в центре группы этих женщин, предаваясь самым фривольным развлечениям и, судя по всему, находясь в приподнятом настроении. Чуть поодаль стоял паж, распевавший любовные песни для услады любовниц короля, а вокруг игорного стола сидели несколько его придворных, игравших на ставки, которые иногда достигали десяти тысяч долларов нашими деньгами.^[295] Ночные оргии продолжались до тех пор, пока на пирующих не падал свет. В восемь часов того же утра с королем случился приступ апоплексии, и он умер через неделю.

Яков II, хотя и обладал серьезным и суровым характером, по темпераменту был не менее любвеобилен, чем Карл. Однако они расходились во вкусах. Чарльз требовал красоты в своих любовницах, а Нелл Гвинн и некоторые другие его наложницы были не только красивы внешне, но и обладали интеллектуальными достоинствами, которые позолотили их грубую чувственность. Джеймс мало заботился о личной привлекательности и одаривал своими милостями грубоватых и грубоватых женщин. Его жена стояла ниже его по рангу, и он не стал тянуться к ее красоте, поскольку она была простой, а то и вовсе уродливой. Вскоре он перенес свои привязанности на еще более простую любовницу, Арабеллу Черчилль. Однако самой сильной его привязанностью была привязанность к Катарине Седли, которая имела на него большое влияние. Она была дочерью сэра Чарльза Седли и, похоже, унаследовала от него сильные страсти и безрассудное пренебрежение к общественному мнению, которыми он отличался. Писания Седли были более развратными, чем у любого из его современников. Его литературные таланты были невысоки, но он обладал изрядными разговорными способностями, что делало его общество привлекательным. Крайняя распущенность его жизни и пренебрежение всеми приличиями вызывали осуждение даже в тот век свободных нравов. Однажды, после пьяного веселья с некоторыми из своих распутных собутыльников, он появился на балконе таверны близ Ковент-Гардена в совершенно обнаженном виде и начал проповедь, столь полную разврата и непристойностей, что толпа забросала его камнями и другими предметами и заставила удалиться в дом. Дочь, унаследовавшая эти склонности и воспитанная под влиянием такого примера, не могла не стать заметной в подобных чертах характера. В ее лице не было ни одного из тех качеств, которые делают женщин привлекательными. Длинная, стройная фигура, впалые щеки, бледное лицо и яркие глаза - вот и все ее прелести.

Чарльз, чей вкус был более культурным, заметил, что его духовник, должно быть, порекомендовал брату Катарину в качестве искупления его грехов. Сама она имела достаточно благоразумия, чтобы не понять истинности этого замечания, и даже имела привычку хвастаться своей внешностью. Ее вкус к нарядам был столь же велик, как если бы она обладала достопримечательностями, которые стоило бы подчеркнуть с их помощью. Джеймс, когда он завязал эту связь, достиг среднего возраста, и трудно объяснить влияние, которое она сумела на него оказать. Вступив на престол, он пообещал королеве отказаться от нее, но его благое решение вскоре рассыпалось. Всякий раз, когда отсутствие жены давало такую возможность, Чиффинча можно было увидеть проводящим Катарину через личный проход, ведущий в его покои. Несмотря на всю аффектированную строгость его манер, Джеймс в действительности был немногим лучше своего непостоянного брата.

Ни в один период истории Англии, как мы только что показали, разнузданность двора не была столь велика, как во времена правления Карла II и Якова II; ее превзошла, пожалуй, лишь та страшная бездна разврата и атеизма, которая несколько лет спустя была видна при дворах Людовика XV и регента Франции. Энергичность и интеллект начала правления Людовика XIV, великолепие его вкусов и слава его предприятий резко контрастируют с делами имбецильного, развращенного, совершенно распутного и развратного двора Англии. Влияние этого самого пагубного примера несколько затруднительно. Большая часть народа, особенно в стране, в те трудные для общения времена, вероятно, была мало затронута экстравагантностью реставрированных кавалеров, к тому же в стране действовала мощная закваска религиозного чувства, которая некоторое время не оседала в апатию, что вызвало новое проявление пуританского чувства в виде создания уэслианского методизма. В высших слоях общества, однако, все еще ощущалась гниль дворов Карла и Якова, на протяжении всех правлений последующих государей, вплоть до времени Георга III. Труды современных авторов, особенно комических драматургов, "абстрактные и краткие хроники времени", являются точным образцом общественных нравов и интеллекта во все века. В эту эпоху мы имеем из этих источников неопровержимые доказательства наступившей реакции.

После снятия принудительных ограничений пуританского контроля нация, казалось, разом утратила разум: скромность и благопристойность стали знаками пуританского республиканизма, а потому не подходили лояльным людям, которые демонстрировали свою привязанность к монархии отказом от приличий и нарушением всех моральных добродетелей. Произведения любимых авторов изобилуют грубыми образами, недвусмысленными аллюзиями и грубыми фактами. Остроумие выродилось в богохульство, живость - в непристойность, метафоры - в разврат. Сцены, происходившие при дворе и составлявшие его ежедневные развлечения, были отвратительны до последней степени. Простая торговля полами и либертинизм того времени в этом отношении были самыми мелкими пороками, которые можно было бы считать просто глупостью, но продажность и разврат были открытыми и бесстыдными. Придворные отбросили последние лохмотья патристических приличий, и скупость, жестокость, похоть и лжесвидетельство наполнили меру нечестия. Однажды, как рассказывают, в одной из комнат дворца родился недоношенный младенец, и Карл с шутивными замечаниями перенес его тело в свою каморку для расчленения собственной рукой! Инцидент такой жестокости, который может быть часто повторен другими, столь же ужасными по степени, хотя и отличающимися по факту, показывает отвратительное отсутствие всех приличий, с которыми должен был быть проклят двор. Страницы Рочестера, Этереджа, Бэкингема, Конгрива, Ванбурга и Флетчера в конце семнадцатого, а также Приора, Гей, Свифта и десятков более низких писателей в начале восемнадцатого века - все они демонстрируют такое положение вещей, в то время как благородная муза даже Драйдена могла опуститься до того, чтобы заслужить низкие аплодисменты, отдавая свои силы на украшение порока и добровольно покидая родные края, чтобы погрязнуть в трясине.

Должно быть, пороки этого периода оставили после себя неизгладимое пятно, когда после того, как беззаконие схлынуло, а на смену ему пришли более чистые воды, мы видим, как лорд Честерфилд, британский государственный деятель выдающихся способностей и высокого положения, советует своему собственному сыну: "Пусть великая книга мира станет твоим главным занятием. *Nocturna versate manu versate diurna*", что можно перевести следующим образом: Днем перелистывай мужчин, а ночью - женщин: я имею в виду только лучшие издания".

Хотя, как мы уже отмечали, в некоторой части населения, вероятно, присутствовал здоровый религиозный элемент, который действовал как антисептик против гнили двора, невозможно не заметить, что столица должна была быть пропитана безрассудным беззаконием, возмутительной распущенностью и общей безнравственностью высших классов. Поэты, драматурги, эссеисты и биографы той эпохи - все они несут на себе следы влияния дурного примера в высшем свете на общественные нравы. Один из критиков тех времен говорит: "Превосходный джентльмен английской сцены - это человек, который знаком с чужими женами и равнодушен к своей собственной, а прекрасная леди, как правило, представляет собой композицию из пылкости и фальши". Глубокое пренебрежение к женской добродетели, а точнее, восхищение распутством, запятнало кровь жизни столицы. И когда, минуя грубое остроумие Приора или извращенный гений Драйдена, мы переходим к трезвым и умеренным сочинениям эссеистов и сатириков, мы находим материал, который дает нам некоторое представление о жизни нижнего Лондона того периода и который представляет для нас более непосредственный интерес в рамках данного исследования.

На страницах восхитительного и вечно молодого "Зрителя" есть несколько пафосных случаев, касающихся положения тех несчастных, чье состояние тогда, как и сейчас, было одним из позоров цивилизации. В одной из газет содержится необычайно уместное замечание. "Мне сказал, - пишет автор (жительница города), - на прошлой неделе один католический джентльмен, который, надеюсь, прощен за то, что произошло между нами, что в странах, где господствует папизм, помимо преимуществ лицензированных тушеных блюд, существуют большие пожертвования для *инкурабилов*, кажется, он их так называл. Такой способ обращения с бедными грешниками, как нам кажется, отличается большой гуманностью; и поскольку вы, господин Зритель, человек, претендующий на то, чтобы выносить свои размышления на все темы, которые вам приходят в голову, я прошу вас представить миру положение нас, бедных бродяг, которые действительно находятся на пути труда, а не безделья".

В другой раз сам Наблюдатель встречает "стройную молодую девушку лет семнадцати, которая с напускной строгостью спросила меня, не желаю ли я выпить пинту вина. Я мог наблюдать такие точные черты лица, каких никогда не видел; все лицо, одним словом, женщины, изысканно красивой. Она пыталась завлечь меня принужденной распущенностью в своем взгляде и поведении, но я видел, что она сдерживает голод и холод. Глаза ее были тусклыми и жадными, платье - тонким и безвкусным, мимика - нежной и детской. Эта странная фигура вызвала у меня душевную боль, и, чтобы меня не увидели с ней, я ушел, но не смог не подарить ей корону. Бедняжка вздохнула, поклонилась и с благословением, выраженным с величайшей горячностью, отвернулась от меня. Это создание можно назвать *недавно приехавшим в город*".

Искусства сводников, их эксперименты над неопытными деревенскими девушками, их посещение карет и общественных мест, чтобы выследить и заманить в ловушку неопытных; постоянные клиенты, которых они имеют для новых товаров; способ, которым они сначала предлагают их для частной продажи, а когда первый лоск сходит, выбрасывают их на общественный рынок, - все это так же верно для 1858 года, как и для того дня, для которого это было написано. В одном случае "Наблюдатель", находясь в карете, подслушивает, как одна дама расспрашивает молодую девушку о ее происхождении и характере, особенно о том, правильно ли ее воспитывали и учили ли ее катехизису. Желая увидеть леди, которая имеет столь правильное представление о своих обязанностях по отношению к слугам, он подглядывает и видит лицо известной шлюхи, таким образом обманывая молодую девушку, только что прибывшую в Лондон. На один забавный обман в бизнесе этих посредников

жалуется одна дама-корреспондент: за вознаграждение они обещают представить какого-нибудь честолобивого иностранца или деревенского джентльмена к благосклонности высокопоставленных дам, правящих тостов, ведущих красавиц и т. д. Некая дама, Вильгельмина Амелия Скеггс, навязывается заблуждающемуся клиенту, который, разумеется, должен быть в неведении относительно личности своей *inamorata*, и он уходит, хвастаясь в великом самодовольстве своей удачей, к большому ущербу для славы безупречной женщины[296].

В царствование Георга III было решено придать благоприятный оборот придворным нравам и сделать добродетель респектабельной. Георги I. и II. оказывали лишь негативное влияние на своих подданных. Их рассматривали лишь как политическую необходимость и практически не уважали. Их неотесанные манеры, иностранные любовницы и явно тяжелые *связи* не привлекали ни глаз, ни воображения. С Георгом III и его королевой добродетель при дворе стала в какой-то степени модной; трясина распутства, в которую погрузились Людовик XV и регент Орлеана, во Франции, похоже, вызвала некоторую реакцию. Людовик XVI в Париже и Георг III в Лондоне представляли собой редкое зрелище для своих подданных - два благовоспитанных человека, чья домашняя жизнь и характер были безупречны. Но когда сыновья Георга III, особенно принц Уэльский и герцог Йоркский, достигли совершеннолетия, их окружили группы льстецов и тунеядцев, которые стимулировали и поощряли естественную склонность молодежи к удовольствиям и распутству. Распутство и излишества Стюартов снова стали *бонтонными*, правда, без политического разврата и национального бесчестия; их сдерживали также родительское порицание и влияние общественного мнения. Оно, хотя и очень слабое, не было совсем бессильным; и, хотя и снисходительное к ошибкам молодости, оно проводило неблагоприятное сравнение между безрассудной экстравагантностью и распущенными вкусами принцев и умеренным и достойным личной оценки поведением короля и королевы[297].

В массе своей английский народ отличался здравым смыслом и преданностью делу религии и морали; и хотя пьянство, азартные игры, бокс и скачки были, в честь королевских принцев, модным развлечением, а их достижение желанным и достойным подражания для многих представителей подрастающего поколения, все же общее настроение нации в этот период осуждало эти пороки. Склонные к милосердным взглядам на человеческую природу находили оправдание в соблазнах молодости, красивой внешности, начальственном положении и, наконец, в бесчестных советах тех, кто находил политический капитал в поощрении этих излишеств, способствуя тем самым расколу между наследником престола и его государевым родителем. Были и такие, кто видел в Георге IV, будь то принц или монарх, современного Тиберия, человека с неуправляемыми похотями; безжалостного распутника и развратного сладострастника, лишённого каких-либо искупительных качеств. На самом деле, если не принимать во внимание причины и политические предрассудки, Георг IV. был, несомненно, развратником и человеком распутных привычек;[298] но он был человеком либерального образования, культурного вкуса, выдающейся внешности и элегантных манер. Он и граф д'Артуа, брат Людовика XVI, считались самыми законченными джентльменами в Европе, если судить по манерам. Эти внешние черты скрашивали и даже придавали очарование порокам его молодости; а таинственные оргии Карлтон-Хауса ассоциировались в общественном сознании с блестящим остроумием Шеридана, мужественной грацией Уиндэма (этого *идеала* английского джентльмена), огромным талантом Фокса и чарующей грацией Джорджианы, герцогини Devonshire, яркой звезды среди плеяды мелких светил. Респектабельность принадлежала придворной партии; гений и очарование были на стороне принца Уэльского.

Даже в этот короткий промежуток времени, когда еще сохранилось так много очевидцев, трудно с какой-либо степенью уверенности говорить о состоянии общественной морали в Англии под влиянием Французской революции и жестокой борьбы тори и вигов в тот период. Литература, предшествовавшая Французской революции и сопровождавшая ее, в полной мере подрывала и расшатывала все устоявшиеся институты, как политические, так и религиозные, не создавая эффективной замены на месте разрушенной структуры. Доктрины моральных обязательств и общего равновесия, которые, согласно школе Вольнея, Вольтера и Руссо, должны были заменить устаревшие и избитые догмы Евангелия, были малоизвестны и менее любимы в Англии. В самом начале французского движения это дело пользовалось симпатией английских либералов; но потом, когда социальные и политические эксцессы того времени вызвали отвращение даже у умеренных британских сторонников и когда глубоко укоренившийся и, казалось бы, врожденный антагонизм двух наций был возрожден войной, ненависть и презрение английского народа к французским манерам, французской литературе, французским людям, французским всем вещам не знали границ. Таким образом, в то время как закваска парижской философии бродила в груди всей континентальной Европы, мы считаем, что ее влияние в Англии носило исключительно реакционный характер; и как при последних Стюартах патриотизм и либертинизм шли рука об руку, так и в конце XVIII и начале XIX веков любовь англичанина к своей стране и его ненависть к Франции были связаны с отвращением к ересям французских философов и патриархов.

О том, какое влияние на нравы людей оказывала свободная манера проведения брачных церемоний до 1753 года, свидетельствуют дебаты по законопроекту лорда Хардвика о браке. До этого времени четырнадцатилетний мальчик и двенадцатилетняя девочка могли вступать в брак против воли своих родителей или опекунов, без какой-либо возможности расторгнуть этот брак. Закон, конечно, требовал публикации объявлений, но обычаи и полномочия по выдаче разрешений делали их недействительными. Разрешение можно было купить за пару крон, а брак мог состояться в чулане или таверне, перед двумя друзьями, которые выступали в качестве свидетелей. Но диспенсации не всегда были необходимы. Существовали привилегированные места, такие как Майская ярмарка и Флит, где церемония бракосочетания могла быть проведена в мгновение ока и без неудобных вопросов.

Гретна-Грин, расположенная на границе Шотландии, долгое время была известным местом для беглых сватов. Высказывались сомнения в том, насколько шотландский закон о браке способствовал нравственности; но, судя по его влиянию на самих людей, его вряд ли можно считать союзником порока. Этот закон, который был отменен лишь через несколько лет, рассматривал брак как гражданский договор, действительный, если он заключен при свидетелях, и не требовал никаких церемоний или предварительных уведомлений. То, что заключенные таким образом союзы были обязательными, не подлежит никакому сомнению: этот вопрос рассматривался в британских судах по всем возможным основаниям, и их законность всегда подтверждалась, но в случае с браками на Майской ярмарке или во Флоте такой же уверенности не существовало. Гретна-Грин - первая деревня после прохождения разделительной линии между Англией и Шотландией, и своей известностью она обязана именно своему местоположению. Она, несомненно, была местом многих бессердечных приключений, за которые должен отвечать действующий закон страны.

Закон о браке, вступивший в силу в 1754 году, ставил своей целью предотвращение тайных браков в Англии, но не вмешивался в законодательство Шотландии. Он стремился провести эту реформу, сделав необходимым условием действительности брака без лицензии то, что он должен состояться после провозглашения таинства в три воскресенья в приходской церкви, перед лицом, имеющим приказ, между одинокими людьми, согласными, находящимися в

здравом уме и достигшими возраста двадцати одного года или четырнадцати лет для мужчин и двенадцати лет для женщин, с согласия родителей и опекунов или без их согласия в случае вдовства. Новый закон о браке от 1837 года разрешает заключать браки после уведомления суперинтенданта регистраторов в каждом округе либо в государственных ЗАГСах в присутствии суперинтенданта регистратора и регистратора браков, либо в должным образом зарегистрированных местах отправления культа.

У нас нет сведений о количестве браков, заключенных до 1753 года. Мы знаем только, что с 1651 по 1751 год население увеличилось всего на шестнадцать процентов, то есть за сто лет прирост составил всего один миллион четырнадцать тысяч человек. С момента вступления в силу закона 1753 года в Англии сохранились реестры браков, которые показывают увеличение числа браков с 50 972 в 1756 году до 63 310 в 1764 году. "Ярость женитьбы очень распространена", - пишет лорд Честерфилд в том же году; и снова в 1767 году: "Короче говоря, брачная френдзона, похоже, бушует в настоящее время и носит эпидемический характер". После долгих колебаний число браков возросло до семидесяти, восьмидесяти, девяноста и ста тысяч в год, а в 1851 году - до ста пятидесяти четырех тысяч двухсот шести. Население увеличилось на четырнадцать миллионов человек, что составило 187 процентов, или по одному проценту в год[299].

ГЛАВА XXV.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ - ПРОСТИТУЦИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Влияние богатых классов.- Приемы проституток.- Сцена на железнодорожном вокзале.- Организация для заманивания женщин.- Соблазнение детей.- Континентальный трафик.- Содержание публичных домов.- "Модные мужчины" и "Шпуни".- Количество публичных домов в Лондоне.- Причины проституции.- Сексуальное желание.- Соблазнение.- Переполненные жилища.- Пример родителей.- Бедность и нищета.-Общественные развлечения.-Неправильные браки.-Любовь к одежде.-Юношеская проституция.-Фабрики.- Общественные издания.-Перепись 1851 года.-Образование и преступность.-Количество проституток.-Женское население Лондона.-Рабочие классы.-Домашние слуги.-Нищенки.- Возраст проституток.-Средняя жизнь.-Состояние женщин в Лондоне.-Благотворительные учреждения.-Благотворительные труды миссис Фрай.

Развращение судебной морали само по себе, без обстоятельств национального масштаба и значения, редко, как мы полагаем, затрагивало основную массу населения. Тем не менее неоспоримо, что распущенная мораль и, *à fortiori*, система абсолютного распутства среди богатых слоев общества в значительной степени способствуют росту проституции в столичных городах. Именно на службе у своих богатых клиентов и покровителей в основном и работает профессиональная проститутка, которая, стимулируемая высокими доходами, занимается своим гнусным делом и проявляет всю свою адскую изобретательность, чтобы найти для них новые источники развлечений и удовольствий.

В "Юмористическом лейтенанте" Флетчера, написанном в 1690 году, придворная шлюха предстает читающей свою книгу минут и перечисляющей женщин, находящихся в ее подчинении. "Хлоя, Хлоя должна получить триста пятьдесят крон; пятнадцать лет; хорошая

фигура; дочь деревенского джентльмена; ее добродетель принесет мне эту сумму, а из нее - верховую лошадь для ее отца; хорошо. Жена купца, ей не нужны деньги. Я должен найти для нее искру качества". Изображение таких характеров в наши дни на английской сцене не в моде; но, хотя приличия соблюдаются, это упущение лишь завуалирует тему. Реальность существует, хотя и не видна.

В лондонской газете "Таймс" за июль 1855 года корреспондент рассказывает об одном инциденте: "Я стоял на железнодорожной платформе в -- с другом в ожидании поезда, когда на станцию вошли две дамы. С одной из них, более молодой, я был хорошо знаком. Она сказала мне, что едет в Лондон, что ей посчастливилось получить выгодный контракт на должность гувернантки в семье дамы, под чьей опекой она тогда находилась, и которая даже взяла на себя труд приехать в страну, чтобы увидеть ее и ее друзей, чтобы убедиться, что *она во всех отношениях подходит*. Поезд подошел, проезд был оплачен, причем старшая леди заплатила за обоих. Я проводил их в вагон и, закрыв дверь, поклонился им и вернулся к своему другу, который оказался лондонцем, приехавшим в город. "Что ж, - сказал он со смехом, - вы, деревенские джентльмены, довольно независимы от общественного мнения. Вы не стесняетесь того, что о ваших маленьких сделках становится известно!" "Что вы имеете в виду?" - спросил я. Я имею в виду ваш разговор с этой девушкой и ее дуэньей на открытой платформе. Это мисс -- наша близкая подруга. Тогда я могу сказать вам, - холодно ответил мне лондонец, - что ее подруга - мадам -- одна из самых известных сводниц в Лондоне, и она заполучила новую жертву, если она жертва, и не ошиблась". Не теряя ни минуты, я бросился к охраннику поезда и попросил его подождать минутку. Затем я поспешил к двери вагона, где находились дамы. Мисс --, вы должны выйти; этот человек - неподходящая спутница для вас. Мадам --, мы знаем, кто вы". Это была одна спасенная жертва, но сколько их потеряно?"

В другом случае действия негодяя по имени Финн стали предметом публичного предупреждения, сделанного лордом-мэром Лондона со своего судейского кресла. План этого парня состоял в том, чтобы из-за границы давать объявления о поиске дам для поездки в Кельн или другие места на Рейне, чтобы они стали гувернантками в его семье, которая путешествовала, и чья гувернантка неожиданно покинула их, или заболела, или от нее избавились другим способом. Кандидатки должны были сами оплатить свой проезд до места встречи, где должны были начаться назначения. В некоторых случаях, когда методы этого плута не приносили должного эффекта, ему удавалось обмануть бедных женщин, и они с огромным трудом возвращались домой.

Хотя невозможно предугадать, среди каких людей и при каких обстоятельствах эти несчастные находят свою жертву, некоторые случаи попадают в сферу их деятельности. Молодые женщины, потерявшие своих естественных защитников и вступившие в контакт с миром под их собственным руководством, легко поддаются притворной дружбе этих людей и под предлогом работы заманиваются в их дома, где их держат до тех пор, пока их падение не будет совершено с помощью уговоров или силы. Говорят, что женщины даже регулярно посещают церкви и воскресные школы, чтобы заманивать детей женского пола. Сначала они подходят к ним и заинтересовывают их, не делая никаких прямых шагов. В следующий раз они проходят немного дальше и вскоре приглашают их пройти с ними некоторое расстояние, после чего ведут их в бордель. Известны случаи, когда они уводили детей в присутствии учителя, который, видя, что они ведут себя как знакомые, не подозревал о реальной природе их связей"[300].

Лондонское общество защиты молодых женщин зафиксировало случаи, когда сводницы заманивали детей одиннадцати лет в дома проституции. Тем, кого заманивают таким образом, не разрешается ни сбежать, ни выходить на улицу в течение двух-трех месяцев.

Предполагается, что к этому времени они уже не в состоянии вернуться на прежнее место или смирились с образом жизни, и им разрешается уйти или остаться. Иногда их отправляют на поиски нового жилья, а их места занимают вновь прибывшие. Некоторые из этих детей снова находят дорогу домой, но большинство, конечно, безвозвратно теряются и продолжают следовать тому курсу, который им внушили.

Скупщицы имеют агентов в разных частях Лондона, в чьи обязанности входит поиск молодых людей, девушек-служанок и других, которые недовольны своим заработком и положением в жизни, и которых можно считать подходящими объектами. Число слуг без места в одном только Лондоне огромно - многие тысячи; а поскольку "служба - не наследство", такое количество представляет собой очень благоприятное поле для деятельности.

Промежуточными агентами в таких случаях выступают владельцы мелких магазинов, прачки, продавщицы и другие лица, которые по роду своей деятельности имеют возможность знакомиться с молодыми женщинами, находящимися в услужении. Обычные содержательницы ночлежек, проживающие в пригородах Лондона, тоже вносят свою лепту. Молодые женщины, только что приехавшие из деревни и переночевавшие в таких заведениях, получают рекомендации в качестве служанок у сводников и содержателей публичных домов. В поисках новых лиц эти люди посещают разведывательные конторы по найму слуг, которые в Лондоне называются "Базарами слуг" и не имеют никакой лицензии.

В некоторых случаях обнаруживается, что сводницы действуют только от имени конкретных лиц. В одном случае такая женщина держала небольшую лавку, в которую после небольшого знакомства приглашала окрестных девушек-служанок. Благодаря ее помощи, а также обильному угощению вином и спиртными напитками, ее работодатели (двое мужчин, обладающих собственностью) смогли за короткое время развратить восемь служанок.

Постоянная торговля проституцией ведется между Лондоном и Гамбургом, Лондоном и Парижем, Лондоном и деревней. Три или четыре года назад в Центральном уголовном суде (Лондон) состоялся суд над мужчиной и женщиной, которые занимались ввозом женщин для целей проституции. Заключение было осуждено. Подробности процесса свидетельствуют о существовании регулярной организации. В одних случаях парижские проститутки нанимались в Париже для лондонского рынка обычными агентами, заключавшими подобные контракты; в других случаях стороны в обеих столицах под предлогом солидных обязательств заманивали молодых женщин к себе и переправляли их своим получателям. Разумеется, в таких случаях принимаются все меры к тому, чтобы сохранить конфиденциальность сделки, ибо, хотя английские законы практически наиболее несовершенны, все же в случаях, вызывающих хоть какую-то известность, и в которых преступление может быть удовлетворительно установлено юридическими доказательствами, судебные преследования все же происходят.

Мы не можем завершить эту ветвь нашей темы лучше, чем еще раз процитировав "Зритель" и приведя подлинное письмо, которое, хотя и написано полтора века назад, является именно таким, которое могло бы быть написано с аналогичной целью в наши дни. Оно так же точно описывает способ, которым сейчас, как и тогда, распоряжаются "предметами торговли" в линии закупщиков.

"Милорд, - я очень дорожу вашей честью и имею о вас лучшее мнение, чем о ком бы то ни было, - вынужден познакомить вас с делом, о котором, надеюсь, вы будете обязаны знать. У меня есть племянница, которая приехала в город около двух недель назад. Ее родители недавно умерли, и она приехала ко мне, рассчитывая найти меня в таком хорошем состоянии, чтобы устроить ее в лавку мельничихи. Ее отец отдал ей четыреста фунтов за пять

лет. Время ее вышло, а ей нет и шестнадцати: такая хорошенькая джентльменка, какой вы никогда не видели; маленькая женщина, что, я знаю, нравится вашей светлости; хорошо сложена, и цвет лица у нее такой красивый для красного и белого, какого я никогда не видел. Не сомневаюсь, что ваша светлость будет того же мнения. Она намерена уехать примерно через месяц, если только я смогу ее обеспечить, а сейчас я этого сделать не могу. Ее отец был из тех, у кого все, что он имел, умерло вместе с ним, так что четверо детей остались без средств к существованию; так что, если ваша светлость сочтет нужным назначить встречу, где я буду ждать вас с моей племянницей, через строчку или две, я остаюсь ждать вашего ответа, ибо у меня нет места, оборудованного с тех пор, как я покинул свой дом, пригодного для развлечения вашей чести. Я сказал ей, что она должна пойти со мной к одному джентльмену, моему хорошему другу; поэтому я прошу вас не обращать внимания на мое письмо, так как она не знает городских порядков. Милорд, я хочу, чтобы, если вы нас встретите, вы пришли один, потому что, клянусь честью, вы первый, кому я о ней говорил".

Следующими после сводниц в этой градации беззакония идут содержательницы публичных домов, которые, хотя и часто бывают сводницами, не обязательно являются таковыми. Шекспир, который включал в сферу своего наблюдения все человеческое существование, говорит о них,

"Злюка, злая злюка!
Зло, которое ты причиняешь,
Это средство для жизни твоей: подумай только.
Что это такое - втиснуть в рот или одеть спину
От такого мерзкого порока; скажи себе,
От их мерзких и звериных прикосновений
Я пью, ем, одеваюсь и живу.
Можешь ли ты поверить, что твоя жизнь - это жизнь?
Так вонюча зависимость".

Многие из этих людей сами были проститутками и, отслужив в одной отрасли бизнеса, естественно, перешли в другую. Другие, не будучи таковыми, занимаются этим ремеслом по склонности или по обстоятельствам. Состояние этих людей и интерьер их домов столь же разнообразны, как и сами люди. В западной части Лондона есть значительная степень стиля; в нижних частях города это убогие и грязные жилища, пригодные только для темных дел. Они расположены на частных улицах, в переулках и переулках в стороне от больших магистралей. В Англии закон обычно применяется против содержателей публичных домов как представителей всего класса. Поскольку они получают основную прибыль от торговли, на них ложатся все юридические риски. Однако обвинения против них выдвигаются сравнительно редко. В Англии, как и у нас, нет государственного прокурора. Полицейское управление мегаполиса, возможно, самый хорошо организованный, самый эффективный и дешевый отдел государственной службы, не включает в свои обязанности профилактику борделей, которые сводятся к сохранению жизни и имущества. Преследование содержателей публичных домов и ликвидация их заведений обычно осуществляются приходскими властями, когда эти заведения ведут себя так, что становятся помехой для соседей; а полицейские лишь вмешиваются, чтобы предотвратить скопление проституток на общественных улицах или их приставания к пассажирам. Практически это положение не лучше мертвой буквы, и женщины уклоняются от него, уходя, когда офицер находится в поле зрения, и таким образом лишая его единственного доказательства, которое позволило бы ему произвести арест[301].

Некоторые из девушек, которые платят непомерно высокую плату, также обязуются отдавать своим хозяйкам половину своих денежных поступлений, которые в случае с привлекательными женщинами часто бывают очень большими и составляют иногда одну-две сотни долларов в неделю. Хозяйка является казначеем, и проституткам редко удается получить обратно то, что якобы им принадлежит. Само судебное преследование, о котором уже говорилось, началось с того, что француженка была обманута содержательницей борделя. Одежду предоставляет хозяйка, и за нее она назначает цены, которые поглощают весь заработок девушек. Она даже умудряется снабдить их таким количеством показной и бесполезной одежды, что они всегда остаются у нее в долгу, и таким образом на каждую из них накладывается залог, который не позволит ей покинуть заведение, пока она будет приносить доход. Некоторые соблазненные девушки, вступая в проституцию, обзаводятся обширными и ценными гардеробами. Хозяйка вгоняет их в долги по собственному заказу, а если они недовольны своим обращением и хотят уйти, их удерживают за долги. По общему английскому праву все долги, взятые с аморальной целью, считаются недействительными, но этот закон мало что значит для тех, кто не знает о его существовании; кроме того, содержательницы борделей владеют добычей и таким образом фактически подталкивают должника к урегулированию спорных вопросов.

Те из содержательниц борделей, у кого нет законных мужей, вступают в интимную связь с каким-нибудь мужчиной, которого они содержат. На сленговом диалекте есть класс мужчин, называемых "spooners", которые содержат женщин или снабжают их средствами, когда это необходимо. Они открывают им бизнес, отвечают за их долги и помогают им во всех трудностях. "Модные люди" - это те, кто ничего для них не делает, но живет за их счет. У низшего класса содержателей публичных домов нет "гуляк", но у них неизменно есть "модные люди", которые выступают в роли задир и решают с помощью физической силы любые споры, возникающие между содержателями и их посетителями. Эти люди проводят день в тавернах, а ночь - в определенных борделях, к которым они прикреплены, и часто являются преступниками самого глубокого пошиба.

Некоторые из содержательниц борделей - замужние женщины и даже матери семейств. Их мужья - ленивые, никчемные жалкие люди, пристрастившиеся к азартным играм и пьянству и жестоко равнодушные к источникам, из которых они черпают роскошь. Известны случаи, когда более состоятельные люди отправляли своих детей в хорошие школы вдали от дома и держали их в неведении относительно их собственного жалкого призвания. Таким образом, грех влечет за собой наказание.

Количество публичных домов в Лондоне оценивается по-разному. По данным последней переписи населения, их насчитывалось триста тысяч и более. Среди них было подсчитано, и, вероятно, правильно, пять тысяч борделей, включая дома ассигнаций. Арендная плата в этих заведениях варьируется так же сильно, как и дома и ситуации (от пятнадцати сотен до ста долларов в год). В хороших районах мы не должны верить, что домовладельцы заранее знали, для каких целей будут использоваться их дома. Независимо от моральных возражений, такой дом ухудшает характер собственности. Действительно, условия аренды крупных лондонских владений очень строги и включают в себя все нежелательные сделки в качестве причины для лишения права собственности.

Владельцы домов принадлежат к разным классам. Вестминстерский Альмонри, где когда-то жил Кэкстон и который за эти шесть или восемь лет был снесен, был одним из самых мерзких скоплений порока и преступности. Это была собственность декана и капитула Вестминстерского аббатства. Общий закон Англии, как уже упоминалось в связи с вопросом о платье, запрещает взыскивать арендную плату с домов, сдаваемых в безнравственных

целях. Многие содержатели публичных домов сами нанимают дома, обставляют их и сдают в субаренду. В упрек ставится то, что домовладельцы даже косвенно получают доход из таких источников. Но бедность и порок тесно связаны между собой; где есть бедность, там будет и порок. Невозможно, чтобы домовладелец исключил какой-либо класс жильцов в подходящем для него районе, и те, кто хоть что-то знает о благоустройстве и вентиляции больших городов, а также о ликвидации плохих районов, прекрасно понимают, что они сопровождаются страшным количеством дополнительных страданий для самых бедных.

В одной из последующих частей этой работы мы попытались проанализировать причины проституции в том виде, в котором она существует в Нью-Йорке. Можно с полным основанием предположить, что те же причины будут применимы и к родственному народу Великобритании. Мы приводим следующие данные, в основном почерпнутые из английских писателей, как отражающие мнение наиболее осведомленных людей в этом королевстве относительно источников столь глубоко укоренившегося зла, которое следует искать в различных обстоятельствах, как национальных, так и личных.

Профессионал, мистер Тэйт, на страницы которого мы обратились за информацией о проституции в Великобритании, классифицирует причины как естественные и случайные. Естественные он подразделяет на разнузданность нравов, раздражительность темперамента, гордость и любовь к одежде, нечестность и любовь к собственности, а также праздность. К случайным относятся соблазн, неудачные браки, низкая зарплата, отсутствие работы, невоздержанность, бедность, дефекты воспитания, дурной пример родителей, непристойные публикации и ряд мелких причин. Не соглашаясь с классификацией, прием ее перечисление.

Действие сексуального желания на женский пол - спорный вопрос среди английских писателей о проституции. Вопрос о том, является ли оно латентным и никогда не будет достаточно сильным, чтобы спровоцировать дурные поступки, пока само не будет стимулировано и приведено в действие внешними обстоятельствами, или же это активный принцип, побуждающий плохо регулируемый женский разум жертвовать самоуважением и репутацией ради удовлетворения доминирующих импульсов, часто обсуждался. Многие считают, что его влияние на побуждение к проституции не менее неудовлетворительно для решения, чем физиологическая проблема, утверждая, что те, кто последовал наклонностям своих естественных appetitов, несомненно, предпочли бы приписать свой промах другим обстоятельствам. Эта тема более подробно рассмотрена в другом месте, и нет необходимости повторять здесь высказанные там мнения.

То, что сексуальное желание, *однажды пробудившись*, оказывает мощное влияние на женскую организацию, не подлежит сомнению. Английским врачам хорошо известно, что самоуничтожение, представляющее собой извращенное потворство природному инстинкту, в значительной степени практикуется среди молодых женщин, хотя и в гораздо меньшей степени, чем среди молодых мужчин. Его ужасающее влияние на последних было предметом самой живой тревоги тех, кто сделал заботу о молодежи своей профессией, и этот источник беспокойства в некоторой степени разделяют женщины-учителя. Подобные темы, по общему мнению, изгоняются большинством людей из рационального исследования, как будто закрытие глаз на факт докажет его несуществование. Эта ложная деликатность более вредна, чем принято считать; ведь бесконтрольное потакание подобным привычкам не только разрушительно для здоровья, но и в высшей степени вредно для нравственного чувства и прямо подрывает всякое самоуважение, оставляя лишь один шаг для завершения окончательного падения.

Соблазн. Влияние излишней фамильярности и слишком безудержного общения между полами нельзя преувеличивать, поскольку они прокладывают путь к последнему отступлению от добродетели. Именно такие знакомства в нерегулируемых умах возбуждают первые импульсы желания; и даже если такой результат не вытекает сразу из слишком свободного общения, он разрушает ту скромность и сдержанность, которые так подчеркивают красоту женщины и являются ее лучшей защитой. Наклонную плоскость, по которой женщина, допустившая первую вольность, бесконтрольно скользит к окончательному разрушению, хотя и постепенно, но очень трудно проследить. Неограниченное общение, разрешенное или, скорее, поощряемое между полами в местах общественных развлечений, значительно облегчает возможности соблазнения. Проститутки часто, и, как мы полагаем, искренне, утверждают, что соблазнение стало первым шагом на пути к их брошенному образу жизни, и само это утверждение должно вызывать сочувствие к несчастью их нынешнего существования. Хотя в некоторых случаях в эту историю нельзя безоговорочно поверить, в то же время нет сомнений, что бессердечное соблазнение - слишком частое обстоятельство в таких случаях и вносит свою печальную лепту в проституцию.

По общему мнению, случаи (так называемого) соблазнения в Англии происходят между работодателями и служанками, и их огромное количество. Под соблазнением в таких обстоятельствах понимается побуждение к дурному поступку обещаниями или другими уловками, в отличие от общепринятой идеи, согласно которой падение является результатом сильной личной привязанности. В подобной работе мы должны обратить внимание на самые широкие определения и не можем последовательно ограничиваться побуждением, обычно выдвигаемым в судебных процессах, а именно "обещанием жениться". В этом смысле можно сказать, что незаконнорожденные дети являются следствием соблазнения. Конечно, не все, потому что многие люди добровольно и с открытыми глазами вступают в сожительство; но, несомненно, многие. После соблазнения женщина, разумеется, сама становится соблазнительницей неопытных.

Политика английского законодательства в последние годы была направлена на то, чтобы заставить женщину защищать себя - в основном, это мудрая политика. Но баланс человеческой справедливости соблюдается очень неравномерно. Мужчина, настоящий преступник, не несет никакого юридического наказания и почти не подвергается общественному порицанию. Иски за соращение очень непопулярны, а те, что возбуждаются, составляют лишь ничтожную пропорцию к количеству преступлений. *Бремя* доказывания в делах о незаконнорожденности, разумеется, лежит на женщине. В последние годы изменения в законодательстве создали большие трудности на ее пути из-за того, что называется необходимостью подкрепляющих доказательств, а именно: какого-то признания, прямого или косвенного, или какого-то явного действия, которое обеспечит устное или документальное свидетельство, отличное от неподтвержденного заявления женщины. Это может быть строго целесообразно, но делает мужчину почти безответственным, если он играет свою роль только с благородным благоразумием. И наконец, народное чувство против обвинений в изнасиловании: оправдательные приговоры выносятся очень часто, а обычным опровержением является очернение характера обвинительницы. Мнение одного из величайших судей Англии превратилось в поговорку: "Ни одно обвинение не так легко выдвинуть, ни одно не так трудно опровергнуть". Способ, которым королева Елизавета доказывала свое неверие в изнасилование, также отражает общественное мнение.

Из совокупности этих обстоятельств следует, что соблазнение почти как само собой разумеющееся должно привести к проституции, поскольку в обычном английском языке мать бастарда и проститутка - почти синонимы.

Переполненные жилища.- Природные импульсы животного инстинкта у обоих полов, кажется, замешаны на эффекте переполненных спальных квартир, которые встречаются в жилищах бедняков как в городе, так и в деревне. В последних мы имеем видимость, а иногда и реальность, семейной жизни и добродетельной бедности. В городах мы находим жилища бедняков, иногда честных, иногда находящихся в тесной связи или близости с пороком, и там же мы имеем места обитания самого низкого разврата и бродяжничества.

Тем, кто не обращал внимания на положение бедняков и на то, какое отношение их жизнь имеет к обычным нормам приличия и морали, очень трудно понять или даже поверить в утверждения, воплощающие самые простые повседневные истины. Трудно осознать вещи такими, каковы они есть, если в голове уже сложились идеальные представления о том, какими они должны быть. Дивса общества часто упрекали в том, что он не знает Лазаря. Грех заключается именно в этом незнании. Как прекрасно сказал Карлайл, "долг христианского общества - найти свою работу и делать ее". Отрицательная добродетель не приносит обществу никакой практической пользы. Но все же это невежество достаточно естественно, и от него не легче избавиться, чем от другого невежества. Его обычно приписывают богатым и высшим слоям общества, но оно точно так же существует, лишь немного отличаясь по степени, в среднем классе и среди умеренно богатых членов английской социальной системы.

Невозможно поверить в страдания и неудобства, которые испытывают бедняки из-за неустроенности своих жилищ. Взрослые девочки и мальчики спят в одной постели; братья и сестры, не говоря уже о менее близких родственниках, находятся в самом тесном соседстве; и даже незнакомцы, которых пускают в маленький дом, чтобы помочь выкроить деньги на аренду, оказываются на одной семейной ступени. Этот важный для морального благополучия бедняков вопрос вызвал в Англии живой интерес и привел в активное действие несколько филантропических ассоциаций, которые ставят своей целью использование капитала для улучшения и удешевления жилья рабочих классов[302].

В Лондоне эта система тесного жилья была доведена до ужасающих масштабов. В некоторых местах от пяти до тринадцати человек спали на одной кровати, в то время как в деревне зло было почти таким же, хотя, благодаря небольшому ограничению, налагаемому семейными узами, фактическое зло положительно меньше; хотя моральное загрязнение почти в той же степени и прокладывает путь для других отношений вне дома. Факты, оправдывающие эти выводы, можно найти в самых разных формах - парламентские отчеты, статистические таблицы, призывы священнослужителей, обращения филантропических ассоциаций и т. д. и т. п.[303]

Достопочтенный и преподобный С. О. Осборн, священнослужитель, хорошо известный своими филантропическими усилиями в пользу бедных, говорит о деревенской жизни в Англии:

"С младенчества до полового созревания дети рабочего спят в одной комнате с его женой и с ним самим; и какие бы попытки соблюдения приличий ни предпринимались, а я видел много изобретательных и достойных похвалы попыток, все равно остается факт, что старые и молодые, женатые и незамужние, обоих полов, все сгрудились в одной и той же спальней

квартире. * * * * * Я не хочу описывать отвратительные сцены, которые, как мне известно, происходят от беспорядочного скопления полов вместе. *Однако, видя, чему подвергается ум молодой женщины с самого детства, я давно перестал удивляться кажущейся преждевременной разнузданности разговоров, которые можно услышать в любом месте, где много молодых людей работают вместе.*"

Мистер А. Остин, помощник комиссара по делам бедных, отмечает:

"То, что мальчики и девочки, юноши и девушки спят в кроватях, почти касающихся друг друга, должно разрушить огромные барьеры между полами. Условия для сна таковы, что неизбежно приведут к раннему и незаконному знакомству между полами".

Не вдаваясь в отвратительные подробности, мучительное чтение которых ничего не прибавит к ценности этих высказываний, можно сделать неоспоримый вывод, что большая часть проституции, если не проституции по найму, то уж точно проституции из порочных и распутных побуждений, порождается порочными привычками, вызванными привычной близостью полов в ранней жизни. Сами проститутки часто называют эти привычки началом своей порочной карьеры, а некоторые даже признаются в разрыве самых тесных естественных связей в ранней юности из-за слишком больших возможностей, предоставляемых таким образом.^[304] Невозможно переоценить огромное значение этого недостатка порядочности и приличий в семейной жизни. Заразная природа порока известна как пословица; и почти невозможно представить, какой силы достигают невоспитанные дети и с какой смертельной готовностью распространяются их греховные слова и практика.

Дешевые ночлежные дома - это дополнение к тесным жилищам бедняков, хотя они и не приводят к таким ранним пагубным результатам, как непристойность и безнравственность в семейной жизни. Последние подготавливают путь к сценам общих ночлежек, в которых быстро достигается самая низкая глубина порока. Проституция здесь - обычное дело, постоянный институт этого места. Здесь можно купить самое малое количество еды; здесь принимают взрослых, подростков и детей обоих полов и беспорядочно пасут их вместе; цены на кровати самые низкие (от трех до шести центов); здесь не задают вопросов, и место свободно для всех. Новичка вскоре посвящают, а точнее, заставляют вникнуть во все тайны беззакония. Непристойность и богохульство - вот основной разговор обитателей; все непристойности совершаются открыто; девушки вслух рассказывают о своем жизненном опыте; десять или дюжина спят на одной кровати, многие в обнаженном виде. Действительно, подробности этих мест ужасны до невозможности. Здесь царят необузданный порок и похотливые оргии, не сдерживаемые ни наставлениями, ни примером, а предметом соперничества является то, кто превзойдет в грязи и мерзости.

Пример - следующая непосредственная причина в том, что можно считать естественной чередой. Есть несколько проституток, у которых есть дети. То, что эти дети пойдут по тому же пути, вполне соответствует обычному ходу событий, хотя иногда такие женщины проявляют значительное беспокойство по поводу того, чтобы их дети стали лучше. Подобное искупление практически невозможно. Однако в обычной жизни разум молодежи часто извращается под влиянием прямого дурного примера старших; и, как мы уже отмечали, развращение человеческих привязанностей в их первоисточнике - семье, где они должны быть самыми сладкими и чистыми, - более фатально деморализует и с большей уверенностью предопределяет окончательное разорение, чем почти любое другое. И отцы, и матери достаточно часто не справляются со своими обязанностями, хотя общепризнанно, что влияние и пример отца менее важны, чем пример матери. У плохого мужчины могут быть добродетельные дети, у плохой женщины - почти никогда. Бывают случаи, когда мать и дочь

спят в одной постели, причем каждая с партнером-мужчиной. В городе Эдинбурге две матери-проститутки имеют по четыре дочери-проститутки; пять матерей-проституток имеют по три дочери-проститутки, десять таких матерей имеют по две дочери и двадцать четыре таких матери имеют по одной дочери, и все они следуют примеру своих матерей[305].

Такое влияние на молодежь непреодолимо. Возможно, этим объясняется количество сестер, занимающихся проституцией. Влияние простого сестринского примера было бы достаточным для объяснения этого обстоятельства, но родительское становится почти принуждением, поскольку родительница (в таких обстоятельствах мать) будет не только потворствовать, но и быть главной причиной гибели своего ребенка ради собственной прямой выгоды и пользы. Это, действительно, более соответствует нашим представлениям о естественных наклонностях проституток и сводниц, чем то, что такие люди должны чрезмерно заботиться о чистоте и моральном благополучии своих детей.

Бедность является неотъемлемой частью почти всех условий жизни, которые мы должны рассматривать как стимулы к проституции. *В некоторых случаях, возможно, в большем количестве, чем принято считать, бедность является прямой и непосредственной причиной этого порока.* Другими словами, *"женщины, прежде и в других отношениях добродетельные, простиитуруют свое тело ради хлеба"*. В большинстве перечисленных случаев, за исключением чисто естественного, но редкого, врожденного полового влечения, бедность является отдаленной причиной. Судя по количеству людей, которые находятся под ее тисками и леденящим давлением, бедность можно назвать плодотворным источником проституции.

Связь политических обстоятельств с фазами общественной морали более тесная, чем может показаться на первый взгляд при поверхностном рассмотрении этих двух вопросов. Но внимательное сравнение состояния общественного процветания с состоянием общественной преступности покажет, что преступность в некоторой степени зависит от пищи: человек с хорошо наполненным желудком - не враг порядку. Проституция, как средство удовлетворения голодных желаний, является частью той же связи. Правда, в Англии существуют законы о бедных и работные дома, из которых и в которых каждый обездоленный, без учета характера, имеет право на пищу и кров. Однако, прежде всего, работные дома вызывают у бедных слоев населения нескрываемое отвращение. Различные правила, сами по себе жесткие, но необходимые как для плательщиков, так и для получателей помощи, такие как раздельное проживание мужа и жены во время получения помощи, раздельное проживание детей и родителей и т.д., делают систему работных домов отвратительной для достойных и честных бедняков; а строгие правила, сдержанность и дисциплина, соблюдаемые в стенах, делают ее еще более отвратительной для тех, кто видит свое счастье в свободе и нерегулярности; кроме того, в густонаселенных и бедных районах требования к работному дому в трудные времена слишком многочисленны для его возможностей. Это ужасная правда, что, несмотря на огромные доходы, почти пятьдесят миллионов долларов в год, собираемые для помощи бедным, и огромные учреждения, созданные по всей стране для поддержки и приюта страждущих, иногда количество просителей настолько велико, что их требования не могут быть удовлетворены. Возможно, если бы этих несчастных можно было распределить по всему королевству, чтобы бедность одного места уравновешивалась сравнительным процветанием другого, то страшный голод посреди изобилия, который иногда наблюдается, не имел бы места. А пока, до того момента, когда все схемы и приспособления современных улучшений и прогресса будут окончательно доведены до совершенства и будет достигнуто всеобщее счастье, предстоит справиться с

массой немыслимых бедствий. В "Словах для дома" за ноябрь 1855 года мистер Диккенс дает ужасающую картину лондонского бедствия, свидетелем которого он был сам.

Был темный дождливый вечер, и у стены Уайтчеплского рабочего дома лежали пять связок тряпья. Мистер Диккенс и его друг смотрели на них и тщетно пытались их разбудить. Они постучали в дверь, их впустили, увидели хозяина дома и спросили его, знает ли он, что на улице на земле лежат пять человеческих существ - женщин, холодных и голодных. Сначала он был раздосадован - такие заявки поступали часто, как он мог их удовлетворить - дом был полон, случайные подопечные переполнены, что еще он мог сделать? Когда он понял, что целью мистера Диккенса было расследование, а не выявление недостатков, он смягчился. Случай, конечно, был шокирующий: как же с ним справиться? Мистер Диккенс сказал, что слышал на улице, будто эти жалкие существа пробыли там уже две ночи. Это было вполне возможно. Он не мог ни отрицать, ни утверждать этого. Часто их было больше - иногда двадцать или тридцать. Он (хозяин) был вынужден отдавать предпочтение женщинам с детьми. Заведение было переполнено. Не в силах больше ничего сделать, мистер Диккенс ушел. Выйдя на улицу, он разбудил одну из этих несчастных. Она подняла голову, но ничего не сказала. Он спросил ее, не голодна ли она, но она лишь утвердительно посмотрела на него. Не знает ли она, где можно поесть? Она снова ответила тем же. "Тогда возьмите это и, ради Бога, сходите за чем-нибудь". Она взяла, не поблагодарила - "собралась и ушла - ушла во тьму, молчаливая и безразличная ко всему".

К чему только не побуждает страдающую человеческую природу подобное несчастье! Во времена коммерческой депрессии лондонская полиция отмечает рост уличной проституции. В городах Англии говорят, что постоянная проституция в каждом месте имеет численное соотношение со средствами к существованию. В Эдинбурге практически нет возможности использовать женский труд. Глазго, Данди и Пейсли являются центрами мануфактур и широко используют женский труд. По словам Тейта, проституция в Эдинбурге намного превышает соотношение проституции и населения по сравнению с промышленными городами[306].

Нет необходимости приводить множество примеров бедности и нищеты, так как этот факт является совершенно неопровержимым: изготовление рубашек за три цента, панталон за пять или шесть центов - непрерывный труд по четырнадцать часов в день приносит всего шестьдесят или восемьдесят центов в неделю, и даже за это приходится бороться. Как сказала однажды лондонская газета *"Таймс"*, "игла - это обычная работа каждой английской женщины; каково же тогда должно быть состояние тех десятков тысяч, у которых нет ничего, кроме этого?" В последние годы еще более серьезную конкуренцию составило гениальное изобретение нашей страны - швейная машина.

Чтобы показать связь между неоплачиваемым и чрезмерным трудом и проституцией, приведем несколько примеров.

Одна молодая женщина сказала, что шьет панталоны из молескина (очень прочной, жесткой ткани) по пятнадцать центов за пару. При полной занятости она могла сделать двенадцать пар в неделю; иногда ей не удавалось найти работу. Она работала с шести утра до десяти вечера. При полной занятости она могла заработать два доллара в неделю, из которых ей приходилось тратить тридцать восемь центов на нитки и свечи. В среднем же, из-за короткой работы, она могла заработать не более семидесяти пяти центов в неделю. Ее отец умер, и ей приходилось содержать мать, которой было шестьдесят лет. Девушка терпела такой образ жизни в течение трех лет, пока в конце концов не согласилась жить с молодым человеком. Когда она сделала это заявление, ей оставалось три месяца до заключения. Она чувствовала

позор своего положения, чтобы облегчить его, она сказала, что молится о смерти и не пошла бы на преступление, если бы могла этому помочь[307].

Такой случай едва ли можно назвать проституцией, но она заявила, что многие девушки в лавке советуют проституцию как средство, и что другие должны поступать так же, как они, поскольку таким образом они добывали себе пищу и одежду. Она высказала мнение, что ни одна из тысяч девушек, работающих на том же предприятии, не зарабатывает себе на жизнь иголкой, но все вынуждены заниматься проституцией, *чтобы прокормиться*.

Другая женщина, случай более близкий к делу, также заявила, что не может заработать больше семидесяти пяти центов. Она была вдовой, и имела троих детей, когда умер ее муж. Ей самой и ее детям приходилось жить на эти семьдесят пять центов. Она могла бы пойти работать в дом и получать там лучшее содержание, чем за счет своего труда. Если бы она так поступила, то по неумолимым законам рабочих домов она была бы разлучена с детьми. Хотя один ребенок умер, она настолько ослабла, что не могла добывать себе пропитание. Она вышла на улицу, чтобы заработать на жизнь, и заявила, что сотни замужних и незамужних женщин поступают так же по тем же причинам.

Вдова, похоронившая всех своих детей, не могла содержать себя. От невозможности сделать это она занялась проституцией.

Удивительно красивая молодая женщина, чей трезвый, честный и трудолюбивый характер был подтвержден рядом свидетелей как безупречный, была вынуждена работать на пошиве тонких рубашек, зарабатывая в среднем не более тридцати пяти центов в неделю. У нее был ребенок, и, не желая идти в работницы, нищета выгнала ее на улицу. Терзаемая угрызениями совести и стыда, ради ребенка решив отказаться от проституции, она целыми днями постилась, ночуя зимой в сараях. Однажды ноги ребенка примерзли к ее боку, и необходимость снова заставила ее вернуться к прежнему образу жизни. Ее отец был независимым проповедником.

Эти и другие обстоятельства неопровержимо доказывают, что бедность тесно связана с проституцией. Рассмотрение таких обстоятельств, как вышеприведенные, и ежедневное наблюдение за множеством других подобных, которые попадут в поле зрения любого, кто исследует человеческие мотивы, должно склонить всех, кроме самых возмутительно добродетельных, к более мягкому суждению о промахах и ошибках своих собратьев.

Все молодые женщины, занимающиеся шитьем, подвержены одной и той же беде, и те же средства борьбы с ней, разумеется, открыты для всех. Тяжелый труд и долгие часы работы - наименьшая часть зла, хотя и в этом случае есть основания для сочувствия.[308] Настоящее горе в том, что самые терпеливые и трудолюбивые не могут никаким трудом заработать себе на пропитание. Верно, что дом трудолюбия - законное убежище бедняков; но нежность дома трудолюбия превратилась в поговорку. Политика законов о бедных в их нынешнем виде направлена на то, чтобы отвести нуждающихся от обращения за помощью, за исключением самых крайних случаев. Поэтому устанавливается множество правил и формальностей, которые делают правовые нормы настолько обременительными и невыносимыми, что многие прибегают к ближайшим средствам удовлетворения своих потребностей, а не требуют соблюдения своих законных прав.

Домашние слуги, с точки зрения избавления их от абсолютной нужды во время службы, находятся в более счастливом положении, чем те, кто зависит от иглы. Но они открыты для влияния другого рода - мы имеем в виду соблазнение со стороны хозяев и мужчин-домохозяев. С чего начинается это зло, определить крайне сложно. Развращенные, они

сами становятся, в силу тех возможностей, которыми они обладают, готовыми и опасными орудиями разврата и способствуют распространению ядов безнравственности и телесных болезней. Мы уже упоминали о том, что это сословие временами подвержено большой бедности и несчастьям, а именно, когда оно не работает, и в такие моменты оно становится особенно привлекательным для тех, кто делает соблазнение своим бизнесом и прибыльным занятием.

Домашние служанки и швеи - основные взрослые работницы Великобритании, за исключением фабричных девушек. В 1851 году в стране насчитывалось,

женская домашняя прислуга	905,165
Швеи	270,000
Швеи	72,940
Рабочие-стахановцы	12,969

и из них одна треть была моложе двадцати лет.

Места общественных развлечений в Англии немногочисленны по сравнению с континентом, и их влияние должно быть пропорционально меньше. На континенте танцевальные салоны занимают видное место; в Англии этот вид развлечений почти неизвестен. В Лондоне есть несколько подобных заведений, например, Cremorne Gardens. Мистер Тейт подчеркивает дурное влияние танцевальных домов в Эдинбурге. Мы склонны считать, что случаи неправомерного поведения, связанные с этими заведениями, на самом деле немногочисленны, хотя и не заслуживают внимания. Одиноким женщины, которые посещают танцевальные залы, театры и другие подобные места в Англии без сопровождения друзей или семьи, рискуют очень малой добродетелью. Сельские ярмарки гораздо вреднее; их без разбора посещают все возрасты и полы, и их влияние на женское сельскохозяйственное население часто очень пагубно. Гринвичская ярмарка, трехдневная сцена веселья и балагана, проводилась на Пасху и на Уитсунтид в окрестностях Лондона, но сейчас она упразднена. Она имела свое применение столетие или два назад, но в последнее время ее посещали все лондонские бездельники обоих полов, и ее справедливо боялись друзья молодежи. Ходит поговорка, что на Гринвичской ярмарке (с учетом ее продолжительности) было развращено больше молодых женщин, чем в любом другом месте в Англии.

Неудачные браки, несомненно, являются причиной проституции. Конечно, нарушение брачного обета - это одно, а проституция по найму - совсем другое. Оценивая количество проституток в Эдинбурге в восемьсот человек, мистер Тейт добавляет к ним двести замужних женщин, которые, по его мнению, появляются в результате неудачных браков. То, что брак был неудачным, ясно видно по его результату, а то, что отсутствие врожденности и темперамента является причиной проституции в названном объеме, у нас нет оснований сомневаться. Он говорит о том, что такие женщины продают свои услуги, как правило, только одному любовнику, изредка - любому, кто заплатит; хотя последнее и составляет то, что обычно называют проституцией, первое не может быть истолковано иначе.

Любовь к одежде - еще один инцидент, который многие авторы, и мистер Тейт в том числе, относят к непосредственным причинам проституции. Мы считаем сомнительным, что какая-либо женщина когда-либо положительно продавала свою добродетель за новое платье или узел лент. Конечно, после того как Рубикон перейден, все последующие шаги становятся легкими и могут быть сделаны по любому мотиву. Любовь к восхищению, которая, если ее

регулировать, иногда является похвальным инстинктом, при отсутствии контроля превращается в ловушку. Любовь к одежде - это модификация этого чувства, и она может помочь добиться результата, когда другие причины нарушают душевное равновесие.

Проституция среди несовершеннолетних. Рассматривая причины проституции в Англии, мы подошли к самому болезненному из всех явлений, связанных с этим состоянием человеческой жизни, а именно к огромным масштабам развращенности среди несовершеннолетних. Мы уже рассказывали о вреде недостаточного жилья и его пагубном влиянии на нравственность подрастающего поколения. В этой связи также особенно выделяется дурной пример; возможно, действительно, в отношении молодежи дурные связи представляют наибольшую опасность.

Раньше рабочий дом был одним из самых больших рассадников порока, и во всех его отделах царили свобода и несоблюдение правил. То, что дети, рожденные или воспитанные в таком месте, должны были вырасти развращенными, было вполне ожидаемым ходом вещей. Однако теперь, при новой Комиссии по законам о бедных, эта сцена лишилась своих отвратительных аксессуаров. Полы не смешиваются, дети не общаются со взрослыми: дается хоть какое-то образование. Самые сладкие и святы узы - семейные - отсутствуют, а самоуважение совершенно не развито. В отсутствие этих защитных влияний удивительно не то, что так много детей становятся больными, а то, что так много девочек становятся хорошими. Раньше также существовала система обязательного ученичества для нищих, и интересы приходского ученика вне дома очень мало учитывались. Это, опять же, было изменено, как в городе, так и в деревне, и улучшение заметно.

Несмотря на все это, в лондонской *"Таймс"* (июнь 1848 г.) сообщается, что корреспондент, посетивший один из столичных рабочих домов, был поражен счастливым и здоровым видом детей женского пола и поинтересовался у хозяина дома, что стало со всеми ними. Ему сообщили, что в возрасте четырнадцати лет их рассылают по домам в качестве слуг или в других качествах, и что *девять десятых* из них, пройдя от места до места работы, в конце концов развращаются и выходят на улицу.

Многие авторы считают фабрики виновниками безнравственности и проституции среди подростков. Фабрики в Англии, как известно большинству наших читателей, представляют собой учреждения, существенно отличающиеся в некоторых отношениях от фабрик в нашей стране. Ни в одной черте нет такого большого различия, как в характере рабочих. Фабричные дети Англии - это отпрыски беднейших слоев общества, единственным наследием которых является нищенство, причем заработная плата ни разу не была слишком хорошей, а часто доходила до голодной смерти. Жалкие заработки фабрикантов еще больше сокращаются из-за постоянных забастовок и состязаний с работодателями, в которых рабочие должны уступать. Маколей рассказывает, что два века назад использование детей на фабриках и зависимость родительского хлеба от заработка детей были известным фактом, который осуждали филантропы. Внедрение машин и повышение стоимости детского труда постепенно усугубили все ужасы фабричной системы, чудовищность которой вызвала возмущение непродушенной общественности и вынудила парламент вмешаться в ситуацию. Билль о десятичасовом рабочем дне, правила о воспитании фабричных детей, назначение правительством фабричных комиссаров и инспекторов - все это способствовало улучшению тяжелой участи фабричного ребенка. Занятость совсем маленьких детей на фабриках все еще вызывает сожаление, а точнее, ее необходимость, так как, вероятно, лучше, чтобы они были заняты не очень трудоемким делом, чем бродили по улицам.

Многие авторы настаивают на прямом влиянии фабричной работы на подростковую проституцию; другие делают некоторые оговорки, например: "Молодые люди занимаются проституцией только в часы отдыха. В рабочее время они обычно заняты в разных частях здания. Они имеют определенный уровень образования. Их родители, как правило, или очень часто, работают в одном и том же заведении. Предположим, что этих детей не было бы на фабрике, где бы они были и что могли бы делать? Разве дурное влияние распространено только на фабрике? Теснота дома, частое пьянство и разврат родителей и товарищей, бесконечная нищета, частые посещения рабочих домов - все это обстоятельства, которые были рассмотрены и аргументированы в данном случае. Но в том, что малолетняя проституция и разврат в фабричном населении имеют место, никто не сомневается; в том, что они связаны исключительно или главным образом с фабричной жизнью, другие не уверены.

То, что дети, работающие на фабриках и тем самым вносящие свой вклад в семейный бюджет и собственное содержание, могли бы добиться большего при нынешнем состоянии английского общества, сомнительно. Владельцы фабрик обязаны уделять часть своего времени образованию. Создаются воскресные школы; ведущие землевладельцы уделяют личное внимание улучшению положения бедных; многие строят хорошие коттеджи (за которые, кстати, получают хорошие проценты в виде арендной платы); многие инспектируют школы; некоторые строят школьные дома и платят учителям. Добрый пример благожелательных владельцев мельниц в какой-то мере заставляет других, чье нравственное восприятие менее острое, следовать им.

Мы не станем утверждать, что английские хлопчатобумажные фабрики - это тип тысячелетия, в большей степени, чем аналогичные учреждения по эту сторону Атлантики. На самом деле, у нас есть свое мнение по этому вопросу, но обычная честность требует, чтобы мнение всех, кто исследовал этот вопрос, было честно зафиксировано. Приводя различные аргументы в пользу фабричного труда и его влияния на безнравственность, мы представляем на рассмотрение лишь некоторые темы.

Болезни детей. Важным фактом для общественного здравоохранения являются болезни, приобретаемые детьми. В первом обращении, выпущенном Лондонским обществом защиты молодых женщин, говорится, что в трех лондонских больницах за предыдущие восемь лет было зарегистрировано не менее двух тысяч семисот случаев венерических заболеваний у детей в возрасте от одиннадцати до шестнадцати лет.

Доктор Райан по тому же вопросу, говоря о своем профессиональном опыте в качестве медицинского работника нескольких благотворительных организаций, упоминает о шоке, который он испытал, увидев многочисленные случаи венерических заболеваний у детей.

Мистер Миллер из Глазго подтверждает тот же факт.

Весьма несовершенные данные, которые существуют в этой важной области нашего предмета, не позволяют составить сколько-нибудь обоснованное мнение о распространении болезни из этих ювенильных источников. Тем не менее, на основании немногочисленных фактов и тех возможностей, которые предоставляются в их возрасте для общения между детьми, можно сделать вывод, что распространение болезней от прямого заражения и ухудшение здоровья и конституции от неизвестных излишеств должны быть очень велики.

Непристойные издания - их огромное количество, и степень заражения несовершеннолетних из этого источника должна быть очень велика. Общество подавления

порока в Лондоне сообщает о том, что в разные периоды оно изымало тысячи непристойных книг, медных табличек и гравюр, и все они были уничтожены. В течение трех лет они добились уничтожения

богохульных и нечистых книг	279
Непристойные издания	1,162
Непристойные песни (на листах)	1,495
Непристойные гравюры	10,493

И даже это всего лишь один из пунктов подсчета.

Полиция Лондона не проявляет особого интереса к этому вопросу. Вышеупомянутое общество является главным агентом по пресечению этого позорного вида разврата. В Лондоне есть места, где эта торговля все еще живет и процветает, несмотря на все нападки на нее. Холиуэлл-стрит на Стрэнде и окрестности Лестер-сквер - места, пользующиеся позорной славой в этом отношении. Секрет в том, что везде, где есть общественный спрос, никакие репрессивные законы никогда не помешают торговле. Попытка подавления лишь делает ее более выгодной.

Развращение юношеских умов и подготовка к проституции - таков вклад этих изданий. Вопрос о том, какое количество проституток стало таковыми непосредственно по этой причине, остается открытым. Результаты инспекции не показывают, что лондонские проститутки, как и другие, любят книги и печатные издания непристойного содержания. Их литературный вкус - это тот, который преобладает среди людей с низким интеллектуальным уровнем. Захватывающие истории, романы с обилием ужасов, захватывающие любовные романы, высокохудожественные и преувеличенные повествования - вот их вкус. В практике проституции непристойные или развратные гравюры используются главным образом для украшения комнат посетителей борделей.

Образование. В отношениях между образованием и преступностью нет никаких отличительных признаков, по которым проституция могла бы быть отделена от любого другого развития порока или безнравственности. Можно предположить, что те же общие законы, которые применяются к нерегулируемому проявлению страстей, применимы и к тем, с которыми в основном связана проституция.

В нынешнем поколении принято считать, что преступление - это порождение невежества, поэтому криком является "Образование!". Образование стало партийным лозунгом в Англии. Необходимость образования, его качество и количество, а также все второстепенные вопросы, вытекающие из основного, являются предметом самой жаркой полемики. Однако последние результаты, полученные в ходе статистических исследований, заставляют задуматься над вопросом о ценности образования вообще. В данной работе мы не будем обсуждать этот факт, указывать на средства решения проблемы или недостатки системы, которая может привести к возникновению такого вопроса. Мы приведем факты. Из парламентских отчетов за 1846-1848 годы следует, что число образованных преступников в Англии в то время более чем в два раза, а в Шотландии - более чем в три с половиной раза превышало число необразованных:

Годы.	Англия.		Шотландия.	
	Образованные.	Необразованные.	Образованный.	Необразованный.
1846	16,963	7698	3155	903

1847	19,307	9050	3562	1048
1848	20,176	9671	3985	911

При подсчете процента от некоторых преступных доходов за указанные годы были получены следующие результаты:

	1839.	1840.	1841.	1842.	1843.	1844.	1845.	1846.
Необразованные	33-53	33-32	33-21	32-35	31-00	29-77	30-61	30-66
Несовершенно образованные	53-48	55-57	56-67	58-32	57-60	59-28	58-34	59-51
Хорошо образованные	10-07	8-29	7-40	6-77	8-02	8-12	8-38	7-71
Высшее образование	0-32	0-37	0-45	0-22	0-47	0-42	0-37	0-34
Неопределенный	2-60	2-45	2-27	2-34	2-91	2-41	2-30	1-78
	100-	100-	100-	100-	100-	100-	100-	100-

Эта таблица, которая на первый взгляд убедительно доказывает увеличение числа преступников, не получивших должного образования, и уменьшение как тех, кто умел хорошо читать и писать, так и тех, кто вообще не умел читать и писать, может стать и уже стала предметом многочисленных псевдофилософских замечаний, доказывающих вред образования. Прежде всего, он показывает лишь последствия частичного образования, если вообще что-то показывает. Но несчастье статистических результатов заключается в том, что на них полагаются слишком безоговорочно, с узким умом подчиняясь цифрам и фактам, тогда как они должны сопровождаться объясняющими обстоятельствами, которые могут либо повысить их ценность до уровня математической демонстрации, либо настолько их изгладить, что они станут совершенно бесполезными. При рассмотрении вышеприведенных цифр можно сделать вывод, что рост образования шел в ногу с ростом населения, и что в статистике преступности увеличение числа малообразованных людей было бы столь же ощутимо, как и в других местах. Простое чтение и письмо, не сопровождаемые нравственным возвышением, не исправят человечество. В одиночку они не помешают голодному человеку утолить свой голод. Слова Цезаря применимы как к преступникам, так и к заговорщикам:

"Пусть при мне будут толстые люди,
Гладкоголовых и таких, которые спят ночами":
У твоего Кассия худой и голодный вид".

Продолжая этот вопрос и обращаясь к таблицам численности населения за 1851 год, период последней переписи, мы обнаруживаем, что Мидлсекс был самым образованным графством, если принять за критерий образованности подпись в брачном журнале. Восемьдесят два процента подписали брачный реестр, однако в списке преступности Мидлсекс занимал третье место среди всех графств Англии. Глостер, занимавший первое место по преступности, был далеко не самым невежественным. Там шестьдесят пять процентов подписывали реестр. Средний показатель всего населения по тому же списку - сорок процентов. И здесь снова есть уточняющее обстоятельство. Лондон включен в Мидлсекс, с его огромной кипящей массой человеческих страданий и коррупции, чтобы раздуть рекорд преступности, в то время как его общее население, конечно, является самым умным в Британской империи, так что в одном и том же месте можно найти одновременно самый

большой интеллект и самое большое несчастье. Нам неизвестны подобные обстоятельства в Глостершире.

Доктор Райан, пишущий по этому поводу, ссылается на отчет столичной полиции за 1837 год, из которого следует, что среди проституток, арестованных в том году, было

Не умели читать и писать	1773
"читают и пишут плохо	1237
"" "" "хорошо	89
Получил хорошее образование	4
Всего	3103

Это довольно справедливый критерий, поскольку, хотя, как уже говорилось, полиция вмешивается только в дела нарушителей спокойствия, а все они подпадают под технический термин "пьяные и буйные", все же мы считаем, что состояние проституции в Лондоне таково, что в течение года через руки полиции проходит средняя доля всех категорий куртизанок.

Мистер Тэйт, говоря об Эдинбурге, подтверждает мнение о воспитательном влиянии. Большая часть эдинбургских проституток (восемьдесят семь процентов) читает и пишет. Шотландские крестьяне, возможно, самые образованные в Европе, и девушки, приезжающие в Эдинбург из деревни, не являются исключением из правила. Необразованными, по мнению мистера Тейта, являются городские девушки.

Что касается религиозной принадлежности проституток, то на вопрос о том, что у проститутки может быть религия, мы можем сказать в доброжелательном духе капрала Трима, но с сомнением: "У негра есть душа, ваша честь". В Эдинбурге к ним относятся все секты, кроме индепендентов, баптистов и квакеров. Возможно, найдутся те, кто с улыбкой отнесется к мысли о том, что проститутка может иметь какую-то веру. А сколько среди нас тех, чьи поступки соответствуют нашим религиозным убеждениям? В Лондоне у нас нет данных на этот счет.

Незаконнорожденные дети, по общему мнению большинства писателей, должны быть отнесены к разряду проституции. Во Франции, как утверждают те, кто обладает глубокими познаниями в этой области, существует почти предрассудок против брака, хотя он может быть совершен как законная церемония. Мы считаем, что Бейль Сент-Джон констатирует этот факт. В бедных районах Лондона, например, в Ист-Энде, как известно, многие живут в состоянии наложничества. И еще: в сельской местности, вдали от густонаселенных городов, часто можно встретить женщину безнравственных привычек, имеющую двух или трех незаконнорожденных детей от разных мужчин, с которыми она сожительствовала. В городе такая женщина, скорее всего, была бы проституткой; впрочем, она не лучше, но все же она не проститутка по найму. Но перейдем к деталям.

Число незаконнорожденных на каждую тысячу родившихся в различных графствах выглядит следующим образом:

Камберленд	108
Норфолк	105
Херефорд	100
Салоп	99
Ноттингем	91

Чешир	89
Уэстморленд	87
Саффолк	81
Дерби	81
Беркс	79
Лестер	79
Северный Уэльс	78
Южный Уэльс	72
Йорк	71
Стаффорд	69
Сассекс	68
Кембридж	66
Линкольн	64
Мидлсекс	40

Камберленд - пасторальное и горное графство с малочисленным населением. Норфолк - сельскохозяйственное и пастбищное графство, разделенное на крупные фермы. В обоих графствах нет крупных городов. Стаффорд - промышленное графство, с длинным списком густонаселенных маленьких городков, в которых можно найти столько же нищеты и бедности, как и в любой другой части Англии. В Мидлсексе находится Лондон. Здесь мы сразу видим, что незаконнорожденность и проституция - не одно и то же. Там, где нет проституток, есть бастарды, но женщины в деревне в основном заняты; они вынуждены работать в поле, на грубой сельской работе или в каком-нибудь домашнем производстве, таком как изготовление пуговиц, чулок и т. д.

Здесь можно упомянуть об очевидном парадоксе, хотя он и не имеет непосредственного отношения к данным исследованиям. Преобладание бастардов сопровождается преобладанием ранних браков. Это было объяснено теорией, согласно которой оба эти явления зависят от сексуальных инстинктов, стимулированных преждевременно или чрезмерно, которые стремятся к браку, когда это возможно, или к незаконным половым связям, когда это невозможно[309].

Нелегитимность в некоторой степени регулируется непропорциональным количеством полов. При избытке женщин бастардов мало, при избытке мужчин - много. На этом факте, не подкрепленном уточняющими обстоятельствами, может быть основан аргумент о врожденности полового инстинкта у самок. Можно было бы ожидать, что соотношение будет несколько иным, а именно: рост проституции при избытке мужчин, но увеличение числа бастардов при избытке женщин.

Количество изнасилований в Англии, похоже, зависит от избытка мужчин над женщинами. Там, где число незаконнорожденных детей превышает среднее, изнасилования происходят реже.

Случаи жестокого обращения с детьми в возрасте от десяти до двенадцати лет составляют три на каждые десять миллионов всего населения. В этом вопросе есть некоторая сложность, связанная с юридическим формализмом в вопросе возраста. В любом случае, ни один из последних показателей преступности не имеет никакой ценности, поскольку включает в себя только те случаи, которые были расследованы в судебном порядке и

доказаны до обвинительного приговора. Многие виновны, но оправданы, а многие так и не были обвинены в совершении преступления. Стыд не позволяет привлечь к ответственности; или, в случае с детьми, факт не раскрывается, или же он компрометируется.

Содержание публичного дома, как мы уже говорили, является преступлением по общему праву. Мы можем подсчитать количество подобных преступлений на каждые десять миллионов населения. В Мидлсексе оно составило двести девяносто шесть, в Ланкашире - сто восемьдесят три. Оба графства включают в себя самые густонаселенные города Англии. В Ланкашире находятся Манчестер и Ливерпуль. Этот факт также не имеет большого значения из-за особенностей применения закона по данному вопросу. Отдаленные или косвенные повреждения общественной безопасности в Англии не замечаются. Полиция может быть хорошо осведомлена о замышляемых и планируемых преступлениях, а также о местах их обитания, но теория общественного правосудия заключается в лечении, а не в предотвращении.

Соккрытие рождения - это преступление, которое, поскольку оно происходит от неправомерного сексуального контакта, обычно ассоциируется с проституцией. В Херефорде и других графствах доля незаконнорожденных составляет восемьдесят восемь из каждой тысячи рожденных, а на каждую тысячу бастардов приходится двадцать два сокрытия.

В четырех графствах незаконнорожденных было пятьдесят восемь на тысячу, а сокрытий - тринадцать на тысячу незаконнорожденных.

В пятнадцати графствах на каждую тысячу рождений приходилось пятьдесят три незаконнорожденных, а на каждую тысячу незаконнорожденных - двадцать семь сокрытий.

При наибольшей доле незаконнорожденных было меньше всего сокрытий; а именно, при семидесяти девяти незаконнорожденных из тысячи рождений было всего двенадцать сокрытий на тысячу незаконнорожденных.

Совершенно невозможно с точностью определить количество проституток в Лондоне, и даже удовлетворительное приближение к нему крайне затруднительно; тем не менее очень важно как можно ближе подойти к реальным фактам, потому что без этого знания невозможно составить адекватное представление об огромном рассаднике болезней и разврата, постоянно действующем в великой столице, проливающимся и распространяющим свой пагубный рост со всех сторон, по каналам, неизвестным и не подозреваемым.

Мистер Колхун, магистрат британской метрополии в конце прошлого века (1796), произвел произвольное перечисление, определив количество проституток в Лондоне в пятьдесят тысяч. Доктора Райан, Кэмпбелл, мистер Тэлбот и другие доводят их количество в 1840 году до восьмидесяти тысяч!

Мистер Мэйн (ныне сэр Ричард Мэйн), главный комиссар столичной полиции в 1840 году, оценил количество обычных лондонских проституток, которое, по его мнению, составляло тогда восемь тысяч и выше. Кажущееся непримиримое расхождение этих цифр, несомненно, кроется в свободной терминологии одной стороны и формальности другой. Термин "проститутка", по-видимому, лучше всего применять к тем несчастным женщинам, которые делают проституцию своим единственным призванием и поэтому могут быть названы "регулярными" проститутками, в то время как более широкая оценка включает все оттенки, как "регулярные", так и "случайные" или "нерегулярные", под которыми понимаются те

женщины, у которых проституция является вспомогательной по отношению к какому-либо авторитетному призванию.

Мы не можем обнаружить, чтобы лондонская полиция составляла какие-либо достоверные или подробные отчеты об этой сфере общественной жизни, хотя она должна обладать особыми и исключительными полномочиями по их подготовке. Еще в 1837 году был сделан следующий приблизительный подсчет.

	1-й класс.	2d Класс.	3d Класс.	Итого.
Хорошо одетые проститутки в борделях	813	62	20	895
Хорошо одетые проститутки на улицах	1460	79	73	1612
Проститутки, проникающие в низкие кварталы	3533	147	184	3864
	5806	288	277	6371

На этих данных мистер Мэйн, вероятно, основывал свою оценку 1840 года[\[310\]](#).

Мистер Тальбот, секретарь Общества защиты молодых женщин, провел специальное расследование, как лично, так и с помощью местной полиции разных городов; и хотя его данные очень скудны, он утверждает, что убедился в общей точности следующих цифр, показывающих количество постоянных проституток в разных городах.

Эдинбург	800
Глазго	1800
Ливерпуль	2900
Лидс	700
Манчестер	700

Все стороны, однако, согласны в том, что невозможно составить что-либо похожее на правильную оценку "количества служанок, мельничих и женщин из высшего и среднего классов общества, которые могут быть должным образом классифицированы как проститутки, или женщин, которые часто посещают театры, казармы, корабли, тюрьмы и т.д."

В 1851 году полиция Дублина опубликовала в своих статистических отчетах данные о количестве проституток в этом городе, которые являются единственным публичным или официальным документом по этому вопросу, имеющим хоть какую-то видимость системы или точности. Он выглядит следующим образом:

1848	Бордели	385	Проститутки	1343
1849	"	330	"	1344
1850	"	272	"	1215
1851	"	297	"	1170

Эта таблица свидетельствует о постоянном снижении числа таких женщин. Нам неизвестно, каковы местные причины этого, и мы не знаем, уравнивается ли это ростом "хитрой" или случайной проституции.

На основе предыдущих цифр был произведен расчет количества постоянных проституток по отношению к численности населения в нескольких городах. Судя по всему, он был основан на количестве жителей на дату проведения различных оценок. В Дублине - по данным переписи 1851 года, в остальных городах - по данным переписи 1841 года.

Пропорция проституток к населению.

	Количество Проституток.	Пропорция к населению.					
		К мужчинам.		К женщинам.		К общему Населению.	
Ливерпуль	2900	1 к	43	1 до	45	от 1 до	88
Манчестер	700	от 1 до	156	от 1 до	169	от 1 до	325
Лидс	700	от 1 до	70	от 1 до	75	от 1 до	145
Эдинбург	800	от 1 до	106	от 1 до	130	от 1 до	236
Глазго	1800	от 1 до	87	от 1 до	97	от 1 до	184
Дублин	1170	от 1 до	101	1 к	119	от 1 до	220
Пробка[311]	350	От 1 до	113	От 1 до	134	от 1 до	247

Среднее значение из приведенных выше показателей может быть принято за справедливое представление общего состояния королевства. Отличительные обстоятельства, на которые мы уже ссылались как на специфические для каждого города или района, конечно же, нейтрализуются совокупностью.

Например, Ливерпуль - большой морской порт, и большое количество обычных проституток там неизбежно. В Манчестере, крупном промышленном городе, с огромным количеством нищих и фабричных рабочих, проституция будет пользоваться меньшим спросом; соответственно, доля проституток будет гораздо меньше. Глазго является одновременно и промышленным, и торговым городом; здесь пропорция опять же больше. В Дублине мало торговли, но он является столицей, имеет суд и большой гарнизон. Сочетание всех этих обстоятельств наблюдается в Лондоне, и справедливую оценку можно получить, сложив все предыдущие пропорции вместе, что даст среднее значение примерно 1 к 232, и это при численности населения (2 362 000 человек) с точностью до десяти тысяч.

Мы уже видели, что в 1840 году мистер Мэйн высказал свое мнение о том, что в Лондоне насчитывается около восьми тысяч постоянных проституток, оговорив это утверждение полным невежеством в отношении нерегулярных, которые не делают проституцию своим единственным средством существования. Мистер Мэйн располагал особыми источниками информации, и более чем вероятно, что его мнение было вполне обоснованным. Исходя из вышеприведенных расчетов, из лучших доступных нам источников по этому очень неясному вопросу, мы с удовлетворением можем предположить, что десять тысяч - это, по крайней мере, вероятное приближение к числу *регулярных* проституток в Лондоне.

Мистер Мэйн в своем заявлении на эту тему упомянул, что было 3335 борделей. Некоторые авторы пытались подсчитать количество проституток, исходя из этого числа домов; один предполагал три, другой - десять. Доктор Уордлоу остановился на пяти женщинах на дом, не имея, как нам кажется, никаких точных оснований для предпочтения этой цифры. Эти различные мнения можно объяснить следующим образом:

5 женщин в каждом доме дадут		16,675	проституток.
4"" (как в Дублине)	даст	13,340	"
3"" (как в Корке)	""	10,005	"

Нам не удалось получить заявление мистера Мейна *ipsissimis verbis*, и если это не так, мы можем ошибиться, но мы склонны думать, что в своем официальном качестве мирового судьи и в своем личном качестве адвоката мистер Мейн был бы склонен отнести термин "бордель" без разбора ко всем домам, торгующим проституцией, будь то дома ассигнаций или дома, в которых проститутки обычно проживают. Если наше толкование слова "бордель" в этом смысле верно, то очевидно, что любая попытка перечислить их по количеству женщин в каждом доме была бы ошибочной. Выражение, используемое дублинской полицией, - "дома, посещаемые или занимаемые", и его двусмысленность показывает, что власти этой страны рассматривали слово "бордель" в том смысле, который придают ему английские юристы.

Как это число в десять тысяч постоянных проституток отражается на численности населения?

В Лондоне их больше двадцати лет,

	Мужчины.	Женщины.
Бакалавры	196,851	
Девы		246,124
Мужья	398,624	
Жены		406,266
Вдовцы	37,064	
Вдовы		110,028
Итого	632,545	762,418

Если не учитывать дробь, то пропорции будут такими,

Холостяки и вдовцы	1	в	23
"всего мужского населения	1	"	63
""женское""	1	"	76
"совокупное население старше двадцати лет	1	"	139

Таким образом, десять тысяч человек составляют ядро лондонской системы проституции. Те женщины, которые попадают под определение "нерегулярные проститутки", ни в коем случае не менее вредны для общества, чем "регулярные". Разница заключается в том, что у них есть другое реальное или номинальное занятие, которому они следуют в зависимости от обстоятельств. Даже в меру верная оценка их количества - не более чем догадка, и поэтому мы считаем целесообразным предоставить читателям наши собственные ограниченные средства информации и сделать вывод. В этом деле необходимо учитывать так много

элементов, а данные настолько скудны, что мы считаем себя вправе лишь высказать свое мнение, а не объявить удовлетворительное заключение.

Чтобы показать крайности, к которым может привести доктрина возможностей в этом развитии несчастий и порока, мы обратимся к высказываниям некоторых из самих лондонских проституток-игольщиц. Мы приводим цитату из писем Мэйхью в газету Morning Chronicle:

"Теперь я перехожу ко второму испытанию, которое было принято для проверки моих выводов. Речь идет о созыве такого количества рукодельниц и работниц, которое позволило бы мне вывести правильное среднее значение заработка этого класса. Мне особенно хотелось сделать это не только в отношении более респектабельной части работниц, но и в отношении тех, кто, как мне было известно, прибегал к проституции, чтобы прокормиться. Я посоветовался с одним другом, хорошо знакомым с привычками и чувствами работниц, относительно возможности собрать некоторое количество женщин, готовых заявить, что они были вынуждены пойти на улицу из-за низких цен на свою работу.^[312] Он сказал мне, что боится, что, поскольку стыд за их образ жизни станет известен, будет почти невозможно собрать некоторое количество женщин, готовых сказать об этом публично. Однако было решено провести хотя бы эксперимент и сделать все возможное, чтобы гарантировать сторонам строгую конфиденциальность собрания. Было решено, что я и этот джентльмен будем единственными мужчинами, которых можно будет увидеть на этом мероприятии, и что место встречи должно быть освещено как можно тусклее, чтобы они едва ли могли видеть друг друга или нас. Карточки для входа были выданы в частном порядке, и, к удивлению моего друга, в назначенный вечер в назначенное место пришли двадцать пять человек, намереваясь рассказать о горестях и страданиях, которые заставили их выйти на улицы, чтобы добыть хлеб, который им не позволяли получить жалкие цены, уплачиваемые за их труд.

"Никогда в истории не было такого зрелища и таких рассказов. Там, в тусклой дымке большой голой комнаты, где они собрались, сидели женщины и девушки, некоторые с младенцами, сосущими грудь, другие в лохмотьях, и даже те, кто взял займы, чтобы они могли прийти и рассказать о своих страданиях миру. За последнее время я был свидетелем многих сцен скорби; я слышал истории, которые приводили меня в уныние; но никогда, до прошлой среды, я не слышал и не видел ничего столь торжественного, столь ужасного, как это. Если когда-либо и слушали красноречие, то только в излияниях сердец этих несчастных, измученных матерей за своих малюток, рожденных на свет, когда каждая рассказывала о своих страданиях и борьбе и обнародовала свой позор среди судорожных рыданий других - да что там, всех присутствующих. За ширмой, скрытой от глаз, чтобы не ранить скромность женщин, которые, тем не менее, знали об их присутствии, сидели два репортера из этого журнала, чтобы записывать *дословно* признания и заявления собравшихся, и именно им я обязан тем, что ниже привожу отчет о заявлениях, сделанных на собрании".

Далее следует ряд самых душераздирающих заявлений, все они имеют ту же цель, что и те, что цитируются в других частях этой работы, и имеют все внутренние доказательства истинности. Письмо завершается следующим предложением:

"Они единодушно заявили, что значительное число работниц торговли - вероятно, четверть всех или половина тех, у кого нет мужей или родителей, способных их содержать, - вынуждены прозябать на улице, чтобы заработать на жизнь. Таким образом, если предположить, что данные правительства верны, и что в стране насчитывается до

одиннадцати тысяч женщин моложе двадцати лет, живущих работой иголкой и шваброй,[313] то численное количество проституции становится ужасным для созерцания".

Таким образом, мы имеем доказательства того, что, "вероятно", четвертая часть всех женщин, занимающихся швейным делом для получения средств к существованию, вынуждена время от времени прибегать к проституции как к единственному и обязательному спасению от голодной смерти.

Число женщин, занятых в швейном деле, огромно. Согласно переписи 1851 года, они составляют, по сути, основную часть женского трудоспособного населения Великобритании, за исключением домашних слуг, прачек и лиц, занятых в сельском хозяйстве, а также на хлопчатобумажных и льняных фабриках. Данные по трем королевствам выглядят следующим образом:

Шляпники	3,500
Изготовители соломенных шляп	20,500
Изготовители шляп	7,600
Изготовление колпаков	4,700
Меховщики	1,900
Портные	17,600
Мастера по изготовлению платков	3,200
Валяльщики	267,400
Швеи	72,900
Обитатели	12,700
Изготовители чулок	30,700
Гловеры	25,300
Кейс-мейкеры	31,400

Во всей Великобритании этот класс насчитывает 1,787,600

Из них в возрасте до двадцати лет 458,168

Мы не располагаем подробными сведениями о профессиях жителей Лондона, но доля населения метрополии в населении Великобритании составляет примерно одну девятую. Одна девятая от вышеуказанной совокупности даст для Лондона около 196 500 женщин, занятых в швейном деле, причем все они, как можно предположить, старше пятнадцати лет. Мы опускаем из рассмотрения женских профессий тех, кто занят в сельском хозяйстве и на фабриках, поскольку эти профессии имеют сравнительно мало представителей в столичных районах, хотя их больше, чем можно было бы предположить. Прачки также опущены, поскольку очень большая их часть в Лондоне и его окрестностях, как известно, замужние женщины и женщины среднего возраста. Но еще один класс, которому все авторы приписывают большое количество проституции, - это домашняя прислуга, наиболее многочисленная в Лондоне. В метрополии насчитывается 165 100 домашних слуг, о специфически незащищенном характере которых как класса можно судить по тому необычному факту, что в работные дома, больницы и приюты для лунатиков они поставляют огромное количество заключенных, превышающее количество заключенных любого другого класса.

Таким образом, показаны две очень большие цифры, вместе составляющие 361 000, как запас, из которого можно получить проституток в любом объеме. Некоторое рассмотрение, возможно, возраста проституток и других обстоятельств, связанных с состоянием женского населения, позволит нам оценить положение дел, не будучи вынужденными рассматривать эти огромные цифры как неспособные к сокращению.

Природа указывает на период между 15 и 45 годами как на возраст, в течение которого должна продолжаться проституция. Много говорилось о средствах, используемых для заманивания малолетних детей в целях проституции. Мы совершенно убеждены в этом факте, но должны считать, что в совокупности он не имеет большого численного значения. Влияние дурного общения на молодых людей бесконечно более пагубно, и степень развращенности молодежи по этой причине очень велика среди бедных слоев населения, что заставляет нас отнести возраст начала проституции к двенадцати годам.

Что касается периода жизни, в котором заканчивается карьера проститутки, то некоторые английские писатели утверждают, что лишь незначительная часть из них достигает сорока пяти лет, занимаясь своим разрушающим душу и здоровье ремеслом. Мистер Тейт говорит: "Менее чем через год после начала своей порочной карьеры эти женщины несут явные признаки приближающегося упадка, а в течение трех лет очень немногие из них могут быть узнаны своими старыми знакомыми, если им посчастливится пережить этот период". Эти замечания в большей степени относятся к тем, кому больше двадцати лет, когда они вступают в ряды жертв". Исходя из среднего показателя по Эдинбургу, мистер Тэйт предполагает, что "не более одного из одиннадцати доживает до двадцати пяти лет; а если взять вместе тех, кто упорствует в пороке, и тех, кто, оставив его, умирает от болезней, возникших от излишеств, к которым они пристрастились во время его продолжения, то, возможно, не менее пятой или шестой части всех, кто принял этот греховный курс, умирают ежегодно". Доктор Райан, похоже, придерживается мнения, что средняя продолжительность жизни после начала проституции составляет четыре года.^[314] Капитан Миллер из Глазго считает, что "средний возраст, в котором женщины становятся брошенными, составляет от пятнадцати до двадцати лет, а средняя продолжительность жизни женщин, продолжающих этот порок, - около пяти лет".

Возраст пациенток, поступивших в больницу Лок в Эдинбурге, был следующим:

до 15 лет	42
От 15 до 20 лет	662
"20" "25"	199
"25" "30"	69
"30" "35"	16
"35" "40"	6
Более 40 лет	6
Всего	1000

Только эти цифры позволяют предположить, что возраст проституток колеблется от двенадцати до тридцати лет, а ^{(861)/1000} - от пятнадцати до двадцати пяти. Согласно приведенной выше таблице, девять десятых от числа двадцатилетних исчезли к тридцати годам, а если учесть мнение капитана Миллера о том, что "случаи исправления и отказа от жизни очень редки", то можно сделать вывод, что их карьера заканчивается смертью^[315].

Если выяснить продолжительность проституции, то мы обнаружим, что число женщин в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет. Во всем женском населении это одна пятая часть, но очень пожилые или очень молодые обязательно исключаются из классов работниц и служанок; среди служанок, действительно, пять и выше моложе двадцати и три старше двадцати лет. Таким образом, это свидетельствует о незначительном сокращении численности.

Разумно предположить, что часть из них - замужние женщины с живыми мужьями, а если так, то небезосновательно, что их жены не вынуждены прибегать к проституции; собственно, сами бедняжки, похоже, подразумевают такой иммунитет. Число жен составляет около трети всего женского населения; из них около четверти заняты в других профессиях, помимо тех, которыми занимаются их мужья. Если мы вычтем из числа швейных мастериц только такую долю, то это уже кое-что даст, когда нам придется иметь дело с такими огромными массами; мы должны вычеркнуть почти 50 000, оставив только 150 000 швейных мастериц.

Утешает, однако, тот факт, что из этих швейных работниц три четверти, как известно, старше двадцати лет; и если мы вместо трех четвертей возьмем только одну половину, а другую четверть оставим для разницы между двадцатью и двадцатью пятью годами, то это снизит нашу цифру до семидесяти пяти тысяч.

Все эти вычеты, как мы опасаемся, являются чрезмерными; кроме того, следует помнить, что вышеупомянутые большие суммы ни в коем случае не включают все женские профессии Лондона,^[316] а только те классы, которые, либо из-за соблазна, связанного с их положением, либо из-за настоятельных требований нужды и необходимости, по мнению компетентных органов, особенно подвержены риску проституции. Если к этому большому числу женщин, которое мы не можем считать менее 273 000 в возрасте от двенадцати до двадцати пяти лет, добавить всех остальных обитателей великого города, не имеющего себе равных по величине, включающего в себя все особенности всех других городов, одновременно производственного, торгового, гарнизонного и столичного, и, наконец, содержащего самое большое население в мире, одна такая единица - почти четыреста тысяч незамужних женщин старше двенадцати лет, то, действительно, масса несчастий, убогости, порока и преступлений, скопившаяся там, ужасает ум, пытающийся разобраться с ней, и угнетает нас опасением, что даже восемьдесят тысяч, самая высокая оценка, которая была сделана, является, если понимать ее с учетом всех случайностей, не невероятной цифрой.^[317]

Англичане гордятся, и, надо признать, не без оснований, своими многочисленными и достойными восхищения общественными благотворительными организациями. В этом конкретном направлении, похоже, общественная благотворительность не проявлялась так либерально, как в некоторых других. "Радость будет на небе от одного грешника кающегося больше, чем от девяноста девяти праведников", - боимся мы, не относится к умам и сердцам земной плесени. Люди, как в благотворительных, так и в других организациях, хотят видеть отдачу от своих вложений; и, несмотря на огромное поле для благотворного труда в сфере проституции, среди общественности и чиновников сложилось общее впечатление, что это безвозвратно бесплодная трата денег и времени, и что тратить на это деньги и время - хуже, чем бесполезно. Однако достигнутые результаты свидетельствуют о том, что усилия филантропии, хотя и не принесли столь значительных плодов, как в некоторых других областях, не были совершенно напрасными. В связи с этими результатами следует также учитывать, что дисциплина в различных учреждениях строгая и даже отталкивающая, а такая политика плохо приспособлена для обеспечения большого успеха.

Больница Лок - старейшее учреждение в Лондоне, предназначенное для помощи потерявшим здоровье женщинам и полностью посвященное лечению венерических заболеваний. Она была основана в 1747 году, и за столетие в ней было вылечено 45 448 случаев.

Лондонская больница Магдалины была основана в 1758 году и до января 1844 года приняла 6968 женщин. Результаты были следующими:

восстановлены перед друзьями, устроены на службу или на другую достойную работу	4752
Выписаны по собственному желанию	1182
"за неподобающее поведение	720
Умер	109
Отправлены в другие учреждения (будучи невменяемыми или страдающими неизлечимыми болезнями)	107
Сбежал	2
Остались в больнице	96
Всего	6968

Значительное число женщин, выписанных из заведения, не достигли двадцатилетнего возраста; неизменным правилом является не увольнять ни одну из них (кроме как по ее собственному желанию или за плохое поведение) без предоставления средств, с помощью которых она могла бы добывать средства к существованию честным путем.

Убежище Лок было основано в 1787 году для приема кающихся пациенток, выписанных из больницы Лок; до марта 1837 года число принятых женщин составило 984. Результаты таковы:

примирились со своими друзьями	170
Устроены на службу или работу	281
Умерли	22
Оставшиеся в убежище	18
Всего	491

Из оставшихся многие были отправлены в свои приходы; некоторые сбежали, а некоторые были исключены за неподобающее поведение, но даже о некоторых из них впоследствии были получены благоприятные отзывы: известно, что некоторые из них были женаты и жили достойно, а другие честно зарабатывали на жизнь. Нам не удалось получить никаких сведений о работе этого учреждения с 1837 года.

Лондонская женская тюрьма была открыта в 1807 году. Из 6939 претенденток в нее были приняты 2717. Результаты таковы:

Примилены и возвращены друзьям, устроены на работу или обеспечены иным образом	1543
Выписаны по различным причинам	631
"по собственному желанию	350
Эмигрировали	47

Отправлены в свои приходы	23
Умерли	28
Оставшиеся в тюрьме	95
Всего	217

Опекунское общество было основано в 1812 году, и с этого времени по 1843 год в него были приняты 1932 несчастных изгоя, чтобы воспользоваться предлагаемыми им преимуществами. Результаты таковы:

восстановлены в правах	533
Устроены на работу или удовлетворительно обеспечены	455
Уволен или отозван	843
Отправлены в свои приходы	53
Умерли	17
Остались в учреждении	31
Всего	1932

Кроме этих учреждений, были созданы и другие с аналогичными целями, а именно: Британский приют для кающихся женщин, Женская миссия, Пенитенциарный центр в Южном Лондоне и еще один или два других. По сравнению с огромным количеством несчастных женщин в Лондоне, эти учреждения принесли очень мало пользы. За семьдесят семь лет, закончившихся в 1835 году, десять тысяч пять женщин были приняты в стенах четырех лондонских приютов, из которых шесть тысяч двести шестьдесят две (более трех пятых) были удовлетворительно обеспечены, а две тысячи девятьсот восемьдесят были выписаны за плохое поведение. Если взять все учреждения в Лондоне до этого времени, то можно с уверенностью сказать, что четырнадцать или пятнадцать тысяч проституток получили возможность вернуться к добродетельной жизни.

Те, кто, подобно фарисею, довольствуется тем, что благодарит Бога за то, что они не такие, как другие люди, и даже не такие, как эти несчастные, представляют собой очень невыполнимую задачу, и если есть такие, кто читает эти страницы, мы проходим мимо них и молимся за лучшее здоровье их душ. Нежные души, которые, подражая благословенному примеру, не сочтут зазорным оказать сочувствие и спасительную помощь мытарям и блудницам, могут в следующих строках, написанных проституткой и найденных у ее смертного одра, найти повод для размышлений и основание для веры в то, что все усилия в деле грешника не будут безуспешными. Они были озаглавлены

"СТИХИ ДЛЯ МОЕГО НАДГРОБНОГО КАМНЯ, ЕСЛИ ОН У МЕНЯ КОГДА-НИБУДЬ БУДЕТ.
ЕСЛИ ОН У МЕНЯ БУДЕТ.

"Жалкая жертва быстрого разложения,
Избавленный от жизни, на смиренном ложе из глины,
Последнее и единственное прибежище для моих бед,
Потерявшая любовь, погубленная женщина, я отдыхаю.
С печального часа я внимала его чарам,
И упала, поневоле, в объятья обманщика,
К той, чей ужасный покров скрывает все недостатки,
Укрыв мои страдания под этим желанным сводом,
Когда меня баловали, морили голодом, бросали или поили,

Мои мысли бились в попытках не думать.

И отвергнутая совесть не могла притязать на власть
чтобы улучшить передышку на один серьезный час.

Я не мог смотреть на себя прежнего;

Душа моя отшатнулась назад и пожелала больше не быть.

Глаза неустрашимы, а прикосновения нечисты,

Старый до старости, износившийся в зрелые годы;

Ежедневно унижаясь, чтобы заглушить отвращение.

От принудительного наслаждения в ущемленной похоти;

Покрытый виной, заразой, долгами и нуждой,

Мой дом - бордель, а улицы - мой притон,

Семь долгих лет я томился в бесчестье,

И ласкал, и ненавидел, и охотился на людей,

Пока не прошел весь путь греха и порока,

В двадцать два года разрушилась моя ткань".

Огромные масштабы этого зла, его глубоко укоренившиеся причины, трудность борьбы с ним с помощью религиозных аргументов, законодательных положений или призывов к здравому смыслу и физическому благополучию могут удержать филантропа от попытки очистить это стойло Аугеи; но доброжелательность выполняет задачи не менее трудные, и мы не можем завершить эту главу лучше, чем кратким описанием разочарований, которые сопровождали первые усилия миссис Фрай по реформации. Фрай в деле перевоспитания преступников-проституток в Ньюгейте, и благословенных результатов ее неслегкаемого упорства и непоколебимой веры[318].

Эта достойная восхищения женщина, впервые посетив Ньюгейт, обнаружила женскую часть тюрьмы в таком состоянии, которое не описать никакими словами: "Около трехсот женщин, отправленных туда за преступления всех степеней тяжести, а некоторые - под страхом смертной казни, теснились в двух небольших отделениях и двух камерах. Все они, как и толпа детей, спали на полу, порой по сто двадцать человек в палате, не имея даже коврика для подстилки. Многие из них были почти голыми. Все они были пьяны, и ее уши были оскорблены самыми ужасными проклятиями". Руководство тюрьмы, конечно, посоветовало ей не ходить среди них: *они были уверены, что ничего не получится!* Однако она все же решилась на испытание; она пошла одна в то место, которое, по ее мнению, было похоже на логово диких зверей. Напрасно губернатор уговаривал ее: "Она приложила руку к плугу и не должна была отступать". За один короткий месяц ее *моральное воздействие* и религиозные наставления оказали такой эффект, что она сочла себя вправе пригласить лорда-мэра, шерифов и нескольких олдерменов лично убедиться в результатах тех усилий, которые она сама и несколько леди - членов Общества друзей, присоединившихся к ней в этом благом деле.

Так убеждение было навязано тупым интеллектам корпоративных властей, и так началась эра тюремной реформы в Англии.

В нашей стране, где средства распространения разума безграничны, а исправительная система для преступников уже привлекла внимание европейских государственных деятелей и филантропов, не может быть непреодолимых препятствий даже в таком сложном деле, как то, на которое направлены наши труды. Перефразируя мнение одного из самых выдающихся эссеистов этого века,[319] мы осмелимся утверждать, что "невозможно допустить, чтобы социальные злоупотребления существовали в этой стране и на этой стадии развития

общества в течение многих лет после того, как их вред и беззаконие станут очевидными для широкой общественности".

ГЛАВА XXVI.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ - СИФИЛИТИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ.

Первое признание в Англии.- Постановления Генриха VI.- Лазарные дома.- Джон из Гаддесдена.- Хирург королевы Елизаветы.- Народные мнения.- Провозглашение Якова IV Шотландского.- Мидлсекские и Лондонские госпитали.- Армия.- Флот.- Купеческая служба.- Госпиталь Святого Варфоломея.- Предполагаемые масштабы сифилиса.

Лучшие английские и французские писатели придерживаются мнения, что сифилис в том виде, в котором он существует сейчас, в той или иной форме существовал среди человечества всегда, хотя он не был известен науке или истории в явном виде до середины пятнадцатого века.

Период, когда сифилис впервые появился в Англии, покрыт мраком, но мы знаем, что он начал привлекать к себе внимание в начале пятнадцатого века. Первым официальным признанием этого заболевания является полицейское постановление от 1430 года, во времена правления Генриха VI, исключающее венерических больных из лондонских больниц и требующее, чтобы они строго охранялись в ночное время. Во времена Генриха VIII в Лондоне было шесть лазаретных домов для приема венерических больных, а именно в Найтсбридже, Хаммерсмите, Хайгейте, Кингсленде, Сент-Джорджс-Гейте и Майл-Энде. Эти места, несомненно, были определены как находящиеся на некотором расстоянии от города.

Однако о том, что болезнь была известна задолго до указанного периода, можно судить по отрывкам, которые можно найти в трудах предыдущего столетия. Джон из Гаддесдена, писавший в 1305 году и являвшийся стипендиатом Мертон-колледжа в Оксфорде, так говорит о возможности заразиться болезнью от прокаженных женщин: "*Ille qui concubuit cum muliere cum qua coivit leprosas puncturas intra carnem et corium sentit et aliquando calefactiones in toto corpore.*"^[320] Mr. Wm. Актон, на чьи страницы мы в значительной степени опираемся как на английский стандарт в этой области, считает, что проказа, которая раньше была так распространена в Европе, состояла всего лишь из того, что мы сейчас называем вторичным сифилисом. Некоторые из еврейских обрядов, несомненно, были продиктованы научным пониманием влияния, которое предрасполагает организм к воздействию сифилитического вируса. Практика обрезания, похоже, была введена с целью уберечь избранный народ от венерической заразы, которой в жарком климате и при крайней нехватке средств для поддержания общей чистоты он был бы подвержен.

Что касается типа болезни в прежние времена, то нет никаких оснований полагать, что она была более тяжелой, чем в настоящее время, в то время как ее численное значение должно было быть гораздо меньше. Ниже приводится выдержка из трактата хирурга королевы Елизаветы:

"Если я не обманываюсь в своем мнении, то полагаю, что сама болезнь никогда не была так распространена в Неаполе, Италии, Франции или Испании, как в наши дни в Англии. Я могу говорить смело, потому что говорю искренне; и все же я говорю это с горечью в душе, что в госпитале святого Варфоломея в Лондоне за пять лет я и трое других излечили от этой болезни тысячу и более человек. Я ничего не говорю о больнице святого Томаса и других домах в городе, где ежедневно излечивается бесконечное число больных. В госпитале святого Варфоломея, пока я там находился, очень редко случалось, что из каждых двадцати больных, которых принимали в упомянутом доме, что чаще всего происходило в понедельник, десять из них были заражены *lues venerea*"[321].

В прежние века считалось, что сифилис передается при личном общении, прикосновении к одежде, питье из одних и тех же сосудов или даже дыхании одним воздухом с зараженными людьми, и, соответственно, мы видим, как низшие слои населения выгоняют на поля умирать, а врачи отказываются посещать больных из страха заражения.

Некоторые авторы, правда, сомневались в таком заразном влиянии и считали, что для этого необходимо общение или, по крайней мере, контакт. Но дворяне, и особенно духовенство, предпочитали приписывать свои недуги скорее несчастью, чем разнузданности, и стремились "подавить" подобные новаторские доктрины. Как следствие, больных повсеместно сторонились, оставляя их умирать или выздоравливать без посторонней помощи. Поэтому не стоит удивляться тому, что во многих случаях болезнь принимала свой самый завзятый вид, и именно поэтому многие старые писатели указывали на предполагаемую злокачественность и неизлечимость того, что они были склонны считать новоприобретенным недугом. О том, что болезнь в действительности мало чем отличалась от той, что существует в наши дни, свидетельствует тот факт, что случаи некогда грозного Черного Льва время от времени встречаются в лондонских больницах.

Кардинал Вулси, среди прочих обвинений, выдвинутых против него его врагами, был обвинен в том, что он шептался с королем Генрихом VIII и тем самым извергал свое ядовитое дыхание на его королевскую милость, поскольку в то время он (Вулси) был болен "поганой заразной болезнью". Вера в то, что заражение происходит таким образом, не полностью исчезла, но сохранилась среди трудящихся Англии, многие из которых питают большие предрассудки в отношении здоровья, не желая пить из того же сосуда, из которого пил зараженный человек.

В 1497 году Яков IV Шотландский, в связи с ужасающей распространенностью венерической болезни в его королевстве, издал указ, изгоняющий зараженных из Эдинбурга. Его величество "строго взыскивает со всех лиц, находящихся в пределах свободы этого бурта, которые заражены или были заражены этой заразной чумой, называть *grandgor devoyd*, *red* и проходить за пределы этого города, и *compreir* на *sandis of Leith* в десять часов до того, как никто; и пусть они имеют и найдут лодки красного цвета в том месте, которое им укажут офицеры этого бурта, красного цвета с провизией, чтобы иметь их в Инче (*Inchkeith*), и пусть они останутся в том месте, где Бог даст им здоровье." Тех, кто уклонялся от исполнения этого предписания, "прикрепляли к груди с помощью клейма ирн, чтобы они могли в срок кончить".

Пережиток этой варварской системы сохранился в правилах лондонской больницы Мидлсекс, согласно которым венерологические пациенты должны были платить вступительный взнос в размере сорока шиллингов стерлингов (десять долларов). Это объяснялось тем, что больница, предназначенная для добродетельных людей, не может быть использована для целей порока. Однако это постановление стало недействительным и было отменено, главным образом из-за того, что опекуны рабочих домов имели привычку

платить сорок шиллингов и отправлять туда нищих пациентов, прекрасно понимая, что стоимость лечения в рабочем доме намного превышает плату за прием.

В Лондонском госпитале подобное правило существует и сейчас, однако его открыто обходят, когда домашний хирург описывает болезнь как кожную.

Масштабы распространения этого заболевания в Великобритании - вопрос исключительно мнения. Нет никаких положительных данных, на основании которых можно было бы сделать какой-либо вывод относительно населения в целом, в то время как списки госпиталей ведутся очень плохо, и только в отчетах армии и флота мы можем найти какую-либо реальную помощь.

БРИТАНСКАЯ АРМИЯ.

Процитированные армейские отчеты охватывают период в семь лет с четвертью и содержат подробную информацию о различных венерических заболеваниях среди солдат общей численностью 44 611 человек, расквартированных в Соединенном Королевстве. В госпитали поступили следующие случаи:

Сифилис первичный	1415
"Последовательный	335
Язва полового члена без сифилитика	2144
Bubo Simplex	844
Кахексия сифилитическая	44
Гонорея	2449
Грыжа гуморалис	714
Стриктур уретры	100
Фимоз и парафимоз	27
Всего	8072

Соотношение: 181 на 1000 человек, или почти каждый пятый в общей численности.

Эти данные показывают, что венерические заболевания гораздо чаще встречаются в британской, чем в бельгийской армии.

БРИТАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ.

Отчеты по военно-морскому флоту охватывают период в семь лет и включают 21 493 человека, занятых на внутренней службе, то есть на побережье или в портах Великобритании. Из этого числа 2880 человек были поражены венерическими заболеваниями. Соотношение: один к семи.

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВАЯ СЛУЖБА.

Отчеты "Дредноута", госпитального судна для моряков всех наций, охватывают пятилетний период, в течение которого был принят 13 081 пациент, страдающий хирургическими и

медицинскими заболеваниями. Из них 3703 прошли лечение от венерических заболеваний, что составляет соотношение два к семи.

Чтобы проверить эти данные, мы обратимся к анализу амбулаторных пациентов хирургических отделений господ Ллойда и Вормальда, помощников хирургов больницы Святого Варфоломея, крупнейшей из лондонских больниц. Этих амбулаторных пациентов безвозмездно обслуживают сотрудники больницы:

Посещаемые	Венерические заболевания.		
	Мужчины.	Женщины и Дети.	Итого.
Мистер Ллойд	1009	245	1254
Мистер Вормальд	986	273	1259
Всего	1995	518	2513

Эти случаи были частью общего числа 5327 пациентов.

Только по этому последнему пункту невозможно составить представление о количестве страдающих от этого ужасного бедствия. На сайте в Лондоне девять больших больниц, кроме того, есть и более мелкие, и диспансеры в каждом приходе или подразделении большого прихода, и другие средства безвозмездной медицинской помощи. Если отбросить мелкие медицинские фонды, а их пациентов включить в совокупность крупных больниц, то получится 22 617 венерических больных. Если предположить, что частная практика лондонской армии медиков дает лишь в два раза меньше, то только в Лондоне мы имеем 35 000 венерических больных. Если не принимать во внимание Локский госпиталь, приходских врачей, казармы и все остальные учреждения, то можно с легкостью предположить, что в одном только Лондоне ежегодно находится 50 000 венерических больных.

Если же исходить из количества одиноких мужчин и вдовцов в Лондоне старше двадцати лет (более четверти миллиона), то венерические заболевания, если бы они были в той же пропорции, что и среди солдат и матросов, составили бы за тот же период 30 000 и более.

Существует, однако, и другой способ предположить количество заболеваний, вносимых в общество проституцией, который используют английские писатели. В "Медико-хирургическом обозрении", периодическом издании с большим авторитетом, говоря о масштабах венерических заболеваний и их влиянии на население, отмечается:

"Есть все основания полагать, что для представления публичных проституток Англии, Уэльса и Шотландии пятьдесят тысяч - это слишком низкая оценка. Мы полагаем, что не будет возражений против предположения, что если бы каждая из этих пятидесяти тысяч проституток не совершала хотя бы один половой акт в течение каждых двадцати четырех часов, она не могла бы получить средства, достаточные для поддержания жизни". В результате доказательств, содержащихся в первом отчете полицейских сил Англии, было установлено, что около двух процентов проституток Лондона страдали от той или иной формы венерического заболевания. Но мы опустимся еще ниже и предположим, что из ста здоровых проституток, если каждая из них совершит один беспорядочный половой акт за двадцать четыре часа, не более одной заразится сифилисом; оценка, без сомнения, слишком низкая, но если признать ее верной, то необходимым следствием будет то, что из пятидесяти тысяч проституток пятьсот заболеют в течение вышеупомянутых двадцати четырех часов.

"Если мы допустим, что пятая часть из этих пятисот больных женщин попадает в больницы в день появления болезни, то из этого следует, что каждый день на улицах находится четыреста больных женщин. Если предположить, что способность этих четырехсот заражать ограничена двенадцатью днями и что из каждых шести человек, которые, по одному за ночь, имеют связь с этими женщинами, пять становятся зараженными, то получится, что *каждую ночь заражаются четыре тысячи мужчин, и, следовательно, один миллион четыреста шестьдесят тысяч в год*. Далее, поскольку каждую ночь от этих мужчин заражаются четыреста женщин, то в течение года сифилисом будут заражены сто восемьдесят две тысячи пятьсот публичных проституток, и, следовательно, *каждые двенадцать месяцев происходит один миллион шестьсот пятьдесят две тысячи пятьсот случаев сифилиса у обоих полов*. Таким образом, если бы все население имело сношения с проститутками в равном соотношении, то все население Великобритании, всех возрастов и полов, в течение восемнадцати лет было бы поражено первичным сифилисом. Следует помнить, что мы не утверждаем, что ежегодно заражается более полутора миллионов человек, но именно такое количество случаев происходит ежегодно в Англии, Уэльсе и Шотландии, хотя один и тот же человек может быть заражен не один раз. Хотя очевидно, что все оценки, использованные для этих расчетов, являются (мы не знаем другого слова, выражающего это) смехотворно низкими, все же мы находим, что более полутора миллионов случаев сифилиса происходят каждый год, и это количество, вероятно, не составляет и половины фактического числа. Каким же огромным должно быть число детей, рожденных с вторичным сифилисом, какой огромной должна быть смертность среди них, какое огромное количество государственных и частных средств тратится на излечение этой болезни!"

ГЛАВА XXVII.

МЕКСИКА.

Испанское завоевание.- Обращение с женщинами-заключенными.- Нравы мексиканцев в 1677 году.- Священство.- Современное общество.- Модная жизнь.- Безразличие мужей к своим женам.- Общая безнравственность.- Правонарушения.- Благотворительные учреждения.- Куна, или больница для подкидышей.

Социальное положение Мексики имеет большое значение, поскольку ранее она была главным центром испанского господства в Америке, а ее нравы и правительство давали ключ ко всем другим колониям и вице-королевствам, которые были обязаны верностью короне Испании. В каком бы состоянии ни находилось туземное население, когда испанские вожди и их мирмидоны ворвались к ним и разрушили королевство мексиканских императоров, оно быстро сдалось под напором похоти, алчности и жестокости, которые всегда были отличительной чертой испанских войн и завоеваний в любом климате и против любого народа. История мексиканского завоевания дает нам бесчисленное множество примеров жестокостей, совершаемых этими солдатами, но достаточно одного примера, приведенного Берналем де Диасом. Он рассказывает, что когда они брали в плен женщин, то для большего мира и спокойствия делили их по ночам и ставили на них клейма их владельцев. Таким образом, они могли выбирать самых красивых из индианок и оставлять их для своих нужд. Что это было за использование, можно легко предположить. Судьба менее благосклонных

пленниц остается под вопросом: их отдавали своим союзникам-дикарям, чтобы те хладнокровно их зарезали или распорядились ими по своему усмотрению.

Из Мексики поток испанской жестокости и безнравственности, подобно потоку лавы, пронесся по всей Южной Америке. Рыцарство солдат вскоре выродилось, а самоотречение и возвышенные мотивы, хотя и омраченные в некоторых случаях фанатизмом и жестокостью, которые отличали священников, были утрачены. На смену любви к приключениям и непобедимой смелости, отличавшей Кортеса, Писарро и их товарищей, пришли бесславная легкость и роскошная праздность: от бывшего героического характера не осталось и следа, кроме гнета и безрассудного эгоизма, которые обычно сопутствуют честолюбию.

Иллюстрацию свободных нравов, царивших в Мексике среди духовенства, можно найти в путешествиях Томаса Пейджа, монаха-доминиканца, который посетил Мексику вместе с некоторыми членами своего ордена на пути к западному побережью Америки и в Азию в качестве миссионеров.

Из этой работы, опубликованной в 1677 году, мы узнаем, что писатель и его спутники во время своего путешествия посетили настоятеля Веракруса и после роскошного обеда по приглашению отправились в его келью. Они нашли ее богато обитой гобеленом и украшенной перьями птиц Мичоаку; стены были увешаны различными картинами, достойными внимания; богатые ковры из шелка покрывали столы; фарфор из Китая заполнял шкафы и буфеты, а вазы и чаши содержали консервированные фрукты и сладости. "Мои спутники, - рассказывает он, - были шокированы такой выставкой. Святой монах рассказал нам о своем происхождении, о своих добрых качествах, о влиянии, которое он имел на отца-провинциала, о любви, которую питали к нему главные дамы этого места, о своем прекрасном голосе и музыкальном мастерстве. Он взял свою гитару и спел нам сонет в честь одной дамы". Впоследствии, рассказывая о францисканцах из Халапы, Томас Пейдж говорит: "Их жизнь настолько свободна и нескромна, что можно с полным основанием предположить, что они отказались только от того, чего не могли получить". Став свидетелем сцены азартных игр в одном из монастырей, он приходит к выводу, что "причиной того, что так много монахов и иезуитов отправились из Испании в столь отдаленные регионы, было распутство, а не любовь к проповеди Евангелия".

Впоследствии тот же писатель переходит от портретов к более общим характеристикам и так изображает тело духовенства: "Кажется, что все нечестие дозволено, лишь бы церкви и духовенство процветали. И хотя кошелек открыт для разврата, если он также открыт для обогащения стен и крыши храма, это лучше, чем любая святая вода..... При жизни мексиканцы стремятся превзойти друг друга в своих жертвованиях на монастыри монахинь и монахов".

"Среди благотворителей был один, Алонзо Куэльяр, настолько богатый, что, по слухам, кладовка в его доме была выложена не кирпичом, а слитками золота. Этот человек построил женский монастырь для францисканских монахинь, который обошелся ему в тридцать тысяч дукатов, и оставлял на него по две тысячи долларов ежегодно. И при этом жизнь его была настолько скандальной, что обычно по ночам он с двумя слугами обходил город, посещая скандальных особ, и в каждом доме спускал бусину и завязывал узел, чтобы, вернувшись утром домой, по бусинам пронумеровать те нелюдимые места, которые он посетил этой ночью.

"Большая милостыня и либеральность по отношению к религиозным домам сочетается с большим и скандальным нечестием. Они погрязают в постели богатства и достатка, а милостыню делают покрывалом, чтобы скрыть свою развязную и развратную жизнь.....

"Я не буду много говорить о жизни монахов и монахинь этого города, скажу лишь, что они пользуются здесь большей свободой, чем в Европе, где у них ее слишком много, и что, конечно, скандалы, совершаемые ими, вызывают к небесам о возмездии, суде и уничтожении".

"Обычно монахи посещают своих преданных монахинь и проводят с ними целые дни, слушая их музыку и питаясь их сладостями. Для этого у них есть много комнат, которые они называют локуаториями, чтобы разговаривать в них, с деревянными решетками между монахинями и ними, и в этих комнатах стоят столы для монахов, за которыми они обедают, и пока они обедают, монахини воссоздают их голосами".

Мы не нуждаемся в дополнении к этим глубоким теням от темного карандаша столь энергичного известинца, как достойный Томас Пейдж, чтобы обрисовать характер почти двухсотлетней давности, но едва ли можно считать, что это в равной степени применимо к сегодняшнему дню. Царствование угнетения в Мексике, надо надеяться, подходит к концу, и последние события показали, что население живо воспринимает некоторые из тех истин, которые уже давно стали патентом для всего мира, кроме тех, кого они касаются самым непосредственным образом.

О современном мексиканском обществе одна опытная писательница, имевшая возможность судить о нем, говорит следующее:

"Незнакомец даже не подозревает о состоянии нравов в этой стране, ибо, каково бы ни было частное поведение отдельных людей, во внешнем поведении преобладает безупречное приличие. Но праздность - мать порока. Они редко сплетничают с незнакомцами о недостатках своих соседей. Привычка сделала их довольно безразличными к *связям*, существующим между конкретными друзьями, и пока женщина регулярно посещает церковь, покровительствует благотворительным учреждениям и не дает повода для скандала своим внешним поведением, она может делать все, что ей заблагорассудится. Что касается флирта на публике, то он неизвестен"[322].

Нынешняя приветливость мексиканских дам признается всеми, как и гениальная теплота их манер. Некоторые путешественники, и среди них мистер Уодди Томпсон, считают, что это вменяется им в вину, и что упрек в безнравственности несправедливо выдвигается против них, поскольку в Европе нет города, где было бы меньше безнравственности. Постоянное присутствие дуэньи и портье, который является неотъемлемым атрибутом каждого респектабельного дома, являются прекрасными сдерживающими факторами безнравственности. Но это скорее доказывает необходимость защиты, которой нет в женской добродетели Мексики. Кроме того, эти придатки ранга утратили свое реальное значение, и дуэнья может превратиться в удобное прикрытие или пособницу интриги, тем более безопасной, что она якобы защищает честь мужа. Один туземный писатель, подводя итог характеру своих соотечественников, говорит, что "они умеренны в еде, но их страсть к спиртному доведена до величайшего предела". Привязанность, которую мужья оказывают своим женам, конечно, гораздо меньше, чем привязанность жен к своим мужьям, и *очень часто мужчины любят жен своих соседей больше, чем своих собственных*"[323] Это одностороннее осуждение предполагает, как необходимое следствие, что жены соседей должны проявлять некоторую взаимность.

Общая безнравственность низших слоев населения Мексики почти исключает возможность существования системы проституции, как мы обычно понимаем этот термин. Пуэбла, промышленный город недалеко от Мехико, вкратце описывается как наиболее набожное женское население и наиболее заброшенное; но это скорее вопрос поведения, чем призвания. В перечне преступлений в судебном списке Мексики нет ни одной проститутки, хотя в нем содержится большое количество лиц, виновных в "недержании". Точное значение этого преступления в его юридическом и техническом смысле нам не дано, но мы предполагаем, что оно относится к непристойным и отвратительным практикам. Обвинение в "нарушении общественных приличий", , хотя и может относиться к взаимным знакомствам, вероятно, включает в себя как непристойность, так и аморальность.

В следующей таблице приведено число лиц, арестованных в городе Мехико в 1851 году.

Правонарушения.	Мужчины.	Женщины.	Всего.
Пьянство	1256	1944	3200
Ушибы и раны	728	246	974
Недержание	354	403	757
Нарушения общественного приличия	311	318	629
Грабеж	384	120	504
Подозрение на ограбление	180	84	264
Ношение оружия	209	85	294
Оборачивание карманов	120	25	145
Ложное притворство	39	17	56
Побег из тюрьмы	36	...	36
Убийство	15	3	18
Всего	3632	3245	6877

Среди населения с низким уровнем интеллекта и с избытком женщин, который всегда наблюдается в тропических странах, характер священства приобретает первостепенное значение. В этой связи некоторые авторы считают, что то, что было написано в 1677 году, с почти равной силой применимо и в наши дни; в этом, конечно, можно усомниться[\[324\]](#).

Низшие священники и монахи в Мексике, как правило, необразованны и часто развратны. Некоторые из них демонстрируют самые отвратительные зрелища порока и безнравственности. Они примечательны своим *грубым* видом, но их нельзя считать типами этого класса, поскольку высшие ордена и респектабельные члены священства освобождены от обвинений в такой вопиющей безнравственности. Но даже они не являются безупречными членами Церкви. У многих из них в доме есть племянники и племянницы, или, по крайней мере, те, кто называет их дядями, но кому скандал приписывает более близкое родство.

Среди благотворительных учреждений Мексики, пожалуй, самым важным является *Куна*, или Больница для подкидышей. Он содержится на средства частных лиц, а членами общества являются первые лица столицы, мужчины и женщины. Мужчины предоставляют деньги, женщины - свое время и внимание. Когда ребенок находится в больнице около месяца, его отправляют с индийской медсестрой в одну из соседних деревень; но если он болен или

слаб, он остается в учреждении под непосредственным наблюдением общества. Эти медсестры подчиняются ответственному лицу, которое живет в деревне и отвечает за их хорошее поведение. Ребенок возвращается в больницу, когда его отлучают от груди, и остается в ее ведении на всю жизнь. Однако немногие из них остаются расти в приюте; их усыновляют респектабельные люди, которые воспитывают их либо как слуг, либо как своих собственных детей. В этом, как и в других подобных заведениях, матери детей часто нанимаются в качестве сиделок. Обычно в этом приюте содержится пять-шесть сотен детей[325].

ГЛАВА XXVIII.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

Низкий моральный уровень.- Сальвадор.- Гватемала.- Юкатан.- Коста-Рика.- Гондурас.- Карибы.- Разврат в Перу и Чили.- "Дети дома".- Интриги в Лиме.- Детоубийство.- Неряшливость нравов в Бразилии и Парагвае.- Основание больницы в Рио-Жанейро.

Весь полуостров Южной Америки и государства, входящие в состав Центральной Америки, вовлечены в одну и ту же социальную систему с Мексикой, поскольку они имеют общее происхождение от чистой или смешанной испанской крови. Одни и те же политические обстоятельства и организация всегда влияли на различные территориальные подразделения, и рассматриваем ли мы полуцивилизованные народы древнего Перу и его зависимых территорий или дикие племена в долинах Амазонки и Ла-Платы, мы находим их после первого вторжения испанских завоевателей жертвами беспорядочного угнетения, ненасытной алчности и неутолимой похоти. Южная Америка долгое время считалась просто сокровищницей испанской монархии, которую мог обрабатывать без всякой ответственности каждый авантюрист, решивший столкнуться с трудностями заграничного путешествия или опасностями проживания в тропическом климате и среди враждебных дикарей.

Туземцы значительно превосходили по численности своих хозяев, и на них распространялась та же безжалостная система подавления, что и на Мексику. В результате, не прошло и нескольких поколений с момента завоевания, как на обширных испанских территориях существовало всего два класса - хозяева и рабы. Естественный и неизбежный результат подневольных институтов не мог долго откладываться. Потомки завоевателей быстро вырождались, а на смену героизму и способностям приходили слабоумие и неспособность. Изначальное упорство и смелость, которые побеждали бесчисленных врагов, преодолевали неведомые дикие земли, бросали вызов любой опасности, были потеряны в сладострастии и самообольщении. Потомство людей, открывших новый мир и изменивших судьбы старого одним кивком или росчерком пера, было не в состоянии защитить себя от слабых министров усталой деспотии или от любого беспринципного демагога, способного сплотить вокруг себя шайку бродячих индейцев и совершить набег на мирных и благожелательно настроенных людей. Во всей Южной Америке царило состояние политической деградации, которое сопровождалось лишь ухудшением социального положения.

В Центральной Америке, включая Сан-Сальвадор, Гватемалу, Юкатан, Коста-Рику и Гондурас, положение женщин почти такое же, как в Мексике. Рассказы путешественников, побывавших в этих малопосещаемых регионах, весьма расплывчаты в отношении темы общественной морали и не дают нам достоверной или подробной информации о специальностях, которые могли бы пригодиться в данном исследовании. В Юкатане, как говорят, дамы несколько более одомашнены, чем их мексиканские соседки, и проявляют интерес к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей; но все же стандарт нравственности не очень высок, если судить по привычкам и представлениям Соединенных Штатов.[326] В соседней республике Гватемала обычно встречаются свободные нравы, распространенные в сельских районах родственных территорий;[327] но это скорее указывает на низкие представления о приличиях, чем на действительную безнравственность. Разница в климате и расе делает терпимыми и даже приемлемыми многие вещи, которые наши более холодные небеса и более строгие понятия полностью исключают из правил цивилизованного общества.

Индейское население Южной Америки за долгие годы рабства настолько превратилось в рабов, что утратило свои выдающиеся черты,[328] и является лишь отражением своих хозяев в самом низком состоянии невежества. Женщин можно охарактеризовать как людей весьма распущенных нравов, но добрых и мягких, если только их не разбудит ревность, в этом случае они могут применить нож так же быстро, как и их друзья-мужчины. Говорят, что из них получаются очень ласковые матери.

Есть несколько племен, сохранивших некое подобие национальности. Карибы Гондураса - выносливая и спортивная раса. Среди них распространена полигамия, нередко встречаются три или четыре жены. Муж вынужден иметь отдельный дом и плантацию для каждой, и если он делает подарок одной из них, он должен дать остальным что-то равное по стоимости. Он также должен распределять свое время между ними, уделяя каждому по неделе. Когда кариб берет жену, он закладывает плантацию и строит дом; затем жена берет на себя управление, и он становится джентльменом. Женщины очень тщательно ухаживают за своими плантациями и в течение двенадцати или пятнадцати месяцев выращивают все виды хлеба. К Рождеству они нанимают несколько креолов и отправляют их с продуктами в Труксильо и Белиз, нанимая своих мужей и других людей в качестве матросов. Когда женщина не может выполнить всю работу на своей плантации, она нанимает своего мужа в качестве рабочего и платит ему два доллара в неделю. Промышленность и предусмотрительность - особые черты карибских женщин, поэтому они легко обеспечивают себя предметами первой необходимости и удобствами.

Данные о соотношении полов в общей численности населения, хотя и слишком несовершенны, чтобы их стоило представлять, все же показывают, что, как и в Мексике, здесь наблюдается значительный перевес женщин.[329] Диспропорция в рождаемости не так велика, как в смертности; поскольку, хотя число рожденных мужчин и женщин почти одинаково, первых ежегодно умирает больше, чем вторых. Старых женщин больше, чем старых мужчин, что, несомненно, объясняется большей трезвостью женщин: пьянство - порок, который в тропиках быстро приводит к последствиям. В Никарагуа численность женщин составляет два к одному от численности мужчин. В департаменте Кускатлан в Сан-Сальвадоре женщин больше, чем мужчин, на 1838 человек, а мальчиков больше, чем девочек, на 1709 человек.

Перу и Чили, хотя и являются соседними странами, и обе находятся на полосе западного побережья между Андами и морем, представляют значительную разницу в состоянии. Чили

быстро растет в политическом плане благодаря внутренней энергии народа и разработке природных ресурсов местными и иностранными предпринимателями и капиталом.

Очевидцы утверждают, что за несколько лет женская добродетель в Чили достигла такого низкого уровня, что в большинстве семей, даже с хорошим положением, было один или несколько детей, которых называли "детьми дома", и чье происхождение распределялось в основном между дамами семьи. Кроме того, мы слышали, что обряды гостеприимства иногда включали в себя любезности по отношению к женщинам, которые обычно считаются характерными для некоторых восточных народов. Однако в этих обычаях происходят быстрые перемены к лучшему, и даже морской порт Вальпараисо, по словам Уилкса, значительно улучшился по сравнению с периодом его первого визита, когда немногие моряки покидали его, не потеряв ни денег, ни здоровья среди его женщин.

Перу не добилось особых успехов в своих недавних политических изменениях. Правительство находится в состоянии постоянной анархии. В месторождениях гуано на островах Чинча был открыт новый источник богатства, который привлек к берегам страны большое количество иностранных судов. Но богатство, полученное из этого источника, мало чем помогло народу. Столица Лима издавна отличалась легкомыслием и распушенностью своих жителей. Сама одежда дам, которая, возможно, изначально предназначалась для обеспечения уединения и приватности, стала эмблемой интриг. Он состоит из своеобразного капюшона и подъюбника, полностью закрывающего его обладательницу, которая, находясь в домино, называется *тапада* и, по общему мнению, защищена от любого дерзкого вмешательства или оскорбления. Тот же термин применяется к платку, надеваемому на голову, чтобы закрыть рот и лоб. Под этим покрывалом его носят только самые близкие друзья, и дамы в таком наряде часто посещают театры. Это благоприятствует интригам, а безопасность настолько совершенна, что можно безнаказанно посещать любые увеселительные заведения, и, даже если муж или родственник заподозрит ее в этом, она будет защищена от разоблачения уважением, связанным с этим обычаем.

Доктор Тшуди рисует весьма невеселую картину состояния и перспектив Перу.^[330] Его моральная деградация наглядно отражается в сокращении населения, которое постоянно уменьшалось с момента обретения независимости. На этой благородной земле, которая во времена завоевания имела огромное население, в 1836 году насчитывалось менее 1 400 000 жителей; не так много, как раньше в одном только департаменте Куско. Смертность в Лиме ежегодно колеблется от 2500 до 2800 человек из 53 000 населения; за десять месяцев с 1 января по 31 октября 1841 года она составила 2244 человека, а число родившихся за этот период - 1682, из которых 860 были незаконнорожденными.

"Не менее примечательно, чем число незаконнорожденных детей, число новорожденных, подвергшихся облучению и найденных мертвыми (495). Они служат самым ярким доказательством безнравственности, царящей в Лиме, особенно среди цветного населения. На их долю приходится почти две трети незаконнорожденных детей и четыре пятых детей, выброшенных на улицу умирать. Есть основания подозревать, хотя это и не может быть точно доказано, что немалая часть последних умирает насильственной смертью от рук своих матерей. Когда мертвого ребенка подбирают перед церковью Сан-Лазаро или на улице, его без лишних слов несут в Пантеон; часто его даже не считают нужным хоронить. Я видел, как стервятники таскали за собой дымящиеся тушки младенцев и пожирали их на многолюдных улицах. * Сравнивая списки рождений и смертей с 1826 по 1842 год, я убедился, что ежегодное превышение последних над первыми составляет в среднем 550 человек.

"Женщины Лимы намного превосходят мужчин как телесно, так и интеллектуально, хотя их поведение во многих отношениях нельзя назвать образцовым. Они с несокрушимым упорством держатся за свою национальную одежду для прогулок, *saia y tanto*, в которой они с удовольствием ходят по улицам, увлеченно играя одним глазом, который они оставляют неприкрытым, и в этой маскировке совершенно защищены от обнаружения даже самым ревнивым вниманием. Вуаль неприкосновенна; любой мужчина, который попытается сорвать с женщины *манто*, будет очень жестоко расправляться с населением. История их жизни состоит из двух этапов: в полном расцвете пленительной красоты их время распределяется между ничегонеделанием и шалостями; когда их очарование ослабевает, они предаются преданности и скандалам. Молодая леди Лимы встает поздно, украшает волосы цветами апельсина или жасмина и ждет завтрака, после которого принимает или наносит визиты. Во время дневной жары она качается в гамаке или лежит на диване, покуривая сигару. После ужина она снова наносит визиты, а заканчивает вечер либо в театре, либо на площади, либо на мосту. Немногие дамы занимаются рукоделием или плетением сетей, хотя некоторые из них обладают большим мастерством в этих искусствах.

"Гордость, с которой прекрасные Лименьяс относятся к своим изящным маленьким ножкам, не знает границ. Ходя, сидя или стоя, качаясь в гамаке или лежа на диване, они всегда следят за тем, чтобы их маленькие ступни не были видны. Похвала их добродетели, уму или красоте не звучит в их ушах так сладко, как похвалы их милым ножкам. Они самым тщательным образом заботятся о них и избегают всего, что может способствовать их увеличению. Большая ступня (*pataza Inglesa* - английская ступня, как они говорят) для них отвратительна. Однажды я слышал, как прекрасная европейская леди заслуженно восхвалялась некоторыми прекрасными дамами из Лимы, но они закончили свой панегирик такими словами: "*Pero que pie! valgame Dio, sparece una lancha!*" (но что за нога! Боже правый, она как большая лодка!), а между тем нога, о которой идет речь, ни в коем случае не показалась бы большой в Европе.

"Лимесы обладают в необычайной степени талантами, которые, к несчастью, редко культивируются в должной мере. Они обладают большой проницательностью, здравым суждением и очень правильными взглядами на самые разнообразные жизненные дела. Как и севильские женщины, они отличаются быстрыми и меткими ответами, и Лимения никогда не окажется на вторых ролях в словесной войне. Они обладают редкой твердостью характера и мужеством, которое обычно не свойственно их полу. В этих отношениях они намного превосходят коварных, колеблющихся мужчин и играют не менее важную роль, чем последние (а зачастую и гораздо более) во всех политических перипетиях своей страны. Амбициозные и честолюбивые, привыкшие с легкостью вести самые запутанные интриги, с присутствием духа, который никогда не подводит их в критические моменты, страстные и смелые, они вступают в большую политическую игру с огромным эффектом, и обычно обращают ее в свою пользу, реже - в пользу государства".

Добавьте к этой картине, что, хотя нежные, скромные женщины встречаются редко, прелюбодеяния совершаются не часто, а вот сожителство более распространено или, скорее, более публично, чем в Европе, причем отец обычно очень любит и заботится о своих родных детях, и вы получите справедливое представление о женском характере в Лиме. Белые креолы отличаются чувственностью, а некоторые танцы, которым они предаются, отличаются неопишущей непристойностью[331].

Приток иностранных кораблей и моряков в Кальяо, порт Лимы, принес с собой обычные сопутствующие явления - пьянство и разврат. Еще несколько лет назад он был почти в упадке

и разрухе; теперь он кишит питейными заведениями (*pulperias*) и проститутками и, вероятно, является таким же развратным местом, как и все в западном полушарии.

Перейдя на атлантическое побережье Южной Америки, мы находим Робертсона, автора "Письма из Парагвая", который пишет о женском испанском обществе в городе Санта-Фе:

"Меня особенно поразило чрезвычайно свободный характер (если использовать самое мягкое выражение) разговора, который был принят с дамами, молодыми и старыми. Он был таков, что заставлял меня, с моими неискушенными английскими чувствами, краснеть на каждом шагу, хотя такая скромность, когда бы она ни была замечена, вызвала искренний смех".

Тот же автор, говоря о женском обществе в Рио, отмечает:

"В Рио нет общества, ибо я не могу назвать обществом то, из которого исключены женщины. Вообще говоря, муж бразильской жены - не столько ее компаньон, сколько ее сторож. Его дом - обитель ревности и недоверия, ибо он не всегда может проникнуться доверием к жене своего лона и представить себе ее верность, так же как не может рассчитывать на добродетельную терпимость друга своего сердца. Его дочери воспитываются в мавританском уединении, а жена отдается на содержание целой вереницы мрачных рабов и прислуги".

Может показаться, что некоторые из этих замечаний применимы к периодам времени и условиям жизни общества, ныне счастливо ушедшим в прошлое. Но яд моральной развращенности, попав в организм, не может быть быстро выведен из системы наций в большей степени, чем отдельных людей. Совсем недавний путешественник, мистер Стюарт, свидетельствует о деморализации женского общества во всех классах[332].

При таком единообразии представлений о всеобщей безнравственности и низкой оценке женской добродетели в Южной Америке не стоит ожидать особых подробностей по предмету нашего исследования. Проституция в определенной степени связана с состоянием общественного чувства, в котором чистота жен и дочерей пользуется уважением - не ревностью, а благоговением. В Южной Америке даже в наше время женщины мало участвуют в жизни общества. Их образование очень ограничено, заканчивается рано, а в обществе они всегда находятся под опекой или сопровождением. Это не возвышает женский характер. Свобода и самоуважение - лучшие защитники добродетели и чести, а уединение женщин от общего общества лишь придает им привлекательность тайны для распутника, отнимая у них самих опыт и уверенность в себе, в которых они находят защиту.

В целом в Южной Америке характер священства, к сожалению, заслуживает порицания. В Бразилии священники слывут свободными печенками. Почти все они имеют семьи, и когда их видят покидающими жилище своих жен или женщин, которых они посещают, они говорят о них как о своих племянницах или сестрах. Некоторые недвусмысленно признают существующее родство и признают своих детей.[333] Значение священнического характера для оценки уровня нравственности среди населения несомненно велико.

Один просвещенный туземец сказал мистеру Юбэнку: "Священство этой страны чрезвычайно развращено. Невозможно представить людей хуже или вообразить их хуже. В церквях они выглядят респектабельными и благочестивыми, но их тайные преступления превратили этот город в Содом. Есть, конечно, и достойные исключения"[334].

Другой, человек с непререкаемым авторитетом, сказал: "Они, несомненно, самая развратная и распутная часть общества. Исключения редки. Безбрачие - одна из их догм, но почти все они имеют семьи".

В Рио-Жанейро есть госпиталь для подкидышей, основанный в 1582 году и являющийся благородным учреждением. Мальчики содержатся в Ботофоге и со временем обучаются ремеслам. Девочки живут в городском учреждении, их учат читать, писать, шить и т. д. В каждый юбилей холостяки, нуждающиеся в женах, посещают праздник и, если видят девушек по душе, заявляют о себе. Если девушка принимает такого возлюбленного, он подает свое заявление управляющим, которые выясняют его характер, и, если он удовлетворителен, происходит брак, а небольшое приданое дается из средств общества. В управлении учреждением и приеме младенцев нет ничего особенного, заслуживающего внимания. Но если те, кто против таких учреждений, противопоставят благословенные результаты спасения этих беспомощных младенцев от страданий и ужас от созерцания их мертвых тел, брошенных на свалках, чтобы их пожирали, как падаль, непристойные животные и хищные птицы, как это было упомянуто в сообщении Лимы, то они на таких основаниях, даже если бы не было более веских аргументов, приостановили бы поспешное суждение о госпиталях для подкидышей.

ГЛАВА XXIX.

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ.

Уменьшение численности индейской расы.- Обращение с женщинами.- Судебное разбирательство.- Угон жен.- Домашняя жизнь среди индейцев кроу.- "Сосновый лист".- Женщины-заключенные.- Брак.- Супружеские отношения.- Неверность.- Полигамия.- Развод.- Женская мораль.- Интриги и месть.- Приличие во внешней жизни.- Последствия контакта с белыми людьми.- Торговцы.

Аборигены огромного американского континента описывались разными писателями по-разному: одни превозносили их как образцы рыцарства и добродетели, другие - как олицетворение подлости и порока. Поэтому достоверная информация по этому вопросу появилась лишь сравнительно недавно. В том ограниченном пространстве, которое мы можем отвести для рассмотрения индейца и его социальных привычек, мы постараемся отбросить как романтику, так и витиеватость. Мы не считаем его таким стоически добродетельным, каким его изображают писатели первой категории, и не думаем, что все представители этой расы так глубоко погружены в разврат, как это представляют последние.

В дополнение к авторитетным источникам, цитируемым по ходу главы, мы обязаны ознакомиться со статьей мистера Горация Сент-Джона о проституции, включенной мистером Мэйхью в его трактат "Лондонский труд и лондонская беднота".

Во времена заселения Джеймстауна и Плимута, по оценкам, на этом континенте было рассеяно около двух миллионов индейцев. Тогда они были храбрым и выносливым народом, который жил за счет добычи, меняя свои места обитания в зависимости от условий охоты. Когда проводилась последняя перепись населения Соединенных Штатов, их численность составляла около четырехсот тысяч человек, не считая пятнадцати тысяч в Канаде и британских владениях. Такое снижение численности объясняется захватом охотничьих угодий белыми людьми и последующим истреблением дичи, от которой зависело их

пропитание; свободным употреблением одурманивающих напитков, а также распространением оспы и других смертельных заболеваний. Эти причины, по всей вероятности, приведут к полному исчезновению расы. Среди упомянутого небольшого числа есть много полукровок, детей белых отцов и индейских матерей.

Естественно было бы предположить, что в нескольких племенах, составляющих этот народ, будет существовать большое разнообразие манер, но оно проявляется лишь в незначительных деталях. Социальные институты североамериканских индейцев в целом настолько однородны, что позволяют набросать общую картину.

Их занятия по-прежнему сводятся к погоне и военным действиям. Заниматься повседневным трудом, даже если бы это обеспечивало наиболее полное удовлетворение его потребностей, противоречило бы как склонностям, так и предполагаемому достоинству краснокожего, который едва ли решится на какое-либо занятие, не сочетающее в себе предприимчивость и азарт. Женщина, таким образом, становится труженицей и рабыней; на нее возлагается обязанность возделывать землю, когда предпринимается какая-либо попытка помочь спонтанным усилиям природы; именно она должна нести груз дичи, которую убил ее муж; должна носить дрова и воду, строить хижины и делать каноэ. При ловле рыбы и сборе скудного урожая мужчина иногда снисходит до того, чтобы помочь ей, но в остальном весь труд ложится на ее долю. В тех племенах, которые посещают торговцы, ее обязанности еще тяжелее: она должна участвовать в охоте, а затем выделывать и готовить шкуры и меха, которые будут обмениваться на виски и другие предметы роскоши. С таким униженным положением женщины, кажется, вполне смирились, а мастерство в порученном деле является для них предметом гордости.

Принято считать, что отношение к женскому полу - это стандарт, по которому можно оценить моральные качества мужчины. Можно сомневаться, что это правило применимо к индейским племенам, ведь те, кто относится к своим женщинам наиболее мягко, отнюдь не самые добродетельные, и их почтение не сопровождается ростом привязанности, а общее мнение о ценности жены сводится к рассмотрению ее способности быть полезной. Там, где они помогают добывать пищу или предметы роскоши для племени, они пользуются большим уважением; в то время как там, где основное бремя обеспечения лежит на мужчинах, к ним относятся сурово[335].

Даже будучи угнетенными этими трудоемкими занятиями, женщины обладают таким же исконным тщеславием в отношении украшений, как и пол в любой части света; и один точный наблюдатель замечает: "Судя по тому, сколько времени скво часто тратит на укладку волос, или на то, чтобы разложить свое скудное платье, или нарисовать на круглых щеках блестящие круги из лака, очевидно, что личное украшение занимает столько же ее мыслей, как и у модниц в цивилизованном обществе"[336].

Ухаживание и брак по-разному организованы в разных племенах. Преобладает обычай, согласно которому мужчина приобретает жену путем покупки у ее отца, получая таким образом собственность, над которой он имеет абсолютный контроль и которой он может торговать или распоряжаться по своему усмотрению. В качестве примера можно привести Поухатана, который во времена английской колонизации был вождем тридцати племен в Виргинии. Говорят, что у него всегда было множество жен, и когда ему надоедала одна, он распределял их в качестве подарков между своими главными воинами. В большинстве случаев с женщиной вообще не советуется, вся сделка носит меркантильный характер; в других случаях малолетняя девочка обручается своим отцом (за определенную плату) с мужчиной, которому нужна жена либо для себя, либо для сына. Девочка остается с

родителями до достижения половой зрелости, когда договор завершается, и тогда отец часто делает мужу подарок, равный по стоимости цене, которую он первоначально заплатил за свою дочь[337].

Еще один способ получить жену - украсть девушку у соседнего племени. Капитан Кларк, пересекший Скалистые горы в 1804-1806 годах в качестве одного из руководителей экспедиции, отправленной по приказу исполнительной власти Соединенных Штатов, описывает подобные случаи. Он говорит: "Один из ахнахауаев украл девушку из племени миннетари. Весь народ немедленно вступил в ссору, и сто пятьдесят воинов выступили в поход, чтобы отомстить за оскорбление. Вождь завладел девушкой и отправил ее с гонцами в руки соплеменников, чтобы успеть предотвратить грозившую беду"[338]. "Молодой миннетари увел дочь вождя манданов. Отец отправился в деревню и нашел свою дочь, которую привел домой, а заодно завладел лошадью, принадлежавшей преступнику. Эта расправа удовлетворила его месть. Кража молодых женщин - одно из самых распространенных преступлений"[339].

Более мирный вид предварительного брака заключается в том, что мужчина, желающий найти жену, предлагает женщине небольшой подарок: если она принимает его и предлагает ему такой же в ответ, встреча завершена; или он может сказать ей о своих желаниях без всякого вступительного подарка, и, если она согласна, она ответит соответствующим образом. Другие не решаются выразить свои мысли, а тихо сидят рядом с девушкой, и если она не встает со своего места, то считается, что ее согласие получено.[340] Еще один обычай - любовник входит ночью в палатку женщины с зажженным факелом. Если она позволяет ему гореть, это знак того, что его внимание нежелательно; если же она гасит его, то тем самым дает понять, что он принят. Не нужно хорошо знать человеческую природу, чтобы представить себе последствия этих ночных визитов.

Недавно опубликованная работа "Жизнь и приключения Джеймса П. Бекворта", Нью-Йорк, 1856 г., претендует на точный рассказ о домашней жизни индейцев кроу, среди которых он прожил несколько лет и стал вождем племени, считавшего, что он был одним из них и был украден у них в младенчестве. Возможно, стоит сказать, что мы цитируем его только в тех случаях, когда подтверждающие свидетельства можно получить из других источников. Его правдивость сомнительна, и среди шахтеров Калифорнии, где он известен, любую экстравагантную историю поговорка называет "одной из лож Джема Бекворта". Его первый опыт супружеской жизни, показывающий, что согласия женщины не спрашивали, а договаривались родители, выглядит следующим образом: "Во время беседы с отцом он вдруг спросил, не нужна ли мне жена; я согласился. "Очень хорошо, - сказал он, - у тебя будет красивая и хорошая жена". Он направился к жилищу одного из величайших храбрецов и попросил у него одну из дочерей, чтобы отдать ее его сыну. Родитель с готовностью дал согласие. У него было три очень красивые дочери, и на следующий день их привели к моему отцу, а меня попросили сделать выбор. Старшую называли "Тихая вода", и я выбрал ее. Принятие моей жены было завершением церемонии, и я стал женатым человеком, столь же священным в их глазах, как если бы святая христианская церковь скрепила нас нерушимым узлом"[341].

Индейские путешественники также рассказывают о случаях, когда в обычае, более близком к цивилизованным представлениям. Молодой человек ухаживает за девушкой в течение длительного времени, прилагая все усилия, чтобы завоевать ее расположение, а женщина, со своей стороны, питает к нему такую же нежность. Снова обращаясь к страницам Бекворта, мы находим пример этого в случае с женщиной, которая привлекла его внимание. Не следует думать, что он стал жертвой романтического недуга под названием "первая

любовь", ведь в то время у него в племени было шесть или восемь жен. Его описание выглядит следующим образом:

"В связи с моим индейским опытом я считаю своим долгом посвятить несколько строк одной из самых храбрых женщин, которые когда-либо жили, а именно "Сосновому Листу" - по-индейски, *Барчиампе*. Она обладала большими интеллектуальными способностями; черты ее лица были приятны, а форма симметрична. Она потеряла брата-близнеца во время нападения на деревню, и ее оставили мстить за его смерть. В то время ей было двенадцать лет, и она торжественно поклялась, что никогда не выйдет замуж, пока не убьет сотню врагов своей собственной рукой. Всякий раз, когда отправлялся какой-нибудь военный отряд, Сосновый Лист первой вызывалась сопровождать его. Она выбрала мою партию, чтобы служить в ней..... Я начал испытывать к ней нечто большее, чем обычную привязанность. Однажды, неспешно проезжая верхом, я попросил ее выйти за меня замуж, если мы оба вернемся целыми и невредимыми. Она рассмеялась и сказала: "Ну что ж, я выйду за вас". "Когда мы вернемся?" - "Нет, но когда пожелтеют сосновые листья". Я подумал, что скоро наступит зима, и счел ее обещание действительным. Через несколько дней мне пришло в голову, что сосновые листья не желтеют, и я понял, что меня обманули. Когда я снова заговорил с ней на эту тему, то сказал: "Сосновый лист, ты обещала выйти за меня замуж, когда сосновые листья пожелтеют; мне пришло в голову, что они никогда не желтеют. Должен ли я понимать, что вы никогда не собираетесь выходить за меня замуж?" "Да, я выйду за вас", - сказала она с кокетливой улыбкой. "Но когда?" - "Когда вы найдете рыжеволосого индейца". Я увидел, что ничего не добился, уговаривая ее, и оставил это дело"[342].

Слишком много места заняло бы перечисление всех подробностей долгого ухаживания, включая сцены на войне и в погоне, в лагере или во время экскурсий с кражей лошадей; достаточно сказать, что героиня выполнила свою клятву и, похоже, убедилась в искренности своего возлюбленного. Она завершила ухаживания следующим образом:

"Затем она подошла ко мне, и все глаза были устремлены на нее. Посмотри на меня, - сказала она. Я знаю, что ваше сердце плачет о глупости людей; но пусть оно больше не плачет. Я твоя, раз ты так долго искал меня. Я верю, что ты любишь меня. Наш дом будет счастливым, и, когда ты отправишься в счастливое место охоты, я уже буду там, чтобы встретить тебя. В этот день я становлюсь твоей женой"[343].

Иногда женщины добровольно просят мужчин жениться на них, обещая быть верными, благовоспитанными и послушными. В этой просьбе редко отказывают, поскольку брачные узы легко расторгнуть, если союз окажется неприятным. Таннер, который был взят в плен военным отрядом и прожил среди различных племен на северо-западе почти тридцать лет, рассказывает об одном таком случае. Попытки женщины заполучить его в мужа начались с приглашения покурить вместе с ней. Он согласился, но то ли его кровь не была такой теплой, как та, что течет в жилах индейцев, то ли по какой-то другой причине он долго не соглашался на предложенное общение, которое краснокожий человек принял бы на месте. Девушка решительно преследовала его и наконец, с согласия отца, завладела его хижинкой, пока он отсутствовал. Когда он вернулся, "он не смог опозорить девушку", отослав ее к друзьям, и так они стали мужем и женой[344].

Бекворт также имел опыт знакомства с этим обычаем. "Однажды ко мне пришла маленькая девочка, которая часто просила меня жениться на ней, и со всей настойчивостью настаивала на том, чтобы я взял ее в жены. Я сказал: "Когда ты подрастешь, я поговорю с тобой об этом", но она не унималась. "Вы великий храбрец, - сказала она, - и, если я стану вашей женой, вы раскрасите мое лицо, когда вернетесь с войны, и я буду гордиться вами".

Маленькая невинность использовала такие сильные призывы, что я сказал ей, что она может быть моей женой".[345] Он жил с ней, пока не ушел от индейцев, а ее сын сейчас (1855 г.) является вождем племени.

Женщин, взятых в плен на войне, часто выдают замуж в племя, которое их захватило, но никогда за похитителей, которые находятся с ними в отношениях братьев, и которые защищают их от оскорблений. Воин, захвативший в плен женщину, обычно обменивается с другим, которому выпала такая же удача, и каждый из них таким образом устраивается, не нарушая обычая. Если мужчина захватил больше женщин, чем он может реализовать таким образом, он обычно отдает их любому мужчине, который их примет.[346] Таким же образом женщина, чей муж был убит в бою, просит у воина пленного мужчину, который, соответственно, становится преемником того, кого он, вероятно, убил. В этих случаях мужчина принимается в племя, с ним обращаются ласково и он имеет право на свою долю всех его преимуществ[347].

Браки заключаются без каких-либо церемоний; стороны соглашаются жить друг с другом до тех пор, пока они могут делать это с взаимным удовлетворением, и мужчина сразу же ведет свою невесту в свою хижину или живет с ней в хижине ее отца. Не следует думать, что обычные требования супружеской жизни систематически игнорируются, поскольку, как правило, скво верны своим мужьям, которые, со своей стороны, жестко требуют этой верности, даже если сами ее не практикуют.

Общее описание положения индейских женщин, уже приведенное выше, в равной степени относится и к их состоянию после замужества. Иногда они остаются жалкими рабынями, в других случаях - терпеливыми служанками своих мужей. Пока он ест пищу, которую она приготовила и, возможно, сама поймала, она должна ждать в покорном молчании. В любое время она подходит к нему с почтением, приличествующим высшему существу. Индеец никогда не проявит ни малейшего признака нежности к своей жене; это противоречило бы его представлениям о мужском достоинстве; но то, с какой готовностью он мстит ей за обиды, доказывает, что его кажущееся безразличие проистекает лишь из гордости или надуманного чувства приличия".[Когда Кэтлин предложил написать портрет жены вождя племени сиу, его предложение было высмеяно, и было сочтено удивительным, что он должен почитать женщину так же, как он почитал воинов, поскольку первые никогда не снимали скальпов, не занимались ничем, кроме разведения костров, выделки шкур и других подневольных работ.

Из этих фактов можно сделать вывод, что среди этого народа нет супружеской привязанности, что было бы ошибочно. Несмотря на их предполагаемое безразличие, нередки случаи сильной взаимной привязанности. Для индейца нет ничего несовместимого с привязанностью в том, что он беззаботно прогуливается по лесу, а его жена идет за ним, неся тяжелые шести вигвама, и его представления никогда не заставляли считать это чем-то иным, кроме ее естественной обязанности. Среди индейцев можно увидеть множество картин домашнего счастья, а племена блэкфит, сани и блад очень хотят, чтобы их жены жили долго и выглядели молодо. Хеккевельдер рассказывает о необычном случае снисходительности. В 1762 году во многих племенах ощущалась нехватка пищи, и во время голода одна больная женщина пожелала получить кашу из индейской кукурузы. Ее муж проскакал за ней около ста миль, отдал свою лошадь в обмен на горсть и вернулся домой пешком с желанным лакомством[349].

Эти "владыки творения" пытаются с особой суровостью отстаивать свои супружеские права и, если их подозрения возбуждаются против жен, приходят в негодование и наказывают их

побоями, откусыванием носа, увольнением с позором или даже убийством. Жена одного индейца племени мандан сбежала от него результате ссоры. Тем самым она лишила себя жизни, которую по обычаю должен был забрать муж, и он бы убил ее, если бы не вмешательство путешественников, которые "дали ему несколько подарков и убедили забрать жену домой; они ушли вместе, но отнюдь не в состоянии явной любви". Эта неприятность возникла из-за ревности.[350] В другом случае миннетари по той же причине сильно издевался над своей женой, и она искала убежища в лагере. Ее муж последовал за ней и потребовал ее, и она "вернулась с ним, поскольку мы не имели права разлучать тех, кого соединяли даже индейские обряды"[351].

Поскольку индеец считает свою жену такой же собственностью, как и лошадь, и по той же причине - из-за труда, который она может выполнять, - мы можем легко понять, что полигамия повсеместно разрешена, хотя и не практикуется, ограничиваясь великими вождями и знахарями, поскольку рядовые члены часто слишком бедны, чтобы купить вторую жену. Многие следуют этому обычаю лишь с целью накопления богатства, но другие стоические воины стремятся в гарем из тех же чувственных побуждений, что и турки или индусы. Среди общин, которые довелось посетить Кэтлину, нередко можно было встретить от шести до четырнадцати жен в одной ложе. Он упоминает случай, когда молодой вождь манданов взял четырех жен за один день, заплатив за каждую по лошади или две. Этим невестам было от двенадцати до четырнадцати лет. Индейские браки в этом возрасте далеко не редкость, и, более того, из достоверных свидетельств следует, что безбрачие после достижения половой зрелости - большая редкость. Некоторые женщины становятся матерями еще до двенадцати лет. Жены не всегда живут в одной хижине, некоторые племена требуют отдельного жилья для каждой. Этот обычай действует среди воронов, и Бекворт рассказывает, что, вернувшись из одной из своих экскурсий, он навестил своих жен, некоторых из которых не видел месяцами[352].

Нередко мужчина женится на сестре своей жены, а то и на целой семье девушек, полагая, что таким образом его семья станет более гармоничной[353]. По той же причине чероки женится одновременно на матери и ее дочери, хотя ни при каких обстоятельствах не возьмет жену из своего рода. Среди племен Орегона строго требуется, чтобы каждая жена была куплена из другой семьи.

Обычай многоженства настолько прочно укоренился среди индейцев, что цивилизация с величайшим трудом противостоит ему, и, если его когда-нибудь отменят, он перевернет всю их социальную систему и, изменив их национальный характер, приведет к их скорейшему исчезновению. Сэр Джордж Симпсон рассказывает забавный анекдот об индейце, который пришел в обжитые районы британской Северной Америки, научился читать и писать и принял принцип моногамии. Вернувшись в свое племя, он попытался убедить их придерживаться того же курса. Долго и серьезно обсуждали этот вопрос, но *в итоге*, вместо того чтобы обратить их, они обратили его. Он взял множество жен, отказался от книг и больше никогда не появлялся в образе социального реформатора. Другой вождь предложил отказаться от многоженства, имея пять жен и большое состояние в виде лошадей и скота. Влюбившись в дочь джентльмена, служившего в Компании Гудзонова залива, он распустил свой гарем и с парадным видом и уверенностью в себе явился в семью дамы, чтобы сделать ей предложение руки и сердца. К его крайнему отвращению и унижению, они отвергли честь его выдающегося союза. Он отомстил, как можно быстрее наполнив свою хижину женщинами.

Если брачные обязательства заключаются легко, то и развод осуществляется без особых проблем. Развод происходит нечасто, поскольку считается бесчестным бросать жену по

пустяковому поводу, особенно если она родила детей. Когда это происходит, отпрыскам обычно разрешают самим решать, с кем из родителей они будут жить, хотя обычай дает матери право опекать их. В некоторых случаях форма развода заключается в том, что муж просто предлагает жене уйти; в других случаях он не берет на себя труд уведомить ее о своем недовольстве, а спокойно кладет ружье на плечо и уходит сам.^[354] Есть несколько случаев, когда это делается по очень незначительным причинам; но, в дополнение к ограничениям обычая, о которых только что говорилось, фактическая ценность жены является предметом рассмотрения. Если разлука все же происходит, мужчина часто пытается возобновить связь. Один миссионер рассказывает о женщине, которая вступила в новый брак после того, как ее бросил муж. Он вернулся и потребовал ее. Спор был передан вождю, и тот, то ли не имея прецедента, то ли не доверяя своим судебным способностям, не придумал ничего лучше, чем поставить женщину на равном расстоянии от каждого претендента, а затем приказать мужчинам бежать, пообещав, что тот, кто первым достигнет ее, сохранит за собой приз.^[355] В некоторых племенах развод делает невозможным новый брак для женщины, но в других она может заключить новый союз, как только освободится от прежнего.

Трудно составить какое-либо мнение о нравственности женщин у народа, где браки заключаются и расторгаются так легко. Мы можем с уверенностью сказать, что у них очень мало представлений о целомудрии как о положительной добродетели, несмотря на их общую, хотя и не неизменную верность в браке, которая, вероятно, вызвана скорее страхом перед последствиями, чем чувством долга. Проституция за плату, известная в цивилизованных сообществах, у индейских народов в нормальном состоянии не встречается; но если принять определение Вебстера, "акт предложения тела для беспорядочного общения с мужчинами", то едва ли можно утверждать, что они свободны. Преобладающим мотивом, по-видимому, является неумеренный сексуальный аппетит, который должен быть удовлетворен если не в законном браке, то в незаконных половых связях. Нам говорят, что в большинстве больших собраний индейцев можно увидеть сладострастных женщин, чьи страсти побуждают их к этому; а Карвер в своих "Путешествиях по Северной Америке" рассказывает, что среди манедоуси был обычай, когда молодая женщина не могла найти себе мужа, собирать всех ведущих воинов племени на пир, и, когда их голод был утолен, удаляться за ширму и отдаваться объятиям каждого из них по очереди. Это вызывало бурные аплодисменты и всегда обеспечивало ей мужа. Хотя этот обычай сейчас почти устарел, принцип все еще существует, а проституция рассматривается многими как кратчайший путь к браку.

Рождение незаконнорожденного ребенка не вызывает у девушки особого стыда, и то, что такие дети появляются не чаще, объясняется не столько их целомудрием, сколько средствами, которые они используют, чтобы сделать аборт. Одна из причин ранних браков заключается в том, что из-за стремительности девушек в случае промедления им будет трудно найти добродетельную жену. Признания перед началом войны, или то, что называют "секретом военного пути", также говорят в пользу мнения, что абстрактная добродетель находится на низком уровне. В это время каждый воин обязан рассказать своим спутникам о каждом акте незаконного сношения, совершенного им с момента последнего похода, называя имя партнера и перечисляя факты, сопутствующие слабости. Это обязательство подкрепляется самыми строгими клятвами, известными индейским обычаям^[356].

Эта безнравственность не ограничивается одинокими женщинами, поскольку скво порой готовы принять участие в интриге не меньше, чем все цивилизованные народы. Бекворт, чей опыт знакомства с индейскими нравами, кажется, охватывает все мыслимые фазы жизни, так рассказывает о своих приключениях:

"Храбрец по имени "Большой дождь" был избран вождем деревни. У него была самая красивая скво, которая была предметом восхищения молодых людей, и все замыслили отвоевать ее у своего господина. Я решил украсть ее, и пусть последствия будут любыми". Заманив мужа на вечеринку с курением, он говорит: "Я отправился в домик Большого Дожда, одетый и покрашенный по самой последней моде, и увидел леди, лежащую на диване. Она вскочила и сказала: "Кто здесь?" - "Тише! Это я" - "Что тебе здесь нужно?" - "Я пришла к тебе, потому что люблю тебя". Разве ты не знаешь, что я жена вождя? Да, я знаю это, но он не любит тебя так, как я. Я могу разукрасить твоё лицо и привести тебе прекрасных лошадей, но пока ты жена Большого Дожда, он никогда не будет разукрашивать твоё лицо. С тобой рядом я мог бы принести домой много скальпов. Тогда мы могли бы часто танцевать, и наши сердца были бы веселы". * * * * "Уходи, - умоляла она, - если мой муж вернется, боюсь, он убьет тебя. Уходите, ради себя и ради меня". Нет, я не уйду, пока вы не дадите мне обещание, что будете моей. Она мгновение колебалась, а затем сняла со своего пальца кольцо и надела его на мой. Теперь мне оставалось только ждать удобного случая, чтобы увести ее. * * * * * Настало назначенное время, и, отправившись к месту назначения, я обнаружил, что дама верна своему слову - более того, она пришла первой. Мы присоединились к партии и отсутствовали около недели. Нам удалось захватить (украсть?) сто семнадцать лошадей, и мы благополучно добрались с ними до лагеря. Тем временем Большой Дождь обнаружил, что потерял жену. Когда мы прискакали, он не стал принимать участия в ликовании, а приказал окружить нас с женой и, вместе с полудюжиной своих сестер, вооруженных бичами, подверг самой жестокой порке. Я принял ее с индейской стойкостью. Если бы я сопротивлялся, они были бы вправе убить меня; также, если бы они пролили хоть каплю крови, я был бы вправе лишить их жизни".

Не желая задерживать ход повествования, мы не можем удержаться от порыва выразить восхищение индийским наказанием для соблазнителя замужних женщин. Если бы такое же неромантическое наказание должным образом и ревностно применялось за подобные проступки в местах с более высокими претензиями, некоторые скандалы цивилизованной жизни были бы сведены на нет. Продолжение:

"Я послал жене Большого Дожда весточку, что следующей ночью снова выйду на улицу и буду ждать ее компании. Она ответила положительно и была верна своему обещанию. По возвращении я получил еще одну такую же порку, как и в первый раз. Через две ночи после этого я отправился в третий поход, моя новая жена сопровождала меня, и получил третью порку от ее мужа. Наконец он пришел в ярость; но мои солдаты сказали ему: "Ты выпорол его три раза и больше не будешь; мы купим твоё требование". Он согласился на это предложение и отказался от всех прав собственности на миссис Большой Дождь в обмен на одного боевого коня, десять ружей, десять плащей вождя из алого сукна, десять пар новых гамашей и столько же мокасин"[357] Это было неплохое вознаграждение для неверной женщины.

В другом случае интрига закончилась трагически. Одна из жен вождя племени миннетари сбежала с человеком, который раньше был ее любовником. Он бросил ее через некоторое время. Она вернулась в хижину своего отца, где ее выследил муж. Он намеренно вошел в хижину, некоторое время спокойно курил, а затем взял ее за волосы, подвел к двери и убил одним ударом своего томагавка.[358] Каприз или щедрость того же вождя дали совершенно иное завершение аналогичному инциденту, который произошел некоторое время спустя. Другая его жена сбежала с молодым человеком, который не мог содержать ее так, как она хотела, и оба вернулись в деревню. Она предстала перед мужем и попросила у него

прощения. Он послал за ней, спросил, любят ли они друг друга, и, получив признание, отдал жену ее любовнику, подарил им трех лошадей и вернул обоих в свое распоряжение[359].

За исключением некоторых национальных обычаев, внешняя жизнь индейцев в целом благопристойна. Среди канадских племен распространен временный период дикого разгула, соответствующий Сатурналиям древних и называемый праздником снов. Этот карнавал длится пятнадцать дней, и, отбросив всю свою обычную серьезность, они затем совершают все мыслимые экстравагантности.[360] Наш авторитет не говорит, составляет ли аморальность часть этого расслабления, но, судя по обычаям других групп, это не кажется невероятным. Льюис и Кларк упоминают несколько случаев, когда они присутствовали на танцах и подобных празднествах и были свидетелями демонстрации самых грязных и отвратительных непристойностей.

Мистер Катлин высказывает мнение, что в Старом Свете очень мало превосходной морали и добродетели, чтобы служить примером для североамериканских индейцев, и мы не склонны вступать в длительное сравнение этих рас. Манеры каждой из них были описаны; и хотя было бы несправедливо ожидать, что необученный сын леса проявит столько же деликатности, сколько его более культурные собратья, было бы столь же неблагоприятно утверждать, что белое женское население в целом управляется импульсами, которые, очевидно, движут индейской женщиной.

Но какие бы сомнения ни существовали относительно безнравственности индейских женщин в их естественном состоянии, все они полностью исчезают, как только они вступают в контакт с белой расой. В провинциях Новая Шотландия, Нью-Брансуик и Канада они быстро научились самым страшным порокам. Они пьяны, чувственны и развратны. Венерическая болезнь совершает среди них страшные опустошения; на самом деле, большинство их болезней возникает от излишеств того или иного рода. Маклин в своей "Двадцатипятилетней службе в Гудзоновом заливе" говорит, что мужчины, работающие в компании, примиряются с тяжелой работой и скудным вознаграждением благодаря безнравственности женщин, многие из которых являются проститутками и продают себя за самое ничтожное вознаграждение. На северо-западном побережье целомудрие едва ли имеет хоть какое-то название. Морские племена наиболее развратны, и в некоторых местах, где корабли причаливают за припасами, сотни женщин спускаются на берег и, непристойно выставя свои лица напоказ, пытаются получить разрешение подняться на борт. Сэр Джордж Симпсон получил визит от вождя, который хотел договориться о займе леди Симпсон и предложил свою скво в качестве временного обмена.

Многие торговцы на Верхней Миссури из политических соображений связывают себя с женщинами племен. Самые красивые девушки стремятся к этому положению, которое возвышает их над обычными подневольными занятиями. Эти помолвки не являются браками в нашем понимании этого слова; за девушку платится определенная цена, и она сразу же переходит в дом торговца. С такой же легкостью он может аннулировать контракт, о чем не жалеет ее отец, поскольку таким образом он получает возможность продать ее заново. Цена варьируется от двух лошадей до горсти шишек: таково вознаграждение, за которое индейский вождь готов проституировать свою дочь. Следует добавить, что иногда пара живет постоянном браке как муж и жена, причем возможность этого всегда предполагается в первую очередь.

ГЛАВА XXX.

ВАРВАРСКИЕ НАРОДЫ[361].

Африка.-Австралазия.-Вест-Индия.-Ява.-Суматра.-Борнео.

Отношения полов среди необразованных рас изменяются в зависимости от всех обстоятельств их положения, но естественное превосходство сильного над слабым проявляется повсеместно, и везде, где женщине позволено занимать социальное положение, приближающееся к мужскому, обнаруживается, что достигнута определенная степень цивилизации. Многие ветви человеческой семьи продвинулись, в большей или меньшей степени, за пределы совершенно дикарского состояния, любовь к украшениям и практика обмена подняли их на одну ступеньку по шкале, хотя они так же сильно отличаются по характеристикам своего варварства, как и цивилизованные народы по своей утонченности. Если отбросить общие черты, то лучшее представление о соответствующих обычаях можно получить, обратив внимание на положение женщин у разных народов.

АФРИКА.

На огромном полуострове Африка живут одни из самых диких и необузданных племен человеческой семьи. Наблюдения доказали, что средний уровень утонченности сопровождается наименьшей безнравственностью, и что именно среди самых диких дикарей и самых высокополированных сообществ существует наибольшая распущенность. Для наглядного изложения темы мы сделаем географическую схему и, начав с юга, пройдем по континенту, пока не достигнем долины Нижнего Нила.

Хоттентоты - беспутная, распутная раса, и этот характер они носят с самого раннего периода. Это заметил Ван Рибек в 1655 году и подтвердил полковник Нэпир в 1840 году, который назвал их "поговоркой о непорочности". Непристойность и разврат - их характерные черты; и даже сейчас, хотя они привыкли к одежде, нередко на своих праздниках они раздеваются и танцуют в развратной манере. Женщины охотно занимаются проституцией с незнакомцами, некоторые из них по склонности, другие за деньги или подаренные украшения; но у нас нет возможности оценить численность этого неприглядного класса. Среди этих деградировавших существ разбросано несколько представительниц высшего сословия, а умные и воспитанные женщины привлекают внимание путешественников.

Пастушеские кафиры более нравственны, хотя и более свирепы, чем готтентоты, но больше пристрастились к оружию и меньше к разврату. Они практикуют многоженство, покупая жен за такое-то количество голов скота. Девушки перед замужеством проходят испытательный срок, во время которого их держат в уединении. Когда племя кочует с места на место, они берут с собой своих женщин, и на них ложится весь домашний труд, даже жены вождей помогают молоть кукурузу и выполнять подобную работу. Развод происходит легко и на очень незначительных основаниях. Изредка мы слышим о женщинах, совершающих блуд, но не описано ни одного класса проституток. Брак не считается священной связью, но прелюбодеяние со стороны жены сурово карается. Естественные привязанности у кафиров крайне слабы, и матери почти не привязываются к своим детям, а больных и слабых иногда бросают, чтобы избежать хлопот по их воспитанию. Миссис Уорд знала женщину, которая

заживо похоронила больную дочь. Маленькое существо было погребено некачественно; оно вырвалось из могилы и убежало домой. Во второй раз ее подвергли тем же пыткам, и она снова сбежала. Третья попытка была предпринята с аналогичным результатом, когда мать приняла его, и он в конце концов выздоровел. Такие случаи бесчеловечности нередки. Мужья часто затаскивают своих больных жен в чашу и оставляют их умирать. Важно отметить, что там, где эти люди приняли христианство, их нравы полностью изменились; многоженство было отменено, и они проявляют склонность соответствовать нравам, которым их учили.

В тропиках эти люди известны своей разнузданностью. Мораль для них - чуждое понятие, и ни один социальный закон не запрещает мужчине вступать в связь со столькими женщинами, сколько ему заблагорассудится. В результате женщины рассматриваются исключительно как ходовой товар, а обычные человеческие чувства им неведомы. На Золотом побережье мужья открыто prostituiруют своих жен за деньги. В других местах прелюбодей платит штраф мужу, и многие побуждают своих жен совершить преступление ради наказания. Когда Лэрд посетил Нигер в 1832 году, он нашел состояние женщин на его границах самым унижительным. Многоженство было повсеместным, а жены были низведены до рабства в собственных домах. Короче говоря, эту расу можно назвать самой праздной, невежественной и распутной в Африке. У короля было сто сорок жен, одна из которых была моложе тринадцати лет, и все они были куплены за несколько мушкетов или кусок ткани. Полдюжины самых толстых были известны как его фаворитки, а одна из них, по слухам, весила более трехсот пятидесяти фунтов. Мать этого принца жила в его дворце и развлекала двор непристойными танцами. Прелюбодеяние любой из обитательниц гарема каралось смертью. Когда мужчина умирал, одна из его жен, по крайней мере, должна была сопровождать его; ее связывали и бросали в реку. В другом месте женщину хоронили заживо; а в королевстве Фундал, когда умирал вождь, оставив пятнадцать жен, король выбирал самую уродливую, чтобы повесить ее над могилой, а остальных четырнадцать переселял в свои покои.

Уроженец Западной Африки смотрит на свою жену как на источник удовольствия и выгоды, считая ее собственностью в той мере, в какой она может заработать. При этом некоторые из этих варваров со странной непоследовательностью исповедуют чувство привязанности. Король Атта сказал Ландеру, что любит его так же, как и свою жену. Поскольку он был многоженцем, можно предположить, что путешественник считал это разделенной привязанностью. Брак рассматривается как одно из обычных явлений в жизни. Когда мужчина становится достаточно взрослым, он берет жену и продолжает пополнять свое имущество, пока, возможно, не станет владельцем сотни, если у него хватит средств на их покупку. Даже при такой системе многие женщины не могут получить постоянных мужей, как и некоторые мужчины не хотят брать постоянных жен; но можно с уверенностью утверждать, что ни один мужчина не живет без женского общения, и ни одна женщина не остается целомудренной. Жену, подозреваемую в прелюбодеянии, заставляют выпить ядовитый отвар, но иногда она подкупает священника, чтобы тот сделал его безвредным. Вдовы, которые жили в плохих отношениях со своими мужьями, должны пройти через то же испытание. Незаконная связь с женой короля влечет за собой смерть для обоих, но для жены вождя дар рабыни является искуплением. Стоимость красивой жены составляет от восемнадцати до тридцати шести долларов, а невзрачная стоит около семи долларов. В зависимости от склонностей мужчины, он часто продает одну жену, а на вырученные деньги покупает другую.

В королевстве Дагомея, которое когда-то было центром работорговли, проживает самое распутное население, и путешественник, заходящий в его морской порт, сразу же поражается нескромности женщин. По всей стране можно наблюдать одну и ту же особенность: распутники от высшего до низшего звена. Король превосходит в жестокости и грязи (черты, которые, кажется, являются наследственными для трона Дагомеи) любого из своих подданных. У него тысячи жен, у его вождей - сотни, у подданных - десятки. Королевские фаворитки слишком священны для взглядов простых людей, которые должны отворачиваться или прятать лицо, если кто-то из них проходит мимо. Посторонние в гарем не допускаются, но привилегированная знать посещает королевские пиры, на которых его жены принимают главное участие в распитии рома и проведении дебошей. Когда король желает оказать почести какой-либо фаворитке, он выбирает для нее жену и публично представляет ее. Она вручает мужу чашу рома, что является знаком союза.

Король Дагомеи содержит армию из нескольких тысяч амазонок, которые одеваются в мужские одежды, не выходят замуж и, как предполагается, не вступают в половые связи с мужчинами. Долгое время эти войска считались непобедимыми, но несколько лет назад они потерпели поражение в одной из своих мародерских экспедиций, и тысяча или более человек были убиты на поле боя.

Поскольку у короля и его богатых подданных так много жен, бедняки вынуждены довольствоваться обществом проституток, которые в Дагомеи являются лицензированным и облагаемым налогом классом. Кажется, в каждой деревне есть группа таких проституток, но их доходов часто не хватает на содержание, и они прибегают к промышленным занятиям, нанимаясь таскать тяжести и т. д. Один путешественник видел двести пятьдесят человек, собранных в отряд, а другой был атакован толпой женщин, предлагавших "стать его женами" за каплю рома. Многие представители беднейших слоев населения разгуливают по городу голыми, и за небольшое вознаграждение можно приобрести их благосклонность.

Грязные, ленивые, тупые жители побережья Фанти имеют ту же моральную сторону, что и подданные Дагомеи. Родители продают своих детей, мужа - жен, женщины - себя за ничтожную сумму. Одна женщина так хотела заключить подобную сделку, что завладела кроватью путешественника, и ее пришлось выгнать силой. Брак - это просто покупка, жена стоит около шестнадцати долларов. Женщины не продаются, если им больше пятнадцати или шестнадцати лет. Любой мужчина, совершивший прелюбодеяние, вынужден покупать свою спутницу жизни по ее себестоимости.

На побережье Бенина царят похожие обычаи. Публичные танцовщицы выступают в роли проституток и предлагают себя за небольшую цену. Каждая женщина считает за честь стать спутницей короля, даже на одну ночь.

В Ашанти, где также преобладает полигамия, прелюбодеяние - обычное дело, особенно среди жен короля, которых в случае обнаружения раскалывают на куски. Люди распутны до невозможности. Среди груманов распространена необычайно развратная практика: сын, унаследовавший имущество отца, забирает и его жен, и таким образом его собственная мать становится его рабыней.

Эдеи из Фернандо-По представляют собой сильный контраст с вышеупомянутыми, они относятся к своим женщинам с вниманием и поручают им гораздо меньше работы, чем обычно. Полигамия разрешена. Первая жена, которую берет мужчина, должна быть обручена с ним не менее чем за два года до брака, и в течение этого времени он находится в состоянии рабства, как Иаков у Рахили, а девушка содержится в уединении. Когда она появляется в качестве замужней женщины, все девственницы племени приветствуют ее и

танцуют вокруг нее. Этот обычай соблюдается только с первой женой, остальные - наложницы, которые управляются ею. Прелюбодеяние сурово карается: за первый проступок обе стороны лишаются одной руки; за второй - мужчина и его родственники подвергаются крупному штрафу и наказанию, женщина лишается второй руки и изгоняется из поселения в лес - изгнание более страшное, чем калечение.

Было бы излишним повторяться и рассматривать все различные группы африканских государств. Мы видели, что на западе расточительность является универсальной чертой, и едва ли меньше ее на востоке. У зулусов, например, король имеет сераль из пятнадцатисот женщин. Нравы общин в Сахаре известны плохо, но, похоже, они выше, чем в других частях Африки, хотя преобладают обычаи, которые шокируют наши представления о приличиях. Один вождь предложил Ричардсону в жены двух своих дочерей. Безнравственность обычно является тайным преступлением, а их общие обычаи в отношении сексуальных отношений внешне вполне приличны. Тем не менее положение женского пола унижено, поскольку они считаются принадлежностью мужского хозяйства и служительницами его чувственности.

В Абиссинии представлены различные особенности нравов. В Таджикистане мужчины живут со своими женами недолго, а затем продают их. Известно, что родители нанимают своих дочерей в качестве проституток. Один вождь предложил свою дочь в качестве временной или постоянной спутницы путешественнику, а одна женщина представила себя в качестве кандидата на подобное назначение, заявив в качестве рекомендации, что она уже жила с пятью мужчинами. Одним из веских доказательств безнравственности Таджикистана является тот факт, что сифилис поражает почти все население, мужчин и женщин, султанов и нищих, священников и их жен включительно.

В Шоа у короля одна жена и пятьсот наложниц, которые разбросаны по разным частям его владений. Он делает подарок родителям любой девушки, которую может пожелать, и обычно получает хорошее вознаграждение за оказанную честь. Его примеру следуют губернаторы провинций и городов. В Шоа существует два вида брака: один - простое соглашение о совместном проживании, другой - священная церемония. Первый используется почти всегда: мужчина и женщина заявляют перед свидетелями, что намерены жить вместе. Развод осуществляется так же легко, необходимо лишь взаимное согласие. Жена оценивается в зависимости от количества ее имущества, и обладательница хижины, поля и кровати обязательно найдет себе мужа. Когда они ссорятся и расстаются, происходит раздел имущества. Наложниц можно найти как у христиан, так и у магометан и язычников, но последние вынуждены объявлять себя новообращенными, поскольку Шоа - христианское королевство. Любимая наложница занимает то же положение, что и замужняя женщина, а между законными и незаконными детьми не делается никакого различия. Двор переполнен развратом, происходят многочисленные прелюбодеяния, и этому примеру следует народ, среди которого редко встретишь целомудренную супружескую пару. Священнослужители Шоа известны своим пьянством и распутством; одним словом, нравы в стране самые низкие. В соседних магометанских государствах состояние женского пола также деградирует, и если там проституция менее распространена, то лишь потому, что каждая женщина является рабыней похоти какого-нибудь мужчины и находится под его пристальным наблюдением.

В провинциях Кордофана, расположенных к югу от Нубийских гор, любовные чувства не совсем неизвестны, и мужчины устраивают дуэли с плетью из кожи гиппопотама из-за спорной любовницы. Жена, однако, является фактически рабыней и еще больше унижается, если оказывается бесплодной; тогда муж утешается наложницей, которую возводят в ранг жены, если она рождает ребенка. Девушки Кордофана в целом скромны и ведут целомудренный образ жизни, в то время как замужние женщины склонны к интригам,

особенно если их мужьями пренебрегают. В некоторых частях страны мужчины считают за честь для своих жен вступать в половую связь с незнакомцами и часто помогают женщине в этом. Существует класс красивых танцовщиц, которые обычно являются проститутками и славятся своими успехами в этом деле. Брак заключается без согласия женщины; мужчина торгуется за нее, платит цену и уводит ее домой. Иногда это событие отмечается пиром и танцами. Если с женой плохо обращаются, она требует развода и возвращается домой, забрав с собой детей. Причиной разлуки часто становятся мелочи, в том числе недостаточное количество поматума для смазки кожи. Эти замечания относятся к постоянному населению; бродячие племена Кордофана - нравственная, скромная раса, нагая, но не непристойная.

Вождь берберов предложил одному позднему путешественнику на выбор двух дочерей в качестве временной спутницы, причем обе были уже замужем. Многие женщины там готовы проституировать за подарок. Девственницу можно купить как в жены, так и в наложницы за лошадь. Молодой бербер, которого спросили, почему он не женится, указал на жеребенка и сказал: "Когда это будет лошадь, я женюсь".

Состояние женщин в Хартуме, на верхних границах Нила, описанное в рассказе Фердинанда Верна о его путешествии с целью открытия истоков Белого потока, настолько унижительно, что можно с уверенностью сказать, что самки обезьян в соседних лесах занимают гораздо более благородное и естественное положение. Дальше вверх по реке нравы чище. О кеках говорят, что они ведут безупречную жизнь. Замужние девушки и дети держатся в уединении, и значительную часть года женщины живут в деревнях отдельно от мужчин, которые имеют лишь временные хижины, а к основным жилищам своих жен они могут обращаться во время сезона дождей. В остальное время мужчина не смеет приближаться к "гаремной деревне", но некоторые женщины иногда пробираются в хижины своих мужей. Полигамия разрешена, но слишком дорога для всех, кроме вождей.

Среди некоторых племен на берегах Белого Нила женщины продают своих детей, если могут сделать это с выгодой. Девы появляются нагими, но замужние женщины носят фартук. Все испытывают стыд, появляясь перед путешественниками без одежды. За горами Луны Верн нашел народ, который он описывает как целомудренный и порядочный, где неженатые мужчины и женщины живут отдельно.

Наши сведения настолько ограничены, что любое исследование нравов Африки должно быть неполным, но уже сказано достаточно, чтобы дать справедливое представление о средней нравственности. Статистика, конечно, невозможна, но на основе общего описания мы можем без колебаний составить свое мнение.

АВСТРАЛИЯ.

В этот раздел земной поверхности обычно включают большой остров Австралия, Папуа или Новую Гвинею, а также некоторые прилегающие острова, в том числе Новую Каледонию и Землю Ван Демена. Политически и географически острова Новой Зеландии также относятся к этому делению, но существует определенный вопрос относительно уместности такого распределения для этнографических целей. Мнения о состоянии новозеландцев расходятся. Есть много сходства между ними и жителями некоторых Полинезийских островов, в то время как между ними и австралийскими аборигенами есть не менее сильные точки сходства. Новозеландец, открытый Куком, значительно превосходил австралийца в интеллекте и искусстве жизни. Он жил в приличной хижине, умел строить крепости и питался готовой

пищей. Австралиец жил в дупле дерева, мог соорудить временную хижину из коры и кистей и питался личинками, кореньями и сырой плотью. Нет нужды говорить, что среди такой расы, как австралийские негры, положение, занимаемое женщинами, было самым унижительным и жестоким.

Австралийский дикарь даже не делает своей будущей супруге комплимента - не ухаживает за ней. В их случае все решает сила. Женщину часто обручают родители или родственники, и она становится собственностью мужа путем купли-продажи. Если это не удалось сделать обычным способом, он приобретает свои супружеские привилегии, проникая на территорию другого племени, а затем, встретив женщину, сбивает ее с ног своей *вадди* (тяжелой дубиной) и уносит в безопасное место, где силой овладевает ее личностью. Это настолько обычная процедура, что возникло мнение, будто австралийские соперники-холостяки соревнуются за жену, стуча ее по голове, и тот, кто ее повалит, уносит красавицу.

Привычки коренных австралийцев сейчас не так заметны, как в начале системы колонизации. Поначалу между ними и поселенцами поддерживался постоянный контакт. Взаимные обиды, нанесенные друг другу, в которых белые были виноваты больше, чем аборигены, привели к истребительным войнам. Чернокожая раса постепенно исчезла из заселенных или, скорее, частично заселенных стран, а сильно поредевшие внутренние племена отступили в Южной Австралии, Новом Южном Уэльсе и Виктории далеко в глушь, за пределы обычного общения с белым человеком.

На Земле Ван Демена туземцы были почти истреблены в результате постоянных войн, которые велись между ними и поселенцами, как каторжниками, так и свободными, и правительство было вынуждено взять немногих оставшихся в живых под свою защиту и создать для них убежище. Соответственно, их собрали и депортировали на остров в Бассовом проливе под руководством специального комиссара. Но, несмотря на возросшие удобства их положения и защищенность от убийственной враждебности белых врагов, они зачахли, и вместо того, чтобы увеличиваться, их численность постепенно сокращалась, пока в настоящее время, как полагают, не достигла ста человек. В Центральной Австралии, к северу от реки Муррей, племена все еще сравнительно многочисленны, а в некоторых случаях воинственны и враждебны по отношению к поселенцам.

Замужние женщины у аборигенов называются "джинами", а незамужние девушки - "луббрами". Женщины следуют за своими господами во время их миграций и походов, несут грузы и выполняют всю работу. Они терпеливо и покорно переносят удары и издевательства, которым подвергаются. Полигамия практикуется более могущественными мужчинами племени, которые присваивают себе таких женщин, каких выберут, и бросают их по своему усмотрению. Время от времени они продают или дарят "джина" другу, нуждающемуся в таком товаре. Между полами наблюдается значительная диспропорция, объясняемая отчасти постоянным жестоким обращением, отчасти распространенной среди диких народов привычкой уничтожать младенцев женского пола.

Одно время в истории этих колоний скотоводы и пастухи иногда пытались утешить свое одиночество с помощью "луббры", которую им удавалось выманить у законного владельца, но полукровки от таких союзов встречаются крайне редко. Туземцы, несмотря на низкую оценку своих женщин, очень ревниво относятся к ним, как к собственности, и держат их как можно дальше от станций.

Целомудрие во все времена не имело большого значения среди дикарей, за исключением старых кельтов и тевтонов, которые высоко ценили целомудрие, а их женщины были предметом всеобщего уважения. Судя по своеобразным привычкам самих австралийских

аборигенов, вряд ли можно сказать, что проституция существует как институт. У женщины нет выбора в этом вопросе. Между "джинами" и "лубрами" и белыми поселенцами почти нет шансов для проституции. Женщина время от времени посещает города или поселения, но всегда в компании своих друзей-мужчин. В юном возрасте девушки не более неприятны, чем другие их комплекции. В более зрелом возрасте они совершенно отталкивающие, их делают отвратительными шрамы и другие следы жестокости. В любое время лица представителей обоих полов отвратительны, они одеты в грязные одеяла или овечьи шкуры, за исключением тех случаев, когда им удастся подобрать рваные остатки европейской одежды.

Среди новозеландцев состояние женщин несколько лучше, чем среди австралийцев. Улучшение было скорее в степени, чем в принципе. Они находились под тем же контролем со стороны родителей и родственников. Замуж их выдавали по праву, а часто обручали с младенчества, и в этом случае они были *тапу* или *табу* для других лиц, кроме молодого вождя или воина, купившего право на брак. Жестокие наказания женщин за неверность были обычным делом, и даже за незначительные проступки они подвергались очень суровым наказаниям. В одном случае, совсем недавно, новозеландскую женщину подвесили за пятки голой и в таком положении нещадно выпороли. Ее чувство возмущения было настолько острым, что она покончила с собой. Разврат среди женщин, вероятно, был более редким явлением раньше, чем сейчас. Прелюбодеяние каралось смертью для обеих сторон, и семья мужчины-правонарушителя часто была вовлечена в наказание. Однако теперь постоянные визиты китобоев и мореплавателей, постепенное заселение островов белыми и, прежде всего, выгоды и преимущества, получаемые от незаконных половых связей, заставляют женщин быть свободными от своих лиц. Родители и даже мужья часто оказываются в выигрыше от этой сделки и даже ведут переговоры о получении прибыли. Церемония бракосочетания тоже раньше носила столь легкий характер, что, что бы ни думала о ней новозеландская женщина, ни один поселенец, а тем более моряк, не чувствовал себя связанным узами брака, и, хотя союзы, основанные на этих слабых узах, не были неправильными для женщины, они прокладывали путь к менее оправданным отношениям.

Влияние цивилизованных институтов и присутствие постоянного духовенства и миссионеров несколько улучшает нравы туземцев, и между белыми и туземными женщинами заключено множество законных браков, потомство которых - прекрасная раса полукровок - можно встретить по всем австралийским колониям. Пример уважения, с которым относятся к туземным женщинам, вышедшим замуж, а также права и социальное положение, которые они приобретают, не может не влиять на других и предрасполагает их к такому же поведению. Среди племен, удаленных от побережья и находящихся вдали от цивилизованного контроля, древние обычаи все еще сохраняются в целостности, а вожди и туземцы ревностно сопротивляются всем посягательствам на их независимость. Даже среди тех вождей, которые были обращены в номинальное христианство, например, Раупераха, сохраняются языческие институты мести за нанесенные обиды, многоженства, власти жизни и смерти над своими женами и последователями, и гуманизирующие уроки Евангелия мало способствуют изменению их варварской жизни. В Новой Зеландии утверждают, что венерические заболевания очень распространены среди туземцев, а из-за их питания и развратных привычек часто приводят к летальному исходу.

В колониальном обществе белых нет особых инцидентов, характеризующих проституцию. Во все времена, пока длилась транспортировка, женская безнравственность была очень распространена. Общий закон, так часто наблюдаемый при нарушении норм поведения полов, действовал с большой силой; кроме того, на ухудшение женских нравов оказывали

влияние местные факторы. Большой ввоз осужденных женщин, которые всегда были самыми непокорными и порочными среди преступников и, как известно, доставляли властям больше хлопот и беспокойства, чем кто-либо другой, наносил ущерб общественной добродетели. Однако, подобно тому как из-за этих недостатков неважные женщины пользовались легким уважением, так и респектабельные женщины завоевывали общественное мнение, каким бы плохим ни было их материальное положение. Регулярной проституции было немного, хотя недержание преобладало. Среди каторжников существовала постоянная система браков. Когда мужчина решал жениться, он приводил себя в порядок, надевал чистую рубашку и шел к ближайшему коменданту, которому сообщал о своем желании вступить в брак. Разрешение всегда давалось. К нему направляли всех желающих, находящихся в участке, и избранница редко отказывалась, поскольку брачные узы освобождали ее на время хорошего поведения от более тяжких уз закона. Некоторые из этих союзов закончились более благополучно, чем можно было ожидать, исходя из характера сторон, особенно женщин.

Южная Австралия и золотая колония Виктория никогда не были пенитенциарными поселениями. Колонисты очень остро ощущали нехватку респектабельных молодых женщин, и правительство страны предприняло немало благонамеренных усилий, чтобы восполнить этот недостаток. Большое количество молодых женщин отправилось из Великобритании под опекой матрон и медиков, и в большинстве случаев их прибытие было встречено с большим удовлетворением. Не было ничего необычного в том, что молодой человек, поселившийся далеко за пределами страны, по прибытии женского эмигрантского корабля приходил в правительственное депо в Аделаиде или Мельбурне и там выбирал себе спутницу жизни. Конечно, большее число нанималось на службу к колонистам и, в порядке событий, переходило от службы к независимости. Власти проявляли родительскую заботу и осторожность в отношении молодых женщин, отправляемых за границу. Им не разрешалось наниматься в драмтеатры или ночлежные дома: лица, нанимавшие их, должны были быть известны; они имели право оставаться в депо в течение нескольких месяцев, если не подходили, и на любой срок в случае болезни по прибытии; впоследствии, при хорошем поведении, депо предоставляло убежище на неопределенный срок. Несмотря на все эти меры предосторожности, здесь постоянно существовала проституция. Благие намерения комиссаров по эмиграции в Лондоне слишком часто нейтрализовались развратным характером офицеров судов, на которых отправлялись женщины, или заинтересованным поведением местных властей в Англии. Хорошая репутация была крайне важна для желающего эмигрировать, но часто хозяева домов и приходские служители отправляли недостойных или проблемных персонажей, от которых лучше было избавиться любой ценой.

Во время золотой мании в Австралии процветала проституция. Огромные доходы и показная экстравагантность были большим соблазном для молодых женщин, которые не могли легко найти себе занятие по душе и которым не нравились умеренные ограничения депо. Убедительные искусства сводниц и содержательниц публичных домов были на высоте. Примечательно, что в свое время все общественные автомобили принадлежали бордельерам. Прибыль от этих совместных заведений была совершенно баснословной. Каждый день можно было увидеть, как группа проституток в самых вульгарных костюмах разъезжает по улицам в открытых каретах. В самом деле, было принято считать частью их контракта, что они должны иметь неограниченное количество одежды самых аляповатых цветов и фасонов, из дорогих материалов, а также воскресные поездки в открытых каретах. Полицейские власти делали все возможное, чтобы пресечь это постыдное проявление, но они были бессильны перед безрассудной экстравагантностью шахтеров и наплывом женщин. Считается, что сейчас эта чрезмерность утихла, и старатели стали покупать землю и вступать в браки, а порядок снова восстановился, и проституция в золотых колониях, хотя и

не прекратилась, но в значительной степени избавилась от публичных показов и демонстраций.

ПОЛИНЕЗИЯ.

Основные группы Полинезийских островов - Общество, Дружественные, Самоанские, Сандвичевы и Маркизские. Последние стали известны в последние годы благодаря романам "Тайпи" и "Ому" Германа Мелвилла.

Острова Южного моря обычно изображались ранними мореплавателями в самых ярких красках. Земли были самыми прекрасными на земной поверхности; климат был непревзойденным, сочетая в себе благодатное тепло тропиков и свежие океанские бризы; почва самопроизвольно приносила в роскошном изобилии самые прекрасные и ценные растительные плоды; и, наконец, жители были приспособлены как по характеру, так и по склонностям к тому, чтобы стать жильцами такого Эдема.

Легко понять, какой образ мыслей привел к этим описаниям. Моряк, блуждающий по безбрежному океану, в котором видны лишь темные водные просторы, вполне мог бы распознать рай в зеленых холмах и тенистых рощах островов Тихого океана, а ангелов - в их сумрачных обитателях. Но эти картины были весьма обманчивы: достоинства дикарей исчезают при близком знакомстве. Непримируемая свирепость между собой, кровопролитные и истребительные войны, каннибализм, беспредельная разнузданность и сопутствующие ей противоестественная похоть и распутство, унижительное и ужасное идолопоклонство, детоубийство, жесточайшая тирания сильного над слабым, мужчины над женщиной, которой не разрешается жить в одном жилище, есть одну пищу, готовить на одном огне или даже пользоваться одной посудой со своим господином и повелителем: Все это - обычные условия жизни дикарей. Можно найти некоторые местные модификации, но таковы основные события в жизни и характере полинезийцев.

Правда, вначале туземцы приняли белых со всем дружелюбием и проявили по отношению к гостям большое гостеприимство и мягкость поведения. Это объясняется удивлением и благоговением, с которым они относились к чужеземцам, рассматривая их как высших существ из другой сферы, удивляясь их удивительной силе, поразительным механизмам, которыми они владели и управляли, и их неизвестным атрибутам. Но знакомство ослабило уважение; некоторая непродуманная и неоправданная тирания высветила оскорбительные стороны характера дикарей, и вскоре воровство, предательство и убийства стали практиковаться против белых так же свободно, как и друг против друга, когда страх перед последствиями не сдерживал их. Убийство капитана Кука и нападение на Лаперуза были примечательными случаями из-за смелости дикарей и общественного ущерба от смерти великого мореплавателя, но это были не единичные случаи возмущения. Среди островов погибло множество маленьких и слабо управляемых судов, и неоднократно, когда удавалось высадиться на берег, мореплаватели подвергались большому риску из-за неопределенного деспотизма туземцев.

Какими бы ни были другие их качества, как в отношениях между собой, так и в общении с иностранцами, разнузданность была универсальной характеристикой жителей островов Южных морей. Это было не просто многоженство или излишество среди нескольких наиболее влиятельных членов общества, а обычная привычка среди всех классов.

Целомудрие, когда бы оно ни встречалось, было не обычной частью жизни женщины, а лишь эпизодом, зависящим от конкретных обстоятельств; по сути, это было ненормальное состояние. Оно было связано либо с браком, либо с помолвкой. Особым институтом всех этих островитян было *тапу*, или *табу*, - полурелигиозная церемония, совершаемая либо священником, либо вождем, с помощью которой места, люди или имущество становились недоступными для других, кроме законных владельцев. Нарушение этого закона всегда было самым большим нарушением приличий и общественных чувств, в котором мог быть виновен туземец или иностранец. Когда молодых девушек обручали в раннем возрасте либо с мальчиками соответствующего возраста, либо с более старшими людьми, на таких женщин *накладывалось табу*. Это гарантировало целомудрие до достижения брачного возраста. Поскольку эта система обручения распространялась почти исключительно на вождей, из этого следует, что обязательство целомудрия было весьма ограниченным. Отсюда можно сделать еще один вывод: целомудрие ассоциировалось скорее с собственностью в женщине, чем с приличиями в ней.

Еще одним институтом островитян Южных морей был институт *ареои*. Они представляли собой группу мужчин и женщин, объединенных для определенных целей, которые первоначально носили религиозный характер. Вероятно, когда-то они были людьми *Оби*, знахарями или волшебниками, как у негров и индейцев. Обычай, столь часто наблюдаемый у языческих народов, включать развлечения и праздники в религиозные обряды, был подхвачен этими Ареои, и со временем они выродились в простых мимов или шутов, сохранив за собой по праву предписания все иммунитеты и привилегии, положенные священникам. Они кочевали с места на место, а иногда с острова на остров. Их празднества сохранили следы религиозного происхождения, так как начинались с жертвоприношения богам, после чего они развлекали народ театральными представлениями, в которых главными были непристойные песни и развратные танцы. Они выступали с диалогами и декламациями, в которых свободно сатирировали все сословия, за исключением жрецов. Их везде принимали с радостью, и они имели право на свободные кварталы, где бы ни останавливались. Говорят, что их членами обычно были самые красивые представители обоих полов, а женщины были самыми распутными среди жителей. По преданию, эти люди изначально были созданы богами, и одним из их правил было вечное безбрачие, а также то, что у них не должно быть потомков. И хотя вначале этот запрет, возможно, преследовал чистые цели, в итоге он привел к извращению такого намерения. В их нынешнем состоянии, независимо от того, вырождаются они или нет, запрет воспринимается не как исключение из сексуальных отношений и наслаждений, а как исключение их естественных последствий. Соответственно, их жизнь была в большинстве случаев заброшена, а аборт и детоубийства неизменно практиковались. Их бесчинства не ограничивались их собственным телом: после их представлений самые дикие эксцессы совершались во всех кварталах. Соппротивление или возмездие были невозможны для страдальца из-за страха, который эти несчастные вызывали таинственными силами, которыми их наделяли, и которые в действительности были тайными связями всех групп[362].

Когда они выступали, Ареои раскрашивали свои тела в черный цвет, а лица - в алый; они носили платья из ярких растений и цветов. Они делились на несколько классов, названных в честь того или иного украшения; и, если учесть подчиненных членов войск и слуг, выполнявших мелкую работу, они должны были быть очень многочисленными. Для их приема и удобства представительства были специально построены места[363].

Кандидаты на вступление в их число принимались с помощью тайных церемоний, сродни таинствам язычества. Совершались торжественные обряды, призванные вызвать

благоговейный трепет у обывателей, и распространялась идея об особом резервировании благословений будущего элизиума для этих обманщиков, в которую верили.

Существование таких организованных обществ не могло не быть в высшей степени подрывным для всего порядка и приличия. Поэтому, когда миссионеры только прибыли сюда, они столкнулись с наибольшими трудностями из-за общей развращенности нравов. Распушенность, распушенность и недержание настолько укоренились в самой природе людей, что казались почти неистребимыми. Так, мы находим рассказ об одном разумном новообращенном, который выразил убеждение, что "народ следует побудить прекратить детоубийство, человеческие жертвоприношения и поклонение демонам, но что сохранение женской добродетели и христианского брака никогда не будет достигнуто"[364].

Говорят, что острова Общества в прошлом были известны даже в Полинезии своей разнузданностью, которая до сих пор широко распространена среди них. Миссионерские предписания, очевидно, смягчили это зло, и им удалось установить законы по этому вопросу, которые, однако, не являются обязательными для чужестранцев. Иностранцы, приезжающие на эти острова, осуждая поведение жителей, слишком часто сами становятся главными подстрекателями к пороку, и, получив отпор в своих проступках, срывают свое разочарование на миссионерах.

Иностранное влияние, действующее на этих островах, имеет двоякую природу: одно направлено на улучшение туземцев, привитие добродетельных принципов, поощрение или принуждение к добродетельной практике; другое включает все низменные и подлые страсти и мотивы моряков и китобоев, склонных к безрассудному наслаждению проходящим часом; торговцев и авантюристов, жаждущих наживы; а среди самых худших образцов - беглых моряков и даже каторжников из австралийских поселений. Все эти факторы в совокупности сдерживают развитие туземцев.

Красота женщин на этих островах сильно преувеличена. Коммодор Уилкс говорит:[365] "Я не видел среди них ни одной женщины, которую я мог бы назвать красивой. У них, правда, есть некоторая сонливость в глазах, которая может быть очаровательной для некоторых, но я скорее должен приписать известность, которую приобрели их прелести среди мореплавателей, их веселости и жизнерадостности". Другие, оценившие их столь же холодно, говорят, что были разочарованы их внешностью, ибо "мало кого можно было назвать красивым; тем не менее, они обладали выдающимися женскими грациями, их манеры были приветливыми и привлекательными, шаг легким и грациозным, поведение свободным и непринужденным, нрав мягким, нежным и незатронутым, они медленно обижались, легко успокаивались, редко сохраняли обиду или мстили, что бы ни было вызвано"[366].

Нет никаких сомнений в том, что их поведение было приветливым и дружелюбным, а поведение - спортивным и игривым. Их промышленность была не слишком велика: немногочисленные потребности островитян с избытком обеспечивались природой. Женщины готовили поэ из хлебных плодов и авы, и, пока европейцы не завезли свинью, это был их обычный рацион, если не считать каннибальских пиров воинов, в которых женщины не принимали никакого участия. Женские занятия заключались в плетении цветов и трав для гирлянд и циновок. Главным развлечением для них было катание на каноэ или спорт в прибое, так как все островитяне любят воду, а женщины, возможно, из-за большей плавучести своего тела, плавали лучше, чем мужчины. До прибытия миссионеров было принято, чтобы женщины подплывали к кораблю и забирались на борт, где начинались сцены разврата и непристойностей, продолжавшиеся до тех пор, пока судно находилось в

гавани, и очарование которых так сильно действовало на возбужденные страсти моряков, что постоянно происходили дезертирства и мятежи.

Самое раннее общение белых никогда еще не приносило пользы необученному дикарю, и, если бы подобные случаи происходили только на борту кораблей иностранцев, это можно было бы списать на иностранную коррупцию. Но дело обстояло иначе. Прибыль, получаемая от визитов белых людей, могла бы придать распутству большую изюминку среди туземцев обоих полов, ведь беспорядочные половые связи были изжитым институтом еще до прихода европейцев.

Островитяне Южных морей не являются исключением из общего правила держать своих женщин в подчиненном и низшем состоянии. На вождя иногда *накладывается табу*, и его женщины не могут приближаться к нему; он может видеть их, когда ему заблагорассудится; в любое время женщина находится в рабстве. Женщины вождя живут в отдельных квартирах от своего хозяина, и им не разрешается общаться с ним на равных, за исключением случаев, когда женщина имеет высокую кровь. В этом случае она совершенно независима, может пользоваться теми же полномочиями, что и ее муж, а в некоторых случаях даже отказаться от верности ему.

Многоженство практиковалось и до сих пор практикуется среди вождей. Даже там, где миссионерское влияние оказалось успешным, вожди смотрят на отмену полигамии как на самое неприятное нововведение. Они с сожалением вспоминают о своей былой свободе и не могут понять, почему их ограничивают одной женой. Многоженство, конечно, может быть только у сильных за счет слабых. Уже сейчас, в силу различных причин, действующих среди дикарей, наблюдалось преобладание мужчин над женщинами, которое еще больше усилилось в результате полигамии. Это снова обесценивало женскую добродетель, оправдывая незаконные связи для тех, кто жил в вынужденном безбрачии, а их последствиями были сокрытие и детоубийство. До такой степени дошли незаконные половые связи, что некоторые авторы утверждают, что ни одна девушка не достигала возраста половой зрелости девственницей. Природа брачных уз весьма неопределенна. Муж мог избавиться от жены по своему усмотрению. По-видимому, существовало небольшое различие между браком и наложничеством. Большинство этих социальных институтов одинаково распространены на всех островах, с очень небольшими местными различиями. Например, детоубийство практиковалось на большинстве островов, но не всегда. На Тугуиле, [367] одном из островов группы Самоа, его никогда не было. Обрезание было распространено среди большинства туземцев.

Среди самоанцев к женщинам относятся с почтением. [368] Мужчины выполняют всю тяжелую работу, вплоть до приготовления пищи, а женщины занимаются только домашним хозяйством, присматривают за детьми и готовят еду для огня. На Сандвичевых островах нет таких рыцарских чувств. К моменту прибытия миссионеров здесь не существовало никаких брачных институтов. Единственными законами были такие, которые в некоторой степени регулировали их разврат. Существовали традиции, свидетельствующие о том, что в прошлом, до открытия острова, брачные узы пользовались у туземцев уважением, а церемония бракосочетания имела важное значение. В настоящее время личные наказания жены мужем нередки, и они говорят об этом как о чем-то само собой разумеющемся.

Отношения родителей к детям в разные периоды сильно различались. Самоанцы, похоже, больше всех соблюдали моральные обязательства и естественные узы. Среди них было принято, чтобы матери сосали детей в течение нескольких лет и воспитывали их с большой

заботой и вниманием, настолько, что ребенок-калека иногда дискредитировался как свидетельствующий о преступной небрежности матери.

Жители Общества и Сандвичевых островов, чья жизнь была привычно беспутной, избегали всех неприятностей, мешавших их свободе общения, а дети считались особенно обременительными. Среди них в страшных масштабах распространено детоубийство, и, если бы обычная распущенность людей не была достаточным стимулом для этого вопиющего преступления, тирания правителей придумала налог на опрос, в который включались дети старше десяти лет. Более бедные жители этих блаженных краев, которые и так слишком сильно ощущали на себе гнет, нашли в этом дополнительный мотив для детоубийства. Но в действии это было еще более жестоко, чем детоубийство, поскольку многие дети, которым давали жить, умирали, когда приближался срок, когда их можно было бы обложить налогом. Убийство совершалось иногда родителями, иногда милосердно, а иногда ужасно. Существовал класс людей, которые занимались убийством детей профессионально.

У самоанцев девочек часто рано выдают замуж, без привязки к годам, девушка находится под табу до достижения брачного возраста. За это время жених накапливает имущество. Праздник бракосочетания проходит с размахом и развратом, а гости остаются до тех пор, пока есть что поесть. Совершение брака и девственность невесты подтверждаются доказательствами, предусмотренными еврейским законом.

Когда мужчина из этой группы желает взять жену, он должен спросить согласия вождя. Получив его, он преподносит выбранной им девушке корзину с хлебом-фруктами, приняв которую, она соглашается стать дарителем. Затем муж выплачивает родителям за нее сумму денег в соответствии с ее рангом и оценкой; иногда ухаживание происходит в кругу семьи, без консультации с девушкой, от которой ожидается, что она подчинится воле родителей в этом вопросе.

Самоанец может отказаться от жены и жениться снова на определенных условиях, но женщина не может уйти от мужа без его согласия.

Прелюбодеяние у самоанцев раньше каралось смертью, и брачный обет соблюдается ими неукоснительно. Считается, что молодой женщине крайне нежелательно вступать в связь с местным жителем до брака, хотя временная связь с иностранцем не считается предосудительной. Возможно, такое различие объясняется признанием превосходства белых; но объяснение одного из вождей скорее ставит вопрос на удобство, чем на мораль, поскольку он возражает против того, что туземные юноши постоянно слоняются по дому и привязываются к девушке, в то время как иностранец дарит свои подарки и уплывает, когда срок его пребывания заканчивается, оставляя объект своего выбора снова свободным.

На Маркизских островах существует необычный институт, похожий на тот, что был распространен среди древних лакедемонян. Женщина имеет более одного мужа. Это называют полиандризмом, но это не совсем так. Жена молодого, неизвестного воина удостоивается ухаживаний более выдающегося человека, от которого может иметь детей. Высший вождь берет жену и ее законного мужа под свою защиту и в свою хижину.

Население некоторых районов Сандвичевых островов стремительно сокращается. Согласно реестру, который ведется на Гавайях, на одно рождение приходится три смерти. Такая диспропорция объясняется низким уровнем телосложения, что является следствием венерических заболеваний. Сифилис был завезен на эти острова экспедицией Кука, и теперь говорят, что все туземцы в некоторых районах доведены до болезненного состояния,

многие женщины не способны к деторождению, и лишь немногие из детей достигают зрелости.

Есть и другие сопутствующие причины, способствующие такому упадку, среди которых немаловажное значение имеет различие в питании, ношение одежды и, как следствие, сокращение омовения среди людей, которые половину своей жизни проводят в воде; но район Ханапепе, где снижение было наиболее быстрым, был тем, где вирус был впервые занесен, и здесь он все еще наиболее вирулентен в своем действии и воздействии.

Каковы бы ни были причины, в других местах действует тот же эффект, хотя и не в такой депопуляционной степени. В 1832 году население Ваиалуа составляло 2640 человек, а в 1835 году оно сократилось до 2415. Не было ни войны, ни эпидемии. Это было обычное состояние людей. Наиболее серьезными причинами считаются бесплодие и аборты. Аборты очень распространены, и известны случаи, когда женщины рожали по шесть-семь, а иногда и по десять детей за столько же лет, а детей не было[369].

Личные и взаимные оскорбления часто практиковались в раннем возрасте среди поселенцев и являются одной из причин бесплодия.

До 1840 года детоубийство, как мы уже показали, было обычным делом. Но здесь, как и везде, брачные правила, введенные миссионерами и принятые новообращенными туземцами, уже действуют реакционным образом против сокращения населения, и детоубийство почти неизвестно. Налог на детей старше десяти лет был отменен, а вместо него предусмотрены премии за воспитание многодетных семей с законными детьми.

Все признают, что разврат широко распространен среди людей и в настоящее время, но в гораздо меньшей степени, чем раньше, когда беспорядочные связи были повсеместными. Мужчины жили с несколькими женами, и *наоборот*. Все улучшения в этом отношении следует приписать трудам христианских миссионеров. Именно им жители Сандвичевых островов обязаны своим моральным кодексом и принятием законов о браке, а также своими политическими институтами.

Соблюдение внешней морали и благопристойного поведения, как мы уже упоминали, стало обязательным на тех островах, где миссионеры обосновались надолго и приобрели достаточную власть, чтобы заставить уважать свои предписания. Они запретили публичные сборища с целью развлечений и даже пресекли частные игры и забавы. Это вызывало возражения как вмешательство в невинный отдых и времяпрепровождение, а также как поощрение формализма.

Но у миссионеров не было выбора в этом вопросе. Язычество было глубоко укоренено в повседневной жизни и привычках людей. Во всех религиозных праздниках пиршества, танцы и развлечения занимали столь заметное место, что единственным способом искоренить привязанность людей к языческим обычаям было отменить те обычаи, которые делали культ привлекательным. Танцы всегда нескромны, часто развратны и крайне непристойны. Они состоят не более чем из скручиваний и выкручиваний конечностей и тела, а также из метаний в позы, которые, поскольку исполняются в основном женщинами, весьма способствуют безнравственности.

Даже среди самоанцев танцы, исполняемые женщинами, носят такой же либидинозный характер, как и остальные, хотя танцы мужчин не являются непристойными.

Среди болезней преобладают кожные заболевания. Благодаря прекрасному климату и простому питанию жителей, они не носят тяжелого характера. В этом отношении

островитяне не выиграли от общения с европейцами. Венерическая болезнь была занесена и, из-за недостатка медицинского лечения, причиняет большие разрушения. Вторичный сифилис иногда протекает в тяжелой форме. На Тутуиле, одном из островов группы Самоа, говорят, что венерические заболевания совершенно неизвестны, а на других островах группы они встречаются очень редко.

Политические обстоятельства, внедрение новых элементов в полинезийскую жизнь, ежедневно расширяющиеся контакты между островитянами и иностранцами - все это способствует тому, что изменения в социальных аспектах островов Южных морей происходят очень быстро, так что каждый год может принести новые перемены. Некоторые недавние авторы сомневаются в пользе миссионерских трудов среди островитян, которые, как они утверждают, были таким образом отвлечены от своих невинных и простых привычек жизни; вместо них, как утверждается, был принят суровый и лицемерный аскетизм; чистота их нравов и сила их конституций были истощены и разрушены контактом с европейцами и американцами, и весь результат иностранного общения был смешанным злом. Мы отвергаем эти выводы, как слишком сильно смакующие партийные предрассудки и классовые антипатии. Тенденция Евангелия всегда направлена на очищение и возвышение диких племен. Миссионеры, возможно, переоценили и преувеличили степень достигнутой ими пользы, а веселье и жизнерадостность, столь приятные на первый взгляд для случайного посетителя, но столь обманчивые в действительности, возможно, были уменьшены. Но чистота жизни дикарей - это заблуждение, и кое-что было достигнуто, если только внешне соответствовать законам и велениям христианства.

ВЕСТ-ИНДИЯ.

О Вест-Индии будет достаточно небольшого описания, поскольку от дикарских рас здесь почти ничего не осталось; о негритянском населении можно составить лишь общее представление, а цивилизованные колонисты сохранили так много впечатлений тех стран, откуда они прибыли, что не требуют особых замечаний. Когда Колумб впервые посетил эти прекрасные острова, он обнаружил, что их населяют два класса людей: дикие карибы, которые наслаждались войной и охотились на более слабые племена; и простые общины, чьи мирные привычки делали их жертвами своих жестоких соседей. Народы одинаково поразному относились к женщинам. Миротлюбивые островитяне допускали женщин ко всем прелестям своей сельской жизни, позволяли им участвовать в танцах, наследовать власть и разделять все удовольствия. Среди карибов-каннибалов господствовала другая мода. Самых красивых из пленников оставляли в качестве рабов, остальных топили. Участь этих изгнанниц, как и самих карибских женщин, была достаточно тяжелой. Народ был низким и варварским, и отношение к женщинам было соответствующим: мужчины считали их низшей расой, чья деградация была вполне естественной. Жена была рабыней своего мужа, и все тяготы жизни ложились на нее. Она обращалась к нему с презрительным смирением, а если и жаловалась на плохое обращение, то только под угрозой жизни; ее детей, однако, любили и смотрели за ними с нежной заботой.

Первобытные жители островов Вест-Индии исчезли, и на смену им пришло смешение рас, из которых наше внимание привлекают негры. Для негров Антигуа, например, характерна безнравственность. Здесь часто практикуются детоубийства, даже после принятия закона об эмансипации. Причина этого очевидна. В условиях рабства негры не могли заключить законный брак; поэтому они сожительствоваали, и союз длился до тех пор, пока существовала их привязанность или влечение. Женщина, родившая детей от нескольких

мужчин, не подвергалась позору. Теперь в женщинах пробудилось представление о добродетели, и они стремятся избежать последствий незаконной связи, уничтожая потомство, руководствуясь принципом: если нет вещественных доказательств преступления, значит, преступление не совершено.

Во времена рабства наложничество было распространено повсеместно, и хотя многие хозяева предлагали вознаграждение тем, кто верно жил с одним партнером, этот порок был практически повсеместным, и постоянный союз между мужчиной и женщиной заключался редко. С одним мужчиной часто жили две женщины, одна из которых считалась его женой, а другая - любовницей. Когда в 1834 году негры получили эмансипацию, многие из них стремились вступить в законный брак, а другие бросали своих партнеров по принудительному рабству и брали новых спутниц жизни. Двоеженство не было редкостью ни тогда, ни сейчас, и для того, чтобы обойти строгие законы в этом вопросе, было придумано множество способов. Совокупление стало менее распространенным, чем раньше, но брачный союз ни в коем случае не соблюдается, а целомудрие не особо почитается.

В Сент-Люсии сексуальные отношения были необузданными и почти беспорядочными, а негры острова и по сей день не приемлют брака и склонны к наложничеству. И в том, и в другом случае они одинаково неверны, единственное, что их спасает, - это любовь к детям.

Такое же низкое состояние нравов наблюдается в Санта-Круссе, но на Ямайке негры в основном женаты и верны своим обязательствам. Раньше сношения между полами были свободными, распутными и развратными. Когда миссионеры попытались исправить это, все, кто подчинился их учениям, были осмеяны деморализованными товарищами. Следует признать, что европейцы не показали неграм никакого хорошего примера, а, наоборот, поощряли их пороки.

ЯВА.

Любопытная система нравов царит сейчас на Яве. Индусов сменили магометане, а те, в свою очередь, уступили место голландцам, каждый из которых наложил свой отпечаток на народ. Как и везде, состояние женского пола указывает на общий характер. Институт брака известен повсеместно, хотя и не практикуется и не соблюдается, и участь женщин можно считать удачной. Они не подвергаются никакому жестокому обращению, а уединение, налагаемое на более богатых, - это скорее уход от беспорядочных взглядов людей, чем одинокая секретность, которую требует ревность в некоторых частях Востока. Положение полов на Яве - исключение из привычек азиатов. Они участвуют вместе с мужчинами во всех удовольствиях и делах жизни, едят вместе с ними и живут на условиях взаимного равенства. Иногда им разрешают взойти на трон, и, в общем, нигде на острове с ними не обращаются грубо, жестоко или пренебрежительно. Они охотны и трудолюбивы, и их принимают на многие почетные работы. Мужчины иногда ведут себя тиранически в своих семьях, но это свидетельствует лишь о недостатках отдельного человека, а не класса.

Многоженство и наложничество практикуются дворянами без оглядки на общественное мнение, но в целом не приняты, поскольку считаются порочной роскошью. Первая жена всегда является хозяйкой дома; остальные - ее слуги, которые могут служить удовольствиям мужа, но не разделяют его ранга или богатства. Ни один мужчина не отдаст свою дочь во вторую или третью жену, если только она не намного выше его по рангу; а женщина считает бесчестным не просто проституировать, а вступать в связь с мужчиной более низкого происхождения, чем она сама.

Но, хотя полигамия и наложничество на Яве встречаются редко, их отсутствие не должно рассматриваться как свидетельство более высокой нравственности. Напротив, это самая безнравственная страна в Азии. Женщина, которая не соблаговолила бы стать второй женой вождя, не побрезгует прелюбодействовать с ним. В целом оба пола распутны и развратны, хотя островитяне хвастаются целомудрием своих женщин как отличительным украшением, потому что замужняя женщина будет кричать, если незнакомец попытается поцеловать ее перед ее служанками.

Развод на Яве можно получить совершенно свободно, и это привилегия, которой женщины предаются до беспредела. Если жена выплачивает мужу некоторую сумму денег, он должен ее бросить. По закону он не обязан принимать ее предложение, но общественное мнение считает неприличным жить с женщиной, которая таким образом выразила свое желание расстаться, и он уступает общим настроениям то, что не требует закон. Мужа часто меняют три или четыре раза, пока женщине не исполнится тридцать лет, а некоторые могут похвастаться тем, что пользовались этой привилегией двенадцать раз. Поскольку средств к существованию у женщин много, и добываются они так же легко, как и мужчины, первые независимы от вторых и не испытывают трудностей в жизни без мужей. К несчастью для теорий некоторых современных женских реформаторов, которые воображают, что такая независимость предвещает тысячелетие прав женщины, следует признать, что там, где эксперимент был опробован, пол, как известно, распущен.

Среди богатых слоев населения царит крайняя безнравственность, а в крупных городах население развращено до последней степени. Интриги с замужними женщинами происходят постоянно, и преследуются почти перед лицом мужей, которые часто настолько смиренны и подневольны, что не смеют отстаивать свои супружеские права.

Путешественники отмечали вопиющие случаи распущенности японских нравов, но одного случая будет достаточно. Один из принцев, соблазнивший замужнюю женщину и имевший привычку навещать ее в то время, когда ее муж, офицер государственной стражи, был на службе, однажды был застигнут врасплох в ее обществе: начальник вернулся домой раньше, чем ожидалось. Он знал ранг своего посетителя и незаметно кашлянул, чтобы принц успел скрыться. Затем он отправился в покои и выпорол свою жену. Она пожаловалась принцу, который в это время особенно хотел примирить своих подданных. Он послал за мужем, сделал ему много богатых подарков и позволил выбрать самую красивую женщину в королевском доме вместо той, что предала его. Муж принял мирные жертвы, разрешил жене вернуться с ним домой, и все стороны остались довольны.

На Яве женщины обычно выходят замуж очень молодыми, поскольку их целомудрие находится под угрозой, как только они достигают зрелости. В восемнадцать или двадцать лет девушка считается уже старой, и почти никто не выходит замуж после двадцати двух. Однако возраст не исключает вероятность брака, так как вдовы часто находят себе мужей в пятьдесят лет. Предварительные приготовления осуществляют родители, поскольку скандал не позволит молодым людям принимать участие в сделке, в которой они, по выражению туземцев, являются всего лишь марионетками. Отец юноши, сделав подходящий выбор, делает предложение родителям девушки. Если они согласны, помолвка подтверждается каким-нибудь пустяковым подарком, после чего наносятся визиты, чтобы о предстоящем бракосочетании стало известно общественности. Затем назначается цена за даму, варьирующаяся в зависимости от ранга и обстоятельств семьи. Иногда это называют просто "деньгами на покупку", а иногда более деликатным термином - "задатком". Это считается расчетом за невесту. Единственным религиозным моментом в церемонии бракосочетания является обмен клятвами в мечети. За этим следуют многочисленные соблюдения этикета и

парада. Наконец, супруги едят из одного сосуда, чтобы засвидетельствовать свою общую судьбу, или невеста оmyвает ноги мужа в знак подчинения.

Яванцы содержат большой класс женщин в качестве публичных танцовщиц. Жители страны страстно любят это развлечение, но ни одна порядочная женщина не присоединится к нему, а все его приверженки - проститутки; на самом деле слова "*танцовщица*" и "*проститутка*" в их языке являются синонимами. Вождь высокого ранга не постесняется показаться с одной из этих женщин, которые участвуют в большинстве крупных развлечений и часто собирают достаточно денег, чтобы побудить какого-нибудь мелкого вождя жениться на них. Однако их страсть так сильна, что вскоре они убеждаются, что домашний очаг - не их сфера, и устают от своих мужей, с которыми разводятся без церемоний, и спокойно возвращаются к своей общественной жизни. Одежда, в которой они выступают, очень нескромна, но они редко опускаются до таких непристойных и унижительных поз, какие можно наблюдать в других восточных странах.

Европейский пример мало что сделал для Явы. У голландского купца обычно есть туземка, которую он называет своей экономкой. В каждом городе полно публичных проституток, а на окрестных дорогах можно встретить и других, готовых к найму. Считается, что их маскировка под танцовщиц скрывает их распутство.

СУМАТРА.

Население этого острова делится на несколько племен, слегка различающихся по своим нравам. Реджанги, которые, как можно предположить, представляют его коренных обитателей, - грубые варвары, скрупулезно следящие за зрелищами, но лишенные духа деликатности. Они задрапировывают своих женщин с головы до ног, боясь, как бы девственница не обнажила какую-нибудь часть своего лица, и все же скромность не является характерной чертой жителей городов и деревень. Те жители сельских районов, которые не столь строги к костюму, отличаются большей благопристойностью.

Обычаи Суматры отличаются своеобразием, большое значение придается обязательным формулам, причем ритуал имеет большее значение, чем принцип. Любопытно изучить сложные детали суматранского брачного контракта, который, похоже, настолько мало понятен даже самим жителям, что, как нам сообщили, одного этого документа достаточно для возникновения почти бесконечной тяжбы.

Существует несколько способов заключения брачного контракта. Первый - когда один мужчина соглашается заплатить другому определенную сумму в обмен на его дочь. Часть суммы, скажем, около пяти долларов, обычно удерживается, чтобы сохранить сделку открытой и дать родителям девушки возможность пожаловаться, если ее будут плохо использовать. Если муж ранит ее, то на него налагается штраф, и во многом его власть контролируется. Но если он настаивает на выплате остатка денег, родители должны согласиться, и тогда их право на вмешательство прекращается. Если отец желает избавиться от девушки, страдающей каким-либо недугом, он продает ее без этой оговорки, и в результате у нее остается меньше привилегий.

В других случаях брак - это бартер, когда одну девственницу отдают за другую. Мужчина, у которого есть сын и дочь, отдает последнюю в обмен на жену для первого; или брат избавляется от сестры таким же образом. Иногда девушка обходит эти обычаи, сбегая с любовником по собственному выбору. Если беглецов настигают в дороге, их можно

разлучить; но если они укрылись в каком-либо доме, и мужчина заявляет о своей готовности подчиниться существующим правилам, его жена закрепляется за ним. Среди суматранцев действует еврейский обычай, согласно которому мужчина женится на вдове своего брата, а если брата нет, ее должен взять ближайший родственник мужского пола, за исключением отца, который несет ответственность за любой остаток денег, причитающихся за ее покупку.

Прелюбодеяние при такой системе совершается нечасто, но если оно происходит, муж сам наказывает жену или прощает проступок. Если он захочет развестись с ней, то может потребовать обратно деньги за выкуп, за вычетом двадцати пяти долларов, которые полагаются ее родителям за снижение стоимости женщины. Если мужчина, взявший жену, не в состоянии выплатить всю цену, ее друзья могут подать на развод, но тогда они должны вернуть все, что получили от него. Церемония развода заключается в разрезании ратана на две части в присутствии сторон и их свидетелей.

Другой вид брака - когда отец девушки выбирает мужчину, которого принимает в свою семью, получая за это вознаграждение в размере около двадцати долларов. Таким образом, семья свекра приобретает собственность на молодого мужа; они отвечают за его долги, требуют все, что он зарабатывает, и имеют привилегию выставлять его за дверь, когда он им надоест.

Малайцы Сумальды в целом приняли третий вид брака, который они называют *свободным*. В нем семьи подходят друг к другу на равных. Родителям девушки выплачивается небольшая сумма, около двенадцати долларов, и заключается соглашение о том, что все имущество будет общим для мужа и жены, а в случае развода оно будет поделено по справедливости. Сама церемония бракосочетания проста: устраивается пир, пара соединяет руки, и кто-то объявляет их мужем и женой.

Там, где женщина является предметом купли-продажи, мало что можно ожидать от так называемого ухаживания. Это противоречит нравам страны, которые предполагают строгое разделение полов в юности; кроме того, когда мужчина платит цену за жену, он считает, что имеет право на владение ею, без каких-либо вопросов относительно ее пристрастий. Однако следы ухаживаний все же встречаются. В тех немногих случаях, когда молодым людям разрешается встречаться, например, на общественных праздниках, к женщинам проявляется уважение, весьма выгодно отличающееся от принятого в более цивилизованных сообществах, и иногда из этих ассоциаций проистекает взаимная привязанность. Праздники оживляются танцами и песнями. Первые описываются как развратные, но один английский путешественник говорит, что часто видел более нескромные проявления в бальных залах в своей родной стране. Песни исполняются ехемпоре, и любовь - постоянная тема.

Многоженство разрешено, но лишь немногие вожди имеют больше одной жены. Быть второй считается ниже достоинства уважаемой женщины, и мужчина может потребовать развода за своей дочери, если ее муж собирается взять дополнительную спутницу.

Марсден, уже упоминавшийся путешественник, говорит, что в сельских районах Суматры целомудрие является всеобщим; но достоинство теряется, когда он добавляет, что интерес заставляет родителей следить за своими дочерьми, потому что продажная цена девственницы намного выше, чем цена оскверненной женщины. Если произойдет случай соблазнения, соблазнителя можно заставить жениться на девушке и заплатить ее первоначальную цену, или же отдать ее родителям сумму, которую они потеряют из-за ее ошибки.

Регулярная проституция встречается редко. В базарах городов можно встретить несколько женщин этого класса, а в морских портах распутство распространено, по улицам разгуливают отряды профессиональных куртизанок. Никто не станет оценивать нравственность страны по зрелищам, демонстрируемым в приморских городах. Как правило, суматранцы довольны браком и верны своей жене. Возможно, это объясняется скорее темпераментом, чем моралью, поскольку их представления о последней не слишком строги. Об этом свидетельствует их отношение к кровосмешению, которое они рассматривают как нарушение обычного права, иногда наказывая его штрафом, а в других случаях подтверждая брак, если только он не происходит в пределах первой степени родства.

БОРНЕО.

Несмотря на то, что в последние несколько лет остров Борнео привлекает к себе внимание, он еще мало известен широкому читателю. Исследования сэра Джеймса Брука и других ученых позволили нам выявить многие социальные особенности этого острова. Большинство жителей Борнео находятся в состоянии варварства. Одни бродят голыми по лесам и живут за счет стихийных продуктов земли; другие возделывают землю, живут в деревнях и торгуют с соседями. Речные общины более развиты, чем те, что живут внутри страны, а жители морских портов более образованны и более распутны, чем все остальные. Их еще больше развратила отвратительная система пиратства, которая до недавнего времени была их занятием.

Среди морских даяков, или жителей побережья, не существует социальных законов, регулирующих сексуальные отношения до брака, и не признается авторитет родителей в этом вопросе. Девушка-даяк сама выбирает себе мужа и, пока она остается незамужней, не подвергается позору, сожительствуя со сколькими угодно. После замужества на нее распространяются более строгие правила, ведь поскольку мужчине разрешается иметь только одну жену, он требует от нее верности, а в противном случае наказывает ее жестокой поркой. Если он страдает недержанием, то несет аналогичное наказание. Случаи прелюбодеяния не часты, хотя иногда они происходят во время войны.

Церемония бракосочетания максимально проста. Сначала получают согласие женщины, затем жених и невеста встречаются и устраивают пир, который завершает контракт.

Если девушка забеременела, отец ребенка должен жениться на ней, и это распространенный способ заполучить мужа. Мужчина и женщина живут вместе некоторое время и расходятся, если нет перспектив создания семьи. Во время этого испытательного срока постоянство не считается обязательным. Страх не стать отцом семейства - несчастье, которого очень боятся даяки, - благоприятствует свободному общению неженатых людей. В некоторых племенах обязанности гостеприимства требуют, чтобы вождь, если он путешествует, имел *временную* спутницу в каждом месте, где он ночует.

Среди даяков, живущих на холмах, мораль находится на более высоком уровне. Холостые мужчины обязаны спать в отдельном здании, и девушкам не разрешается к ним приближаться. Брак заключается в очень раннем возрасте, и прелюбодеяние практически неизвестно. Многоженство не допускается, но некоторые вожди имеют наложницу, за что их обычно порицают. Существуют определенные степени кровного родства, в пределах которых брак запрещен. Один человек потряс общественное мнение, женившись на своей

внучке, и люди утверждают, что с тех пор, как произошел этот акт кровосмешения, разруха и тьма покрыли лицо солнца. Поскольку они постоянно женятся внутри своего племени, все сообщество со временем объединяется кровными узами, и именно этому приписывают распространенное среди них безумие - вывод, в некоторой степени подтвержденный имбецильным состоянием известных королевских семей, обреченных на вечные межродовые браки.

Говорят, что среди жителей юга можно найти много проституток, но это основано на сомнительных свидетельствах, а в языке даяков нет слова для выражения этого порока.

Сибнуанские женщины не прячутся от чужаков и не стесняются их. Они купаются голыми в присутствии мужчин. Неженатые люди спят в общей комнате, но у супружеских пар есть отдельные апартаменты. Вся работа по дому возложена на женщин, которые молотят рис, носят ноши, ходят за водой, ловят рыбу и обрабатывают землю. Они не так унижены, как в других варварских странах. Они едят вместе с мужчинами и участвуют в их праздниках так же, как и в труде.

Среди малайцев-магометан больше цивилизации и больше разврата. Они многоженцы, предаются наложничеству, поощряют проституток и плохо обращаются со своими женами. Недавно один английский врач получил послание от жены одного из вождей с предложением о тайной встрече. Он пунктуально явился на встречу и встретился с дамой, которая попросила у него близкий запас мышьяка, чтобы отравить мужа, так как он плохо с ней обращался. Говорят, что англичанин был разочарован характером беседы, но решительно отказался выполнить ее просьбу.

Богатые малайцы позволяют своим женам держать рабынь, и ревность хозяйки делает их положение не самым приятным. Иногда они служат наложницами, и в этом случае закон делает их свободными, но многие отказываются пользоваться этим преимуществом.

У нас нет точных сведений о проститутках в портовых городах, но, по-видимому, они бывают нескольких классов: те, кто временно сожительствует с малайцами, те, кто проституирует без разбора со всеми желающими, и те, кого содержат моряки и распутные китайцы, которые неизменно создают такой класс, где бы они ни поселились. Несомненно, что женщины этого класса существуют в значительном количестве на Борнео.

ГЛАВА XXXI.

ПОЛУЦИВИЛИЗОВАННЫЕ НАРОДЫ.

Персия.-Афганистан.-Кашмир.-Индия.-Цейлон.-Ультрагангетические народы.-Целебес.-Китай.-Япония.-Тартарские расы.-Черкессия.-Турция.-Северная Африка.-Сибирь.-Эскимосы.-Исландия.-Гренландия.

ПЕРСИЯ.

Женщины занимают низшее положение в Персии, где они буквально являются собственностью мужчин. Низшие классы считают их ценными за их труд, богатые рассматривают их как инструменты удовольствия. Хотя персидская поэзия и романтика посвящены восхвалению женских прелестей, реалии повседневной жизни доказывают, что этот пол не пользуется особым уважением. Жены шаха живут в стенах роскошной тюрьмы, а если одной из них и разрешается подышать воздухом снаружи, то она проходит торжественной процессией под охраной труппы евнухов, вооруженных заряженными мушкетами, чтобы отогнать любого любопытного путника, который может соблазниться взглянуть на прелести королевской госпожи. Эта изоляция также не свойственна им; она пронизывает все высшие классы, а братьям не разрешается видеться с сестрами после определенного возраста.

Ревность не уменьшается из-за многоженства, распространенного в стране. Религиозные законы ограничивают перса четырьмя женами, но позволяют ему держать столько наложниц, сколько он может себе позволить; и, в соответствии с этой привилегией, гарем дворца, как говорят, содержит иногда более тысячи женщин, которые нуждаются в строгой дисциплине, чтобы держать их в порядке. Они расставлены со строгим учетом старшинства. Главная фаворитка живет в роскоши, ее наряд усыпан дорогими драгоценностями, и она имеет привилегию сидеть в королевском присутствии. Ее подчиненные подвергаются большой строгости, а евнухи поддерживают приличия, нанося персональные наказания каблуком тапочки по лицу несговорчивой женщины. Кажется, они нечувствительны к любым унижениям. Многие из них ведут приятную, праздную жизнь, часами нежатся в теплой ванне и, выйдя из нее в расстроенных чувствах, украшают свои прелестные лица, чтобы стать привлекательными для шаха. Они добиваются его благосклонности так же сильно, как и боятся его хмурого взгляда, и не без оснований. Первое может вознести их на вершину амбиций, второе - обречь на то, чтобы их запрятали в мешок и сбросили с высокой башни.

Обычай позволяет персу брать женщину тремя разными способами: он может жениться, купить или нанять ее. В первом случае обручение иногда происходит в младенчестве, но впоследствии оно должно быть подтверждено сторонами. В этом они редко терпят неудачу: если девочка не желает ратифицировать договор с отцом, он бьет ее плетью до тех пор, пока она не согласится, и ей не требуется много таких аргументов, чтобы побудить к выполнению. Церемония бракосочетания должна быть засвидетельствована двумя людьми, один из которых является юридическим лицом и заверяет контракт. Этот документ вручается невесте и тщательно хранится ею, поскольку он подтверждает ее право на обеспечение в случае вдовства или развода. Хотя мужчина и имеет право бросить свою жену, когда ему заблагорассудится, сопутствующие расходы и скандал делают это редкой процедурой. Магометанская ревность еще больше защищает женщину, ведь никто не позволит женщине, с которой он жил, попасть в руки другого. Кроме того, интерес сдерживает мужа от прямого использования своих привилегий, так как, проявив инициативу, он должен вернуть приданое, полученное вместе с женой. Если же она подает на развод, он освобождается от этого обязательства. Таким образом, преимущество оказывается на стороне мужчины, и часто практикуется разновидность тирании, пока женщина не будет вынуждена открыть иск, тогда он избавляется от нее, но сохраняет ее собственность.

Перс может приобрести столько рабынь, сколько пожелает. Они не получают никаких преимуществ в положении, будучи его наложницами; он может продать их или распорядиться ими иным образом в любой момент, когда сочтет нужным.

Обычай нанимать жен до сих пор преобладает в Персии, хотя строгие магометане отвергают и осуждают эту практику, которая была запрещена Омаром, преемником Мухаммеда. По

сути, это соглашение между мужчиной и женщиной о совместном проживании в течение определенного времени за оговоренную сумму денег. Дети, рожденные от этого союза, должны содержаться отцом. В случае преждевременного прекращения связи мужчина обязан выплатить всю оговоренную сумму, а женщине запрещается принимать другого защитника до тех пор, пока не пройдет достаточно времени, чтобы доказать, беременна ли она от первого. Хотя эти контракты приравниваются к браку, мало кто из читателей склонен считать их не чем иным, как систематической проституцией.

Раньше в Персии было множество открытых и заклятых проституток, среди которых танцовщицы выделялись красотой лица и мелодичностью голоса. Они пользовались значительным влиянием до времен Фаттех Али-хана, который заполонил свой дворец наложницами и из их числа издавал указы о пресечении безнравственности, запрещая танцовщицам приближаться ко двору и ссылая их в дальние провинции. Общественная жизнь при династии Сефи была наиболее развращенной. Публичные бордели были очень многочисленны и в значительной степени пополняли государственный бюджет: только в Испахане ежегодный налог платили не менее тридцати тысяч проституток. Губернаторы провинций разрешали подобные привилегии за деньги, и едва ли найдется город, в котором не было бы хотя бы одного лицензированного публичного дома, чьи посетительницы (также лицензированные и облагаемые налогом) были известны как *кахбе́ха*, или никчемные. Как только закрывались магазины, эти дома открывались, и женщины отправлялись в определенные места, где сидели рядами, плотно прикрывшись. При каждой компании находилась старая проститутка, в обязанности которой входило показывать лица своей группы любому мужчине, желающему найти себе спутницу, и получать плату, когда выбор был сделан. При правящей семье эта система была пресечена; теперь лицензии не выдаются, и проституция ушла в тайну. Но порок ничуть не уменьшился, и публичные бордели есть во всех городах Персии.

АФГАНИСТАН.

Брак в Афганистане - это коммерческая сделка, женщин продают по разным ценам в зависимости от обстоятельств. Эта система доведена до такой степени, что если вдова выходит замуж, друзья ее первого мужа могут взыскать с его наследника сумму, первоначально уплаченную за нее. Из-за необходимости покупать жену многие представители бедных слоев населения не могут жениться до глубокой старости, в отличие от богатых соседей, среди которых распространены женихи пятнадцати и невесты двенадцати лет.

Предварительное общение полов регулируется различными обстоятельствами. В многолюдных городах у мужчин мало возможностей для общения с женщинами, и там существуют профессиональные свахи. В их обязанности входит, прежде всего, осмотреть и сообщить о девушке, на которой мужчина может захотеть жениться, затем выяснить, согласна ли ее семья на брак, и, наконец, договориться о публичном предложении. Отец жениха в сопровождении нескольких друзей-мужчин делает его отцу девушки, в то время как аналогичная депутация женщин ожидает мать. Делаются подарки, определяется продажная цена, и пара обручается. Вскоре после этого стороны подписывают взаимный договор; оговаривается обеспечение женщины в случае развода; дается праздник; жених платит за жену, и она доставляется в жилище своего будущего хозяина. Подобные формальности происходят и в деревне, но, поскольку социальные связи там менее ограничены, браки часто заключаются по привязанности, а переговоры - это просто вопросы этикета.

Романтичный любовник может получить свою любовницу без согласия ее родителей, сорвав с нее вуаль, отрезав прядь волос или накинув на нее большую белую ткань, и объявить ее своей невестой. Эти действия не освобождают его от обязанности заплатить за нее, от которой можно уклониться только путем побега, серьезного шага, который семья девушки считает равносильным убийству и мстит соответствующим образом, если только пара не найдет убежище и защиту у какого-нибудь соседнего племени. Иногда мужчина никогда не видит свою невесту до тех пор, пока брак не будет завершен. В некоторых районах, где это правило номинально существует, оно практически нарушается, допускаются тайные беседы между женихом и невестой, которые называются "спортом обрученных". Молодой человек крадется после наступления темноты в дом своей прелестницы, стараясь скрыть свое присутствие от мужчин, и вводится матерью в комнату дочери, где пара остается до утра, никем не потревоженная. Обычным результатом этого является ожидание брачных привилегий, и известны случаи, когда невеста рожала несколько детей, прежде чем ее официально отдавали мужу.

Полигамия разрешена, но слишком дорога, чтобы ее практиковало большинство населения, хотя некоторые богатые мужчины содержат большое количество наложниц в дополнение к четырем законным женам.

Социальное положение женщин в Афганистане низкое. В более варварских племенах они работают в поле. У бедняков вся тяжесть домашней работы ложится на них, а богатые держат их в гаремах. Закон разрешает мужчине бить свою жену, но обычаи более рыцарские, чем кодекс, и считают такой поступок позорным.

О явных проститутках в этом регионе мы знаем лишь то, что такой класс существует, и что их распутству в значительной степени способствует невежество и глупость жен и наложниц, в отличие от знаний о мире и сравнительно отточенных манер, демонстрируемых куртизанками, чье общество часто ищут как облегчение от однообразия дома.

КАШМИР.

Жители Кашмира, не скованные никакими жесткими правилами этикета и от природы пристрастные к удовольствиям, находят большую часть своего удовольствия в женском обществе, и с древнейших времен были отмечены любовью к певицам и танцовщицам. В прежние времена столица была ареной постоянных празднеств, в которых мораль была лишь второстепенным фактором, а теперь жители избавляются от постоянной борьбы с несчастьями и деспотизмом, предаваясь грубым порокам, и топят чувство безнадежной бедности в удовлетворении животных страстей. Женщины этой восхитительной долины издавна славилась своей красотой и до сих пор называются цветком восточной расы. Лицо имеет смуглый цвет, обильно окрашенное розовым; глаза большие, миндалевидные и переполнены особым жидким блеском; черты правильные, гармоничные и тонкие; конечности и тело - образцы грации. Но все писатели сходятся во мнении, что искусство ничем не помогает природе, и нередко можно увидеть глаза, непревзойденные по яркости и выразительности, сверкающие на очень грязном лице. Среди бедных слоев населения грязь и деградация делают многих женщин просто отталкивающими, несмотря на их блистательную красоту.

Путешественники всегда отмечают танцующих девушек, которые приобрели такую известность в Кашмире. Деревня Чангус в свое время славилась колонией этих женщин, превосходивших всех остальных в долине; но теперь ее знаменитые красавицы исчезли и

живут только в традициях этого места. Танцующих девушек можно разделить на несколько классов. Среди высших можно найти добродетельных и скромных, вероятно, примерно в той же степени, что и среди актрис, оперных певиц и балетных девушек в цивилизованных странах. Другие часто посещают увеселительные мероприятия в домах богатых людей или общественные праздники и оценивают свою благосклонность в очень высокую цену, а остальные - откровенные блудницы, prostituteирующие себя без разбора с любым, кто пожелает их общества. Многие из них посвящают себя служению какому-нибудь богу, чей храм обогащается за счет доходов от их призвания.

Ватул, или цыганское племя в Кашмире, отличается множеством прекрасных женщин, которых учат ублажать вкус сладострастника. Они поют развратные песни в амурных тонах, танцуют в развратной манере, одеваются необычайно очаровательно и соблазняют самым выражением своего лица. Когда они присоединяются к компании танцовщиц, то неизменно добиваются успеха в своем деле и, как известно, наживают большие состояния. Сейчас, когда долина переживает упадок, их прелести находят более выгодный рынок в других местах. Группы танцующих девушек обычно сопровождают отвратительные дуэны, чье заметное уродство составляет разительный контраст с их подопечными.

Девушки Нач находятся под надзором правительства, которое лицензирует их проституцию. Они фактически рабыни и не могут петь или танцевать без разрешения своего надсмотрщика, которому они должны отдавать большую часть своего заработка.

Кроме них, которых можно назвать поэтическими куртизанками, существует целый рой проституток, которые часто посещают низкие дома в городах или лодки на озере; но о них у нас нет четких сведений. Несомненно, их посещают самые безнравственные слои населения, и точное представление об их *положении* можно из того факта, что путешественник Муркрафт, дававший безвозмездные медицинские советы беднякам Серинагура, имел в одно время в своих списках около семи тысяч пациентов, очень многие из которых страдали от отвратительных болезней, вызванных самым грубым и упорным распутством. Одним словом, можно не сомневаться, что нравы жителей этой интересной и красивой долины испорчены до последней степени.

ИНДИЯ.

Индия демонстрирует в своих различных общинах множество аспектов социальной жизни, но в общих чертах можно сказать, что положение женщины деградирует, поскольку она абсолютно зависима от мужчины и ничего не может делать по своей воле. Она должна относиться к своему господину с почтением; она привязана к нему до тех пор, пока он этого желает, каким бы ни было его поведение; и если она бунтует, то может быть жестоко наказана веревкой или тростью. Лишенные преимуществ образования, не имеющие права есть вместе с мужьями или общаться в обществе, женщины, тем не менее, не считаются ничтожными рабынями; и из тех немногих откровений о зенане, которые были сделаны, можно сделать вывод, что ее обитательницы пользуются большим почтением и вниманием.

Многоженство в Индии разрешено, но не поощряется религиозным законом и санкционируется только в определенных случаях, таких как бесплодие, непостоянство или другие подобные причины, и тогда необходимо получить согласие жены, чтобы добавить вторую и подчиненную жену в семью.

Брак рассматривается индусами как религиозная обязанность, лишь некоторые из них освобождены от этого обязательства. Покупать жену за деньги запрещено, но у девушек выбор судьбы невелик: их обычно обручают в юности. Отец имеет право распоряжаться своей дочерью до трех лет после достижения ею половой зрелости, когда она может сама выбрать себе мужа. Немногие остаются незамужними до этого времени, поскольку безбрачие считается позорным, и немногие мужчины готовы жениться на девице такого возраста. В Бенгалии помолвка проходит с многочисленными обрядами и показной пышностью. Девушку-невесту отводят в дом ее будущего мужа, где она находится недолго, после чего возвращается к родителям до совершеннолетия. Стремление избавиться от дочери как можно раньше объясняется тем, что ее рождение считается неблагоприятным и даже домашним несчастьем, от которого родители рады спастись. Поэтому характер жениха имеет второстепенное значение, и брак часто заканчивается несчастливо. На самом деле, мало чего другого можно ожидать, когда стороны абсолютно незнакомы друг с другом до заключения союза. Необразованная жена, не имеющая ни проблеска знаний, развлекает себя тысячей пустяков: украшает свое лицо, завивает волосы или слушает сплетни своих рабынь. Тем не менее, общепризнанно, что большинство индуистских женщин верны своим супружеским обетам. Суровые законы против безбрачия созданы скорее для сохранения *кастовости*, чем морали, и сурово наказывают любую женщину, уличенную в интриге с мужчиной, не принадлежащим к ее сословию.

Развод может быть легко осуществлен мужем, но жена не имеет соответствующих полномочий. Мужчина, называющий свою жену "матерью", отказывается от нее этим поступком. Бесплодная жена может быть оставлена на восьмом году; та, которая вынашивает только дочерей или чьи дети умирают при рождении, - на одиннадцатом; а та, которая имеет недобрый нрав, может быть разведена без всякого промедления.

В нескольких словах можно описать обычаи, преобладающие в разных провинциях в отношении жен и обращения с ними. В Арраконе, когда мужчине нужны деньги, он закладывает свою жену за определенную сумму, а то и вовсе продает ее. В южных районах полуострова широко практикуется многоженство. Шайнагам из Канары не разрешается брать вторую жену, если первая не была бездетной. Коранны, панчалура и другие племена допускают многоженство и покупку жен. Среди воддов каждый мужчина имел столько жен, сколько хотел; все они работали на него, а ленивая разводилась *без церемоний*. Каррубурру не обращали внимания на прелюбодеяние, если жена была трудолюбивой; в противном случае она могла жить с любым мужчиной, который решил ее оставить. В Раджпутане женщина занимает более высокое положение и оказывает значительное влияние на поступки и вкусы мужчин, так как раджпут советуется с женой по каждому важному поводу. О том, как их ценят, говорит национальная пословица: "Когда жен почитают, боги довольны; когда их бесчестят, боги обижены". В этом районе женщины индусов представлены в наиболее благоприятных условиях, но даже здесь они занимают лишь подчиненное место, как и должно быть там, где допускается полигамия. Вряд ли есть необходимость рассматривать все местные особенности столь обширного народа: достаточно было сказано, чтобы показать социальное положение замужних женщин. Остается рассказать о проституции.

Некоторые из танцовщиц и музыкантов Южной Индии были прикреплены к каждому храму; часть из них была зарезервирована чувственными браминами для их исключительных удовольствий, а остальные сдавали себя в наем без разбора. Каждый отряд подчинялся начальнику, который регулировал их выступления и цены. В храме Тулавы, расположенном недалеко от Мангалора, существовал любопытный обычай. Любая женщина могла посвятить

себя проституции, съев немного риса, предложенного идолу, и ей предоставлялось право выбора: жить в храме или за его пределами. В первом случае она получала ежедневную порцию еды, а ее проституция ограничивалась жрецами; во втором - ее похождения были неограниченными, но оговоренная часть прибыли должна была отдаваться в храм. В Синде в каждом городе есть отряд танцующих девушек, многие из которых очень красивы. До британского завоевания этот порок широко поощрялся; многие женщины приобрели значительные состояния, и их политическое влияние было мощным в *дурбарах* развратных амиров. В последние годы произошла очевидная реформа.

Развратные сцены южной страны не разыгрываются, по крайней мере в той же степени, в самом Хиндостане, где интерес английского правительства был направлен против безнравственности. Ближе к концу прошлого века был составлен официальный отчет о нравах Британской Индии. Все было достаточно плохо: в частной жизни преобладала распущенность; в стране было множество приютов для женщин с дурным характером; проститутки занимали место в обществе, занимали важное место на больших увеселениях и допускались в дзенаны для демонстрации своих сладострастных танцев. По сравнению с прошлыми годами сейчас заметно улучшение, и распутство в больших городах едва ли превышает пороки европейских общин. Так, в Бенаресе с населением 180 000 человек насчитывалось 1764 проститутки, а в Декке с населением почти 67 000 человек - 770 проституток.

Помимо правительственного влияния, вряд ли можно отрицать, что европейцы способствовали распространению порока, беря себе временных спутниц. Такие *связи* едва ли считались неприличными. Обычно девушек покупали у их матерей. Многие из них были верны и привязаны к своим покровителям, но их экстравагантность и склонность к азартным играм делали их весьма дорогостоящими спутницами.

Религиозные церемонии, затеваемые браминами, часто были лишь сценами дичайшего разврата, соперничающего с древнеегипетским праздником Бубастис, и нет ничего хорошего в подробном описании танцев, исполняемых обнаженными или полуобнаженными женщинами, осквернения жен развратным жречеством или отвратительного многоженства браминов. Достаточно сказать, что такие обычаи существовали, но теперь уступают место более утонченным.

Всеобщее распутство в стране привело к появлению сифилиса в большинстве районов Индостана. Некоторые утверждают, что он был занесен туда после открытия Америки, но ни история, ни традиции не подтверждают это мнение. Можно заметить, что он не называется никаким санскритским словом, а известен под персидским названием.

Наш рассказ об Индии был бы неполным без упоминания о *самти*, или сожжении вдов, и детоубийстве. Шастры полны рекомендаций по выполнению первого из этих шокирующих обрядов и обещают непередаваемое блаженство добровольной жертве. Дошло до того, что в Бенгалии за один год погибло, по некоторым данным, пятнадцать тысяч женщин. Это, несомненно, преувеличение, хотя, по общему признанию, их число было очень велико. Среди ужасных подробностей этой практики мы узнаем, что в горящую кучу бросали и обрученных детей восьми-десяти лет, и женщин восьмидесяти пяти лет. В этих случаях наблюдались страшные сцены. Жалкая несчастная дважды вырывалась из огня и цеплялась за ноги путника, тщетно умоляя его спасти ее, а затем, обнаженная, с уже обгоревшей плотью на части тела, была связана и брошена в пламя обезумевшими родственниками. Пусть британское правление в Индии будет таким, каким оно будет, ни один человек, ни одно

"Общество защиты аборигенов" не может сожалеть о его распространении в сочетании с услугами, оказанными нашему общему человечеству отменой *самти*.

Раньше детоубийство было распространено в значительной степени, но теперь оно почти искоренено в Британской Индии. Это преступление было санкционировано обычаем, но не религией или традицией. Его жертвами становились в основном женщины, и их убийство объяснялось скорее сложностью женитьбы в рамках требуемой *касты* или разорительными расходами, которые мода требовала понести во время свадебных церемоний, чем какими-либо другими причинами. У древних жителей берегов Инда, по-видимому, был обычай, согласно которому отец ребенка женского пола приносил его на рыночную площадь и публично спрашивал, не нужна ли кому-нибудь жена. Если ответ был утвердительным, его сразу же обручали, и тщательно воспитывали, а в противном случае немедленно убивали. Уилкинсон утверждал двадцать пять лет назад, что в Малве и Раджпутане ежегодно убивали двадцать тысяч детей, но благодаря системе поощрения родителей, которые воспитывают своих отпрысков, и постепенному введению полезных законов удалось провести мощную реформу.

ЦЕЙЛОН.

В соответствии с первоначальными институтами сингальцев, они никогда не лицензировали публичную проституцию и не создавали борделей при храмах, как в Индии. Какое бы влияние ни оказывала буддийская религия, она была направлена на укрепление добродетели, но характер народа по природе своей чувственный; распутство среди мужчин и отсутствие целомудрия среди женщин - общие черты, и даже те, кто исповедует христианство и признает нравственный закон Англии, не свободны от этого пятна.

На Цейлоне, как, впрочем, и в большинстве стран Азии, брак заключается в раннем возрасте. Мужчина "достигает совершеннолетия" в шестнадцать лет, а девушка, как только она становится брачной по природе, становится брачной по закону, и тогда ее родители или родственники устраивают пир, приглашая несколько холостых мужчин. Вскоре после этого мужчина, который может пожелать жениться на ней, посылает одного из своих друзей к ее родителям, чтобы тот вскользь упомянул, что ходят слухи о предстоящем браке его друга и их дочери. Если это сообщение встречает благосклонный прием, звонит отец жениха, интересуется размером приданого и заводит переговоры на несколько шагов дальше. Затем происходит обмен взаимными визитами, решаются предварительные вопросы и назначается благоприятный день для свадьбы, которая проходит с большой церемонией. На каждом шагу советуются со звездами, и если гороскоп жениха расходится с гороскопом невесты, его младший брат может выступить в качестве доверенного лица на церемонии. Весь буддийский ритуал представляет собой утомительную череду формальностей, влечет за собой огромные расходы и не под силу беднякам. Представителям низших каст он категорически запрещен, даже если они достаточно богаты, чтобы покрыть расходы, и для них брак ограничивается простым соглашением между родителями молодой пары.

Среди кандийцев в значительной степени преобладает полиандризм: одна матрона из высокой *касты* иногда является женой восьми братьев. Люди оправдывают этот обычай по нескольким причинам: среди богатых - потому что он предотвращает судебные тяжбы, спасает имущество от минутного раздела и концентрирует влияние семьи; среди бедных - потому что сокращает расходы, и часто там, где один брат не мог в одиночку содержать жену и семью, объединение нескольких может распоряжаться средствами. Множественность мужей не обязательно ограничивается братьями, так как мужчина может с согласия жены

ввести в дом постороннего человека, который называется "ассоциированным мужем" и имеет все супружеские права. Эта практика не распространяется за пределы провинции Канди, хотя раньше она была распространена во всех приморских районах острова.

Еще одной кандийской особенностью был вид брака под названием "бема", при котором муж жил в доме жены. Он не пользовался особым уважением со стороны своих родственников, а в случае непопулярности мог быть немедленно изгнан. Существует древняя пословица, относящаяся к этому сомнительному соглашению, которая гласит, что мужчина, женившийся по принципу бема, должен взять в дом своей невесты только пару сандалий для защиты ног, пальмовый лист для укрытия головы, посох для поддержки в случае болезни и фонарь на случай, если его выгонят в темноте, чтобы он был готов уйти в любой час дня или ночи.

На Цейлоне женщины часто добиваются развода по самым пустяковым причинам, а поскольку развод может быть достигнут простым возвращением брачных даров, он часто имеет место. Если в течение девяти месяцев после развода рождается ребенок, муж обязан содержать его в течение трех лет. Если замужняя женщина совершает прелюбодеяние, а муж является свидетелем, он может убить ее любовника. Если мужчина бросает свою жену из-за интриги, он может лишиться наследства ее и всех ее потомков, даже если последние родились до того, как их мать совершила какое-либо преступление. Если же он добивается развода из каприза, то должен отказаться от всего имущества жены и разделить с ней все, что накопилось за время их совместной жизни. Сингальцы не всегда пользуются своими привилегиями, но часто бывают снисходительными мужьями и прощают проступки, которые большинство людей считают непростительными. В доказательство этого один кандиец попросил британские власти принудить его вернуть неверную жену, ссылаясь на свою любовь к ней и обещая забыть ее слабости. Английская юрисдикция не простиралась так далеко, и женщина спокойно отвернулась от мужа и проводила своего кавалера, которого вскоре оставила ради третьего партнера. Множество подобных случаев побудило местных поэтов создать ряд сатирических излияний о женском непостоянстве, и один путешественник переводит следующий пример:

"Я видел дерево адумбры в цвету, белое оперение ворона,
И шаги рыб на глубине проследил сквозь прилив и отлив".
Если так утверждает мужчина, его словам можно верить,
Но всему, что говорит женщина, не верь; она говорит, чтобы обмануть".

Чтобы понять первую фразу, нужно вспомнить, что адумбра - это разновидность фигового дерева, и местные жители утверждают, что ни один смертный никогда не видел его в цвету.

Одно время на Цейлоне было распространено детоубийство, и все дети женского пола, кроме первенцев, подлежали принесению в жертву, особенно если рождались под злой планетой; но в последнее время британское правительство объявило это преступление убийством и соответственно наказало его. Это привело к постепенной отмене этого преступления, в результате чего численность населения увеличилась.

Социальное положение сингальских женщин не столь унижительно, как в других частях Востока, но их моральный облик не соответствует этому. Распутство широко распространено. Открытая и признанная проституция встречается редко, за исключением портовых городов, и о ее масштабах мы не имеем достоверных сведений. При Кандийской династии обычной блуднице отрезали волосы и уши и публично били плетью в обнаженном виде.

УЛЬТРААНГЕТИЧЕСКИЕ НАРОДЫ.

В этот раздел мы включаем огромную территорию, лежащую между Индостаном и Китаем. Хотя эти страны отличаются некоторым разнообразием обычаев и степеней прогресса, в целом их нравы единообразны. Во всех странах положение женщин крайне низкое. Их презирают, учат унижать себя в собственном сознании и использовать свое право, унижая себя еще больше. Последствия азиатского деспотизма очевидны: каждый мужчина - крепостной короля, а содержание общины возложено на женщин, которые, особенно в Кочинском Китае, пашут, сеют, жнут, валят деревья, строят и выполняют все прочие обязанности, которые цивилизация возлагает на сильный пол.

Брачный контракт - это просто сделка. Мужчина покупает себе жену и может расширять свои покупки как угодно, причем первая купленная, как правило, главная. Простое соглашение при свидетелях скрепляет союз, который может быть расторгнут с равной легкостью, единственное требование в Кочинском Китае - сломать палочку для еды или дикобразное перо в присутствии третьего лица. Мужчина также имеет привилегию продавать своих неполноценных жен.

Незамужние женщины почти повсеместно нецеломудренны и не навлекают на себя позора и не теряют шанса на брак, занимаясь проституцией. Обычай позволяет отцу отдать свою дочь любому гостю, которого он пожелает почтить, или нанять ее за оговоренную цену любому, кто пожелает ее общества, и она не имеет права противиться этому соглашению, хотя ее нельзя выдать замуж против ее воли.

Жена считается священной, скорее как собственность мужа, чем из уважения к ее целомудрию. Теория закона гласит, что в гарем мужчины не может вторгаться даже сам король; но азиатский абсолютизм никогда не славился своей приверженностью закону, когда на другой чаше весов оказывались личные интересы, и в этом случае исключений почти нет.

Прелюбодеяние карается в Сиаме штрафом, а в Кочинском Китае - смертью. В Бирме казни женщин очень редки, но они дисциплинированы с помощью бамбука, мужа иногда пороли своих жен на открытых улицах.

Несмотря на то, что исповедующие проституцию женщины существуют в большом количестве по всему региону, их не так много, как можно было бы ожидать, поскольку ни одна женщина не обязана быть целомудренной. Об их привычках, особенностях и положении известно немного, за исключением того, что в Сиаме они не имеют права давать показания в суде. Это ограничение, по-видимому, проистекает не из соображений их безнравственности, а из местных предрассудков, и неспособность, с которой они работают, распространяется также на мангальщиков и кузнецов.

ЦЕЛЕБЕСЫ.

Оставив на короткое время азиатский континент, мы рассмотрим состояние жителей Целебеса. Этот остров мы рассматриваем здесь, а не вместе с Явой, Суматрой и Борнео, которые входят в список варварских народов, потому что он обладает значительной степенью цивилизации, а по своему политическому и социальному состоянию намного

опережает другие страны Индийского архипелага. Идея свободы признана в ее государственном устройстве, а ее институты приобрели республиканскую форму.

Женщины не лишены возможности участвовать в общественных делах; и хотя их влияние обычно косвенное, мужчины обращаются к ним за советом по всем важным поводам. В Ваджо они не только избираются на трон или, скорее, в президентское кресло, но и часто занимают крупные государственные должности. Четыре из шести членов совета часто являются женщинами.

Их домашнее положение в определенной степени соответствует их политическим привилегиям. Жена бесконтрольно ведет домашнее хозяйство, ест вместе с мужем и свободно общается с представителями другого пола в общественных местах или на праздниках. Женщины ездят верхом, занимаются бизнесом и даже посещают иностранцев по своему усмотрению, а их целомудрие лучше охраняется чувством чести и гордостью добродетели, чем ревностью мужей или надзором родителей.

Это светлая сторона картины. Наоборот, мы видим варварскую практику полигамии, которая повсеместно разрешена, но с некоторыми ограничениями. Самое важное из них заключается в том, что две жены редко живут в одном доме; обычно у каждой из них есть отдельное жилище. Мужчины могут легко добиться развода, и, если желание разделиться взаимно, ничего не остается, как сделать это как можно быстрее. Если только женщина желает освободиться от брачных уз, она должна представить разумные основания для жалобы. Конкубинат практикуется редко, хотя какой-нибудь мужчина может взять в спутницы женщину более низкого ранга, пока не сможет жениться на девушке, чье происхождение равно его собственному.

Нравственность как мужчин, так и женщин превосходит нравственность любой другой расы в восточной или западной Азии. Проституция практически неизвестна. Танцовщицы, по общему признанию, отличаются легкой добродетелью, но даже они сохраняют благопристойность в своих манерах и одеваются очень прилично, хотя их публичные выступления носят развратный характер.

КИТАЙ.

В огромной империи Китай наблюдается общее единообразие нравов, поскольку его цивилизация была отлита в форму, созданную деспотизмом, и железная дисциплина его правительства заставляет всех подчиняться. Есть все основания полагать, что проституция не является исключением из правил. Мы знаем, что существует удивительная система, что хрупкие женщины в Поднебесной многочисленны и образуют отдельный класс. Мы знаем кое-что о том, как они живут, как и кем поощряются, но ни один путешественник до сих пор не дал ясного отчета об этом пороке и его связях, а наши сравнительно скудные сведения почерпнуты из множества источников.

Общее состояние женского пола в Китае уступает мужскому, а наставления и примеры Конфуция научили народ, что первые созданы для удобства вторых. Женская добродетель строго охраняется законом; не ради добродетели, но ради благополучия государства и интересов мужчин. Но национальная мораль, насаждаемая кодексами, эссе и стихами, на самом деле мертвая буква, ибо китайцы относятся к самым безнравственным народам на земле. Неполноценность женщин признается в их политике, которая воплощает в себе дух

салического закона. Трон может занимать только мужчина, а незаконнорожденный сын пользуется большим уважением, чем законная дочь.

Отцовское правительство Китая не преминуло принять закон о браке. В этом договоре практически не учитываются склонности самих сторон, верховенствует родительский авторитет, и нередко свадьбы происходят между людьми, которые никогда не видели друг друга до заключения союза. Некоторые пожилые женщины занимаются сватовством как профессией, получая за это вознаграждение. Когда две семьи начинают переговоры такого рода, все детали должны быть полностью объяснены с обеих сторон, чтобы не было возможности обмана. Затем составляется договор и оговаривается сумма подарков. Этот договор является безотзывным. Если друзья девушки захотят расторгнуть брак, тот, кто имел право распоряжаться ею, получает пятьдесят ударов бамбука, и брак продолжается. Если жених или управляющий им друг недоволен, он получает такое же наказание и должен выполнить свое обещание. Если одна из сторон после обручения страдает недержанием, это преступление наказывается как прелюбодеяние. Если был применен обман, и один из людей ложно представлялся тем, кто собирается вступить в брак, преступник подвергается суровому наказанию, а брак считается недействительным, даже если он был заключен. Несмотря на все меры предосторожности, такие случаи иногда происходят. Следует заметить, что, хотя обручение положительно связывает женщину с ее будущим мужем, он не может заставить ее уйти от друзей до истечения оговоренного времени, равно как и удержать ее после назначенного дня.

Многоженство допускается при определенных ограничениях. Первая жена обычно выбирается из семьи, равной по положению мужу, и получает все права и привилегии, которые принадлежат главной жене в любой азиатской стране. Затем мужчина может взять еще столько женщин, сколько может позволить себе содержать, но они уступают по рангу первой, хотя дети имеют условное право на наследство. Такое положение если и не приносит почестей, то и позора не приносит. Оно одобряется обычаем, но первоначально осуждалось строгими моралистами, которые обозначали это положение словом, состоящим из слов "преступление" и "женщина". Это положение, которое согласится занять только бедная или скромная женщина. Народная пословица гласит: "Быть женой бедняка почетнее, чем наложницей императора". Вероятно, на формирование этого мнения повлияло социальное правило, согласно которому все последующие жены подчиняются той, что вышла замуж первой.

Китайская система жестко определяет степени родства, между которыми можно заключать брак. В древние времена, по-видимому, действовало обратное правило, и традиция гласит, что результатом этого была большая безнравственность. В настоящее время закон запрещает все союзы между лицами одной фамилии, что связано с некоторыми неудобствами, поскольку число собственных фамилий невелико. Если такой брак заключен, он признается недействительным, а стороны наказываются ударами и штрафом. Если пара ранее состояла в браке в пределах четырех степеней родства, союз объявляется кровосмесительным, а виновные наказываются бамбуком или, в крайнем случае, удушением или обезглавливанием.

Не только степени родства определены, но и классовый союз ограничен. Правительственный чиновник не должен вступать в брак с семьей, находящейся под его юрисдикцией, а если он это делает, то подвергается суровому наказанию; то же самое относится и к родственникам девушки, если они добровольно оказали ему помощь, но они освобождаются от ответственности, если их подчинение было результатом его власти. Жениться на женщине, скрывающейся от правосудия, запрещено. Насильственная

женитьба на дочери свободного человека влечет за собой удушение преступника. Чиновник или любой потомственный чиновник, женившийся на женщине из неблаговидного сословия, получает шестьдесят ударов бамбука, и такая же участь ожидает священника, который женится на любой женщине, а также будет изгнан из своего ордена. Рабам и свободным запрещено вступать в брак. Те, кто потворствует незаконному союзу, считаются преступниками и несут соответствующее наказание.

Согласно китайскому законодательству, основанием для развода может служить любая из семи указанных причин: бесплодие, распутство, пренебрежение к родителям мужа, болтливость (!), склонность к воровству, завистливый, подозрительный нрав или неизлечимая немощь. Против этого у женщины есть три аргумента, любой из которых, если он подтвердится, аннулирует заявление мужа. Это то, что она три года оплакивала семью мужа; то, что семья разбогатела, будучи бедной во время брака; или то, что у нее нет в живых ни отца, ни матери, которые могли бы ее принять. Они бесполезны, если она совершила прелюбодеяние, в этом случае мужу категорически запрещено удерживать ее, но при других обстоятельствах они служат препятствием для его капризов. В случае прелюбодеяния мужчина может убить и жену, и ее любовника, если обнаружит их, и немедленно отомстить, но он не должен предавать ее смерти за любое другое преступление. В этой же связи можно упомянуть закон, предусматривающий суровое наказание для любого мужчины, который одалживает свою жену или дочь. Это не устаревшее постановление против неизвестного преступления, поскольку иногда встречаются случаи, когда бедные мужчины продают своих жен в качестве наложниц более богатым соседям, а другие протитутуют их в корыстных целях.

От этого взгляда на социальное положение женщин и законы брака необходимо перейти к теме, которая принесла Китаю незавидную славу, а именно к обычаю детоубийства. Две причины, по-видимому, способствовали этой практике: бедность низших классов и суровость законов, касающихся незаконных сексуальных отношений. Первая причина является основной. Когда родители настолько бедны, что не имеют надежды содержать своих детей, дочерей убивают, поскольку сын может заработать на жизнь за несколько лет и помочь своим родителям в дополнение. Среди этого класса рождение женщины рассматривается как несчастье. Чтобы уничтожить ребенка, используется несколько способов. Его можно утопить в теплой воде, пережать горло, зажать рот мокрой тряпкой, задушить рисом или закопать заживо.

Когда миссионер мистер Смит был в пригороде Кантона в 1844 году, он навел справки о масштабах детоубийства. Один из местных жителей заверил его, что в радиусе десяти миль количество ежегодно убиваемых детей *не превышает пятисот*. В провинции Фокиен преступление было более распространенным, и в местечке под названием Кеа Кинг Чоу ежемесячно происходило от пяти до шестисот случаев. Больница для подкидышей в Кантоне была названа как предотвращающая большую часть преступлений, но, похоже, она принимала только пятьсот младенцев в год, а это очень малая доля рождений. Китайцы в целом признают, что детоубийство практикуется по всей империи и рассматривается как невинная и правильная мера, позволяющая облегчить давление бедности. Оно не ограничивается бедными; богатые прибегают к нему, чтобы скрыть свои любовные похождения. Законы карают за незаконную связь от семидесяти до ста ударов бамбука. Если рождается ребенок, его содержание ложится на отца; но в случаях, когда связь была скрыта, это доказательство обычно уничтожается.

Проституция распространена в огромных масштабах. "Соблазнение и прелюбодеяние, - пишет Уильямс в своем "Обзоре Китайской империи", - сравнительно редки, но публичные дома и их обитательницы встречаются повсюду, на суше и на воде. Одна из опасностей, подстерегающих молодых девушек, гуляющих в одиночестве, заключается в том, что их могут украсть для заточения в этих вратах ада". Эту аллюзию можно объяснить тем, что в 1832 году в Кантоне и его окрестностях насчитывалось от восьми до десяти тысяч проституток, большая часть которых была украдена в детстве и регулярно готовилась к этой жизни. Многие похитители зарабатывали на жизнь, крадя молодых девушек и продавая их в бордели, а во времена нужды родители, как известно, водили своих дочерей по улицам и предлагали их на продажу. Один из недавних посетителей Кантона описывает продажу детей как обычное дело, на которое смотрят как на простую меркантильную сделку. Некоторых отдают в наложницы, но других намеренно продают, чтобы воспитать их как проституток, и сразу же передают в бордели.

О китайских домах проституции у нас нет конкретного описания, но есть одна особенность - это бордельные джонки, которые пришвартованы на видных местах на Жемчужной реке и отличаются превосходным оформлением. Многие из них называются "Цветочными лодками" и образуют целые аллеи в плавучих пригородах Кантона. Женщины ведут жизнь безрассудной расточительности, погружаясь во все волнения, которые предлагает их образ жизни, чтобы избавиться от *тоски* или размышлений. Болезни очень распространены среди них, и посетители жестоко страдают от своих временных удовольствий. Обычно они собираются в отряды под руководством человека, который несет ответственность за их поведение или за любое нарушение общественного спокойствия или приличий. Последнее едва ли можно считать нарушением, ведь китайцы выставляют напоказ свои посещения борделей. Люди проходят на Цветочные лодки и обратно без всякой попытки скрыться, а богатые мужчины иногда собираются в компании, отправляются на одну из джонок, берут с собой столько женщин, сколько пожелают, и все вместе проводят время в разврате и разнузданности.

Это не единственная форма, которую принимает проституция в Китае. Женщины из бедных слоев населения, чьи друзья не в состоянии обеспечить их, содержатся в тюрьмах под присмотром надзирательниц, которые занимаются проституцией в своих интересах. Случай, произошедший в Шенши несколько лет назад, показывает другую фазу. Молодая вдова жила там со своей свекровью, обе поддерживались проституцией первой. Ее чары не сработали, она была покинута своими гостями, и голодная смерть казалась неизбежной. Старуха не хотела признавать неспособность дочери содержать себя и выпорола ее. Проститутка, пытаясь защититься, убила свою мать. Она была осуждена за это преступление, но, поскольку жертва действовала незаконно, пытаясь принудить ее к проституции, приговор суда, который предписывал разрубить ее на куски, был заменен на обезглавливание.

Как уже отмечалось, приходится сожалеть, что мы не располагаем более достоверной информацией об этом пороке, который, по общему признанию, практически повсеместно распространен в Китае^[370].

ЯПОНИЯ.

Недавняя связь, установленная американским предпринимательством с полусказочной империей Японии (Зипанги Колумба), делает институты этой страны более чем обычно интересными. От самых ранних рассказов голландских и иезуитских писателей до настоящего времени мы знаем, что японцы, как и китайцы, достигли высокой степени

цивилизации, и среди тех и других пороки, которые, согласно современному опыту человечества, кажутся сопутствующими этому улучшению, были развиты в замечательной степени.

Среди диких племен женская честь очень мало ценится; женщина - это всего лишь собственность. По мере продвижения по шкале интеллекта они становятся все выше, а добродетель и скромность - все более почитаемыми. Наши сведения о Японии пока сравнительно ограничены, но ни одно обстоятельство ее обычной жизни не кажется более очевидным, чем то, что женская добродетель среди высших классов ценится очень высоко и что в то же время существует огромное количество публичной проституции, которой предаются мужчины всех сословий.

Иезуит Шарлеруа, Кемпфер, Адамс и некоторые голландские писатели описывают Японию с XVI века по настоящее время. Как и у большинства восточных народов, нравы и привычки японцев претерпели столь незначительные изменения, что обычаи столетней давности являются модой сегодняшнего дня. Самым недавним путешественником (ведь тех, кто составлял экспедицию commodора Перри, вряд ли можно назвать таковыми) является капитан Голоунин, и у него были возможности для тщательного наблюдения, равных которым не было со времен первых писателей. Он был командиром русского шлюпа "Диана" и посетил Японскую империю в 1811 году. Нанеся церемониальный визит на берег, он был вынужден, благодаря двуличию японцев, которые являются адептами всех политических искусств лжи и лицемерия, довериться им во второй раз без оружия и сопровождения. У японцев была старая обида на русских за обиды, нанесенные им некоторыми представителями этой нации, и они воспользовались случаем, чтобы сделать *quid pro quo*, заманив в ловушку неудачливого Головнина, который таким образом попал в плен. Поначалу с ним обращались очень сурово и жестоко, затем более снисходительно, но на свободу он вернулся только через два года.

Японцы могут жениться только на одной жене, но иметь столько наложниц, сколько пожелают. Точное значение этого различия не так легко оценить, поскольку наложница не теряет кастовости от своего положения. Существуют большие возможности для развода, причем без объяснения причин; но джентльмен, который пользуется этой привилегией, теряет свой характер мужа и может получить другую жену или дополнительных наложниц, только заплатив большую цену своему тестю. Прелюбодеяние карается смертью, либо по закону, либо от руки мужа. Японские мужья изображаются ревнивыми и держат своих жен и женщин в строгом уединении. Эта строгость ослабляется в случаях со средним и бедным классом, так как необходимость ведения домашнего хозяйства снимает искусственные обязательства, налагаемые на высшее сословие гордостью или модой. Но даже женщины из более скромного сословия не общаются и даже не разговаривают с незнакомцами, разве что в присутствии своих мужей.

В рассказе Адамса приводится анекдот, который несколько напоминает историю Лукреции в римской истории, и который предполагает большое самоуважение среди высшей касты японских дам. Некий дворянин сделал бесчестный выпад в сторону знатной дамы во время отсутствия ее мужа в поездке и, несмотря на отпор с ее стороны, воспользовался возможностью удовлетворить свою страсть с помощью насилия. По возвращении мужа жена отнеслась к нему сдержанно и отказалась от каких-либо объяснений своего необычного поведения, которые, однако, обещала дать на банкете, который должен был состояться на следующий день. Соответственно, во время пира, на котором присутствовал автор возмущения, когда гости удовлетворили свои аппетиты, появилась дама. Она рассказала мужу и его друзьям о случившемся, осудила себя как недостойную жить, приняла ласки мужа

и родственников, которые, однако, отказались ее утешать, а затем прыгнула с парапета дома и таким образом покончила с собой. Преступник тем временем скрылся; но когда охваченные ужасом гости бросились за преданной женой, они обнаружили дворянина, валяющегося в собственной крови рядом с ней. Он разорвал себя, что является обычным способом самоубийства в Японии.

Японские публичные дома отличаются большим великолепием и очень многочисленны, в них содержится тридцать, сорок, пятьдесят и даже больше женщин. В каждом месте общественного развлечения или отдыха проститутки являются неотъемлемой частью заведения. При остановке в таверне обычно выходят куртизанки, накрашенные и разодетые, и заявляют о своих притязаниях на покровительство путешественника, выставя себя в качестве одного из пунктов счета за проезд. Ни одна деревня, как бы незначительна она ни была, не обходится без одного или нескольких домов с дурной славой, а на часто посещаемых дорогах, в популярных районах, есть деревни, все жительницы которых - проститутки. Две из них, Агасаки и Гой, описаны Кёмпфером. Женщин называют *Keise*, что буквально означает перевернутый замок. Неясно, лицензирует ли правительство эти заведения или просто терпит их. Первое более вероятно, если учесть, что в их мифологии богиня, аналогичная коринфской Венере, в поклонении которой проституция является признанной частью церемонии. К храму этого нечистого божества прикреплено большое количество жриц, от шестисот и выше, которые все проституируют перед поклонниками. Несмотря на такую многочисленность, постоянно поступают предложения пополнить ряды молодыми девушками.

Масштабы этого порока, который распространен по всей империи, заставляют принять его за регулярный институт Японии. Ничего не делается *sub rosa*. Куртизанки входят в состав увеселительных заведений; родители продают своих детей в публичные дома или на время пристраивают их туда, а по истечении срока они вновь занимают (говорят, но это сомнительно) свое место в обществе, не запятнав свою репутацию. Мужья заключают сделки на передачу очарования своих жен, что является законной платой сверх вознаграждения, которое должно быть предоставлено даме. Кемпфер, описывая квартал проституток в Нагасаки, говорит, что он состоит из очень красивых домов. Бедняки продают своих самых красивых дочерей содержателям борделей, которые воспитывают девушек с различными достижениями. Цена на этих женщин регулируется законом, и многим проституткам удается оставить свое занятие, поскольку хорошее образование и приятные манеры обеспечивают им мужей, и в замужнем состоянии они ничем не уступают другим.

Некоторые авторы утверждают, что в своей жизни содержатель публичного дома приравнивается к скорняку или кожевнику, что является позорным призванием, другие же говорят, что он приравнивается к купцам, и его общество не считается предосудительным. Последнее утверждение, если оно верно, может быть связано с тем, что у него есть государственная лицензия. В Японии, как и в Китае, корона является источником всех различий, и каждый правительственный чиновник имеет особые привилегии и занимает определенное положение в социальной шкале. Однако после смерти бордельщик пользуется большим уважением. Святость места погребения, к которому относятся с особым почтением, будет осквернена его нечестивым присутствием, и его омерзительным останкам отказывают в обряде погребения и в одежде, в которой он умер, тащат на свалку, чтобы там их пожрали дикие звери и хищные птицы.

Проституция как общественный институт, как говорят, была введена в Японии неким воинственным императором или узурпатором, который, ведя свои войска из одного места в другое в империи, опасался, что из-за отсутствия домашнего уюта и семейных уз они могут

отвратиться и оставить его службу. Поэтому в качестве замены законных развлечений он устраивал в различных пунктах станции для групп проституток, к ближайшим из которых он приводил своих уставших солдат после сражений.

Еще одно утверждение о происхождении этой системы заключается в том, что однажды во время революции духовный император бежал в сопровождении своей приемной матери и многочисленной группы женского персонала, временных монахинь, император и его приемная мать утопились в страхе перед захватом врагами; после этого сопровождавшие их монахини, лишенные всех других средств, приняли распутство как средство к существованию, и это дало первый публичный пример и санкцию на развратное состояние жизни.

В Японии существуют различные религиозные учреждения, по своему характеру напоминающие монастыри. Одним из требований этого состояния является обет безбрачия и целомудрия, но, несмотря на этот обет, монахи, по описаниям, живут очень развратно, соблазняют женщин и девушек и совершают другие постыдные преступления[371].

Среди религиозных орденов, к которым принадлежат оба пола, монахини очень многочисленны. Их описывают как очень красивых женщин. Как правило, это дети неимущих родителей, и хорошая внешность необходима для успеха в их призвании, между которым и проституцией, похоже, нет никакой разницы, кроме названия. Действительно, многие из этих монашек-подвижниц прямо из борделя переходят на новую работу, которая, сочетая различные квалификации, вероятно, является более прибыльной.

Нам не удалось найти никакой информации о природе или масштабах венерических заболеваний, если таковые имеются в Японии. Нет сведений и о детоубийствах.

Коммодор Перри в описании своей экспедиции подтверждает вышеизложенные факты в той мере, в какой это позволяли ему возможности наблюдения. Поначалу ему мешали увидеть японских женщин, и когда он шел по улицам, переводчики опережали его и, изображая почтение, приказывали всем женщинам уйти в свои дома. Впоследствии, после уговоров коммодора, женщинам было позволено появиться, и их манеры и внешний вид ничуть не были неприятны. Когда офицеры экспедиции принимали гостей, они иногда ждали их с чаем, кофе и другими угощениями. Их манеры были мягкими, лица - мягкими и приятными, а единственной неприятной особенностью была отвратительная привычка чернить зубы едким пигментом, частично состоящим из железных опилок и перебродившего спирта под названием саки, который очень неприятно воздействовал на десны и вызывал вид и запах, решительно не соответствующий вкусам западных путешественников.

Женщины из рабочих классов занимались тяжелым трудом в поле и на открытом воздухе, но не в большей степени, чем в густонаселенных странах в большинстве частей света. Коммодор Перри предполагает, что в больших городах должна быть распространена разнузданность, но он свидетельствует о хорошем поведении женщин, с которыми люди экспедиции встречались на берегу[372].

Возможности для получения информации и конкретных расспросов были, однако, не очень велики из-за более важных политических целей визита и не очень продолжительного пребывания эскадры в Японии.

Не довольствуясь чрезмерным недержанием, которому предаются японцы как нация, они в значительной степени практикуют противоестественные пороки, а молодые люди из

провинции Киото, которая является особым уделом духовного императора, славятся своей красотой и получают высокую цену в этом ужасном бизнесе.

ТАРТАРСКИЕ ГОНКИ.

Центральная Азия мало известна и редко посещается. Среди наиболее примечательных ее жителей - киргизы-казаки, которые представляют собой нацию пастухов. Они живут в хижинах, или временных жилищах из плетня, покрытых ворсом, и представляют собой крепкую, выносливую расу, пристрастную к чувственным удовольствиям. Их нравы в обращении с женским полом грубы, но любопытно отметить, что в то время как мужчины ленивы и развратны, женщины любят напрягаться, за что единственным вознаграждением для них является обращение как с рабынями.

Киргизы, когда достаточно богаты, охотно пользуются привилегией многоженства; действительно, эту часть магометанского вероучения они приняли с наибольшим рвением, но лишь немногие обладают достаточным богатством, чтобы жениться более чем на одной жене. Цена, которую платят за женщину, варьируется от пяти-шести овец среди бедных слоев населения до двухсот, пятисот или даже тысячи лошадей среди богатых, к которым добавляется различное домашнее имущество, а иногда и несколько рабов-мужчин или женщин. Значительную часть этих платежей поглощают магометанские мулахы, которые находят выгодный источник дохода в браках с этими людьми. Они освящают союз, как только он намечается, и как только сумма *калыма*, или цены, согласована между сторонами, мулла торжественно спрашивает родителей жениха и невесты: "Согласны ли вы на союз детей?", повторяя этот вопрос три раза для каждого, а затем читает молитвы о счастье пары, которая собирается пожениться. Брак не является полным, пока не будет выплачена вся оговоренная сумма, но ни одна из сторон не может с честью отказаться после того, как первый взнос был предложен и принят. С этого времени жених имеет право посещать свою невесту, если он обязуется не лишать ее целомудрия. В тех случаях, когда эта свобода приводит к ожиданию финальной церемонии, невыплаченная часть *калыма* не позволяет затягивать союз, который спешится настолько, насколько это возможно. Если мужчина обнаружит, что его жена была недержавшей до свадьбы, он может вернуть ее родителям и потребовать возврата ее цены или замены одной из ее сестер. Если он действительно застанет ее в прелюбодеянии, то может убить ее, в противном случае прелюбодей наказывается штрафом, а жена может развестись или подвергнуться наказанию.

Нравы киргизов хороши. Целомудрие в женщине высоко ценится, а чувственность мужчин обслуживают проститутки, которые живут в каждом лагере, либо компаниями, либо в отдельных палатках. Эти женщины появляются везде, где русские разбивают лагерь, и вирусные болезни среди них имеют тенденцию быстро истончать народ. Проститутки состоят из двух классов - вдов и разведенных женщин, у которых нет других средств к существованию, и они влачат жалкое существование в грязи, лохмотьях и презрении; и нескольких женщин, которые занимаются проституцией из простого разврата.

ЦИРКАССИЯ.

Раса, известная как абассианцы, считающаяся аборигенами Кавказа, была описана Страбоном как хищный народ - пираты на море и грабители на суше. Эти черты они сохранили и по сей день, но в остальном это добродетельный народ, чуждый худшим

порокам цивилизованной жизни и смиренный в своих желаниях. Их религия допускает многоженство, но поскольку жены стоят дорого, они обычно довольствуются одной, которая скорее является спутницей, чем прислугой своего мужа. Женщины трудолюбивы, им предоставлена полная свобода, и они свободны в общении, чадру носят только для того, чтобы скрыть цвет лица, а не для уединения.

Законы против безнравственности очень строги. Акт незаконной связи наказывается штрафом или изгнанием. Нечестная жена возвращается к родителям и продается ими в рабство, как и распутная девушка. Незаконнорожденные дети не могут претендовать ни на какое родство, и если их продадут в рабство или убьют, то никто не вправе выкупить их в первом случае или отомстить за них в другом. Если мужчина желает развестись с женой, он должен изложить свои причины перед советом старейшин, и если они не удовлетворены, он должен выплатить ее родителям определенную сумму, чтобы возместить им бремя, которое они на себя взвалили. Если в течение двух лет женщина снова выходит замуж, эта сумма возвращается.

Среди самих черкесов женщины не уединяются. Мужчина часто представляет путешественнику свою жену и дочерей, а незамужних женщин часто можно увидеть на общественных собраниях. Они соблюдают один необычный обычай: муж никогда не появляется за границей со своей женой и почти не видит ее в течение дня. Это соответствует древним обычаям и является продолжением брачного этикета, который требует, чтобы мужчина, сняв с невесты кожаный корсет, который носят все девственницы, некоторое время воздерживался от открытой жизни с ней.

На всем Кавказе наблюдается высокий уровень нравственности. Открытая проституция неизвестна, и любая девушка, ведущая аморальный образ жизни, была бы вынуждена бежать за пределы территории, если бы избежала продажи в рабство или смерти от возмущенных друзей. Бытует мнение, что черкесы продадут своих дочерей любому турку или персу, который пожелает их купить, но на самом деле это не так. Они особенно тщательно следят за положением того, кто хочет вступить с ними в брак. Принимаются большие меры предосторожности, чтобы гарантировать счастье девушек, и длительные переговоры часто не приводят ни к какому результату. Большинство женщин, продаваемых как черкески, - это либо дети, украденные у соседних казаков, либо рабыни, приобретенные у тех черкесских торговцев, которые хранят верность России.

ТУРЦИЯ.

Гордый, чувственный и развратный в своих вкусах, турок слишком ленив, чтобы приобрести даже средства для удовлетворения своих самых сильных желаний. Удовлетворяя свою гордость воспоминаниями о былой славе, его похоть предвкушает наслаждение раем, переполненным прекрасными служительницами удовольствий, и он проводит время в атмосфере эпикурейских спекуляций, валяясь на подушках и попивая кофе с мечтательным безразличием ко всем внешним предметам. Даже бедняки предаются этому безделью. Они отмеряют количество труда, необходимое для того, чтобы не испытывать нужды, а остальное время проводят в ожидании чувственного рая, обещанного их пророком. В такой летаргии разгораются самые бурные страсти, и когда они возбуждаются, турка невозможно превзойти в жестокой ярости. Все его фантазии грубы, моральная власть - непостижимая идея, и он не может представить себе никакой власти, не принуждаемой кнутом или мечом.

Турецкий характер, представленный таким образом, соответствует их оценке женского пола. Любят только лицо; интеллект в турецкой женщине редко развивается и никогда не ценится. Главное занятие для нее - украшать себя, единственное удовольствие - нежиться на груди подушек и любоваться элегантностью своего наряда. Турция - это буквально империя чувств.

Полигамия в настоящее время становится все более неприемлемой. Недавние законы наделили женщин многими привилегиями в имущественных вопросах, а их сравнительная независимость сделала их нежелательными для положения, в котором они занимают лишь второстепенное место. Мужчины, которые женятся на женах равного с ними ранга, часто в своих брачных контрактах обязуются не создавать второй союз, и это условие очень редко нарушается.

Обычаи страны не позволяют мужчине видеть свою жену до брака. Она может удовлетворить свое любопытство, украдкой взглянув на него, но этой привилегией пользуются редко. Вследствие разделения полов, как и в Китае, возникла раса профессиональных свах, которые получают значительную прибыль от своего занятия. Иногда обручаются дети трех-четырёх лет, а брак заключается около четырнадцати. Когда намечается свадьба, каждая семья назначает своего агента для организации предварительных мероприятий, условия договора закрепляются в юридическом документе, и женщину называют "женой по письму". Все это завершается за несколько дней до свадьбы, а промежуток времени занят ликованиями и гостеприимством, на которые жених обычно тратит годовой доход. Союз является простым гражданским договором, освященным религиозными обрядами. Все наложницы - рабыни, даже в гареме султана, поскольку ни одна свободная турчанка не может занимать это положение.

Нравы турецких женщин обычно характеризуются как очень свободные. Их вуали способствуют интригам, самый ревнивый муж проходит мимо своей жены на улице, не узнав ее. Местом свиданий обычно служат лавки евреев, где они встречаются со своими любовниками, но сохраняют свое *инкогнито* даже для них. Леди Мэри Уортли Монтегю полагала, что "число верных жен очень невелико в стране, где им нечего бояться неосмотрительности любовника".

Танцующие девушки Турции - проститутки по профессии. Их выступления нравятся всем классам, и они танцуют так же развратно в гареме, куда их часто приглашают, чтобы развлечь жен и наложниц, как и перед компанией званных гостей в киосках. Их наряды чрезвычайно богаты как по цвету, так и по материалу. Днем они посещают кофейни, где привязываются к спутницам, которых развлекают песнями, рассказами или ласками до ночи, когда их оргии переносятся в дома, принадлежащие их вождам. Многие из этих жилищ обставлены со всей возможной роскошью.

Еще одна форма проституции - временный брак. Например, мужчина, отправившийся в путешествие, прибывает в незнакомый город, где хочет задержаться на некоторое время. Он сразу же покупает себе спутницу, составляет обычный договор, содержит ее и оплачивает услуги ее друзей, пока остается. Когда она ему надоедает или он хочет покинуть это место, она возвращается к своим друзьям и терпеливо ждет другого подобного предложения.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА.

О полуварварских государствах Северной Африки следует сказать лишь очень кратко, тем более что рассказ об Алжире под властью французов уже был дан. Основную массу

населения составляют мавры, и поэтому наши замечания будут относиться главным образом к ним. Как и турки, они горды, невежественны, чувственны и развратны, и их отношение к женщинам в точности соответствует этому характеру. Они рассматривают женский пол только как материальный инструмент для удовлетворения мужчины; и эта идея стала настолько общепринятой, что единственным воспитанием девушки является такое, которое сделает ее приемлемой для какого-нибудь грубого чувственника. Интеллект и чувства не являются теми качествами, которые могут порекомендовать ее: *чтобы быть привлекательной, она должна быть толстой*. Девушка с такой массой тела, которая может быть хорошим грузом для верблюда, считается совершенной красавицей, и, соответственно, мать не обучает свою дочь искусству обольщения, а кормит ее, чтобы она выглядела соблазнительно, как кормят голубей в некоторых частях Италии. Ее заставляют ежедневно проглатывать определенное количество шариков пасты, пропитанной маслом, и эта палочка преодолевает любое нежелание, которое может возникнуть у нее к этой диете.

Мавры чрезвычайно ревнивы к своим огромным женам. Известно, что некоторые из них убивали своих женщин перед тем, как отправиться в путешествие; другие запрещали им называть животных мужского пола. Они полностью замыкаются в стенах гарема, где проводят время, благоухая и украшая свои лица, чтобы привлечь благосклонность своих господ.

В Барбарийских государствах преобладают общие брачные законы магометанских стран. Четыре жены и столько наложниц, сколько он пожелает, - вот пределы, в которых ограничивается мужчина, но мало кто женится более чем на одной женщине.

Во всех городах распространена система проституции. Низкие питейные заведения переполнены женщинами. Публичные танцовщицы, которые все принадлежат к сестринству, существуют в большом количестве и очень поощряются. Их общество - любимое развлечение мавров всех сословий. Человек, развлекающий друзей, посылает компанию танцовщиц, чтобы развлечь их. Там, среди табачного дыма, а иногда и спиртного (ведь предписания Корана в таких случаях игнорируются), женщины практикуют самые унижительные непристойности, и оргии становятся такими, что ни одно перо не сможет описать. Эти проститутки принадлежат к разным классам - от низких, вульгарных убогих, живущих в нищете, грязи и болезнях, до богатых куртизанок, живущих в роскоши и великолепии.

Поздний путешественник был представлен своим другом "мавританской леди". Его провели в просторную квартиру, увешанную шелками богатых расцветок. На великолепном диване, обставленном всеми предметами роскоши, сидела женщина необыкновенной красоты. Изящная в манерах и обращении, она казалась образцом женского изящества, и только покинув ее, посетитель понял, что беседовал с мавританской проституткой.

СИБЕРИЯ.

Состояние нравов, в котором оказалось население этих заснеженных земель, очень низкое. Они грубы, невежественны и отвратительны. Состояние и характер женского пола соответствуют мужскому. В вечной миграции племен они несут самое тяжелое бремя, а в местах их обитания мужчина рассматривает свою жену как домашнюю рабыню, которой даже доброго слова сказать не нужно. Есть и исключения из этого правила, особенно в

центре района, удаленного от России с одной стороны и моря с другой, где наблюдается большее равенство полов.

Жена обычно приобретается путем покупки, и если мужчина недостаточно богат, чтобы заплатить сумму, которую требуют родители девушки за право жениться на ней, он нанимается к ним на срок от трех до десяти лет, согласно договору, и его услуги за это время считаются эквивалентными стоимости его невесты. Эти договоры добросовестно соблюдаются, женщина неизменно отдается в указанный срок, а мужчина освобождается от своего подневольного состояния и получает все достоинства и права зятя. Если жених в состоянии заплатить за невесту, предварительные переговоры ведут его друзья и ее родители; они проходят очень тихо, но дух торга силен с обеих сторон. Оговоренная сумма должна быть выплачена до завершения брака, и если мужчина уводит невесту до того, как заплатит всю сумму, отец подгадывает удобный момент и возвращает ее, оставляя в залоге до тех пор, пока не будет выплачен остаток.

Церемонии бракосочетания в разных племенах отличаются. У одних нет ни праздника, ни какой-либо формы; у других каждый брак должен происходить в только что построенной хижине, где не может быть никаких нечистых вещей. Наиболее подробный рассказ о брачных церемониях мы можем найти у тшувасов. В день обручения они приносят солнцу жертву из хлеба и меда, чтобы оно благосклонно взирало на их союз. Когда наступает день свадьбы, невеста прячется за ширмой, пока собираются гости. Когда все в сборе, она трижды обходит комнату, за ней следует вереница девственниц, несущих хлеб и мед. Затем входит жених, снимает с нее фату, целует ее, и они обмениваются кольцами. Теперь ее приветствуют как "обрученную девушку" и снова ведут за ширму, откуда она выходит в чепце матроны. В завершение обряда она стягивает с нового мужа сапоги, тем самым обещая ему повиновение. В этом племени муж может развестись с женой, просто сняв с ее головы чепец.

Полигамия практикуется многими, хотя некоторые предпочитают брать одну жену за другой так часто, как подсказывает им склонность, а не брать на себя ответственность за нескольких одновременно.

Ревность мало кому известна среди представителей сибирских рас. Скромность не является женской чертой, как и целомудрие, которое очень высоко ценится. Если жена прелюбодействует, муж обычно взыскивает с изменника штраф за вторжение в его права "без разрешения". Их варварские нравы не заставляют нас ожидать утонченной скромности. Путешественник был представлен семье богатого человека, главы племени, и, войдя в его низкое, но просторное жилище, оказался в компании пяти или шести женщин, жен и дочерей, полностью обнаженных, которые выглядели чрезвычайно забавными, будучи обнаруженными в таком состоянии. Танцующие женщины настолько развратны, насколько это только можно себе представить; более того, непристойные позы являются главной особенностью их развлечений.

Развратные отношения между неженатыми людьми почти повсеместны. Некоторых мучают религиозные разногласия, но распутство сильнее, и женщина, которая категорически отказывается есть или пить с мужчиной другого вероисповедания, протестирует себя с ним из похоти. Брошенные женщины живут во всех городах в большом количестве и почти не подвергаются осуждению со стороны других классов. Воспитание сибирской девушки сводится к тому, что ей просто говорят, что замужество - это ее судьба, и что муж будет требовать от нее верности. С этой целью она заводит знакомства, соблазняется одним и уступает другому, пока ее распутство не становится настолько известным, что никто не хочет покупать ее в жены, и в качестве средства к существованию она следует привычкам, к

которым прибегала для удовлетворения своего порочного аппетита. Говорят, что многие проститутки становятся таковыми именно по этой причине.

ЭСКИМО.

Эскимосы требуют очень краткого описания. Как раса, они грязны, бедны и безнравственны. Нечестность - их отличительная черта, особенно проявляющаяся по отношению к любым чужакам, оказавшимся в пределах их досягаемости. Печально известный Кейн в своих "Арктических исследованиях" упоминает о трудностях, которым он подвергался, охраняя свои магазины от их склонности к воровству; но после того, как он провел один или два урока наказания, они отказались от этой привычки и стали ему очень помогать. Он говорит: "В их манере принимать гостей есть откровенность и сердечность, какими бы ни были недостатки их представлений о честности"[373], а когда он расстался с ними во время своего опасного путешествия на юг, он замечает: "Когда беда настигала нас и их, и мы приспособлялись к их привычкам; когда мы надеялись, что они обеспечат нас свежим мясом, а они находили на нашем бриге приют во время своих диких охот на медведей, никогда друзья не были более верными. Хотя множество предметов, имеющих для них неоценимую ценность, были разбросаны на льду без присмотра, они не украли ни одного гвоздя"[374].

Женщины эскимосов не являются абсолютными рабынями; их обязанности почти полностью связаны с домашним хозяйством, а зимой, особенно зимой, их жизнь - это сплошная легкость и удовольствие, насколько их понятия могут постичь такие преимущества. Теснясь в низких хижинах по две-три семьи вместе, они проводят время за едой и сном, причем оба пола совершенно голые, за исключением маленького передника, который женщины носят как знак своего пола. Эта нагота возникает из-за чрезмерного тепла в их хижинах, которые становятся невосприимчивыми к холоду снаружи. Доктор Кейн упоминает об одном случае, когда он был в гостях, когда термометр на улице показывал 60° ниже нуля, а внутри температура достигала 90°, и говорит: "Обливаясь потом, я разделся, как и все остальные, и так, почетный гость и на почетном месте, я заснул"[375].

О нравственности мужчин и добродетели женщин мало что известно. Парри говорит, что мужья часто предлагают своих жен чужакам за очень небольшую сумму, а также, что не редкость смена жен на короткое время. Он добавляет, что ни в одной стране проституция не доходит до таких масштабов: отъезд мужчин в экспедицию становится для их жен сигналом к отказу от всякого сдерживания. Вождество играет первостепенную роль, а детей учат караулить у хижины, чтобы муж не вернулся неожиданно и не обнаружил, что его жилище занято чужаком. Их брачный договор - всего лишь социальная договоренность, которую легко расторгнуть, но делается это редко: по общему правилу мужчина должен наказывать свою жену, когда она ему неприятна. Обычная форма супружеской дисциплины заключается в том, чтобы заставить ее вести оленей, пока он спокойно едет в санях. Их законы разрешают любому мужчине иметь двух жен, а царской привилегией великого вождя была привилегия иметь столько, сколько он мог содержать. [376] Этих невест нередко уводили от родителей силой, церемониальный обряд следовал в удобное для сторон время. Иногда такие попытки находят отпор. Претенденту на благосклонность дочери вождя удалось затащить ее в свои сани, но отец преследовал ее с таким рвением, что авантюрному любовнику пришлось бросить красавицу, и он с некоторым трудом сбежал, оставив снаряжение в качестве трофеев победителю[377].

Доктор Кейн считает, что услуги лютеранских и моравских миссионеров оказали благотворное влияние на нравственность людей. Их обычные религиозные представления

ограничивались признанием сверхъестественных сил и некоторыми обычаями, с помощью которых их можно было примирить. Убийство, кровосмешение, погребение живых и детоубийство не считались преступлениями, и это способствовало тому, что воздействие и болезни (оспа произвела среди них ужасающие опустошения) сократили их численность и внушили им мысль, что они так быстро вымирают, что их прогресс к вымиранию может быть отмечен в течение одного поколения.[Это в большей степени относится к северным племенам, удаленным от влияния цивилизации, среди которых убийства и детоубийства все еще существуют, хотя и не в такой степени, как раньше, в то время как в южных широтах, где раньше было небезопасно для судов приставать к берегу, гостеприимство теперь является универсальной характеристикой; а правда, уверенность в себе и мужественное честное поведение прививаются с большим успехом, хотя и не настолько, чтобы привести их понятия о собственности в соответствие с понятиями цивилизованных народов[379].

ИСЕЛАНДИЯ.

Эту страну населяет серьезный, скромный и тихий народ. Изолированные от остального мира, они и по сей день пребывают в почти первобытном состоянии, и девять столетий не внесли особых изменений в их манеры, язык и костюм. Положение полов несколько уравнено; мужчины делят свой труд с женщинами, но не притесняют их. И те, и другие одинаково грязны и грубы в своих привычках. Их гостеприимство принимает необычные формы. Женщины радушно обнимают незнакомца, но их грязные привычки обычно заставляют его стремиться как можно скорее вырваться из их объятий. В одном случае миссионер был особенно оскандален. Он гостил в доме богатого человека, который угощал его щедро, а когда ночью удалился в свою комнату, за ним последовала старшая дочь хозяина, которая настояла на том, чтобы помочь ему раздеться и приготовиться ко сну, заявив, что таков неизменный обычай этой страны.

Лишь немногие абсолютные законы регулируют взаимоотношения полов. Христианство отменило многоженство, а общественное мнение решительно пресекает незаконные половые связи. За исключением морских портов, народ можно назвать нравственной расой. Соотношение незаконнорожденных и законнорожденных детей составляет примерно один к семи.

Лорд Кеймс рассказывает анекдот, который заклеит исландцев сто пятидесятилетней давности как нечто иное, чем мораль. Он рассказывает, что в 1707 году заразная болезнь перебила почти весь народ, и, чтобы заселить страну, король Дании издал указ, разрешающий каждой женщине родить шесть незаконнорожденных детей, не теряя при этом своей репутации. По сообщениям, девушки так рьяно взялись за это патриотическое дело, что вскоре пришлось отменить закон.

ГРИНЛАНДИЯ.

Население Гренландии состоит частично из европейских колонистов и частично из эскимосов. Это тщеславный и ленивый народ, чьи достоинства заключаются в отрицании активных пороков. Их женщины занимают низшее положение. Брак - это, по сути, договор о взаимном удобстве, который расторгается, когда перестает устраивать. Этикетом считается, что девушка, если кто-то из мужчин требует ее в жены, должна улететь в горы и спрятаться, чтобы потом ее с большой жестокостью притащил домой ухажер. Если за ней ухаживает

мужчина, который ей не нравится, она отрезает себе волосы, что является признаком большого ужаса и обычно избавляет ее от любовника.

Гренландцы считают себя единственным цивилизованным народом в мире и, следовательно, гордятся своим приличием. Они не допускают браков в пределах трех степеней родства и считают неприличным вступать в брак лицам, получившим образование в одном доме, даже если между ними нет родства. Проституция распространена в значительной степени, вдовы и разведенные женщины почти всегда используют ее в качестве средства к существованию. В крупных населенных пунктах есть множество притонов, которые можно назвать борделями, но жизнь брошенной женщины обычно осуждается, а те, кто ей следует, вызывают нескрываемый одиоз у всего народа.

ГЛАВА XXXII.

НЬЮ-ЙОРК - СТАТИСТИКА.

Расписание вопросов.- Возраст.- Юношеская развращенность.- Преждевременная старость.- Постепенное происхождение.- Средняя продолжительность жизни проститутки.- Нативность.- Пропорция проституток из различных штатов.- Нью-Йорк.- Влияние иммиграции.- Иностранцы.- Доля в населении.- Доля в эмиграции.- Опасности портов отплытия, эмигрантских кораблей и пансионеров.- Длительность проживания в Соединенных Штатах.- Проституция - бремя для налогоплательщиков.- Длительность проживания в штате Нью-Йорк.- Длительность проживания в Нью-Йорке.- Побуждения к эмиграции.- Труд и вознаграждение в Европе.- Помощь в эмиграции; ее размер и от кого.- Образование.- Небрежение удобствами в Нью-Йорке.- Социальное положение.- Одинокие женщины.- Вдовы.- Ранние и неразумные браки.- Мужья.- Дети.- Незаконные дети.- Смертность детей.- Детоубийство.- Влияния, которым подвергаются дети.

Следует надеяться, что читатель уже ознакомился с предисловием к этому тому, содержащим описание *метода, использованного для получения* необходимой информации от проституток Нью-Йорка. Для этой цели был составлен следующий перечень вопросов, и на последующих страницах в табличной форме представлены полученные на них ответы.

"Сколько лет вам будет в следующий день рождения?

"Родились ли вы в Америке, и если да, то в каком штате?

"Как долго вы проживаете в Нью-Йорке?

"Если вы родились за границей, то в какой стране?

"Как долго вы проживаете в Соединенных Штатах?

"Как долго вы проживаете в штате Нью-Йорк?

"Что побудило вас эмигрировать в Соединенные Штаты?

"Получали ли вы какую-либо помощь, и если да, то от кого и в каком размере, чтобы иметь возможность эмигрировать в Соединенные Штаты?

"Умеете ли вы читать и писать?"

"Вы не замужем, женаты или овдовели?"

"Если замужем, живет ли ваш муж с вами, или что послужило причиной разрыва?"

"Если овдовела, как давно умер ваш муж?"

"Были ли у вас дети?"

"Сколько?" - "Мальчики" - "Девочки".

"Были ли эти дети рождены в браке?"

"Живы они или умерли?"

"Если живы, то находятся ли они сейчас с вами или где они?"

"В течение какого времени вы занимались проституцией?"

"Были ли у вас какие-либо заболевания, связанные с проституцией? Если да, то какие?"

"Что послужило причиной того, что вы стали проституткой?"

"Является ли проституция вашим единственным источником средств к существованию?"

"Если нет, то какие еще у вас есть средства?"

"Какой профессией или призванием вы занимались до того, как стали проституткой?"

"Как давно вы оставили свою профессию как средство существования?"

"Каков был ваш средний недельный заработок в вашей профессии?"

"Каким бизнесом занимался ваш отец?"

"Если у вашей матери было какое-то дело, не зависящее от вашего отца, то какое?"

"Помогали ли вы матери или отцу в их бизнесе? Если да, то кому из них?"

"Жив ли ваш отец? или сколько вам было лет, когда он умер?"

"Жива ли ваша мать? Или сколько вам было лет, когда она умерла?"

"Употребляете ли вы одурманивающие напитки? Если да, то в какой степени?"

"Пил ли ваш отец одурманивающие напитки? Если да, то в какой степени?"

"Употребляла ли ваша мать одурманивающие напитки? Если да, то в какой степени?"

"Были ли ваши родители "протестантами", "католиками" или "непрофессионалами"?"

"Были ли вы приучены к какой-либо религии? Если да, то протестантской или католической?"

"Исповедуете ли вы ту же религию сейчас?"

"Как давно вы соблюдали какие-либо ее предписания?"

В дополнение к этому обширному ряду вопросов было оставлено место для любых замечаний, которые экзаменатор мог бы сделать по другим вопросам. Вопросы были

напечатаны на большом листе бумаги, с достаточным количеством бланков для ответов, и офицеру предлагалось, как только он получит всю необходимую информацию, сложить лист и подписать свое имя в оставленной для этого строке, указав дату проведения опроса, местонахождение дома, в котором проживает женщина, и полицейский округ, к которому он относится. К большому сожалению, во время пожара в островной больнице на острове Блэквелл 13 февраля 1858 года были уничтожены все расписания. В них содержалось множество фактов, которые из-за нехватки места лишь слегка упоминаются на следующих страницах и могли бы существенно помочь при принятии в будущем мер по смягчению горестей или предотвращению бесчинств брошенных женщин Нью-Йорка.

Дальнейшая прелюдия излишня. Остается только привести ответы в том виде, в каком они были получены, с теми выводами, которые могут из них следовать.

Вопрос. Сколько лет вам будет в следующий день рождения?

Возраст. Число.

15	лет	2
16	"	17
17	"	62
18	"	143
19	"	258
20	"	268
21	"	206
22	"	176
23	"	153
24	"	96
25	"	97
26	"	75
27	"	53
28	"	58
29	"	49
30	"	44
31	"	18
32	"	16
33	"	29
34	"	15
35	"	19
36	"	23
37	"	11
38	"	9
39	"	7
40	"	25
41	"	7

42	"	6
43	"	6
44	"	3
45	"	6
46	"	2
47	"	2
48	"	5
49	"	3
50	"	4
51	"	1
52	"	3
53	"	3
55	"	5
57	"	3
58	"	2
59	"	2
60	"	2
62	"	1
63	"	1
66	"	2
71	"	1
77	"	1
Всего		2000

Факты, представленные в этой таблице, достаточно очевидны, чтобы сделать комментарии почти излишними, но существование деградации среди несовершеннолетних настолько очевидно, что требует нескольких замечаний.

В возрасте от пятнадцати до двадцати лет находится около трех восьмых от всего числа, включенного в эту декларацию. В возрасте от двадцати одного года до двадцати пяти лет - еще почти три восьмых от общего числа, что дает в первые десять лет три четверти всей проституции, а в следующий пятилетний период, от двадцати шести до тридцати, - на одну восьмую больше. Таким образом, можно констатировать, что семь из каждых восьми женщин, попавших под это исследование, еще не достигли тридцатилетнего возраста. За пределами этого стандарта каждый год оказываются лишь единицы, и среди этих ветеранов большинство составляют те, кто сейчас содержит дома с дурной славой.

Если сравнить эти данные с возрастом жителей Нью-Йорка, приведенным в отчетах о переписи населения, то окажется, что проститутки моложе двадцати лет в избытке, примерно двадцать пять процентов; так как это исследование показывает, что *на каждой четырех брошенных женщин в возрасте от двадцати до тридцати лет приходится три от пятнадцати до двадцати*, но официальная классификация доказывает, что на каждой четырех женщин в штате в возрасте от двадцати до тридцати лет приходится *только две* от пятнадцати до двадцати.

Если деградация несовершеннолетних - неотъемлемый атрибут проституции, то преждевременная старость - ее неизменный результат. Возьмем, к примеру, карьеру девушки, которая попадает в дом проституции в шестнадцать лет. Ее шаг упруг, взгляд ярок, она - "наблюдатель всех наблюдателей". *Обитатели* заведения снуют вокруг нее, злорадствуют над ее гибелью, восхваляя ее красоту, и пытаются опустить ее до своего уровня разврата, льстя ее тщеславию. По мере того как последняя искра врожденной добродетели меркнет и умирает в ее груди, и она осознает, что действительно потеряна, что ее ожидаемое счастье оказывается лишь великолепным несчастьем, она также осознает, что дверь к исправлению практически закрыта для нее. Но эта жизнь в разврате не может длиться долго; ее разум становится запятанным моральными миазмами, в которых она живет; ее физические силы ослабевают под налагаемыми на них испытаниями, и ее карьера в модном доме проституции подходит к концу; она должна спуститься вниз по лестнице порока. Проследите, как она переходит со ступеньки на ступеньку в своей нисходящей карьере. Сегодня вы можете встретить ее на наших аристократических набережных, а завтра она будет вынуждена гулять по более уединенным улицам. Сегодня вы можете увидеть ее блистательной в одном из модных театров, а завтра ее можно будет найти на одном из отвратительных курортов, которыми изобилует нижняя часть города. Сегодня она может общаться с богатыми людьми, а завтра никто не будет слишком низок для ее общества. Сегодня у нее есть слуги, которые выполняют ее приказы, а завтра она может быть похоронена в гробу нищего и в безымянной могиле. Это не причудливая зарисовка, а очерк судьбы многих женщин, живущих сейчас в качестве проституток самого низкого класса в Нью-Йорке.

Любой человек, разбирающийся в этой теме, знает, что в этой жизни существует хорошо понятная градация, и как только женщина перестает быть привлекательной в высших кругах, как только ее молодость и красота увядают, она должна либо опуститься по шкале, *либо умереть с голоду*. Никто не станет отрицать, что из тех, кто начинает постыдную жизнь в юности под влиянием самых умозрительных и льстивых иллюзий, большинство через короткое время погружается в глубочайшие страдания и деградацию.

Здесь с первого взгляда видна причина большого количества малолетних проституток. Молодость - ходовой товар, и когда ее очарование теряется, его необходимо заменить. Следующие случаи из жизни подтверждают эту точку зрения. По понятным причинам имена и фамилии опускаются.

С. Б. - уроженка Нью-Йорка, в настоящее время проживает в восьмом полицейском округе города. Ей двадцать лет, и она стала проституткой *в шестнадцать лет* из-за грубого и недоброго обращения мачехи, родная мать которой умерла, когда она была еще младенцем. Возьмем другой случай из того же района. Л. Б. родилась в Вермонте; ее отец умер, когда она была ребенком. В возрасте *пятнадцати лет* ее заманили в город, и она стала обитательницей дома проституции. Ее описывают как умную, образованную девушку с умеренными привычками. Еще один случай из той же местности. Ф. У. - уроженка Нью-Йорка, ребенок честных, трудолюбивых родителей, получила среднее образование, в *семнадцать лет* была соблазнена обещанием выйти замуж и брошена. После этого она стала заниматься проституцией, в основном под влиянием стыда и мысли о том, что у нее нет других средств к существованию.

Эти женщины проживают в той части города, где находится большинство первоклассных домов проституции; они еще не опустились на ступеньку ниже. Следующая подборка, сделанная в Четвертом полицейском округе, антипode прежней местности, наглядно продемонстрирует действие этой постепенной деградации.

Е. С. была совращена в Рочестере, штат Нью-Йорк, в возрасте *шестнадцати* лет. Она сопровождала своего соблазнителя в этот город и некоторое время жила здесь в роскоши. В конце концов ее бросили, и теперь она влачит жалкое существование на Уотер-стрит. Э. К., живущей в том же районе, сейчас девятнадцать лет. Она вышла замуж еще ребенком, а через пять лет или когда ей было всего *четырнадцать* лет, была изгнана из города жестоким поведением мужа. Пройдя через различные градации шкалы, она стала закоренелой пьяницей; перенесла много физических страданий; и, потеряв всякое чувство стыда, несомненно, будет продолжать свою жалкую карьеру, пока смерть не положит конец ее страданиям.

Чтобы продолжить эту цепочку доказательств, из журналов пенитенциарной больницы (ныне перестроенной и называемой островной больницей) на острове Блэкуэллс были отобраны следующие случаи. С. А., из Нью-Джерси, был принят в качестве пациента, когда ему было всего *пятнадцать* лет, страдая от болезни, вызванной развратной жизнью, и в течение шести месяцев принимался и лечился в нем не менее четырех раз. А. Б., родившийся в Шотландии, был принят и лечился от венерического заболевания в *четырнадцать* лет. Л. А. Д., уроженка Англии, поступила в шестнадцатилетнем возрасте, два года спустя, с аналогичным заболеванием, и с тех пор, с небольшими перерывами, постоянно находилась в больнице. М. Х. был принят в *семнадцатилетнем* возрасте и перенес долгую и мучительную болезнь. М. Дж. Д., после того как она в течение года вела развратный образ жизни, поступила в больницу в *восемнадцать* лет, пролежала в агонии двадцать пять дней, а затем умерла, исключительно от последствий жизни, связанной с проституцией.

Нет необходимости развивать эту тему дальше, поскольку уже приведено достаточно фактов, подтверждающих утверждение о том, что молодость является главным критерием для обитательниц домов с дурной славой. Молодых женщин прослеживали от самых гордых курортов до самых низких притонов, показывали, как они страдают от боли и болезней в общественных заведениях или умирают там в мучениях. Но не было сделано ни одной попытки подсчитать, сколько страданий выпало на долю покинутых ими семей. Мучительная родительская агония, вызванная уходом дочери с пути добродетели, кажется, больше подходит для частного размышления каждого читателя, чем для описания здесь. Мы были свидетелями встреч родителей с их потерянными детьми; стояли у постели, где хрупкая, страдающая женщина испускала последний вздох, и содрогались от ужасной душевной агонии, превозмогающей ее физические страдания. Нет никаких сомнений в том, что, если бы можно было познакомить читателя этих страниц с подобными сценами или даже адекватно описать их во всех накопленных ужасах, сердечное сотрудничество всех друзей добродетели и человечности было бы обеспечено для реализации любого плана, который бы остановил этот могучий поток порока и горя.

Если учесть, что главной целью является молодость, то очевидно, что на эту арену будет вытеснена постоянная череда молодых людей, либо силой, либо предательством. *Средняя продолжительность жизни этих женщин не превышает четырех лет от начала карьеры!* Как и во всех случаях, из этого правила есть исключения, но то, что четвертая часть от общего числа брошенных женщин в этом городе умирает каждый год, является вполне достоверным фактом. Таким образом, если оценить количество проституток в Нью-Йорке в шесть тысяч (и это не преувеличенный подсчет, как будет доказано далее), то каждый год нашего существования в свои последние, долгие дома спешат тысяча пятьсот непутевых женщин. Пренебрегаемые и презираемые при жизни, они уходят из этого мира незамеченными и неоплаканными. Но их смерть оставляет вакансии, которые необходимо заполнить: неумолимые требования порока и распутства должны быть удовлетворены, и кто

может сказать, какому невинному и счастливому семейному кругу придется оплакивать разорение и позор одного из своих членов? В одной из последующих частей этой работы необходимо будет обратить внимание на средства, используемые для того, чтобы заманить в ловушку невинных и ничего не подозревающих людей, и показать, что эта опасность угрожает всем слоям общества.

Вопрос. Вы родились в Америке? Если да, то в каком штате?

Штат.	Номер.
Алабама	1
Каролина, Северная	2
"Южная	4
Колумбия, округ	1
Коннектикут	42
Делавэр	1
Джорджия	1
Иллинойс	1
Кентукки	2
Луизиана	4
Мэн	24
Мэриленд	15
Массачусетс	71
Миссури	1
Нью-Гэмпшир	7
Нью-Джерси	69
Нью-Йорк	394
Огайо	8
Пенсильвания	77
Род-Айленд	18
Вермонт	10
Вирджиния	9
Всего родившихся в США	762

Число проституток в Нью-Йорке, родившихся в пределах Соединенных Штатов, немного превышает три восьмых от общего числа тех, от кого были получены ответы на эти запросы. Они являются уроженками двадцати одного штата и одного округа, и их можно разделить в географическом порядке следующим образом:

1. Восточный округ, включающий Мэн, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд, дает сто семьдесят две женщины в проститутки Нью-Йорка.
2. Средние штаты - Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, округ Колумбия, Делавэр, Мэриленд и Вирджиния - дают пятьсот шестьдесят шесть женщин.
3. Южные штаты - Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Алабама и Луизиана - дают двенадцать женщин.

4. Западные штаты - Огайо, Иллинойс, Миссури и Кентукки - тоже двенадцать женщин.

На основании какой гипотезы можно объяснить эти пропорции? Мэн, расположенный на крайнем северо-востоке, со скалистыми, избитыми волнами побережьем, выходящим на дику Атлантику, с суровым и холодным климатом, присылает двадцать четыре женщины из 580 000 жителей, в то время как Вирджиния с 1 421 000 жителей присылает всего девять! Эту разницу в пользу южного штата нельзя объяснить расстоянием, поскольку границы каждого штата почти равноудалены от Нью-Йорка; ее нельзя объяснить и тем, что у Мэна больше морского побережья, поскольку морское побережье южного штата по меньшей мере равно северному, и обычные тенденции к безнравственности в городах-морских портах в равной степени ощущаются в каждом из них. Дело усугубляется еще и тем, что во всех южных городах большинство проституток - выходцы с севера, и хорошо известно, что в определенные периоды большое количество куртизанок из Нью-Йорка, Бостона и других городов эмигрируют на юг. Если бы общепринятое мнение о влиянии теплого климата на женскую организацию было принято в этой связи, то не только не было бы необходимости в таком исходе, но и количество проституток, получаемых из Вирджинии, должно было бы значительно превышать количество проституток из Мэна. Этого факта достаточно, чтобы подтвердить уже высказанную мысль о том, что для завлечения этих женщин используется обман или сила. Уроженцы мрачного северного штата с гораздо большей вероятностью могут быть обмануты искусственным введением в заблуждение эмигрантов из Нью-Йорка, чем жители южной части нашего Союза. Первые ведут сравнительно тяжелую жизнь, вторые - сравнительно легкую. В штате Мэн более шести тысяч женщин, или каждая сорок шестая из женского населения, шесть дней в неделю находятся в заточении на переполненной фабрике; в Виргинии более трех тысяч женщин, или каждая сто тридцать четвертая из женского населения, заняты подобным образом[380].

Опять же: Поставьте в пример Род-Айленд с восемнадцатью женщинами, живущими проституцией в Нью-Йорке, и населением всего 140 000 человек, и Мэриленд с пятнадцатью проститутками в Нью-Йорке и населением 418 000 человек, и станет очевидна более ощутимая разница в пользу южного штата. Первый присылает одну проститутку из каждых восьми тысяч своих жителей, второй - одну из каждых двадцати восьми тысяч.

Если исходить из численности населения, то Вермонт и Нью-Гэмпшир имеют почти такую же пропорцию, как и Мэн; Массачусетс превышает средний показатель, а Коннектикут - "страна устойчивых привычек" - имеет еще большее превышение. Нью-Джерси имеет самую большую долю среди всех штатов Союза, а Пенсильвания демонстрирует средний показатель по сравнению с Мэном. Южные и западные штаты имеют совсем немного представителей. О Нью-Йорке, родном штате, мы расскажем позже. Приведенные выше факты дадут материал для размышлений в сочетании с вопросом: "На основании какой гипотезы можно объяснить эти пропорции?"

Само собой разумеющийся ответ на этот вопрос заключается в том, что перевес восточных и средних штатов объясняется занятостью гораздо большей доли женщин на производстве и в сидячих профессиях. Молодая женщина с пылким темпераментом не может не чувствовать тяготы такого положения в жизни по сравнению с ее более благополучными сестрами в других штатах, и когда такая мысль однажды овладевает ее умом, она становится предметом постоянных размышлений. Таким образом, будучи уже предрасположенной к любым переменам, она попадает в руки искусителя податливой жертвой. Помимо тягот, связанных с ежедневным трудом, ассоциации, возникающие на фабриках или в мастерских, где работают представители обоих полов, очень часто приводят к плачевным последствиям для женщины. Несмотря на все заботы, которые могут быть предприняты со стороны

работодателей - а это предмет национальной гордости, что американские производители делают гораздо больше для повышения морального облика своих работников, чем тот же класс мужчин в других странах, - с моральной точки зрения невозможно полностью пресечь эти интимные отношения и предотвратить их разрушительные последствия. Изучите статистику нравственности в любом из промышленных городов Великобритании или континента Европы, и вы увидите те же результаты, но в более тревожной степени, потому что там надзор не только слаб сам по себе, но часто доверяется ненадлежащим лицам, чьи интересы часто прямо противоречат их обязанностям.

Несколько слов о штате Нью-Йорк. Количество проституток в пропорции к численности населения значительно превышает этот показатель в любом другом штате, *кроме Нью-Джерси*. Помимо влияния мануфактур, которые действуют здесь в той же степени, что и в других штатах, необходимо учитывать огромный морской бизнес Нью-Йорка, и постоянный поток иммигрантов и чужестранцев, проходящих через него. Это постоянно наполняет некоторые населенные пункты морями, людьми, о которых ходит поговорка "в каждом порту по жене", и многие из которых являются отъявленными завсегдатаями домов проституции. Это обстоятельство доказывает, что этот адский трафик подчиняется тем же правилам, которые регулируют коммерческие сделки, а именно: предложение должно быть пропорционально спросу. Если бы каким-то чудом всех моряков и чужестранцев, посещающих Нью-Йорк, можно было превратить в нравственных людей, то по крайней мере от половины до двух третей домов, пользующихся дурной славой, оказались бы абсолютными банкротами.

Постоянный поток иммигрантов оставляет после себя массу *мусора*, состоящего, прежде всего, из людей, праздных и порочных в своих странах, которые переносят свои пороки в страну своего усыновления и некоторое время после прибытия сюда посвящают все средства, которыми они располагают, разврату, чем существенно способствуют разрастанию потока безнравственности. Другая категория иммигрантов - женщины, многие из которых направляются сюда благотворительными (?) ассоциациями или государственными органами в других странах, как наиболее экономичный способ избавиться от них. Многие из этих женщин становятся матерями почти сразу после того, как высаживаются на этих берегах; более того, вероятность такого события иногда ускоряет их отъезд. Они живут здесь в самой убогой нищете в каком-нибудь доходном доме или лачуге. Их дети не получают никаких преимуществ образования, поскольку, как только они могут попрошайничать, их заставляют помогать в борьбе за хлеб, и чаще всего мальчиков арестовывают за мелкую кражу, а девочки становятся проститутками, тем самым способствуя удовлетворению спроса, вызванного уже упомянутыми классами.

Но, помимо этих иностранных детей, случайно родившихся в нашем штате, доля проституток из Нью-Йорка увеличивается благодаря возможности транзита из внутренних районов в город. Несомненно, есть много куртизанок из восточных и южных районов, которые находят дорогу в некоторые из крупных городов в своей части страны, и по тому же принципу, когда женщина в этом штате впадает в порочные привычки, ее естественным пристанищем является этот мегаполис. Помимо того, что он предлагает более широкий рынок для ее прелестей, нельзя упускать из виду и его преимущества как центрального места встречи для всей нации. Здесь проститутка может жить, пока ее привлекательность не угаснет, а значит, она легко доберется до любой южной или другой точки, где востребованы брошенные женщины. Несмотря на большое количество проституток, родившихся в пределах штата Нью-Йорк, нельзя согласиться с тем, что мы менее нравственны, чем наши соседи в других частях конфедерации.

То, что в стране, где хорошее образование доступно каждому, где промышленность, если ее правильно направить в нужное русло, обеспечит всем безбедное существование, где природных ресурсов достаточно, чтобы содержать почти половину жителей планеты, - это вопрос для самого серьезного рассмотрения, за которым должны последовать разумные и взвешенные меры, как законодательные, так и личные.

Вопрос. Вы родились за границей? Если да, то в какой стране?

Страны.	Числа
	.
Австрия	2
Бельгия	1
Британская Северная Америка	63
Дания	1
Англия	104
Франция	13
Германия	249
Ирландия	706
Италия	1
Польша	3
Пруссия	6
Саксония	2
Шотландия	52
Швейцария	17
Уэльс	1
Вест-Индия	4
На море	13
Всего родившихся за границей	1238

В отсутствие какой-либо удовлетворительной информации по этому вопросу часто отмечалось, и, как правило, считалось, что очень большое большинство проституток в Нью-Йорке имеют иностранное происхождение; но уже приведенные факты, а также несколько замечаний, которые будут сделаны в отношении приведенной выше таблицы рождений, значительно опровергают это мнение. Перечисление показывает, что только пять восьмых родились за границей, причем наибольшую долю составляют владения Великобритании. Соотношение, в котором несколько частей этого королевства снабжают Новый Свет куртизанками, можно выразить в круглых цифрах следующим образом: Ирландия предоставляет одну проститутку на каждые четыре тысячи своего населения; Британская Северная Америка - одну проститутку на каждые семь тысяч населения; Шотландия - одну проститутку на каждые шестнадцать тысяч населения; Англия и Уэльс - одну проститутку на каждые пятьдесят тысяч населения. Конечно, это можно понять, если отнестись ко всем проституткам, живущим сейчас в этом городе, предполагая, что средняя натуральность всех будет справедливо представлена в ответах, полученных от части.

Но эти цифры, основанные на численности населения нескольких стран, дают лишь весьма несовершенное представление о масштабах порока среди той части их народа, которая

обосновалась в Америке, и более удовлетворительное сравнение можно сделать на основе данных эмиграции. Если проанализировать количество прибывших за каждый год, начиная с момента организации Совета комиссаров по делам эмиграции и до конца 1857 года (период в десять лет), то окажется, что их число составляет в среднем двести тридцать тысяч в год, что дает пропорцию одна проститутка на каждые двести пятьдесят эмигрантов. Это основано на теории, что четвертая часть брошенных женщин ежегодно умирает или иным образом удаляется из города. Повторим этот факт более простыми словами: из каждых двухсот пятидесяти эмигрантов - мужчин, женщин и детей, - которые высаживаются в наших доках, по крайней мере одна женщина в конечном итоге становится известной проституткой.

Эта деморализация может быть объяснена несколькими способами. Между прибытием семей в порт отплытия и днем отплытия часто проходит длительный промежуток времени, и в течение этого времени они подвергаются всем пагубным влияниям, неизменно существующим в больших портовых городах, которые должны прививать порочные идеи молодым людям, недавно покинувшим уединенный уголок страны. Возьмем, к примеру, Ливерпуль, порт, откуда к нам прибывает наибольшее число эмигрантов, и где на каждые восемьдесят восемь жителей приходится одна проститутка, и удивительно будет не то, что так много зараженных, а то, что так много бежавших. Когда опасности города преодолены, другой источник безнравственности находится в плавании через Атлантику. Это занимает от одного до трех месяцев, в течение которых женщины обязательно находятся в постоянном общении с представителями другого пола и часто подвергаются сценам непристойности, слишком вопиющим, чтобы описывать их здесь; и это в дополнение к постоянным махинациям брошенных и беспринципных мужчин, которых можно найти в большем или меньшем количестве в команде и пассажирах каждого корабля. При таких обстоятельствах зародыш, заложенный в морском портовом городе, часто превращается в законный плод. Но когда корабль достиг своей гавани и морские опасности миновали, на суше его подстерегают опасности. Нынешние меры по высадке эмигрантов в Касл-Гардене устранили многие из самых неприятных моментов, которые раньше возникали при въезде в страну их усыновления, но многие из них все еще остаются. Если семья желает отправиться в глубь страны, она может сделать это немедленно; но если она остается в городе, она подвергается нежной милости эмигрантских пансионеров, как правило, самих уроженцев "старой страны", которые, будучи обманутыми по прибытии, компетентны и готовы практиковать такое же надувательство в отношении других. Не следует делать вывод, что все, кто занимается этим бизнесом, достойны такого огульного осуждения; многие из них, несомненно, честны, но нельзя отрицать, что другие все же придерживаются этого гнусного курса; и когда они истощают все ресурсы своих клиентов, они бросают их на произвол судьбы, чтобы те попрошайничали, или голодали, или грешили ради пропитания.

Той или иной из этих причин многие девушки обязаны своим разорением. Нет никаких сомнений в том, что большинство проституток иностранного происхождения в той или иной степени подвержены этому влиянию. Помимо этих, существуют и другие ловушки, постоянно расставленные для чужестранцев, о которых мы расскажем далее.

Вряд ли в рамках данного раздела стоит говорить о мерах, направленных на устранение названных зол. В первом случае у американского народа нет возможности вмешаться. Что касается второго, то необходимо преодолеть множество трудностей. Эмиграционные комиссары предприняли шаги для предотвращения некоторых из этих зол, и в результате их обращения в нынешний Конгресс был внесен законопроект, согласно которому любой офицер или матрос на эмигрантских судах должен вступать в половую связь с любой пассажиркой, как с ее согласия, так и без него.

Третье из названных зол - это местный вопрос, полностью зависящий от нас, и, рискуя предвосхитить тему, можно предположить, что наиболее эффективным способом его устранения будет организация плана, предлагающего молодым женщинам стимулы и возможности покинуть город и таким образом удалить их от его пагубного влияния в ту часть страны, где их собственный труд обеспечит им средства к безбедному существованию и добродетельной жизни. Удерживать в Нью-Йорке людей, которые ни за что не смогут найти работу в и без того переполненной сфере труда, и которые в конце концов должны будут согласиться зарабатывать на жизнь, жертвуя добродетелью, - плохая политика. Неважно, через какое агентство происходит их разорение - через притеснения содержателя пансиона, интриги разведывательного бюро или козни брошенных представителей своего пола. Деграция - неоспоримый факт, и расходов каждого горожанина, связанных с дополнительными расходами на полицейский надзор, суды, больницы и пенитенциарные учреждения, вероятно, будет достаточно, чтобы удалить из города многих, кто развратничает из-за отсутствия возможности уехать. Гораздо лучше в первую очередь попробовать систему профилактики, и это, вероятно, будет успешным во многих случаях; в то время как любой реформаторский план почти бесполезен там, где Рубикон уже перейден.

Вопрос. Как долго вы проживаете в Соединенных Штатах?

Продолжительность проживания. Числа

По адресу	2	месяцев	9
"	3	"	11
"	6	"	21
"	1	год	75
"	2	года	159
"	3	"	99
"	4	"	83
"	5	"	106
"	10	"	352
10 лет и старше			292
От рождения			762
Неизвестно			31
	Всего		2000

В тесной связи с темой происхождения проституток в Нью-Йорке находятся ответы на вышеупомянутый вопрос. Если вычесть число уроженок, то окажется, что пятьсот шестьдесят три, или более сорока пяти процентов иностранцев, прожили в Соединенных Штатах менее пяти лет; и из этого числа сто пятнадцать, или почти двадцать один процент, прожили здесь менее одного года. Эти средние показатели в некоторой степени подтверждают уже высказанное мнение о том, что значительная часть проституток Нью-Йорка была соблазнена либо до отъезда из порта отправления, либо во время путешествия, либо очень скоро после прибытия сюда, когда они сразу же приступили к практике, которая вынуждает их в конечном итоге стать бременем для общества, платящего налоги. В большинстве случаев это должно быть результатом их карьеры; последовательное падение с одной ступени их жалкой жизни на более низкую в конце концов приводит их в тюрьмы или больницы города, на расходы которых ни их денежные способности, ни их труд никогда не вносили ни фартинга. Таким

образом, их содержание ложится на плечи работающего населения - аргумент в долларах и центах, который не останется без влияния при рассмотрении многочисленных зол проституции.

Остальные пятьдесят пять процентов, прожившие в Соединенных Штатах более пяти лет, по закону имеют право на получение любой помощи, которую могут потребовать их нужды, из местных фондов, но среди них есть и те, кто, несомненно, был приписан к государственным учреждениям до истечения требуемого срока проживания, как, несомненно, есть и те, кто, чтобы получить помощь, дает ложные показания о времени своего прибытия. Исходя из достоверных фактов, можно без преувеличения утверждать, что от восьмидесяти до ста тысяч долларов в год составляет сумма, которую граждане Нью-Йорка вносят на содержание иностранцев, проживших в Соединенных Штатах менее пяти лет. Предотвратить это невозможно, если не игнорировать требования страдающего человечества. Конечно, мысль о том, что больного или нетрудоспособного мужчину или женщину можно бросить на произвол судьбы, не может возникнуть ни на минуту. Если они нуждаются или испытывают боль, все веления нашей природы требуют, чтобы им была оказана помощь. Но можно предложить тем, кто заинтересован в вопросе местного налогообложения, оказать незамедлительную помощь любому практически осуществимому плану, который уменьшит количество пороков и, следовательно, сократит расходы, вытекающие из них, например, тщательно разработанному плану по защите эмигрантов от развращающего влияния и направлению обездоленных в районы, где можно найти работу. О моральных последствиях такого плана нет необходимости говорить, так как они очевидны; в его успешной работе и конечной экономии можно почти не сомневаться.

Вопрос. Как долго вы проживаете в штате Нью-Йорк?

Продолжительность проживания.			Числа
.			
По адресу	2	месяцев	35
"	3	"	20
"	6	"	43
"	1	год	132
"	2	года	186
"	3	"	152
"	4	"	110
"	5	"	127
"	10	"	374
10 лет и старше			433
От рождения			353
Неизвестно			35
Всего			2000

Вопрос. Как долго вы проживаете в Нью-Йорке?

Продолжительность проживания.	Числа
-------------------------------	-------

Ниже	2	месяцев	46
"	3	"	30
"	6	"	56
"	1	год	140
"	2	года	236
"	3	"	189
"	4	"	128
"	5	"	135
"	10	"	388
10 лет и старше			427
От рождения			185
Неизвестно			40
	Всего		2000

Эти таблицы не требуют комментариев. Внимание читателя может быть обращено только на тот факт, что триста девяносто четыре женщины уже были зарегистрированы как родившиеся в штате Нью-Йорк, из которых триста пятьдесят три проживали в его пределах постоянно с момента своего рождения и что сто восемьдесят пять, или почти половина, были уроженками Нью-Йорка и проживали в нем со дня своего рождения. Один этот факт свидетельствует о том, что влияние столичной жизни не слишком благоприятно для развития женской нравственности.

Вопрос. Что побудило вас эмигрировать в Соединенные Штаты?

Причины.	Числа.
Приехали в качестве стюардесс	2
Сбежали из дома	18
Плохое отношение родителей	34
Пришли со своими соблазнителями	39
Пришли, чтобы улучшить свое состояние	411
Посланы родителями или друзьями	81
Приехали с родственниками или присоединились к родственникам уже в Соединенных Штатах	619
Особая причина не указана	34
Всего иностранцев	1238

Из этой таблицы видно, что большинство проституток иностранного происхождения были вынуждены эмигрировать в Соединенные Штаты либо по соображениям политики - четыреста одиннадцать человек назвали своей причиной желание улучшить свое положение в жизни, либо из-за семейных связей - шестьсот девятнадцать человек прибыли с родственниками и друзьями, или с целью присоединиться к родственникам и друзьям, уже находящимся в этой стране.

Никто из тех, кто знаком с этой темой, не станет отрицать, что основная причина эмиграции всегда кроется в сравнительной трудности зарабатывания средств к существованию в месте рождения эмигранта и надежде на лучшее в чужой стране; этот вывод подтверждается тем фактом, что благополучный год в Европе сдерживает прибытие сюда, и *наоборот*.

Вмешиваться в сложную проблему труда и оплаты в Старом Свете было бы неуместно, но можно отметить, что, как бы плохо ни оплачивались многие отрасли женского труда у нас, в Англии они оплачиваются еще хуже. Ссылка на предыдущую главу, посвященную причинам проституции в этой стране, сразу же подтвердит этот факт, а приведенные в ней примеры оплаты труда в Лондоне снимут всякое удивление по поводу того, что эта страна должна быть вместилищем недоплачиваемых работниц или что надежда на более высокую зарплату должна быть достаточно сильной, чтобы разорвать все связи с местом рождения и домом. Но многие из этих обедневших женщин фактически зависели от друзей, которые платили им деньги за проезд, и, следовательно, прибыли сюда почти буквально без гроша в кармане, с очень небольшими перспективами получить работу, и часто с единственной альтернативой, которая была у них до приезда сюда: они должны принять ее или умереть с голоду.

Другой класс называет причиной высылки дурное обращение родителей, что само по себе является весомой причиной проституции при любых обстоятельствах, но тем более, когда в результате этого девушка оказывается на расстоянии четырех тысяч миль от дома.

Из рассмотрения только этих причин становится очевидным, что, как бы хорошо они ни были подготовлены физически и морально, чтобы внести свою лепту в процветание Соединенных Штатов, если бы их усилия были направлены должным образом, тем не менее обстоятельства, при которых эти женщины эмигрировали, были настолько неудобными, что сделали их легкой жертвой для тех, чье особое дело, похоже, заключается в том, чтобы заманивать в ловушку беззащитных и несчастных людей.

Эту тему можно продолжить, обратившись к следующей таблице, в которой приведены ответы на следующие вопросы

Вопрос. Получали ли вы какую-либо помощь, и если да, то в каком размере, чтобы иметь возможность эмигрировать в Соединенные Штаты?

Сумма помощи.				Числа.
Оплачивали свои расходы сами				262
Получили	помощь,	сумма не указана		618
Полученная	помощь,	\$20	каждый,	89
"	"	25	"	94
"	"	30	"	43
"	"	35	"	15
"	"	40	"	24
"	"	45	"	6

"	"	50	"	28	
"	"	55	"	3	
"	"	60	"	12	
"	"	65	"	2	
"	"	70	"	2	
"	"	75	"	2	
"	"	100	"	12	
"	"	110	"	1	
"	"	120	"	3	
"	"	140	"	2	
"	"	150	"	3	
"	"	175	"	1	
"	"	180	"	2	
"	"	200	"	5	
"	"	220	"	1	
"	"	250	"	2	
"	"	300	"	4	
"	"	400	"	1	
"	"	600	"	1	
Итого				976	262
				--	976

Всего проституток иностранного происхождения 1238

Оказывается, только двести шестьдесят два человека, или около одной пятой от общего числа, сами заплатили за проезд, остальные получили денежную помощь на эти цели в размере от неуказанной суммы, которая, по всей вероятности, не превышала положительных расходов на путешествие, до шестисот долларов. Следует заметить, что большинство получило не более сорока долларов на каждого: восемьсот восемьдесят три человека из числа тех, кому была оказана помощь, заявили, что она не превышала этой суммы. Конечно, это была очень недостаточная сумма, чтобы оплатить расходы на снаряжение и путешествие через Атлантику, а затем содержать человека в чужой стране, пока не будет найдена работа; особенно если она была одной из семьи, каждый член которой имел такую же настоятельную необходимость в работе, как и она сама. Эти замечания могут показаться несовместимыми с опубликованными в 1856 году отчетами о количестве денег, привезенных в эту страну иммигрантами; но можно предположить, что, хотя эти отчеты и дают точное представление о сумме, которой располагали все пассажиры определенного судна, они совершенно умалчивают о количестве обездоленных. Они лишь подтвердили то, что было общепризнано в течение последних трех-четырёх лет, а именно, что среди прибывающих иммигрантов много тех, кто располагает значительными денежными средствами. Но не нужно долго размышлять, чтобы убедить любого, что если семья привезет с собой свободные средства, она как можно скорее покинет Нью-Йорк в поисках места, где их можно выгодно применить. Это тем более вероятно, что сам факт обладания капиталом доказывает, что дома у них были привычки к промышленности и экономии, которые вряд ли покинут их, когда они достигнут Нового Света. Совокупность фактов, касающихся имущества, не затрагивает единичных

случаев бедности, наиболее опасных для общества, поскольку люди, вынужденные оставаться в городе из-за отсутствия средств, чтобы покинуть его, не только пополняют длинный список нищих, но и находятся в обстоятельствах, которые могут существенно повлиять на них, чтобы стать проститутками, и подстегнуть их к этому или любому другому пути, который может дать передышку от голодной смерти.

Следующая таблица подтверждает эту теорию; она состоит из ответов на другую часть того же вопроса

Вопрос. Получали ли вы какую-либо помощь, и если да, то от кого, для того чтобы вы могли эмигрировать в Соединенные Штаты?

Кем была оказана помощь.	Числа.	
Оплатили собственные расходы	262	
Родственники или друзья	805	
Денежными переводами от родственников или друзей в США	100	
Украли деньги у своих друзей	34	
Соблазнитель	28	
Государственными органами	9	
Итого	976	262
	--	976
Всего проституток иностранного происхождения	1238	

Как правило, стороны, которым оказывалась помощь, вряд ли давали какую-либо сумму сверх того, что было абсолютно необходимо. Даже эта сумма, возможно, была бы уменьшена до окончания плавания, если бы оно оказалось длительным и провизия пассажиров была бы исчерпана, поскольку на борту каждого судна есть люди, готовые продать продукты питания по ценам, в три-шесть раз превышающим их стоимость, и готовые также удовлетворить спрос на бренди или табак. Если проанализировать ответы на три вопроса, которые рассматривались в этом разделе, то окажется, что высказанные мнения являются законными выводами из предпосылок. Их можно изложить следующим образом: Большинство иммигрантов, которые впоследствии становятся проститутками в Нью-Йорке, были почти нищими в своей стране; они прибывают сюда, не имея практически никаких средств к существованию; их бедность делает их особенно склонными поддаться искушению, если, конечно, многие из них не пали раньше. Таким образом, если мы не принимаем их как проституток, когда они достигают наших берегов, мы принимаем их в состоянии, в котором они немедленно становятся таковыми ради пропитания.

Вопрос. Умеете ли вы читать и писать?

Степень образованности.	Числа
	.
Умею хорошо читать и писать	714
Умеют читать и писать плохо	546
Может только читать	219
Необразованные	521

Семьсот четырнадцать женщин, прошедших обследование в Нью-Йорке, заявили, что умеют *хорошо* читать и писать. Это не должно рассматриваться как доказательство того, что они получили высшее или даже среднее образование, но это фраза, которую можно интерпретировать как то, что они могут без особых проблем прочитать страницу печатного текста и подписать свое имя, хотя правда заставляет признать, что их письмо очень часто представляет собой разновидность чистописания, чрезвычайно сложную для расшифровки. За пределы этих навыков продвинулись очень немногие, едва ли один из каждых пятисот. Пятьсот сорок шесть человек умеют читать и писать, что можно определить как средний уровень образования между уже описанным объемом знаний и состоянием полного невежества; в сущности, этого достаточно, чтобы избавить их от подозрений в полной неграмотности, что является единственным преимуществом, на которое они могут претендовать перед двумястами девятнадцатью, умеющими *только читать*, или пятьюстами двадцатью одним, признавшимися, что *не умеют ни читать, ни писать*. В целом можно не сомневаться, что проститутки Нью-Йорка считают, что "там, где невежество - блаженство, глупо быть мудрым". Эти замечания сделаны на основе наблюдений за этим классом во время долгого пребывания в больнице.

Но, если говорить серьезно, такое состояние невежества весьма плачевно. Чтобы дать представление о возможностях получения образования в различных странах, из которых к нам попадают эти проститутки, приводим следующие данные переписи населения Соединенных Штатов за 1850 год^[381]:

Соотношение лиц, получающих образование, следующее:

Соединенные Штаты,	1	на	каждый	5	из	всего населения	население.
Дания,	1	"	"	5	"	"	"
Швеция,	1	"	"	6	"	"	"
Пруссия,	1	"	"	6	"	"	"
Норвегия,	1	"	"	7	"	"	"
Великобритания,	1	"	"	8	"	"	"
Франция,	1	"	"	10	"	"	"
Австрия,	1	"	"	13	"	"	"
Голландия,	1	"	"	14	"	"	"
Ирландия,	1	"	"	14	"	"	"

Ниже приведена справедливая средняя оценка уровня образования местных проституток и проституток иностранного происхождения:

Степень образования.	Туземцы.	Иностранцы.
Умеет хорошо читать и писать	25 на процентов.	10 на процентов.
"" "" "несовершенно	50 " "	50 " "
Необразованные	25 " "	40 " "
	100	100

Среднее количество образовательных учреждений в Соединенных Штатах составляет один к пяти, в европейских странах - один к десяти. Другими словами, каждая жительница этой

страны имеет вдвое меньше возможностей для получения образования, чем рожденные в Старом Свете: возможностей, которые, по крайней мере, в случае с этими женщинами, не были улучшены в полной мере. Среди тех, кто утверждает, что хорошо образован, в Соединенных Штатах больше, чем в среднем. В классе несовершенно образованных иностранцы составляют половину от их числа, а превосходные преимущества этой страны дают точно такую же долю. Пропорция необразованных не намного благоприятнее среди местных жителей, чем среди иностранцев. Однако в этом расчете необходимо сделать некоторые поправки на тот факт, что многие дети иностранного происхождения прибывают сюда в раннем возрасте и получают образование в американских учебных заведениях; но даже это незначительно влияет на упомянутую диспропорцию. Но никакое изменение фактов не может быть достаточным для оправдания небрежности родителей или друзей одной четвертой части коренных проституток в этом городе в настоящее время, когда образование можно получить буквально "без денег и без цены".

Сектантский фанатизм должен нести ответственность за большую часть этих преступлений. "Если наши дети не могут получать образование так, как мы хотим, они не должны получать его вообще. Если они не должны читать те книги, которые мы хотим, они никогда не выучат алфавит", - так, если не на словах, то на деле, говорят сегодня тысячи людей в этой стране. Каковы же результаты этой жестокой политики? Дети уходят в мир: мальчики - зарабатывать на жизнь в поте лица своего; девочки - обречены на самую подневольную работу в любой семье, где их глупость может найти приют, пока не встретят человека своего умственного калибра, за которого выйдут замуж и тут же воспитают своих несчастных детей в том же духе, в каком воспитывали их самих. Это самый светлый взгляд на будущее невежественных детей; более мрачные оттенки запечатлены в анналах порока и преступности - их можно ежедневно видеть в наших тюрьмах, больницах, богадельнях и усыпальницах для нищих.

Картина не преувеличена; не оправдывает родителей и столь распространенный в нынешнем поколении ответ: "Это дети иностранцев"; ведь даже если все необразованные туземки, отвечавшие на эти вопросы, родились от иностранцев - факт, который необходимо доказать, прежде чем признать, но который мы не склонны признавать, - все же они родились на нашей земле, где для них были открыты государственные школы, и их интеллект повысил бы кредит страны в той же пропорции, в какой его снижает их невежество. Любовь к своей стране, ее институтам и славе - не слишком ли многого можно требовать от родителей, получающих свое содержание из ее ресурсов. Это клевета на родительский инстинкт (его нельзя назвать чувством), если позволить любому ребенку в Соединенных Штатах достигнуть зрелости, не получив хорошего простого, основательного образования. Отцы или матери, которые придерживаются подобного курса, сочли бы себя несправедливо обвиненными, если бы им сказали, что они готовят своих дочерей к тому, чтобы те стали проститутками, но таков факт. Вряд ли можно представить себе что-либо, способное так сбить женщину с пути истинного, как невежество, соединенное с убеждением, что это невежество является непреодолимым препятствием на пути ее жизненного прогресса; оно толкает ее к опьянению, чтобы утопить свои размышления, а от опьянения к проституции переход легок и почти не вызывает сомнений.

Таким образом, каждый год в общество выбрасывается множество молодых женщин без малейшего образования; они не обучены добру и пригодны только для зла. Не зная своих обязанностей по отношению к себе или к миру; с чувствительностью, бездушной из-за того, что ее никогда не культивировали; с способностями, находящимися на одном уровне с низшими животными по той же причине, они, как ожидается, преуспеют в жизни! Взять человека, который никогда не видел парового двигателя, и дать ему управление

локомотивом и вагонами, не предвидя несчастного случая, было бы так же непротиворечиво, как в наше время знаний предполагать, что необразованный мужчина или женщина сможет стать уважаемым и полезным членом общества.

Если бы наши либеральные возможности для образования были должным образом улучшены, многое было бы сделано для предотвращения порока проституции. Для этого не требуется классического или экстраординарного обучения; просто здравый смысл, правильно воспитанный, и совесть, просвещенная и развитая, чтобы понять разницу между добром и злом, сделают многое, чтобы помочь женщине пройти невредимой через испытания, которые постоянно губят невежественных.

Иногда возникает вопрос, не следует ли сделать образование детей обязательным для родителей. Сейчас не место обсуждать эту тему, но приведенные ниже статистические данные покажут, до какой степени эта обязанность игнорируется.

Перепись населения Соединенных Штатов за 1850 год сообщает:

Население Нью-Йорка	515,547
Доля населения в возрасте от пяти до пятнадцати лет	101,006
Дети, посещающие школу	76,685
Процент детей, посещающих школу	75 ⁹ /10

Перепись населения штата Нью-Йорк за 1855 год:

Население Нью-Йорка	629,904
Доля населения в возрасте от пяти до пятнадцати лет	116,627

Данные о количестве учащихся в школах не приводятся, и их приходится искать в других источниках. В отчете Совета по образованию за 1856 год указано, что средняя дневная посещаемость приходских или государственных школ составляла 44 598 человек. В том же документе приводятся данные, на основании которых можно рассчитать посещаемость религиозных, корпоративных и других государственных школ, но ничего не говорится о частных школах. Однако приблизительную оценку последних можно сделать с помощью переписи населения Соединенных Штатов. В 1850 году пропорция составляла примерно один частный ученик на каждые двенадцать государственных, и с тех пор это соотношение, вероятно, мало изменилось.

Исходя из этих фактов, можно предположить, что приведенные ниже данные являются достаточно верными:

Средняя посещаемость государственных школ	44,598
Двадцатипроцентная поправка на отсутствующих, чьи имена занесены в школьные реестры, но посещающих школу нерегулярно	8,920
Корпоративные школы, получающие	7,517

государственную помощь	
""без"" (оценка)	10,000
Частные школы"	6,000
Общее количество детей, посещающих школу	77,035

Таким образом, школу посещают шестьдесят шесть процентов населения в возрасте от пяти до пятнадцати лет, что на десять процентов меньше, чем в 1850 году.

То, что пропорциональное число получающих образование уменьшается, можно доказать одним фактом. В 1856 году в государственных школах обучалось на 347 учеников больше, чем в 1855 году. За последние пятнадцать лет население города увеличивалось более чем на двадцать тысяч человек в год, и из этого прироста примерно одна пятая (или четыре тысячи) приходится на возраст от пяти до пятнадцати лет. Из этого следует, что в 1856 году в Нью-Йорке было на четыре тысячи детей больше по сравнению с 1855 годом, но в государственных школах обучалось всего 347 человек. Если допустить, что другие школы получили такой же прирост учеников - а это более либеральное допущение, чем можно было бы предположить на основании фактов, - то было бы обеспечено образование только семисот учеников, в результате чего три тысячи триста остались бы без обучения.

В течение 1856 года внимание Совета по образованию было обращено на большое количество детей, не посещающих школу, и на основании частичной переписи населения города было принято решение, что их количество составляет шестьдесят тысяч. Было признано, что это завышенная оценка. Согласно приведенным выше цифрам, их число составляет 39 594, что, скорее всего, ближе к истине; но даже это может оказаться завышенным, и, чтобы учесть все возможные случайности, мы оценим их в тридцать тысяч. Даже такое заявление вызывает тревогу: предположение о том, что из всех детей нашего города почти двадцать семь процентов растут в состоянии совершенного невежества, наводит на такие страшные мысли, что разум восстает против самой возможности. Но факты не допускают иного толкования. Если это преступное пренебрежение будет продолжаться, оно должно привести к фатальным последствиям для общества, и вид надвигающихся результатов почти санкционирует обязательное образование"[382].

Вопрос. Вы одиноки, женаты или вдовцы?

Состояние.	Числа
	.
Холост	1216
Женатый	490
Вдовы	294
Всего	2000

Гражданское положение проституток в Нью-Йорке представляет собой предмет серьезного рассмотрения, учитывая незначительные ограничения, которые обычно принятые правила общества накладывают на страсти, и полную неэффективность таких правил для противодействия влияниям, ведущим к деградации женщин; влияниям, которые они очень часто скорее усиливают, чем сдерживают. В случаях со многими женщинами, о которых сейчас пойдет речь, брак был не только наделен санкциями гражданского договора между сторонами, признанного законами штата, но и, согласно догматам Римско-католической

церкви, рассматривался как одно из семи святых таинств, нарушение которых считается святотатством. Тем не менее, перед лицом этих постановлений гражданский договор нарушается, таинство оскверняется в одной четвертой от общего числа случаев, или в четырехстах девяноста случаях из двух тысяч, о которых сейчас пойдет речь. Было бы неуместно вдаваться здесь в какие-либо рассуждения об обязанностях супружеского состояния; в своих злоупотреблениях оно рассматривается как провокация к проституции, о чем речь пойдет ниже. Запрещенный предписаниями Священного Писания, поддерживаемый настроениями всего мира и уважаемый всеми добродетельными людьми, брак является институтом, который не нуждается в аргументах, чтобы подтвердить свои претензии на самое строгое соблюдение.

То, что этот священный договор слишком часто нарушается одной или другой из договаривающихся сторон, доказывает почти ежедневный опыт либо в судах, либо в общении с миром. Противоречивые свидетельства иногда заставляют сомневаться в том, кому следует вменить вину, но не может быть никакой неопределенности в том, какого мнения придерживается общество в целом в таких случаях. Если муж виновен в нарушении супружеских обязанностей, он читает все доказательства, графически изложенные, с небольшими приукрашиваниями, в колонках ежедневных газет, льстит себе, что приобретает дурную славу, поздравляется друзьями своих пристрастий с успехом и через некоторое время полностью восстанавливает свое прежнее положение в обществе. Напротив, если все улики против жены, на ее голову обрушивается вся артиллерия мирового презрения. Она изгнана из общества, раздавлена горделиво-добродетельными взглядами своего пола и презрительными насмешками другого. Оскорбленная и презираемая, она слишком часто не имеет иного средства к существованию, кроме беспорядочной проституции, причем искушение к такой деградации усугубляется сознанием своей прежней неверности и ее результатов. Для нее не существует возможности спасения. Нравственный мир решил, что она не покается, и малейшая попытка с ее стороны искупить ошибку, о которой она скорбит со всей силой своей натуры, наталкивается на суровое сопротивление добродетельного негодования общества, которое воздвигает непроходимый барьер между ней и ее надеждами на исправление.

Из всех проституток Нью-Йорка тысяча двести шестнадцать никогда не были замужем. Их грех тем меньше, что им не приходится отвечать за нарушенные клятвы, не приходится терпеть оскорбленное доверие, а приходится терпеть только грех и одиозность, связанные с их нынешним состоянием. Двести девяносто пять проституток овдовели. В их случаях смерть положила конец брачному контракту, и, оставшись наедине с собой, они находятся почти в том же положении, что и одинокие женщины.

Изучение происхождения этих женщин показывает, что около трети незамужних и замужних проституток - уроженки Соединенных Штатов, а среди вдов около половины родились в этой стране.

Может возникнуть вопрос о причинах развращенности замужних женщин и значительной доли вдов в рядах брошенных. Безусловно, одной из главных, если не главной причиной, которую можно назвать, является очень ранний возраст, в котором заключаются такие браки. Молодые люди поддаются сиюминутному порыву, признают очарование человека, с которым они познакомились на балу или в общественном месте, и вступают в брак, очень плохо зная характер друг друга, мало задумываясь о вероятных результатах союза и слабо представляя себе обязательства, которые они берут на себя. Это было мудрое постановление, как с физической, так и с моральной точки зрения, которое установило самый ранний срок вступления в брак в древней Германии в двадцать пять лет и объявило

союз недействительным, если стороны не достигли этого срока жизни; не пострадает и мораль Нью-Йорка, если подобное ограничение станет правилом, а не исключением здесь. Прилагаемые случаи, выбранные случайным образом из полученных ответов, представлены в поддержку этого мнения.

Е. С., которой сейчас девятнадцать лет, является замужней женщиной, которая прожила отдельно от своего мужа пять лет, и, следовательно, должна была выйти замуж в возрасте менее четырнадцати лет. К. У., которой сейчас двадцать один год, уже пять лет как вдова, а замуж она вышла в пятнадцать лет. А. С. вышла замуж в шестнадцать, а Э. Р. - в пятнадцать. К. К., которой сейчас двадцать восемь лет, вдова более двенадцати лет. К. Г., двадцати четырех лет, вдова уже семь лет. Общим этим женщинам не исполнилось и шестнадцати, когда они вышли замуж. Этот список можно продолжать до бесконечности.

В этом разделе приводится следующий вопрос, являющийся продолжением той же ветви темы.

Вопрос. Если вы замужем, живет ли ваш муж с вами, или что стало причиной разлуки?

Причины.	Числа.	
Живем вместе	71	
Недобросовестное использование мужей	103	
Дезертирство"	60	
"""" жить с другими женщинами	43	
Распутство	45	
Мужья уходили в море	39	
"Отказались их содержать	29	
Неверность	25	
Причина не установлена	75	
Итого	419	71
	--	419
Совокупность замужних женщин	490	

Самый поразительный и болезненный факт в этих ответах раскрывается в первой строке таблицы, где содержится сообщение, настолько позорное для человечества, что, если бы не положительные доказательства, приведенные в цифрах, ему едва ли можно было бы поверить, а именно: из четырехсот девятнадцати замужних женщин, живущих сейчас проституцией, семьдесят одна (более одной седьмой) сожительствует со своими мужьями. Невозможно оспорить тот факт, что такое сожительство обязательно подразумевает знание о деградации жены и участие в расплате за ее позор. Никакие аргументы, какими бы правдоподобными они ни были, не смогут избавить общественное сознание от убеждения, что мужчина гораздо более виновен из них двоих, и он не может избежать подозрения, что он был главным агентом в вовлечении своей жены в проституцию, или, говоря юридическим языком, он был "соучастником перед фактом". Хотя такое соображение не оправдывает женщину от ее преступлений, оно может быть справедливо использовано в качестве оправдания; хотя оно не докажет ее вину, оно опустит его на самые низкие глубины позора.

В большинстве случаев причиной разрыва отношений является поведение мужей; двести тридцать пять из четырехсот девятнадцати женщин называют следующие причины:

Мужья отказались содержать своих жен	29
"бросили своих жен	60
"""" жить с другими женщинами	43
Недобросовестное отношение мужей	103
Всего	235

Случаи, когда отвечали "невоздержанность", "неверность" или "причина не указана", неясны и могут быть истолкованы как обвинение одной из них или обеих.

Достаточно доказано, что во многих случаях проституция среди замужних женщин является результатом обстоятельств, которые должны были оказать на них очень сильное влияние. Отказ мужа содержать жену, его уход от нее или акт прелюбодеяния с другой женщиной - все эти события должны пагубно влиять на разум любой женщины, а острая пытка, которой подвергается чувствительность ее натуры, должна подтолкнуть ее к распущенности. Многие женщины, оказавшиеся в подобном положении, признавались, что сделали первый неверный шаг, когда опомнились от ран, нанесенных их естественными защитниками, с мыслью отомстить своим жестоким или неверным спутникам за их недоброжелательность. Мораль утверждает, и очень справедливо, что это не оправдание преступлению; но следует учесть крайний характер провокации и тот факт, что большинство этих женщин необразованны и не имеют достаточного умственного или нравственного просвещения, чтобы правильно рассуждать о природе и последствиях своего добровольного распутства или даже сдерживать насилие своих страстей.

"Злоупотребление мужьями", преступление, особенно распространенное в Англии и, по-видимому, быстро становящееся естественным здесь, также является важной причиной порока и не может быть осуждено слишком резко. Оно наносит удар по корням социальной структуры и должно неизменно осуждаться как в силу своей чудовищности как преступления, так и в силу почти неизбежных последствий для женщины - чувства деградации, за которым слишком часто следует жертва правильности как единственного средства избежать такой жестокой тирании. Не выступая за смертную казнь, можно задать вопрос, не выиграет ли наш город, если всех таких нелюдских преступников против приличий будут судить присяжные, состоящие из замужних женщин, и вешать без участия духовенства.

Следующая таблица завершает этот раздел:

Вопрос. Если вы овдовели, как давно умер ваш муж?

Продолжительность времени. Числа.

Под	6	недель	2
"	3	месяцы	6
"	6	"	8
"	7	"	1
"	8	"	2
"	1	год	22
"	2	года	30
"	3	"	38
"	4	"	33

"	5	"	24
"	6	"	21
"	7	"	17
"	8	"	18
"	9	"	16
"	10	"	13
10 лет и старше			32
Время не указано			11
Всего			294

Как видно, девятнадцать проституток были вдовами менее одного года, двадцать две - один год, тридцать - два года, и так по всей шкале. Эта таблица не требует особого внимания, и главный вывод, который можно из нее сделать, заключается в том, что большинство представителей этого класса становятся жертвами порока из-за безденежья, наступающего после смерти мужа. Было показано, что многие из них очень молоды, и вряд ли стоит повторять, что любая молодая женщина в состоянии бедности будет окружена соблазнами, которым она с трудом может противостоять. Как бы ни сожалели о таком состоянии общества, его существование нельзя отрицать.

Вопрос. Были ли у вас дети?

Состояние Женщины.	Ответы.		Всего Женщины.
	Да.	Нет.	
Одиночка	357	859	1216
Женат	357	133	490
Вдовы	233	61	294
Итого	947	1053	2000

Женщины, ответившие на этот вопрос утвердительно, следующие

Одинокие женщины	357,	или	30	процентов.
Женатые	"	357,	"	73
Вдовы	"	233,	"	79

В продолжение этой темы

Вопрос. Если у вас были дети, то сколько?

Количество Женщины.	Состояние женщин.	Количество Родившихся детей.
357	Одинокие женщины	490
357	Замужние женщины	791

233

Вдовы

636

947

Женщины были
матерями

1917

В ответах приводится общее число детей, рожденных каждой категорией: так, незамужние женщины родили четыреста девяносто одного ребенка, замужние - семьсот девяносто одного, вдовы - шестьсот тридцать шесть детей. В следующих таблицах те же факты представлены в более развернутом виде, с указанием количества детей, рожденных каждой женщиной, и уточнением пола.

Вопрос. Если у вас были дети, то сколько?

ОТВЕТЫ ОДИНОКИХ ЖЕНЩИН.

Число из женщин .		Приходится на каждую.			Итого.			Совокуп ность.
		Мальчи ки.	Девочки .	Аборты.	Мальчи ки.	Девочки .	Аборты.	
1	Мать.	8	2		8	2		10
2	Матери.	3	3		6	6		12
2	"	2	3		4	6		10
1	Мать.	1	4		1	4		5
1	"	3	2		3	2		5
1	"	1	3		1	3		4
1	"	4			4			4
1	"	3	1		3	1		4
5	Матери.	2	1		10	5		15
6	"	1	2		6	12		18
3	"	3			9			9
2	"		3			6		6
33	"	1	1		33	33		66
4	"		2			8		8
17	"	2			34			34
150	"	1			150			150
99	"		1			99		99
27	"						27	27
1	Мать.			4			4	4
357					272	187	31	490

ОТВЕТЫ ЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН.

Количес тво из		На кого приходится каждая.			Итого.			Совокуп ность.
		Мальчи ки.	Девочки .	Аборты.	Мальчи ки.	Девочки .	Аборты.	

женщин

.							
1	Мать.	7	8	7	8		15
2	Матери.	7	7	14	14		28
1	Мать.	7	6	7	6		13
1	"	8	4	8	4		12
1	"	6	6	6	6		12
1	"	4	6	4	6		10
1	"	5	4	5	4		9
2	Матери.	4	4	8	8		16
2	"	3	4	6	8		14
1	Мать.	7		7			7
1	"	2	4	2	4		6
6	Матери.	4	2	24	12		36
3	Матери.	2	3	6	9		15
7	"	3	2	21	14		35
5	"	4	1	20	5		25
3	"	4		12			12
8	"	2	2	16	16		32
7	"	3	1	21	7		28
5	"		3		15		15
11	"	3		33			33
11	"	1	2	11	22		33
23	"	2	1	46	23		69
4	"	1	1	4	4		8
28	"		2		56		56
28	"	2		56			56
74	"		1		74		74
115	"	1		115			115
4	"					4	4
1	Мать.			3		3	3
357				459	325	7	791

ОТВЕТЫ ВДОВ.

Количес тво из женщин .	Приходится на каждую.			Итого.			Совокуп ность.
	Мальчи ки.	Девочки .	Аборты.	Мальчи ки.	Девочки .	Аборты.	

1	Мать.	6	4	6	4	10
3	Матери.	5	4	15	12	27
2	"	6	3	12	6	18
1	Мать.	6	2	6	2	8
6	Матери.	3	4	18	24	42
1	Мать.	5	3	5	3	8
4	Матери.	3	3	12	12	24
1	Мать.	5	1	5	1	6
1	"	2	4	2	4	6
1	"	4	2	4	2	6
9	Матери.	3	2	27	18	45
5	"	2	3	10	15	25
2	"	4	1	8	2	10
1	Мать.	1	4	1	4	5
1	"	5		5		5
3	Матери.	4		12		12
9	"	2	2	18	18	36
4	"	1	3	4	12	16
1	Мать.	3	1	3	1	4
4	Матери.		3		12	12
10	"	3		30		30
11	"	1	2	11	22	33
20	"	2		40		40
47	"	1	1	47	47	94
30	"		1		30	30
40	"	1		40		40
1	Мать.		2		2	2
233				369	265	2 636

Начиная с потомства одиноких женщин, можно заметить, что одна из них была матерью десяти детей, восьми мальчиков и двух девочек. Две женщины родили по шесть детей. Четыре родили по пять детей. Три родили по четыре ребенка . Шестнадцать родили по три ребенка. Пятьдесят четыре родили по два ребенка. Двести сорок девять родили по одному ребенку. Двадцать семь женщин перенесли аборт один раз, а одна - четыре раза. В соответствующих таблицах для замужних женщин и вдов аналогичные факты представлены в той же форме. Нет необходимости приводить их, так как цифры дают всю необходимую информацию. Результаты можно подытожить следующим образом:

	Мальчики.	Девочки.	Аборты.	Итого.
357 одинокие женщины скучают	272	187	31	490
357 женат""	459	325	7	791
233 вдовья нора	369	265	2	636

947	1100	777	40	1917
-----	------	-----	----	------

Превышение числа рождений мужчин над числом рождений женщин, 223.

Отношение превышения к общему числу родившихся, 11^{(6)/10}процентов.

Следующим пунктом, требующим внимания, является количество незаконнорожденных детей в результате проституции, основанное на ответах на следующие вопросы

Вопрос. Были ли эти дети рождены в браке?

Законные дети замужних женщин	469	
"вдовы	358	
Всего законных	827	
Незаконнорожденные дети одиноких женщин	490	
"замужние	322	
"вдовы	279	
Всего незаконнорожденных	1090	
Совокупный	1917	

Все дети, рожденные одинокими женщинами, конечно же, незаконнорожденные. Из детей замужних женщин более сорока процентов, а из детей вдов - сорок четыре процента являются незаконнорожденными. Если взять общее число детей трех классов и рассчитать на этой широкой основе, то окажется, что родилось 1090 незаконнорожденных детей, что в среднем составляет пятьдесят семь процентов.; Или, говоря простым языком, из каждых ста детей, рожденных женщинами, которые сейчас являются проститутками, сорок три были рождены до того, как их матери (замужние женщины или вдовы) приняли этот образ жизни, а остальные пятьдесят семь были плодом беспорядочных половых связей, Физически они могли унаследовать болезни матери, морально - вынести позор, связанный с их рождением, и, весьма вероятно, быть воспитанными в среде богохульства, непристойности и порока, пойти по стопам своих родителей и увековечить грех, которому они обязаны своим происхождением.

О чрезмерной смертности среди этого класса детей говорится в следующих ответах на вопрос

Вопрос. Живы ли эти дети или мертвы?

Живые дети одиноких женщин	133	
"замужние"	334	
""" вдовы	265	
Всего проживающих	732	
Умершие дети одиноких женщин	357	
"замужние	457	
""" вдовы	371	
Всего умерших	1185	
Совокупность	1917	

Соотношение смертности будет следующим:

Дети	из	одиноких женщин	73	на	процентов.
"	"	замуж"	58	"	"
"	"	вдовы	59	"	"
Среднее значение по общему числу			62	"	"

или более шести смертей на каждые десять рожденных детей. Средняя младенческая смертность в Нью-Йорке за три года составляет,

До	1 год	8499
От	от 1 до 2 лет	3259
"	От 2 "до 5"	2578
	Всего	14,336 [383]

В 1855 году численность населения между этими возрастaми составляла 77 568 человек.[384] Это дает смертность в 18½ процентов, или примерно 1¾ на каждые десять детей в возрасте до пяти лет. Не выходя за рамки вероятности, можно предположить, что большая часть детей проституток умирает, не достигнув пятилетнего возраста, что даст пропорциональную смертность среди этого класса, почти в четыре раза превышающую средний показатель по Нью-Йорку. Этот подсчет должен быть принят в связи со случаями абортов, произведенных посторонними средствами, которые не были признаны в ответах на допросы и которые, вероятно, никогда не будут известны. Невозможно сомневаться в том, что они происходят гораздо чаще, чем указано в таблицах.

Под заголовками "Преждевременные роды" и "Мертворожденные" указаны следующие цифры[385].

Годы.	Преждевременные Рождения.	Мертворожденные.	Всего.
1854	435	1615	2050
1855	374	1564	1938
1856	387	1556	1943
	1196	4735	5931

Рождения за тот же период составили:

1854	17,979
1855	14,145
1856	16,199
Всего	48,323

Таким образом, доля детей, родившихся в Нью-Йорке, составляет 12½ процента, или один к восьми. Не следует считать, что все они являются результатом неправильного поведения, хотя многие из них, несомненно, таковы. Если применить то же соотношение к детям проституток и посчитать 1917 рождений в этих таблицах за пять лет, то получится сорок

восемь случаев в год; но если умножить среднее значение на четыре (доля смертей от естественных причин), то получится ужасающее число в сто девяносто два случая в год - количество случаев детской смертности, представляющее собой черты, которые ставят его почти в один ряд с детоубийством некоторых восточных народов. Если бы можно было составить какое-либо определенное представление об абортах, которые действительно производятся и которые, как предполагается на разумных основаниях, составляют весьма значительное число, то их количество было бы просто поразительным. Жертвоприношение младенческой жизни, как ни объясняй, является одним из самых прискорбных результатов проституции и настоятельно требует активного вмешательства.

Внимание Американской медицинской ассоциации было привлечено к этой теме, и из "Отчета о младенческой смертности в крупных городах" Д. Мередита Риза, доктора медицины, доктора права, и т. д., опубликованного в журнале "Transactions", мы приводим следующее: "Причины смертности среди детей нежного возраста во многих случаях могут быть найдены только путем распространения наших исследований на их *внутриутробную* жизнь и физиологическое состояние родителей, но особенно на санитарное состояние матерей, их гигиенические и моральные привычки и обстоятельства".[386] * * * Безбрачие должно быть обязательным для всех сифилитиков любого пола"[387] Читателю сразу же придет в голову, что принудительное безбрачие не повлияет на материнство проституток. Они способны рожать детей, и, поскольку их физиологическое состояние таково, что исключает возможность того, что их дети будут здоровыми, единственный способ снизить младенческую смертность в этом классе - это заняться матерями и принять меры, если не для предотвращения их заражения, то, по крайней мере, для максимального ограничения разрушительного действия болезни. Этот вопрос более подробно рассматривается в главе "Меры по исправлению положения". К мужчинам, зараженным сифилисом, применим тот же ход рассуждений. Если запретить им вступать в брак, сексуальный аппетит побудит их к торговле с проститутками, а их незаконнорожденные дети увеличат общую смертность. Здоровье родителей должно быть защищено, прежде чем мы сможем надеяться на здоровых детей.

В брошюре доктора Риза есть несколько замечаний по поводу аборт и их масштабов, а именно: "Ужасное преступление аборта превратилось в убийственный промысел во многих наших крупных городах, терпимый, попустительствуемый и даже защищаемый коррумпированными гражданскими властями. Эти убийцы - а таковыми они являются - хорошо известны полицейским властям: их имена, место жительства и даже их виновные клиенты не являются секретом. Если бы это были только распутные или даже несчастные представители своего пола, чей виновный страх или стыд пытается таким образом скрыть доказательства незаконных связей"[388] То, что проституция в значительной степени способствует этому преступлению, не подлежит сомнению, но в какой степени, остается неизвестным из-за тайны, которая ее окружает. Отвратительные случаи, которые периодически появляются в ежедневных газетах, - лишь малая часть общего числа.

Вопрос. Живут ли эти дети с вами, или где они находятся?

	Цифры.
Дети живущие с матерями	73
" Интернат за счет матерей	247
" " с родственниками матери	140
" обеспечивающие себя сами	129

"	живут с отцами	59	
"	в государственных или благотворительных учреждениях	36	
"	усыновленные семьями	20	
"	без опознавательных знаков	28	
	Итого	659	73
		73	
	Совокупность детей	732	

Эта таблица показывает, какому социальному влиянию подвергаются оставшиеся в живых дети из этой злополучной группы. Семьдесят три ребенка, как утверждается, живут со своими матерями, и, насколько можно судить, ни один разумный человек не может питать надежд относительно их будущей нравственности. Рожденные в обители порока, они живут в атмосфере убогого несчастья или гнусной вины; у них никогда не было и проблеска лучшей жизни; они с колыбели отмечены для карьеры деградации; они не могут пасть ниже, поскольку уже стоят на самой низкой ступени. Таких французские власти называют "опасным классом", и из их рядов происходит множество заключенных тюрем и борделей. Дети, которые, как утверждается, находятся с отцами, в количестве пятидесяти девяти, как можно заключить, родились до отпадения матери от добродетели, и, несомненно, являются наиболее удачливыми из всех, кто попадает в поле зрения, в то время как те, кто живет с родителями или родственниками матери, в количестве ста сорока, или пансионируют за счет матери, которых насчитывается двести сорок семь, имеют меньше шансов на заражение, чем если бы действительно проживали во владениях порока. Те, кто живет в общественных или благотворительных учреждениях, представляют собой одну из причин налогообложения всего населения и показывают, что косвенно каждый человек в Нью-Йорке вынужден вносить свой вклад в поддержание порока или его отпрысков. Посещение общественных заведений на островах Блэкуэллс и Рэндаллс докажет, что это лишь одна из статей расходов, которые проституция несет обществу.

ГЛАВА XXXIII.

НЬЮ-ЙОРК - СТАТИСТИКА.

Продолжение проституции.- Средний показатель в Париже и Нью-Йорке.- Опасности проституции.- Болезни.- Причины проституции.- Склонность.- Деституция.- Влечение.- Неумеренность.- Неправильное лечение.- Обязанности родителей, мужей и родственников.- Влияние проституток.- Разведывательные управления.- Школы-пансионаты.- Непристойная литература.

Вопрос. В течение какого времени вы занимались проституцией?

Время.	Числа
	.
1 месяц	71
2 месяцев	49

3	"	76
4	"	62
5	"	51
6	"	126
7	"	129
8	"	17
9	"	21
10	"	32
1	год	325
2	лет	55
3	"	245
4	"	203
5	"	125
6	"	87
7	"	56
8	"	69
9	"	32
10	"	26
11	"	8
12	"	14
13	"	6
14	"	7
15	"	9
16	"	13
17	"	3
18	"	4
19	"	8
20	"	4
21	"	2
22	"	1
23	"	2
24	"	2
25	"	1
27	"	1
29	"	1
30	"	1
32	"	1
34	"	1
35	"	1

Неизвестно	53
Всего	2000

Уже говорилось, что средняя продолжительность жизни проститутки не превышает четырех лет с начала ее карьеры. Это на один год больше, чем предполагаемая продолжительность, указанная некоторыми английскими писателями, но гораздо ниже среднего показателя, установленного в Париже, где в то время, когда М. Парент-Дюшателе ввел свою тщательно разработанную систему исследования, он обнаружил в общем числе 3517 проституток двести сорок две, которые вели эту жизнь более четырнадцати лет, и шестьсот сорок одну, которая продолжала свой путь более десяти лет. Какой контраст с приведенной выше таблицей! В Париже $6\frac{2}{3}$ процентов пережили ужасы куртизанской жизни в течение четырнадцати лет; в Нью-Йорке только $2\frac{3}{4}$ процента достигли того же срока. В Париже существовало $17\frac{1}{2}$ процентов, а в Нью-Йорке - $3\frac{3}{4}$ процента после десятилетнего пребывания; или, другими словами, если в Париже существует семь, то в Нью-Йорке выжило только три, или если в Париже существует семнадцать, то в Нью-Йорке выжило только четыре. Нельзя утверждать, что Париж - более здоровый город, чем Нью-Йорк, и это различие должно быть вызвано тем, что, в то время как в первом *применяются* разумные меры, во втором подобная политика не признается. Если бы эта относительная смертность была единственным известным фактом в этом вопросе, экономия человеческой жизни была бы неотразимым аргументом в пользу мер по надзору, продуманных и оперативно выполняемых.

В городе Нью-Йорке шестьсот тридцать четыре женщины, или более тридцати одного процента, прожили в городе менее одного года, а триста двадцать пять, или более семнадцати процентов, - от одного до двух лет. Таким образом, здесь представлена половина от общего числа, а опыт остальных охватывает различные периоды до тридцати пяти лет. Относительно тех, кто называет такой срок, можно заметить, как это было сделано при рассмотрении вопроса о возрасте, что это, за редким исключением, те, кто, будучи проститутками в молодости, теперь занимаются содержанием публичных домов и таким образом освобождаются от многих опасностей, связанных с обычной жизнью блудницы. Если бы в их случаях соблюдалось то же правило, что и при обследовании в Париже, а именно исключение их из списка проституток, относительная смертность, приведенная выше, показала бы еще более неблагоприятные результаты для Нью-Йорка.

Можно спросить, какие опасности сопровождают жизнь проститутки в этом городе? Существует страшный физический недуг, которому подвержены все, и который будет рассмотрен под соответствующим заголовком. Есть и другие опасности, которым в большей или меньшей степени подвергаются проститутки. Нет необходимости напоминать читателю, что время от времени общественность шокируют сообщения в наших ежедневных газетах о трусливых и возмутительных нападениях на этих несчастных женщин, совершаемых грубиянами другого пола. Иногда это нападение группы мужчин на нескольких женщин без всякой провокации, или же это нападение одного из любовников на свою жертву. Этому последнему виду жестокого обращения особенно подвержены простые женщины, поскольку, помимо привычки к беспорядочным связям, почти каждая из них, особенно представительницы среднего или низшего класса, привязалась к какому-нибудь неотесанному парню, который выступает в роли ее защитника ("хулигана" или "любовника" - обычное обозначение), когда она попадает в какие-либо затруднения с незнакомцами, но в остальное время осуществляет над ней произвольный и жестокий контроль. Во многих случаях, как ни странно, женщина испытывает настоящую любовь к "своему мужчине". В других - это просто договоренность о взаимном удобстве: мужчина принимает участие во

всех ссорах, а женщина предоставляет средства для его содержания в безделье. Нетерпеливые привычки проституток также значительно сокращают их жизнь.

В дополнение к физическим опасностям следует учитывать душевные страдания, которые они испытывают, что неизбежно сказывается на их конституции. Этому порой подвержены даже самые развращенные из них. На ранних этапах их карьеры это мучительные воспоминания о прошлом, мысли о доме, сожаления о потерянном положении. По мере продвижения по карьерной лестнице они страдают от предчувствия будущего; могила, безымянная, нищая могила, зияет перед ними; мысли о неизбежной вечности вторгаются в их жизнь; прошлое позора, настоящее мучений, будущее ужаса - вот предмет размышлений, которым предаются многие, кого в светском мире никогда бы не заподозрили в серьезных размышлениях. Можно сказать словами Байрона,

"Но в одно мгновение над ее душой
Зимы воспоминаний катятся,
И собираются в каплю времени
Жизнь боли, век преступлений".

Возвращается время их ночных увеселений, и, хоть и с разбитым сердцем, они вынуждены наряжаться в пошлые вещи и, заставляя себя улыбаться, возвращаться к отвратительному ремеслу, чтобы заработать на пропитание. При таких мучениях, физических и душевных, можно ли рассчитывать на долгую жизнь? Может ли хоть один человеческий организм выдержать эти непрекращающиеся атаки в течение длительного времени? Было бы совсем не удивительно, если бы коэффициент смертности среди проституток был выше, чем сейчас.

Вопрос. Были ли у вас какие-либо заболевания, связанные с проституцией? Если да, то какие?

Болезнь.	Нападения.	Числа.
Gonorrhoea	1 Атака	153
"	2 Атаки	53
"	3 "	44
Гонорея и сифилис		36
Сифилис	1 Нападение	395
"	2 Атаки	81
"	3 "	38
"	4 "	12
"	5 "	4
"	6 "	4
"	8 "	1
Всего атаковано		821

Природа и последствия венерических заболеваний уже настолько полно описаны в описаниях различных систем, принятых для их профилактики, приведенных на предыдущих страницах этой работы, что было бы излишним повторять их здесь. Для данной цели достаточно обратить внимание на тот факт, что более двух пятых от общего числа проституток, обследованных в ходе исследования, признались, что страдали сифилисом или гонореей. Есть вероятность, что реальное число значительно превышает этот средний

показатель; что, как бы тревожно ни было признание, реальные факты гораздо хуже. Это мнение основано на результатах профессионального опыта, а также на знании трудностей, которые существуют в получении любого добровольного надежного заявления по этому вопросу.

Даже если предположить, что полученные ответы верны, они указывают на достаточные основания для сохранения болезни и ее внедрения почти во все слои общества. Половина из общего числа тех, кто признается, что страдал или страдает от этой болезни, утверждают, что страдали ею лишь однажды. В других формах болезни, которые допускают совершенное излечение, это не было бы причиной для тревоги, но в данном случае среди медицинских писателей спорным является вопрос о том, может ли сифилитическое пятно когда-либо быть искоренено из системы, в которую оно было внедрено, и аргументы каждой стороны приводятся с большим умением. Не берясь высказывать свое мнение по этому вопросу и не выражая сомнений в правоте тех ученых, которые считают возможным вывести сифилис из организма, в данном случае мы придерживаемся мнения их оппонентов о том, что его нельзя вывести. На этом основании каждый гражданин вправе сам определить, какой вред обществу ежедневно приносит масса проституток, две из каждых пяти из которых, *по общему признанию*, больны.

Вопрос. Что послужило причиной того, что вы стали проституткой?

Причины.	Числа
	.
Склонность	513
Обездоленность	525
Соблазненные и брошенные	258
Пить и желание пить	181
Жестокое обращение с родителями, родственниками или мужьями	164
Как легкая жизнь	124
Плохая компания	84
Соблазненные проститутками	71
Слишком праздные, чтобы работать	29
Нарушил	27
Соблазнили на борту эмигрантских кораблей	16
"в эмигрантских пансионах	8
Всего	2000

Этот вопрос, вероятно, самый важный из всей серии, поскольку ответы на него в значительной степени открывают те скрытые источники зла, которые до сих пор были известны только по их результатам. Первым по порядку стоит ответ "Склонность", который можно понимать только как добровольное обращение к проституции для удовлетворения сексуальных страстей. Пятьсот тринадцать женщин, более четверти от общего числа, назвали эту причину. Если бы их утверждения подтверждались фактами, это сделало бы борьбу с пороком очень трудной задачей и дало бы очень мало оснований надеяться на какое-либо улучшение; но можно предположить, что обстоятельства, которые привели к гибели большинство из тех, кто дал этот ответ, докажут, что если положительная склонность к пороку и была непосредственной причиной падения, то она была лишь результатом других

и контролирующих влияний. Сам по себе такой ответ подразумевает врожденную испорченность, отсутствие истинного женского чувства, что на самом деле невероятно. Силу желания нельзя ни отрицать, ни оспаривать, но все же в груди большинства женщин эта сила существует в дремлющем состоянии, пока ее не разбудит какое-либо внешнее воздействие. Ни одна женщина не может понять ее силу до тех пор, пока не появится положительный повод для возбуждения. Что достаточно для пробуждения дремлющей страсти - вопрос, который допускает бесчисленное множество ответов. Знакомство с противоположным полом, особенно если оно зашло так далеко, что превратилось во взаимную привязанность, будет способствовать этому; общение с женщинами, которые поддались его силе; возбуждение от опьянения. Но следует еще раз повторить, что без этих или каких-то других, столь же стимулирующих причин, полная сила сексуального желания редко бывает известна добродетельной женщине. В мужском полу природа предусмотрела более восприимчивую организацию, чем в женском, очевидно, с благой целью подавления тех зол, которые должны быть результатом взаимного аппетита, одинаково ощущаемого обоими. Другими словами, мужчина - *агрессивное* животное, если говорить о сексуальном влечении. Если бы было иначе и страсти обоих полов были равны, незаконнорожденность и проституция были бы гораздо более распространены в нашей среде, чем сейчас.

Ниже приводятся несколько случаев, в которых был дан ответ "Склонность", с объяснениями, сопровождавшими каждый ответ. К. М.: будучи добродетельной, эта девушка посещала танцевальные дома, где знакомилась с проститутками, которые убеждали ее, что ведут легкую, веселую жизнь; ее склонность была результатом женских уговоров. Е. К. бросила мужа и стала проституткой добровольно, чтобы получить опьяняющие напитки, в которых ей было отказано дома. Е. Р. была брошена мужем, потому что пила сверх меры, и стала проституткой, чтобы получить спиртное. В этом и предыдущем случае склонность была результатом исключительно несдержанности. А. Ж. добровольно пожертвовала своей добродетелью ради любимого мужчины. К. Л.: ее наклонности были подсказаны советами женщин, которые уже были в городе. Ж. Ж. продолжила этот путь по склонности после того, как была соблазнена своим любовником. С. К.: склонность этой девушки возникла из-за любви к спиртному. Приведенных примеров достаточно, чтобы доказать, что во многих случаях то, что называют добровольной проституцией, является следствием какого-то общения или обстоятельств, которые подрывают принципы добродетели и пробуждают скрытые страсти.

Деституция указывается в качестве причины в пятистах двадцати пяти случаях. Во многих из них неоспоримо верно, что реальная, действительная нужда, очевидное и страшное приближение голодной смерти были настоящей причиной деградации. Приведенные ниже примеры этой настоятельной необходимости вызывают к пониманию и сердцу сильнее, чем любые аргументы, которые можно было бы использовать. Как и во всех других подборках, которые уже сделаны или могут быть сделаны в дальнейшем, эти случаи взяты без разбора из полученных ответов и могут быть бесконечно расширены.

Во время проведения этого исследования в одном из нижних районов города внимание было привлечено к бледной, но интересной на вид девушке, примерно семнадцати лет, из ответов которой был составлен следующий рассказ, сохранивший, насколько это возможно, ее собственные слова.

"Я веду такую жизнь примерно с середины января прошлого года (1856). К этому меня подтолкнула абсолютная нужда. Со мной жила моя сестра, которая была старше меня примерно на три года. Она была деформирована и калека после падения в детстве, и не могла выполнять никакой тяжелой работы. Она умела немного шить, и, когда нам обоим удавалось найти работу, мы могли просто зарабатывать на жизнь. Когда пришла сильная снежная буря, работа прекратилась, и нам не хватало еды и углей. Однажды очень холодным утром, как раз после того, как я сходила в магазин, агент хозяина дома позвонил, чтобы узнать, сколько мы должны за квартиру, и сказал, что если мы не сможем заплатить, то нам придется переехать. Агент был добрым человеком и дал нам немного денег, чтобы купить угли. Мы не знали, что нам делать, и уже плакали, как вдруг пришла женщина, которая держит этот дом (где она тогда жила), и принесла нам шитье, которое мы должны были сделать в тот день. Она сказала, что ее нам порекомендовала женщина, живущая в том же доме, но впоследствии я узнала, что она следила за мной и сказала это только в качестве оправдания. Когда работа была закончена, я принесла ее домой. Я уже слышал о таких местах, но никогда не был внутри. Мне было очень холодно, и она заставила меня сесть у огня и начала говорить со мной, говоря, как мне будет лучше, если я приеду и буду жить с ней. Я сказала ей, что не могу оставить сестру, которая была моей единственной родственницей и не могла помочь себе сама; но она сказала, что я смогу помочь сестре и что она найдет для нее какую-нибудь легкую работу по шитью, чтобы она не нуждалась. Она говорила еще много, и я почувствовала желание сделать так, как она хотела, но потом подумала, как это было бы нечестно, и в конце концов сказала ей, что подумаю об этом. Когда я вернулся домой и увидел, что моя сестра так больна и нуждается во многих мелочах, на которые у нас не было ни денег, ни друзей, которые могли бы нам помочь, мое сердце чуть не разорвалось. Однако я ничего ей не сказал. Всю ночь я пролежал без сна, размышляя, а утром принял решение приехать сюда. Я рассказал ей о своих намерениях, и она умоляла меня не делать этого, но я уже принял решение. Она сказала, что это грех, а я ей, что мне придется за это ответить, и что я вынужден это сделать, потому что у меня не было другого способа сохранить себя и помочь ей, и я знал, что она сама не сможет много работать, и я был уверен, что она не проживет и дня, если мы окажемся на улице. Она как могла уговаривала меня не делать этого, но я был полон решимости и поэтому приехал сюда. Мне были ненавистны мысли о такой жизни, и единственной причиной моего приезда было то, что я мог помочь ей. Мне казалось, что, если бы я была одна, я бы скорее умерла от голода, но я не могла видеть, как она страдает. Она прожила всего несколько недель после моего приезда. Я разбила ей сердце. Мне не нравится эта жизнь. Я бы сделал почти все, чтобы вырваться из нее; но теперь, когда я *однажды провинился*, я не могу заставить кого-либо дать мне работу, и я должен остановиться здесь, если не хочу умереть с голоду".

Это простое и трогательное повествование не нуждается в комментариях. В нем раскрывается история многих несчастных женщин в этом городе, и, хотя он должен быть обращен к каждому чувствительному сердцу, он убедительно доказывает необходимость какого-то вмешательства в такие дела. Приведенные ниже рассказы других женщин, которые пострадали и пали подобным образом, покажут, что приведенный выше случай не единичен. М. М., вдова с одним ребенком, зарабатывала 1 50 долларов в неделю как портниха. Ж. Я., служанка, заболела, находясь в положении, потратила все свои деньги, а когда выздоровела, не смогла найти работу. У М. Т. (цитируя ее собственные слова) "не было ни работы, ни денег, ни дома". С. Ф., вдова с тремя детьми, могла зарабатывать два доллара в неделю на пошиве шапок, но не могла найти постоянную работу даже по таким ценам. М. Ф. уже некоторое время сидела без работы, и у нее не было денег. Э. Х. зарабатывала от двух до трех долларов в неделю как портниха, но уже некоторое время не имела работы. Л. К. Г.: в этом деле проверяющий офицер сообщает: "Эта девушка (портниха) - чужая, без каких-либо

связей. Она получала полтора доллара в неделю, что не позволяло содержать ее". М. К., служанка, получала пять долларов в месяц. Весь заработок она отправляла матери и вскоре лишилась своего положения, так как у нее не было средств к существованию. М. С., также служанка, получала *один доллар в месяц*. А. Б. высадилась в Балтиморе из Германии, и в тот же день, когда она сошла на берег, у нее украли все деньги. М. Ф., мастер по пошиву рубашек, зарабатывал один доллар в неделю. Э. М. Г.: капитан полиции района, где живет эта женщина, говорит: "Эта девушка вела тяжелую борьбу с миром, прежде чем стала проституткой, ночуя в станционных домах, а днем живя на хлебе и воде". Он добавляет: "За три года своей работы я знаю *более пятидесяти случаев*, чья история была бы похожа на нее, и которые сейчас являются проститутками".

Эти подробности дают некоторое представление о жизни в городе. Наиболее заметным фактом является то, что большое количество женщин, как работниц, так и домработниц, получают настолько маленькую зарплату, что временное прекращение их деятельности или кратковременное пребывание без работы достаточно, чтобы довести их до абсолютного бедствия. Привычка к предусмотрительности в таких случаях бесполезна; ведь как бы они ни чувствовали необходимость, *им нечего копить*, и в тот самый день, когда они сталкиваются с неудачей, они оказываются без гроша в кармане. Можно представить себе борьбу добродетельной девушки с судьбой в таких обстоятельствах: это в буквальном смысле битва за жизнь, и в результате жизнь слишком часто сохраняется только благодаря жертве добродетели.

"Соблазненные и брошенные". Так ответили двести пятьдесят восемь женщин. Эти цифры дают лишь слабое представление о реальном общем количестве, которое должно быть зарегистрировано под этим обозначением, поскольку многие из тех, кто был включен в другие классы, несомненно, должны были быть возвращены в этот. Уже было показано, что под ответом "Склонность" скрываются ответы многих, кто стал жертвой соблазнения еще до того, как эта склонность появилась, и можно не сомневаться, что среди тех, кто называет "Пьянство и желание выпить" причиной своего превращения в проститутку, можно найти многих, чей первый отход от правил трезвости был вызван желанием изгнать из своей памяти все воспоминания о лживости своих соблазнителей. Из числа тех, кого женщины, сами уже падшие, уговорили стать публичными куртизанками, разумно заключить, что многие из них ранее уступили свою честь какому-нибудь любовнику под ложными заверениями в привязанности и верности.

Нет нужды прибегать к аргументам, чтобы доказать, что соблазнение - это огромное общественное преступление, последствиями которого является не только полная потеря женского характера, но и полное уничтожение сознания порядочности со стороны мужского пола. Неважно, при каких обстоятельствах может быть совершено преступление, - не найдется ни одного, который освободил бы активного преступника от обвинения в обмане и вероломстве. Женское сердце жаждет взаимной привязанности, и, чтобы обеспечить ее, она иногда уступает честь любовнику, но только тогда, когда ее привязанность настолько сконцентрирована на объекте, что наделяет его всеми атрибутами совершенства, находя в каждом произнесенном им слове и каждом совершенном им действии некий знак его преданности ей. Тогда любовь становится буквально страстью, идолопоклонством, и ее сила признается всеми.

Но эта страсть не может возникнуть за один час. Она развивается постепенно. От первой стадии простого знакомства она постепенно созревает под влиянием нежных слов и торжественных клятв, часто искренних, но нередко симулированных, пока женщина не признается себе и не признается своему возлюбленному, что относится к нему с симпатией.

Такое признание, фактически отдающее ее будущую жизнь под его опеку, должно вдохновить его на высокую решимость защитить ее имя и славу, оправдать оказанное ей доверие. Но нередко оно становится средством для бесчестных поборов, и ради сиюминутного удовольствия, не имеющего для него никакой ценности, кроме доказательства ее горячего обожания, и рокового по своим последствиям для нее, он попирает бесценную драгоценность ее чести, доверчиво отданной этой любви и истине.

Следует помнить, что для достижения этой низменной цели он должен был прибегнуть к низменным средствам; он должен был либо признаться в любви, которой не чувствовал, либо позволить своей привязанности остыть по мере приближения к ее завершению. Чистая и искренняя привязанность не позволит влюбленному совершить ни одного поступка, который мог бы скомпрометировать женщину, которую он обожает. Никто, кроме отъявленного негодяя, не может спокойно и сознательно обидеть ничего не подозревающую женщину, признавшуюся в нежных чувствах к нему, и тем самым отдать себя в его полную власть. Преступление соблазнения можно рассматривать только как подлое и жестокое лжесвидетельство, и странно, что тот, чья совесть не преследует его в загробной жизни жалами скорпионов и огненными пытками, должен быть черствым.

Но как объяснить участие женщины в преступлении? Просто рассматривая это как идолопоклонство преданности, которая готова отдать все на откуп требованиям того, кому она поклоняется; на интенсивность ее привязанности, которая поглощает все другие соображения; на совершенное безумие любви, возбуждаемое и поддерживаемое предполагаемой равной преданностью себе. Как только убежденность во взаимной любви овладевает ее разумом, как только ее сердце откликается на ее волшебное прикосновение, она живет в новой атмосфере; ее индивидуальность теряется, ее мысли возвращаются только к возлюбленному. Преданная заботам о его счастье, она не думает о своем собственном; и только когда становится слишком поздно, она пробуждается от чар, которые манят ее к гибели. В таком случае женщина не заслуживает того презрения, с которым оценивают ее поведение. Она согрешила от слабости, а не от порока; она стала жертвой своей собственной безграничной любви, самых богатых и чистых привязанностей своего сердца.

Моралисты говорят, что все человеческие страсти должны сдерживаться разумом и добродетелью, и никто не может отрицать правдивость этого утверждения. Но если они применяют это правило к более слабой стороне, которая страдает, то не следует ли рекомендовать то же самое сдерживающее влияние и тому, кто причиняет страдания? Ни одна женщина, обладающая хоть малейшей долей порядочности или хоть малейшим представлением о добродетели, не отдаст себя добровольно без какого-то мощного мотива, не существующего в ней самой, но переданного ей ее разрушителем. Прекрасно зная мнение мира, она не стала бы безрассудно бросать ему вызов и срываться в пропасть деградации и позора, если бы ее не подтолкнуло к этому некое господствующее влияние. Этот мотив и это влияние, как полагают, можно единодушно отнести к ее слабой, но истинно женской зависимости от чужих обетов. Сама от природы недоверчивая, она не может поверить, что существо, которое она почти обожествила, может быть только добрым, благородным и достойным доверия. Искренняя в своих собственных признаниях, она верит, что и в его заверениях есть такая же искренность. Готовая пожертвовать всем ради него, она не сомневается, что он защитит ее от бед. Таким образом, можно не сомневаться, что в большинстве случаев соблазнения женская добродетель доверчиво поддается на умозрительные доводы и лживые обещания бесчестных мужчин[389].

Повседневный жизненный опыт вполне оправдывает это мнение, ведь факт состоит в том, что многие мужчины постоянно прибегают к этим умозрительным аргументам и лживым обещаниям с явной целью соблазнения; и какими бы гнусными ни были эти случаи, они все же часто встречаются в жизни некоторых людей, претендующих на то, что мир называет респектабельным! Люди, которые в обычных жизненных отношениях побрезговали бы обмануть своих соседей на доллар, не колеблясь, лишают целомудрия доверчивую женщину. Те, кто с точки зрения бизнеса рассматривал бы получение товара под ложным предлогом как деяние, подлежащее наказанию по всей строгости закона, не колеблясь, добиваются еще более гнусного обмана, отдавая женскую добродетель своей дьявольской похоти. Нет ли противоречия в социальных законах, которые приговаривают мошенника к государственной тюрьме за *его преступления* и обрекают женщину на вечную бесчестность за *ее проступки*? Несомненно, есть случаи, когда соблазнителем является женщина, но они настолько редки, что вряд ли заслуживают упоминания.

Соблазнение - это социальное преступление. Все его последствия не сводятся к травме, нанесенной женщине, или чувству вероломства, угнетающему совесть мужчины. Помимо того, что она, выражаясь обычным языком, разорилась, жертва перенесла нападение на свои принципы, что должно существенно повлиять на ее дальнейшую жизнь. Возможно, мир не узнает о ее проступке, и, следовательно, общественное злословие не станет дополнительным бременем для нее; но она слишком болезненно осознает свое падение, и каждая мысль в ее разорванном и кровоточащем сердце омрачается чувством неправоты и возмущения человека. Память указывает на множество ярких моментов в их знакомстве и говорит: они сияли лишь для того, чтобы заманить вас в ловушку; на множество знаков привязанности, полученных от ее предателя, и говорит: это были лишь аргументы, чтобы погубить вас; на множество клятв, которые он произносил, и говорит: это было лишь лжесвидетельство; на множество улыбок, которыми ее встречали, и говорит: это было лишь лицемерие. Она вспоминает, как трепетало от радости ее сердце, когда он впервые сказал ей, что она любима, и сравнивает свой экстаз тогда с нынешними муками. Она с отвращением вспоминает его ласки. Но, прежде всего, она помнит, и кровь ее закипает от негодования при этой мысли, что этими средствами он навлек на нее позор. В школе скорби она узнала, что обещания мужчины хранить верность ничего не стоят; и ее дальнейшая жизнь, независимо от того, пройдет ли она в печали и раскаянии за прошлое или в дикой, стремительной карьере последующих пороков, будет неизгладимо отмечена памятью о его предательстве. Не стоит удивляться тому, что с этим чувством несправедливости и оскорбления, пылающим в ее сердце, ее карьера должна быть такой, в которой она становится агрессором, а мужчина - жертвой; ведь несомненно, что в этом желании отомстить своему полу за ложь одного будет найдена причина роста проституции.

Вероятность уменьшения числа преступлений, связанных с соблазнением, очень мала, пока преобладают нынешние общественные настроения; пока соблазнителю позволено оставаться безнаказанным, а вся мера возмездия направлена против его жертвы; пока преступник скрывается, а обиженный осужден. Беспринципные мужчины, готовые воспользоваться доверчивой женской природой, в изобилии, и они беспрепятственно продолжают свой дьявольский путь. Законодательные акты едва ли доходят до них, хотя иногда бедняку, не имеющему ни друзей, ни денег, предъявляют обвинение и выносят приговор. Приходится прибегать к помощи всего мира. Когда наши отношения в семье станут такими, что человек, виновный в этом преступлении, не сможет войти в семейный круг; когда добродетельные и уважаемые члены общества придут к согласию, что такой человек не будет принят в их общество; когда достоинство и честь утвердят свое

превосходство над богатством и дерзостью, тогда можно будет надеяться на реформацию, но не раньше.

Следующие случаи продемонстрируют некоторые результаты соблазнения: М. К., уроженка Пенсильвании, семнадцати лет от роду, была побуждена сбежать из дома со своим любовником, который обещал жениться на ней, как только они доберутся до Филадельфии. Вместо того чтобы сдержать свое слово, он бросил ее. Она боялась возвращаться домой, и у нее не было никаких средств к существованию, кроме проституции, которой она занималась в течение восьми месяцев в Филадельфии, а затем приехала в Нью-Йорк, чтобы поселиться там. Ее отец, врач, умер, когда ей было около десяти лет, а мать впоследствии вышла замуж за содержателя гостиницы, в доме которого девочка воспитывалась и ассоциировалась с которым, вероятно, в какой-то степени обязана своим падением от добродетели.

В одном из самых аристократических домов проституции в Нью-Йорке была найдена дочь торговца, человека с большим состоянием, проживавшего в одном из южных штатов. Она была красивой девушкой, получила прекрасное образование, свободно говорила на нескольких языках и, казалось, остро ощущала свою деградацию. За два года до этого она была в гостях у своих родственников в Европе, а на обратном пути на одном из судов своего отца была соблазнена капитаном и забеременела. Он торжественно заверил, что женится на ней, как только они достигнут порта, но не успел корабль прибыть, как он ее бросил. Родители бедной девушки не хотели принимать ее обратно в свою семью, и она приехала в Нью-Йорк и стала заниматься проституцией, чтобы найти себе пропитание.

А. Б., дитя респектабельных родителей из Германии, была соблазнена в родных местах мужчиной, к которому была привязана. Он пообещал жениться на ней, если она поедет с ним в Соединенные Штаты. Она получила разрешение и необходимые средства от своих родителей, но через два дня после того, как они приземлились в Нью-Йорке, ее соблазнитель бросил ее, прихватив все деньги, которые она привезла с собой из дома. Х. П., школьница, шестнадцати лет, была соблазнена женатым мужчиной, который теперь изредка навещает ее. К. А. была соблазнена в Нью-Джерси, привезена в Нью-Йорк и брошена среди незнакомцев. М. Р. была соблазнена своим работодателем, женатым мужчиной. А. В. была соблазнена во время учебы в школе в Трое, штат Нью-Йорк, и ей было стыдно вернуться к родителям. Л. Х. последовала за любовником из Англии, который обещал жениться на ней. Когда она приехала в Нью-Йорк, он соблазнил и заразил ее, а затем она узнала, что он был женатым мужчиной. Нет необходимости множить эти случаи.

"Пьянство и желание пить". Мы изменим старую поговорку и переведем ее так: "Когда женщина *пьет*, она пропадает". Следует признать, что привычка к опьянению у женщины если и не свидетельствует о наличии фактического разврата или порока, то является его верным предвестником, ибо пьянство и разврат - неразлучные спутники, один из которых почти неизменно следует за другим. В некоторых случаях пьяницей становится женщина, живущая в услужении; она заводит знакомства среди развращенных представителей своего пола и охотно вступает в их ряды. Замужние женщины приобретают привычку пить и оставляют своих мужей и семьи, чтобы удовлетворить не столько сексуальный аппетит, сколько страсть к спиртному. Молодых женщин часто уговаривают выпить одну-две рюмки спиртного, после чего можно ожидать скорого разорения. Других склоняют к употреблению спиртных напитков, в которые подмешано наркотическое вещество, чтобы сделать их нечувствительными к своей гибели. Короче говоря, едва ли возможно перечислить множество соблазнов, которые могут быть использованы, когда в качестве возбудителя используются опьяняющие напитки.

"Плохое обращение родителей, мужей или родственников" - одна из самых распространенных причин проституции: сто шестьдесят четыре женщины назвали ее в качестве причины своего падения. Принимая во внимание их важные отношения с обществом, не лишним будет поинтересоваться, каковы обязанности родителей, мужей и родственников?

Во всех странах, где признаются обязательства брачного договора, одним из самых строгих его требований является необходимость обеспечивать детей от такого союза. Это признается моральным долгом в силу отношений между родителями и детьми; религиозным долгом, поскольку это специально предписано в Священном писании; гражданским долгом, поскольку будущее благосостояние любого общества должно зависеть от воспитания его будущих граждан.

Что касается морального долга, то какие аргументы могли бы быть действенными, чтобы доказать жестокосердному родителю необходимость дать доброе воспитание своему ребенку? Конечно, сама природа предоставит все необходимые доводы. Тихий, тоненький голосок совести прошепчет ему: "Я был инструментом появления этого ребенка на свет, и поэтому я несу ответственность за его благополучие". И даже простой, старомодный здравый смысл (презираемый с тех пор, как в моду вошла определенная философия) скажет: я - отец ребенка, и в моих интересах сделать для него все, что в моих силах.

Религиозные обязанности в изобилии представлены в Священном Писании. Они, недвусмысленно требуя от детей послушания родителям и прилагая к этой заповеди единственное обещание, которое содержит Декалог, столь же четко определяют обязанности родителей. Эти моменты признаются всеми сектами и партиями; и комментаторы или проповедники, как бы сильно они ни расходились в вопросах теологии, статей веры или правил церковного управления, единодушны в вопросе о степени родительских обязанностей.

Гражданские обязанности важны по уже указанной причине. Дети будут нашими преемниками на этой арене, как мы были преемниками отцов-патриотов, которые добились нашей независимости и сделали нас тем народом, которым мы являемся. Принципы, провозглашенные каждым выстрелом во время революционной войны, дошли до нас, но мы лишь доверенные лица для их безопасной передачи следующему поколению, и мы будем нарушать свой долг, лгать памяти наших предков и предавать нашу страну, если позволим нашим детям взять на себя ответственность, которая естественным образом перейдет к ним, без должной подготовки к священному доверию.

Кратко рассказав об обязанностях родителей, остается привести некоторые сведения о том, как эти обязанности выполняются, взятые из ответов, полученных в ходе этого расследования.

L. M., очень образованная девушка: "Меня соблазнили в восемнадцать лет, и я *была вынуждена* уйти из дома, чтобы скрыть свой позор". Признавая, что эта девушка была введена в заблуждение, очевидный долг ее родителей, с любой точки зрения, заключался в том, чтобы попытаться исправить ее, а не выгонять из дома. Человеческая природа, в самом благоприятном ее состоянии, ошибочна; все подвержены ошибкам; но поскольку все надеются на прощение, то и должны прощать. Такова доктрина возвышенной молитвы, которой наш Спаситель учил Своих апостолов; таков долг человечества. "Тростник сокрушенный Он не сокрушит" - это Божественное обещание, из которого бедный ограниченный человек может извлечь ценный урок.

Е. Б.: "Мои родители хотели, чтобы я вышла замуж за старика, и я отказалась. После этого у меня был очень несчастливый дом". Этот случай прямо противоречил велению природы. Она привязалась к человеку, который, по всей вероятности, стал бы ей хорошим мужем и позволил бы ей оставаться добродетельным членом общества; но ее родители хотели, чтобы она вышла замуж за старика, и, в результате отказа, отнеслись к ней недоброжелательно. Теперь ей, бедняжке, приходится отвечать за свой грех недержания, но кто может сказать, какие еще проступки были бы вменены ей в вину, если бы она вышла замуж по желанию родителей? Сколько ужасных деяний, вошедших в анналы уголовной юриспруденции, было совершено в результате неудачных браков! Сколько злодеяний, сколько кровопролитий было совершено по этой причине! Родители, которые из корыстных побуждений заставляют дочь вступать в брак, противный ее чувствам, заслуживают самого сурового осуждения. Они не только не выполняют свой долг в этом вопросе, но и действуют диаметрально противоположно ему.

С. Б.: "Мачеха плохо со мной обращалась". Мачеха в этом случае занимает место естественного родителя. Принимая на себя обязанности, она берет на себя всю ответственность за отношения, и несет такую же ответственность, как если бы эта девочка была ее собственным ребенком. В нормальном состоянии женские чувства обычно добры, нежны и снисходительны; но когда они извращаются, женщина становится более язвительной, чем мужчина. Так было и в этом случае.

Е. Г.: "Моя мать жестоко обращалась со мной и выгнала меня из дома. Мой отец был очень добрым, но он умер, когда мне было семь лет". Аналогичный предыдущему случай извращения женских чувств в сочетании с меланхоличным фактом, что отец девочки, который всегда относился к ней по-доброму, умер, когда она была еще ребенком. Естественно было бы заключить, что вся привязанность вдовы сосредоточится на ее детях, но слишком часто случается обратное, и как только муж, которому она дала обет, сходит в могилу, а дети лишаются его защищающей руки, ее любовь отчуждается от них. Обязанности матери по отношению к своему потомству возрастают со смертью мужа, но она пренебрегает ими и поступает вопреки материнскому инстинкту".

М. Б.: "Я поддерживаю свою мать". Можно возразить, что этот случай не подпадает под действие данного раздела, поскольку не демонстрирует позитивного пренебрежения родительским долгом, но, по косвенным признакам, он, безусловно, имеет право на место в каталоге. К сожалению, ради морали, это лишь один из многих подобных случаев, которые встречались, и некоторые из них будут рассмотрены в свое время. Вывод напрашивается сам собой: если бы эта мать правильно воспитала свою дочь в раннем возрасте, ей не пришлось бы сейчас терпеть муки, вызванные осознанием того, что каждый съеденный ею кусочек пищи, каждый предмет одежды, который она носит, куплен на деньги, полученные от позора ее ребенка. Трудно представить себе более отвратительное положение, чем это, более ужасное, чем положение матери, спокойно живущей за счет проституции дочери, с уверенностью, что неизбежный результат такого порочного образа жизни приведет дитя ее привязанности к преждевременной могиле и ужасной вечности.

Л. К.: "Мой отец обвинял меня в том, что я проститутка, когда я была невиновна. Он не давал мне никакой одежды. Моя мать была закоренелой пьяницей и почти все время уходила из дома". Перед нами сочетание ужасов, равных которым нет в романной литературе. Несправедливые обвинения отца и его поведение, когда он не обеспечивал ребенка предметами первой необходимости, в сочетании с пьянством матери, представляют собой такое скопление жестокости и порока, что было бы чудом, если бы девушка осталась

добродетельной. Надо полагать, что никто не станет требовать от этой пары выполнения хотя бы одной из обязанностей, предписанных их положением.

С. С.: "Работы у меня не было, и я пошла домой. Мой отец был пьяницей и плохо обращался со мной и остальными членами семьи". Вот пример жестокости отца. Его дочь осталась без работы, и у нее нет другого дома, кроме родительского, а он, обезумев от алкоголя, издевается над ней за то, что она прилетела к своим естественным защитникам. Где ей было ожидать помощи и утешения, как не от авторов своего бытия, и как это ожидание было реализовано? Она была вынуждена прибегнуть к проституции в качестве средства к существованию.

С. Р.: "Мои родители богаты. Они не позволили мне жить дома, потому что я была соблазнена". В данном случае родительской недоброте не было оправдания. Благословленные изобилием сокровищ этого мира, они могли спокойно смотреть, как их дочь подвергается нужде и бедности. Живя в роскоши, они могли обресть ее на жалкое пропитание позорной жизнью. Довольные собственной участью и благодушно вззирающие на окружающие их удобства, они обрекали ее на бесславный путь, в котором не было ни одного удовольствия, способного подбодрить ее; где каждый день должен был добавлять новые мучения к ее участи, каждый час опускать ее еще ниже в социальной шкале. Почему? Потому что неосторожность или преступление - называйте как хотите - сделали ее подходящим объектом для их доброты; потому что ее собственный поступок поставил ее в такое положение, что она почувствовала свой позор и попросила у них сочувствия и помощи, чтобы вернуться на прежний путь. Можно ли найти более жалкий объект, чем женщина, которая, размышляя о своем поведении, пожертвовала своей добродетелью ради настойчивых просьб, уговоров или клятв своего любовника? Бред любви прошел, но осталось всепоглощающее чувство стыда; она чувствует, что минутный поступок разрушил ее будущую жизнь; она знает, что мир осудит ее, и единственное средство, которое у нее есть, - это обращение к родителям. Если они любезно возьмут ее за руку, то, скорее всего, зло не распространится дальше, и она сможет восстановить свое положение в жизни. Если же они откажут ей в сочувствии, то практически загонят ее в пучину порока, поскольку другого пути у нее нет. Кто же в таком случае несет ответственность за ее дальнейшую карьеру, как не те, кто в силах уберечь ее от дальнейшей вины и позора?

Л. А.: "Я старший в большой семье. Мой отец - пьяница, и он не мог содержать своих детей. Последние пять лет я содержал своих родителей, братьев и сестер". Это пример вопиющего социального преступления, на которое невозможно смотреть без ужаса: родители семьи с оставшимися детьми живут за счет греховных доходов первенца! В данном случае экономика природы перевернута. Можно понять и оценить сыновнюю привязанность, побуждающую ребенка поддерживать своих престарелых и немощных родителей, но невозможно слишком строго осудить поведение человека, чьи собственные действия довели его до нищеты, и который затем поощряет свою дочь вести проституционную жизнь, чтобы поживиться на деньги, полученные в результате разврата, к которому он в основном причастен.

А. Б.: "Мой любовник соблазнил и заразил меня, пока я работала на фабрике. Я вернулась домой, и родители выгнали меня из дома". Ни потеря характера, ни физические страдания не были достаточным наказанием для этой бедной девушки, которой было всего восемнадцать лет; вероятность будущей нравственной жизни не могла побудить ее родителей простить первый проступок. Они отправили ее на работу в общество, которое почти наверняка приведет ее к гибели. Это само по себе является достаточным основанием для их осуждения, поскольку они находились в комфортных условиях и не могли ссылаться на бедность в

качестве оправдания; а когда гибель была совершена, они усугубили свое преступление, отказав страдальце в приюте.

Эти случаи взяты из реальных фактов. Слова, заключенные в перевернутые запятые, как можно точнее повторяют слова, которые использовали женщины во время допроса. Что касается правдивости заявлений, то мы не решаемся считать, что все они в основном верны. Они не составляют и пятидесятой части случаев, в которых были сделаны подобные разоблачения, но их достаточно для аргументации и доказательства того, что утверждения, сделанные в других местах, опираются на прочный фундамент и не являются простыми фантазиями мозга. Конечно, было бы гораздо больше пользы для общества, если бы их подлинность не была столь неоспоримой.

Приведенные выше примеры убедительно свидетельствуют и оправдывают дальнейшее рассмотрение обязанностей родителей. Хотя они включают в себя обязанность обеспечивать ребенка пищей и одеждой, на этом они не заканчиваются. Было бы ошибочно считать, что отец выполнил все требования своего положения, когда дал ребенку достаточно еды и одежды. Он бы точно так же заботился о потребностях своего скота, но в случае с детьми необходимо сделать нечто большее. Он должен обращаться с ними так, чтобы вызвать у них чувство благодарности. Дети, как известно, обладают острым зрением и, похоже, природной способностью к логике, если говорить о них самих. Они очень быстро различают, делает ли родитель едва ли не больше, чем того требуют законы страны и общественное мнение, или же он относится к ним с истинной отцовской любовью. В первом случае они становятся эгоистами и используют все свои маленькие хитрости, чтобы получить как можно больше преимуществ, которые дает им закон, не испытывая при этом никаких чувств уважения или привязанности к своим родителям, потому что знают, что от таких обязательств нельзя уклониться без порицания. В последнем случае их благодарность и привязанность являются ответной реакцией на оказанную доброту. Они сразу же понимают, что их любят, и, как естественное следствие, стараются проявить ответную любовь, действуя так, чтобы быть наиболее приятными для своих родителей. Просто поощряя это чувство, можно формировать детей так, как хочет отец, в то время как, уничтожая его, он лишается одного из самых эффективных помощников в своем управлении. Существует так много различных способов проявления этой привязанности к детям, и все они настолько просты и безусловно эффективны, что едва ли можно представить себе, как мужчина или женщина с самым обычным интеллектом может их не замечать.

Помимо удовлетворения личных потребностей семьи, значительную часть забот родителей занимает ее образование. Требуется не только простое обучение в школе, но и тщательная домашняя подготовка, предшествующая их столкновению с миром. Именно наставления и советы, данные в тиши домашнего круга, оказывают самое сильное влияние, наиболее эффективно формируют судьбу будущего мужчины или женщины. Ни один человек не имеет права откладывать выполнение этого долга. Как только ребенок начинает говорить и ходить, так сразу же возникает необходимость в его наставлении. Было бы интересным и важным исследованием установить, по возможности, время жизни, когда дети начинают подвергаться влиянию окружающих их соблазнов. Результат покажет, что это происходит гораздо раньше, чем принято считать. Мальчик, играя с товарищами, подслушивает неподобающее выражение одного из них. Оно сохраняется в его памяти и может стать зародышем, из которого впоследствии истекают привычки сквернословия. Девочка может заметить неподобающий поступок, который отложится в ее памяти и принесет печальные плоды в будущем. Таким образом, обучение детей обычным жизненным обязанностям не может быть начато слишком рано. Если откладывать это дело, то есть

вероятность того, что при попытке возделывания почвы в последующие годы вы обнаружите, что она уже заросла сорняками, на искоренение которых потребуется больше времени и труда, чем на привитие правильных принципов в раннем возрасте. Однажды одна дама в присутствии выдающегося проповедника заметила, что, по ее мнению, детей не следует приучать к каким-либо религиозным упражнениям до тех пор, пока они не достигнут возраста, когда смогут полностью понимать подобные предметы. Ответ престарелого священника как нельзя лучше подходит к данной теме. Он сказал: "Мадам, если вы не вложите в умы своих детей добрые доктрины до этого времени, дьявол наполнит их злыми доктринами".

Нельзя обойти вниманием и такую распространенную ошибку в обучении детей, как чрезмерная жесткость. Эта практика распространена во многих благонамеренных, но бездумных семьях, исповедующих христианство. Все действия проводятся с такой математической точностью, как будто они демонстрируют задачу по Евклиду. Такая система вызывает серьезные возражения, поскольку в многочисленных случаях она оказывалась вредной для интересов ребенка. Она действует точно так же, как пружина часов, которую можно удерживать в фиксированном положении с помощью механических приспособлений, но которая вновь обретает упругость и силу, как только давление на нее ослабевает. Детские умы также эластичны; вы можете ограничить их в любом кругу по своему усмотрению, используя родительскую власть, но в значительной части случаев цель, которую вы хотели достичь, несомненно, будет достигнута. Многие справедливо винят эту причину в неудачах своей будущей жизни. Она представляет добродетель и религию в отталкивающем свете, изображая их только как связанные с аскетизмом, не признавая красоты и счастья, которые являются их главной привлекательной стороной. Так в сознании детей зарождается интуитивная неприязнь к тому, что их учат считать рабством. Нередко можно услышать, как люди описывают, как они проводили субботы в юности, и объясняют утомительным однообразием дисциплины этого дня свое последующее отвращение даже к нескольким часам, проведенным в церкви. Такая строгость, как и честолубие, "пересиливает себя" и гасит дух, который она призвана воспитать. Правильный способ воспитания детей для полезной, почетной и счастливой жизни, наиболее эффективный план достижения желаемой цели - это культивирование их привязанностей и разума, а не подавление одного и сковывание другого строгим применением произвольных правил.

Но ни мужчина, ни женщина не смогут правильно воспитать детей, если их наставления не будут подтверждаться собственным примером. Сколько угодно говорите с сыном о преимуществах воздержанности, а на следующий день пусть он увидит вас в состоянии опьянения, и все ваши труды окажутся бесплодными. Расскажите в присутствии дочери о ценности честности, а затем позвольте ей услышать, как вы произносите неправду, и она сравнит теорию и практику и придет к выводу, что первая ничего не стоит. Родители должны воспитывать самих себя, прежде чем надеяться научить своих детей, и должны вести жизнь в соответствии с принципами, которым они учат, если они ожидают каких-либо полезных результатов от своих усилий.

Прежде чем оставить эту часть темы, можно упомянуть еще об одном вопросе, а именно о необходимости завоевать доверие детей. Их сердца жаждут сочувствия. Если у них проблемы, побуждайте их открывать вам свои недоумения; вздыхайте вместе с ними, когда им грустно, и радуйтесь вместе с ними, когда они счастливы. Девочка, имевшая привычку делиться с матерью всеми своими детскими горестями и нашедшая там сердце, которое бьется в унисон с ее собственным, не откажется от своего доверия, когда станет старше. Помните, что дети - это благословение для родителей, но в то же время и ответственность. В

ваших силах воспитать их добрыми или злыми; вы можете завоевать их доверие или внушить им недоверие; вы можете сделать их полезными членами общества или сделать их вредными для общества; вам в значительной степени доверена их судьба, и от вас потребуются отчет о том, как вы управляете ими.

Длительность этих рассуждений оправдана важностью темы и убежденностью в том, что более тщательное выполнение родительских обязанностей значительно уменьшит проституцию. Каждый человек должен признать, что его долг - помочь в достижении этой желанной цели; и хотя было бы утопией воображать, что этот порок можно искоренить под влиянием семьи, разумно заключить, что его масштабы могут быть существенно сокращены.

Как бы ни были велики обязанности и ответственность отца, они не уступают тем, что возлагаются на мужа. Он должен не только заботиться об интересах своих детей, но и обеспечивать благополучие жены. Вступая в брак, он клянется хранить верность выбранной им женщине, "любить, почитать и лелеять ее" до тех пор, пока они оба будут живы. Это подразумеваемая клятва, если она не выражена во всех обстоятельствах, и любое ее нарушение ни больше, ни меньше, чем лжесвидетельство. Разумеется, обязательство является взаимным; жена связана теми же узами, и в такой же строгой форме, как и муж. Нельзя утверждать, что каждый случай проституции среди замужних женщин является результатом неправильного поведения мужа, но известно, что многие женщины побуждаются или вынуждаются таким поведением к отказу от добродетельной жизни. Нельзя снять вину со всех замужних проституток, но факты, которые будут приведены далее, доказывают, что многие из них были доведены до позорной жизни теми, кто торжественно поклялся защищать и оберегать их.

Нарушение любого известного долга - это преступление против общества, но его масштабы возрастают, когда в преступлении участвует более одного человека. Тогда оно становится причиной второго проступка, и софисты тщетно пытаются доказать, что человек, совершивший первый и вызвавший совершение второго проступка, не несет моральной ответственности за оба. Если отвлечься от обобщений, то можно с уверенностью утверждать, что мужчина, чье поведение по отношению к жене таково, что побуждает ее к порочным действиям, виновен в обоих отношениях. Вот несколько примеров на этот счет.

С. С.: "Мой муж бросил меня и четверых детей. У меня не было средств к существованию". В этом случае муж нарушил закон Божий, насильственно разорвав супружеские узы, и нарушил законы своей страны, оставив жену и детей в качестве обузы для общества. За первое из этих преступлений он должен ответить перед бесконечным правосудием; за второе он подлежит наказанию в этом мире. "Почему же тогда его не наказать?" - спросит кто-то. По той простой причине, что его нельзя было найти. В наши дни закон не допускает той свободы действий, на которую претендовала испанская инквизиция, и не приговаривает человека к наказанию, не дав ему возможности оправдаться. У женщины, находящейся в нищете, с четырьмя голодными детьми, ищущими у нее хлеба, нет ни времени, ни средств, чтобы преследовать провинившегося мужа. Ее нужды требуют немедленного внимания, и поэтому он избегает наказания, назначенного законами, и может жить (хотя и с беспокойной совестью) в другом месте и, возможно, повторять там те беззакония, которые совершал здесь. Обычай бросать жен и детей получил бы суровый отпор, если бы в каждом случае можно было обеспечить соблюдение правовых норм, касающихся оставления детей.

Л. С.: "Мой муж прелюбодействовал. Я застала его с другой женщиной, и тогда он бросил меня". Порочность этого человека усиливалась его смелостью. Похоже, он безрассудно

пренебрегал всеми последствиями, был совершенно безразличен к чувству стыда, а когда его уличили в прелюбодеянии, он добавил к своему преступлению еще и дезертирство. Он не считался с чувствами той, кого в ранней жизни привлек к себе клятвами любви; он нарушал законы приличия и попирали законы своей страны. Муки его жены можно представить, хотя словами их не выразить, а душевные страдания, которые она, должно быть, перенесла, прежде чем предалась беспорядочной проституции как средству существования, не усугубят ее преступление.

А. Г.: "Мой муж сбежал с другой женщиной. Я содержу ребенка". Здесь муж был морально виновен так же, как и в предыдущем случае, но без той отвратительной бравады, которая была характерна для этого случая. Однако у него было еще одно требование, которое должно было обеспечить его верность, а именно - младенец; но и эта связь была бессильна удержать его. Очарованный чарами другой, забыв все права жены, все обязательства отцовства и все требования морали, он подло бросил тех, кто зависел от него, и заставил жену, чью добродетель он обязан был защищать, сделать карьеру порока, чтобы содержать своего ребенка.

А. Б.: "Мой муж обвинил меня в неверности, что было неправдой. Я прожила с ним всего пять месяцев. Я была беременна от него, и после рождения ребенка я отправилась в город, чтобы содержать его". Первая мысль, которую можно извлечь из этого заявления, заключается в том, что пяти месяцев супружеской жизни было достаточно, чтобы превратить этого мужа из преданного любовника в мстительного тирана, который не побрезговал бы прибегнуть к беспочвенному обвинению, чтобы добиться своей цели. За этот короткий промежуток времени он легко забыл данные им обещания, отказался от уз, в которые его заключил собственный поступок, и, чтобы добиться разлуки с женой, без колебаний выступил против нее лжесвидетелем, поставив ее в положение, из которого она могла выбраться, лишь совершив логическую невозможность, а именно доказав отрицательный ответ. На его решение не могла повлиять и вероятная судьба его нерожденного ребенка. Для него не имело значения, увидит ли младенец свет в притоне бесчестия, или его недоброжелательность убьет его еще до рождения, чтобы он мог бросить жену. Для него не имело значения, умрет ли она от голода или будет поддерживать свое существование самыми отвратительными способами. Он пресытился владением, и ни голос природы, ни веления совести не могли помешать его цели. Результат оказался именно таким, можно было ожидать: она стала проституткой, вместо того чтобы умереть с голоду и позволить голодать своему ребенку.

Р. Б.: "Мой муж привел меня сюда (в дом с дурной славой). Я не знала, что это за место. Он живет со мной, а я занимаюсь проституцией". Еще одна разновидность противоестественного поведения. Жена в этом случае была очень симпатичной молодой женщиной, не старше восемнадцати лет; муж занимал уважаемую и хорошо оплачиваемую работу и имел достаточно средств, чтобы содержать ее. В течение трех месяцев после заключения брака он обманым путем склонил ее к посещению модного дома проституции. Вскоре она узнала о его характере, но в конце концов поддалась его уговорам и стала виновной. Он проживает с ней и получает от нее содержание. Каким языком можно адекватно осудить такое хладнокровное предательство со стороны негодяя, выдающего себя за человека?

Л. В.: "Я приехала в этот город из Иллинойса вместе со своим мужем. Когда мы приехали, он бросил меня. У меня на иждивении двое детей". Этот человек привез свою жену из далекого штата в чужой город, где у нее не было ни друзей, ни родственников, которые могли бы дать ей совет и помочь, и бросил ее с двумя беспомощными детьми на произвол судьбы. Если бы

он оставил ее там, где она жила раньше, возможно, она нашла бы достаточно друзей, чтобы помогать ей, пока она не сможет содержать себя сама; но с утонченной жестокостью он перевез ее в место, где ее не знали, а затем совершил побег. Все обстоятельства говорят в пользу предположительного существования намерения бросить ее, как только они прибудут в Нью-Йорк, где он мог действовать таким образом с большей безопасностью, чем в ее родном месте.

С. Н.: "Я вышла замуж, когда мне было семнадцать лет, и у меня было трое детей. Двое мальчиков живут сейчас, девочка умерла. Моему старшему мальчику почти пять лет, а второму - восемнадцать месяцев. Мой муж - моряк. Мы жили очень комфортно, пока не родился мой последний ребенок, а потом он начал сильно пить, не поддерживал меня, и я не видела его и ничего не слышала о нем уже шесть месяцев. После того как он ушел от меня, я пыталась содержать детей, стирая или выходя на поденную работу, но не могла заработать достаточно. Я никогда не могла заработать больше двух-трех долларов в неделю, когда у меня была работа, а это случалось не всегда. Мои отец и мать умерли, когда я была еще ребенком. Мне некому было помогать, и я не мог содержать своих детей, поэтому я приехал в это место. Сейчас мои мальчики живут в городе, и я поддерживаю их того, что зарабатываю проституцией. Только для того, чтобы оставить их, я и приехала сюда". Именно такие слова произнесла честная, печальная на вид женщина, встреченная в ходе расследования в четвертом полицейском округе города. Никаких разумных сомнений в правдивости этой истории быть не может; манера, в которой она ее рассказывала, явно указывала на то, что она излагает факты. Мы навели справки о ней у хозяина дома, и он (а это был мужчина) заявил, что знает, что ее история правдива. Сначала он нанял ее в качестве служанки, потому что хотел помочь ей, но зарплаты, которую он мог платить, не хватало на содержание детей, и в конце концов она занялась проституцией, потому что могла зарабатывать больше на этом ужасном занятии и таким образом выполнять свой материнский долг. Но какой жертвой это было достигнуто! Чтобы прокормить своих беспомощных отпрысков, она была вынуждена поступиться своей честью; чтобы они не страдали от голода, она добровольно выбрала терзания нечистой совести; чтобы продлить их жизнь, она погубила свою собственную. А в то время, когда ей навязывали эту альтернативу, муж тратил деньги на опьяняющие напитки. Если она согрешила - а этот факт нельзя отрицать, как бы ни относиться к нему с милосердием, - то именно неисполнение своего долга побудило, более того, прямо-таки вынудило ее согрешить. Она должна понести наказание за свои проступки, но, прочитав ее простое, душераздирающее заявление, пусть казуисты решат, какое осуждение должно лежать на мужчине, чей поступок вынудил ее нарушить закон целомудрия, чтобы содержать своих детей.

Е. W.: "У моего мужа была другая жена, когда я вышла за него замуж. Я ушла от него, когда узнала об этом. Я была беременна от него, и у меня не было другого способа жить, кроме проституции". С точки зрения закона, это не замужняя женщина, поскольку существование прежней жены делает второй союз недействительным; но это не оправдывает поведение мужчины; более того, это существенно усугубляет его вину. Во-первых, он бросает женщину, которую обязан был содержать по закону, оставляя ее бороться за жизнь, противостоять искушениям, которые непременно должны были ее настигнуть, не заботясь о том, выживет она или умрет, и не обращая внимания на то, сохранит ли она свой характер или погрязнет в пороке; а затем, с величайшей беспечностью, проходит через церемонию брака с другой женщиной. Легко представить себе чувства последней, когда она обнаружила обман, который был применен, чтобы добиться ее руки, и негодование, которое заставило ее немедленно покинуть его, несмотря на свое состояние; и не нужно напрягать фантазию, чтобы представить душевные страдания, которые она перенесла, ее агонию в час испытания

природы, прежде чем она согласилась зарабатывать на жизнь проституцией. Такие случаи нередки, и даже вероятность уголовного обвинения не может удержать некоторых мужчин. Никакое наказание не может быть слишком суровым для подобных преступлений, даже если рассматривать их без учета данного конкретного случая, поскольку они извращают один из самых торжественных контрактов и разрушают всякую уверенность в надежности брачных уз.

С. Н.: "Мой муж был пьяницей и бил меня". Сколько несчастий и преступлений заключено в этих нескольких словах! Любого из пороков этого человека достаточно, чтобы сделать женщину несчастной, а их совокупности достаточно, чтобы свести ее с ума. Она, несомненно, сидела и размышляла в долгие и томительные ночные часы, когда он кутил со своими пьяными собутыльниками, и сравнивала свое нынешнее жалкое состояние со счастьем прежних дней. Ее мысли возвращались к тому времени, когда он завоевал ее любовь, к тому дню, когда он привел ее в свой дом невестой, а затем она обводила глазами комнату, лишенную теперь почти всех вещей, которые можно было бы использовать для удовлетворения его безумного аппетита к спиртному, и из ее сердца вырывался тяжелый вздох. Но все же она продолжала свои грустные воспоминания и думала о доброте, которую он проявлял тогда, и о его жестокой свирепости сейчас - вспоминала его внимательную нежность и сравнивала ее с его маньячной яростью. И тогда что-то шепнет ей: "Почему ты это терпишь?" - и ее женская натура воспрянет, сопротивление сменится покорностью, и она покинет свой дом и того, кто его осквернил, и принесет себя на алтарь порока, став жертвой пьянства и жестокости своего мужа.

С. Н.: "Мой муж бросил меня, потому что я была болезненной и не могла выполнять тяжелую работу". Мужа этой женщины можно представить как ленивого, никчемного человека; вероятно, он женился не для того, чтобы обрести помощника и партнера, а чтобы получить раба. Ее здоровье не позволяло ей выполнять столько тяжелой работы, сколько он ожидал; спекуляция оказалась не такой удачной, как он предполагал, и он оставил ее без средств к существованию, чтобы она голодала или грешила, как она считала нужным.

Р. Т.: "Мой муж был несдержан и оказался вором. Его отправили в тюрьму". Еще одна жертва мужа-пьяницы, но он довел свои порочные привычки до того, что его настигли законы его страны. Если бы он просто бросил свою жену, никто бы и не подумал его арестовывать, но он украл чужое имущество, и против него тут же были направлены все механизмы закона. В одном случае его поведение обрекает жену на позор в этом мире и, возможно, на гибель в следующем, а доброжелательная публика спокойно смотрит на это и ничего не говорит. В другом случае он обманывает своего соседа на несколько долларов и центов, а возмущенная общественность требует его справедливого наказания! Какой вывод можно сделать из этих фактов? Честь, характер и жизнь разрушены, а преступник скрывается: деньги украдены, а он наказан! Неужели деньги ценнее характера и жизни женщины?

Нет необходимости доказывать, что, когда заботу о ребенке берут на себя его родственники, родительские обязанности также ложатся на них; не может быть никаких разногласий относительно обязанности родственников помогать, насколько это в их силах, детям, которых смерть или другие обстоятельства могли лишить естественных защитников. Если бы эти принципы не были общепризнанными, все крупные города были бы переполнены обездоленными сиротами. Благотворные результаты, часто возникающие в результате такой опеки, убедительно свидетельствуют в ее пользу; но все же от этого настоящего долга часто уклоняются или признают его и дают возможность проявить тиранию, которая, естественно, ведет к поощрению порока. В качестве примера можно привести следующие случаи:

Л. Ф.: "Я поддерживаю свою тетю". В этом случае тетя не просто уклоняется от выполнения своих обязанностей, но и добавляет к своему пренебрежению положительное одобрение брошенной жизни девочки, добровольно получая часть ее заработка. О том, какое образование она дала своей племяннице, можно судить по его результатам. Подобные разоблачения почти слишком отвратительны, чтобы их критиковать.

С. Б.: "Мои родители умерли. Я приехала в эту страну с дядей и тетей, которые жестоко обращались со мной с момента высадки на берег и до тех пор, пока я не сбежала". Смерть ее родителей должна была стать залогом привязанности родственников, которым она была доверена, но вместо того, чтобы произвести такой эффект, они привезли ее в чужую страну и применяли ряд жестокостей, пока она не смогла больше их выносить. Более чем вероятно, что это был план, направленный на то, чтобы изгнать ее из их дома. Они не признавали своего долга заменить отца и мать, которых она потеряла, и не признавали силу родства, которая, по крайней мере, должна была защитить ее от позитивной недоброжелательности. Не было у них и тех чувств сочувствия, которые должен испытывать к сироте каждый благожелательно настроенный человек. Они не могли не осознавать вероятность того, что она попадет в дурную компанию и приобретет порочные привычки, если выйдет из-под их опеки, но, похоже, в их расчеты не входила забота о ее счастье или характере, которые могли быть примерно такими: Она нам в тягость, поэтому мы постараемся ее выгнать; если она сможет зарабатывать на жизнь честным путем, тем лучше; если она окажется проституткой, это ее личное дело. Это была не только *"ее собственная забота"*, но и их последствия, поскольку они участвовали в ее совершении, и, с точки зрения морали, они несут такую же ответственность за ее гибель, как если бы они действительно, а не косвенно, стали ее причиной.

Следующие случаи очень похожи друг на друга, и мы приводим их в совокупности:

А. Д.: "Мои родители умерли. Я жила с дядей, который обращался со мной очень недоброжелательно".

Л. С.: "Мои родители умерли, когда я была маленькой. Я жила с дядей и тетей, которые плохо со мной обращались". Лишение каждой из этих несчастных женщин после смерти родителей - потеря, почти неисчислимая по своим последствиям, - передало их под опеку тех, кто одинаково пренебрегал своими обязанностями и превратил доверительное управление в средство для проявления недоброжелательности к сиротам. Кажется удивительным, что память об умерших брате или сестре не может обеспечить даже обычную заботу об их детях. Нельзя ожидать, что оставшиеся в живых родственники проявят столько же привязанности, сколько проявили бы родители, но приходится испытывать разочарование, если они не делают никаких попыток проявить доброту. Нарушаются веления природы, когда на смену сочувствию приходит суровость, а нужда считается достаточным основанием для намеренного и постоянного жестокого обращения. Такое поведение делает девочку безрассудной и человеконенавистнической и заставляет ее искать в недостойной любви ту привязанность, в которой ей отказали опекуны.

Л. М.: "Невестка отвела меня в дом проституции и там надругалась надо мной". Нечасто в цивилизованной жизни, да и вообще в менее благородных сообществах, можно встретить такой случай варварства, как это насильственное насилие над молодой девушкой при помощи и попустительстве ее невестки. Разум с отвращением отшатывается от столь часто встречающихся случаев изнасилования, но этот случай настолько усугублен, что на него невозможно смотреть без чувства стыда за испорченность человеческой натуры. В одном случае грубые страсти мужчины проявляются в жестокой манере; в другом - та же причина

существует в аналогичной степени, соединенная с чернейшим коварством родственницы. К такому бесстыдному нарушению законов кровосмешения, к такому возмутительному сговору между гнусным мужчиной и чудовищной женщиной сестра должна была быть побуждена оказать помощь каким-то известным ей самой способом. Невозможно представить, чтобы в ней была хоть искра добродетели; напротив, она, должно быть, задолго до этого случая опустила в самые глубины порока, иначе никогда бы не стала орудием столь адского замысла. О том, какое вознаграждение она получила, известно, конечно, только самим участникам, но читатель мог бы получить более полное представление о ее характере, если бы узнал, какую оценку невестка дала добродетели сироты. Результат возмущения, несомненно, был именно таким, каким его предвидели преступники. Жертва знала, что ее характер испорчен, что у нее нет иного выхода, кроме проституции, и, хотя виновная пара, буквально принудившая ее к греху, может поздравить друг друга с успехом своих махинаций, она должна понести наказание в преступной и несчастной жизни.

Г. Х.: "Я была обнаружена и разоблачена моим братом". Эта девушка, поддавшаяся на уговоры мужчины, которого "она любила неразумно, но слишком хорошо", может приписать свою последующую порочную карьеру поведению своего брата. Должно быть, ему не хватало добрых чувств, чтобы принять участие в позоре сестры, а также он обладал весьма ограниченным знанием человеческой природы или большой долей недоброжелательности. Вряд ли можно представить, что он действовал по незнанию, поскольку должен был быть уверен, что такое разоблачение, скорее всего, побудит его сестру продолжить связь, которая была публично известна, а значит, не могла увеличить ее позор; нельзя также предположить, что его поведением руководило злобное желание испортить ее характер. Но каковы бы ни были его мотивы, результат был один. Она была вынуждена вести жизнь проститутки, от которой ее можно было бы спасти, если бы были использованы добрые и ласковые средства, а не жестокий и беспечный курс, который был принят.

С. В.: "Мои родители умерли, когда я была маленькой. Меня воспитывали родственники, которые уехали в Калифорнию, когда мне было шестнадцать лет, и оставили меня без средств к существованию. У меня не было никакой профессии". Нет никаких утверждений о том, что родственники этой девушки недоброжелательно относились к ней, пока она жила с ними, но они бросили ее в беспомощном состоянии именно тогда, когда она больше всего нуждалась в их опеке. Они не могли не знать о множестве соблазнов, которым подвергается в Нью-Йорке молодая женщина, не имеющая ни защитников, ни средств к существованию, и все же они удалились на расстояние и оставили ее встречать эти испытания в одиночестве. Девочку, которую они воспитывали с младенчества и к которой, должно быть, испытывали немалую привязанность, они покорно бросили на произвол судьбы, которая была почти наверняка хуже смерти. По меньшей мере, это был самый неосмотрительный шаг, который привел к очень печальным последствиям.

Е. Р.: "Мой муж бросил меня, чтобы жить с другой женщиной; мои родители умерли; я пошла в дом моего брата, и он меня выгнал". Братская недоброжелательность - еще один пример! Сестра-сирота, покинутая мужем, попросила у брата кров, а он выгнал ее из дома! Такое поведение было бы варварским, если бы с просьбой обратился даже незнакомец; в данном случае оно демонстрирует жестокость, которую нельзя осуждать слишком строго.

С. Б.: "Мои родители были мертвы. Я был не на своем месте. У меня не было родственников, кроме дяди, который не давал мне никакого крова, если я не платил ему за него. Я ходил по городу, чтобы раздобыть денег на оплату жилья". Имя этого дяди должно быть передано потомкам как синоним жестокосердного эгоизма и как указание на другой способ зарабатывания денег. Его скупердяйские наклонности, должно быть, были очень сильно

развиты, когда он отказал в приюте своей обездоленной племяннице, если она не заплатила за него. Ему, конечно, было все равно, как и где она раздобыла средства, и, несомненно, его спокойствие не было нарушено, когда он убедился, что деньги, которые она ему заплатила, были ценой ее позора. Монета была такой же яркой в его руке, такой же полезной для хранения или траты, как если бы это был ее честный заработок. Вероятно, он был бы крайне раздражен (это свойственно таким людям), если бы какой-нибудь откровенный человек сказал ему, что именно благодаря ему эта девушка стала проституткой; но разве можно отрицать, что так оно и было, когда он получил часть денег, заработанных проституцией своей племянницы, прежде чем разрешил ей ночевать в своем доме?

Л. С.: "Моя сестра жестоко обращалась со мной, потому что у меня не было работы". Здесь сестра, похоже, рассматривала деньги как главное благо. Просительница была без работы, что само по себе достаточно, чтобы вызвать сочувствие; она была в нужде, что должно было стать дополнительным поводом для доброты; и все же по этим причинам сестра жестоко обращалась с ней.

Таким образом, пытаясь показать несколько обязанностей родителей, мужей и родственников по отношению к тем зависимым женщинам, которые в любой момент могут подвергнуться соблазнам, уводящим с пути добродетели, были показаны случаи, когда отступление от общепризнанных обязанностей этих классов пополняло ряды проституции. В этих замечаниях мы стремились не выдвигать ничего, опирающегося на теорию; не отстаивать ничего, если это не подкреплено фактами или не признано здравым смыслом; не освобождать никого от вины, когда обстоятельства требуют порицания, и не осуждать никого, в пользу кого могли бы возникнуть сомнения.

Записанные отрывки, дающие возможность заглянуть за пределы публичной сцены и демонстрирующие тайные механизмы семейного круга, не могут быть рассмотрены без смешанного чувства печали и стыда. Горе от того, что так много женщин, которые могли бы стать полезными членами общества, были вынуждены вступить в ряды греха; и стыд от того, что орудиями этих процессов были те, кто должен был приложить все усилия, чтобы предотвратить такой результат.

Перед читателем предстают случаи, когда скорбящей, убитой горем девушке было отказано в возможности покаяться и ее изгнали из отцовского дома; когда другую изгнали из семейного круга за то, что она не согласилась на неудачный брак; когда отчимы и мачехи нарушили свои обязанности и презрели обязательства, которые добровольно взяли на себя; когда жестокое обращение матери довело ее дочь до гибели; где родители жили и веселились за счет бесчестья своих детей; где прибегали к ложным обвинениям и недоброму обращению, которые, естественно, оттолкнули девушку от дома и добродетели; где пьянство и разврат превратили дом в ад на земле; где родители в достатке изгнали ребенка из дома; где проституция была принята добровольно как избавление от родительской тирании.

И снова: Приводятся примеры, когда мужа бросали своих жен и детей; когда супружеский обет нарушался самым вопиющим образом, и за преступлением следовало сознательное оставление; когда привязанности жены пренебрегались, и ее любовь уходила на купленные ласки другой женщины; когда жене без причины предъявлялось обвинение в неверности; когда муж намеренно привел свою жену в дом проституции и теперь ведет праздную, никчемную жизнь на ее заработки; где другой муж увез жену в чужой город, чтобы бросить ее и детей; где торжественный брачный договор был извращен; где пьяный муж поднял руку на женщину, которую поклялся защищать; где болезнь и неспособность жены к труду стали

причиной ухода мужа; где безумная жажда опьянения мужчины заставила женщину заниматься проституцией ради содержания; где муж был посажен в тюрьму за воровство.

Еще дальше: Приводятся случаи, когда тетя живет на доходы от проституции племянницы; когда дяди и тети систематически жестоко обращаются со своими родственниками-сиротами; когда невестка подготавливает и помогает в насилии над ребенком; когда недоброжелательность брата заставляет сестру продолжать постыдную жизнь; когда родственники, которым доверили ребенка-сироту, бросили ее, когда она больше всего нуждалась в их заботе; когда брат отказал в убежище брошенной и страдающей сестре; когда дядя заставил девочку заниматься проституцией ради денег, чтобы заплатить ему за жилье.

Как уже говорилось, все эти случаи являются фактами, собранными в ходе данного расследования, и, как мы полагаем, в значительной степени соответствуют действительности. Можно ли удивляться тому, что проституция продолжает распространяться, учитывая такие факты? Семейный круг - один из источников, откуда она исходит; таковы же брачные узы; таковы же различные ветви кровосмешения. Когда отцы, мужья и родственники забывают о своих обязанностях и своим влиянием способствуют распространению порока, нет ничего удивительного в том, что посторонние люди готовы и стремятся внести свою лепту в это грязное течение.

Но это зло не является неизлечимым, если удастся привлечь общественное мнение на сторону общественной морали, а родителей убедить наглядными демонстрациями, что голос возмущенного народа будет поднят против них, если практика, подобная описанной, будет продолжаться. Мужья тоже должны быть убеждены, что любое нарушение брачных обетов подвергнет их народному одиозу; и если они заключили непродуманный, поспешный союз, ответственность должны нести они сами. Договоры, которые они добровольно заключили, должны быть выполнены. Родственники также должны быть предупреждены о том, что выполнение их обязанностей будет требоваться неукоснительно. Недостатка в законодательстве по этому вопросу нет; все, что нужно, - это решимость обеспечить соблюдение существующих законов, и когда это будет сделано, некоторые из основных причин проституции будут устранены.

Продолжим анализ таблицы ответов: Семьдесят одна женщина была убеждена проститутками в необходимости вести развратную жизнь. Один из самых распространенных способов достижения этой цели - заманить девушку в какой-нибудь дом проституции в качестве служанки, и это часто делается через разведывательное бюро.

Большинство жителей Нью-Йорка знакомы с порядком и распорядком работы этих контор, но для остальных они могут быть описаны в порядке информации. Представьте себе большое помещение, как правило, подвальное, расположенное на одной из центральных улиц. Войдя в него с улицы, вы увидите две двери, обозначенные соответственно "Вход для работодателей" и "Вход для слуг". Пройдя через первую, вы подходите к столу, за которым сидит хозяин или его служащий с регистрационными книгами перед собой. Вы заявляете о своем желании нанять служанку, указываете ее обязанности и зарплату, которую вы готовы платить. Это регистрируется с указанием вашего имени и адреса, вносится плата, и вам предлагают пройти в другой отдел и узнать, подойдет ли вам кто-нибудь из толпы, ожидающей вас там. Если поиски увенчались успехом, нужно лишь сообщить бухгалтеру, что вы подошли, и забрать слугу домой; если же поиск не увенчался успехом, по указанному адресу будет отправлена женщина, и служащий будет продолжать отправлять ее до тех пор, пока вы не будете удовлетворены.

Слуги, желающие найти работу, регистрируют свои пожелания и платят за это. Если в списке работодателей нет подходящих мест, им разрешается оставаться в зале ожидания, пока не появится претендент. В этих залах ожидания может находиться от двадцати до ста человек, в зависимости от того, какие дела ведутся в офисе.

В теории эта схема очень хороша, но на практике ею часто злоупотребляют. Добропорядочная домохозяйка, желающая нанять служанку, не встретит особых проблем, а человек, желающий превратить контору в средство для привлечения женщин в неблагоприятных целях, редко будет разочарован. Владельцы редко замечают достигнутые договоренности; они просто выступают в роли посредников, сообщая о желаниях каждой из сторон, и не вмешиваются в характер каждой из них, если только он не настолько плох, что заставляет их обратить на это внимание ради их же блага. Пока работодатель и слуга согласны, офисный служащий доволен.

Следующие факты иллюстрируют то, как молодые женщины иногда попадают в ловушку. Прилично одетый мужчина пришел в офис разведки и представился кладовщиком, проживающим примерно в двадцати милях от Нью-Йорка. Он хотел нанять девушку в качестве швеи и горничной, которая должна была отправиться с ним домой в тот же день. Оглядев зал ожидания, он вскоре увидел достаточно привлекательную девушку, которой и сделал предложение. Заработная плата, которую он предложил, была высокой, работа - легкой, и женщина согласилась немедленно отправиться с ним. Он сказал ей, что у него есть небольшие дела, прежде чем он сможет покинуть город, но она может подождать его у сестры, пока машины не будут готовы к отправлению. Не имея ни малейшего представления о соблазнах Нью-Йорка, она отправилась с ним в бордель, содержательницей которого, по его словам, была его сестра. Здесь она пробыла несколько часов, ожидая его возвращения. Сестра выразила удивление его отсутствием, но решила, что его задержали дела, и, явно испытывая добрые чувства, сказала девушке, что в эту ночь она может переночевать у нее. Ее подозрения были усыплены кажущейся респектабельностью людей, и она осталась. В течение вечера характер дома стал очевиден, и тогда хозяйка предложила нанять ее в качестве служанки, торжественно пообещав, что она не подвергнется никаким оскорблениям. Почти совсем чужая в городе и без денег, она согласилась. Несколько дней пребывания в таком рассаднике порока оказалось достаточно, чтобы отбить у нее чувство добра и зла, и уже через две недели она была записана в проститутки.

Содержательницы домов иногда сами посещают эти конторы, но обычно нанимают какого-нибудь неизвестного агента, или же иногда одну из проституток просто одевают и посылают зарегистрировать ее имя в качестве желающей, чтобы получить возможность войти в комнату ожидания. Там она вступает в разговор с другими женщинами, которых она использует все свое искусство, чтобы склонить к посещению своего работодателя, и очень часто с тем же результатом, что и в только что описанном случае.

Среди многих проституток существует извращенное желание низвести добродетельных представительниц своего пола до такой же деградации, как и они сами. Поскольку они не могут возвысить свой собственный характер, они стремятся унижить характер других. Чтобы добиться этого, они не жалеют ни проблем, ни искажений. Можно отметить одну систему, в которой они обычно используются, хотя способ схож с только что приведенным случаем с девушкой-служанкой. Один мужчина решил погубить женщину, которая безоговорочно верила в его искренность и призналась, что любит его. Он обнаружил, что ее скромность и здравый смысл не поддаются его уговорам, и в конце концов прибег к хитрости, пригласив ее пойти с ним в гости к родственникам. Он привел ее в бордель, представил его содержательницу (которая уже была проинструктирована на этот счет) как свою тетю, а одну

или двух посетительниц - как ее дочерей. Некоторое время обман сохранялся, обсуждались семейные дела, предлагались закуски. Жертве подносили бокал с одурманивающим вином, и, как только его действие становилось заметным, злодейское деяние совершалось. Подобные махинации показывают, что многие из этих проституток опасны для общества не только своей открытой преступной жизнью, но и тем влиянием, которое они оказывают, чтобы обмануть честных представителей своего пола.

Мы уже упоминали о многочисленных опасностях, которые окружают молодых женщин во время их путешествия в эту страну на переполненных эмигрантских кораблях или после их прибытия в столь же переполненные эмигрантские пансионы, и нет необходимости повторять их в этом разделе; но изложение причин проституции будет неполным, если оставить без внимания вредное влияние некоторых наших модных школ-интернатов. Каким бы поразительным ни казалось подобное утверждение, оно не более странно, чем верно. Система образования, основной целью которой является привитие знаний о (так называемых) современных достижениях, почти полностью исключая моральное воспитание; чтобы ученики представляли собой наиболее ослепительный вид в обществе, независимо от их реальных интересов и обязанностей, в некоторых случаях приводит к плачевным результатам. Филиальная привязанность, или раннее воспитание, или врожденная добродетель позволяют многим преодолеть эти искушения, но другие поддаются им. Один случай, в частности, хотелось бы привести, хотя встречалось несколько подобных.

Девушка восемнадцати лет, родившаяся в Луизиане, от весьма респектабельных родителей, была побуждена сбежать из школы-пансиона в окрестностях Нового Орлеана с мужчиной, который соответствовал ее романтическому идеалу возлюбленного. Никаких брачных обетов между ними не было; она доверилась ему, как героиня современного романа, а он обманул ее, как обманывают своих жертв все современные грабители. Она прожила с ним значительное время. Когда он покинул ее, она осталась почти без средств к существованию. Она боялась вернуться к родителям, зная, что они знакомы с тем, какую жизнь она вела, и у нее не было других средств поддержки, кроме открытой и завуалированной проституции. Эти особенности ее истории должны послужить предостережением как для родителей, так и для дочерей об опасностях, которые таит в себе поверхностная и неправильная система воспитания.

Конечно, не следует полагать, что все школы открыты для подобных возражений. В многочисленных учреждениях подобного рода, разбросанных по всей стране, большинство заслуживает всяческого доверия. Подобные случаи, вероятно, являются исключениями из правил, но все же то, что было пагубным в одном случае, может быть пагубным и в другом; и образование молодых женщин, формирующее их характер на всю жизнь, должно проводиться, насколько это возможно, так, чтобы обеспечить их безопасность, честь и полезность. В одной из последующих глав мы подробнее остановимся на этом поверхностном образовании.

Одним из *реальных* улучшений современности является введение физиологии как раздела образования в наших школах. Однако приходится сожалеть, что знания, сообщаемые молодежи по столь важному предмету, все еще крайне ограничены. Действительно, таково современное состояние общественного мнения, что любой учебник или преподаватель, который должен дать тщательное обучение в отношении всех органов и функций человеческого тела, будет считаться совершенно непригодным для использования или выполнения обязанностей. Несмотря на это, молодежь обоих полов все же получает информацию о браке, деторождении и материнстве. И как? Силой естественного любопытства и вредных ассоциаций. Долг родителей - правильно информировать своих

детей о том, что они неизбежно должны знать. В результате пренебрежения этой обязанностью мальчики и девочки вынуждены узнавать все, что могут, о тайнах своего бытия от невежественных слуг или развращенных товарищей. Пусть отцы учат своих сыновей, а матери - своих дочерей в самом раннем возрасте всему, что им необходимо знать для их будущего благополучия. Полученная таким образом информация будет наделена святостью и деликатностью, которых так не хватает при получении из ненадежных и пагубных источников.

Таким образом, можно будет избежать многих пагубных влияний, связанных с нынешней секретностью в таких вопросах. О дурных привычках и занятиях, распространенных среди молодежи, врачам хорошо известно, и многим родителям приходилось оплакивать их печальные результаты в виде преждевременной смерти или лишения разума детей, которые при надлежащем физическом воспитании могли бы стать их гордостью и радостью.

Рядом с ответственностью родителей в этом вопросе стоит ответственность учителей, которые со всей рассудительностью и деликатностью должны восполнять недостатки невежественных или неспособных родителей в физиологическом воспитании всех переданных им на попечение детей.

И здесь несколько слов о вредных последствиях так называемого классического образования. Не приобретаются ли они зачастую с риском для деликатности и подорванных моральных принципов? Мифология, в частности, знакомит нашу молодежь с куртизанками, которых называют богинями, и с богинями, которые являются лишь переодетыми куртизанками. Поэзия и история так же часто посвящены экстазам незаконной любви, как и невинным радостям чистой привязанности. Следует ли полностью игнорировать эти отрасли знаний? Ни в коем случае; но пусть только их безвредные цветы и полезные плоды будут отобраны для юных умов, чтобы полностью исключить все ядовитые, какими бы красивыми они ни были.

Недостаток информации привел к еще одному злу - он стал толчком к продаже непристойных книг и печатных изданий. Недавние судебные разбирательства пресекли эту гнусную торговлю, но она все еще существует. Мальчишек и молодых людей можно встретить слоняющимися в любое время суток вокруг отелей, паровозных доков, железнодорожных депо и других общественных мест, якобы продающими газеты или брошюры, но втайне предлагающими мерзкие, развратные издания тем, кто может стать их покупателем. Обычно они выбирают молодых и неопытных людей по двум причинам. Во-первых, это наиболее вероятные покупатели, и они охотнее всего поддаются на вымогательство, а во-вторых, на них легче навязаться. У торговцев есть трюк, который они часто используют, и о котором вряд ли можно сожалеть. В небольшой переплетенный том они вставляют около полудюжины разноцветных непристойных табличек, которые обрезают по размеру печатной страницы. Наметив жертву, они осторожно привлекают ее внимание к картинкам, быстро перелистывая листы, но не позволяют взять книгу в руки, хотя и дают ей хорошую возможность обратить внимание на переплет. Ему и в голову не приходит, что листы расшатаны, и он уверен, что, покупая книгу, он покупает и картинки. Когда цена оговорена, продавец намекает, что, поскольку за ним наблюдают, покупателю лучше на мгновение отвернуться, пока он достает деньги из карманной книжки, и в этот промежуток времени он вынимает листы из переплета и прячет их. В следующий момент стороны снова оказываются лицом к лицу, цена названа, а книга, которую он видел раньше, с новой осторожностью передана покупателю и аккуратно убрана в карман. Продавец уходит, а при первой же возможности приз незаметно вытаскивается наружу для более тщательного изучения, и

неосмотрительный покупатель обнаруживает, что заплатил несколько долларов за несколько печатных страниц без картинок, которые стоили бы столько же центов.

Несмотря на все меры предосторожности, есть все основания полагать, что производство этих непристойных книг в значительной степени осуществляется в этом городе. Нет необходимости напоминать кому-либо из жителей о крупных конфискациях, произведенных в Нью-Йорке за последние два года, и приводить конкретные примеры осужденной продукции. В настоящее время соблюдается большая осторожность, и распространение осуществляется через почтовое отделение. Выпускаются циркуляры с описанием изданий и цен на них, указываются способы передачи денег, а рекламодавец прямо говорит, что не разрешает никаких личных бесед из-за опасностей, которыми сопровождается торговля. Используя неопределенное количество *псевдонимов* и часто меняя адрес, на который отправляются письма, ему удастся ускользнуть от бдительности полиции и получить множество денежных переводов.

Не менее опасным, чем непосредственно непристойные издания, является класс сладострастных романов, которые быстро распространяются. Некоторые из них - переводы с французского; но один человек, живущий сейчас в Англии, написал и опубликовал под видом честной беллетристики больше отвратительных произведений, чем когда-либо выходило из парижских типографий. Он пишет в стиле, рассчитанном на возбуждение страстей, но так тщательно следит за тем, чтобы избежать абсолютной непристойности, и украшает свои произведения вырезками из дерева, которые приближаются к разврату настолько, насколько это возможно, не будучи обвиняемым. Приходится сожалеть, что в этом и других городах нашлись издатели, готовые использовать свои оттиски на титульных листах его мусора и продавать произведения, которые не могут не привести к самым худшим последствиям. Те, кто видел много дешевых памфлетов или литературы в "желтых обложках", предлагаемой в Нью-Йорке, без труда вспомнят имя автора, о котором идет речь, а тем, кто не знает его, его раскрытие только повредит. Существует только одно мнение о том, какую долю в разрушении характера молодых людей играют непристойные и сладострастные книги, и их по праву можно считать причинами, косвенно приводящими к проституции.

Таким образом, были рассмотрены некоторые из источников проституции. Чтобы раскрыть их все, потребовался бы целый том; но мы надеемся, что было сделано достаточно, чтобы побудить к наблюдению и расследованию, а также к принятию срочных мер в этой области.

ГЛАВА XXXIV.

НЬЮ-ЙОРК - СТАТИСТИКА.

Средства к существованию.- Занятия.- Обращение с домашней прислугой.- Нитевщицы.- Недельный заработок.- Женский труд во Франции.- Конкуренция.- Возможность трудоустройства в стране.- Влияние женских занятий.- Искушения швеи.- Неразборчивая занятость обоих полов в магазинах.- Фабричная жизнь.- Бизнес отцов проституток.- Бизнес матерей.- Помощь родителям.- Смерть родителей.- Интоксикация.- Пьяные привычки проституток.- *Delirium Tremens*.- Ликер, продаваемый в домах проституции.- Влияние

родителей.-Религия родителей и проституток.-Добрые чувства.-Любовь и верность друг другу.

Вопрос. Является ли проституция вашим единственным средством существования?

Ресурсы.	Числа
Зависимость исключительно от проституции	1698
Имеют другие средства к существованию	302
Всего	2000

Не вызывает удивления тот факт, что семнадцать из каждых двадцати обследованных женщин в Нью-Йорке ответили на этот вопрос утвердительно, поскольку практически невозможно представить себе, что честная профессия может быть связана с пороком такого характера. То небольшое меньшинство, у которого есть другие средства, состоит в основном из женщин, которые работают по своим специальностям или профессиям время от времени или получают небольшое вознаграждение за помощь в обычной работе или за шитье в домах дурной славы, где они проживают. Трудно поверить, что женщины, работающие в борделях в качестве прислуги, сами добродетельны; напротив, хорошо известно, что они во всех смыслах этого слова являются проститутками, с той лишь разницей, что они работают часть времени, а "пансионерки" не работают вообще.

Те, кто работает с перерывами, в основном женщины, чьи профессии неопределенны и которые в определенное время года могут остаться без работы. Тогда реальная необходимость заставляет их жить в городе до тех пор, пока не вернутся дела и они не найдут работу. Их можно скорее пожалеть, чем осудить.

Есть и другой класс, не полностью зависящий от проституции. Он состоит в основном из немецких девушек, которые получают от пяти до шести долларов в месяц как танцовщицы в общественных бальных залах. В первом округе Нью-Йорка есть несколько таких заведений, и капитан полиции этого округа приложил к своим отчетам интересные меморандумы, из которых можно почерпнуть следующую информацию об этих местах и их обитателях. Они предлагаются читателю, чтобы он мог сделать собственные выводы о добродетели танцоров.

"Эти танцевальные дома, как правило, содержатся немцами, которые считают танцы правильным и законным занятием. В целом они очень тихие. Девушки, нанятые для танцев, не считают себя проститутками, потому что владельцы не позволяют, чтобы их называли таковыми. Каждая девушка получает ежемесячно от пяти до шести долларов и питание, и почти каждая из них снимает комнату по соседству для занятий проституцией. Я причисляю их всех к проституткам, потому что, в дополнение к предыдущему факту, я знаю, что большинство из них жили именно так. Очень немногие из этих девушек злоупотребляют алкоголем. Хотя правила бального зала требуют, чтобы они пили после каждого танца со своими партнерами, у хозяина всегда есть бутылка воды, слегка подкрашенной портвейном, из которой они пьют, и он берет с партнера ту же цену, что и за спиртное".

Говоря о содержательнице одного из таких заведений, тот же офицер заявляет:

"Владелица этого дома - немка старше семидесяти лет. Насколько мне известно, она основала этот дом более восемнадцати лет назад. Ее муж как раз тогда приехал из Германии с четырьмя детьми. В то время они не стоили и ста долларов. Мужчина умер три года назад и

по завещанию распорядился разделить сорок тысяч долларов между своими детьми. Вдова владеет такой же суммой на свое имя".

Вопрос. Какой профессией или призванием вы занимались до того, как стали проституткой?

Профессии.	Числа
	.
Художник	1
Медсестра в больнице Бельвью, штат Нью-Йорк.	1
Школьные учителя	3
Разносчики фруктов	4
Изготовители бумажных коробок	5
Фасовщики табака	7
Посещали магазины или бары	8
Посещали школу	8
Вышивальщицы	8
Шитье меховых изделий	8
Шляпники	8
Изготовители зонтов	8
Изготовление цветов	9
Переплетчики обуви	16
Изготовители жилетов	21
Производители кепок	24
Переплетчики книг	27
Фабричные девушки	37
Домработницы	39
Мельники	41
Швеи	59
Портные	105
Портнихи	121
Слуги	933
Жили с родителями или друзьями	499
Всего	2000

Где бы ни рассматривалось социальное положение женщины, один факт всегда был болезненно очевиден, а именно: трудности, которые окружают ее при любой попытке найти работу за пределами проторенной дорожки рукоделия или домашней прислуги.

Многочисленные легкие или сидячие профессии, которыми сейчас занимаются мужчины, могли бы с гораздо большим основанием быть доверены женщинам, но обычай, похоже, установил произвольный закон, который невозможно изменить. Если дама заходит в магазин сухих товаров, ее ожидает какой-нибудь крепкий молодой человек, чья энергия и мускулы были бы гораздо полезнее при обработке земли или другой работе на свежем воздухе. Если она хочет купить ювелирные украшения, ее обслуживает тот же класс слуг. Почему бы женщинам не иметь в своем распоряжении эту отрасль занятости? В

большинстве случаев это было бы более созвучно чувствам покупателей, а следовательно, и интересам владельцев магазинов. Это открыло бы женщинам почетное поле деятельности и улучшило бы положение мужчин, которые сейчас монополизируют такую работу, заставляя их получать работу, соответствующую их полу и силе, и вытесняя из переполненных городов в открытую местность тех, чья женственность быстро приводит их к безделью и разорению.

Многие люди готовы отвергнуть любую попытку улучшить социальное положение зависимых женщин. Они считают это частью того мифа, который они называют оппозицией установленным властям, без какой-либо ссылки на соображение, которое должно лежать в основе всего общества, а именно обеспечение наибольшего количества благ для наибольшего количества людей. Другие противники любых улучшений подкрепляют свои взгляды клеветой на женщину и на ее всемогущего Создателя. Они утверждают, что ее интеллект недостаточен для чего-то, выходящего за рамки рутинной работы, или обвиняют ее в том, что она получила лишь такое несовершенное образование, какое мир счел нужным ей дать, и поэтому у нее не было возможности развивать свои способности. Нет необходимости указывать на успехи и достижения женщин даже в наши дни, опуская все упоминания о том, что было сделано раньше, чтобы разоблачить ошибочность этого утверждения. Факты очевидны для всего мира. Применительно к данной теме можно безоговорочно утверждать, не боясь возразить, что если бы для женщин было открыто больше возможностей для трудоустройства, то соответственно уменьшилось бы количество проституции, и многие из тех, кого сейчас причисляют к дочерям позора, стали бы счастливыми и добродетельными членами общества[390].

В списке занятий, которыми занимаются женщины, ставшие проститутками в Нью-Йорке, прослеживается прискорбное однообразие. Домашнее хозяйство и шитье - вот два основных ресурса. Из общего числа в две тысячи человек вычтем тех, кто жил с родителями или друзьями, детей, посещающих школу, домашнюю прислугу и домработниц, что в сумме составляет 1322 человека, а также 678 человек, почти шестьсот из которых живут за счет иголок и ниток. Из общего числа *только четверо, или ровно один из каждых пятисот*, полагались на поддержку в любом занятии, требующем умственной культуры, то есть один художник и три школьных учителя. Этот факт сам по себе подтверждает теорию о том, что умственное воспитание и достаточная занятость являются ограничениями для распространения проституции.

Если женщины будут вынуждены подчиняться лишь рабству жизни, то от них нельзя ожидать никакого морального развития. Если все подходы к оплачиваемому труду систематически закрываются для них, ничего, кроме деградации, произойти не может, и моралист, содрогающийся от ужаса при одной только возможности позволить женщине зарабатывать на жизнь достойным образом, будет восклицать: "Какая ужасная испорченность существует в женском поле!" Он и другие представители его класса доводят женщину до голодной смерти, отказывая ей в работе, а затем осуждают ее за то, что она влачит жалкое существование ценой добродетели.

Но обратим более пристальное внимание на профессии, которыми занимаются куртизанки Нью-Йорка. Домашняя прислуга составляет 931 человек. Пока еще не появилась современная мода лишать женщин этой сферы труда, но век так прогрессивен, что даже это может быть сделано в течение нескольких лет, и рекламные колонки газет пестрят объявлениями о какой-нибудь недавно изобретенной "машине для уборки". В данном случае

не хватит места, чтобы сделать развернутое замечание по поводу этой работы, но, признавая, что многие работодатели относятся к своим слугам как к человеческим существам, одаренным теми же чувствами и ощущениями, что и они сами, приходится сожалеть, что есть и такие, которые используют их так, что на щеках южного рабовладельца появился бы румянец. Для таких хозяек неспособность слуг - постоянная тема, и они никогда не спрашивают себя, освоили ли они науку управления. Предполагая, что они сами правы, они делают вывод, что "помощь", конечно же, ошибается. Стоит ли удивляться, что такое поведение доводит девушек до опьянения и позора? Еще одна причина, вынуждающая девушек-служанок заниматься проституцией, - это чрезмерное число тех, кто постоянно находится без работы, по оценкам, четвертая часть всех жителей города, и это зло можно было бы уменьшить, если бы было больше возможностей для женского труда.

В каком положении находится рукодельница? Гораздо хуже, чем у служанки. У последней есть дом и еда в дополнение к зарплате; первая должна жить и содержать себя на заработок, который не намного превышает зарплату служанки. Труд, которым зарабатываются эти жалкие гроши, так правдиво изображенный во всемирно известной "Песне о рубашке", до предела изнурителен и изнуряющ. Работая с раннего рассвета до поздней ночи, с дрожащими пальцами, больной головой и очень часто с пустым желудком, бедная швея губит свое здоровье, чтобы заработать на скудное и недостаточное существование. В ее работе нет никакого разнообразия; это один и тот же бесконечный круг стежков, сменяемый лишь утомительным путешествием раз или два в неделю в магазин, откуда она получает свою работу, и где есть вероятность, что часть ее скудной зарплаты будет вычтена за какой-то якобы недостаток в работе. У нее нет никаких средств защиты, она должна подчиниться или быть уволенной.

Не намного превосходит это положение положение мельничихи или портнихи. У нее есть комната в заведении работодателя, и там она должна оставаться до тех пор, пока этого требуют неумолимые требования моды или необходимость подготовить чепчики или платья для какого-то особого случая. Неважно, упадет ли она в обморок от истощения и усталости; миссис... хочет, чтобы ее бальное платье было сшито завтра, и бедная рабыня (мы используем это слово с умом) должна трудиться так, словно ее вечное спасение зависит от ее проворных пальцев. Но вот нарядное одеяние, которое должно украсить красоту, готово, час освобождения наконец настал, и, когда вечером измученная девушка неспешно прогуливается по почти пустынным улицам, она встречает нескольких хрупких представительниц своего пола, одетых в нарядные платья, с лицами, сияющими от выпитого, и в ее голове мелькает мысль: "Им лучше, чем мне". Ее человеческая природа с трудом сдерживает подобное восклицание, которое слишком часто является лишь предвестником ее собственной гибели.

Производители бумажных коробок, упаковщики табака и переплетчики книг живут не лучше. Они вынуждены работать в переполненных цехах, вдыхать дыхание друг друга в течение всего дня (ведь такие рабочие цеха - не самые лучшие вентилируемые здания в Нью-Йорке) и получать в качестве вознаграждения сумму, едва достаточную для того, чтобы найти себе пищу, одежду и кров.

Нет необходимости продолжать эту тему. Уже достаточно сказано, чтобы продемонстрировать необходимость более широкого применения женского труда.

Вопрос. Как давно вы отказались от своего ремесла как средства к существованию?

Продолжительность времени. Числа

		.
3	месяцев	174
6	"	151
1	год	273
2	годы	254
3	"	147
4	"	104
5	"	117
10	"	90
12	" и вверх	16
Не заброшен		296
Неопределенные		378
Всего		2000

Достаточно сказать несколько слов об этой таблице, поскольку замечания, которые могли бы возникнуть в связи с ней, уже были сделаны по другим вопросам. В большинстве случаев от этого занятия отказываются, как только сделан первый неверный шаг, за исключением тех случаев, когда из-за отсутствия работы проституция становится единственным средством существования. Конечно, как уже отмечалось, проституция несовместима с любой честной работой, и в тех случаях, когда женщина занимается каким-либо ремеслом или занятием после того, как она предалась беспорядочным связям, обычно выясняется, что ее мотивом было желание обмануть мир относительно своих занятий или удовлетворить свою совесть в том, что она не совсем развратна.

Вопрос. Каков был ваш средний недельный заработок в вашей профессии?

Средний заработок. Числа

		.
1	доллар	34
2	доллары	336
3	"	230
4	"	127
5	"	68
6	"	27
7	"	8
8	"	5
20	"	1
50	"	1
Неизвестно		663
Всего		2000

Этот вопрос имеет такое же значение, как и вопрос о количестве рабочих мест, доступных для женщин, и в ответах, приведенных выше, можно найти столько же причин для проституции, как и в первом случае. Из работы одного французского автора по этому вопросу

можно извлечь следующие сведения, свидетельствующие о тяготах и недостаточном вознаграждении женщин, занятых на фабриках Франции:

"Женщины заняты главным образом в производстве хлопка, шелка и шерсти. Приготовление хлопка имеет две опасные особенности: "битье" и "одевание", *которые выполняются исключительно женщинами*. В производстве шелка также есть два опасных для жизни процесса, и *они выполняются женщинами*. В шерстяном производстве реальной опасности нет, кроме "кардочесания", и *все кардочесальщицы - женщины*. Из всех этих смертельно опасных профессий нет ни одной, которая обеспечивала бы работнице достаточное содержание; средняя заработная плата составляет от шестнадцати до двадцати пяти су в день, в зависимости от колебаний торговли"[391].

Комментируя эти факты, "Вестминстер ревью" заявляет,

"Мы приложили некоторые усилия, чтобы выяснить относительную заработную плату мужчин и женщин, занятых в одних и тех же профессиях (в Англии), и почти в каждом случае оказалось, что за ту же работу, выполненную за то же время, они получали на треть, а иногда и на половину меньше, чем мужчины, без какого-либо утверждения о неполноценности мастерства. Один мастер серьезно сказал, что он *платит женщинам меньше, потому что они меньше едят*"[392].

В одной из последующих глав этого тома будут приведены некоторые сведения о заработной плате, выплачиваемой в промышленных районах Соединенных Штатов, и будет отмечено такое же неравенство между мужчинами и женщинами.

М. Парент-Дюшателе называет недостаточную зарплату одной из главных причин проституции в Париже. Он заявляет,

"Каковы заработки наших прачек, швей, мельничих? Сравните заработки самых искусных с более простых и умеренных, и мы увидим, возможно ли для этих последних обеспечить даже самые необходимые жизненные потребности; а если мы еще больше сравним цену их работы с ценой их бесчестья, мы перестанем удивляться, что такое большое количество людей впадает в нечистоплотность, которая становится почти неизбежной"[393].

Этот низкий уровень заработной платы оправдывается соображениями конкуренции. Производитель практически говорит: "Если один мужчина или женщина будет выполнять мою работу на пять процентов меньше, чем другой, я должен нанять его или ее, если только я не готов вести свой бизнес себе в убыток; ведь если я не дам им работу, ее даст мой сосед". Как бы ни была действенна эта причина в старых странах, где предложение труда намного превышает спрос, она недействительна в Америке, где существует постоянный спрос на рабочих. Наши города переполнены; удалите часть их жителей в деревню. В наших городах невозможно найти работу; в стране срочно требуются как мужчины, так и женщины. В городах безработная женщина подвергается бесчисленным соблазнам; в деревне ей никогда не нужно быть безработной, а значит, она избежит подобных опасностей. Разница между Новым и Старым Светом заключается лишь в том, что в первом случае города переполнены, а страна свободна, а во втором - и города, и страны заполнены до отказа.

В Нью-Йорке четвертая часть домашней прислуги постоянно находится без работы; уберите их, и, хотя потребности общества будут удовлетворены, рыночная стоимость верного слуги возрастет до прожиточного минимума. Уберите несколько рукодельниц, и предложение труда сократится до уровня реального спроса; портные, изготовители рубашек и платьев должны нанимать швей, а в таких случаях они не смогут получить их без выплаты достойной

заработной платы. Цены на нашу одежду, вероятно, повысятся на пять процентов, а экономия на налогах составит пятнадцать процентов за счет сокращения расходов на полицию, судебные органы, тюрьмы, больницы и благотворительные учреждения.

Опыт зимы 1857-8 годов доказал, что при эффективном осуществлении этого плана возникают лишь незначительные трудности, а "Общество помощи детям" и другие благотворительные организации, которые продемонстрировали не только возможность, но и успех этой системы, заслуживают всяческих похвал. Ни одному человеку, вступающему в фермерское хозяйство на Западе, не нужны аргументы, чтобы убедить его в том, что его собственность будет расти в цене по мере ее возделывания, и многие с радостью предоставят сумму, необходимую для оплаты расходов на выезд слуги. Как только мужчины отправляются валить лес или распахать прерии, нужды фермера заставляют его привлекать женщин для выполнения все возрастающей работы по дому и молочному хозяйству, а также для замещения тех, кто обзавелся мужьями на новом месте. Когда начался прилив эмигрантов в австралийские колонии, почти все покинувшие Англию были одинокими мужчинами, и уже через несколько месяцев с одного конца острова на другой раздался крик: "Пришлите нам женскую помощь, пришлите нам жен". Одна благожелательная женщина, проживавшая в колонии, повторила это требование, а впоследствии прибегла к помощи своих могущественных талантов. Она совершила путешествие в Англию и там оказала такое влияние на общественное мнение, что британское правительство уступило внешнему давлению, и за государственный счет было отправлено множество кораблей с хорошо зарекомендовавшими себя, здоровыми и добродетельными женщинами, чтобы восполнить нужду. Последующее развитие колонии доказало, что эта мера была разумной, и злоупотребления, которым она подверглась, не могут умалить ее достоинств.

Подобные планы в отношении обездоленных детей практиковались в Нью-Йорке в течение нескольких лет, и их последующее распространение на нужды взрослых женщин было ограничено только средствами инициаторов. Если бы необходимость и перспективная польза этой эмиграции были известны и оценены, необходимые средства можно было бы собрать без труда. Жители Нью-Йорка не замедлят откликнуться на призывы к их благосклонности в помощь любой практической и разумной схеме филантропии, и под руководством энергичного делового комитета можно было бы принять меры, которые сделали бы это движение самоокупаемым в течение нескольких лет.

Конкуренция, которая держит зарплату на голодном пайке, усугубляется тем, что многие местные женщины, а также некоторые иностранки, долго прожившие в стране, считают, что работа по дому неэстетична. Эта мысль толкает их на рукоделие, чтобы сохранить свою респектабельность, и таким образом, в то время как от работы отказываются, ряды швей пополняются. Уменьшив число наемных работников, а значит, повысив их заработную плату и обеспечив лучшее отношение со стороны работодателей, жизнь прислуги избавится от многих недостатков, и старомодная работа по дому вновь будет считаться респектабельной. В большей степени это достижение зависит от хозяек, чем от слуг. Первые задают тон манерам вторых. Нельзя отрицать, что многие молодые женщины разорились из-за недоброго или неженственного обращения со стороны своих хозяек, которые давали волю своим капризам, уверенные, что если девушка уйдет от них, то они быстро найдут ей замену. Эта уверенность пошатнется, если экономка узнает, что слуг стало меньше, и ее собственный интерес побудит ее хорошо использовать тех, кто ей подходит. Такой вывод стал бы важным шагом к сокращению проституции и возвышению характера масс^[394].

Нельзя ожидать, что этот порок уменьшится в Нью-Йорке, когда пятьсот тридцать четыре человека из двух тысяч зарабатывают всего один доллар в неделю. Ни один экономист, как бы тщательно он ни подсчитывал, не станет утверждать, что четырнадцать центов в день обеспечат любую женщину жильем, едой и одеждой. Если бы она попыталась существовать на такую сумму, то умерла бы от голода меньше чем за месяц, и все же известно, что многие рассчитывают на это. Как оправдываются такие ожидания и каким печальным образом восполняется недостаток, хорошо видно из результатов этого и других подобных исследований, проведенных здесь и в других местах.

До сих пор в снижении заработной платы обвиняли производителей, но разве потребитель не заслуживает такого же осуждения? Он покупает одежду в магазине А, потому что она на мелочь дешевле, чем в магазине Б. Стоимость сырья одинакова для каждого, и каждый использует одно и то же количество материала в каждом изделии; но если А может найти покупателей на втрое большее количество товаров, чем Б, за счет экономии, которую он получает, выплачивая более низкую заработную плату, вряд ли можно ожидать, что он откажется от этой возможности, - это не в человеческой природе, и уж точно не в коммерческой. Он льстит себе, что конкуренция вынуждает его пойти на снижение, а поскольку публика не осуждает его действия, а стекается в его магазин до тех пор, пока его цена остается ниже, чем у соседа, он делает вывод, что вину должны нести его покупатели. Его выводы также не являются ложными. Публика одобряет систему, которая принуждает к голоду или преступлению, и, ради экономии нескольких центов, своим влиянием пополняет ряды проституток и обрекает многих бедных женщин на вечное разорение "[395].

Прежде чем оставить вопрос о занятости, необходимо отметить влияние различных отраслей женского труда как побуждающих или способствующих безнравственности. Помимо низкой заработной платы, выплачиваемой женщинам, что приводит к нужде, вынуждающей их к пороку, ассоциации большинства из немногих профессий, которыми они имеют обыкновение заниматься, наносят ущерб добродетели. В качестве примера можно привести профессию портнихи или швеи. Работодатель и работница ведут дела следующим образом: Женщина оставляет в магазине либо денежный залог, либо поручительство ответственного лица и получает определенное количество материалов, которые должны быть изготовлены к определенному сроку: когда она возвращает изготовленный товар, ей платят и дают еще работу, которую она должна сшить. Это может показаться очень простым ходом, и так оно и есть, но одна особенность придает ему довольно зловещий аспект. Человек, который доставляет материалы, принимает работу и выносит решение о ее выполнении, почти всегда мужчина, и от его решения зависит, будет ли работнице выплачена полная зарплата или какая-то часть ее жалкого заработка будет вычтена из-за того, что работа не была выполнена в соответствии с его пожеланиями. Во многих случаях он обладает властью, решения которой сводятся к следующему: "Буду ли я сегодня есть или умру с голоду?".

Разумно заключить, что вряд ли что-то, кроме крайней нужды, может заставить девушку взяться за этот труд по его нынешней цене, и разумно предположить, что ее нужда заставит ее использовать все средства, чтобы выполнить свою задачу удовлетворительным образом. Если она обнаружит, что улыбка, подаренная работодателю или его клерку, поможет ей в борьбе за хлеб, она не станет представлять себя с хмурым лицом; или если любезная просьба послужит средством для получения обеда в качестве одолжения, она не станет подвергать себя голоду, требуя его как права. В этом нет ни моральной, ни фактической ошибки, но есть случаи, когда пошлость требовала более дальних уступок, и жертва женской добродетели требовалась в качестве эквивалента за привилегию шить по почти номинальным ценам. Если на это согласиться, жертва может быть уверена в лучшей работе и

наибольшей благосклонности до тех пор, пока ее соблазнитель не пресытится владением, тогда легко найдутся средства, чтобы сменить ее на какую-нибудь новую фаворитку. Если в возмутительной просьбе будет отказано, она больше не получит работы в этом магазине и может искать другую работу, почти наверняка встретив такое же оскорбление в другом месте. То, что это частое явление, к сожалению, нельзя отрицать: в том, что оно оказывает большое влияние на общественную проституцию, сомневаться не приходится.

Занятость женщин на различных работах в этом городе, в процессе которых они вынуждены постоянно общаться с мужчинами, оказывает пагубное влияние на их характеры. Ежедневная рутина очень сильно ослабляет скромность и сдержанность, которые являются лучшей защитой от соблазнителя, и делает их подверженными искушениям в самых разных формах. Девушка часто привязывается к мужчине, работающему в том же магазине, полагая, что это взаимно, и обнаруживает свою ошибку только тогда, когда поддается его уговорам и оказывается брошенной. Или женщины заводят знакомства ради того, чтобы иметь сопровождение на отдыхе, или потому, что так поступила другая женщина, или просто для удовлетворения праздного воображения; но все они направлены в одну сторону и помогают подорвать принципы и поставить под угрозу характер.

В этой связи были упомянуты только городские профессии, но те же самые рассуждения могут быть с большей силой применены к заводской жизни в любом из наших промышленных районов. Там рабочие обоих полов на одной фабрике могут иногда исчисляться сотнями, и их большое количество приводит к более частому и постоянному общению, чем в небольших цехах. В пользу превосходной нравственности таких мест говорят, что сама природа работы требует постоянного внимания к ней и исключает возможность праздного времяпрепровождения. Мы охотно признаем за апологетами все преимущества, которые они утверждают, и признаем, что в течение времени - скажем, десяти часов ежедневно - когда работает механизм, ни мужчины, ни женщины не могут покинуть свои места; но, к сожалению, для силы аргумента, движение не является вечным. Паровая машина или водяное колесо могут работать неделю или месяц, не жалуясь на усталость, но человеческие машины истощаются после нескольких часов непрерывного труда. Машины могут получать необходимое внимание и припасы без остановки своего прогресса, но мужчины и женщины должны иногда прекращать работу, чтобы поесть и попить.

Если допустить, что в рабочее время молодая женщина не может покинуть свой пост, то ее ум свободен, а круг мыслей, когда она лишена возможности передвигаться, часто обращается к тяготам ее положения. Как бы ни были заняты ее руки, ее мозг не занят, и пока ее механические обязанности ловко выполняются, умственные способности находятся в полном напряжении, и для них у нее есть широкий простор. Недовольная тесным заключением на фабрике, уставшая от ужасного однообразия, которое превращает день в повторение вчерашнего и в точное подобие завтрашнего, она счастлива, когда звонок дает сигнал уйти с работы, вырваться из здания и возобновить за его стенами знакомство, которое она завела раньше; и слишком часто уговоры и обещания ее любовника побуждают ее искать в каком-нибудь менее защищенном месте независимость, которой она жаждет. Можно считать общим правилом, что любое ограничение или сдерживание, которое раздражает человеческую природу, должно быть вредным.

Домашняя прислуга не избегает соблазнов, когда работает в больших заведениях, где заняты оба пола, и многие бедные девушки приписывают свое разорение ассоциациям, сформировавшимся в подобных местах.

До сих пор предполагалось, что человек является главным агентом в распространении порока, и нет никаких видимых причин отступать от этой позиции. Многочисленные случаи соблазнения под ложными обещаниями и последующего дезертирства, соблазнения женатыми мужчинами, насилия над беспомощными и незащищенными женщинами - достаточные доказательства этого, как бы это ни было прискорбно для репутации сильного пола, а также подтверждают мнение, что использование мужчин и женщин под одной крышей, в разных отраслях одного бизнеса, имеет сильную тенденцию к развитию проституции. Иногда, правда, бывает, что женщина, потерянная и брошенная сама, помогает своим братьям по несчастью. Во многих магазинах и мастерских нашего города, на каждой фабрике по всей стране можно встретить таких людей, и их коварное влияние быстро ощущается. Ложными представлениями и изощренной раскраской они воздействуют на умы простых людей или разжигают страсти честолюбцев, но в любом случае их цель одна и та же, и они часто добиваются успеха.

Вопрос. Каким бизнесом занимался ваш отец?

Бизнес отцов.	Числа
	.
Архитекторы	4
Аукционист	1
Агенты	5
Мясники	47
Кузнецы	63
Парикмахеры	2
Пекари	21
Строители	11
Бухгалтеры	3
Лодочники	7
Бордельщик	1
Банкиры	2
Плотники	139
Кармен	26
Куперс	19
Клерки	32
Кучера	10
Священнослужители	6
Каретники	9
Кабинетные мастера	16
Водолаз	1
Водолаз	1

Красильщики	3
Инженеры	18
Гравер	1
Фермеры	440
Рыбаки	6
Бакалейщики	14
Гильдии	2
Садовники	10
Стеклодувы	2
Содержатели гостиниц и таверн	36
Шляпники	13
Ювелиры	10
Рабочие	259
Продавцы спиртных напитков	22
Адвокаты	13
Лесоторговцы	7
Ливерные конюхи	5
Миллеры	20
Масоны	82
Купцы	37
Формовщики	3
Производители	24
Музыканты	8
Имущественные люди	5
Морские офицеры	31
Надзиратели	5
Торговцы	5
Полицейские	15
Художники	16
Печатники	3
Плантаторы	5
Паверы	4
Врачи и хирурги	19
Сантехники	2
Ломбарды	2
Плотники-судостроители	23
Моряки	35
Обувщики	48
Машинисты сцены	4

Кладовщики	37
Камнерезы	20
Школьные учителя	14
Серебряных дел мастера	3
Солдаты	38
Парусники	4
Грузчики	14
Слуги	4
Геодезист	1
Портные	35
Торговцы	11
Кожевники и курьеры	7
Жестянщики	2
Ткачи	20
Колесник	1
Неизвестно	106
Всего	2000

Эта таблица показывает, что почти все слои общества подвержены влиянию, которое приводит к проституции, начиная с детей состоятельных людей, банкиров, коммерсантов и профессионалов, и заканчивая семьями механиков и рабочих. Многочисленные и разнообразные занятия отцов тех женщин, которые ответили на этот вопрос, делают практически невозможной их классификацию. Большинство родителей были либо механиками, либо рабочими, мужчинами, которые зарабатывали на пропитание для себя и семьи ручным трудом, и чьи ресурсы зависели от обычных колебаний в торговле.

Проследивая соотношение местных жителей и иностранцев, как показано в предыдущих таблицах, следует помнить, что около пяти восьмых отцов проживали не в Соединенных Штатах, когда родились те дочери, чьи ответы легли в основу этой статистики, и нет необходимости говорить, что труд нигде так хорошо не оплачивается, как у нас. Средняя зарплата, например, первоклассного механика в Англии или Ирландии редко превышает, да и вообще редко составляет, девять долларов в неделю, а рядовому рабочему очень хорошо платят, если он получает половину этой суммы. Эта оценка относится к крупным городам, где расходы на содержание семьи столь же велики, как и в Нью-Йорке, и свидетельствует о бедности, которая, как уже было доказано, является одной из главных причин женской развращенности.

Если продолжить исследование в сельских районах Великобритании, то окажется, что заработная плата механиков и рабочих ниже, чем в крупных городах, без какого-либо существенного сокращения необходимых расходов, за исключением статьи аренды жилья. Жалкие суммы, выплачиваемые сельскохозяйственным рабочим (часто всего двадцать пять центов в день), удивят любого, кто не знаком в полной мере с тяготами, которые переносит этот несчастный класс, и состоянием нищеты, в котором они вынуждены *существовать* (это нельзя назвать *жизнью*) и воспитывать свои семьи.

Более половины иностранцев - выходцы из Ирландии, и ни одному человеку, знакомому с социальной историей этой несчастной страны, не нужно рассказывать о нужде и лишениях,

которые терпит ее крестьянство, об их бесполезных усилиях принести себе пользу, о разорении, голоде и болезнях, от которых они так часто страдают. Чтобы стать фермером в Ирландии, человек должен арендовать акр или два земли, за которые он платит большую арендную плату, поскольку два, а иногда и три "посредника" должны получить свою прибыль, прежде чем хозяин получит свою долю. На этом поле он сажает столько картофеля, сколько можно вместить; а в своей хижине или домике держит свинью или несколько птиц, которых регулярно приручает как членов семьи и уделяет им больше внимания, чем детям. От продажи свиньи он должен получать ренту, а от выручки за птицу и картофель - обеспечивать все свои потребности. Так, с картофелем, который он выращивает почти как единственное средство к существованию, с торфом из какого-нибудь болота по соседству, чтобы обеспечить его топливом, он живет до тех пор, пока обедневшая земля не отказывается давать свой ежегодный урожай или дает его в больном и отравленном состоянии, когда лихорадка и голод наполняют чашу его страданий и делают его зависимым от благотворительности для существования. И это в стране, особенно богатой всем, что необходимо для того, чтобы сделать ее народ великой и счастливой нацией.

Таково состояние Ирландии на протяжении многих лет, и в этом состоянии она, несомненно, находилась, когда там родились женщины, которые сейчас являются проститутками. Принесли ли стране пользу суровые уроки последнего голода, более просвещенная и либеральная политика, которую после этого ужасного бедствия проводила Англия в своем законодательстве в отношении братского острова, внедрение англосаксонского капитала и предприимчивости, а также большой отток уроженцев этой земли, трудно определить перед лицом противоречивых свидетельств, представленных соответственно английскими и ирландскими партизанами. Представляется разумным заключить, что в этих обстоятельствах должно было произойти улучшение. Но здесь не место обсуждать политические вопросы, которые так часто поднимаются здесь и в других местах; для целей этой работы достаточно показать бедность двадцатилетней давности и пороки, которые она порождает сейчас, а также напомнить читателю, что из-за прискорбных страданий ирландцев в их собственной стране мы должны платить налоги в Нью-Йорке за содержание в больницах, богадельнях и тюрьмах женщин, чья бедность вынудила их совершить преступление.

Вопрос. Если у вашей матери было какое-то дело, не зависящее от вашего отца, то какое?

Материнский бизнес.	Цифры.
Никакого независимого бизнеса	1880
Портнихи	35
Портнихи	26
Швеи	12
Кладовщики	9
Содержатели пансионатов	7
Слуги	6
Изготовители жилетов	6
Прачки	4
Пекари	4
Подстригальщики шляп	3
Мельники	3
Мастер по изготовлению искусственных цветов	1

Учитель музыки	1
Медсестра	1
Изготовитель зонтиков	1
Уборщица	1
Всего	2000

Только сто двадцать из двух тысяч женщин ответили, что их матери занимались каким-либо бизнесом независимо от их отцов, и в основном они принадлежали к тому же плохо оплачиваемому классу, что и те, о которых говорилось в разделе, посвященном занятиям самих женщин. Исключение составили содержательницы пансионатов, магазинов и булочных - всего двадцать человек, остальные сто - служанки или рукодельницы. Тот факт, что даже это число считало необходимым увеличивать доход своих семей собственными усилиями, является еще одним свидетельством бедности.

Вопрос. Помогали ли вы своему отцу или матери в их бизнесе? Если да, то кому из них?

Помогали.		Числа.	
Помогали	ни один из родителей	1515	
"	оба родителя	149	
"	матери	306	
"	отцы	30	
	Итого	485	1515
		--	485
	Агрегат	2000	

На этот вопрос тридцать женщин ответили, что имели привычку помогать своим отцам, триста шесть - что помогали своим матерям, а сто сорок девять - что помогали обоим родителям. Два последних ответа, охватывающие четыреста пятьдесят пять случаев, должны быть истолкованы как помощь в обычной семейной работе, которая обычно выпадает на долю детей. Остальные говорят, что никогда не помогали ни отцу, ни матери, или, другими словами, что они были воспитаны в привычках безделья, которые вряд ли могли оставить их в последующей жизни и, вероятно, в значительной степени способствовали их падению.

Вопрос. Жив ли ваш отец, или сколько вам было лет, когда он умер?

Возраст на момент смерти отцов.					Числа.	
Живые отцы					651	
Под	5	лет			289	
С сайта	5	"	до 10	лет	208	
"	10	"	до 15	"	252	
"	15	"	до 20	"	389	
Неизвестно					211	
			Итого		1349	651
					--	1349

Вопрос. Жива ли ваша мать, или сколько вам было лет, когда она умерла?

Живые матери	766
По адресу 5 лет	268
С сайта 5 " до 10 лет	195
" 10 " до 15 "	277
" 15 " до 20 "	281
Неопределенный	213
Итого	1234 766
--	1234
Агрегат	2000

Из предыдущих таблиц следует, что более половины этих женщин - сироты, 1349 из них потеряли своих отцов, а 1234 лишились матерей. В обоих случаях возраст детей на момент смерти родителей находится почти в соотношении; так, двести восемьдесят девять отцов и двести шестьдесят восемь матерей умерли, когда их детям было меньше пяти лет; двести восемь отцов и сто девяносто пять матерей умерли, когда их детям было меньше десяти лет; двести пятьдесят два отца и двести семьдесят семь матерей умерли, когда их детям было меньше пятнадцати лет. Таким образом, среднее число смертей одного из родителей, когда детям было

Ниже 5 лет от возраст	279
С сайта 5 " до 10 лет	202
" 10 " на 15 "	265

и в итоге 1479 родителей умерли, не дождавшись от своих дочерей того возраста, в котором женщина больше всего нуждается в помощи и совете.

В любое время и при любых обстоятельствах мысль о смерти удручает. Мысль о том, что придется разорвать все земные узы; разорвать связи, которые годами составляли часть нашего существования; покинуть мир с его радостями и удовольствиями, заботами и печалью ради "неизведанного пути", ужасает при созерцании; еще ужаснее, когда в семейный круг вторгаются, и у нас отнимают отца, которого мы почитали, или мать, которую мы любили.

Смерть отца - печальное бедствие для его детей; рука, которая питала и защищала их, которая трудилась ради их поддержки, остыла в могиле; их земная опора исчезла. Но еще более тяжким несчастьем является смерть матери. Именно к ней обращаются дети во всех своих младенческих страданиях; именно ее ухо всегда открыто для их печалей; именно ее лоно поддерживает их в болезни; ее забота направляет их шаги в младенчестве; ее любовь предупреждает их об опасностях, которые угрожают им в последующей жизни. Лишенные материнской заботы, они остаются в мире сравнительно одни, и многие из их горестей должны быть связаны с этим событием.

Ответы на эти вопросы дают много материала для скорбных размышлений и убедительно свидетельствуют о возросшей ответственности оставшихся в живых родственников по

отношению к сиротам. На этом моменте уже так много говорилось, что было бы излишним повторяться, доказывая его необходимость.

Вопрос. Употребляете ли вы одурманивающие спиртные напитки? Если да, то в какой степени?

В какой степени.	Числа.	
Не употребляю спиртные напитки	359	
Пьют умеренно	647	
"неумеренно	754	
Привычные пьяницы	240	
Итого	1641	359
	--	1641
Агрегат	2000	

Можно считать почти неизменным правилом, что куртизанки во всех странах имеют привычку употреблять алкогольные стимуляторы в большей или меньшей степени, чтобы поддерживать то искусственное состояние возбуждения, которое является неотъемлемым условием их призвания. Одна из представительниц этого класса в Лондоне сказала мистеру Мэйхью, когда он наводил справки, упомянутые в главах об английской проституции: *"Ни одна девушка не смогла бы вести такую жизнь, как мы, без джина"*; и пьянство, несомненно, является всеобщим среди брошенных женщин. Даже при самом благоприятном взгляде на ответы на рассматриваемый сейчас вопрос и признании их строго верными выяснится, что пять шестых от общего числа признаются, что имеют привычку употреблять одурманивающие напитки. Но, зная факты, уже установленные в других случаях, дознаватель будет вынужден поверить, что это не вся правда, так как почти наверняка триста пятьдесят девять человек, утверждающих, что они полностью воздерживаются, время от времени предаются пьянству. При проведении расследований, подобных нынешнему, приходится сталкиваться со многими трудностями. Женщина, проживающая в доме с дурной славой, вряд ли будет пытаться отрицать, что она проститутка, хотя в некоторых случаях это удавалось, но в других вопросах она будет уклоняться от ответа. Факты ее рождения, семьи и жизни, вероятно, будут изложены верно, потому что нет никаких мотивов для сокрытия; но ответы на любые вопросы, которые она считает унижительными, например, касающиеся ее привычек или состояния ее здоровья, должны быть приняты с некоторой долей осторожности и сопоставлены с хорошо известными фактами.

Среди аристократических проституток считается позором быть абсолютно пьяной, а содержатель первоклассного дома вряд ли стал бы держать у себя постояльца, прирастившего к привычному опьянению. Тем не менее самые привередливые готовы продать шампанское или то, что его заменяет, любому посетителю с либеральным нравом и, как правило, соглашаются помочь ему выпить его, разумеется, приглашая всех дам принять участие. В низших классах опьянение не считается неприличным, но владельцы, зная, что опьянение может помешать их бизнесу, запрещают его до поздней ночи, когда "веселье и забавы становятся быстрыми и неистовыми", и когда посетители, женщины, владельцы, хозяева баров и слуги часто все стараются напиться и завершают ночь всеобщей сатурналией. На следующее утро все меняется. Хозяин занимает место за стойкой бара и угощает посетителей, по мере их появления, "биттерами", а именно бампером сырых

спиртных напитков. Посетители расходятся по своим делам, а женщины со всем возможным терпением ждут результатов очередной дневной кампании, с тревогой наблюдая за любой непредвиденной ситуацией, которая может принести им еще один стакан спиртного. Но даже в этом случае за ними пристально следят, и как только депрессия от ночного дебоша проходит, они вынуждены брать либо "воздержанные напитки", либо подкрашенную воду, когда какой-нибудь случайный посетитель приглашает их в бар. *По нашему глубокому убеждению, ни один процент проституток в Нью-Йорке не занимается своим делом, не употребляя опьяняющих напитков.*

Последствия этой привычки хорошо известны. Вначале женщина пьет совсем немного, вероятно, достаточно, чтобы вызвать легкое искусственное возбуждение и придать цвет щекам. Через некоторое время пропорция должна быть увеличена по мере уменьшения воздействия на организм, пока в финале не появится привычка к постоянному употреблению алкоголя. Как правило, после этого становятся очевидными ужасные последствия. Весь организм расслаблен, и каждое движение конечностей - это движение неуверенности; мозг ослаблен; способности к рассуждению разрушены; силы желудка и пищеварительных органов ослаблены, и приступ трепетного бреда - *это окончательный итог*, который обычно лечится, если вообще лечится, за государственный счет в больнице или тюрьме.

В одном художественном произведении, опубликованном около десяти лет назад, приводится следующий правдивый рассказ о влиянии пьянства на проституток, одна из которых, как предполагается, сказала:

"Я должна пить. Такие, как я, не могут вынести жизни без выпивки. Это единственное, что удерживает нас от самоубийства. Если бы мы не пили, то не смогли бы и дня выдержать воспоминания о том, кем мы были, и мысли о том, кем мы являемся. Если я останусь без еды и без крова, я должен получить свою выпивку. О! Какие ужасные ночи я провела в тюрьме из-за его отсутствия!" Она огляделась вокруг испуганными глазами, словно боясь увидеть рядом с собой какое-то сверхъестественное существо, а затем продолжила: "Ужасно видеть их. Вот здесь они ходят вокруг моей кровати всю ночь напролет. Моя мать, несущая ребенка, и сестра Мэри, и все они смотрят на меня своими печальными каменными глазами. О! Это ужасно. Они не отворачиваются, а проходят за изголовьем кровати, и я чувствую на себе их взгляды повсюду. Если я забираюсь под одежду, то все равно вижу их, и, что еще хуже, они видят меня. *Я должен выпить. Я не могу провести эту ночь без выпивки. Я не могу*"[396].

Хотя это воображаемая картина, ее аналог можно увидеть почти в любое время в больницах, находящихся в ведении управляющих богадельни на острове Блэкуэллс в Нью-Йорке, где постоянно лечится большое количество подобных случаев. В 1854 году только в Пенитенциарной больнице более четырнадцатисот человек получили медицинскую помощь в связи с трепетным бредом и другими недугами, вызванными чрезмерным употреблением алкоголя. Этот факт послужил основанием для замечания в отчете за тот год, что "случаи, фактически пролеченные здесь в течение прошлого года, были непосредственно вызваны самыми низкими и отвратительными видами распутства и порока, что говорит в пользу закрытия "гrog-шопов" и показывает абсолютную необходимость принятия какого-либо плана, с помощью которого можно было бы уменьшить огромное количество проституции, существующее сейчас среди нас". "С тех пор изменения в законе приговорили пьяниц к заключению в городской тюрьме, и число отправленных на остров Блэквелл уменьшилось, но не в такой степени, как можно было бы предположить, поскольку в течение 1857 года больницы на острове оказали помощь семистам девяносто одному опьяневшему.

Страшный удар по конституции наносится как качеством, так и количеством потребляемых спиртных напитков. Пусть любой человек, не осведомленный в этих вопросах, попробует стакан смеси, продающейся в этих местах, и он сразу же убедится, что проглотить такое же количество камфена или серной кислоты, разбавленной, подслащенной и подкрашенной, было бы не менее разумным поступком. Различные ликеры, джин, ром, бренди, виски или вино, не имеющие ничего общего с настоящими предметами торговли, кроме названия, представляют собой множество разновидностей самых дешевых и ядовитых "сырых духов", которые можно купить на рынках, и производятся в этом городе в больших количествах, чтобы удовлетворить спрос, возникающий в таких местах. Известны случаи, когда ликеры, впоследствии продававшиеся в домах с дурной славой как чистый французский бренди, поставлялись оптовыми торговцами по цене от тридцати шести до пятидесяти центов за галлон. Бывают и исключения; в некоторых борделях высшего ранга продается то, что называют "хорошим спиртным", но это большая редкость. Стоит ли удивляться, что пьянство, или, правильнее сказать, одурманенность и бесчувственность, так распространены; что столько конституций разрушено и столько характеров уничтожено, когда терпят подобные заведения?

Вопрос. Употреблял ли ваш отец одурманивающие спиртные напитки? Если да, то в какой степени?

Отцовские привычки.	Числа.	
Не пил спиртного		548
Выпивали умеренно	636	
"неумеренно	596	
Неопределенный	220	
Итого	1452	548
	--	1452
Агрегат		2000

Вопрос. Употребляла ли ваша мать одурманивающие спиртные напитки? Если да, то в какой степени?

Привычки матерей.	Числа.	
Не пила спиртного		875
Выпивали умеренно	574	
"неумеренно	347	
Неопределенный	204	
Итого	1125	875
	--	1125
Агрегат		2000

В какой степени неумеренные привычки этих женщин обусловлены влиянием родительского примера? Тысяча четыреста пятьдесят два отца и тысяча сто двадцать пять матерей были представлены как пристрастившиеся к употреблению спиртных напитков в разной степени, причем умеренные в обоих случаях превосходили нетерпеливых пьяниц. И все же даже умеренное пьянство, когда родители употребляют его в присутствии или с ведома детей, заслуживает самого серьезного порицания. В сознании ребенка любое действие считается

правильным, если оно совершено отцом или матерью. По мере взросления дети следуют родительским обычаям, и в таком случае, как этот, вероятно, один бокал пива или вина отца закладывает в детях основу невозддержанности. Не берясь рассуждать об абсолютной необходимости полного воздержания от всех спиртных напитков при любых обстоятельствах, можно серьезно, что влияние такого личного примера на детей, как это убедительно доказано из различных источников, наносит ущерб их лучшим интересам, и поэтому естественным выводом является то, что родители обязаны воздерживаться.

Известны случаи, когда и отцы, и матери, находясь во временном умопомрачении от опьянения, уводили своих дочерей из дома на улицу, и это в тех случаях, когда не было даже самых отдаленных оснований для подозрений в неправильном поведении этих детей. Подобных случаев достаточно, чтобы убедить родителей в необходимости воздержанности, учитывая ту страшную ответственность, которая лежит на них.

Вопрос. Были ли ваши родители протестантами, католиками или не исповедующими религию?

Религия.	Числа
.	.
Протестанты	960
Римские католики	977
Непрофессора	63
Всего	2000

Вопрос. Были ли вы привержены какой-либо религии? Если да, то протестантской или католической?

Религия.	Числа
.	.
Протестант	972
Римско-католическая	977
Без религиозной подготовки	51
Всего	2000

Вопрос. Исповедуете ли вы сейчас ту же религию?

Профессия.	Числа
.	.
Исповедуют религию по образованию	1909
Непрофессора	91
Всего	2000

Вопрос. Как давно вы не соблюдали ни одного из его требований?

Время.	Числа
.	.
1 год и до	861
С сайта 1 " на 2 лет	310

"	2	"	"	3	"	226
"	3	"	"	4	"	135
"	4	"	"	5	"	106
"	5	"	"	6	"	72
"	6	"	"	7	"	42
"	7	"	"	8	"	42
"	8	"	"	9	"	20
"	9	"	"	10	"	36
"	10	"	"	12	"	20
Неизвестно						130
Итого						2000

Соединять религию и проституцию - это, конечно, очень нелогичная ассоциация; ставить в один ряд самые благородные устремления, на которые способен разум, и самую низкую деградацию, до которой может опуститься тело. Но такой контраст не лишен морали. Не будет слишком большой натяжкой предположить, что среди тех несчастных женщин, которые впоследствии потеряли свое положение в обществе, некоторые имели преимущества раннего христианского образования; их учили верить и почитать Вдохновенные Писания; учили, что есть Бог, который судит мир, и что для всех существует будущее состояние. Размышляя об этом и учитывая, как плачевно пали эти люди от соблюдения заповедей, привитых в детстве, все почувствуют необходимость быть бдительными и заботиться о том, чтобы такая же участь не постигла их самих или их близких. Факты могут преподать и другой урок. Можно предположить, что некоторые из этих женщин были воспитаны в жесткой и аскетичной манере, о которой говорилось в замечаниях о причинах проституции, и что их нынешняя карьера - это всего лишь откат от этого противоестественного сдерживания. Такой вывод послужит торжественным предупреждением всем, кто занимается воспитанием детей, о необходимости выбирать счастливую середину между крайностями беспечной распущенности и чрезмерной суровости. Любой из этих путей одинаково губителен для благополучия их подопечных и должен закончиться разочарованием и печалью.

Если бы это соответствовало правилам приличия, невозможно было бы провести какое-либо сравнение между результатами протестантских и римско-католических учений, поскольку их число в каждом случае практически одинаково. В таблице религий, исповедуемых родителями, римских католиков на семнадцать больше, чем протестантов; в таблице религий, исповедуемых самими проститутками, римских католиков на пять больше, чем протестантов. Поэтому относительная ценность двух вероучений как правил жизни не может быть предметом спора на основе таких данных. В том, что касается наших обязанностей перед Всевышним, перед ближними и перед самим собой - в том, что касается обязательств по добродетели и нравственности, - приверженцы обеих партий согласны, и при исследовании запутанной социальной проблемы женского разврата не имеет особого значения, было ли большинство жалких объектов исследования воспитано в догматах Римской церкви или в доктринах Реформации. Если статьи веры любой из церквей честно соблюдаются теми, кто в них исповедует, они будут эффективны в предотвращении безнравственности; но если это соблюдение ограничивается словами, а не подкрепляется действиями, то ни простые ритуалы протестантизма, ни более сложные и художественно оформленные церемонии римского католицизма не могут принести пользы. И если наша

жизнь не соответствует нашей профессии, то ни на йоту не изменится наша будущая судьба от того, преклонили ли мы колени в храме, посвященном римско-католической службе, перед образом распятого Спасителя и постарались приучить свои мысли к созерцанию его милосердия и благодеяний, или преклонили колени в протестантской церкви и там присоединились к публичному признанию, что мы грешники.

Факты, приведенные в таблицах, показывают, что у 1937 женщин родители исповедовали ту или иную религию; что 1949 женщин из 2000 были научены верить в необходимость той или иной религии, и что 1909 из этих женщин до сих пор утверждают свою уверенность в том вероучении, в котором они были воспитаны.

Невозможно ожидать, что, живя в постоянной практике того, что, по мнению их совести, является греховным, эти женщины продолжали бы соблюдать внешнюю форму религии. Если сравнить таблицу по этому вопросу с таблицей, составленной на основе ответов на вопрос: "В течение какого времени вы были проституткой?", то можно заметить, что 1674 признаются, что были проститутками шесть лет и более, а 1710 - что пренебрегали требованиями религии в течение того же времени; совпадение, которое заставляет нас благосклонно предположить, что преступление и бездействие почти параллельны, насколько это касается дат, и что лицемерное исповедание религии не относится к преступлениям проституток.

Но даже пренебрегая внешними требованиями веры и фактически совершая известный и признанный грех, они все же сохраняют многие черты, которые заслуживают уважения. Они обладают одной из главных добродетелей, присущих женскому характеру, которая, кажется, никогда не исчезнет и не будет существенно ослаблена, а именно: добротой друг к другу, когда они больны или бедны, и вообще ко всем, кто испытывает страдания или беды. Это привлекает внимание и вызывает восхищение каждого, кто с ними сталкивается. Очень трогательный случай проявления этих добрых чувств произошел несколько лет назад, и о нем рассказывается в "Вестминстерском обозрении" за июль 1850 года. У бедной девушки, стремительно катившейся к упадку после короткого, но стремительного периода бесчестия, не было иных средств поддержки, кроме как продолжать заниматься своим призванием. Сочетая доброту и совесть, которые могут удивить нас в данных обстоятельствах, ее товарищи по деградации решили, что, как они сказали, "по крайней мере, она не должна быть вынуждена умереть в грехе", и пожертвовали из своих собственных печальных доходов сумму, достаточную для того, чтобы она могла провести свои немногие оставшиеся дни в комфорте и покаянии.

Это далеко не исключительный случай. Благодаря длительному пребыванию в больнице мы лично наблюдали множество актов настоящего сочувствия и доброты по отношению друг к другу среди проституток. Если одна из них выписывается и не имеет подходящей одежды, они объединяют свои скудные ресурсы, чтобы обеспечить ее потребности, часто внося вещи, которые им действительно нужны. В случае серьезной болезни, когда требуется немедленное внимание, они становятся самыми надежными сиделками и с радостью жертвуют своим отдыхом в любое время, чтобы прислуживать страдальцу, выполняя свои обязанности с максимальной заботой и нежностью. Их верность друг другу ярко выражена. В случае нарушения дисциплины буквально невозможно найти женщину, которая бы свидетельствовала против кого-либо из своих спутниц, и ни угрозы, ни обещания не являются достаточно действенными для получения желаемой информации.

Эти черты представлены не для того, чтобы предложить их в качестве эквивалента нарушенной морали, а лишь для того, чтобы доказать, что сердца, способные задумывать и

осуществлять такие добрые цели, не могут быть полностью потеряны для чувства добродетели или требований благожелательности. Воистину, они всего лишь атом на чаше весов, но, подобно оазису в пустыне, они показывают, что все не так уж засушливо и бесплодно.

ГЛАВА XXXV.

НЬЮ-ЙОРК - ПРОСТИТУТКИ И ДОМА ПРОСТИТУЦИИ.

Первый класс, или "салонные дома". Роскошь, полупрестиж, плата за питание, одежда, деньги, расточительность, экономия, средства развлечения, содержательницы домов, арендная плата, предполагаемая выручка, управление домами.-Мнимая респектабельность.- Последствия поборов с проституткой.-Любовь к любовникам.-Дома второго класса.-Уличные гуляки.-Пьянство.-Сифилитическая инфекция.-Дома третьего класса.-Германы.-Матросы.-Бальные залы.-Интоксикация.-Дома четвертого класса.-Отталкивающие черты.-Посетители.- Действия полиции.-Дома первого класса.-Секретность и эксклюзивность.-Содержатели.-Аранжировки.-Посетители.-Происхождение некоторых домов.-Распространенность интриг.-Иностранные манеры.-Влияние путешествий.-Платье.-Дома второго класса.-Посетители.-Проститутки.-Увеселительные заведения.-Вино и спиртные напитки.-Дома третьего класса.-Содержанки.-Швейные и цеховые девушки.-Болезни.-Дома четвертого класса.-"Панельные дома".

Здесь не будет лишним сказать несколько слов об образе жизни проституток, о том, как они проводят время и какими возможностями располагают для душевного и телесного отдыха. Домашняя жизнь нескольких женщин, каждый поступок которых противоречит всем правилам добродетели, которые живут в постоянном нарушении закона, имея ежедневное пропитание за счет тех, чья глупость или страсть заставляет их посещать их жилище, не может не представлять значительного интереса для всех, кто до сих пор следил за этим мучительным занятием. Приступая к рассмотрению этой темы, мы постараемся дать такие сведения, которые позволят читателю сделать удовлетворительные выводы, не записывая того, что могло бы послужить лишь удовлетворению праздного любопытства. Задача состоит в том, чтобы дать как можно более четкую информацию, не задевая при этом самую чувствительную деликатность, не ранив самые утонченные чувства и не выставляя этих бедных женщин на всеобщее обозрение. Тема снабжена таким набором реальных и осязаемых ужасов, что делает ненужной любую попытку вызвать излишние эмоции путем проникновения в тайны сатурналий.

В Нью-Йорке существует большое разнообразие проституток различных категорий. К первому классу относятся те, кто проживает в так называемых "домах отдыха". Они очень редко покидают свои жилища, разве что для того, чтобы купить платье, украшения или предметы туалета, или совершить послеобеденный променад по модной стороне Бродвея, за исключением тех случаев, когда они сопровождают своих любовников или посетителей на прогулке или в каком-нибудь общественном месте развлечений. Они полностью отвергают название "уличных гуляк" и очень редко совершают какие-либо действия на

публике, которые могли бы подвергнуть их порицанию или привлечь внимание полиции. Они считают себя и на самом деле являются самыми респектабельными представителями своего класса, если только респектабельность может быть связана с таким порочным занятием. Почти неизменно молодые и красивые, всегда очень хорошо одетые, они проходят по улицам, не вызывая подозрений у непосвященных.

Дома, в которых проживают куртизанки, обставлены с пышной роскошью, однако едва ли в соответствии с велениями хорошего вкуса, и в основном представляют собой множество великолепной мебели, собранной вместе без вкуса и рассудительности ради показухи. В их отделке свободно используются самые дорогие предметы мебели и обивки, особенно в комнатах, используемых в качестве приемных. Большие зеркала украшают стены, которые часто красиво расписаны фресками и позолотой. Картины и гравюры в богатых рамах, вазы и статуэтки придают им очарование. Полы покрыты роскошными мягкими коврами, а диваны, оттоманки и мягкие кресла в изобилии. Музыкальное искусство представлено прекрасным фортепиано, за игру на котором какому-нибудь известному музыканту платят солидное жалованье. Даже спальня, коридоры, холлы и лестничные пролеты обставлены в подобном стиле. В таком жилище, вероятно, обитают от трех до десяти проституток, каждая из которых еженедельно платит за свой пансион от десяти до шестнадцати долларов, не считая дополнительных услуг, о которых будет сказано ниже. Их активная жизнь длится около двенадцати или четырнадцати часов в день, начиная с полудня и заканчивая полночью или ранним утром. Их посетители в основном принадлежат к тому, что можно назвать аристократическим классом; это молодые, среднего возраста и даже пожилые люди с собственностью, всех призваний и профессий; любой, кто может располагать значительным количеством денег, приветствуется, но без этого необходимого условия его компания не востребована и не ценится.

Здесь не встретишь ни одной из отвратительных практик, характерных для домов более низкого класса. Здесь нет явной непристойности и мало того, что может возмутить приличия. Конечно, между проститутками и посетителями царит полная свобода манер, но, насколько может проникнуть взгляд общественности, требования приличия открыто не нарушаются. Сквернословие, как и следовало ожидать, в той или иной степени существует; это почти неизменный аккомпанемент проституции, но даже оно лишено грубости и встречается нечасто. В доме нет бара или общественного питейного заведения, но каждый посетитель имеет обыкновение приглашать свою *временную* любовницу и ее спутников выпить с ним шампанского, которое поставляется содержателем заведения по цене три доллара за бутылку. Как уже отмечалось в предыдущей главе, чрезмерное пьянство встречается редко, и проститутки, и содержатели стараются его пресекать, поскольку опьяневший мужчина может доставить им неприятности, повредить мебель и испортить репутацию дома. Благодаря небольшому отверстию во входной двери, закрытому кованой решеткой, кандидаты на вступление могут быть осмотрены перед тем, как войти, и дверь остается закрытой от любого человека, который может оказаться раздражающим фактором.

Как естественное следствие своего положения, женщины используют все свои способности очаровывать, принимая самые последние и самые великолепные моды в одежде, а также с большим вкусом укладывая волосы, для чего к ним каждый день приходит парикмахер, взимая с каждой женщины два-три доллара в неделю за свою помощь. Помимо этого, они практикуют тысячу других ухищрений, неизвестных простым зрителям, чтобы заручиться благосклонностью своих посетителей.

Примерно три четверти куртизанок этого класса - уроженки Соединенных Штатов, в основном из Новой Англии или Средних штатов. Некоторые из них очень хорошо

образованы; среди них иногда встречаются опытные музыканты и художники, другие стремятся к литературе. У большинства из них можно заметить элегантность и утонченность манер, а также тщательное соблюдение того, что можно назвать условностями жизни. Их доходы велики, но и расходы тоже. Не будет преувеличением сказать, что их индивидуальные доходы очень редко не дотягивают до пятидесяти долларов в неделю. Из этой суммы вычтите плату за питание, дополнительную плату, которую они платят хозяйке за каждого посетителя, расходы на парикмахерские услуги, парфюмерию и т. д., стоимость стирки, которая осуществляется за их собственный счет, вне дома, и должна быть значительной, а остаток даст их расходы на одежду. Все они не одинаково экстравагантны. Некоторые, похоже, считают проституцию бизнесом и действуют, руководствуясь идеей сэкономить как можно больше денег. В одном случае женщина утверждала, что у нее в банке семь тысяч долларов, которые она накопила за несколько лет проституции, и ее слова подтвердил капитан полиции района. Экономные - это, как правило, проницательные, расчетливые "дауншифтеры", которые считают, что если им удастся накопить достаточно средств в зените их очарования, чтобы содержать их, когда их привлекательность иссякнет, или помочь им основать дом такого типа за свой счет, то они лишь выполняют свой долг. У других есть родственники-иждивенцы, которых они содержат, или незаконнорожденные дети, которых они воспитывают и обучают, часто выделяя на эти цели значительные суммы. Почти для всех из них характерна доброта по отношению к несчастным людям своего пола и сословия. Как бы они ни ссорились между собой, когда все одинаково здоровы, пусть одну из них посетит болезнь или постигнет несчастье, и, как правило, зависть или ревность забываются, и они безвозмездно вносят свой вклад в ее поддержку.

Их средства развлечения ограничены. Когда у них нет гостей, они обычно предаются роскошной праздности. К какому-либо полезному занятию, например, шитью или рукоделию, у них мало склонности, и общее спасение от *тоски* они находят в чтении романов. Это не, как принято считать, произведения развратного характера; против них они, похоже, возражают, скорее всего, потому, что их собственный опыт доказал ошибочность красочных описаний любовных наслаждений, которыми изобилуют подобные произведения. К одному источнику отдыха они крайне равнодушны, а именно к поездкам в каретах за несколько миль от города, и они часто уговаривают своих гостей побаловать их этими сельскими экскурсиями. Они хорошо знакомы с самыми приятными маршрутами и точно знают, где найти тихие и уединенные отели, где все деликатесы сезона могут быть поданы в самом лучшем стиле. Если они не могут уговорить своих друзей побаловать их таким образом, они постараются добиться приглашения на обед или устрицы в какой-нибудь модный салун. Наряды, веселая жизнь и возбуждение кажутся им необходимым условием существования.

И среди всего этого множества роскошных домов, великолепных платьев, сравнительного достатка возникает вопрос: счастливы ли они? Минутное размышление подскажет ответ, что они не могут быть счастливы. Постоянное потакание своему образу жизни, как правило, стирает ощущение деградации и делает их карьеру почти второй натурой, но даже самые убежденные должны иногда задуматься. Воспоминания о том, кем они были, мысли о том, кем они являются, страх перед тем, кем они должны стать, преследуют их разум; совесть дает о себе знать. Многие бедные девушки, одетые в шелка или атласы, сверкающие драгоценностями и с задорной улыбкой принимающие щедрые комплименты "друга", мысленно переживают острую оценку своего истинного положения. Она знает, что мир осуждает ее, и ее собственное сердце признает справедливость приговора. Она знает, что тот, кто так демонстративно выставляет напоказ свое восхищение, рассматривает ее лишь

как купленный инструмент для своего удовлетворения. Она чувствует, что, безусловно, одинока в этом мире, и ее веселый смех плохо скрывает разбитое сердце.

Эти дома, как правило, содержат женщины средних лет, которые сами прошли через инициацию проститутской жизни. В некоторых случаях они владеют недвижимостью и мебелью. В других они снимают или арендуют дом, платя непомерно высокую арендную плату (часто какому-нибудь богатому человеку, считающему себя респектабельным членом общества), и предоставляют свою мебель; в третьих случаях они арендуют и дом, и мебель. *В одном из домов в этом городе огромная сумма в девять тысяч сто (9100) долларов ежегодно выплачивается или выплачивалась во время обследования за аренду и пользование мебелью*; владелицей является женщина, которая ранее содержала это место, но сейчас живет с большим доходом в одном из итальянских городов.

Следующие выдержки из информации, полученной по этому вопросу, дадут очень хорошее представление о фактах:

Е. М. платит \$1300 в год за аренду и пользование мебелью, которая принадлежит женщине, ранее содержавшей этот дом.

М. S. платит \$1000 в год за аренду и владеет мебелью.

М. L. владеет домом и мебелью, стоимость которых оценивается в 15 000 долларов.

М. А. Т. платит 700 долларов в год за аренду и владеет мебелью стоимостью 5000 долларов.

J. G. платит 700 долларов в год и владеет мебелью стоимостью 3000 долларов.

Е. Т. владеет недвижимостью и мебелью стоимостью \$30 000.

С. G. платит \$1800 в год за аренду и владеет мебелью стоимостью \$6000.

М. К. К. платит \$3900 в год за аренду и пользование мебелью.

С. Е. платит \$1400 в год за аренду и владеет мебелью стоимостью \$6000.

М. Б. владеет домом и мебелью стоимостью 15 000 долларов.

J. Б. платит \$560 в год за аренду и владеет мебелью стоимостью \$2000.

Е. Б. платит \$1000 в год за аренду и владеет мебелью стоимостью \$3000.

М. М. владеет домом и мебелью стоимостью 15 000 долларов.

С. С. платит \$850 в год за аренду и владеет мебелью стоимостью \$8000.

М. М. платит \$750 в год за аренду и владеет мебелью стоимостью \$2000.

М. G. платит \$625 в год и владеет мебелью стоимостью \$1000.

V. N. платит \$1300 в год и владеет мебелью стоимостью \$3000.

С. Е. платит \$1400 в год и владеет мебелью стоимостью \$6000.

L. С. платит \$1000 в год и владеет мебелью стоимостью \$2000.

A. Т. платит \$1000 в год за аренду и владеет мебелью стоимостью \$3000.

Финансовые последствия системы проституции станут темой для последующих замечаний. Сейчас мы приводим эти факты, чтобы объяснить расходы, связанные с первоклассными домами. Разумеется, при таких расходах и поступления должны быть соответствующими. Следующий отчет показывает *минимальную* еженедельную выручку в доме, где проживают десять пансионеров:

Пансион для десяти женщин по \$16 00 в неделю каждая	\$160 00
Плата за посетителей, скажем, по одному в день на каждую женщину (1 00 долларов на каждую)	70 00
Прибыль от продажи одной корзины шампанского каждый день (еженедельно)	168 00
Итого	\$398 00

Эта оценка не дотягивает до среднесуточного количества посетителей, и более правильным было бы следующее утверждение:

Пансион для десяти женщин по \$16 00 в неделю на каждую	\$160 00
Плата за посетителей, скажем, по два человека в день на каждую женщину (по \$1 00)	140 00
Прибыль от продажи двух корзин шампанского каждый день (еженедельно)	336 00
Итого	\$616 00

Если взять среднее арифметическое из этих двух расчетов, то выручка превысит двадцать шесть тысяч долларов в год, или пятьсот долларов еженедельно. Расходы на содержание этих роскошных заведений, помимо арендной платы, немалые, но все равно остается очень большой избыток. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что женщины, владеющие домами, в которых они ведут свой бизнес, почти без исключения приобрели их *с тех пор, как* начали вести домашнее хозяйство, а также то, что многие из них владеют значительной личной собственностью в дополнение к недвижимости. Одна из женщин, как утверждается, стоит более ста тысяч долларов, многие из них, по некоторым данным, владеют суммой от пятидесяти тысяч долларов и ниже, и многие другие считаются богатыми, но конкретные суммы не называются.

Управление многими домами доверено экономке, действующей от имени директора, которая редко бывает на виду, если ее специально не вызывают, а под началом этой экономки находится множество слуг, от трех до семи, в зависимости от размера дома и количества проживающих в нем пансионеров. Эти слуги почти всегда цветные женщины, и нет никаких трудностей в том, чтобы набрать полный штат. Зарплата у них солидная, привилегии значительные, а работа легкая. Аккуратный и хорошо организованный завтрак готовится для "леди-пансионеров" около одиннадцати или двенадцати часов, а ужин подается около пяти или шести часов. Как правило, это единственные блюда, которые им подают в течение дня. Если им требуется что-то еще, они посылают за этим или уговаривают своих посетителей проводить их в какой-нибудь салун.

Владелицы заведений этого класса принимают облик респектабельных женщин, когда находятся вдали от мест своего бизнеса. Об одной из них, недавно посетившей Ньюпорт,

рассказывают анекдот, причем правдивый, - она так ловко справилась со своей маскировкой, что получила сопровождение преподобного джентльмена, доктора философии из этого города, за обеденным столом и в других местах, вместе со своей семьей, причем он считал ее самой любезной и глубоко страдающей вдовой. Некоторые из них имеют частные дома в городе, на тихих респектабельных улицах, и приходят в свои дома проституции каждый день днем, возвращаясь ночью. Часть из них исповедует религию, часто посещая богослужения, чтобы сохранить свою маску. От природы доброжелательные, как и все женщины, они вносят значительные пожертвования на благотворительные цели и безвозмездно помогают всем неимущим, которые могут попросить их о помощи. Даже в политических вопросах они имеют определенный вес, их ресурсы и связи оказываются ценными для какого-нибудь претендента на местную известность, который пообещал им, что в случае избрания он использует все свое влияние, чтобы защитить их от раздражения.

По отношению к несчастным женщинам, чей порок является источником их богатства, эти владельцы поступают так, как диктует интерес. К девушке, не обладающей тактом или склонностью привлекать посетителей, редко относятся с большим вниманием, в то время как та, что пользуется успехом, получает больше милостей, но милости, как правило, такого рода, чтобы сделать ее покорной их желаниям; например, ссуда денег на покупку новых и модных предметов одежды, короткий кредит на питание или что-то подобное, что наложит на нее обязательства и затруднит ее выход из дома. Они руководствуются желанием удержать привлекательную девушку, ведь, помимо фактических денежных выплат, она обладает способностью побуждать своих посетителей к либеральным заказам вина, а прибыль от его продажи, составляющая около двухсот процентов, является важным источником дохода.

Чрезмерные требования, предъявляемые этими женщинами к заработку проституток, порождают серьезное социальное зло. Многие несчастные девушки не могут оценить преимущества порочной жизни на благо хозяйки и в целях самозащиты нанимают квартиры в частных домах, чтобы обеспечить себе заработок. Обычно это делается так, что две из них снимают одну комнату, скажем, гостиную и две спальни, представляясь добродетельными женщинами, гувернантками или швеями, а часто и женами моряков или мужчин, находящихся в Калифорнии или другой далекой стране. Здесь они либо размещаются сами, либо прибегают в какой-нибудь салун, и в этом жилище или в доме назначений, о котором будет рассказано далее, они представляют своих посетителей. То, что многие проститутки живут таким образом в нашем городе, - факт более чем достоверный. Нет необходимости говорить о вредных последствиях, которые могут быть вызваны этим.

Прежде чем оставить эту тему, следует отметить еще одну особенность содержательниц таких домов - преувеличенную привязанность к какому-либо мужчине, к которому они страстно привязаны. Некоторые из них исповедуют жизнь со своими мужьями, но это исключение из общего правила. В целом же они являются любовницами некоторых людей, которым они отдают всю свою нежность и ради удовлетворения которых готовы пойти на любые расходы. Некоторые из них - городские жители, азартные игроки или хулиганы высшего класса, чьи самые благородные устремления удовлетворяются за счет большого количества денег. Они с готовностью пренебрегут всеми социальными добродетелями ради одного этого соображения. Об одной известной городской содержательнице публичного дома рассказывают, что несколько лет назад, когда она жила во внутренних районах штата, она отчаянно влюбилась в молодого человека, друзья которого обнаружили эту связь. Они увезли его на далекий Запад. Неустрашимая опасностями и трудностями, которые ее окружали, она последовала за ним и во время своего путешествия по большим городам

получила множество предложений о защите от людей, знакомых с ее происхождением. Верная своей привязанности, она отказала им всем и отправилась за своим возлюбленным в леса. Здесь она осталась с ним, живя в бревенчатой хижине, лишенная многих предметов первой необходимости и всех удобств и изяществ жизни, в течение трех лет. По крайней мере, в неверности своей любви эту женщину обвинить нельзя, и разве не напрашивается естественный вывод, что сердце, столь искреннее и преданное в своей привязанности, можно было бы направить на более добродетельный путь, если бы в обществе существовало иное отношение к ней и ее прежним проступкам?

Как правило, содержательницы этих первоклассных домов не разрешают проживать с ними мужчинам, которых они называют своими "любовниками", хотя и позволяют им навещать их; считается, что постоянное проживание может отнимать у девушки слишком много времени, а интересы владелицы не учитываются.

Теперь мы переходим ко второму классу проституток и домов проституции. Среди представительниц этого класса много тех, кто *начинал* свою *карьеру* в первоклассных домах, но покинул их, когда их очарование начало угасать. В какой-то степени они стараются придерживаться тех же правил поведения, что и там, и, в общем, управление некоторой частью домов этого класса во многом сходно с первым, соблюдается та же конфиденциальность, хотя и менее дорогостоящая. В других же домах заметна разница, и именно на них мы сейчас обратим внимание.

Длительное пребывание в привычках проституции и общение с менее аристократичными посетителями снизило утонченность женщин и привило им более грубые манеры. В них нет прежнего желания "принять добродетель, если у них ее нет" или стремления сделать порок непохожим на себя. Деграция оказала на них свое влияние, и теперь, когда они опустились в более скромную сферу, они сильнее ощущают давление мира и становятся более смелыми и безрассудными в своем поведении. Многие из уличных прохожих и женщин, посещающих театры, относятся к этому классу, и любому, кто когда-либо сталкивался с ними, не составило бы труда сразу определить их истинное положение. Здесь уместно сказать, что многие управляющие наших лучших театров упразднили так называемый третий ярус, и если какая-нибудь неподобающая женщина посещает их, она должна делать это под предполагаемым одеянием респектабельности и вести себя соответствующим образом.

Другие женщины этого класса, или, скорее, этой части второго класса, начали свою порочную жизнь в нем, и поскольку естественная тенденция проституции - угнетать, а не возвышать своих последователей, у них очень мало шансов когда-либо подняться выше своего нынешнего ранга, хотя такие случаи иногда случаются: содержатель первоклассного дома иногда соглашается принять пансионерку из низшего класса, если она только недавно начала заниматься проституцией и достаточно привлекательна по манерам и внешности для такого возвышения. В этот класс попадает большое количество женщин иностранного происхождения, ставших жертвами эмигрантских пансионеров или соблазненных на корабле во время переезда в эту страну.

Эти дома, как правило, устроены так же, как и дома первого класса, с тем лишь отличием, что дорогостоящая роскошь в одних заменяется пошлой отделкой в других, а вместо дорогих зеркал и ценных картин они заменяют более дешевыми украшениями. Их залы для приемов имеют гораздо более низкую отделку. Они также предоставляют вино и бренди клиентам, которые их желают. Пьянство более распространено, как среди проституток, так и среди их посетителей, и самые отвратительные сцены не редкость. Нецензурная брань

распространена в значительной степени, а в некоторых местах, похоже, и на простонародном языке. Попытки очарования, предпринимаемые женщинами, более чрезмерны и часто вульгарны до такой степени, что вызывают улыбку, но в то же время внушают отвращение. Общая плата за питание здесь составляет от шести до десяти долларов в неделю, редко достигая последней цифры.

Когда наступает вечер, если в доме мало или совсем нет компании, девушки выходят на улицы, одетые в свои самые привлекательные наряды, в надежде найти какого-нибудь мужчину, которого они смогут уговорить проводить их домой. Эти поиски редко бывают безуспешными, и очень часто они повторяются по нескольку раз за вечер. Другие из них посещают третий ярус таких театров, куда их пускают, и там используют свои чары, чтобы добиться завоевания. Общение с этими женщинами сопряжено со значительной опасностью: профессиональный опыт показал, что многие из них заражены сифилисом, а многие связаны с бесчестными мужчинами, которые не побрезгуют ограбить незнакомку, если представится такая возможность, а такая возможность нередко предоставляется по уговору самой женщины.

В таких местах порока сравнительно мало, и все же эти дома часто посещаются, в основном путешественниками, клерками из магазинов, механиками высшего класса и т. д., некоторые из которых тратят за вечер заработок за неделю.

Женщины, управляющие этими борделями, обычно принадлежат к сильной натуре, а часто и к сильной руке; последние - это те, кто может своими силами подавить любой бунт, который может произойти, не вызывая полицию, и в целом рассчитывают сохранить умеренное приличие в своих заведениях. Их прибыль очень велика, она складывается не только из платы за пансион и дополнительных услуг, которые платят женщины, но и из вин и спиртных напитков, которые они продают. Они не пытаются скрыть свой характер, как это делают представители высшего класса, а открыто признают, кто они такие, и без колебаний уделяют личное внимание делам заведения. Стремясь как можно быстрее накопить деньги, они не очень разборчивы в средствах, которые они используют, и хотя они не позволят совершить какой-либо нечестный поступок по отношению к посетителю, пока он находится в доме, из-за неприятностей, которым это может впоследствии подвергнуть их, они вряд ли сочтут своим долгом предостеречь его от действий мужчин, которые живут как "любовники" с проститутками под их крышей. Добродетель этих содержателей, безусловно, не отличается строгостью, а их благосклонные любовники повсеместно выбираются из числа людей с таким же характером, как у них самих.

Питание для пансионеров подается примерно в те же часы, что и в фешенебельных домах, но в нем нет той аккуратности и организованности, которую мог бы обеспечить хороший повар. Домашние дела в основном доверяются неопытным слугам, а часто и старым проституткам, которых держат за символическую плату, чтобы они делали столько работы, сколько могут, и в своем собственном стиле.

Уже говорилось, что некоторые из домов проституции второго класса устроены так же, как и первые, и поэтому мы не пытались подробно рассказать о них, что было бы простым повторением того, что уже было описано. Низший класс был взят в качестве иллюстрации второго класса, и, следовательно, этот рассказ не должен восприниматься как огульное осуждение всего.

Следующий, или третий, класс проституток и домов проституции можно найти очень развитым в первом полицейском округе, среди немцев; в четвертом округе, где в основном отдыхают моряки; а также в третьем, пятом, шестом и четырнадцатом округах. Большинство

женщин в этих районах - иностранки, причем наибольшую долю составляют ирландки и немки. Хотя дома относятся к третьему классу, некоторые из них по всем параметрам равны, а иногда и превосходят дома второго класса. Большинство женщин молоды, и многие из них очень красивы, а в домах, особенно в тех, которые содержат немцы, в целом очень тихо. Даже в тех заведениях, которые посещают моряки, основная часть шума, который может возникнуть, вызвана бурным весельем и шутками самих посетителей. Эти дома являются во всех смыслах этого слова "публичными" местами проституции, и ни женщины, ни содержатели не пытаются как-то замаскировать этот факт, общий аргумент, похоже, таков: "Мы живем проституцией, и неважно, кто об этом знает".

В нескольких районах есть много отличительных черт, но первый и четвертый будут справедливыми средними типами целого, и их мы кратко рассмотрим, начав с немецких домов в первом районе.

Здесь открыто пьют, хотя редко до такой степени, чтобы вызвать абсолютное опьянение. Здесь есть общественный бар, выходящий прямо на улицу, где можно купить светлое пиво и немецкие вина, а также обычные спиртные напитки, продающиеся в портерхаусах. Это приемная заведения, и незнакомец, зашедший сюда, чтобы выпить бокал светлого пива, не зная характера заведения и не понимая значения малиновых и белых занавесок, украшающих окна, обнаружит, что за барной стойкой следует какая-нибудь немецкая девушка, которая на ломаном английском спросит его, не будет ли он "угощать ее". Если он сочтет нужным оглядеться вокруг и изучить человеческую природу в этой фазе, то увидит, что комната очень чистая; общий диван, один или два дивана и несколько стульев расставлены вокруг стен; есть небольшой столик, на котором лежат немецкие газеты; пианино, на котором хозяин или его бармен время от времени исполняют национальную мелодию; несколько гравюр или эстампов дополняют ее убранство. Две или три девушки в разных частях комнаты заняты вязанием или шитьем; немецкие девушки, будь то добродетельные или проститутки, похоже, испытывают ужас перед бездельем, и даже в таком месте, как это, их редко можно увидеть без работы. Во всем прослеживается безошибочная тевтонская внешность: от усатого хозяина или недавно приехавшего бармена до хозяйки, или мадам, как ее обычно называют, и самих женщин - все явно выдает их происхождение. Его удивляет полное отсутствие всех тех шумных элементов, которые обычно считаются неотъемлемой частью низкопробного дома проституции. Он может сидеть и курить свою сигару так же спокойно, как в любой гостинице города; и если он однажды скажет женщине, что не желает с ней разговаривать, ему вряд ли будут досаждать снова, если только он не сделает первые шаги. Если он сочтет нужным вступить в разговор с хозяином гостиницы, то будет уверен в вежливом ответе и часто окажется умным и общительным человеком. Наконец, решив не поддаваться окружающим соблазнам, он покидает заведение в полной безопасности и без малейшего страха быть оскорбленным.

Большинство девушек здесь недавно приехали в Соединенные Штаты. Некоторые из них выбрали этот образ жизни абсолютной бедности и безработицы; некоторые последовали ему в своей стране; другие стали жертвами соблазна; а у некоторых, похоже, главным мотивом было желание говорить и быть услышанными на родном языке. Их денежная договоренность с владельцем - а во главе каждого заведения почти всегда стоит мужчина - заключается в том, что они отдают ему половину всех получаемых денег, за что он обеспечивает их питанием и жильем. В целом это не слишком буйные женщины, их основным напитком являются легкие немецкие вина, и хотя они часто сквернословят, но, поскольку это происходит на их национальном языке, он непонятен для тех, кто понимает только английский, и, следовательно, раздражение ограничено. Они, как правило, честны;

по свидетельству тех, кто лучше всех разбирается в этом вопросе, в борделях этого класса очень редко случаются беспорядки и очень редко практикуется какая-либо нечестность. Нельзя сказать, что в буквальном смысле слова там не бывает много шума, поскольку любой, кто побывал в комнате, где два или три немца каждого пола разговаривали и жестикулировали с характерной для них серьезностью, скажет, что они говорили достаточно громко; но под *беспорядками* следует понимать ссоры или драки, которые иногда случаются, но не очень часто.

Как уже отмечалось, в таких домах чаще всего живут мужчина и его жена. Мужчина, иногда с мальчиком в качестве помощника, занимается барной комнатой и распоряжается деньгами, жена готовит еду и выполняет общую работу по дому, а девочки занимаются своими комнатами. Благодаря такому разделению труда работа, как правило, выполняется с удовлетворением для всех сторон, а при небольших расходах получается значительная прибыль. В каждом доме живут три или четыре девушки, редко превышая это число, и среди домохозяек существует правило считать невыгодным приобретением любую девушку, которая не платит им около десяти долларов в неделю. Арендная плата низкая, потому что у них мало места. Подвал обычного дома - это, как правило, вся площадь, которую они занимают; передняя часть этого помещения - барная комната, а остальная часть разделена на очень маленькие спальни.

Есть еще одна особенность, связанная с немецкой проституцией и представленная в том же районе, которая уже получила беглое упоминание на предыдущей странице, а именно их танцевальные салуны. Солёные развлечения проводятся, в большей или меньшей степени, во всех домах проституции, но в этих салонах они считаются респектабельным бизнесом, хотя нравственность заведений, по крайней мере, сомнительна. Бальный зал представляет собой большую открытую квартиру, лишенную всякой мебели, кроме стульев или скамеек у стен; музыкальное сопровождение обычно состоит из фортепиано и скрипки, а танцы - это национальные вальсы и польки. Плата за вход не взимается, и бар является единственным источником дохода. Оркестр время от времени обращается к благотворителям за помощью, и в большинстве случаев на этот призыв откликаются благосклонно. Бизнес начинается вечером и неизменно прекращается в полночь. Эти места посещают лишь немногие немцы, и в них поддерживается порядок.

Если оставить немцев первого района, то внимание читателя будет обращено на публичные дома четвертого полицейского района. Здесь основная часть женщин - ирландки; несколько человек - уроженки Соединенных Штатов. Большая часть посетителей - моряки. Когда после череды штормов, оттеснивших от берега суда, идущие на родину, налетает попутный ветер, позволяющий им в большом количестве войти в гавань, эти дома переполнены, и в течение нескольких дней или пока моряки получают зарплату, здесь ведется очень обширный бизнес. Барная комната, как и в немецких домах, является приемной, и здесь почти в любое время дня можно увидеть множество измученных погодой моряков, подтверждающих истинность старой пословицы, которая гласит, что они похожи на двух разных животных в зарабатывании и трате своих денег. Неважно, кто это будет, но любого, кто войдет в комнату, почти наверняка попросят выпить, а если он останется, то меньше чем через пять минут кто-то другой попросит его взять еще. Моряк с деньгами в кармане не любит пить в одиночку и обычно приглашает всех, кто находится в комнате, мужчин и женщин, выпить вместе с ним. Таким образом, он очень скоро опьянеет, и тогда девушка, которую он удостоил своим особым вниманием, проводит его в постель и оставит там, чтобы он спал трезвым.

В этих домах можно заметить меньше опрятности, чем в тех, о которых мы только что говорили, но у них совершенно другой класс клиентов. Немец, в разгар своих удовольствий,

любит, чтобы вокруг него все было аккуратно и упорядоченно; моряк не придирается, чтобы его удовольствиям не мешали. Любопытный наблюдатель также не встречает одинаковой вежливости: если он пришел потратить деньги, ему рады; если нет, хозяину дома нет дела до его компании. Практикуется значительное количество карточных игр; это не то, что можно назвать азартной игрой, а развлечение, ставки редко превышают опьяняющих напитков для игроков. Шумных беспорядков меньше, чем можно было бы ожидать, поскольку людям, которые обычно устраивают такие беспорядки, не хватает смелости навязываться толпе крепких матросов, которые всегда могут и хотят взять свою часть игры в свои руки и обижаются на любое вмешательство. Тем не менее среди самих посетителей периодически возникают ссоры, нередко переходящие в драку. Тогда вызывают хозяина, который, зная своих клиентов, быстро обнаруживает зачинщика, им всегда оказывается человек, у которого меньше всего денег, и его тут же без всяких церемоний выталкивают на улицу в качестве своеобразного примирения с остальной компанией.

Хозяин дома - персонаж в своем роде. Это человек, который сам ходил в море, поскольку никто другой не сочтет нужным держать дом, где живут моряки, и обычно это крупный, властный мужчина. Благодаря масонскому ремеслу, а также тому, что он свободно присоединяется к своим посетителям, когда они просят его выпить, и иногда угощает их в ответ, он заручается их доверием до тех пор, пока их зарплата не будет израсходована и они не будут вынуждены снова отправиться в море.

Женщины в этих домах употребляют спиртное очень свободно, но им не разрешается напиваться днем. Если хозяин замечает хоть один симптом опьянения, он дает им воду вместо джина в следующий раз, когда они попросят выпить, поскольку прекрасно понимает, что его деловые перспективы пострадают, если девушки не будут достаточно трезвыми, чтобы быть начеку в непредвиденных обстоятельствах, или, как он выражается, "присматривать за шансами".

В некоторых из этих домов принято, что все деньги, полученные девушками, отдаются хозяину, который обеспечивает их одеждой и предметами первой необходимости, а в других выплачивается фиксированная плата - шесть или восемь долларов в неделю, и женщины оставляют себе излишки. В любом случае это очень выгодный бизнес, особенно если в доме содержится много девочек. В одном из домов, который мы посетили в четвертом районе, содержатель сообщил нам, что его расходы составляют около ста пятидесяти долларов в неделю, и, конечно, на основании этого можно сделать определенный вывод о размере бизнеса, который он ведет.

Танцевальные салуны в этом районе работают не по платоническим принципам немцев. По сути, они представляют собой многочисленные аксессуары проституции, и многие сцены, свидетелями которых они стали, не поддаются описанию. Женщины, живущие в доме, одеты в самые безвкусные наряды, которые они могут себе позволить, многие из них принимают на себя костюм цветка. Оркестр состоит скрипки, банджо и тамбурина, и все, чего не хватает в музыкальных способностях, компенсируется энергичным исполнением. Бар пользуется большим покровительством, и до полуночи пьянство - правило, а трезвость - исключение.

Переходя к четвертой ступени этого порока, мы видим проституцию в самой отвратительной форме; сами женщины больны и грязны, а дома благоухают дурным ромом. Проститутки - это отбросы других классов, которые прошли через последовательные градации из-за болезней и пьянства, или же это одни из тех детей беззакония, которые, родившись в местах порока и убогости, не знают ничего о добродетельном или счастливом течении жизни. Судьба,

похоже, с самого их рождения предназначила их для бродяг и опустила на такую низкую ступень нравственной шкалы, что они едва ли могут надеяться подняться.

Бесполезно пытаться описать местоположение этих домов; любой, кто бывал в Нью-Йорке, наверняка видел некоторые из них, и будет вполне достаточно взглянуть на несколько их особенностей. Обычно их содержит старая проститутка, которая собирает вокруг себя самых развратных представителей своего класса, снимает дешевое подвальное помещение, где может завладеть подходящим для ее целей, сооружает небольшой бар с тремя или четырьмя бутылками самого обыкновенного спиртного, которое она может достать, отделяет одну или две небольшие ночлежки и сразу же начинает хозяйничать. Ее приготовления столь же обширны, как и сама она. Она редко берет девочек на пансион, обычно взимая плату за каждого посетителя, которого они принимают, и предоставляя им привилегию готовить все, что они захотят. Эти притоны в основном посещают самые мерзкие представители мужского пола: мелкие воришки, которые околачиваются на общественных рынках, воруя из повозок, или которые преследуют двери бакалейных лавок и отбирают все, до чего могут дотянуться; они находят в них удобные места для укрытия и часто могут распоряжаться своей добычей с помощью женщин. Другой класс посетителей состоит из самых низких разбойников, которые пользуются свободой действий и могут творить любые злодеяния, потому что им никто не мешает. Подобный случай со смертельным исходом, произошедший всего несколько месяцев назад, будет свеж в памяти всех горожан.

Незнакомцу опасно заходить в заведения подобного рода, ведь если его не обчистит один, то, скорее всего, на него нападут другие посетители. Полиция вынуждена следить за такими заведениями, и хотя она не имеет права входить в них, кроме случаев, когда этого требует реальная необходимость, она часто побуждает соседей подать жалобу на хозяев за содержание дома в беспорядке, и тогда, вооружившись ордером, они входят и арестовывают всех, кто находится в помещении. *Финалом* такого эксперимента с содержанием дома очень часто становится заключение за бродяжничество на остров Блэквелл. Характер этого места служит достаточным доказательством того, что там свирепствует сифилис, а его опасности следует добавить к уже перечисленным.

Предполагается, что проведенное таким образом деление является точным в том, что касается отличительных черт различных классов, но линии разграничения, конечно же, произвольны. Любая попытка классифицировать столь масштабное социальное зло должна быть, по своей природе, неполной, и в этом случае дальнейший опыт или более обширное исследование, вероятно, потребуют изменения схемы. Но есть еще один класс, о котором следует сказать несколько слов, а именно: эти поистине жалкие существа, изгои из изгоев. Во многих случаях лишённые дома и крова, больные, голодные, страдающие от неутолимой жажды крепких напитков, они представляют собой самые жуткие и душераздирающие зрелища, сохраняя едва ли какие-либо остатки человечности. Этих жалких существ можно встретить сгрудившимися вокруг баров винных магазинов в бедных кварталах, выпрашивающих стакан джина. Большую часть времени они проводят в тюрьмах на острове Блэквелл, откуда их не успевают выпустить, как они возвращаются к своим прежним местам обитания и привычкам. Их едва ли можно назвать проститутками, ведь их облик настолько отвратителен, что все женские черты стираются, и нужно быть очень чувственным и животным, чтобы принять их услуги. Они, во всех смыслах этого слова, изгои; вынужденные в течение короткого времени, которое они могут провести в городе - а это редко бывает больше нескольких дней, - влачить жалкое существование, занимаясь воровством или попрошайничеством; часто они настолько несчастны, что с радостью приветствуют день, когда их вернут в тюрьму. Они представляют собой предмет для скорбного размышления, и

мысль о том, что они переживают деградацию, к которой стремительно движется каждая проститутка в городе, должна стать весомым аргументом в пользу любых мер, которые могут быть разработаны для улучшения состояния хрупких женщин Нью-Йорка и предотвращения их падения так далеко от человечности.

ДОМА АССИГНАЦИЙ.

Каждый житель Нью-Йорка знает о существовании домов, используемых специально для встреч полов с целью незаконного общения; но все подробности о них так тщательно скрываются от посторонних глаз, что в целом известно не более чем этот факт, особенно если речь идет о домах более высокого класса. Секретность необходима для их существования и для поддержания социального положения их покровителей.

Самые эксклюзивные заведения, как правило, расположены в самом тихом и респектабельном районе города. Они обставлены аккуратно и даже роскошно, но без всякой экстравагантности и вычурности. Разумеется, для их обустройства не нужны приемные или гостиные, и вся забота о них возлагается на спальные комнаты, в обстановке которых предусмотрены все возможные удобства и комфорт.

Содержательницы домов этого класса, как правило, очень проницательные, тихие, осторожные женщины, которые никогда не стремятся вникнуть в какие-либо обязательства, заключенные их посетителями, не знают ни одного человека, входящего в их дом, и от которых невозможно получить информацию каким-либо способом. Говорят, что у содержателей и слуг этих заведений нет ни глаз, ни ушей, ни языка. По общему признанию, их целью являются деньги, и, поскольку они получают солидное жалованье, корысть диктует им спокойствие, ведь если бы они пошли другим путем, их дома неизбежно стали бы достоянием общественности, что стало бы эффективным барьером против посетителей и привело бы к полной потере клиентов. Следовательно, если либеральная взятка и может побудить к предательству, то их проницательность позволяет им понять, что такой поступок сразу же и навсегда закроет их заведения.

Легко понять, что, поскольку внутренняя ценность этих домов как мест для встреч зависит от секретности и избирательности, с которой они эксплуатируются, для полного осуществления этого принципа все делается с большой точностью. Двум сторонам не разрешается случайно встречаться в коридорах или на лестницах. Смотрительница строго следит за тем, чтобы вход и выход был свободным и беспрепятственным, и можно не сомневаться, что желание заработать деньги с ее стороны и очарование незаконной страсти со стороны ее посетителей в совокупности обеспечивают большую секретность, чем можно было бы достичь с помощью любой системы клятв или дисциплины. В некоторых из самых эксклюзивных заведений эта система доведена до такой крайности, что ни одна вечеринка не состоится, если джентльмен не будет предварительно представлен хозяйке, а за его скрытность и честность поручится кто-то из ее знакомых. Это правило принято для того, чтобы предотвратить возможность того, что дом станет известен как место свиданий с кем-либо, кто может использовать свои знания во вред хозяйке или ее посетителям.

В этих домах не проживают публичные женщины, и их не пускают туда ни под каким предлогом, так как это привлекло бы внимание и нанесло бы ущерб задуманным целям. Многие из них открыты месяцами без ведома соседей или полиции района, так как посетители очень редко входят и выходят вместе, а чтобы избежать задержки, наружную

дверь обычно держат незапертой, чтобы люди сразу проходили в зал, где обычно находится вторая дверь с колокольчиком.

Бизнес в этих домах ведется в основном в часы променада на Бродвее, скажем, с одиннадцати или двенадцати до четырех или пяти часов. Посетители принадлежат к высшим слоям общества, мужчины - к разного рода бизнесменам, а женщины - исключительно к нашему модному обществу. Если бы таинственные "персональные" объявления в ежедневных газетах были понятны постороннему глазу, то стало бы ясно, что нередко встречи назначаются через их агентство. О встрече обычно договариваются с хранителями заранее, и в назначенное время стороны прибывают с разных сторон и направляются прямо в уже выбранную комнату. При желании они могут получить вино или прохладительные напитки, позвонив в колокольчик в своей квартире.

Большинство женщин, посещающих эти заведения, едва ли можно назвать проститутками, несмотря на их несомненное отпадение от добродетели. Они грешат только с одним человеком, и то, во многих случаях, из положительной привязанности, а в других - из желания сексуального удовлетворения. Каковы бы ни были мотивы, они не касаются содержательницы дома, единственным делом которой является получение арендной платы за свою комнату, которая колеблется от двух-трех долларов до любой суммы, которую может продиктовать политика или желание сохранить тайну. Несомненно, очень немногие из посетителей рассматривают деньги в своих переговорах. Женщины очень часто тщательно скрывают свои лица, когда входят в дом, чтобы их нельзя было узнать, как это было показано на судебных процессах о разводе в этом городе, особенно если джентльмены заранее договорились о встрече. С другой стороны, если дама предпринимает предварительные шаги, она вряд ли может быть неизвестна владелице, в чьи руки она, следовательно, отдает свой характер.

Ничего не подозревающие нравственные люди Нью-Йорка вряд ли поверят этим фактам, но люди во всем мире знают, что такие встречи и места для встреч - не редкость. Могут возразить, что раскрытие этих тайн несет в себе информацию, которая может привести непосвященных к подобной практике. Считается, что приведенная здесь информация недостаточно определена для этой цели, и, конечно, ничто не может быть более далеким от замысла этой работы, чем содействие безнравственным целям. Но мы обязаны изложить общие факты, чтобы наши граждане знали об опасностях, которые подстерегают их со всех сторон; особенно это необходимо потому, что многие из посетительниц - замужние женщины, которые пользуются отсутствием своих мужей на работе.

Возникает вопрос: "Кто эти женщины, которые содержат эти дома?" То, что они не могли жить как обычные проститутки или быть содержательницами домов проституции, очевидно. Во-первых, знакомства, которые они могли завести в любом из этих занятий, исключали возможность сохранения ими неприкосновенной тайны, необходимой в доме уступок; и, кроме того, ни одна женщина не стала бы входить в подобное место, содержатель которого мог бы выдать ее. Предполагается, что некоторые из этих домов возникают следующим образом; на самом деле мы знаем не один такой дом:

Женщина, вовлеченная в интригу, которую она не может осуществить в своем собственном доме, и желающая найти безопасное место для своих встреч, знакомится с какой-нибудь проницательной женщиной, возможно, работающей у нее швеей или в каком-то другом качестве, которую она частично делает своей доверенной. Она сообщает ей, что желает встретиться с джентльменом, которого по каким-то причинам не может пригласить к себе домой, и просит предоставить ей комнату, в которой может состояться беседа. Вряд ли

человек, который чувствует себя обязанным перед своим работодателем, откажет в такой просьбе, тем более для такой простой цели, как короткая беседа. Встреча состоялась, и ей был сделан красивый подарок. Это часто повторяется, пока она не начинает подозревать и, наконец, убеждается, что эти беседы проводятся с целью сексуального контакта. К этому времени для нее это становится вопросом *политики*. Она утверждает, что если откажется от дальнейшего проживания, то потеряет не только значительный доход от подарков, но и всю работу с этой дамой. Она знает, что, разрешая такие встречи, получает значительно больше, чем может заработать своим ежедневным трудом, и корысть обычно достаточно сильна, чтобы преодолеть ее угрызения. Она продолжает расширять свои апартаменты и увеличивать круг своих посетителей, пока не становится хозяйкой избранного дома свиданий, который всегда будет пользоваться широким покровительством, пока ее способность сохранять необходимую секретность остается непоколебимой. Некоторые из этих женщин родом из далеких городов; в Нью-Йорке они совершенно незнакомы, за исключением своих непосредственных клиентов. Если это вдовы, у которых есть дети, то они неизменно получают образование вдали от дома. Из наблюдаемой частной жизни очень трудно оценить их доходы, которые должны быть большими. Иногда они превращаются в содержательниц домов публичной проституции, и тогда становятся опасными членами общества из-за доверенных им секретов.

Вероятно, некоторые из наших ультрамодных граждан могли бы дать больше сведений об этих домах, чем собрано здесь. Все, что было сказано, взято из достоверных источников и может заслуживать безусловного доверия. Действительно, авторитеты настолько надежны, что можно с уверенностью утверждать, что даже Пятая авеню и Юнион-сквер не обходят стороной эти курорты.

Такие дома следует рассматривать как связующее звено между развратными излишествами европейских столиц и этим городом Нового Света. Они опасны своей скрытностью и эксклюзивностью. Пока они редки, и это говорит в пользу нравственности наших высших классов. Это говорит о том, что большинство людей в высших слоях общества незапятнанны. Но процесс деградации уже начался. Неужели американский здравый смысл и американская мораль не остановят это подражание иностранным обычаям?

Недавно провозглашенные настроения, или, скорее, возрождение настроений, провозглашенных много лет назад в отношении брачных обязательств и теории "свободной любви", несомненно, увеличили число покровителей домов свиданий среди наших модных людей, читающих романы, или слабых романтических голов, одурманенных внезапным приобретением богатства. В течение последних пятнадцати лет среди нас провозглашался свободный кодекс морали, иностранные апостолы которого - многие из них претендуют на благородство, но на самом деле являются простыми авантюристами - посещали нас, и благодаря им и их влиянию зародилось множество интриг. Приправа романтики в американском характере побудила многих присоединиться к этому движению в поисках приключений, а часть нашего женского общества - ярые поклонницы всего иностранного, будь то лорд или кружевная вуаль, и они с удовольствием принимают интригу, потому что это экзотика.

Возможности связи с Европой сейчас настолько велики, что американские путешествия на этот континент значительно увеличиваются, и, возможно, в городах континентальной Европы сейчас находится больше представителей нашего общества, чем представителей любой другой нации. Многие из наших людей едут туда с похвальным желанием улучшить свой ум путем общей культуры или для изучения отдельных отраслей науки или искусства, но приходится сожалеть, что некоторые возвращаются на наши берега с идеями,

рассчитанными на то, чтобы быть полезными для их родной страны с социальной или моральной точки зрения. Сыновья наших степенных и "солидных людей" отправляются в столицу Французской империи изучать медицину. Если не считать нецелесообразности этого курса, когда здесь есть такие же возможности для учебы, где несколько секунд молниеносного общения позволят им сразу же общаться со своими друзьями, а не разлучаться на четыре тысячи миль с родителями и опекунами, то оправдывает ли цель средства? Какой путь часто выбирают эти молодые люди? Не умея толком говорить на языке, они прибегают к знакомству с *гризеткой*, чтобы учиться в ее компании. Язык, который они приобретают таким образом, - в лучшем случае вульгарный *жаргон*; кроме того, они получают знания интриг, совершенно несовместимые с простотой и чистотой наших республиканских институтов, - разновидность мужской и женской дипломатии, чуждую характеру нашего народа.

Юные леди, вернувшись из заграничного турне, тоже скорее очарованы прелестями и успехами благосклонной любовницы какого-нибудь европейского принца или монарха, чем полезными основательными уроками путешествия. Для них, как и для других, все это поверхностно. Поверхностные в начале пути, поверхностные во время путешествия, они еще более поверхностны, когда возвращаются. В нашей стране всегда найдутся слабоумные люди, которые будут подражать иностранным манерам, и к этому следует отнести постепенное приближение нашего модного общества к порокам европейских столиц, их дамские и джентльменские слабости, их джентльменские причуды и жеманство. Иностранные путешествия не могут не оказать пагубного влияния на таких людей. Нужно иметь ясную голову и здоровое сердце, чтобы выбрать между порочными фриivolностями и положительными благами, представленными их вниманию, а в случае с упомянутым классом требуется совсем немного рассудительности, чтобы понять, что привлечет их в первую очередь. Они должны увидеть лорда А... или графа Б..., независимо от того, какие ценные возможности для обучения они упустят. Они должны *вникнуть* в правила поведения при дворе и манеры придворных, независимо от того, что еще они оставляют без внимания.

Поскольку в другом месте говорится о мерах по исправлению другого зла, здесь уместно предложить глубокое рассмотрение вопроса о том, не будет ли мудрой политикой принять какую-нибудь превентивную систему для этого зла. Мы могли бы создать френологическое и психологическое бюро, наделенное всеми полномочиями для обследования всех желающих путешествовать, чтобы убедиться, что они могут безопасно совершить гранд-тур и обладают достаточной силой интеллекта и твердостью принципов, чтобы противостоять пагубным влияниям и примерам, которые будут окружать их там, чтобы они могли вернуться только со знанием хороших и ценных уроков, преподанных им!

Но пороки иностранных нравов и обычаев привносятся не только путешествующим классом нашего общества. Политические потрясения в Европе за последние восемь-десять лет выбросили к нам множество *беженцев*, выросших в очагах интриг, которые, называя себя *артистами*, зависят от нашего беспримерного процветания, увеличения нашего богатства, благоустройства нашей страны и нашей известной склонности к иностранцам, чтобы дать им возможность заработать на жизнь, а также установить такое же состояние нравов и манер, как в тех городах, откуда они прибыли. Соединенные Штаты сейчас - великое поле для искусства, которое, наряду с наукой, музыкой и поэзией, способствует совершенствованию ума. В то же время они приносят с собой чрезмерную приверженность моде, как в одежде, так и в манерах, как, например, платье с низким вырезом и развратный вальс, которые являются настолько явными положительными отклонениями от нашего нормального состояния, что никто, кроме самых поверхностных, никогда не станет их копировать.

То, что мы быстро внедряем многие из самых абсурдных глупостей и худших пороков Европы, - очевидный факт. Почти каждый может назвать поступки, которые сейчас допускаются в респектабельных семьях и которые еще пятнадцать лет назад наши родители, руководствуясь здравым смыслом, сочли бы достаточным основанием для исключения нарушителя из домашнего круга; и не менее очевидным фактом является то, что наша общественная мораль ухудшается в прямой зависимости от внедрения этих привычек. С каждым днем система Нью-Йорка становится все более похожей на систему самых развращенных столиц континентальной Европы, и остается только надеяться на здравый смысл основной массы американского народа, чтобы сказать, как далеко мы продвинемся в этой легкомысленной, интригующей и презренной манере жизни; Или же они не будут стремиться увековечить суровую мораль пуританских отцов, нашу великую моральную гарантию до сих пор, и таким образом поставить эффективный барьер против вторжения потока, который должен подорвать всю нашу социальную структуру, и в конечном итоге раздавить нас под руинами.

Второй класс домов ассигнаций в значительной степени является частным, но не таким жестко эксклюзивным, как остальные. Их мебель выполнена в том же роскошном стиле, но имеет более аляповатый характер. Как правило, при входе соблюдается тот же порядок, что и в заведениях первого класса. Основную часть женщин, посещающих эти заведения, составляют замужние женщины, в большинстве своем представительницы высших классов, чьи сексуальные страсти не находят удовлетворения в других местах или которые прибегают к этому средству, чтобы получить больше денег на одежду; содержанки, живущие со своими любовниками как муж и жена в гостиницах или пансионах, чья привязанность недостаточно сильна, чтобы хранить верность одному мужчине; иногда лучшие служанки, продавщицы или женщины, чьи профессии, например, мельничихи, искусственные цветочницы и т. д., приводят их в контакт с модными классами. Говорят, что есть мужья, знающие о том, что их жены посещают такие места, и живущие полностью или частично на деньги, заработанные таким образом. Предполагается, что таких случаев не так уж и много, но следует надеяться, что для сохранения нашего национального характера их число станет еще меньше. Несколько проституток высшего класса иногда посещают дома этого класса; они известны содержательнице, и она поощряет их по следующей причине: Привыкший к этому месту человек договаривается о посещении в определенное время и говорит содержательнице, что хотел бы встретить там женщину. В назначенный день его желание будет исполнено, а зритель выступит в роли переговорщика с одной из упомянутых девушек. В этих домах употребляется больше вина, чем в строго избранных, вероятно, из-за того, что их посещают представители разных сословий.

Услужливые дома третьего класса расположены не в таких престижных районах города, как два других класса. Некоторые из них управляются с большим уединением, в то время как другие являются просто домами публичной проституции в больших масштабах. Их главные покровительницы - проститутки, которые восстали против непомерной платы, взимаемой содержателями модных домов, и продавщицы, которые прибегают к проституции, чтобы увеличить свой доход. Многие из них живут на некотором расстоянии от города, и любой, кто едет вниз в послеобеденное время, может увидеть, как несколько из них едут в эти места на машинах и на платформах. Это еще одно подражание французской и английской системам. Эти дома третьего класса почти не маскируются. В каждом из них есть гостиная или приемная, где мужчина может выпить бутылку вина, а одна или две из названных девушек присоединятся к нему. Конечно, многие пары посещают эти заведения, но многие мужчины ходят туда в одиночку, зная, что в доме всегда есть женщины. Шустрые молодые люди в городе имеют привычку держать своих любовниц в этих домах, так как это экономичнее, чем

останавливаться с ними в гостиницах. В таких местах распространяются значительные болезни, от которых первый и второй классы почти полностью избавлены. Дела здесь обычно заканчиваются за три-четыре часа, начинаясь в вечерних сумерках; но это, несомненно, источник значительного дохода для содержательницы, особенно в тех случаях, когда она выступает в роли сводницы, поскольку, помимо платы за комнату, которую платит мужчина, она всегда получает *подарок* от женщины.

Существует еще один или четвертый класс домов свиданий, в которые ходит самая распространенная часть уличных гуляк, и их можно точно описать старой поговоркой: "Дешево и отвратительно". Грязные и недостаточные помещения являются эквивалентом низких цен, и такие заведения, по общему мнению знатоков, очень *низки* и презренны. Несмотря на это, они процветают и множатся, из чего можно сделать вывод, что они выгодны с точки зрения бизнеса, какими бы отталкивающими они ни были по своим характеристикам и обустройству. Некоторые из них хитроумно устроены с целью ограбления и называются "панельными домами". План примерно следующий: Некий мужчина, как правило, деревенский житель, не очень хорошо осведомленный о хитростях мегаполиса, знакомится с проституткой и соглашается проводить ее в дом свиданий. Она находится в союзе с "панельными ворами" и поэтому вводит свою жертву в одну из их комнат. В квартире редко бывает больше мебели, чем кровать и кресло или шезлонг, а пол застелен толстым ковром. Для "двойной уверенности" мужчина сам запирает дверь, через которую входит, и, раздеваясь, естественно, бросает одежду на кресло или шезлонг. Кровать ставится так, чтобы ноги были направлены к единственной *видимой* двери в комнате, одной стороной к стене, а голова и другая сторона завешиваются занавесками, которые женщина аккуратно задергивает, как только мужчина ложится рядом с ней. У изголовья кровати, разумеется, скрытая портьерами от посторонних глаз, находится еще одна дверь, которая и является тайным входом. Она так искусно устроена и так аккуратно обклеена бумагой, как и стены, что никто не заподозрит ее существования. Петли и крепления снаружи смазаны маслом, так что при открывании не слышно никакого шума, и вор кошачьим шагом крадется по ковру и спокойно осматривает одежду, не тревожа ничего не подозревающего незнакомца. Вор заканчивает осмотр, присваивает себе столько, сколько считает нужным, а временный обитатель квартиры возвращается в свою одежду и готовится уйти. Если его подозрения вызвало то обстоятельство, что кошелек выглядит не таким красивым, как раньше, и при осмотре выяснилось, что часть его содержимого пропала, он не знает, как это объяснить. Он совершенно уверен, что никто не входил в эту комнату, пока он там находился, и если он много "побывал" там до встречи с девушкой, то приходит к выводу, что, должно быть, потерял часть своих денег за время своей карьеры, и что единственный выход - смириться с потерей и впредь избегать нью-йоркских увлечений. Иногда у проигравшего не хватает на это философии, и если он может быть уверен, что его деньги были в порядке, когда он входил в комнату, он вызывает полицию и тем самым разоблачает тайные договоренности заведения. Это сравнительно редкий случай, так как большинство людей скорее смирятся с денежными потерями, чем столкнутся с неприятностями и разоблачением, связанными с уголовным преследованием, и знание этого нежелания позволяет "панельным ворам" продолжать свои операции почти безнаказанно.

ГЛАВА XXXVI.

НЬЮ-ЙОРК - МАСШТАБЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И СТОИМОСТЬ ПРОСТИТУЦИИ.

Количество публичных проституток.- Мнение начальника полиции в 1856 году.- Влияние на проституцию коммерческой паники 1857 года.- Экстравагантные предположения.- Полицейское расследование в мае 1858 года.- Частные проститутки.- Агрегатная проституция.- Посетители из пригородов Нью-Йорка.- Незнакомцы.- Пропорция проституток к населению.- Сифилис.- Опасность заражения.- Увеличение венерических болезней.- Статистика случаев лечения в островной больнице, остров Блэкуэллс.- Первичный сифилис и его показания.- Случаи венерических заболеваний в государственных учреждениях.- Больница.- Рабочий дом.- Пенитенциарное учреждение.- Бельвьюская больница.- Больница сестринского ухода, остров Рэндаллс.- Больница эмигрантов, остров Уордс.- Нью-Йоркская городская больница.- Диспансеры.- Медицинские колледжи.- Больница округа Кингс.- Бруклинская городская больница.- Приют для моряков, Стейтен-Айленд.- Сводка случаев лечения в государственных учреждениях.- Частное лечение.- Рекламодатели.- Патентные лекарства.- Наркомагазины.- Общее количество венерических заболеваний.- Вероятность заражения.- Расходы на проституцию.- Капитал, вложенный в дома проституции и ассигнации, танцевальные салоны и т.д.- Доходы проституток.- Индивидуальные расходы посетителей.- Медицинские расходы.- Расходы на бродяжничество и содержание нищих.- Полицейские и судебные расходы.- Корреспонденция с ведущими городами Соединенных Штатов.- Оценка проституции по всему Союзу.- Замечания о "*Проституции* Таита в *Эдинбурге*".- Необоснованные оценки.- Национальная статистика населения, рождений, образования, занятий, заработной платы, нищенства, преступности, пивоваренных и винокуренных заводов, а также рождаемости.

В предыдущих главах были приведены статистические и описательные данные о проституции в Нью-Йорке. Прежде чем рассматривать, какие меры могут быть применены для смягчения сопутствующего ей зла, необходимо выяснить масштабы этой системы, и это исследование должно включать в себя количество брошенных женщин в городе и количество венерических инфекций, распространяемых через их агентство.

На этих страницах предполагалось, что две тысячи женщин, чьи ответы легли в основу статистических таблиц, составляют примерно одну треть от общего числа проституток Нью-Йорка. Это позволяет говорить о двадцатипроцентном росте за зиму 1857-8 годов, вызванном коммерческой паникой прошлой осени и, как следствие, параличом торговли и страданиями трудящихся.

В ходе этого расследования было сочтено целесообразным проконсультироваться с теми, чье знакомство с деталями городской жизни дало бы право на доверие к их мнению относительно фактического количества проституток в наших пределах; и в дополнение к большому информативности, полученной частным образом, состоялась следующая переписка с тогдашним начальником полиции:

(Копия.)

"Кабинет врача-резидента, остров Блэкуэллс,
Нью-Йорк, 1 сентября 1856 года".

"Джорджу В. Матселлу, эсквайру, начальнику полиции:

"Дорогой сэр, - В течение последних двадцати лет различные лица, иностранцы и местные жители, заинтересованные и незаинтересованные, делали различные оценки относительно количества проституток в городе Нью-Йорке. Обычно считается, что их число достигает двадцати пяти или тридцати тысяч. Вы, сэр, возглавляете полицейское управление города уже пятнадцать лет, а до этого времени вы, если я не ошибаюсь, были одним из полицейских судей города. Поэтому я полагаю, что вы хорошо знаете проституцию в том виде, в каком она здесь существует, и, следовательно, можете дать очень верное заключение о количестве проституток в Нью-Йорке.

"Вы окажете мне большую услугу, если при первой же возможности и в любой удобной для вас форме назовете общее число проституток в городе.

"Следует добавить, что, с вашего разрешения, я намерен опубликовать это письмо вместе с вашим ответом в докладе о проституции, который я готовлю и вскоре буду иметь честь представить на суд общественности.

"С уважением,

"Уильям В. Сэнгер,

"Врач-резидент, остров Блэкуэлл".

(Ответ.)

"Офис начальника полиции, Нью-Йорк, 12 декабря 1856 года.

"Доктор Уильям В. Сангер:

"Дорогой сэр, - я получил ваше письмо, в котором вы просите меня выразить в письменном виде мою оценку всего числа известных публичных проституток в городе Нью-Йорке. В отсутствие какого-либо закона, обязывающего регистрировать публичных проституток, было бы очень трудно с точностью указать точное число таких лиц в городе. Я без колебаний заявляю, что, по моему мнению, их число не превышает пяти тысяч человек, если, конечно, они достигают столь высокой цифры. Занимаясь общественной жизнью в течение многих лет, мое мнение основано на наблюдениях, которые я время от времени делал, и на различных официальных отчетах, которые мне предоставлялись".

"Вы вправе использовать этот ответ на ваш вопрос так, как сочтете нужным.

"С большим уважением, ваш,

"Гео. В. Матселл, начальник полиции".

Этого сообщения, в дополнение к фактам, почерпнутым из других источников, было вполне достаточно, чтобы сделать вывод, что число известных публичных проституток в Нью-Йорке не превышало пяти тысяч на конец 1856 года. Затем наступило лето с его искусственной инфляцией - тем ложным процветанием, которое возбуждает безграничные надежды и побуждает к безмерной расточительности, - а за ним последовали отвращение и паника осени и зимы. Торговля была буквально мертва: рабочие, которым никогда не платили слишком хорошо, оказались под угрозой голодной смерти; женщины, в особенности, ощущали на себе жесткое давление времени. Во многих семьях затруднения отцов вынудили сократить число слуг, и к уже потерявшим работу представителям этого класса добавилось большое количество домработниц. Занятия целой армии швей, портных, мельников и портных были приостановлены, и их борьба за хлеб влилась в общую борьбу за труд. Короче

говоря, это было тяжелое время как для страдальцев, так и для наблюдателей. Но выход был один: бедная безработная, лишенная крова и пищи женщина должна была прибегнуть к проституции как средству сохранения жизни.

Как обычно бывает во время сильного волнения, предположения о масштабах последствий были просто безумными, а экстравагантные теории - многочисленными; один джентльмен заявил на публичном собрании, что тысяча добродетельных девушек становятся проститутками каждую неделю из-за голода! Такое ужасающее утверждение само себя опровергает. Оно предполагает, что одна женщина из каждой сотни женского населения Нью-Йорка в возрасте от пятнадцати до тридцати лет становилась проституткой каждую неделю; следовательно, за шесть месяцев осени и зимы двадцать шесть тысяч женщин, одна четвертая часть жителей названных возрастов, каждая четвертая из всех женщин моложе среднего возраста, были бы вынуждены предаваться пороку! Практика "поспешных выводов" в таких серьезных вопросах заслуживает порицания. Преувеличенное заявление, сделанное в порыве энтузиазма и отстаивающее благородную цель, всегда должно обернуться во вред делу, которое оно призвано продвигать. Стоит лишь на мгновение задуматься о финансовом положении Нью-Йорка, чтобы убедиться в невозможности такого роста проституции. Невозможно отрицать, что количество брошенных женщин регулируется спросом; или что единственным побуждением, которое могло бы привести добродетельных девушек к предполагаемому курсу, должна была быть необходимость зарабатывать деньги на пропитание. Но эта необходимость зарабатывать деньги ощущалась мужчинами так же сильно, как и женщинами. Возмущение на некоторое время оставило значительную часть общества без средств к существованию. Торговцы, фабриканты и лавочники обнаружили, что их выручки не хватает для покрытия расходов. Коммерческие *служащие*, бухгалтеры, клерки, продавцы и агенты были уволены. Механики во всех отраслях остались без работы и, соответственно, без зарплаты. Купцы из других частей страны не имели денег, чтобы выполнить свои обязательства или сделать новые покупки, и поэтому не посещали город, как обычно. Все эти причины в совокупности привели к сокращению бизнеса домов проституции, и вместо большого пополнения рядов куртизанок многие представители этого класса были вынуждены искать убежища в общественных благотворительных заведениях. Отсюда и увеличение числа обитателей острова Блэквелл, где больница, богадельня, рабочий дом и пенитенциарное учреждение были одинаково переполнены. Некоторые из мест, освобожденных этими получателями элементарной помощи, несомненно, были заполнены новобранцами; но если предположить, что каждую неделю к ним прибавлялась тысяча человек, то это означало бы, что весь *корпус* менялся каждые шесть недель, или почти пятикратную смену в течение осени и зимы.

В том, что женская добродетель во многих случаях была уступлена, сомневаться, к сожалению, не приходится, но страдальцы не становились публичными проститутками. Бедные создания! Они невольно отдавались какому-нибудь временному знакомому, вероятно, в благодарность за уже оказанную помощь или в ожидании помощи, которая должна была быть оказана. Есть что-то поистине меланхоличное в том, что хлеб приходилось покупать по такой цене; что единственная альтернатива лежала между добровольным бесчестьем и убийственной нищетой. Из милосердия можно заключить, что женщина, поступившая таким образом, если ее дальнейший путь не был сплошным отречением от жизни, была скорее побуждена суровой необходимостью времени, чем слабостью нравственных чувств. Как бы ни была она нецеломудренна, ее едва ли можно считать проституткой в обычном понимании этого слова.

Было бы глупо отрицать весь рост проституции с момента публикации этой переписки. Население Нью-Йорка сейчас примерно на тридцать или сорок тысяч человек больше, чем в то время, и деградация женщин стала естественным следствием этого. Если исходить из оценки в пять тысяч человек, которая была верна на тот момент, то последующее увеличение населения предполагает добавление около трехсот проституток, но если брать самые широкие рамки и предположить, что разврат, которого требует голод, перерос в привычку к постоянному пороку, то можно признать, что число брошенных женщин в Нью-Йорке увеличилось с пяти тысяч в 1856 году до шести тысяч в 1858 году. Это очень либеральная оценка, и общее количество, конечно, не слишком мало. Насколько она может быть завышена, точно сказать нельзя, но в споре такого рода безопаснее ошибиться в сторону преувеличения зла, чем убаюкивать себя ложной безопасностью слишком лестных представлений.

Таким образом, предполагается, что на сегодняшний день в Нью-Йорке насчитывается шесть тысяч публичных проституток. Но из этого числа могут быть сделаны исключения. Чтобы добиться большей точности, были запрошены дополнительные данные. В мае 1858 года была запрошена помощь Совета комиссаров столичной полиции, и под руководством его президента (генерала Джеймса У. Ная), которому мы выражаем признательность за его любезность и помощь, инспектору каждого полицейского участка был направлен список запросов. Ниже приводится копия циркуляра с кратким изложением ответов.

(Копия.)

"Управление комиссаров столичной полиции,
"Нью-Йорк, 1 мая 1858 года.

"Инспектор --- ---: - Полицейский участок.

"Сэр, прошу вас как можно раньше явиться в этот офис по нижеприведенным вопросам. Пусть ваши ответы будут полными и ясными, в меру ваших знаний и убеждений. Под каждым вопросом оставлено место для вставки ваших ответов, поэтому напишите их на этом листе и верните его без промедления.

"1. Сколько домов проституции, от самых публичных до самых частных, имеется в вашем полицейском округе?

"2. Сколько в вашем округе домов ассигнаций?

"3. Сколько в вашем округе танцевальных салонов, винных и пивных магазинов, где имеют обыкновение собираться проститутки, в дополнение к известным домам проституции?

"4. Сколько проституток, по вашему мнению, проживает в вашем районе?"

РЕЗЮМЕ ОТВЕТОВ.

Участки.	Сообщается	Дома из Проституц ии.	Дома из Присвоени я.	Танцевальн ые салуны, Спиртные напитки или Пиво или пиво магазины,	По оценкам, Количество из Проститудо к.
----------	------------	--------------------------------	-------------------------------	---	--

					где проститутк и собираютс я.	
1	Инспектор	Джеймс Силви	22	...	3	76
2	"	Харт Б. Уид	1	...	1	2
3	"	Д. А. П. Хопкинс	9	...	...	26
4	"	Моррис де Камп	35	13	8	750
5	"	Генри Хатчингс	63	7	46	420
6	Исполняющий обязанности инспектора Луш		52	6	12	228
7	Инспектор	Джон Кэмерон	6	...	4	100
8	"	С. С. Тернбулл	43	15	...	300
9	"	Джейкоб Л. Себринг	...	...	...	50
10	"	Т. К. Дэвис	26	1	4	100
11	"	Питер Сквайрс	...	...	12	50
12	"	Гален П. Портер	...	...	...	...
13	"	Томас Стирс	15	4	8	150
14	"	Дж. Дж. Уильямсон	39	5	...	125
15	"	Г. В. Дилкс	5	19	7	175
16	"	Сэмюэл Карпендер	6	4	10	500
17	"	Дж. В. Харт	20	3	6	150
18	"	Терон Р. Беннетт	1	...	3	250
19	"	Джеймс Брайан	5	1	2	30
20	"	Ф. М. Карри	15	1	5	250
21	"	Фрэнсис Спейт	15	10	6	75
22	"	Джеймс Э.	...	...	14	50

Коултер

Итого	378	89	151	3857
-------	-----	----	-----	------

К некоторым отчетам есть примечания, которые можно извлечь.

Инспектор Силви, 1-й округ, отвечает на вопрос 4: "*Насколько мне известно*, в этом округе проживает семьдесят шесть обычных проституток".

Инспектор Де Камп, 4-й округ, отвечает на вопрос 4: "350 проживают в домах проституции, 150 содержат любовниц, 150 проживают в округе и занимаются проституцией в этом и других округах, и, вероятно, 100 случайных проституток".

Инспектор Хатчингс, 5-й округ, отвечая на вопрос 3, классифицирует курорты следующим образом

Танцевальные залы	2
Салуны и сигарные магазины	31
Пивные магазины	13
	46

и, отвечая на вопрос 4, подразделяет проституток на

Белые	360
негров	60
	420

Исполняющий обязанности инспектора Луш, 6-й округ, в ответе на вопрос 4 говорит: "Сто семьдесят восемь известных проституток, имена которых мы знаем; предполагается, что в округе проживает еще *не менее* пятидесяти".

Инспектор Камерон, 7-й округ, отвечая на вопрос 3, классифицирует курорты на

Пивные магазины	3
Магазины сигар	1
	4

и, отвечая на вопрос 4, говорит: "Не могу дать достоверной информации; вероятно, сто".

Инспектор Себринг, 9-й округ, отвечает на вопрос 1: "В этом округе нет ни одного известного мне дома проституции", а на вопрос 4: "Разбросанных по округу домов, *вероятно*, пятьдесят".

Инспектор Сквайрс, 11-й округ, отвечает на вопрос 1: "Вообще говоря, ни одного. Есть много питейных заведений, где часто собираются рассеянные люди обоих полов и где, несомненно, иногда занимаются проституцией, но нет регулярных домов такого характера". На вопрос 3: "Существует около дюжины пивных салунов, где по ночам собираются и танцуют голландские девушки с развязным характером. Они не задерживаются надолго в одном и том же месте, но когда их выгоняют из одного места, они устраиваются в другом". На вопрос 4: "Я предполагаю, что есть пятьдесят молодых женщин и замужних женщин, некоторые из которых выдают себя за респектабельных людей, которые имеют привычку ходить в восьмой, пятнадцатый и другие неблагополучные районы для занятия проституцией,

а некоторые из самых низких из них, как говорят, даже посещают пятый район, но мне никогда не удавалось установить этот факт достоверно".

Инспектор Портер, 12-й округ, говорит: "Этот участок, включающий всю часть острова к северу от 86-й улицы, не заражен ни одним из зол, перечисленных в данных вопросах".

Инспектор Уильямсон, 14-й округ, отвечает на вопрос 4: "*Полагаю, около 125*".

Инспектор Карпентер, 16-й округ, отвечает на вопрос 4: "Все, кто считает себя знатоками, признают, что в этом округе не менее пятисот проституток, всех возрастов, наций, классов и цветов кожи".

Инспектор Хартт из 17-го округа, отвечая на вопрос 4, говорит: "На этот вопрос трудно ответить, поэтому ответ придется принять как предположение: предположительно около ста пятидесяти".

Инспектор Карри, 20-й округ, отвечает на вопрос 4: "Вероятно, две или три сотни, но это всего лишь предположение. Мы знаем, что их очень много; некоторые из них очень молоды".

Те отчеты, из которых не было сделано никаких выписок, состоят просто из цифр без каких-либо примечаний и полностью приведены в конспекте. Следует заметить, что все цитируемые офицеры называют число проституток скорее предположительно, чем точно; и хотя по роду своей деятельности они должны были знать большинство неблаговидных женщин в своих округах, никто из них не предполагает, что он настолько хорошо информирован, чтобы дать положительный ответ. К приведенным ими цифрам следует добавить плавающее население проституток при вокзалах, городских и районных тюрьмах, больницах, рабочих домах, богадельнях и пенитенциарных учреждениях, которое колеблется от тысячи до двух тысяч, а в среднем может составлять тысячу пятьсот человек. Это, с учетом тех, кто известен полиции, составляет 5357 человек, а остаток в шестьсот сорок три (643), необходимый для доведения числа до шести тысяч (6000), является лишь умеренной поправкой на тех, кто скрылся от глаз полицейских при проведении переписи. Как уже отмечалось, лучше переоценить, чем недооценить количество брошенных женщин в городе.

Но к этому числу следует добавить тех, чье призвание так хорошо замаскировано, что не позволяет узнать о нем, - тех, кто занимается проституцией в дополнение к какому-либо законному занятию, и тех, кто прибегает к незаконным удовольствиям для удовлетворения своих страстей. Чтобы получить информацию по этим вопросам, в начале расследования в 1856 году капитанам полиции были заданы дополнительные вопросы, ответы на которые мы приводим ниже.

Первый вопрос звучал так: "Сколько в вашем округе домов свиданий?". Когда этот вопрос был задан, было известно, что секретность, поддерживаемая в этих местах, в некоторых случаях может сбить с толку проникательных полицейских, и не было никакого удивления, когда их ответы показали, что только семьдесят четыре (74) из этих домов были им известны. Достоверная информация из других источников позволила убедиться в том, что эта цифра была занижена. Расследование, проведенное в мае 1858 года, фиксирует цифру в восемьдесят девять (89), что также слишком мало; и мы будем совершенно оправданы, если оценим количество домов ассигнаций в Нью-Йорке в сто (100).

Следующий вопрос звучал так: "Каково, по вашему мнению, среднее число посетителей таких домов каждые двадцать четыре часа?" Ответы дали в среднем шесть пар в каждом доме каждый день, или в совокупности шестьсот женщин каждые двадцать четыре часа.

Затем последовал вопрос: "Все ли женщины, посещающие эти дома свиданий, являются известными публичными проститутками? Если нет, то к какому классу, по вашему мнению, они относятся?" Из ответов выяснилось, что примерно две пятых известны как проститутки, остальные - швейные или магазинные девушки, содержанки, вдовы и некоторые замужние женщины.

И снова: "Выскажите свое мнение о том, сколько содержанок имеется в вашем округе?" В двадцати двух округах было выявлено двести шестьдесят восемь (268), и можно предположить, что их больше. Можно смело считать, что их число составляет четыреста. Следующий вопрос звучал так: "Сколько женщин, насколько вам известно, и которых вы ранее не обследовали, проживает в вашем округе, полностью или частично зарабатывая на жизнь проституцией?" На это было названо число (по убеждению, поскольку характер вопроса исключает возможность получения какой-либо достоверной информации) около четырехсот. "Можете ли вы высказать мнение о том, сколько женщин в вашем округе, которых не вынуждает необходимость, занимаются проституцией для удовлетворения своих страстей?" Определенных ответов на этот вопрос получено не было, общие предположения составили от одной трети до одной четверти тех, кто не был признан публичными проститутками. "В какой степени, по вашему мнению, проституция распространена в доходных домах вашего района?" В целом признается, что в некоторой степени, но точный подсчет произвести невозможно. Многие из тех, кого можно назвать частными проститутками, живут в домах этого класса, но их посетители попадают в дома ассигнаций, где их число включено в приведенную оценку. "Считается, что почти во всех респектабельных районах города живет много женщин, занимающихся проституцией. Они (поодиночке или парами) снимают комнаты и под видом честного труда, шитья и т. д., выдают себя за респектабельных среди тех, кто живет рядом с ними. Известно также, что именно такие женщины часто посещают дома свиданий. Сколько таких женщин (насколько вам известно) в вашем округе?" Офицеры отвечают, что, по их данным, их около двухсот, но они уверены, что их гораздо больше.

Такова информация, которую нам удалось собрать. Ежедневно эти дома посещают шестьсот женщин, из которых две пятых известны как публичные проститутки, а остальные относятся к другим категориям. Можно предположить, что известные проститутки посещают такие дома по крайней мере раз в двадцать четыре часа, что оставляет более трехсот посещений в день для остальных. Содержанки или замужние женщины, которые прибегают туда для удовлетворения своих страстей, вероятно, до ста человек в день. Вряд ли можно предположить, что такие женщины посещают дома свиданий чаще, чем раз в неделю, в то время как другие, швеи, продавщицы и т.д., которые прибегают туда для увеличения своего дохода, вероятно, делают это два или три раза в неделю, что доведет их число примерно до четырехсот. Таким образом, очень точная оценка общего числа немощных женщин, которые сейчас находятся в Нью-Йорке, может быть представлена следующим образом:

Известные публичные проститутки	6000
Женщины, посещающие притоны для сексуального удовлетворения	1260
Женщины, которые посещают дома ассигнаций для увеличения своего дохода	400

Половина числа содержанок,
если предположить, что
другая половина
включена в число тех, кто
посещает дома ассигнаций

200

Итого

7860

Как видно, чтобы прийти к такому выводу, в это число включены все, кто подозревается в потере добродетели, хотя из числа тех, кто посещает дома для сексуального удовлетворения, многие не виновны в беспорядочных связях.

Это общее число далеко не соответствует оценкам, сделанным в разное время разными людьми, согласно которым в Нью-Йорке насчитывается от двадцати до тридцати тысяч проституток! Такие поспешные выводы, сделанные в азарте момента - иногда под влиянием того, что "желание - отец мысли", - должны уступить место результатам тщательного и тщательного расследования, проведенного с этой специальной целью. *Способ проведения экспертизы в городе обязывал тех, кому она поручалась, быть внимательными к фактам, что само по себе является достаточной гарантией правильности*[\[398\]](#).

Если бы можно было выставить шесть тысяч известных публичных проституток в одной процессии, они бы продемонстрировали гораздо больше, чем можно предположить из напечатанных слов "шесть тысяч". Человек, привыкший видеть большие скопления людей, должен с первого взгляда понять всю совокупность, подразумеваемую в этом заявлении. Поставьте это количество женщин в ряд, бок о бок, и если бы каждой из них было предоставлено пространство всего в двадцать четыре дюйма, они растянулись бы на две мили и четыреста и восемьдесят ярдов. Пусть они пройдут по Бродвею в один ряд, предоставив каждой женщине тридцать шесть дюймов (а это как можно меньше, учитывая необходимое пространство для передвижения), и они пройдут от городской ратуши до Сороковой улицы. Или пусть все они едут в обычных городских трамваях, которые перевозят по двенадцать пассажиров, и для их перевозки придется зафрахтовать пятьсот омнибусов. Эти простые иллюстрации сделают масштабы порока очевидными для многих, кто может составить лишь неадекватное представление из одних цифр.

Тем не менее, для жителей города, привыкших считать, что Нью-Йорк кишит проституцией в каждой норе и углу, эта оценка, скорее всего, покажется заниженной, а для читателей, живущих за городом, - чрезмерно большой. Для сведения последних можно заметить, что, как бы ни был порочен остров Манхэттен, как бы ни нуждался он в реформах, в вопросе проституции он не должен нести всю вину за эти шесть тысяч женщин, поскольку, хотя они, безусловно, проживают в нем, очень большое число их посетителей не живет там. Бруклин, деревни на Лонг-Айленде, Форт-Гамильтон, Нью-Утрехт, Флашинг и другие; Джерси-Сити, Хобокен, Гудзон, Стейтен-Айленд, Моррисания, Фордхэм и т. д. содержат множество людей, которые ведут свои повседневные дела в Нью-Йорке, но проживают в этих местах. В очень немногих из этих населенных пунктов можно найти проституток, и они не будут поощряться, пока Нью-Йорк находится так близко и так легко доступен. Кроме того, в этот город ежедневно стекаются со всех концов света от пяти до двадцати тысяч чужестранцев, и они должны избавить его от части этой недоброжелательности.

Население Нью-Йорка во время последней переписи (1855), по официальным данным, составляло (в круглых цифрах) 630 000 человек, а пропорциональное увеличение за три года до настоящего времени приблизит его к 700 000. Если бы незаконные связи здесь осуществлялись только постоянными жителями, то доля публичных проституток составляла

бы одну на каждые сто семнадцать (117) жителей; но расчет должен включать обитателей мест, уже перечисленных, и, добавив 500 000 для них и число чужестранцев, постоянно посещающих город, мы получим в общей сложности 1 200 000 человек; таким образом, доля проституток составляет лишь одну на каждые двести, включая мужчин, женщин и детей. Желательно, однако, выяснить, в какой пропорции куртизанки относятся к тем классам, которые им покровительствуют, и перепись показывает, что мужчины старше пятнадцати лет составляют около тридцати двух процентов населения. Можно было бы взять более широкий диапазон, так как известно, что многие мальчики до пятнадцати лет, особенно среди низших классов, практикуют этот порок; но если принять это за стандарт, то на каждые шестьдесят четыре взрослых мужчины приходится одна проститутка, что, конечно, не является большой долей в торговом и морском городе. Невозможно составить представление о доле жителей и приезжих мужского пола, поощряющих дома проституции. Брак не всегда препятствует беспорядочным связям, и религиозные убеждения часто нарушаются ради незаконного удовлетворения. Тем не менее, существует огромное количество людей, которых связывают эти обязательства, и если бы их можно было точно установить, это внесло бы соответствующую разницу в пропорции.

В настоящее время Нью-Йорк находится в положении соблазненной женщины и вынужден терпеть всю дурную славу, связанную с количеством проституток, проживающих в его пределах; в то время как его соседи и незнакомцы, которые в значительной степени участвуют в этом преступлении, подобны соблазнителям и избегают всякого порицания, самодовольно говоря: "Как добродетелен наш город (или деревня) по сравнению с этим омутом беззакония, Нью-Йорком". Уже говорилось о том, каким был бы эффект, если бы все посетители Нью-Йорка были нравственными людьми, и, хотя это замечание не нужно повторять, его очевидность очевидна.

От проституток в наших пределах исходит чума сифилиса, и когда количество брошенных женщин рассматривается в сочетании с уверенностью, что каждая из них может в любой момент заразиться и распространить болезнь; Когда вероятность такого распространения рассматривается в связи с признанным фактом, что каждая проститутка в Нью-Йорке принимает от одного до десяти посетителей ежедневно (известны случаи, когда максимальное число превышает, а иногда и удваивает наибольшее из приведенных здесь), не может быть никаких разумных сомнений в опасности заражения, равно как и удивления по поводу того, что средняя жизнь проституток составляет всего четыре года.

В первую очередь необходимо выяснить реальные масштабы венерических заболеваний, и здесь большую помощь окажут записи государственных учреждений. Больницы на острове Блэкуэллс, находящиеся в ведении управляющих богадельнями, представляют наибольшее количество случаев, основная часть которых лечилась в Пенитенциарной (ныне Островной) больнице. Число таких случаев было в

1854	1541
1855	1579
1856	1639
1857	2090

На эти факты автор этих страниц обратил внимание в своем ежегодном отчете Совету управляющих за 1856 год:

"Соотношение венерических заболеваний к общему числу

37⁴ процентов.

пролеченных пациентов в 1854 году составило	/10	
Соотношение этого же заболевания в 1855 году составило	58 ⁷	"
	/10	
Это свидетельствует об увеличении в 1855 году	21 ³	"
	/10	
Соотношение венерических заболеваний к общему числу пролеченных пациентов в течение 1856 года составило	73 ¹	"
	/10	
Увеличение в 1856 году, по сравнению с 1855 годом, составило	14 ⁴	"
	/10	
Или увеличение, по сравнению с 1854 годом, на	35 ⁷	"
	/10	

Этот постоянный рост, 21^{(3)/10}процентов в один год, и 14^{(4)/10}процентов в следующий, или 35^{(7)/10}процентов в течение двух лет, можно считать неопровержимым доказательством прогрессирования этой болезни в городе Нью-Йорке. Тот факт, что люди рассматривают Пенитенциарную больницу как *последний курорт*, учреждение, в которое их не заставит обратиться ничто, кроме крайней необходимости, оправдывает вывод о том, что случаи лечения составляют лишь малую часть существующей болезни, и ее рост здесь может быть воспринят как верное свидетельство соответствующего или большего роста среди населения в целом"[399].

И снова на ту же тему в 1857 году:

"В своем последнем отчете я воспользовался возможностью представить вашему почтенному совету факты, доказывающие рост венерических заболеваний, и тогда я привел соотношение этого недуга к общему числу пролеченных пациентов как 73^{(1)/10}процентов. В 1857 году это соотношение составляло 65^{(2)/10}процентов; но это снижение на 7^{(9)/10}процентов должно рассматриваться в связи с тем, что в прошлом году лечились другие болезни, намного превышающие общий средний уровень, так что большее число венерических случаев все же покажет меньший процент. Случаи phthisis pulmonalis (чахотки), которые увеличились с 58 в 1856 году до 159 в 1857 году, достаточно объясняют, что снижение венерических заболеваний является кажущимся, а не реальным"[400].

Расследование, выходящее за рамки статистики, на которой основаны эти замечания, и включающее пенитенциарную больницу, богадельню, работный дом и пенитенциарное учреждение, показало, что из общего числа поступивших в эти учреждения 59½ процентов страдали или страдают венерическими заболеваниями на момент проведения расследования. Из них 45 процентов страдали *непосредственно* на момент расследования, а 19 процентов страдали *косвенно*, или, выражаясь непрофессиональным языком, находились в состоянии болезни, в большей или меньшей степени обусловленной сифилитическим оттенком.

Приведенная ниже подробная статистика венерических заболеваний, лечившихся в Пенитенциарной больнице в течение четырех лет, закончившихся 31 декабря 1857 года, охватывает многие темы, о которых уже упоминалось на этих страницах.

	1854.	1855.	1856.	1857.
Общее количество пролеченных пациентов	4058	2657	2083	3158

Случаи первичного сифилиса	606	660	650	882
"Вторичный и другие формы сифилиса	935	919	989	1208
Всего сифилитических заболеваний	1541	1579	1639	2090
Родственники:				
Уроженцы Соединенных Штатов	410	489	531	673
Иностранцы	1131	1090	1108	1417
	1541	1579	1639	2090
Возраст:				
До 16 лет	65	72	77	68
От 16 до 20 лет	481	457	472	593
"21"-25"	490	481	494	631
"26"-30"	314	304	311	423
"31"-40"	128	151	165	190
"41"-50"	42	99	101	157
"51" и выше	21	15	19	28
	1541	1579	1639	2090
Образование:				
Хорошее	175	227	231	175
Имперфект	787	794	830	1161
Необразованные	579	558	578	754
	1541	1579	1639	2090
Из общего числа венерологических больных, находящихся на лечении	1541	1579	1639	2090
Вычтите тех, кто выписывается каждый год	1253	1316	1389	1710
Остаток для добавления к счету следующего года	288	263	250	380
Из числа выписанных следующие				
Результат лечения:				
Вылечился	874	1051	1201	1491
Облегчение	370	263	183	213
Без облегчения	7	...	...	1
Умер	2	2	5	5
	1253	1316	1389	1710
Продолжительность лечения:				
5 дней и менее	13	16	17	83
От 6 до 10 дней	57	36	68	102
от 11 до 20 дюймов	80	59	81	131
от 21 до 30 дюймов	154	121	137	187
От 1 месяца до 2 месяцев	293	333	453	528

От 2 месяцев до 3 месяцев	304	443	340	328
3" - 4"	220	245	207	260
4" и выше	132	63	86	91
	1253	1316	1389	1710

Несколько замечаний можно сделать по поводу первичного сифилиса. Доля случаев этого заболевания к общему числу пролеченных пациентов составляла в

1854 14⁹/10 процентов.

1855 25²/10 "

1856 31²/10 "

1857 27⁹/10 "

Под термином "первичный сифилис" непрофессиональные читатели будут понимать начало заболевания или симптомы, которые являются прямым следствием нечистой связи, в отличие от "вторичного сифилиса", который является сравнительно отдаленным результатом заражения; он никогда не появляется до тех пор, пока первичные симптомы не получат должного развития, а зачастую и до тех пор, пока не будут устранены все их следы. Таким образом, он увидит, что каждый случай первичного сифилиса сам по себе является доказательством недавнего полового контакта с больным человеком. Таким образом, число таких случаев увеличилось с 15 процентов в 1854 году до 31¼ процента в 1856 году и 28 процентов в 1857 году. Недавно процитированные замечания объясняют, почему 882 случая в 1857 году составляют меньший процент, чем 650 случаев в 1856 году. Факт такого увеличения заставляет нас сделать только один вывод, и этот вывод очень важен и наводит на размышления, а именно: *торговля с проститутками в 1857 году была сопряжена с почти вдвое большим риском заражения, чем в 1854 году; и, конечно, здоровье брошенных женщин ухудшилось в той же пропорции.* Автор не желает, чтобы его считали алармистом. Это факты, которые он наблюдал лично: вывод из них является простым и естественным.

Но больница, хотя и главная, не единственное учреждение на острове Блэкуэлл, где лечат пациентов от венерических болезней. В богадельне, рабочем доме и пенитенциарном учреждении тоже есть страдающие от этого недуга, в какой степени - покажет прилагаемая таблица:

	1854.	1855.	1856.	1857.
Богадельня	33	173	85	52
Рабочий дом	65	31	5	56
Пенитенциарное учреждение		176	234	430

Больница Бельвью в Нью-Йорке, также находящаяся в ведении управляющих богадельни, по общему мнению, не предназначена для лечения венерических заболеваний. Из отчета медицинского совета этого учреждения, который будет приведен в следующей главе, видно, что, по их мнению, "не более 10 процентов заключенных больницы Бельвью поступают сюда по поводу заболеваний, которые имеют отдаленное происхождение от венерических болезней". Этих данных достаточно, чтобы установить следующие цифры:

Год.	Общее число пациентов.	10 процентов для венерических
------	---------------------------	-------------------------------------

		заболеваний.
1854	7033	703
1855	6697	670
1856	6392	639
1857	7676	768

Доктор Х. Н. Уиттлси, врач-резидент, утверждает, что "девять десятых всех болезней, лечившихся в этой больнице в течение последних пяти лет, были конституционного происхождения и по большей части наследственными. Точную пропорцию, которую наследственный сифилис составляет в этой сумме конституциональной испорченности, невозможно назвать с точностью". С большой долей вероятности можно предположить, что половина заболеваний, упомянутых доктором Уиттлси, осложнена сифилисом или имеет сифилитический оттенок, и, таким образом, число пациентов в больнице для грудничков будет выглядеть следующим образом:

Год.	Общее число пациентов.	50 процентов для венерических заболеваний.
1854	2199	1100
1855	2310	1155
1856	1275	638
1857	1469	734

После учреждений, находящихся в ведении управляющих богадельнями, следует больница для эмигрантов штата Нью-Йорк на острове Уордс, Нью-Йорк, под руководством комиссаров по делам эмиграции, в отчетах которой отмечены следующие случаи венерических заболеваний:

1853	657
1854	732
1855	856
1856	511
1857	559

Следующий объект внимания - Нью-Йоркская больница на Бродвее. В отчетах за указанные годы количество случаев венерических заболеваний представлено следующим образом:

1852	478
1853	338
1856	372
1857	405

Это основные государственные больницы Нью-Йорка. Существуют и другие учреждения, такие как больница Святого Луки, больница Святого Винсента, Еврейская больница и т. д., но они возникли недавно, и их практика не входит в данный подсчет.

Диспансеры города ежегодно избавляют от большого количества болезней. В Нью-Йоркском диспансере, Центр-стрит, случаи венерических заболеваний представлены следующим образом:

1855	1154
1856	1393
1857	1580

В среднем это составляет около трех процентов от общего числа пролеченных пациентов.

Северный диспансер, Уэверли-плейс, не публикует подробных отчетов о пролеченных заболеваниях, поэтому для оценки необходимо предположить, что доля таких пациентов такая же, как и в Нью-Йоркском диспансере, а именно три процента. По этому правилу получаются следующие результаты:

Год.	Общее число пациентов.	3 процента. вен. случаев.
1850	19,615	588
1851	20,680	620
1852	21,941	658
1854	14,075	422
1855	12,378	371
1856	11,797	354
1857	10,895	327

Восточный диспансер, Ладлоу-стрит, не дает подробного отчета о пролеченных заболеваниях, поэтому здесь будет сделано то же самое приближение, что и ранее:

Год.	Общее число пациентов.	3 процента. вен. случаев.
1855	25,612	768
1856	21,017	630

К диспансеру Демилта на Второй авеню будет применена та же система аппроксимации:

Год.	Общее число пациентов.	3 процента. вен. случаев.
1852-3	2,197	66
1853-4	9,006	270
1854-5	14,034	421
1855-6	20,004	600
1856-7	20,684	620
1857-8	26,785	803

Северо-западный диспансер, Восьмая авеню, подчиняясь тому же правилу, дает следующие данные

Год.	Общее число пациентов.	3 процента. вен. случаев.
1854	9,264	277
1855	11,581	347
1856	11,477	344

Случаи венерических заболеваний рассматриваются на клинических лекциях в трех медицинских колледжах Нью-Йорка. Из медицинского колледжа Нью-Йоркского университета был получен следующий отчет о пациентах. Несомненно, это слишком заниженная оценка.

1855	47
1856	53
1857	69

Если предположить, что практика других колледжей одинакова, то мы получим число случаев венерических заболеваний, лечившихся в трех колледжах:

1855	141
1856	159
1857	207

Поскольку многие из покровителей нью-йоркских домов, пользующихся дурной славой, проживают за пределами города, необходимо получить дополнительную информацию за его пределами. Не претендуя на то, чтобы исследовать состояние здоровья населения во всех ранее перечисленных пригородах, достаточно взять отчеты суперинтендантов по делам бедных округа Кингс, чтобы выяснить, какое количество сифилитической инфекции было вылечено за государственный счет в Бруклине и его окрестностях. В отчетах доктора Томаса Тернера, врача-резидента больницы округа Кингс, приводятся следующие случаи:

1853	165
1855	362
1857	311

или около десяти процентов от общего числа пролеченных.

В Бруклинской городской больнице случаи венерических заболеваний были получены и пролечены в

1854	158
1855	173
1856	160
1857	186
1858 (до 1 мая)	65

Уже говорилось, что моряки - большие покровители проституток, и чтобы получить достоверную информацию о венерических заболеваниях среди них, необходимо провести

определенную оценку этого класса. Для этой цели можно воспользоваться отчетами доктора Т. Кларксона Моффатта, главного врача "Морского приюта", Статен-Айленд, Нью-Йорк. Здесь приводится количество случаев лечения за несколько лет:

1854	657
1855	473
1856	355
1857	365
1858 (до 1 апреля)	82

Это почти двадцать четыре процента от общего числа пролеченных.

На этом опубликованные отчеты благотворительных учреждений заканчиваются, и возникает следующий вопрос: какое количество сифилиса лечат врачи, занимающиеся частной практикой? Получить какие-либо достоверные данные по этому вопросу не представляется возможным. Медицинский совет больницы Бельвю, состоящий из одних из ведущих представителей профессии в городе, утверждает, что "не может сказать, какую долю практики среди обычных и квалифицированных врачей в этом городе составляет лечение венерических заболеваний, но они знают, что она велика, и что многие получают из этого источника больше, чем из всех остальных вместе взятых".

Существует также огромное количество рекламных притворщиков, предлагающих свои услуги по лечению тайных болезней, и множество аптек, чей основной бизнес формируется из аналогичного источника; а также бесконечное множество патентованных лекарств, объявленных и продаваемых как специфические средства от всех венерических болезней. В соответствии с простым коммерческим принципом спроса и предложения эти препараты являются многочисленными доказательствами масштабов зла, от которого они призваны избавлять. Если количество случаев венерических заболеваний, лечащихся в частной практике квалифицированными врачами и рекламоделами, добавить к числу пациентов, которые снабжают себя патентованными или другими лекарствами из аптек, считать равным совокупности тех, которые лечатся в государственных учреждениях, то оценка не может быть признана экстравагантной.

Теперь мы хотим выяснить, насколько распространены венерические заболевания в Нью-Йорке в настоящее время, и для этого необходимо повторить уже приведенную информацию. Ниже приведены случаи, которые лечились в 1857 году:

Учреждения.	Случаи.
Пенитенциарная больница, остров Блэкуэллс	2090
Богадельня, остров Блэкуэллс	52
Рабочий дом, остров Блэкуэлл	56
Пенитенциарное заведение, остров Блэкуэлл	430
Больница Бельвю, Нью-Йорк	768
Больница сестринского ухода, остров Рэндаллс	734
Больница для эмигрантов штата Нью-Йорк, остров Уордс	559
Нью-Йоркская больница, Бродвей	405
Нью-Йоркский диспансер, Центр-стрит	1580
Северный диспансер, Уэверли Плейс	327

Восточный диспансер, Ладлоу-стрит	630
Диспансер Демилт, Вторая авеню	803
Северо-западный диспансер, Восьмая авеню	344
Медицинские колледжи	207
Окружная больница Кингс, Флэтбуш, Лонг-Айленд	311
Бруклинская городская больница, Бруклин, Лонг-Айленд	186
Морское пристанище, Стейтен-Айленд	365
Всего	9847

Медикам и тем, кто знаком с внутренним устройством государственных учреждений, не нужно напоминать, что общая система учета в больницах включает только то, что можно назвать основным заболеванием. Так, если человек поступил с переломом конечности, он будет зарегистрирован как перелом; а если тот же человек в то же время косвенно страдает от сифилиса, то об этом не будет сделано никакой записи, хотя врач окажет ему всю профессиональную помощь для его излечения. По оценкам, таким образом, большое количество случаев венерических заболеваний, лечащихся во всех государственных учреждениях, за исключением тех, которые специализируются на этих недугах, никогда не регистрируется нигде, кроме как в личных историях болезни лечащих врачей. Особенно это правило характерно для учреждений, полностью или частично поддерживаемых добровольными взносами. Их доброжелательные директора еще не изжили предрассудки, которые раньше считали, что лечить сифилис почти так же позорно, как и заразиться им. Некоторый дух, который гнал несчастных мужчин и женщин, страдающих этим недугом, от цивилизованной жизни, чтобы они погибли в полях или лесах, как в Лондоне, Эдинбурге и Париже, в течение пятнадцатого и шестнадцатого веков, а в более поздний период добился от папского правительства буллы, признающей этот недуг прямым наказанием от Всевышнего за грех недержания, все еще сохраняется в нынешнем поколении. Попечители не одного диспансера в Нью-Йорке предписали своим врачам не выписывать рецепты при подобных жалобах, а больница в городе-побратиме, получающая ежегодное пособие из общественных фондов, в своих печатных правилах и предписаниях гласит: "Ни один человек, страдающий гонореей или сифилисом, не может быть принят в качестве благотворительного пациента". Далее будут сделаны некоторые замечания по поводу этого правила, а сейчас приведены факты, объясняющие, почему многие случаи венерических заболеваний никогда не фигурируют в отчетах учреждений, где лечатся пациенты.

Практически такие запреты являются мертвой буквой. Ни один врач государственного учреждения, к которому обратился бедняга, страдающий сифилисом, не может пройти мимо него, не попытавшись оказать помощь, пусть даже распоряжения попечительского совета будут какими угодно. Его миссия - просто применять помощь науки и мастерства для облегчения любого недуга, который может быть представлен его вниманию, и его понимание ответственности своей должности слишком остро, чтобы позволить ему отказать в просьбе такому просителю. Отсюда возникает обстоятельство, что дело рассматривается под другим названием.

Если в этом случае зарегистрированные случаи составляют лишь две трети от общего числа, то цифры выглядят следующим образом:

Случаи, зарегистрированные в государственных учреждениях	9847
--	------

случаев в 1857 году в государственных учреждениях.

Уже упоминалось о сложности формирования мнения о масштабах лечения венерических заболеваний в частной практике. В отсутствие всей информации, сопутствующие обстоятельства являются единственным руководством к заключению. Сумма, несомненно, очень велика; настолько велика, что, если бы ее полная величина могла быть обнаружена и объявлена, каждый читатель был бы поражен. Первое соображение, подтверждающее эту точку зрения, можно найти в армии рекламных эмпириков, которые делают ее источником дохода. У каждого из этих людей должно быть множество пациентов; без них он не смог бы поддерживать свой бизнес. Любой практичный рекламодаватель знает, что ежедневно помещать объявление в двадцать-тридцать строк как минимум в двух ежедневных газетах, повторять его в еженедельных журналах, а в дополнение к этому расклеивать объявления на углу каждой улицы и нанимать мужчин или мальчиков для доставки их пассажирам в пароводных доках, на паромных переправах и в железнодорожных депо невозможно без значительных затрат, каковы бы ни были его перспективные преимущества. Никто не предполагает, что этими шарлатанами движет чистая бескорыстная доброжелательность. Они заполняют колонки наших журналов и оскорбляют нас своими печатными объявлениями на улицах, просто потому что "за это платят". Этим они привлекают клиентов, и как только этот результат прекратится, объявления будут прекращены. Пока же они появляются, есть веские доказательства того, что их издатели собирают покровителей.

Количество патентованных лекарств, которые всегда есть на рынке для лечения тайных болезней и которые, по словам продавцов, "могут быть отправлены на любое расстояние в надежной упаковке и в безопасности от наблюдения", служит подтверждением. Они производятся и продаются как коммерческая спекуляция. Когда их репутация упадет, и публика начнет сомневаться, что все достоинства *медицинской магии* заключены в одном флаконе "Красной капли" или "Друга несчастья", производство вскоре прекратится, а изобретатели найдут другое занятие для своего капитала. То, насколько процветают рекламные эмпирики и патентованные лекарства, является неоспоримым доказательством распространенности болезней, от которых они якобы избавляют.

Легальный бизнес аптек - еще одно звено в цепи доказательств. Помимо обычных нострумов, почти каждый аптекарь в городе продает большое количество лекарств для лечения венерических заболеваний. Иногда мужчина откровенно говорит владельцу магазина, что заразился, и просит приготовить что-нибудь для лечения. В других случаях ему предлагают рецепт, который оказался эффективным при предыдущем приступе, или же страдалец советуется со своими друзьями и собутыльниками и узнает от одного из них безошибочный рецепт. Словом, у заболевших людей так много различных средств, что невозможно перечислить все способы, при которых можно прибегнуть к помощи аптеки.

Существует множество народных рецептов, которые можно использовать без необходимости покупать ингредиенты у фармацевта. Одним из любимых средств среди низших слоев населения является "Горький сосновый узел". Бутылки с этим препаратом продаются в винных магазинах, особенно в тех районах, где "чаще всего собираются проститутки".

Можно привести еще одну причину, по которой большое количество венерических заболеваний должно лечиться частным образом. Многие из жертв - мужчины, работающие в

респектабельном обществе, и, вероятно, их подтолкнули к поступку, который привел к столь катастрофическим последствиям, в момент неконтролируемой страсти. Их социальному положению будет нанесен непоправимый ущерб, если они попадут в государственную больницу, и желание сохранить свой *статус* заставляет их хранить тайну, даже если бы не естественное отвращение каждого человека к прежнему образу жизни. Напрасно отрицать, что если медицинские учреждения, созданные для общественного блага, управляются таким образом, чтобы навлечь позор на их обитателей, то их польза ограничена и никогда не будет принята никем, кроме бедных несчастных, у которых нет других способов получить облегчение. В случае с сифилисом это вызывает особое сожаление из-за природы заболевания. Каждый день, когда им пренебрегают, он усугубляется в десятки раз и влечет за собой соответствующие страдания в последующей жизни.

Если предположить, что частные случаи венерических заболеваний равны по количеству тем, которые лечатся в государственных учреждениях, то получается более 29 500 случаев в год. Если первых будет вдвое больше, чем вторых, то сумма составит более 44 000 случаев в год. Ни одно из этих предположений не соответствует истине, и мы убедились на основании профессионального опыта и исследований, что нет никакого преувеличения в оценке количества пациентов, ежегодно проходящих частное лечение от *lues venerea*, как минимум в четыре раза превышающего количество случаев, получающих помощь в больницах и благотворительных учреждениях. *В результате получается огромная сумма - семьдесят четыре тысячи случаев ежегодно!* Если бы каждый человек страдал только от одного приступа в год, то это составляло бы одну шестую часть всего населения старше пятнадцати лет. Но многие люди, особенно среди брошенных женщин и распутных мужчин, заражаются несколько раз в течение двенадцати месяцев, и любая попытка сказать, какая доля людей представлена в этих 74 000 случаев, была бы просто спекуляцией без частицы убедительных доказательств в ее поддержку.

Несмотря на масштабность результата, очень краткое рассмотрение покажет, что он не является экстравагантным. В дополнение к аргументам, уже приведенным в этой главе, читатель вспомнит, что в предыдущем разделе было показано, что две из каждых пяти проституток в Нью-Йорке *признаются в сифилитическом заболевании*. Если предположить, что девушка отказывается от своего занятия, как только узнает о своем заболевании, то до того, как она обнаружит свое состояние, может пройти несколько дней, и за это время она должна была заразить каждого мужчину, который имел с ней половой контакт. При самом либеральном подходе можно допустить, что та часть, которая признала факт заражения, не вся страдала от первичной или заразной формы; многие из них, несомненно, выздоровели от нее; но если бы только одна половина страдала от этой формы и каждая из них заразила только одного мужчину, то в результате 365 000 мужчин заболевали бы каждый год.

Это не преувеличенная оценка. Как уже говорилось, когда речь шла о проститутках, признавших свое заражение, не может быть и речи о том, что они признали бы свою болезнь, если бы могли этого избежать, и, следовательно, число больных, безусловно, не преувеличено. Можно возразить, что число признавшихся в болезни разбросано на значительном промежутке времени, но на это можно ответить тем, что расследование, приведшее к такому результату, проводилось одновременно во всех частях города. В самом крайнем случае оно не продолжалось три месяца с момента начала до завершения, и естественным предположением было бы, что, поскольку в течение этого времени здоровье женщин было не лучше и не хуже, чем в любые другие три месяца любого года, одинаковая пропорция больных женщин может быть найдена всякий раз, когда проводится расследование; другими словами, две из пяти проституток в Нью-Йорке больны.

Расчет на то, что из этих больных женщин только половина поражена таким образом, что способна заразить своих любовников, также является либеральным. Сифилис, когда он проявляется на вторичной стадии в виде язв, высыпаний и пятен на лице или теле, настолько отвратителен, что ни одна обезображенная таким образом проститутка не сможет сохранить свое место в любом борделе, если только он не относится к самому низкому классу, потому что ее внешний вид сразу оттолкнет всех посетителей. В своей первичной или локальной форме она, конечно, скрыта от клиентов, и может оставаться таковой в течение значительного времени. Учитывая эти факты, не слишком ли либерально считать, что половина людей, признающих сифилис, страдают вторичной или явной формой?

Эта линия аргументации, подкрепленная приведенными фактами, совершенно оправдана, в каком бы свете вы ее ни рассматривали, и доказывает, что оценка в 74 000 случаев венерических заболеваний в год слишком мала.

Можно принять и другой ход рассуждений. Время, затраченное на проведение переписи, составляет три месяца. Сюда входят все необходимые предварительные мероприятия, инструкции для обследователей, совещания с капитанами полиции и т. д., а также заключительные процедуры, такие как составление и написание отчетов. Если отвести треть времени на эти вводные и заключительные мероприятия, то останется около шестидесяти дней, включая воскресенья, или пятьдесят два рабочих дня, отведенных на само расследование. В результате расследования сифилис был обнаружен у такой части женщин, которая в совокупности составила бы две тысячи от общего числа публичных проституток. Предположим, что заболевание двух тысяч женщин равномерно распределено на пятьдесят два дня; или, другими словами, что в среднем каждый день заражались и признавались в этом, и в результате каждые двадцать четыре часа заболевало тридцать восемь женщин. Мы хотим сделать этот аргумент как можно более понятным, и читатель простит нам ненужные повторения. Если бы эта болезнь существовала у каждой женщины в течение четырех дней, прежде чем она осознавала ее или она становилась настолько неприятной, что заставляла ее отказаться от своего призвания, и в течение этого интервала в четыре дня каждая женщина имела половой акт только с одним мужчиной в день, более пятидесяти тысяч мужчин были бы подвержены риску, почти уверенности в заражении в течение года. Как отмечалось в "*Медико-хирургическом обозрении*" в ходе аналогичного спора о сифилисе в Лондоне, эта оценка "смехотворно мала". Во-первых, большинство женщин не отказались бы от своего призвания через четыре дня после заражения, а продолжали бы его до тех пор, пока могли бы терпеть связанные с этим страдания. Каждый житель Нью-Йорка помнит волнение, вызванное весной 1855 года арестом большого количества проституток на улицах города, их помещением на остров Блэквелл и последующим освобождением по ордерам *хабеас корпус* из-за неформальности разбирательства; но не всем известно, что среди арестованных в то время очень большая часть, несомненно, более половины, была больна сифилисом в первичной форме, а многие из них - в самой затяжной стадии. Мы утверждаем это на основании собственных знаний, полученных в результате профессионального обследования, и приводим это обстоятельство лишь для того, чтобы доказать, что женщины не оставляют своего призвания, когда узнают, что больны, до тех пор, пока могут его продолжать. Если бы расчет был сделан на то, что каждая женщина продолжает заниматься проституцией в течение восьми, а не четырех дней после заражения, это было бы более близким к истине, и это показало бы более *ста тысяч* (100 000) мужчин, подвергающихся заражению каждый год.

Еще раз: Предположения о том, что проститутка ежедневно совершает лишь один акт проституции, "смехотворно малы". Ни одна женщина не смогла бы оплачивать свой пансион,

одеваться и жить в дорогой манере, распространенной среди этого класса, на деньги, которые она получала бы от одного посетителя ежедневно; даже два посетителя - это очень низкая оценка, а четыре - далеко не необоснованно большая.

Но предположения можно умножать, а аргументацию продлевать почти *до бесконечности*. Приведем еще один расчет, и тогда читатель сможет сам сделать вывод о том, не подкреплена ли теория о семидесяти четырех тысячах случаев венерических заболеваний в Нью-Йорке ежегодно массой доказательств, гораздо более весомых, чем обычно приводят для подтверждения спорных моментов.

Предположим, что тридцать восемь женщин, заражающихся каждый день, продолжают вызывать венерическую болезнь в течение шести дней после ее появления, и в течение этих шести дней одна половина из них ежедневно совершает один, а другая половина - два половых акта. Таким образом, в течение года заражению подвергнутся сто двадцать пять тысяч мужчин. К этому следует добавить число зараженных женщин, которое при тридцати восьми ежедневных половых актах составит почти тринадцать тысяч в год, и в общей сложности получится сто тридцать восемь тысяч, или почти вдвое больше того числа, которое было принято за основу. Нет необходимости приводить дополнительные доводы в пользу обоснованности этого мнения.

Следующим по порядку будет рассмотрение вопроса о том, сколько денег проституция стоит обществу. Количество капитала, вложенного в дома с дурной славой, и вытекающие из этого расходы представляют собой сумму, которая не может не удивить всех, кто глубоко не задумывался о последствиях этого зла. Полицейское расследование от мая 1858 года, процитированное несколькими страницами ранее, называет общее количество домов проституции - 378, а стоимость имущества, используемого таким образом, может быть определена с достаточной степенью точности на основе информации, полученной во многих случаях путем фактического расследования. Стоимость недвижимости, которой владели содержатели этих домов, уже была приведена в некоторых случаях, а в других можно предположить, что арендная плата равна десяти процентам годовых от стоимости имущества, что, конечно, не является чрезмерной оценкой. Разделив общее количество домов на четыре класса, можно сделать следующую оценку:

80	80 домов первого класса, по оценкам 80 домов первого класса стоят, включая недвижимость и мебель, 13 800 долларов. включая недвижимость и мебель, 13 800 долларов каждый, или всего	\$1,104,000
100	Дома второго класса оцениваются на двадцать пять	1,035,000

	процентов меньше, чем дома первого класса, а именно 10 350 долларов за каждый, или всего	
120	дома третьего класса по цене 5000 долларов за каждый	600,000
78	дома четвертого класса по \$1000 каждый	78,000
378	домов проституции оцениваются в Добавьте к этому дома ассигнаций:	\$2,817,000
25	25 домов первого класса по 12 000 долларов каждый	300,000
25	"второй" 9,000	225,000
35	"третий" 5,000	175,000
15	"четвертый" 3,000	45,000
100	Итого по домам проституции и ассигнаций	\$3,562,000
	В дополнение к этому 151 танцевальный салон, магазины спиртных напитков и пивных магазинов, в основном зависящих от проституток и их компаньонов. Любое место, в котором можно вести любой из этих видов бизнеса, должно стоять 200 долларов в год за аренду, что дает стоимость в 2000 долларов каждый, или в общей сложности	302,000
	Необходимый инвентарь,	15,100

приспособления и инструменты не могут не могут стоить меньше, в среднем, 100 долларов в в каждом месте: таким образом, общая сумма и совокупный капитал в размере	\$3,879,100
--	-------------

вложенный в бизнес проституции. То, что эта оценка не является экстравагантной, признает любой владелец недвижимости или человек, знакомый со стоимостью имущества в городе; особенно если он примет во внимание расположение многих домов и подсчитает, насколько больше будут стоить прилегающие земли и здания, если убрать эти курорты порока и бесчестия.

Соответственно велика и сумма денег, фактически потраченных на проституток. Еженедельный доход каждой женщины не может быть меньше десяти долларов. Многие платят гораздо больше этой суммы только за питание, а в первоклассных домах нередко случаи, когда проститутка за неделю зарабатывает до тридцати или пятидесяти долларов, а то и больше. Но если брать доходы по минимуму, то совокупная выручка шести тысяч куртизанок составляет 60 000 долларов в неделю, или 3 120 000 долларов в год.

Каждый посетитель дома проституции тратит больше или меньше денег на вина и спиртные напитки в нем. В некоторых случаях эти расходы превышают денежное вознаграждение, выдаваемое женщинам, но другие мужчины не столь щедры в своем гостеприимстве; и справедливо предположить, что такие расходы составляют две трети от предыдущего пункта - 40 000 долларов в неделю, или 2 080 000 долларов, которые тратятся на опьяняющие напитки в домах проституции каждый год.

При описании клиентов домов свиданий уже было отмечено, что в первом классе многие из посетительниц идут на этот шаг не ради выгоды, а под влиянием привязанности или сексуального желания. Они отвергли бы мысль о том, что за их компанию нужно платить; но дома, в которых завершаются их интриги, роскошно обставленные и управляемые женщинами, отличающимися известной осмотрительностью и скрытностью, имеют в качестве одной из своих особенностей высокий тариф цен. Посетители вынуждены платить за проживание столько, сколько стоила бы аренда комнаты и компенсация женщине в заведениях менее престижных. Предполагается, что каждую неделю в домах свиданий совершается 4200 визитов, и по этой причине, если учесть, что они обходятся мужчинам одинаково во всех случаях, и установить стоимость в три доллара за каждый визит, то эта статья расходов составит 12 600 долларов в неделю, или 655 200 долларов в год.

Потребление вина и спиртных напитков в домах ассигнаций невелико по сравнению с домами проституции. Возможно, оно составляет 5000 долларов в неделю, или 260 000 долларов в год.

Доход танцевальных салунов, винных и пивных магазинов, которые посещают и содержат в основном проститутки и их друзья, не может быть меньше 30 долларов в неделю на каждый дом, а поскольку таких заведений 151, то общая сумма денег, потраченных в них, составит 4530 долларов в неделю, или 235 560 долларов в год.

Эти суммы отражают расходы на удовольствия проституции: последующие статьи отражают ее наказания. В 1857 году более 65 процентов заключенных Айлендской (в прошлом Пенитенциарной) больницы были больны венерическими заболеваниями. Общие расходы этого учреждения за год составили 35 000 долларов, а пропорциональная сумма для сифилитических пациентов составила бы 22 750 долларов в течение года, или 438 долларов в неделю.

Содержание больницы Бельвью в течение 1857 года обошлось в 70 000 долларов в круглых цифрах. Медицинский совет утверждает, что десять процентов ее обитателей лечатся от болезней, вызванных сифилитической заразой, и эта доля расходов, относимых на счет проституции, составляет 7000 долларов в год, или 135 долларов в неделю.

Больница для новорожденных на острове Рэндаллс обошлась городу Нью-Йорку в 17 000 долларов на содержание в 1857 году. Половина его пациентов-младенцев лечатся от болезней, вызванных венерической инфекцией, и 8500 долларов в год, или 163 доллара в неделю, - такова квота расходов, вызванных этим пороком и его последствиями.

Число случаев венерических заболеваний, пролеченных в больнице для эмигрантов штата Нью-Йорк на острове Уордс, составило 6½ процента от общего числа больных на этом острове. Расходы за 1857 год составили 109 000 долларов, а доля, приходящаяся на проституцию, составит 7075 долларов в год, или 136 долларов в неделю.

В Нью-Йоркской городской больнице на Бродвее 14 процентов пациентов в 1857 году лечились от венерических болезней. Стоимость содержания за этот год составила 59 000 долларов, а доля, вызванная проституцией, - 8260 долларов в год, или 159 долларов в неделю.

Случаи, пролеченные в диспансерной практике, составляют в среднем три процента по всему городу. Годовые расходы этих благотворительных организаций выглядят следующим образом:

Нью-Йоркский диспансер	\$9100
Северный диспансер	3550
Восточный диспансер	3700
Диспансер Демилт	5300
Северо-Западный диспансер	2630
Всего	\$24,280

и доля, приходящаяся на сифилис, должна составлять 728 долларов в год, или 14 долларов в неделю.

Медицинские колледжи несут очень незначительные расходы на лечение сифилиса на своих клинических лекциях, так как помощь обычно сводится к рецепту или небольшой операции, а если в нескольких случаях и поставляется лекарство, то сумма настолько мала, что при подобных расчетах не заслуживает внимания.

Расходы больницы округа Кингс, Лонг-Айленд, за 1857 год составили 75 300 долларов. Около десяти процентов лечившихся пациентов были венерическими больными, и расходы на них составили 7530 долларов в год, или 145 долларов в неделю.

В Бруклинской городской больнице доля венерических пациентов составляет двадцать семь процентов от общего числа. Общие годовые расходы составляют 17 200 долларов, а сумма, понесенная из-за этого заболевания, - 4644 доллара в год, или 89 долларов в неделю.

В приюте для моряков, Статен-Айленд, Нью-Йорк, двадцать четыре процента заключенных страдают от венерических заболеваний. Расходы за 1857 год составили 43 500 долларов, из которых 10 540 долларов в год, или 203 доллара в неделю, следует считать долей, вызванной сифилисом.

Чтобы определить сумму, потраченную на частную медицинскую помощь, необходимо проанализировать расходы государственных учреждений.

Учреждения.	Ежегодно Расходы.	Еженедельные Еженедельные расходы.
Островная больница, остров Блэкуэллс	\$22750	\$438
Больница Бельвью, Нью- Йорк	7000	135
Больница сестринского ухода, остров Рэндаллс	8500	163
Больница для эмигрантов, остров Уордс	7075	136
Городская больница, Нью- Йорк	8260	159
Диспансеры	728	14
Больница округа Кингс, Лонг- Айленд	7530	145
Бруклинская городская больница, Лонг- Айленд	4644	89
Морской приют, Статен-Айленд	10540	203
Всего	77027	1482

Эти итоговые цифры нужно умножить на четыре, и в результате сумма, выплачиваемая за частную медицинскую помощь, составит 5928 долларов в неделю, или 308 108 долларов в год. Это слишком либеральный расчет, поскольку никто не верит, что человек, нуждающийся в профессиональной помощи, может получить ее так же экономно в частной

жизни, как и в государственном учреждении; даже тот факт, что в последнем случае пациенты получают пансион и все необходимое, с лихвой компенсирует суммы, которые приходится платить за индивидуальное медицинское обслуживание. Желание не преувеличивать факты, которые и без такой процедуры достаточно полны, - единственная причина, побуждающая к столь низкой оценке.

Но есть и другие статьи расходов, на которые необходимо обратить внимание, прежде чем завершить этот длинный ряд. Главной из них являются расходы на содержание брошенных женщин в рабочем доме и пенитенциарном учреждении на острове Блэквелл. В течение 1857 года доля женщин, помещенных в Рабочий дом, составляла три пятых от общего числа заключенных. Не утверждается, что все они были проститутками, но несомненно, что большая часть из них была непорочной, и для аргументации мы примем соотношение как две брошенные и одна добродетельная женщина, причем последние представляют собой класс, который бедность, болезнь или отсутствие друзей могли вынудить их найти приют в этом учреждении. Расходы Рабочего дома за год составили 76 000 долларов, поэтому доля расходов, понесенных от имени проституток, составит 30 400 долларов в год, или 585 долларов в неделю.

Женщины, приговоренные к заключению в Пенитенциарии судами уголовной юрисдикции в течение 1857 года, составляют двадцать семь процентов от общего числа заключенных. Не стоит полагать, что все эти женщины были проститутками; возможно, из этого правила есть исключения, но они настолько редки, что не лишают принцип законной силы. В 1857 году содержание пенитенциарного учреждения обошлось налогоплательщикам почти в 89 000 долларов, а доля, приходящаяся на проституток, согласно приведенному выше соотношению, составляет 24 030 долларов в год, или 462 доллара в неделю.

В этот список можно с большой долей вероятности включить и другую часть расходов Рабочего дома и Пенитенциарного учреждения, а именно: расходы на содержание тех мужчин, которые обязаны своим заключением либо преступлениям, совершенным по наущению простых женщин, либо ради их содержания, либо безделью и расточительству, вызванному общением с проститутками. Если рассматривать этот вопрос во всех его *подробностях*, то можно прийти к выводу, что почти каждый заключенный-мужчина обязан своим заключением, в меньшей или большей степени, той или иной из этих причин, и, следовательно, можно утверждать, что все расходы на содержание заключенных-мужчин должны быть учтены в этом счете. С другой стороны, против такого курса можно возразить, заявив, что преступления, отправляющие мужчин на остров Блэкуэлл, являются лишь косвенными результатами обсуждаемой системы, и признание их будет вынуждать признать множество других косвенных последствий, ежедневно происходящих в других местах. Строго говоря, эта позиция едва ли достаточно доказательна для арифметического расчета, но ее моральная определенность настолько очевидна, что заставляет серьезно задуматься в связи с сопутствующим злом проституции.

Вкратце: Около пятидесяти пяти процентов населения богадельни на острове Блэкуэлл составляют женщины. Некоторые из них - дряхлые старухи, которых невозможно считать проститутками; другие - добродетельные женщины, которых довела до этого нищета; но многие - сломленные проститутки, потерявшие всю привлекательность, которой они когда-то обладали, и с разрушенным здоровьем и ослабленной конституцией для них невозможно существовать даже в самых низких борделях. Они делают богадельню своим последним пристанищем и там ожидают последнего вызова, который завершит их карьеру греха и несчастья. Еще один класс этого заведения составляют женщины с маленькими детьми. Некоторые из них утверждают, что являются уважаемыми замужними женщинами, в то

время как другие известны как неблаговидные персонажи; но у первых мало оснований для притязаний, кроме их собственного утверждения, а побочные свидетельства иногда делают его недействительным. Небезосновательный вывод состоит в том, что по крайней мере половина обитательниц богадельни обязаны своей зависимостью от благотворительности собственной проституции. Содержание богадельни в 1857 году обошлось городу Нью-Йорку в 63 000 долларов, а доля проституции, исходя из приведенных выше данных, составляет 15 750 долларов в год, или 303 доллара в неделю.

Детей на острове Рэндалл можно классифицировать в соответствии с правилом, уже принятым в отношении болезней в яслях при больнице; а именно, предположить, что половина из них если не своим существованием, то уж точно своей поддержкой из общественных фондов обязана причинам, которые берут начало в пороке. Ясли, за исключением больницы, обошлись в прошлом году в 60 000 долларов, половина из которых, в соответствии с предыдущей оценкой, должна быть отнесена на счет проституции; а именно 30 000 долларов в год, или 577 долларов в неделю.

Окончательная сумма вытекает из полицейских и судебных расходов города Нью-Йорка, из которых, как полагают, десять процентов вызваны проституцией и сопутствующими ей преступлениями и страданиями. Совокупность составляет большую сумму, и это скорее предположение, чем утверждение. Содержание полицейских и участковых, полицейских и их залов суда, городского судьи и регистратора с их соответствующими судами, городской и окружной тюрем, а также многочисленные сопутствующие расходы не могут составлять менее двух миллионов долларов в год. Таким образом, процент, приходящийся на проституцию, составит 200 000 долларов в год, или 4000 долларов в неделю.

Вот и все предварительные объяснения. Теперь можно представить читателю табличные данные о еженедельных и ежегодных расходах на систему проституции, существующую в метрополии Нового Света. Те, кто следовал за нами в этом споре и отмечал факты, на которых основывается каждый расчет, засвидетельствуют, что ничто не было преувеличено, что ни один доллар не был отнесен на счет порока без веских доказательств, подтверждающих это обвинение, и что все усилия были направлены скорее на то, чтобы преуменьшить, чем выйти за пределы строгой вероятности. На этом основании мы убедительно просим публику обратить внимание на первую в истории попытку представить сумму, которую жители и гости Нью-Йорка платят за незаконное сексуальное удовлетворение.

Рекапитуляция.

Расходы.	Еженедельно расходы.	Годовой расходы.
Индивидуальные расходы:		
Заплачено проституткам	\$60,000	\$3,120,000
Потрачено на вино и спиртные напитки посетителями	40,000	2,080,000

Заплачено посетителями в домах ассигнаций	12,600	655,200
Потрачено на вино и спиртные напитки посетителями дома ассигнаций	5,000	260,000
Потрачено в танцевальных салунах, ликероводочных и пивных, которые часто посещают проститутки и их друзья	4,530	235,560
Медицинские расходы:		
Островная больница, остров Блэкуэллс	438	22,750
Беллевью, Нью-Йорк	135	7,000
Питомник "Остров Рэндалл	163	8,500
Больница для эмигрантов, остров Уордс	136	7,075
Нью-Йоркская городская больница, Нью-Йорк	159	8,260
Диспансеры		728
Больница округа Кингс, Лонг-Айленд	145	7,530
Бруклин Сити""	89	4,644
Морской приют, Статен-Айленд	203	10,540
Частная медицинская помощь	5,928	308,108

Расходы на бродяг и нищих:		
Дом трудолюбия, остров Блэкуэллс	585	30,400
Пенитенциарное учреждение"	462	24,030
Богадельня""	303	15,750
Питомник, остров Рэндаллс	577	30,000
Расходы на полицию и судебные органы:		
Доля от общей суммы	4,000	200,000
Итого	\$135,467	\$7,036,075

В основаниях колонок указаны следующие общие расходы

Еженедельно	\$135,467
В год	\$7,036,075

Более семи миллионов долларов! Или почти столько же, сколько составляют ежегодные муниципальные расходы Нью-Йорка.

Комментарии к этим цифрам были бы излишни. Они убедительно показывают денежные последствия проституции и готовят читателя к внимательному прочтению предлагаемых мер по исправлению ситуации, которые являются темой следующей главы. Считается, что американский ум открыт для аргументов, основанных на долларах и центах. Не давая безоговорочного согласия на это предложение, мы можем позволить себе надеяться, что финансовые соображения в сочетании с требованиями благожелательности и гуманности, призывами добродетели и морали, требованиями общественного здравоохранения и будущего физического благополучия общества в целом, окажут то влияние на общественное сознание, которое необходимо для достижения любого ценного практического результата настоящего исследования.

Прежде чем оставить тему о масштабах проституции, уместно будет отметить, что было сочтено целесообразным выяснить распространенность этого порока в некоторых ведущих городах Соединенных Штатов, и, чтобы сделать это эффективно, было направлено циркулярное письмо мэрам городов

Олбани, Нью-Йорк,
Балтимора, Мэриленд,
Бостона, штат Массачусетс,
Бруклину, Нью-Йорк,
Буффало, Нью-Йорк,
Чарльстон, Южная Каролина,

Мобил, Алабама,
Ньюарк, Нью-Джерси,
Нью-Хейвен, штат
Коннектикут,
Новый Орлеан, Луизиана,
Норфолк, Вирджиния,

Чикаго, Иллинойс,
Цинциннати, Огайо,
Детройт, штат Мичиган,
Хартфорд, штат Коннектикут,
Луисвилл, штат Кентукки,
Мемфис, Теннесси,

Филадельфия, Пенсильвания,
Питтсбург, Пенсильвания,
Портленд, штат Мэн,
Ричмонд, Вирджиния,
Саванна, Джорджия,
Сент-Луис, штат Миссури,
Вашингтон, округ Колумбия.

(Курсивом выделены названия городов, из которых были получены ответы).

Переданный циркуляр был следующим:

(Копия.)

"Мэрия, Нью-Йорк, 1 сентября 1856 года.

"Его чести мэру города ---:

"Дорогой сэр, - Ниже вы получите от доктора Сэнгера записку, содержащую несколько вопросов, касающихся проституции и проституток в вашем городе, на которые я буду считать себя обязанным, если вы сообразоволяете ответить.

"Искренне ваш,
"Фернандо Вуд, мэр Нью-Йорка".

"Дорогой сэр, - В течение последних шести месяцев, с помощью Его Чести, мэра Вуда, этого города, и полиции, находящейся в его подчинении, я собирал материалы для отчета о проституции, как она существует в Нью-Йорке в настоящее время. Я прилагаю вам список вопросов, которые были заданы всем обследованным здесь женщинам.^[401] Конечно, я не ожидаю, что вы дадите или сможете дать ответы на эти вопросы от проституток вашего города, но я хотел бы получить ваши ответы на следующие вопросы:

"1. Сколько в вашем городе домов проституции?

"2. Сколько в вашем городе домов ассигнаций?

"3. Сколько публичных проституток в вашем городе?

"4. Сколько частных проституток в вашем городе?

"5. Сколько содержанок в вашем городе?

"6. Каково нынешнее население вашего города?

"Конечно, на эти вопросы ваш начальник полиции и офицеры могут ответить вам только в меру своих знаний; но в целом проникательные полицейские смогут дать на них правильные ответы. Мне не нужны имена, только круглые числа в каждом классе.

"Я сочту за честь направить вам копию отчета, когда он будет завершен, и буду рад получить ваши ответы на вышеупомянутые вопросы к 30-му числу этого месяца. Прошу вас направить ваши ответы по адресу

"С уважением,
"Уильям В. Сэнгер,
"Врач-резидент, Блэкуэллс-Айленд, Нью-Йорк".

Ниже приведены полученные ответы:

Буффало, штат Нью-Йорк.

(Копия.)

"Мэрия, Буффало, 2 октября 1856 г.

"Дорогой сэр, - я получил ваш циркуляр от 1 сентября с просьбой ответить на некоторые вопросы, касающиеся домов проституции, проституток и т. д.

"Я немедленно поручил нашему начальнику собрать необходимую информацию через полицию, и только что получил его отчет: Прилагаю ответы.

"Чтобы показать, насколько можно положиться на точность отчета, я привожу цитату из его доклада: "Капитаны сообщают мне, что они столкнулись с большими трудностями, пытаюсь составить правильный отчет и ответить на несколько предложенных вопросов; они, однако, считают, что результаты, по крайней мере, в том, что касается количества домов и публичных проституток, очень близки к правильным".

"Любую другую информацию, которую вы можете пожелать, я с радостью предоставлю, насколько это в моих силах. С уважением к Вам,

"Ф. П. Стивенс, мэр."

(В приложении.)

"Дома проституции	87
"Ассигнации	37
Публичные проститутки	272
Частные проститутки	81
Содержащие любовницы	31
Население	75,000."

Луисвилл, штат Кай.

(Копия.)

"Полицейское управление, Луисвилл, штат Кай, 26 декабря 1856 года.

"Достопочтенный Джон Барбер, мэр:

"Дорогой сэр, - Ниже я привожу изложение вопросов, затронутых доктором Вм. В. Сэнгера, врача-резидента острова Блэквелл, Нью-Йорк, и думаю, что вы сочтете его верным или близким к тому, к чему можно прийти, исходя из имеющихся возможностей. Надеюсь, что оно окажется удовлетворительным для доктора, и что оно *раскроет множество историй*, остаюсь с уважением Ваш,

"Джас. Киркпатрик, начальник полиции.

"Дома проституции	79
""Назначение	39
Публичные проститутки	214
Частные"	93
Содержанки	60
Население города (должно быть)	70,000

"Сейчас я готовлюсь к переписи населения 1857 года".

Ньюарк, штат Нью-Джерси.

(Копия.)

"Ньюарк, штат Нью-Джерси, 4 октября 1856 года.

"Вм. В. Сангер, доктор медицины:

"Дорогой сэр, - я не могу найти оправдания тому, что не ответил на ваше письмо с запросом, которое бы меня оправдало. (Ваше письмо от 1 сентября, к сожалению, было утеряно.)

"Наше население в 1855 году составляло 55 000 человек по переписи.

"В нашем городе нет домов с дурной славой, нет ассигнаций, нет публичных проституток.

"Вам может показаться странным, что все это так, но на это есть веские причины. По самым достоверным сведениям, которые я могу получить, в городе насчитывается, возможно, пятьдесят частных проституток, состоящих из девушек, живущих на службе или в качестве швей, но ведущих себя так, чтобы не быть известными. Наш город так близок к Нью-Йорку, что, как только девушка выходит замуж, она направляется туда, где ассоциации и развлечения делают ее более приятной. Это довольно необычно, но как только становится известно, что девушка свободна, ее отмечают и преследуют на улицах полувзрослые мальчишки, улюлюкая и фактически вынуждая ее покинуть город. Иногда полиции становится известно, что пара девушек провела ночь или две в каком-нибудь пансионе, тогда их арестовывают как бродяг или предупреждают, и они уходят.

В Нью-Йорке для них гораздо больше возможностей, поэтому они доставляют нам меньше всего хлопот". Искренне и с уважением ваш,

"Н. Дж. Пуанье, мэр".

Нью-Хейвен, штат Коннектикут.

(Копия.)

"Нью-Хейвен, 18 сентября 1856 года.

"Доктор Вм. В. Сэнгер:

"Дорогой сэр, - Настоящим вручаю вам отчет начальника нашей полиции в ответ на ваши запросы относительно проституции в этом городе.

"Ваш покорный слуга,
"П. С. Галпин, мэр."

(В приложении.)

"Его чести мэру города Нью-Хейвен:

"Сэр, - я ознакомился с сообщением, адресованным вам Умом В. Сэнгером, врачом-резидентом с острова Блэкуэлл, Нью-Йорк, по поводу проституток и проституции в городе Нью-Хейвен, и прошу разрешения сообщить:

"Что ответы на поставленные вопросы даны в общей манере, с приближением к точности, не претендуя на то, чтобы быть досконально точными.

"А на первый вопрос, а именно: "Сколько в городе домов проституции? Я отвечаю, что число их, известное полиции, составляет *десять*, и что они являются таковыми (некоторые из них) только время от времени; и что ни один из них не мог бы быть так назван в Нью-Йорке, будучи незначительным, расположенным в бедных, труднодоступных домах, и ведущимся с большой секретностью, и постоянно подвергающимся наказаниям закона, свойственного Коннектикуту, который наказывает *репутацию*, делая невозможным для них набрать силу и стать постоянными.

"А на второй вопрос: "Сколько в городе домов ассигнаций? Отвечаю: известно, что их *шесть*, и подозреваются другие; но все они не являются собственно таковыми, а связаны с каким-либо бизнесом, как, например, закусочные, гостиницы, танцевальные дома и т. д.

"А на третий вопрос: "Сколько в городе публичных проституток? Называют девяносто три, и все они хорошо известны.

"А на четвертый вопрос: "Сколько в городе частных проституток? Я отвечаю, что тридцать, и много замужних женщин; и действительно, этот класс состоит в основном из замужних женщин".

"А на пятый вопрос: "Сколько в городе содержанок?" - отвечу, что число их неизвестно, но оно невелико, и ни один случай нам точно не известен".

Население города составляет тридцать две тысячи человек".

"С уважением к вам.

"Джон К. Хейден,
"начальник полиции города Нью-Хейвен.

"Датировано в Нью-Хейвене 16 сентября 1856 года".

Норфолк, штат Вирджиния.

(Копия.)

"Мэрия, Норфолк, штат Вирджиния, 15 сентября 1856 года.

"Дорогой сэр, - Ваше письмо от 1-го числа было должным образом получено, и в ответ я хотел бы заявить, что постарался быть как можно более точным в своих ответах на несколько Ваших вопросов, а именно,

"1. Сколько в вашем городе домов проституции?

"Ответ. Около сорока.

"2. Сколько в вашем городе домов ассигнаций?

"Ответ. Ни одного как такового; насколько я могу узнать, нет мест, используемых в качестве мест встреч.

"3. Сколько в вашем городе публичных проституток?

"Ответ. Около ста пятидесяти.

"4. Сколько частных проституток в вашем городе?

"Ответ. Около пятидесяти.

"5. Сколько содержанок в вашем городе?

"Ответ. Около шести или восьми.

"6. Каково нынешнее население вашего города?

"Ответ. Около восемнадцати тысяч.

"В связи с вышесказанным я хотел бы заявить, что около двадцати пяти из сорока домов используются почти исключительно моряками и мореходами и иногда неправильно называются "Морскими пансионами", особенно самые приличные из них.

"Любую другую информацию, которую я могу вам предоставить, я с радостью сделаю, если вы пожелаете.

"С большим уважением к Вам,

"Ф. Ф. Фергюсон,

"мэр города Норфолк, штат Вирджиния.

"Доктору Вм. В. Сангеру, врачу-резиденту, остров Блэкуэллс, Нью-Йорк".

Филадельфия, штат Пенсильвания.

(Копия.)

"Канцелярия мэра города Филадельфии, 8 сентября 1856 года.

"Дорогой сэр, - Насколько мы можем судить по фактам (разумеется, на этот общий ответ нельзя полагаться), цифры следующие:

1. Дома проституции	130
2. Дома ассигнаций	50

3. Публичные проститутки	475
4. Частные"	105
6. (Скажем) шестьсот тысяч населения.

"Наш город имеет сто двадцать девять (129) квадратных миль полицейской юрисдикции и шестьсот пятьдесят (650) полицейских, кроме офицеров. Поэтому вы сделаете некоторую поправку на недостаток времени, чтобы я мог более полно изложить ответы на ваши вопросы.

"Ответы даны на основе оценок, сделанных лейтенантами полиции своих округов.

"С уважением,

"Ричард Во, мэр Филадельфии.

"Вм. В. Сангеру, доктору медицины, врачу-резиденту на острове Блэкуэлл".

Питтсбург, штат Пенсильвания.

(Копия.)

"Мэрия, Питтсбург, 18 сентября 1856 года.

"Вм. В. Сангер, доктор медицины:

"Дорогой сэр, - Несколько дней назад пришло ваше письмо от 1-го числа с просьбой ответить на следующие вопросы:

"1. Сколько в нашем городе домов проституции?

"Ответ. Девятнадцать.

"2. Сколько в городе домов ассигнаций?

"Ответ. Девять.

"3. Сколько публичных проституток?

"Ответ. Семьдесят семь.

"4. Сколько частных проституток?

"Ответ. Тридцать семь.

"5. Сколько содержанок?

"Ответ. Шестнадцать.

"6. Каково ваше население?

"Ответ. Семьдесят пять тысяч семьсот пятьдесят (75 750).

"Вышеприведенные данные получены из личного опыта некоторых наших полицейских; несомненно, их число гораздо больше.

"Во время последней переписи население самого города составляло более шестидесяти тысяч человек (60 000). Население Питтсбурга, Аллегани и пригородов Питтсбурга на тот момент составляло около ста тысяч человек.

"С уважением, ваш покорный слуга,
"Вм. Бингем, мэр".

Саванна, штат Джорджия.

(Копия.)

"Мэрия, город Саванна, штат Джорджия, 18 сентября 1856 года.

"Вм. В. Сангер, врач-резидент,
"Остров Блэквелл, Нью-Йорк:

"Дорогой сэр, - В этом городе пятнадцать домов проституции, три дома ассигнаций, девяносто три белых и сто пять цветных проституток. В зимний сезон их число значительно увеличивается за счет поставок из Нью-Йорка.

"Я не могу ответить, сколько здесь частных проституток или содержанок.

"В настоящее время наше население составляет около двадцати шести тысяч человек.

"Искренне ваш,
"Эдвард К. Андерсон, мэр".

Эти ответы можно свести к следующему:

Города	Сообщено		Дома.		Проститутки.			Населе- ние.	
			Дома из Прости туция.	Дома из Присво ения.	Публич ные . Прости тутки.	Частны е Прости тутки.	Содер жат . Любов ницы.		Всего из броше нных Женщи ны.
Буффа ло	Мэр	Стивен с	87	37	272	81	31	384	75,000
Луисви лл	"	Барбер	79	39	214	93	60	367	70,000
Ньюар к	"	Пуанье	...	...	...	50	...	50	55,000
Нью- Хейвен	"	Галпин	10	6	93	30	...	123	32,000
Норфо лк	"	Фергу сын	40	...	150	50	8	208	18,000
Филад ельфия	"	Во	130	50	475	...	105	580	600,00 0
Питтсб ург	"	Бингем	19	9	77	37	16	130	75,750

Саванна	"	Андерсон	15	3	198	...	...	198	26,000
---------	---	----------	----	---	-----	-----	-----	-----	--------

На основании переписи населения штата 1855 года уже говорилось, что взрослое мужское население Нью-Йорка составляет почти одну треть от общего числа жителей, и то же правило можно применить к этим городам, чтобы определить сравнительное количество проституток и их клиентов. Пропорции выглядят следующим образом:

Нью-Йорк, на постоянное население самого города, приходится

	1	проститутка	на	каждый	40	мужчин.
но включая пригороды	1	"	"	"	64	"
В Буффало	1	"	"	"	65	"
Луисвилл	1	"	"	"	64	"
В Ньюарке есть	1	"	"	"	366	"
В Нью-Хейвене есть	1	"	"	"	87	"
В Норфолке	1	"	"	"	29	"
Филадельфия	1	"	"	"	344	"
Питтсбург	1	"	"	"	192	"
В Саванне	1	"	"	"	44	"

Вряд ли можно сомневаться в том, что достойные мэры Ньюарка, Филадельфии и Питтсбурга были дезинформированы относительно масштабов порока в их соответствующих городах. Например, в отношении Ньюарка писателю недавно сообщили, что проституция не так уж редка, как следует из письма мэра Пуанье, но что проститутки и известные дома проституции разбросаны по всему городу, и этот факт известен почти каждому жителю. Эта информация была получена от джентльмена, который сам является жителем Ньюарка. Нет сомнений, что большая часть порока Ньюарка находит пристанище в Нью-Йорке, как утверждает мэр, но столь же несомненно, что не весь он вывезен за границу.

Мэр Филадельфии особенно преувеличивает. Возможно, публичных проституток там не так много, как в Нью-Йорке, но то, что улицы города изобилуют домами свиданий и частными домами проституции, - это пословица, и она так же широко известна, как и сама Филадельфия.

Питтсбург расположен в верховьях реки Огайо, у слияния рек Аллегани и Мононгахела, обе судоходные. В городе есть каналы, железные дороги и крупные мануфактуры, и при тщательном исследовании, вероятно, обнаружится большая доля проституток, чем указано выше.

Норфолк - крупнейший военно-морской порт в этой стране, и его население не может отвечать за всю проституцию в его пределах. Мы предполагаем, что и в Норфолке, и в Саванне большую часть брошенных женщин на момент переписи составляли цветные, чья добродетель всегда в цене при самых благоприятных обстоятельствах, и для которых морской порт всегда фатален.

Но можно сделать и другой расчет, исходя из того, что мужчины, имеющие дело с проститутками, составляют лишь четвертую часть населения, и пропорции, вытекающие из этого, выглядят следующим образом:

В Нью-Йорке, в пересчете на постоянное население самого города, имеется

	1	проститутка	на	каждый	30	мужчин.
но включая пригороды	1	"	"	"	50	"
В Буффало есть	1	"	"	"	49	"
Луисвилл	1	"	"	"	48	"
В Ньюарке есть	1	"	"	"	275	"
В Нью-Хейвене есть	1	"	"	"	65	"
В Норфолке	1	"	"	"	23	"
Филадельфия	1	"	"	"	258	"
Питтсбург	1	"	"	"	144	"
В Саванне	1	"	"	"	33	"

Чтобы вывести среднее значение, мы опустим расчет пропорции проституток к населению самого Нью-Йорка, поскольку уже было показано, что ответственность за большую часть этого должна лежать на пригородах и приезжих, а также опустим Ньюарк, Филадельфию и Питтсбург, поскольку отчеты из этих городов явно занижены. Таким образом, среднее значение двух оценок выглядит следующим образом:

	1	проститутка	на	каждый	57	мужчин.
Нью-Йорк	1	"	"	"	57	"
Буффало	1	"	"	"	57	"
Луисвилл	1	"	"	"	56	"
Нью-Хейвен	1	"	"	"	76	"
Норфолк	1	"	"	"	26	"
Саванна	1	"	"	"	39	"
а среднее арифметическое	1	"	"	"	52	"

Это среднее значение может быть справедливо принято за пропорцию, существующую во всех крупных городах Союза, а дальнейшее предположение, что мужчины, посещающие дома проституции, составляют одну четвертую часть всего населения, даст основу, на которой общее количество проституток в Соединенных Штатах может быть оценено с некоторой точностью. Разумеется, расчет не может претендовать на абсолютную правильность, поскольку это было бы невозможно, но представлен в качестве вероятности, на основании которой читатель может сделать свой собственный вывод.

Население Соединенных Штатов в 1858 году было подсчитано профессором де Боу при подготовке сборника переписи 1850 года, и по его расчетам к настоящему году оно должно было составить 29 242 139 человек, что в круглых цифрах можно принять за 29 000 000. Из этого числа следует вычесть 3 500 000 рабов, что оставит свободных жителей 25 500 000, а доля взрослых мужчин в этом числе составляет 6 375 000. Далее можно предположить, что половина этих мужчин живет в сельской местности или небольших городах, где проституции не существует, а другая часть - жители городов с населением от двадцати тысяч человек и

выше; и если исходить из уже доказанного соотношения: одна проститутка на каждые пятьдесят два мужчины, то в итоге получится 61 298 проституток. Площадь Соединенных Штатов составляет 2 936 166 квадратных миль, и если бы все проститутки были поровну распределены по этой площади, то на каждые сорок семь квадратных миль приходилась бы одна, или если бы они шли непрерывной линией, на расстоянии тридцати шести дюймов друг от друга, то составили бы колонну длиной почти в тридцать пять миль. Если бы жители крупных городов составляли только одну треть, то число проституток было бы 41 058. Разумеется, эти предположения являются лишь предметом рассмотрения и не приводятся в качестве конкретных фактов.

Мы уже упоминали о многих преувеличенных мнениях о масштабах проституции в Нью-Йорке, и здесь будет уместно обратить внимание на некоторые отрывки из работы под названием "Исследование масштабов, причин и последствий проституции в Эдинбурге, проведенное Уильямом Тейтом, хирургом: 2-е издание, 1842". Автор начинает с того, что считает столицу Шотландии самым нравственным городом на земле, и, определив количество публичных проституток в Эдинбурге в восемьсот человек, то есть одна на каждые восемьдесят человек взрослого мужского населения, замечает:

"В Лондоне - одна на каждые шестьдесят, а в Париже - одна на каждые пятнадцать. Таким образом, Эдинбург примерно на двадцать пять процентов лучше Лондона, а последний - на семьдесят процентов лучше Парижа". (Счастливый Эдинбург!) "А что можно сказать о главном городе Соединенных Штатов Америки, о независимых, либеральных, религиозных и просвещенных жителях Нью-Йорка? Вряд ли кто поверит, что в этом городе на каждые шесть или семь взрослых мужчин приходится по проститутке! Увы, религия и мораль страны демонстрируют такую развращенность. Ее не превзошла даже метрополия Франции во время пыла и жара Революции, когда либертинизм торжествовал, а законы Божьи и человеческие были попорчены" - стр. 6.

Эта картина не может не польстить нашей национальной гордости; но она теряет свою силу, поскольку противоречит истине. Тем не менее, это удовлетворит наших читателей в том, что мистер Тэйт был дезинформирован, и они могут почувствовать легкое удовлетворение от вывода, что его патетические сетования на религию и мораль их страны были излишними. На странице 8 той же работы мы находим:

"Заявив, что в Нью-Йорке насчитывается до десяти тысяч брошенных женщин, преподобный мистер М'Дауалл, капеллан нью-йоркского приюта для магдалин, продолжает: "Помимо них, у нас есть яснейшие доказательства того, что существуют сотни частных блудниц и содержанок, многие из которых демонстрируют себя в качестве домработниц, швей, сиделок и т. д. в самых респектабельных семьях и каждую ночь толпятся в приютских домах. Хотя у нас нет возможности определить их число, но из уже приведенных фактов мы узнали достаточно, чтобы убедить нас в том, что их совокупность тревожно велика и, возможно, мало чем уступает пропорциям Лондона, чей полицейский отчет утверждает на основании точных исследований, что число частных проституток в этом городе полностью равно числу публичных блудниц."

В этом отрывке мистер Тейт перекладывает ответственность за свои цифры на плечи преподобного мистера М'Дауолла, который представлен как человек, объявивший шестнадцать лет назад, что число публичных проституток в Нью-Йорке составляет десять тысяч, и предполагающий, что частные проститутки составляют столько же, что в сумме почти в три раза больше, чем было обнаружено в настоящее время в результате тщательного расследования. За последние шестнадцать лет порочность в Нью-Йорке не только не

уменьшилась, но и постоянно росла, и все же самый прилежный поиск может обнаружить в 1858 году только 7860 публичных и частных проституток, вместо двадцати тысяч, упомянутых в обсуждаемой публикации! Мы считаем непереносимым долгом быть достаточно хорошо знакомым с каким-либо социальным злом, прежде чем пытаться писать о нем, и хотя книга мистера Тейта ни в коем случае не может нанести вред нашему городу из-за содержащихся в ней явных искажений, мы ссылаемся на нее, чтобы показать, какое мнение сложилось о Нью-Йорке и его пороках по ту сторону Атлантики. Если бы потребовалось извинение за написанное произведение, подобных высказываний было бы вполне достаточно.

Мистер Тэйт не упускает возможности метнуть в Нью-Йорк коварный дротик. Так (на странице 38), процитировав слова преподобного мистера М'Дауолла о характере брошенной женщины в Нью-Йорке, он (мистер Тэйт) продолжает:

"Он ничего не говорит о состоянии религиозных чувств среди тамошних проституток; и если мы будем считать его заявление о количестве проституток строго верным, то вполне можно усомниться в том, что сколько-нибудь значительное число жителей этого города находится под влиянием искреннего религиозного чувства".

Некоторые из наших нью-йоркских читателей, вероятно, помнят, что публикация "Расследования" мистера М'Дауолла вызвала значительное волнение в то время, и свободно высказывались мнения, что он либо очень невежественен в вопросах такого рода, либо намеренно искажает свои утверждения, и в любом случае совершенно не подходит для той задачи, которую он взял на себя.

Мистер Тэйт полагает, что население Эдинбурга составляет около двухсот тысяч человек, число публичных проституток - восемьсот, а частных - почти двенадцать сотен, то есть в общей сложности две тысячи брошенных женщин. Это дает одну проститутку на каждые тридцать два взрослых мужчины, если мы примем его систему подсчета; или одну проститутку на каждые двадцать пять взрослых мужчин, если мы примем систему подсчета, которая была применена к Соединенным Штатам в настоящей работе. Таким образом, из его собственных цифр видно, что, хотя Нью-Йорк так ужасно безрелигиозен, проституции в нем меньше, чем в благочестивом Эдинбурге.

И снова: на странице 189, говоря о деморализующем воздействии театральных представлений, мистер Тэйт заявляет:

"В отчете Дома убежища в Нью-Йорке говорится, что сто пятьдесят мальчиков и девочек из шестисот девяноста виновны в краже и нечистоплотности, чтобы получить место в театре". Он не отмечает это как цитату и не указывает отчет, из которого она была взята. Поскольку он напечатал ее, следует полагать, что она верна, хотя мы должны признать, что не очень ясно представляем себе, какая связь существует между нью-йоркским Домом приюта и проституцией, учитывая возраст детей, обычно принимаемых в это учреждение; и хотя мы почти не сомневаемся, что многие из его воспитанников совершали кражи по указанной им причине, мы весьма сомневаемся в отношении актов нечистоты, о которых упоминается, за исключением нескольких исключительных случаев.

Далее: на странице 194 мистер Тэйт цитирует "Обращение преподобного мистера М'Дауолла о проституции в Америке" следующим образом:

"В тот самый час утром, днем и вечером каждого Господнего дня, когда народ Божий собирается для религиозного поклонения, дети лукавого собираются целыми отрядами в домах блудниц. В субботние дни комнаты настолько заполнены посетителями, что им негде

присесть, и по этой причине многим отказывают в приеме у дверей". Эти явные преувеличения не нуждаются в опровержении. Однако они показывают, до каких крайностей может довести энтузиаста и некомпетентного писателя искажение информации.

Склонный к преувеличениям, как было доказано, мистер Тэйт все же протестует (на стр. 251) против некоторых мнений о детоубийстве проститутками Нью-Йорка, выдвинутых его информатором, преподобным мистером М'Дауоллом, и приводит мнение Парента-Дюшатле, чтобы доказать, что матери обычно очень любят своих детей. Этот факт позволяет сделать вывод, что другие его мнения о нравах общества в Нью-Йорке полностью основаны на мнении мистера М'Дауолла, который, как видно, является не более чем заслуживающим доверия свидетелем. Опора на такой источник вызывает большое сожаление, поскольку существенно снижает ценность и правдивость его в остальном интересного и полезного труда.

Следующие выдержки из "Сборника данных седьмой переписи населения Соединенных Штатов Америки 1850 года" будут интересны в связи с различными вопросами, которые обсуждались в ходе работы над этим трудом. Все они имеют более или менее прямое отношение к теме проституции, и их краткое изложение здесь даст читателям возможность проверить многие из предыдущих замечаний.

Население Союза на данный момент (1858 год) оценивается в 29 242 139 человек (включая рабов). Пропорция женщин к мужчинам в каждой переписи с 1790 по 1850 год указана следующим образом:[402]

	1790.	1800.	1810.	1820.	1830.	1840.	1850.
Мужчины	100-	100-	100-	100-	100-	100-	100-
Женщины	96-4	95-3	96-2	96-8	96-4	95-6	95-

Эти данные относятся только к свободному населению. При перечислении рабов различия по полу не делались ранее 1820 года. С этой даты соотношение мужчин и женщин-рабов выглядит следующим образом:[403]

	1820.	1830.	1840.	1850.
Мужчины	100-	100-	100-	100-
Женщины	95-19	98-36	99-55	99-95

Из этих таблиц следует, что количество мужчин среди свободного населения и женщин среди рабов неуклонно возрастает, но без определенного соотношения.

Если взять общую численность свободного и рабского населения за период после переписи 1820 года, то избыток мужчин определяется следующим образом:[404]

	1820.	1830.	1840.	1850.
Мужчины	4,898,127	6,529,696	8,688,532	11,837,661
Женщины	4,740,004	6,336,324	8,380,921	11,354,215
Избыток самцов	158,123	193,372	307,611	483,446

Из этого видно, что в 1850 году мужчин было больше на 2,08 процента, и, применив то же правило к населению в 1858 году, можно сделать следующую оценку относительного количества представителей каждого пола в настоящее время:

Мужчины (1858)	14,925,188
Женщины	14,316,951
Превышение численности мужчин	608,237
Общая расчетная численность населения	29,242,139

В нескольких географических регионах Союза соотношение белых мужчин и белых женщин выглядит следующим образом:[405]

Штаты Новой Англии (Мэн, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут) - 100-87 женщин к 100 мужчинам.

Средние штаты (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд и округ Колумбия) - 97-70 женщин к 100 мужчинам.

Южные штаты (Вирджиния, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия и Флорида), 98-54 женщины к 100 мужчинам.

Юго-западные штаты (Алабама, Миссисипи, Луизиана, Техас, Арканзас и Теннесси), 91-66 женщин к 100 мужчинам.

Северо-западные штаты (Кентукки, Миссури, Иллинойс, Индиана, Огайо, Мичиган, Висконсин и Айова), 92-11 женщин к 100 мужчинам.

Калифорния и территории - 36-73 женщины к 100 мужчинам.

Это утверждение подтверждает два факта. В штатах Новой Англии женщин больше, чем мужчин. Из этого района происходит большинство всех проституток-уроженок, которые находят свой дом в Нью-Йорке. В Северо-Западных штатах, куда было предложено перевезти часть избыточной женской рабочей силы Нью-Йорка, мужчин больше, и любые женщины, отправленные туда, помогут восстановить равновесие между полами.

В следующей таблице приведено относительное процентное соотношение каждого пола в разных возрастах, а также количество женщин на каждые сто мужчин:[406]

Возраст.					Процент от Мужчины .	Процент от Женщин ы.	Женщин ы на каждые 100 мужчин.
Ниже	5	лет			14-68	14-95	96-76
С сайта	5	лет до	10	лет	13-69	13-98	97-03
"	10	"	15	"	12-23	12-35	96-00
"	15	"	20	"	10-39	11-42	104-46
"	20	"	30	"	18-64	18-46	94-08
"	30	"	40	"	12-85	11-84	87-55
"	40	"	50	"	8-38	7-86	89-09

"	50	"	60	"	4-97	4-83	92-15	
"	60	"	70	"	2-64	2-69	96-88	
"	70	"	80	"	1-11	1-18	101-01	
"	80	"	90	"	-31	-36	110-11	
"	90	"	100	"	-04	-05	123-16	
"	100	лет вверх						120-45
	Возраст неизвестен				-07	-03	44-09	
					100-	100-	95-	

Опыт доказал, что возраст, в котором женская добродетель подвергается наибольшему искушениям, или, по крайней мере, возраст, в котором большая часть проституток Нью-Йорка приобщается к своему жалкому призванию, составляет от пятнадцати до двадцати лет, и приведенная выше таблица показывает, что в эти периоды женщины превышают мужчин почти на 4½ процента. Следует ли полагать, что численное преобладание является причиной соблазнов; или же можно сделать вывод, что оба фактора сосуществуют и в равной степени способствуют печальному результату; или же соблазны не были бы более усугублены и сконцентрированы, если бы в этот критический период жизни мужчины и женщины были в равном количестве?

В следующей таблице приводится относительный возраст всего населения без различия пола, но сравниваются белые, свободные цветные и рабы:

Возраст.						Процент из белых Населен ие[407].	Процент из свободн ых цветных Населен ие.[408]	Процент рабов Населен ие.[409]
Под	5	лет	из	возраст		14-81	14.00	16.87
С сайта	5	лет	до	10	лет	13-83	13-86	14-95
"	10	"	"	15	"	12-28	12-04	13-61
"	15	"	"	20	"	10-89	10-08	11-15
"	20	"	"	30	"	18-55	17-85	17-86
"	30	"	"	40	"	12-36	12-71	11-04
"	40	"	"	50	"	8-13	8-73	6-86
"	50	"	"	60	"	4-90	5-60	3-96
"	60	"	и вверх			4-20	5-56	3-68
Возраст неизвестен						-05	-07	-02
						100-	100-	100-

РОЖДЕНИЕ.

Соотношение числа рождений в[410]

Соединенных Штатах	1	рождение к каждому	36	человек, или	2-75	процентов.
Великобритания	1	""	31	"	3-22	"
Франция	1	""	35	"	2-86	"
Россия	1	""	36	"	2-75	"
Пруссия и Австрия	1	""	26	"	3-87	"

ОБРАЗОВАНИЕ.

Важность образования и его влияние на социальную проблему проституции - достаточное оправдание для следующих выдержек, в дополнение к тому, что уже было сказано по этому вопросу.

В Соединенных Штатах Америки

239	колледжей с годовым доходом в размере	\$1,964,428
80,978	государственные школы	9,529,542
6,085	академии и частные школы	4,644,214
87,302	учебные заведения, стоимость которых	\$16,138,184

Эти учебные заведения посещают 3 644 928 ученых[\[411\]](#).

В Соединенных Штатах проживают

Туземцы	858,306
Иностранцы	195,114
Всего	1,053,420

лиц старше двадцати лет, не умеющих читать и писать. Это число подразделяется следующим образом:[\[412\]](#)

	Белые.	Свободные цветные.	Всего.
Мужчины	389,664	40,722	430,386
Женщины	573,234	49,800	623,034
Всего	962,894	90,522	1,053,420

Это свидетельствует о значительном преобладании необразованных женщин. Процент детей, посещающих школу в Соединенных Штатах, рассчитанный по всем детям в возрасте от пяти до пятнадцати лет, составляет

Коренные жители	80-81	процентов.	[413]
Иностранцы	51-73	"	

подтверждение уже упоминавшегося факта, что родители-иностранцы не стремятся воспользоваться возможностями, предоставляемыми для образования своих детей.

Неграмотные среди населения, таким образом, подвергаются детальному анализу:[\[414\]](#)

Белые неграмотные к 4-92 процентов.

общему числу белых			
Свободные цветные		20-83	"
неграмотные к			
общему числу			
свободных цветных			
Коренные белые и		4-85	"
свободные цветные			
неграмотные к			
общему числу			
коренные белые и			
свободные цветные			
Иностранные белые и		8-24	"
свободные цветные			
неграмотные к			
общему числу			
иностранные белые и			
свободные цветные			
Коренные		10-35	"
неграмотные белые и			
свободные цветные к			
общему числу			
тех и других			
(коренных) старше 20			
лет			
Иностранные		14-48	"
неграмотные белые и			
свободные цветные в			
общей сложности			
обоих (иностранцев)			
старше 20 лет			
Иностранные	195-114		
неграмотные старше			
двадцати лет			
Иностранные		14-51	"
неграмотные к			
общему числу			
иностранцев старше			
20 лет			
возраста,			
предполагая, что все			
неграмотные - белые			

Следуя географическим разделам, мы получаем следующие результаты:[\[415\]](#)

Секции.	Процент учеников к белым Население.	Процентное соотношение учащихся к белых и	Процент неграмотных к белому Население.
---------	--	--	--

		свободные цветные Население.	
Штаты Новой Англии	25-90	25-71	1-88
Средние штаты	21-79	21-02	3-16
Южные штаты	14-52	13-92	9-22
Юго-западные штаты	16-32	16-10	8-45
Северо-западные штаты	21-72	21-51	5-03

Разделы.	Процент неграмотных к коренным жителям.	Процент неграмотных к коренным жителям старше 20 лет.	Процент неграмотных к Иностранцы.	Процент неграмотных среди иностранцев старше 20 лет.	Процент неграмотных к свободному цветным.
Штаты Новой Англии	-26	-42	14-63	24-39	8-45
Средние штаты	1-84	3-00	9-55	15-92	22-42
Южные штаты	9-30	20-30	5-28	8-80	21-20
Юго-западные штаты	8-41	16-63	9-12	15-20	18-54
Северо-западные штаты	4-97	9-92	4-63	7-72	21-44
Калифорния и территории	17-50	21-63	14-13	23-51	12-47

ПРОФЕССИИ.

В таблицах профессий отмечен только класс белых и свободных цветных мужчин старше пятнадцати лет, данные о занятости женщин отсутствуют. Как интересная для широкого читателя, хотя и не имеющая непосредственной связи с темой, приводится следующая информация:[\[416\]](#)

Профессии.	Соотношение в процентах к общему числу занятых.
Коммерция, торговля, мануфактура, механическое искусство и горнодобывающая	29-72

промышленность	
Сельское хозяйство	44-69
Труд (не сельскохозяйственный)	18-50
Армия	-10
Морское и речное судоходство	2-17
Право, медицина и богословие	1-76
Другие занятия, требующие образования	1-78
Государственная гражданская служба	-46
Внутренняя служба	-41
Другие профессии	-41
	100-00

Аналогичный, но более подробный отчет о занятиях жителей Великобритании был опубликован в британской переписи 1841 года и перепечатан профессором де Боу в его сборнике[417].

Занятия.	Процент к общему числу Мужчины.	Процент к общему числу Женщины.	В процентах к общему числу Население.
Коммерция, торговля и производство	26-24	7-12	16-52
Сельское хозяйство	15-33	-84	7-96
Труд (не сельскохозяйственн ый)	6-99	1-21	4-05
Армия	1-42		-70
Морские и торговые моряки, лодочники и т.д.	2-35		1-17
Канцелярские, юридические и медицинские профессии	-66	-02	-34
Другие виды деятельности, требующие образования	1-17	-36	-76
Государственная и муниципальная гражданская служба	-43	-02	-22

Домашние слуги	2-78	9-48	6-18
Лица с независимыми средствами	1-47	3-88	2-69
Пенсионеры, нищие, сумасшедшие и заключенные	1-11	1-01	1-06
Незанятые (включая женщин и детей)	40-05	76-06	58-35
	100-	100-	100-

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Представляя эту тему, профессор де Боу замечает: "Денежная цена заработной платы, если не известны цены других статей, дает лишь неудовлетворительное представление о состоянии трудящихся классов в разные периоды и в разных странах". В следующих таблицах ставок оплаты труда в 1850 году эта трудность едва ли возникнет, по крайней мере, в Нью-Йорке. Большое количество домашней прислуги, которое добавилось к нашему населению с того года, исключает возможность значительного повышения ставки заработной платы, и, поскольку каждый читатель имеет представление о том, каковы должны быть необходимые расходы женщины, каждый сможет решить для себя, является ли компенсация достаточной, и не выиграет ли общество в целом, если некоторые из избыточных домашних слуг будут удалены в другие места, и таким образом, увеличив спрос, повысят заработную плату. Ниже приводится средняя недельная заработная плата (с питанием) домашней прислуги в 1850 году:[\[418\]](#)

Штаты.	Заработная плата.
Алабама	\$1 41
Арканзас	1 67
Калифорния	13 00
Колумбия (округ)	1 31
Коннектикут	1 36
Делавэр	0 84
Флорида	1 83
Джорджия	1 52
Иллинойс	1 14
Индиана	0 90
Айова	1 07
Кентукки	1 09
Луизиана	2 57
Мэн	1 09
Мэриленд	0 89
Массачусетс	1 48

Мичиган	1 10
Миссисипи	1 52
Миссури	1 17
Нью-Гэмпшир	1 27
Нью-Джерси	0 97
Нью-Йорк	1 05
Северная Каролина	0 87
Огайо	0 96
Пенсильвания	0 80
Род-Айленд	1 42
Южная Каролина	1 42
Теннесси	1 00
Техас	2 00
Вермонт	1 19
Вирджиния	0 96
Висконсин	1 27
Территории.	
Миннесота	2 25
Нью-Мексико	0 78
Орегон	10 00
Юта	1 46

Ниже приведена таблица месячной заработной платы на фабриках в разных штатах. Разумеется, без учета питания и проживания. Глядя на сумму, получаемую женщинами-работницами, удивится ли кто-нибудь, что они отказываются от постоянной и малооплачиваемой работы?

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА В МЕСЯЦ (БЕЗ ПИТАНИЯ).

Штаты.	Хлопок.		Шерсть.		Свиное железо.		Железное литье.		Кованое железо.		Рыболовств о.					
	М.		F.		М.		F.		М.		F.					
	\$	с	\$	с	\$	с	\$	с	\$	с	\$	с				
		.		.		.		.		.		.				
Алабама	1	7	7	9	...		1	6	...	3	0	...	1	2	...	...
	1	1		8			7	0		0	5		5	9		
Арканзас	1	6	5	8	...		...		...	...		...	...		...	...
	4	1		8												
Калифор ния	...		...		...		...		2	3	...	...	...		...	...
									3	3						
D. of Col.	1	0	8	0	3	0	...	...	...	2	0	...	...	...	...	...
	4	2		0	0	0				7	5					

Коннектикут	1 0 1 8 2 1 1 8 2 8	...	2 0 8 0 3 5	...	2 8	...
	9 8 1 0 4 2 2 6 6 0		7 2 0 1 9		0 1	
Делавэр	1 3 1 5 1 7 1 3	...	2 3	...	2 5	...
	5 1 1 8 8 9 7 3		3 6		5 3	
Флорида	3 1 5 0	...	...	...	1 5 8 4	
	2 4 0				7 8 0	
Грузия	1 5 7 3 2 4 1 1 1 4	5 0 2 4	...	1 3 5 0	...	...
	4 7 9 7 7 4 0 7 4	0 7 3		1 5 0		
Иллинойс	...	...	2 0 1 5 2 0	...	2 5	...
			2 0 2 2 2 6		8 0	
Индиана	1 0 6 7 2 8 1 0 2 0	...	2 7	...	2 4 4 0	...
	3 2 7 1 1 1 5 6 0		5 4		7 5 0	
Айова	...	...	1 1	...	...	...
			1 4		...	
Кентукки	1 9 9 3 1 3 1 1 2 2	4 7 2 8 4 1 3 0	...	...	...	...
	4 5 6 5 0 1 1 0 3	0 4 9 5 2 6				
Луизиана	...	...	...	...	...	...
			3 6 5 0			
Мэн	2 3 1 1 2 5 1 7 2 0	...	2 0 5 0	...	1 1	...
	9 5 2 5 2 7 1 7 2 0		9 0 0		9 2	
Мэриленд	1 4 9 4 1 6 1 8 2 1	...	2 5	...	2 3	...
	5 2 8 8 0 1 9 0 4		7 0		4 1	
Массачусетс	2 9 1 6 2 9 1 2 2 5	...	3 9	...	2 4 1 7 1 7	...
	2 0 3 0 2 5 4 2 7 0		0 0		9 6 2 9 5 0	
Мичиган	...	...	2 6 1 4 3 0	...	2 6	...
			1 5 1 7 5 0		8 8	
Миссисипи	1 2 5 9	...	...	...	3 9	...
	4 1 4				7 1	
Миссури	1 9 1 0 3 0 6 5 2 2	...	1 6	...	3 0	...
	0 3 0 0 2 0 0 4 8		9 3		0 0	
N. Hampr.	2 0 1 4 2 8 1 5 1 0	...	3 0	...	3 3	...
	6 0 3 7 2 6 4 3 8 0		3 5		1 4 0 0	
Нью-Джерси	1 9 9 5 2 2 8 6 2 2	...	2 0	...	2 3 1 3	...
	7 8 6 5 2 0 1 0		4 0		7 1 3 4	
Нью-Йорк	1 3 9 6 1 9 1 7 2 0	...	2 4	...	2 9	...
	8 2 8 9 7 1 6 5 0		7 9		8 1 0 5	
N. Carolina	1 6 6 1 1 0 7 0 8 0	4 0 2 4	...	1 4 4 7 2 6 1 7		
	1 5 3 8 0 0 0 0	0 3 6		0 3 8 3 4 1 7		
Огайо	1 5 9 4 2 1 1 9 2 4	...	2 3	...	2 5	...
	6 9 2 0 4 0 0 4 8		7 2		9 8 9 7	
Пенсильвания	1 8 9 9 1 2 1 4 2 6	5 1 2 5 6 0 2 3 6 5	...	...	...	...
	7 5 1 9 3 0 1 1 5	1 7 5 0 8 1 7				
Ро. Остров	1 6 1 9 2 7 1 1	...	2 6	...	5 8	...
	8 0 2 5 0 0 5 8		9 3		7 5 4 0	

S. Carolina	1 3	9 4	8 0	3 0	...	...	...	...	1 3	5 9	4 0	0 0	...	...	...	...
Теннесси	1 0	9 4	6 2	4 7	1 6	6 6	0 0	1 2	8 1	5 1	1 7	4 6	1 0	2 5	0 0	...
Техас	...	...	...	...	2 0	0 0	2 0	0 0	...	...	4 3	4 3	...	...	...	...
Вермонт	1 5	5 3	1 2	6 5	2 4	4 6	1 1	8 2	0 0	...	2 8	2 7	...	3 2	0 8	...
Вирджиния	1 0	1 8	6 8	9 8	1 8	1 7	9 1	9 2	9 6	1 6	7 6	8 9	4 1	2 4	4 5	...
Висконсин	...	...	...	...	2 2	4 8	...	3 0	0 0	...	2 6	7 3	...	...	...	...

Число рабочих рук, занятых на этих производствах, следующее:[419]

Мануфактуры.	Мужчины занятых.	Среднее количество мужчин Заработная плата в месяц.	Женщины занятые.	Женщины средняя заработная плата в месяц.
Хлопок	33,150	\$16 79	59,136	\$9 24
Шерсть	22,678	21 49	16,574	11 86
Чугун	20,298	21 68	150	5 13
Чугунное литье	23,541	27 38	48	5 87
Кованое железо	16,110	27 02	138	7 35
Рыболовство	20,704	20 49	429	10 08
Всего занятых	136,481		76,475	

ПАУПЕРИЗМ.

Из таблиц, касающихся нищенства в Соединенных Штатах, мы узнаем, что в году, закончившемся 1 июня 1850 года, когда население страны составляло 23 191 876 человек, за государственный счет содержались (полностью или частично):[420]

Туземцы	66,434
Иностранцы	68,538
Всего	134,972

Стоимость такой поддержки составила 2 954 806 долларов. Это намного меньше, чем в Англии, где в 1848 году было потрачено 6 180 764 фунта стерлингов (или более тридцати миллионов долларов) при населении 17 521 956 человек[421].

ПРЕСТУПНОСТЬ.

На 1 июня 1850 года в тюрьмах различных штатов по всему Союзу содержалось:[422]

Белые мужчины	4643	
"женщины	115	
Всего белых	--	4758
Цветные мужчины	801	
"Женщины	87	
Всего цветных	--	888
Агрегат		5646

Из них

Коренные белые	3259	
"цветные	866	
Всего коренных жителей	--	4125
Иностранные белые	1499	
"цветные	22	
Всего иностранных	--	1521
Совокупность		5646

ИНТЕМПЕРАЦИЯ.

Нет необходимости повторять, что привычки к невоздержанности и проституции тесно связаны между собой. Статистика пивоваренных и винокуренных заводов в Соединенных Штатах представлена следующими цифрами:[423]

Общее число этих заведений составляет	1217
В них вложен капитал в размере	\$8,507,574

На них работает 6140 человек, и они потребляют в течение года

Ячмень	3,787,195	бушелей.
Кукуруза	11,067,761	"
Рожь	2,143,927	"
Овес	56,607	"
Яблоки	526,840	"
Хмель	1,294	тонн.
Меласса	61,675	бочонков.

Годовой объем производства составляет,

Але, 1 179 495 баррелей, или	42,471,820	галлонов.
------------------------------	------------	-----------

Виски и т. д.	41,364,224	"
Ром	6,500,500	"
Всего	90,336,544	"

Если бы эти стимуляторы использовались в Соединенных Штатах, без учета экспорта или импорта, средняя норма для каждого мужчины, женщины и ребенка в обществе составила бы почти четыре галлона в год. Эти цифры показывают, сколько мы производим, но не помогут выяснить, сколько потребляется.

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ.

Слова "коренные жители" и "иностранцы" так часто использовались в ходе этого исследования, что официальные данные переписи населения об их относительной численности не могут не быть интересными.

Из белого населения Соединенных Штатов Америки

Родившиеся в штате, в котором они сейчас живут	67-02	процентов.
"Соединенные Штаты, но не в штате, в котором они сейчас живут	21-35	"
Всего уроженцев	88-37	"
Родившиеся в зарубежных странах	11-46	"
Неизвестные национальности	-17	"
	100	"

Таким образом, из каждых ста белых жителей Соединенных Штатов восемьдесят восемь были уроженцами этой земли.

Среди свободных цветных жителей было [\[425\]](#)

Туземцы	98-59	процентов.
Иностранцы	-94	"
Неизвестные уроженцы	-47	"
	100	"

Рабское население (для всех практических целей) является полностью местным.

ГЛАВА XXXVII.

НЬЮ-ЙОРК - МЕРЫ ПО ИСПРАВЛЕНИЮ СИТУАЦИИ.

Последствия запрета.- Необходимое изменение политики.- Обязанности правительства.- Проституция, усиленная уединением.- Невозможность благотворительной помощи.-

Необходимость санитарных правил.- Желтая лихорадка.- Эффект мер по исправлению ситуации в Париже.- Сифилитическая инфекция не является местным вопросом.- Современные меры по борьбе с сифилисом.-Островная больница, остров Блэкуэллс.- Способ приема.- Обязательство бродяжничества "на исповеди" и его действие на острове Блэкуэллс.- Денежные результаты.- Моральные последствия.- Увековечивание болезни.- Неадекватность существующих мер.- Выписки.- Приговоры *хабеас корпус* и *сертиорари*, способы получения и их последствия.- Ответственность общества.-Предлагаемый медицинский и полицейский надзор.-Требования.-Больницы *должны быть полностью отделены от карательных учреждений*.-Визиты врачей.-Право помещать больных женщин на лечение и *задерживать их до выздоровления*.-Опровержение возражений.- Рекламодатели шарлатанов.-Учреждение медицинского бюро.-Обязанности экспертов.- Лицензионная система.-Вероятные последствия наблюдения.-Расходы на предлагаемый план.-Агитация в Англии.-Лондонская "*Таймс*" о проституции.-Рассмотренные возражения.- Доклад медицинского совета больницы Бельвью о проституции и сифилисе.-Доклад врача-резидента острова Рэндаллс о конституционном сифилисе.-Достоверность статистики.- Резюме подтвержденных фактов.

Проследив причины и обрисовав масштабы и последствия такого зла, как проституция, в том виде, в котором она существует в Нью-Йорке в настоящее время, мы, очевидно, должны спросить, какие меры могут быть разработаны, чтобы остановить шествие этой опустошающей чумы в ее разрушительных действиях на здоровье и мораль общества. Это проблема, решение которой на протяжении веков интересовало филантропов и государственных деятелей разных стран. Вначале они исходили из теории, что порок можно подавить с помощью законодательных актов, и процесс подавления активно пробовался под различными эгидами, пока опыт не показал, что он фактически увеличивает и усугубляет то зло, которое призван подавить. В последующие периоды, однако, принимались различные меры с разными результатами.

В первую очередь необходимо рассмотреть эффект жестких запретительных мер. Данные, приведенные в предыдущих главах этой работы, показывают, к чему они приводили, и в то же время свидетельствуют о бесполезности попыток искоренить проституцию с помощью принудительного законодательства. Плеть, темница, дыба и кол были испробованы, и все оказались одинаково бессильны в достижении цели. Признавая, что в религии, морали или политике невозможно заставить согласиться с каким-либо конкретным чувством, хотя добрый план убеждения может привести к его принятию; признавая, что все попытки заставить проститутку быть добродетельными заведомо провалились; не пришло ли время изменить политику? Если в прямом соотношении со строгостью запретительных мер порок, который пытаются истребить, неуклонно растет, разве разум не подсказывает целесообразность прибегнуть к другим мерам для его подавления?

Говорят, что "история - это философия, которая учит на собственном примере", и, если хорошо подумать, никто не сможет не увидеть в ней неоспоримый аргумент против чрезмерной строгости в этом вопросе. Несколько законов, запрещающих проституцию, были подробно описаны, а также приведены конкретные результаты их применения, полученные из опыта разных стран. В то время, когда эти законы действовали, вряд ли их авторы считали их не подлежащими улучшению; и теперь, в век всеобщего прогресса, возникает вопрос, не обязаны ли мы испытать на себе действие некоторых других мер в этой стране?

Как и другие народы, мы приняли законы, призванные подавить проституцию; выступили с энергичными протестами (на бумаге) против ее существования; и на этом наши труды

закончились. Опыт, приобретенный в ходе такого законотворчества, лишь показывает, что подобные законы не могут быть исполнены так, чтобы произвести желаемый эффект. Но почему же они все еще остаются на бумаге? Разве это не позор для нашего национального характера - позволять им существовать, если они никогда не будут исполняться? Если они бессильны для блага и только усиливают чуму, которую призваны сдерживать, почему бы не исключить их сразу и не заменить другими, более практичными и полезными? Чистосердечное признание ошибки, будь то отдельным человеком или целым сообществом, - это всегда достойный и изящный поступок. Оно показывает, что опыт подсказал более мудрый путь; что размышления и эксперименты осудили прежний план.

Не стоит полагать, что какая-либо система законов полностью искоренит проституцию; история, общественное устройство и физиология не допускают такой утопической идеи. Но разве более просвещенная политика не сделает многое для ее уменьшения? Многие из нынешнего поколения могут вспомнить времена, когда считалось правильным и уместным заключать в тюрьму несостоятельного должника; но теперь общество благоразумно отказалось от этой идеи, и никто не станет утверждать, что следствием этого изменения стало появление дополнительных трудностей на пути взыскания судебных исков. Смертная казнь была отменена во многих случаях, и, тем не менее, хорошо известен факт снижения преступности там, где этот эксперимент был опробован. Особенно это касается Англии, где подлог, который карался смертью, сравнительно редок после смягчения закона. Всеобщее убеждение становится преобладающим, что наиболее эффективным способом борьбы с преступниками является попытка поднять их над тем, чем они были, в отличие от старого плана опускания их ниже.^[426] Теперь свободно признается, что процесс возвышения, а не опускания, созвучен как духу наших республиканских институтов, так и гуманистической политике. Даже если американское общество еще не готово взять курс, прямо противоположный его нынешней запретительной практике, благоразумие диктует принятие какого-то среднего правила, с помощью которого проституцию можно было бы сдерживать, не поощряя и не разрешая ее, как в прусских законах, которые прямо заявляют, что этот порок "терпим, но не разрешен".

Правительство должно быть патриархальным по своему характеру и осуществлять эффективный, но родительский надзор за всеми своими подданными. Это тот живой принцип, который придает жизненную силу и мощь любой организации, и ни одно удовлетворительное правительство не может существовать, если он отсутствует. Итак, что касается проституток, то, признавая, что они ошибаются, народ, составляющий правительство этой страны, все же заинтересован в этом вопросе, и его взаимные обязательства, его политика и его материальные интересы требуют, чтобы эти блуждающие члены корпоративного тела имели разумную возможность для исправления. Что даст эту возможность наиболее эффективно - раздавить их под тяжестью их собственных проступков или принять либеральный курс, способный побудить их отказаться от своих развратных привычек? Одним из секретов, который привязывал солдат империи к штандарту Наполеона во всех его битвах и превратностях, было знание того, что Франция считает их своими детьми и не откажется их защитить и поддержать. Слова "Я - римский гражданин" обретали свою магическую силу благодаря тому, что Римская империя относилась ко всем своим гражданам как к сыновьям и с родительской заботой следила за их интересами. Недавняя вспышка народного энтузиазма в нашей стране, когда командир американского национального судна спас гражданина от угрожающего ему бесчинства в чужой стране, стала ярким подтверждением этого принципа. Можем ли мы теперь последовательно отказываться применять это правило ко всем, кто нуждается в нашей доброй заботе?

Можно считать смелым утверждение, что наш нынешний способ обращения с проституцией рассчитан на широкое распространение ее распространенности, однако уже приведенных исторических фактов достаточно, чтобы доказать его истинность без дополнительных аргументов. Существующие правила обращения, вместо того чтобы подавлять порок, лишь загоняют его в уединение - результат, далеко не соответствующий замыслу, и бесконечно увеличивающий его силу. В эти тайные убежища проституции прибегают самые низкие и развратные представители мужского пола, прекрасно понимая, что по одному из основных законов нашего содружества каждый дом является крепостью, в которую не может войти ни один офицер, если только он не вооружен специальными юридическими полномочиями или не вызван для подавления возмущения. Результатом такого уединения является укрепление порочных привычек проституток, а зачастую и совершение ими других, более отвратительных преступлений".

Опять же: Скрытность еще больше усиливает проституцию, препятствуя приближению тех благожелательных людей, которые с удовольствием давали бы советы и направляли дочерей несчастья на их истинное благо. Филантропы организовали тюремные ассоциации и приюты Магдалины, чтобы бороться с проституцией, но они могут добраться до нее только на самых низких уровнях, когда женщины становятся узницами общественных учреждений от нужды и болезней. Реформаторы не могут приблизиться к источнику, и, следовательно, сейчас они так же далеки от осуществления своих благородных намерений, как и в начале своей деятельности; потому что запретительные меры заставляют проституток укрываться в уединении, и только когда женщины попадают в наши больницы, рабочие дома и пенитенциарные учреждения, они становятся доступными. К этому времени они уже настолько погрязли в разврате, что надежда на их исправление очень мала. Особенно это касается приютов Магдалины. В самых уединенных притонах проституции действительно есть "поле, белое для жатвы" для благотворных усилий, если бы только они были доступны. Сочувствие достойно больных или умирающих женщин, переданных из государственных учреждений в благотворительные организации. Облегчить их последние страдания, успокоить агонию смертного часа, избавить от ужасов перехода из этого мира в страшное будущее - это работа, которой должно радоваться сердце любого христианина. Но это лишь часть обязанностей, которые возлагаются на такие приюты. В то время как их создатели с радостью предоставляют утешения нашей святой религии угасающей Магдалине, они также ищут возможность направить заблуждающихся женщин на путь добродетели в течение жизни, которая им еще остается; направить их на путь, на котором они смогут повторить уже сделанные ложные шаги и стать полезными членами общества. В системе, которая загоняет порок в рамки уединения, этой возможности лишены.

Переходя к рассмотрению действия репрессивных законов, отметим важность санитарных и карантинных правил. Одной из первых забот хорошего правительства является сохранение и укрепление здоровья населения. Иллюстрация этого положения произошла летом 1856 года, когда возникли опасения, что город посетит страшная эпидемия лихорадки. Общественный голос заявил в газетах о необходимости самых строгих и тщательных санитарных мер, и уборка улиц, удаление неприятных мест, очистка домов и многие другие меры того же рода были громко призваны и приняты, насколько это было возможно, в то время как карантинные правила гавани строго соблюдались. Ввиду этой опасности, столь страшной и, очевидно, столь неотвратимой, единый голос общественного мнения одобрил именно тот курс, который здесь пропагандируется, а именно принятие мер по исправлению ситуации, или, правильнее говоря, профилактических мер. Венерический яд столь же разрушителен, хотя и не столь внезапно смертелен, как желтая лихорадка, и все мотивы филантропии и экономии призывают к необходимости эффективных средств для противодействия ему.

С тех пор как в Париже были приняты меры по исправлению ситуации или профилактике, количество случаев заболевания и его вирулентность значительно уменьшились. Этот факт утверждается не только на основании наших личных знаний, но и на основании подтверждающих свидетельств врачей, которые недавно имели возможность исследовать этот вопрос в этой столице. Это снижение легко объяснить сравнением законов и правил, применимых к проституции. Мы в Нью-Йорке своим строгим запретом загоняем этот порок в уединение и лишаем себя возможности наблюдать за его развитием или результатами; в то время как наши французские современники настаивают на том, что он должен быть всегда открыт для *наблюдения со* стороны должным образом назначенных лиц.

Масштабы сифилитической инфекции в Нью-Йорке были описаны в предыдущей главе, но опасность заражения не должна рассматриваться как чисто местный вопрос. Благодаря своему торговому значению, морским торговым операциям, централизации железных дорог и каналов, а также возможностям речного судоходства, этот город в настоящее время является великим пунктом прибытия и отправления путешественников и эмигрантов из всех частей Союза. Иностранцы ежедневно прибывают сюда в большом количестве, намереваясь отправиться в другие штаты. Если они остаются в городе всего на несколько дней, они подвергаются его соблазнам и могут заразиться болезнями, которые, по их вине, будут увековечены в районе, который они выбрали в качестве своего будущего дома. Вернувшиеся с тихоокеанских берегов искатели приключений приезжают сюда, чтобы найти наиболее удобный путь к месту назначения. Они подвергаются тем же искушениям, с вероятностью того же результата. Торговцы и владельцы магазинов посещают этот торговый центр для получения товаров, и они подвергаются тем же соблазнам и тем же непредвиденным обстоятельствам. Моряки в порту также подвержены подобной опасности. Короче говоря, едва ли возможно представить себе масштабы распространения сифилитического яда, зародившегося в гордом и богатом Нью-Йорке, и не будет ошибкой назвать Имперский город очагом, где, в силу его законов о проституции, сифилис может культивироваться и распространяться.

Итак, обладая неопровержимыми доказательствами существования сифилиса и зная, что с каждым днем ареал его распространения расширяется все шире и шире, набирая в процессе своего развития все большую злокачественность, необходимо выяснить, какие меры были приняты для борьбы с его опустошительными последствиями. До сих пор они были признаны совершенно неадекватными, поскольку основывались на ошибочной теории, а именно на идее подавления. Главной государственной или бесплатной больницей, где, *по общему признанию, лечат* венерические заболевания, является Пенитенциарная больница на острове Блэкуэллс, известная сейчас как Островная больница. Чтобы получить возможность лечиться в ней, необходимо, чтобы пациент был приговорен судом Сессии к тюремному заключению за совершение какого-либо преступления или помещен в рабочую палату полицейским судьей за бродяжничество, пьянство или нарушение общественного порядка. Из этого факта следует, что, строго говоря, не существует "бесплатной" больницы для лечения подобных заболеваний, поскольку единственное учреждение, предназначенное для их лечения, не принимает и не может принимать никого, кроме осужденных за нарушение законов.

Тем не менее, необходимость в профессиональной помощи заставляет многих, как мужчин, так и женщин, подчиняться унижительной полицейской опеке. Несчастные женщины или работающие мужчины обнаруживают, что страдают от инфекции. Возможно, у них нет денег, а возможно, они исчерпали свои средства, заплатив шарлатанам, и поэтому обращаются за помощью и советом в один из общественных диспансеров. Если только случай не легкий,

медики советуют прибегнуть к лечению в больнице, для чего бедным страдальцам выдают справку об их состоянии, и советуют обратиться к полицейскому судье. Они следуют этому совету, и в девяти случаях из десяти единственное замечание магистрата звучит так: "Хотите, чтобы я отправил вас в больницу?". Ответ, разумеется, утвердительный, и он тут же подписывает распечатанное обязательство о направлении в пенитенциарное учреждение или рабочий дом на срок, указанный в нем, - от одного до шести месяцев по усмотрению магистрата. Ниже приводится копия одного из таких документов:

"Город и округ Нью-Йорк, сс.

"От --- ---, эсквайра, одного из полицейских судей города и округа Нью-Йорк.

"Констеблям и полицейским указанного города и каждому из них, а также начальнику тюрьмы города и округа Нью-Йорк:

"Именем народа штата Нью-Йорк повелеваю вам, упомянутым констеблям и полицейским, доставить в упомянутую тюрьму тело --- ---, который предстал передо мной по обвинению в том, что он ВАГРАНТ, то есть не имеет средств к существованию, и заразился ИНФЕКЦИОННОЙ БОЛЕЗНЬЮ В ПРАКТИКЕ ДЕБАУХЕРСТВА, то есть..., венерической болезнью, требующей благотворительной помощи для восстановления здоровья, в чем он и был осужден на основании признания, протокол которого был составлен и сдан в канцелярию секретаря Сессионного суда вышеупомянутого города и округа, и мне кажется, что упомянутый --- --- является неподходящим человеком для отправки в богадельню, вам, упомянутый начальник тюрьмы, настоящим приказано принять под свою опеку в упомянутой тюрьме тело упомянутого --- ---, и --- надежно хранить в течение --- месяца ---, или пока --- он не будет освобожден оттуда в соответствии с законом.

"Дано под моей рукой и печатью, в этот --- день ---, в год Господа нашего тысяча восемьсот пятьдесят ---.

"--- ---, полицейский судья".

Технически это называется обязательством "по признанию", и его последствия точно такие же, как если бы человек был осужден за любой реальный акт бродяжничества. По закону и фактически он является заключенным на срок, указанный в обязательстве; он должен носить тюремную одежду и подчиняться тюремной дисциплине до истечения срока наказания. Судьям хорошо известно, что подобное обязательство немедленно обеспечит страдальцу необходимую медицинскую помощь, но у них нет полномочий направить кого-либо прямо в больницу.

И здесь естественно возникает вопрос: что знает или что должен знать магистрат о помещении больного человека в больницу и как он может решить, сколько времени такой инвалид должен находиться на лечении? Напрашивается очевидный вывод, что весь этот процесс в лучшем случае абсурден, а его требования - тяжелое бремя для магистратов, и без того перегруженных законными обязанностями.

Вниманию читателя предлагаются денежные последствия этого плана. Для примера: Предположим, что речь идет о человеке, находящемся в заключении в течение шести месяцев. Он страдает венерическим заболеванием и в таком состоянии поступает в пенитенциарное учреждение или дом трудолюбия, где у него забирают одежду, предоставляют костюм учреждения и регистрируют его имя, возраст, происхождение, род занятий и т. д., а также выдержку из обязательства, на основании которого он содержится

под стражей. Затем его подвергают медицинскому осмотру и переводят в больницу. В этом учреждении он находится до излечения, если оно будет достигнуто до истечения срока наказания, после чего его переводят в пенитенциарное или рабочее учреждение. Среднее время, необходимое для успешного лечения названной болезни в больнице на острове Блэкуэлл, не превышает *двух* месяцев, а зачастую достаточно и гораздо меньшего срока. Но человек был заключен на *шесть* месяцев, и в течение оставшихся *четырёх* месяцев заключения его нужно кормить, одевать и содержать за счет департамента богадельни. Труд, который он может выполнять, никогда не будет равняться стоимости его содержания, так что четыре месяца его содержания *в соответствии с законом* обходятся налогоплательщикам города в копейку, поскольку они уже содержали его в течение двух месяцев в больнице. В совокупности случаев в течение года эти расходы составляют очень большую сумму. Нужно ли приводить еще какие-либо аргументы, чтобы показать вопиющую абсурдность этой системы?

Несколько слов о моральном воздействии этой местной системы на проституцию в Нью-Йорке, исходя из того, что быть проституткой признается всеми как деградация; в то время как бродяжничество в рабочем доме или пенитенциарном учреждении - это настоящий позор. Эта система является частью уже упомянутого плана по уничтожению проституток, и она, по сути, гласит: "Мы (жители Нью-Йорка) дадим вам возможность излечиться от вашего отвратительного и разрушительного недуга, но только при условии, что вы станете заключенными исправительного учреждения. Мы знаем, что вы не сможете вылечиться, если не примете наши условия, и мы сделаем эти условия настолько жесткими и отталкивающими для человеческой природы, насколько хватит изобретательности". Медицинская аксиома гласит, что два яда не могут существовать в организме одновременно; но жители Нью-Йорка уже несколько лет проводят эксперименты, чтобы выяснить, не могут ли два моральных яда сосуществовать в одном человеке, добавляя к пороку проституции еще больше ненужного позора и тем самым увеличивая пропасть между грешницей и ее возможным возвращением к добродетели.

Нецелесообразность превращения сифилиса в причину тюремного заключения, за исключением тех случаев, когда этого требуют лечебные меры, должна быть очевидна для всех, хотя бы потому, что это удерживает многих страдающих от использования возможности излечения до тех пор, пока они не будут вынуждены сделать это. Насколько этот принцип ошибочен с гигиенической точки зрения, должно быть очевидно; прямо противоположный курс, делающий больницу привлекательной, а не отталкивающей, был бы истинной политикой и наиболее экономичным по своим результатам. Также не справедливо по отношению к медицинским отделениям наших государственных учреждений загромождать их труд оговорками, которые не позволяют обращаться к ним за помощью до последней крайности, когда они могут оказать лишь паллиативное, а не лечебное воздействие. Если бы сифилис можно было выявить на первичной стадии, их задача была бы гораздо менее сложной, а их услуги - гораздо более эффективными; в то время как мало что или вообще ничего не может быть достигнуто, когда официальные правила удерживают пациентов в стороне, пока болезнь не станет конституционной, и беда не будет сделана. Как в морали, так и в медицине. Любое зло, чтобы успешно его лечить, должно быть встречено на первой стадии, и если наши правила исключают такую возможность, то можно надеяться лишь на незначительные результаты. При более либеральной системе врач и филантроп могли бы объединить свои усилия. Первому не пришлось бы сталкиваться с болезнью, накрепко закрепившейся в разрушенной конституции; второму не пришлось бы расстраивать свои благотворительные замыслы из-за затянувшейся карьеры разврата, ставшего уже привычным.

В результате положения о предоставлении медицинской помощи только заключенным, каждая жительница города будет стараться всеми возможными способами обойтись без лечения. Только когда она уже опустилась на самое дно своего класса, когда еще один шаг ввергнет ее в бездонную пучину беспомощного и безнадежного горя, она добровольно примет предложенную помощь. Она скорее будет терпеть мучения от своих недугов или рассчитывать на помощь эмпириков, подчиняясь всем их поборам, чем станет пленницей. Но когда все ресурсы исчерпаны, а физические муки ясно говорят ей, что она должна получить медицинскую помощь или умереть, она подчиняется. Попав в больницу, она получает облегчение после периода затяжной болезни и покидает ее, чтобы вернуться в свои старые места обитания, потому что больше ей некуда идти, так как закон наложил на ее прежний плохой характер дополнительный позор в виде тюремного заключения. Социальность - свойство человеческой природы, и если эти женщины не могут попасть ни в какую компанию, кроме порочной и покинутой, они предпочитают ее одиночеству. Вскоре наступает время, когда ей требуется дальнейшая медицинская помощь, и так в течение нескольких месяцев или лет она чередует тюрьму, больницу и бордель, пока смерть не положит конец ее страданиям, и безымянная могила на Поттерс-Филд не примет останки той, кого благотворительные меры при правильном применении, возможно, сделали бы полезным членом общества.

Чувство стыда, возникающее после одного отклонения от пути добродетели, толкает многих женщин на проституцию. Зачем добавлять к уже существующему чувству стыда еще один позор, когда она, к несчастью, заболевает? Можно ли последовательно обвинять ее, если она становится черствой, когда каждое законодательное положение прямо направлено на ущемление ее чувств? Неправильное поведение родителей по отношению к детям было показано как одна из причин проституции. Отец или мать изгоняют из-под отцовской крыши ребенка, который совершил всего лишь одну ошибку. Затем, под давлением голода, она неизбежно грешит еще больше, заболевает, обращается к обществу за помощью и приговаривается к тюремному заключению! Первая ошибка, ошибка родителей, делает ее порочной: вторая ошибка, заключение в тюрьму, закрепляет ее в пороке. Мы осуждаем такое жестокое обращение с родителями, в то время как практически мы сами, будучи естественными опекунами всех, кто нуждается в помощи, поступаем точно так же. Где же наша последовательность? Если для нас, корпоративного органа, правильно практиковать такое жестокое угнетение, то разве не оправданно, чтобы каждый член этого органа действовал таким же образом в своем индивидуальном качестве? Конечно, то, что правильно для множества, должно быть правильно и для отдельного человека, и наше собственное поведение уличает нас в непоследовательности. У нас нет оснований осуждать родителей за отдельные поступки, которые мы совершаем коллективно; или, если мы правы, осуждая их, мы ошибаемся, совершая те же поступки сами: если они достойны порицания, мы тоже виновны.

Эта система, при всей ее абсурдности, пагубном влиянии на здоровье населения и очевидной тенденции к безнравственности, не способна остановить разрушительное бедствие; напротив, она, скорее всего, продлит его опустошение. Если у проститутки, арестованной и помещенной на остров Блэквелл за пьянство или нарушение общественного порядка, обнаруживается болезнь, или если она совершает преступление, зная, что заражена, ее немедленно помещают под наблюдение врача. Вероятно, она будет довольствоваться пребыванием в больнице до тех пор, пока не утихнут самые тяжелые симптомы болезни: к этому времени дисциплина заведения становится для нее невыносимой. Она связывается с содержателем публичного дома, у которого раньше жила, или с каким-нибудь "любовником" или знакомым, который подает иск о выдаче

сертификата или *хабеас корпус*, что мгновенно приводит к ее выписке. Теперь она возвращается в свои прежние места, наполовину вылеченная, чтобы снова способствовать распространению болезни, еще больше подрывать свою собственную конституцию и заражать людей, которые, в свою очередь, станут обременением для налогоплательщиков или своим поведением заставят других стать такими же обремененными. Читатель не раз вспомнит случай оптового освобождения, упомянутый в предыдущей главе.

Опыт почти каждого дня подтверждает эти утверждения. Хорошо известно, что есть люди, которые околачиваются возле различных полицейских судов специально для того, чтобы заниматься подобными делами, и получают большой доход из этого источника, не считая других дел, связанных с проституцией, в которых они время от времени проявляют свои способности. Приговоры за бродяжничество, по которым женщин "отправляют наверх", обычно недостаточны, и нет законной власти, чтобы задержать их и принудить к лечению, в котором они так нуждаются. Высокопоставленные юристы утверждают, что почти все обязательства, выдаваемые полицейскими судьями, недействительны, и что в законе нет никаких препятствий для немедленного освобождения каждой проститутки, находящейся на острове Блэкуэлл. Общественность может легко понять необходимую неэффективность этих учреждений в плане профилактики венерических заболеваний.

Легкость, с которой проститутки, помещенные на остров Блэквелл, могут получить освобождение, может быть объяснена недостаточной осторожностью при оформлении обязательств. Недавно принятый закон (1854) предписывает форму, в которой они должны быть составлены, требуя изложения признанных или подтвержденных фактов и подачи копии оригинала в канцелярию секретаря Сессионного суда. Эти требования не соблюдаются, и причиной этого магистраты называют то, что их собственное время и время их клерков настолько занято прессом дел, находящихся на их рассмотрении, что они не могут действовать так тщательно, как предписывает закон. Это подтверждает уже высказанное мнение о нецелесообразности и неуместности возложения на судей столь обременительных и внесудебных обязанностей. Но поскольку они могли бы быть привлечены к ответственности за ложное лишение свободы, если бы совершали преступления в соответствии с этим актом без соблюдения всех его требований, они издают свои обязательства в старой форме, предусмотренной Пересмотренным статутом, и тем самым защищены от скрытых последствий. Эти обязательства предписывают заключать людей в Пенитенциарное учреждение, но местные условия острова Блэкуэлл требуют, чтобы их отправляли в Рабочий дом, и если только этот перевод в каждом случае не осуществляется губернаторами Богадельни - ведь они не могут отменить свои полномочия - это является *отказом от* права на содержание под стражей и, следовательно, дает право на освобождение заключенного, переведенного таким образом. Утверждалось, что рабочий дом является частью пенитенциарного учреждения, но этот тезис был отменен, поскольку статут, учреждающий рабочий дом, ясно показывает противоположное намерение.

Заключенный имеет право на освобождение по другому основанию, а именно, потому что обязательство не было подано в установленном порядке; или по другому основанию, потому что в обязательстве не указаны доказательства, с помощью которых был доказан факт бродяжничества. Последнее основание для освобождения, которое никогда не выдвигается до тех пор, пока не будут отменены все мелкие формальности, заключается в том, что все разбирательство является незаконным, поскольку не был соблюден статут 1854 года.

На этих основаниях подается иск о выдаче ордера *certiorari* или *habeas corpus*, предварительными шагами которого являются ходатайство заключенного или его друга о том, что он незаконно содержится под стражей, аффидевит о проверке и сертификат клерка

Сессионного суда о том, что обязательство не было зарегистрировано в его офисе. После предъявления этих документов судья, к которому подается заявление, выдает требуемый ордер и указывает время, когда он должен быть возвращен. Действие этих двух предписаний схоже, за исключением того, что предписание *habeas corpus* требует доставки заключенного к судье в дополнение к возвращению причины задержания, в то время как предписание *certiorari* требует только возвращения причины задержания. Возврат осуществляется лицом, содержащим заключенного под стражей, и состоит из копии обязательства, на основании которого он содержится под стражей; из уже упомянутой неформальности этих документов следует, что для его содержания под стражей не может быть никаких законных оснований. Судье строго запрещено рассматривать какие-либо вопросы, выходящие за рамки законности документов; в моральный аспект вопроса он не может вмешиваться, а поскольку обязательства, как правило, носят неформальный характер, у него нет другого выхода, кроме как освободить заключенного.

Ходатайство о выдаче этих предписаний должно быть подано на имя адвоката, но часто это имя используется агентом, который ведет дела и делит гонорар со своим доверителем.

Из этого очерка видно, что при соблюдении установленной формы в этих обязательствах можно было бы избежать частых выписок или же преодолеть столько трудностей, что они будут возникать крайне редко.

Не лежит ли ответственность за небрежность в этом вопросе на обществе и на наших законодателях? Не признавая того, что наказание за бродяжничество способно перевоспитать проститутку (на самом деле, все доказательства говорят против того, что это возможно), дело обстоит так: законодательные органы предусмотрели способ освобождения, который считался эффективным в то время, но этот способ уклоняется или не может быть соблюден теми, на кого возложена его реализация. Общество давно знает о существовании этих трудностей, но никогда не вмешивалась, чтобы дать нам лучший способ. Отказываясь вмешиваться, они оказываются в положении пособников и соучастников этого пренебрежения, или, что еще хуже, фактического распространения ужасной болезни. Если бы общественное мнение было сосредоточено на этом вопросе, расследование давно бы показало ошибочность нашей нынешней системы и предложило необходимые поправки. Этого не было сделано; но бездействие общества ни в коем случае не уменьшает его ответственности.

Эту доктрину общественной ответственности можно с пользой для дела рассмотреть в связи с общим аспектом проституции. Мало кто будет отрицать, что за многие из ее бед несут ответственность массы людей. Они осознают существование порока в совокупности, если не в деталях; они понимают его последствия и не знают основных причин, которые приводят к нему; однако они не предпринимают никаких усилий, чтобы устранить существующие причины или предотвратить будущее зло. Они практически относятся к женщинам как к низшей расе существ и даже не могут дать работу бедной швее, не сказав, если не на словах, то на деле: "Тебе нельзя доверять это, пока мужчина не осматривает каждую дырочку для пуговицы и не проверит каждую строчку, чтобы убедиться, что ты нас не обманываешь". Единственный способ обеспечить доверие - это дарить доверие; но если с человеком обращаются так, что это разрушает его самоуважение, неизбежным результатом будет безрассудство в отношении его собственного характера. Если женщин презирают без причины, если с ними обращаются в деловых вопросах как с имбецилами, детьми или ворами, неудивительно, что они становятся беспечными в отношении своей будущей жизни и, чувствуя несправедливость своего положения, слишком часто вырождаются в жалкие

существа, которые заполняют наши улицы и загрязняют атмосферу своей смертоносной инфекцией.

Общественность, таким образом, несет ответственность за эту проституцию, потому что она никогда не уделяла ей никакого внимания. Это одна из самых серьезных и сложных социальных проблем, затрагивающая интересы каждого человека в обществе, и, тем не менее, к ней проявляется самое глупое безразличие. Этот вопрос обсуждался медиками в связи с его печальными последствиями для физической организации; его масштабы были известны судебным и полицейским властям по его социальным и гражданским результатам; но большая часть общества до сих пор решила, что ничего не знает и не хочет знать о нем. Они признают его существование, поскольку оно слишком очевидно, чтобы его отрицать; но до сих пор они не предпринимали никаких шагов, чтобы установить его источник или остановить его развитие, потому что это был вопрос, в который они боялись вмешиваться, а теперь плачевные последствия, вызванные им, должны быть возложены на них.

Нельзя отрицать, что любое исследование этого порока сопряжено со многими трудностями; что многие благонамеренные, но робкие люди придерживаются мнения, что это одна из тех гангренозных язв общества, о которых нельзя упоминать иначе как шепотом; что от проведения расследований будет больше вреда, чем если бы им позволили существовать и гноиться незамеченными.^[429] Эта апатия, которая была политикой до сих пор, сделала проституцию тем чудовищным злом, которым она является сейчас, и на тех, кто выступал или может выступать за продолжение того же курса молчания и бездействия, страдающие от этого порока могут справедливо возложить ответственность за свою гибель. "Мастерское бездействие" государственного деятеля, несомненно, оправдано в любом случае, когда пассивное сопротивление поможет преодолеть зло, но в борьбе с проституцией необходимо использовать диаметрально противоположный метод. Он требует активной агрессии против всех старых предрассудков, взрыва старых теорий, энергичного начала нового курса.

В других работах было показано, что общество несет ответственность за проституцию, потому что оно упорно исключает женщин из многих видов занятости, для которых они подходят; в то время как за работу в тех профессиях, которые для них открыты, они получают совершенно неадекватное вознаграждение. Также было показано, что общество несет равную ответственность, поскольку оно не вмешивается в известные и признанные пороки. Можно назвать еще одну причину, по которой от ответственности нельзя уклониться, а именно: беспечность или, правильнее сказать, бессердечие, с которым относятся к женскому характеру. Стоит лишь вздохнуть подозрительно против ее честной славы, из какого бы гнусного источника она ни исходила, и вся мужская энергия направляется на ее уничтожение. "Она опустила, держите ее!" - это почти всеобщий крик, и этот злокачественный процесс продолжается до тех пор, пока жертва не будет принуждена к неприкрытой безнравственной жизни. Священное решение: "Пусть первым бросит камень тот, кто без греха среди вас" - полностью забыто, и самые яростные в своих обличениях часто оказываются теми, кто сам больше всех заслуживает порицания.

Вся сила мирового мнения направлена не на порицание виновных, побудивших их к преступлению, а на бедную страдальцу. Она, слишком часто становящаяся жертвой лжи и обмана или рабом крайней необходимости, должна искупать свою вину, терпя постоянную череду оскорблений и раздражений. Тот, чье поведение сделало ее такой, какая она есть, избегает всякого порицания. Но какой-нибудь моралист спросит: "Как, по-вашему, мы должны относиться к таким женщинам?" Относитесь к ним, сэр, как к человеческим существам, движимым теми же страстями, что и вы сами; как к существам восприимчивым, остро реагирующим на упреки; как к обиженным существам, претендующим на вашу

доброту; как к возмущенным существам, требующим от вас справедливости. Направьте их на путь, по которому они смогут избежать опасности; защитите невинных от ловушек, которые окружают их со всех сторон. А когда это будет сделано, вылейте ушат своего горячего гнева на тех представителей своего пола, чьи махинации погубили одно из самых прекрасных созданий Божьих".

Общественная ответственность должна пониматься в самом широком и буквальном смысле, как индивидуальная ответственность каждого члена общества. К сожалению, еще не пришло время, когда этот вопрос можно отдать в руки корпораций или законодательных органов. Прежде чем они смогут предпринять какие-либо удовлетворительные действия, их избиратели должны осознать их важность; и именно к мыслящим людям нашего времени обращены эти страницы, в полной уверенности, что, как только их симпатии будут задействованы, последуют действия общественности.

С этой целью была предпринята попытка показать вредные последствия запрета, разочаровывающие ожидания как средства уменьшения сифилиса или ограничения проституции; необходимость эффективных профилактических мер; и неэффективность, или даже хуже, чем неэффективность, местных мер, принятых в Нью-Йорке для достижения этой цели. Таким образом, путь для рассмотрения процесса исправления ситуации был открыт, и теперь, имея перед собой такие доказательства, читатель может искренне спросить, не считает ли он всерьез, что *было бы разумным шагом, вместо того чтобы пытаться искоренить это зло, поставить проститутку и проституцию под наблюдение медицинского бюро в Департаменте полиции?* Искоренение никогда не было и не может быть достигнуто ни в одном обществе; репрессии и ограничения, как предлагается, были опробованы и оказались успешными.

Если предположить, что ответ на этот вопрос будет утвердительным, а при беспристрастном рассмотрении фактов трудно представить себе иное, то следует обратить внимание на то, каким образом можно осуществить эти изменения.

Для того чтобы соответствовать требованиям дела, необходимо

- (1.) Подходящая больница для лечения венерических заболеваний;
- (2.) Законно уполномоченное медицинское обследование всех известных домов проституции, с полным правом распорядиться о немедленной доставке любой женщины, признанной инфицированной, в указанную больницу;
- (3) Право задерживать инфицированных лиц на лечении до тех пор, пока они не вылечатся, причем этот срок не может определять никто, кроме медиков.

Под подходящей больницей подразумевается учреждение, предназначенное для лечения подобных заболеваний, подобное специальным больницам Парижа и других континентальных городов, и полностью исключаящее всякую связь с какими-либо карательными учреждениями. Правила, предложенные для управления Островной больницей, когда она была переименована в Пенитенциарную больницу, ни в коей мере не отвечают насущным требованиям дела. Пенитенциарное учреждение, его сотрудники и заключенные должны быть полностью отделены от желаемой больницы, и ни один тюремный надзиратель или смотритель за преступниками не должен иметь никакой юрисдикции в ее стенах или на ее территории. Заключенные больниц слишком долго терпели глупое вмешательство людей, не являющихся врачами, и настало время, чтобы при руководстве и управлении зданиями, предназначенными для медицинских целей,

учитывались исключительно медицинские законы. Это особенно необходимо в сифилитической больнице, учитывая характер ее пациентов. *Никакое тюремное заключение в качестве наказания никогда не исправляло проституток и никогда не исправит; все сношения с заключенными, будь они хоть сколько-нибудь кратковременными, только укрепляют женщин в пороке.*

Тенденция тюремного заключения прямо противоположна любому исправлению, оно закрепляет прежние привычки, а не искореняет их. Инстинктивный страх перед тюремным заключением не позволил многим воспользоваться предлагаемыми им медицинскими преимуществами, особенно среди лучших и высших слоев хрупких женщин. Нам нужна больница исключительно для лечения сифилиса, с полномочиями помещать и содержать там всех больных женщин до излечения. Все детали могут быть продуманы таким образом, чтобы можно было провести соответствующую классификацию, основанную на степени моральной испорченности каждой из них. От всех, кто располагает средствами, можно и нужно требовать оплату за фактически понесенные расходы, и это внесет значительную сумму в покрытие расходов учреждения. Среди этих женщин в целом существует чрезмерная гордыня. Представительницы высшего класса не станут общаться с теми, кто ниже их по положению, и, по сути, смотрят на них примерно так же, как моралисты на все тело. Чтобы достучаться до них, необходимо применить либеральный подход. Но не будет ли это потворством пороку, потому что он одет в шелка или атлас? спросит кто-то. Совершенно точно нет. Пусть все будет как угодно, но такая больница, как описана, не будет поощрять порок, потому что в ней все должны подчиняться одному и тому же курсу лечения, различающемуся лишь незначительными аксессуарами, которые ее окружают.

Даже если бы все эти меры были подвержены возражениям, подобным вышеупомянутым, цель оправдывала бы средства. В настоящее время в городе Нью-Йорке содержится венерическая инфекция, достаточная для того, чтобы заразить все мужское население Соединенных Штатов за очень короткий промежуток времени. На основании официальной и медицинской статистики доказано, что эта болезнь стремительно растет, и первостепенный вопрос заключается в том, как избавиться от инкубатора. Жесткие запретительные меры не помогут, они только усугубят ситуацию. Карательные больницы не помогут; они уже опробованы и признаны несостоятельными. Свободные учреждения, по всей вероятности, смогут добиться гораздо большего, чем любые другие меры, которые когда-либо пробовали наши граждане. Это вопрос если не жизни, то уж точно здорового существования, и его неопределимая важность должна превозмочь все сомнения и трудности. Ввиду опасностей, окружающих наше подрастающее поколение, даже если предположить, что нынешние мужчины и женщины от них свободны, было бы совершенно непростительно отказываться от любого доступного плана из-за того, что какая-то из его особенностей может не удовлетворить все вкусы. Примите план, подобный предложенному, и если обнаружатся какие-либо недостатки, их можно будет легко устранить, как только опыт укажет на них. Этот план представлен не как идеальный, а лишь как набросок того, что необходимо.

Регулярное медицинское обследование всех проституток является неотъемлемой частью плана, и его организация должна стать предметом серьезного рассмотрения. Парижский план, который уже был представлен, мог бы стать очень хорошей основой; и соглашение, которое делает всю систему проституции открытой для эффективного полицейского надзора, и создание медицинского бюро в связи с этим для профессиональных целей, предлагается как наиболее желательное. Медицинское посещение, осуществляемое врачами, связанными с Департаментом полиции, и поддерживаемое властью этого органа, должно быть доверено людям с признанным мастерством и известной честностью. Для обеспечения

общественного доверия, столь необходимого в начале любого социального нововведения, необходимо, чтобы агенты, на которых возлагается его исполнение, были людьми с проверенной честностью и признанной репутацией, как профессиональной, так и личной. Малейший симптом болезни должен быть достаточным основанием для немедленной отправки любой женщины в сифилитическую больницу. Проживание любой женщины, будь то временное или постоянное, в известном доме проституции должно подвергнуть ее медицинскому освидетельствованию, так как это дает очень сильное предположение, что она находится там в аморальных целях.

В целесообразности медицинского осмотра проституток через определенные промежутки времени сомневаться не приходится, и, по сути, в настоящее время это практически признается некоторыми из содержательниц публичных домов в городе. Они платят врачу солидное жалование, чтобы он посещал их пансионерок каждые несколько дней с явной целью осуществления предложенного сейчас плана; он прибегает к лечению, когда находит это необходимым. Некоторые из самых аристократических домов проституции посещаются таким образом, но эта система используется в большей степени среди выходцев из континентальной Европы, которые сейчас содержат дома с дурной славой в Нью-Йорке, и которые, принеся в Новый Свет многие из обычаев старого, таким образом доказали пользу правил, введенных там.

Но хотя приехавший врач и может объявить девушку зараженной, у мира нет никакой гарантии, что она не продолжит свое занятие; и чтобы устранить все сомнения на этот счет, ее следует немедленно удалить в учреждение, где она не сможет распространять болезнь. Это должно быть сделано под совместным руководством врача и полиции. Среди проституток низшего сорта систематические посещения более настоятельно необходимы. Они не станут лечиться без принуждения, но пока их болезнь не примет такой характер, что невозможно будет и дальше скрывать ее от посетителей, они продолжают заниматься своим отвратительным и губительным ремеслом. Вершина амбиций для них - сохранить свободу; пока они могут заработать достаточно, чтобы обеспечить себе кров и удовлетворить жадный аппетит к опьяняющим напиткам, они довольствуются болями и разрушениями сифилиса, одинаково не обращая внимания ни на свои собственные страдания, ни на вред, который они наносят другим. В нашей практике были случаи, когда женщины продолжали придерживаться этого курса в течение многих недель после того, как узнали о своем заболевании, исключительно по указанным причинам.

Можно возразить, что подобный план будет способствовать разврату, поскольку уменьшит опасность заражения; но этот аргумент не имеет большого веса, поскольку вряд ли беспорядочные половые связи могут быть более распространены, чем в настоящее время. Похоже, что этот порок достиг своей кульминационной точки. Опыт доказывает, что во все века в мире было много людей, чьи страсти были настолько буйными и плохо регулируемы, что они достигали своего удовлетворения при любом риске, даже если этот риск включал в себя вероятность заражения венерической болезнью. Как в азартных играх каждый игрок надеется стать победителем, так и в плотских утехах каждый человек льстит себе, что, поскольку некоторые удовлетворяют свои похоти без вреда для здоровья в течение долгих лет, то и он сможет; что, поскольку до сих пор он избегал болезней в своих неблагоприятных похождениях, он может оставаться таким же удачливым до конца своей карьеры. Это, конечно, слабая зависимость, но на нее полагаются сотни и тысячи последователей той, чей "дом - дорога в ад".

Болезни сифилитического характера рассматриваются некоторыми людьми как особые наказания за особые грехи, и поэтому они утверждают, что попытка искоренить их была бы

вмешательством в порядок Провидения. Обсуждение теологического вопроса было бы совершенно неуместным на этих страницах, но на это предположение можно ответить параллельным случаем. Делириум тременс является результатом чрезмерного употребления опьяняющих напитков и может справедливо считаться особым наказанием за этот проступок; но знает ли кто-нибудь случай, когда те, кто возражает против лечения сифилиса, распространили хоть одно препятствие на случай с пьяницей? Если правильно принимать лечебные меры в одном случае, зачем исключать их в другом? Но даже если предположить, что лечение сифилиса не вызывает возражений в отношении виновных лиц, должны ли их потомки страдать из-за того, что родители согрешили? Если строгий медицинский осмотр создает дополнительные стимулы для проституции, снижая вероятность заболевания, он также гарантирует, что беспомощные жены и нерожденные дети не будут включены в список жертв. Обратитесь к тысячам замужних женщин, которые сейчас бездетны или страдают от аборт; спросите их мнение. Обратитесь к тысячам разочарованных мужей, чьи надежды на потомство были разрушены в результате их собственного юношеского распутства; спросите их мнение и посмотрите, какими будут ответы. Пойдите и спросите больных детей на острове Рэндалл, и в их истощенных рамах прочитайте их показания. Полученные таким образом доказательства станут неопровержимыми аргументами в пользу предложенного плана.

Невозможно представить, что принуждение больных женщин подчиняться определенному режиму лечения в специальной больнице влечет за собой какое-либо неоправданное вмешательство в их личную свободу. Право на совершение зла, будь то социальное, моральное или физическое, никогда не может существовать; малейшее размышление над такого предложения сразу же докажет его несостоятельность. Распространение венерической болезни - это позитивное зло, и, следовательно, женщина, которая страдает от нее и наверняка или скорее всего будет ее распространять, является таким же законным объектом для принудительного лечения, как и маньяк, которого мы можем найти бродящим по улицам города, или человек, страдающий оспой, желтой лихорадкой или любым другим заразным или инфекционным заболеванием. Если бы любой из этих случаев предстал перед любым членом общества, он ни на секунду не счел бы посягательством на личную свободу помещение субъекта под надлежащий уход и ограничение. Напротив, он подумал бы об опасности, которой подвергаются он и его семья, и, отбросив теорию, немедленно призвал бы к принятию оперативных и практических мер. Это все, что требуется от нас в отношении проституции. Если общественность будет однажды тщательно убеждена в масштабах и опасности сифилитической инфекции, против этих предложений найдется совсем немного возражающих. Среди них основную часть, несомненно, составят рекламные эмпирики, чьи отвратительные объявления занимают так много места в колонках наших ежедневных журналов. То, что они получают большой доход из этого источника, бесспорно, и так же бесспорно, что если бы рекомендации были приняты, они бы обнаружили, что их "занятие пропало". Если говорить откровенно, то в их отсутствие о здоровье, порядочности и нравственности города заботились бы лучше, чем сейчас, при всех сочетаниях их "необычайного успеха", "непревзойденного опыта" и "беспрецедентных возможностей". С финансовой точки зрения, деньги, которые они вымогают (мы воздерживаемся от использования более жесткого термина) у своих доверчивых пациентов, можно было бы применить гораздо лучше, чем вклад в их богатство.

Дальше: Такие учреждения и организации, как описанные выше, были бы бесполезны, если бы не обладали абсолютной властью удерживать каждого пациента на лечении до тех пор, пока он не будет вылечен. Какая бы модификация принципа или способа действия ни была принята в конечном итоге (а рано или поздно *что-то должно быть сделано*), это является обязательным условием. Половина опасности венерической инфекции возникает из-за

несовершенства лечения. При существующей системе, как уже объяснялось, можно почти за символическую плату выписать ордер на вывоз любой или всех проституток, находящихся в лечении на острове Блэквелл; и такое злоупотребление ценной привилегией из-за простых технических ошибок должно быть фатальным для успеха любого проекта по исправлению ситуации. Адвокат может обратиться в суд с ходатайством о том, чтобы судно, задержанное в карантине Советом здравоохранения по причине заражения желтой лихорадкой, было доставлено на пристань в этом городе и получило разрешение распространять болезнь на борту, так же как и тот же человек может обратиться в суд с ходатайством о выдаче *сертиорари*, в результате которого брошенная женщина, зараженная болезнью, будет изъята из лечебного учреждения, где она проходит лечение, и получит возможность распространять венерический яд на всех, кто может иметь с ней половую связь. Это не следует понимать как желание ограничить конституционные привилегии, которыми обладают судебные приказы *habeas corpus* или *certiorari*, но лишь как их применимость к случаям, подобным предполагаемому. Как можно предотвратить это зло? Просто сделав любое законодательное постановление по этому вопросу настолько простым, чтобы его нельзя было понять неправильно или обойти. Ни один юрист не найдет никаких трудностей в составлении короткого закона, дающего полицейскому управлению право на основании показаний, данных членом медицинского бюро, доставить любую больную женщину в соответствующую больницу и *держат* ее там до выздоровления.

Случайному наблюдателю может показаться, что это задержание будет иметь ту же природу, что и тюремное заключение, предусмотренное существующим режимом, но если немного подумать, то можно обнаружить существенную разницу. Итак, мы заставляем женщину стать заключенной пенитенциарного учреждения и позорим ее болезнь, считая ее виновной в преступлении. Затем мы должны потребовать, чтобы она стала пациенткой больницы, и при этом не будет никакого дополнительного позора, кроме того, что она заразилась сифилисом в результате порочных привычек. В первом случае мы сделаем ее спутницей самых мерзких несчастных на земле, а во втором - у нее не будет никого, кроме представителей ее собственного класса.

Медицинское бюро, которому должны быть доверены эти реформы, хотя и связано с Департаментом полиции, должно быть независимым органом в том, что касается профессиональных обязанностей. Его связь будет необходима, потому что будет много случаев, требующих вмешательства гражданской власти; и его изоляция будет не менее важна, потому что многое будет зависеть от усмотрения экспертов, и может возникнуть много непредвиденных ситуаций, когда строгая линия рутинных обязанностей будет противоречить поставленной цели. Это будет буквально "корпус детективов", и при известном объеме обязанностей они должны будут сами выбирать способ их выполнения. Любые определенные договоренности или приказы со стороны немедицинского совета только затруднили бы их действия, так как медицинские и немедицинские руководители всегда вступают в конфликт, когда они нацелены на одну общую цель.

Разумеется, главным требованием в их инструкциях должно быть строгое и тщательное обследование. Никакие полумеры в этом отношении не смогут удовлетворить абсолютные требования случая или оправдать ожидания общества. Мир должен четко понимать, что от Медицинского бюро требуется бескомпромиссное и бесстрашное выполнение всех своих обязанностей, и что его члены - люди, которые не уклонятся от ответственности. В ходе их расследований будет происходить множество случаев, когда их услуги будут ценны для общества, выходя за рамки профессионального долга. Не следует ожидать, что они станут евангелистами, но они могли бы стать добровольными и эффективными соратниками тех, кто

стремится нести Евангелие этим бедным униженным существам; и даже слушая рассказ о телесных страданиях, могли бы возникнуть случаи, когда действия доброго самаритянина были бы необходимы от их рук. Они будут хранителями многих историй о несправедливости и бесчинствах, о горе и страданиях, и неразумно полагать, что среди историй, влитых в их уши, некоторые укажут канал, по которому потерянный человек может быть возвращен к дому, друзьям и добродетели, или укажут на некий аккорд в сознании, который отзовется, когда его коснется рука жалости[430].

Принятие этих предложений будет, по крайней мере, шагом в правильном направлении и заложит основу системы, которую можно будет постепенно расширять, пока она не охватит правила регистрации, управления домами дурной славы и т. д., в той же степени, как это делается сейчас в Европе.

И здесь не будет лишним сказать несколько слов о системе лицензирования. Правильность выдачи лицензий и превращения порока в своеобразный доход вызывает серьезные возражения, но, с другой стороны, признанные социальные пороки и раньше приносили доход в государственные фонды. Свидетельство тому - торговля горячительными напитками. Город уже давно получает значительный доход от лицензий на продажу спиртных напитков. Многие мудрые и добрые люди утверждают, что продажа или употребление опьяняющих напитков - это не только безусловное зло, но даже преступление; они придерживаются этих взглядов и публично заявляют о них на протяжении многих лет, но система лицензий все равно сохраняется. Вопрос о том, не подлежит ли проституция налогообложению в той же мере, что и пьянство, и если бы обе они облагались одинаковыми налогами, должны ли мы, как единое целое, нести большую ответственность за результаты той или иной деятельности, может быть решен. Заметим, что ежегодный налог в один процент на имущество, занимающееся проституцией, и аналогичный налог на доходы домов, пользующихся дурной славой, составил бы более ста тысяч долларов.

Приведенный здесь план не только не приведет к расширению проституции, но, напротив, почти не вызывает сомнений, что он ее остановит. Даже если этого не произойдет, общество получит выгоду от санитарной реформы, которую оно проведет. В бедных кварталах многие бордели представляют опасность для здоровья населения из-за своей тесноты и чрезмерной грязи, как и сами сифилитичные заключенные. Такие заведения вполне законно могли бы войти в компетенцию медицинских инспекторов, а их доклады полицейскому начальству обеспечили бы немедленное внимание.

Такие посещения способствовали бы укреплению общественной морали. Эти дома, или их большое количество, являются местом обитания всевозможных нечестных личностей, которые, несомненно, покинули бы их, по крайней мере, в качестве места жительства, если бы знали, что в любой момент могут подвергнуться домашнему визиту. Опять же, почти каждый человек помнит какую-нибудь женщину, которая ушла из дома и не была найдена, потому что надежно спряталась в одном из этих домов проституции; по крайней мере, нередко можно прочитать о таких случаях в ежедневных газетах, сопровождаемых рассказом о безуспешных поисках ее друзей и полиции. Подобные случаи не могли бы иметь места, если бы все известные дома с дурной репутацией находились под *наблюдением* Департамента медицинской полиции.

Также неразумно надеяться, что проституция уменьшится. В последние годы она процветала в уединении, но наш план сделает уединение невозможным. Уединение привлекает многих несчастных женщин, которых стыд или страх разоблачения отпугнули бы, если бы они знали, что дома с дурной славой всегда открыты для визитов полиции, или что каждые несколько

дней врач будет совершать инспекцию и личный осмотр, которому они должны подчиниться. Вообще говоря, эти женщины боятся попасть в руки врача, и в нынешних обстоятельствах они знают, что медицинский осмотр необязателен для них самих, пока они не заболеют настолько, чтобы сделать его неизбежным. Но если бы их жалкая жизнь была обременена дополнительным раздражающим фактором в виде принудительного лечения, то, вероятно, можно было бы существенно сдержать этот процесс.

Такие визиты будут способствовать соблюдению общественных приличий. Для эффективного выполнения своих обязанностей Медицинское бюро и Главное полицейское управление сочли бы необходимым лично познакомиться с этими женщинами и вести реестр всех домов, где занимаются проституцией. Запрет на проституцию, который привел ее в состояние секретности, также затрудняет определение немощных. Проститутки можно встретить в отелях, фешенебельных ресторанах, на пароходах, водоемах и в пригородных уединениях. Они посещают балы и другие публичные развлечения; иногда по принуждению, но чаще потому, что их не знают. Нет нужды говорить о том, как добродетельные женщины могут быть раздражены и оскорблены таким общением, и до какой степени проститутки могут использовать свое влияние в разношерстном обществе. Если бы полиция была лично знакома с этими женщинами, она могла бы действовать так же, как на континенте Европы, а именно: трогать их за плечо и спокойно намекать, чтобы они уходили. Или же можно было бы легко ввести другую реформу - поместить всех проститутки в определенные районы города, чтобы ограничить их влияние. Это было бы равносильно древним правилам, предписывающим им носить одежду или какой-нибудь отличительный знак, а также нынешним европейским договоренностям, где дома отличаются какими-то определенными особенностями. Это также предотвратило бы обесценивание имущества, которое происходит в любом районе, где есть публичный дом.

Общественные приличия будут соблюдены и другим способом. Приходится признать, что Нью-Йорк быстро приближается к состоянию некоторых зарубежных городов, где противоестественная практика впервые привела к рассмотрению и принятию этих или подобных мер по исправлению ситуации. В нашем случае *они известны властям*, но настолько отвратительны, что никогда не были и не могут быть обнародованы. Разумеется, такая организация будет уделять особое внимание этим отвратительным мерзостям.

Можно выдвигать возражения против расходов на реализацию этого плана, и нельзя отрицать, что они будут значительными, но в целях экономии их придется понести, даже рискуя увеличить налогообложение, *чего не произойдет*. Вспомните, что с каждым годом, по мере ослабления вирулентности сифилиса, причина расходов будет уменьшаться, и что в прямом соотношении с энергией, проявленной в обследовании, будет происходить постепенное сокращение расходов. Уже было указано, как можно заставить некоторых пациентов сифилитической больницы, от которых до сих пор ничего не получали, внести свою долю в расходы. Теперь все расходы несет население, либо в виде взносов, либо в виде частных платежей при отдельных приступах. Величина последней статьи уже была оценена, и если бы можно было дополнительно подсчитать стоимость потерянного времени, ущерб для бизнеса и ухудшение конституции, то общая сумма за один год была бы более чем достаточной для осуществления всего этого плана в течение вдвое большего времени.

Кроме того, было бы экономически выгодно произвести эти расходы, учитывая пользу для последующих поколений. Сифилис не ограничивается жизнью мужчин или женщин, заразившихся им, а распространяется на их потомков. Эти люди, если только они переживут

его пагубное воздействие в младенчестве, будут умственно и физически неприспособленными к бизнесу или активным занятиям, и, следовательно, часто будут обязаны средствами к существованию своим друзьям или общественным учреждениям. Если удастся устранить подверженность родителей этому заболеванию, не нужно будет опасаться за их детей.

Мы не настолько сангвиничны, чтобы полагать, что все перечисленные выше положительные эффекты могут быть достигнуты *мгновенно*. Это дело времени, но чем раньше оно начнется, тем лучше для всех заинтересованных сторон. Многие скажут: "О! Эти беды нас не касаются; эти болезни никогда не повредят ни нам, ни нашим близким; зачем нам беспокоиться, тратить деньги, время и внимание на такие вопросы?" Остановитесь, читатель! *Пока существуют человеческие страсти и пока можно получить средства для их удовлетворения, вы и ваши близкие можете и будете, нет, уже страдаете от них, прямо или косвенно.* Первый вопрос, который должен задать себе любой гражданин, - можно ли отменить проституцию, можно ли ее подавить? Если на этот вопрос будет дан отрицательный ответ, а так оно и должно быть, то следующий вопрос подведет его к той точке, которая должна быть достигнута на этих страницах, а именно, к средствам, которые должны быть приняты для ограничения и уменьшения ее последующих болезней и зол.

В последнее время этот вопрос привлекает к себе внимание в Англии, и планы по смягчению зла обсуждаются публично. Главными причинами жалоб, или, по крайней мере, теми, которые были выдвинуты на первый план, были скопления проституток на улицах, раздражение, которое они вызывали у пассажиров, и беспорядочный характер "ночных домов". Этим термином в Лондоне называют публичные дома, столовые, винные и сигарные салоны и т. д., которые расположены рядом с театрами и местами общественных развлечений и, будучи открытыми всю ночь, становятся прибежищем для проституток. В январе прошлого (1858) года в Лондоне состоялось общественное собрание для консультации по поводу этих бедствий, и замечания, сделанные некоторыми из выступавших, настолько соответствуют общей направленности этой работы, что их стоит привести. Справедливости ради следует отметить, что предыдущая часть этой главы была написана за двенадцать месяцев до того, как был опубликован отчет об этом собрании.

Председатель отметил, "что он рад видеть столь широкий интерес к этой теме и надеется, что это приведет к каким-то практическим результатам". На самом деле, усугубить зло было бы невозможно, поскольку ни в Париже, ни в Берлине, ни в Нью-Йорке, ни даже в городах Азии не было такой публичной демонстрации распутства".

Были представлены и приняты следующие резолюции:

"Решено, чтобы депутация как можно раньше прибыла к сэру Джорджу Грею с целью самым уважительным, но искренним образом довести до сведения правительства ее величества необходимость принятия эффективных мер для пресечения открытой выставки уличной проституции, которая в различных частях метрополии, особенно на таких важных магистралях, как Хеймаркет, Ковентри-стрит, Риджент-стрит, Портленд-плейс и других прилегающих местах, осуществляется с пренебрежением к общественным приличиям и в такой степени, как это не допускается ни в одной другой столице или городе цивилизованного мира.

"Поручить этой депутации настоятельно рекомендовать правительству Ее Величества следующие меры, с помощью которых, как полагают, можно будет эффективно бороться со злом, на которое жалуются:

"Во-первых, обеспечение соблюдения, по систематическому плану и с помощью специально назначенного и проинструктированного для этой цели департамента полиции, положений 2-го и 3-го законов Виктории, сар. 47, в отношении уличной проституции, которые в некоторых местах до сих пор выполнялись с наилучшим эффектом, а в других были неэффективны только потому, что действовали частично, а не по единой системе.

"И, во-вторых, принятие закона о лицензировании и установлении надлежащих правил, касающихся надзора и часов закрытия, для всех увеселительных заведений или заведений с закусками, предназначенных для открытия для публики после определенного часа, поскольку общественности известно, что заведения такого рода, известные как ночные дома, став местом, куда стекаются толпы проституток и других праздных и беспорядочных людей в любое время ночи, в значительной степени способствовали нынешнему позорному проявлению уличной проституции.

"Чтобы внимание правительства было также направлено на количество иностранных проституток, систематически ввозимых в эту страну, и на средства борьбы с этим злом".

Суть одного из выступлений на эту тему сводилась к следующему:

Оратор "просил напомнить собранию, что благодаря действиям полиции уже произошли изменения в облике Хеймаркета и Риджент-стрит, на которые раньше так много жаловались. Ощущение того, что общественное внимание приковано к их классу, привело к соответствующим изменениям в одежде и поведении женщин, часто посещающих эти улицы; и цели этой ассоциации до сих пор были в порядке. Сильно угнетающие, или, как деликатно говорили некоторые, репрессивные меры могли быть осуществлены только путем вмешательства полиции, несовместимого с предрассудками английского народа, который не склонен отказывать в большой степени личной свободы лицам даже самых беспорядочных классов, не лишенным полностью своих гражданских прав. Если бы ассоциация стала выступать за то, чтобы акт проституции влек за собой такое лишение прав и полное избавление лондонских улиц от присутствия проституток, то вскоре обнаружила бы, что руки у них заняты. Если бы они не считали возможным полностью истребить этот порок, они бы обнаружили, что его массовое удаление с улиц потребует регистрации, лицензирования и заключения в определенных разрешенных кварталах или улицах, как это принято за рубежом; но такие ограничения повлекут за собой более широкое признание и легализацию, чем это было до сих пор, и настолько широкое, что это будет очень неприятно для того, что называется религиозной общественностью. Было бы явно несправедливо освобождать от давления похожую на леди преуспевающую блудницу, в то время как жалкая, вульгарная, накрашенная изгойка, поскольку она несколько выделялась на общем фоне, подлежала отправке в полицейскую камеру и опочивальню. Собрание должно знать, что среди полумиллиона лондонцев уже сложилось впечатление, что полиция и так достаточно строга, и что это мнение разделяют многие интеллигентные люди, не нищие и не преступники. Они должны помнить, что многие джентльмены с характером провели ночь в полицейской камере за то, что вмешались в защиту проституток от полиции. И эти настроения очень опасно усилятся, если давление полиции будет удвоено или, как некоторые считают, удесятерено. Полицейские тоже - люди, вышедшие из того же класса общества, что и эти женщины-правонарушительницы, - как никто другой, были склонны к тому, чтобы не отвлекаться от работы по освобождению глаз и ушей джентльменов от присутствия тех, чье положение они не замедлили связать с планами и желаниями джентльменского класса. Он не считал, что право дискриминации можно смело доверить плохо оплачиваемым констеблям столичной полиции, а ассоциация некоторых плательщиков с полицией в качестве свидетелей, на которую намекнул один из делегатов,

вскоре, если бы она была установлена, канула бы в Лету. Для того, чтобы удовлетворительно остановить это зло, он рекомендовал бы учредить специальную службу уличных санитаров или контролеров в униформе, хорошо оплачиваемую, высшую, умеренную и сдержанную категорию мужчин, чьи функции должны заключаться в наблюдении, а не в шпионаже за всеми проститутками, особенно за теми, кто ходит по улицам, и чье обращение, в отличие от шатания и посещения определенных мест, они должны настоять на этом. Они должны действовать не угрозами, а уговорами, советами, внушениями; но в случае неповиновения должны иметь право вызвать регулярную силу. Он считал, что право входа и осмотра всех мест, пользующихся дурной славой, должно принадлежать министру внутренних дел и его делегатам, и это будет достигнуто наименее деспотично с помощью надлежащей системы лицензирования. Принудительная концентрация здесь недопустима, но концентрация ценна тем, что позволяет поставить безнравственность под контроль. Приходские крестовые походы, хотя и были *на первый взгляд* благом для общества, часто приводили к распространению коррупции. В Кембридже вспоминали, что, когда некий проктор очень часто посещал деревню Барнуолл, где укоренились паразитические пороки этого университета, люди, о которых шла речь, далеко не исцелялись и не обращались, а лишь расширяли радиус своего действия на более сельские деревни. Они были так скоро испорчены, что приходское духовенство обратилось в университет с просьбой ограничить чуму Барнуолла старыми границами и не выпускать ее на волю в более простых приходах. Известно, что за изгнанием проституток из Брюсселя последовало то же самое, и нельзя было предположить, что попытка задушить рост безнравственности путем разбрасывания ее семян, которая оказалась неосуществимой в условиях мощной дисциплины английского университета и бельгийской столицы, может дать результат среди этого огромного, а когда он пробудился, неуправляемого населения. Выселенцы с Нортон-стрит, в приходе Всех Душ, спокойно поселились в соседнем приходе. Несжимаемый, как вода, порок лишь сдвинулся с места, и с точки зрения морали от этой перемены было больше вреда, чем пользы".

Эти высказывания не нуждаются в пояснениях. Через несколько дней после встречи в лондонской *"Таймс"* появилась передовая статья. Следует помнить, что на протяжении многих лет политика руководства этого журнала заключалась в том, чтобы сделать его скорее выразителем, чем лидером общественного мнения, и то значение, которое обычно придается ему, проистекает из знания этого факта. Мы приводим статью почти полностью.

"Есть очень неприятная тема, которую мы вынуждены, хотя и с большой неохотой, довести до сведения общественности, поскольку возникла необходимость привлечь к ней общественное мнение. Многие священнослужители и джентльмены сейчас объединяются для того, чтобы в какой-то мере справиться с таким печально известным злом, как уличная проституция. Мы искренне желаем оказать им всю возможную поддержку, пока они ограничиваются разумными мерами сдерживания и подавления. Не будем питать никаких иллюзорных надежд; было бы просто глупо полагать, что зло, против которого мы сейчас направляем свои усилия, может быть уничтожено сильной рукой власти. С моральными, как и с физическими болезнями, бесполезно ожидать полностью удовлетворительного результата от лечения симптомов; может быть облегчение, может быть уменьшение расстройства, но совершенного излечения не будет. *Все, что направлено на повышение стандартов общественной морали, также будет направлено на снижение уровня проституции.* В этом случае мы имеем дело с двумя сторонами: с искусителем, скажем, и с искушаемым; с мужчиной и с женщиной. Вероятно, именно о первой из них мы должны в первую очередь беспокоиться, если хотим добиться серьезных результатов. Именно от священного действия семейной жизни, от тысячи влияний, которые она оказывает на умы и поведение людей, мы должны в первую очередь зависеть, если хотим увидеть заметное

уменьшение числа тех несчастных существ, которые сегодня шествуют по нашим улицам. Пусть однажды поймут, что безнравственность даже среди своих друзей и соратников - это то, чего следует стыдиться, и по крайней мере мы должны избавиться от заразы порока. Было время, и это время не так уж и далеко, когда британский джентльмен - мы говорим обо всех трех внутренних частях империи - по ночам шатался или его несли в постель навеселе, а то и вовсе пьяным. В наши дни человека, который таким образом выставляет себя напоказ, приравнивают к животному, а его общества избегают все, кто ставит во главу угла собственное доброе имя. В этом отношении нравы эпохи заметно улучшились. Конечно, общественное мнение может быть направлено как против одного порока, так и против другого. Возможно, придет время, когда мужчина не захочет предстать в священном кругу своей матери, сестер и других родственников, благоухающих тайной безнравственностью. Совесть может включить как бычий глаз, так и полицейского, и преступник может оказаться самоосужденным, хотя никто, кроме него самого, его не осуждал.

"Однако влияние, о котором мы говорим, развивается медленно и не может быть ускорено рукой власти. Стало быть, необходимо сразу же разобраться с определенными результатами. Мы с большим стыдом говорим, что ни в одной столице Европы нет такой бесстыдной демонстрации проституции, как в Лондоне. В Париже, в Вене, в Берлине, как всем известно, порока предостаточно; но, по крайней мере, ему не позволяют шествовать по улицам, искушать слабых, оскорблять и вызывать отвращение у всех здравомыслящих людей. Если кто-то хочет увидеть зло, о котором мы говорим, в его полном развитии, пусть пройдет по Хеймаркету и его окрестностям ночью, когда открыты ночные дома и устричные лавки. Не так-то просто пройти по ним, не подвергаясь приставаниям. На Риджент-стрит, Стрэнде, Флит-стрит царит та же атмосфера, но в меньшей степени. Мы прекрасно понимаем, что, если бы завтра все несчастные существа, шествующие по этим местам, были сметены с лица земли, если бы ночные дома и устричные магазины были закрыты полицией, мы бы не подавили безнравственность. Мы, однако, убрали бы это зло с глаз тех, кто испытывает отвращение и раздражение от его проявления; и, более того, мы убрали бы его с глаз тех, кто, возможно, если бы не соблазнился видом этих возможностей, не пал бы.

"В качестве одной из практических мер по борьбе с проституцией все эти и другие ночные дома могут быть поставлены под надзор полиции. Лицензии на их открытие и содержание могли бы выдаваться только тем лицам, которые дают определенные гарантии своей респектабельности. Их можно было бы заставить закрываться в определенные часы; в сущности, общество могло бы терпеть практически любые неудобства, причиняемые их посетителям. В двух других аналогичных случаях с подобным злом боролись подобным образом, и с самыми счастливыми результатами: мы говорим об игорных домах и букмекерских конторах. Безусловно, люди, твердо решившие играть и заключать пари, добьются своего и сейчас, но, по крайней мере, сумма зол от этих двух пороков значительно уменьшилась с тех пор, как общество решило отказаться от их признания. Англия не должна давать *экзекватуру* проституции. Это одно, что можно попробовать; другое - придать большую силу положениям, которые, как мы полагаем, уже существуют в полицейских актах, где полиция уполномочена пресекать приставания и сборища проститутток на общественных улицах. В таком случае мы должны растоптать слоновьей ногой определения и исключительные случаи и идти прямо к результату. Правило во всех подобных случаях - дать полномочия и оставить их на усмотрение властей, чтобы они применяли их только в надлежащих случаях. Сегодня мы имеем достаточно гарантий того, что таким усмотрением нельзя злоупотреблять.

"Итак, вот две вещи, которые можно сделать, не открывая никаких провидческих окопов. Полиции можно дать указание разбираться с проститутками так же, как они поступают с нищенками, а центры загрязнения окружающей среды можно поставить под надлежащий контроль.

"Мы прекрасно понимаем, что в такой столице, как Лондон, безнадежно ожидать, что порок такого рода может быть полностью исключен из каталога наших национальных грехов, но, по крайней мере, пусть на его пути будет как можно больше трудностей. И снова: благожелательные люди, взявшиеся бороться с этим чудовищным злом, утверждают, что ввоз иностранных проституток или, что еще хуже, еще не загрязненных девушек для целей проституции можно было бы пресечь гораздо сильнее, чем это делается сейчас, и, возможно, почти полностью предотвратить. Несомненно, Англия не желает свободной торговли проституцией. Превентивные меры по этому вопросу сопряжены с трудностями, но это не повод для отчаяния, а повод для дополнительных усилий. По этому вопросу были проведены очень многочисленные и влиятельные собрания, и мы предрекаем их успех. Не было проявлений ультрапуританской строгости, не было попыток разобраться с невозможностями. Ораторы в основном утверждали, что с публичной демонстрацией проституции можно успешно бороться, даже если этот порок находится за пределами их досягаемости. Наши улицы, по крайней мере, могут быть очищены от публичного скандала, позорные ночные дома могут быть лишены своей силы разврата, содержатели борделей могут быть поставлены под плеть закона, а ввоз иностранных проституток может быть уменьшен, если не прекращен совсем, если общественность серьезно отнесется к этой теме. Таковы основные положения, на которых настаивали ораторы; по крайней мере, их взгляды заслуживают обсуждения".

Этот план призван ограничить проституцию, поставив ее под *наблюдение*. Он не требует дополнительной системы лицензирования, так как каждый публичный дом, винный магазин или сигарный салон в Лондоне, независимо от того, открыт он днем или ночью, независимо от того, принадлежит ли он к респектабельному или аморальному классу, требует лицензии в соответствии с акцизными законами. Только что процитированные предложения призывают к тому, чтобы разрешение на содержание этих увеселительных заведений было ограничено и "выдавалось только в случае лиц, дающих определенные гарантии своей респектабельности". Читателю необходимо помнить, что "ночные дома" - это не дома проституции, а всего лишь курорты для проституток, как уже говорилось, поскольку в противном случае естественным будет утверждение, что *Times* предлагает лицензировать публичные дома. Эти два понятия настолько различны, насколько это возможно, и было бы так же последовательно называть некоторые из модных устричных салонов и ресторанов Нью-Йорка заведениями с дурной славой, потому что туда прибегают брошенные женщины, как и относиться к этому каталогу "ночные дома" Лондона. Это просто места для общественного питания по соседству с театрами, рынками и т. д., которым разрешено оставаться открытыми всю ночь в соответствии с предполагаемой общественной потребностью, и хотя, судя по характеру их посетителей, их нельзя считать школами морали или приличия, тем не менее в них не происходит проституции. Интересы владельцев защищают от этого, так как это немедленно привело бы к отзыву лицензий и, следовательно, к полному закрытию заведения.

Если поставить курорты лондонских проституток под это ограничение, то многое будет выиграно с точки зрения общественного приличия улиц и перевозки пассажиров, но не будет наложено никакого возможного контроля на бедствия болезней. Выдвинутое на собрании предложение о лицензировании публичных домов позволило бы это сделать, но,

как и предполагал оратор, "это будет очень неприятно для религиозной общественности", и акт признания будет немедленно истолкован как акт одобрения или, по крайней мере, санкции. То, что он не заслуживает такого порицания, должно быть очевидно. Единственное одобрение или санкция на этот порок, по сути, заключались бы в том, чтобы сказать содержателям домов с дурной славой: Мы не будем пытаться закрыть ваши двери, поскольку знаем, что это невозможно, но мы будем требовать права входить в любой момент, чтобы наблюдать за вашими действиями.

Когда-то было непреложной политикой выбирать меньшее из двух зол, если приходится выбирать одно, и если британское правительство будет лицензировать публичные дома, оно, несомненно, примет эту теорию. Для населения Лондона такая толерантность будет представлять меньшую опасность, чем неизвестные, ненаблюдаемые куртизанки, которые преследуют их улицы. Многие внешне респектабельные мужчины пойдут за женщиной в дом проституции, если он ведется тихо и скрытно, и будут колебаться, прежде чем сопровождать ее в известный и лицензированный бордель, в то время как многие незнакомцы, которые могут датировать свое физическое уничтожение, а возможно, и потерю характера и чести, с того часа, когда он вошел в частный дом проституции, были бы избавлены от горьких воспоминаний, если бы официальное признание его истинного характера встретило его на пороге и намекнуло, что это место обитания брошенных и порочных. В Лондоне, как и в Нью-Йорке, мы не верим, что незаконные сексуальные отношения могут быть распространены в большей степени, чем сейчас; поэтому не следует опасаться роста порока от любых мер, направленных на устранение некоторых скрытых и фатальных последствий распущенности.

В противовес публичной демонстрации безнравственности на улицах Лондона можно привести следующее описание проституции в Париже. Оно взято из иностранной корреспонденции одного из нью-йоркских журналов:

"Париж, четверг, 27 мая 1858 года.

"В одном из последних писем по поводу "поворотных ящиков" при больницах для подкидышей я говорил о неприятии протестантскими общинами любого официального компромисса с одним грехом ради уничтожения большего; ибо то, что тайный прием государством незаконнорожденных детей в огромной степени способствует искоренению преступления детоубийства, хотя в целом и не увеличивает число этих несчастных детей, слишком хорошо доказано статистикой, чтобы оставаться вопросом для обсуждения. Но у нас есть другой и более яркий пример этого отвращения к сговору с одним злом, чтобы задушить другое, и еще более яркий - отсутствие законодательства в протестантских странах по вопросу проституции.

"В течение многих месяцев, как вы знаете, муниципальные служащие, церковные старосты и лондонские журналы были взволнованы именно этим вопросом о проституции; и неудивительно. Достаточно покинуть Париж и внезапно оказаться на улицах Лондона в поздний вечерний час, чтобы понять, насколько взволнованы его жители по этому поводу. Для француза пересечь Ла-Манш - все равно что переплыть реку Стикс; он внезапно попадает в столпотворение уличного беспорядка и пьяной разнузданности, к которым он не готов. Он вспоминает ужасную картину Мери в "Незиме" и не находит ее преувеличенной. Он не видит ничего подобного в своем городе и удивлен безмерно, ведь его учили верить в пуританство протестантских стран.

"Когда американец или англичанин, привыкший к отвратительным ночным сценам Нью-Йорка или Лондона, впервые приезжает в Париж, он поражается полному отсутствию подобных сцен на наших улицах. Возможно, у него сложилось впечатление - как и у

большинства иностранцев, - что проституция, веселье и пьяный разврат царят здесь днем и делают ночь ужасной. Но он забывает, что прибыл в город, где есть законы и полиция для их исполнения, в город, где утонченность и приличия жизни доведены до крайнего совершенства, и где такая распушенность и разврат, какие преобладают в английских и американских городах, абсолютно противоречили бы духу и привычкам людей. Читатель должен заметить, что я говорю не о нравах народа, а о его представлениях о приличиях и пристойности жизни; о том, что полагается приличиям и обычному уважению к внешности.

"Это чрезвычайное внимание к внешности, по сути, является одной из главных привлекательных сторон проживания в Париже. В городе нет не только неживой, но и живой грязи; по крайней мере, вас не заставляют ее видеть, если вы этого не хотите. В Лондоне ни одна дама не смеет выйти на улицу без присмотра после 8 часов вечера, а после 11 часов у нее будут оскорблены глаза и уши, как бы хорошо ее ни обслуживали, тогда как в Париже она может оставаться на улицах до любого часа ночи, и ни глаза ее не будут оскорблены, ни уши.

"Как же достигается этот счастливый результат? В 1851 году в официальном реестре полиции Парижа значилось 4300 публичных девушек; сейчас их число можно назвать равным 5000. Эти девушки и дома, в которых они живут, подвергаются ряду строгих законов, которые делают их нездоровыми и вредными для общества; полиция придерживается принципа, что, поскольку невозможно подавить зло, оно должно быть сделано как можно более вредным для общественного глаза и общественного спасения. Все эти дома обязаны закрываться ровно в 11 часов. Девушки обязаны оставаться в доме, а окна всегда закрыты ставнями, днем и ночью. Нескольким девушкам разрешается, то тут, то там, ходить вверх и вниз перед дверью ровно с 7 до 11 часов, но приставать к прохожим запрещено законом. Дома посещают раз в неделю медицинский и обычный инспектор - настоящие инспекторы, назначенные правительством, а не подковерные политики.

"Другой класс девушек, и гораздо более многочисленный, - это те, кто часто посещает публичные балы, концерты и театры, - девушки, которые живут одни в публичных ночлежных домах, и которые, в большинстве своем, не занесены в полицейские книги и не подчиняются обычным санитарным правилам. Но этой категории не больше, чем остальным, позволено на улице или в своих любимых вечерних заведениях приставать к людям с целью коммерции. На улицах и в общественных балаганах полно полицейских в штатском, в чьи обязанности входит выявлять таких девушек, нарушающих закон в отношении обращения к людям, и заносить их имена в полицейские книги, требуя от них получения лицензии и соблюдения всех полицейских правил, касающихся нового класса, в который они попали. Поскольку девушка считает себя навсегда потерянной, когда ее имя однажды занесено в полицейскую книгу, и поскольку она никогда не знает, когда на нее может обратить внимание офицер, она старается как можно реже нарушать этот закон, запрещающий приставать к людям. Представители этого класса всегда элегантно одеты; известно даже, что они первыми иницируют и распространяют те самые моды, которые облетели весь мир, как последние парижские моды. Многие из них сдержанны и элегантны в своих манерах и требуют пунктуальности в этикете, которая была бы неуместна в самом аристократическом салоне. Но одним из главных подспорьев парижской полиции в поддержании общественного приличия в этом классе является тот факт, что они не употребляют крепких напитков; пьяную публичную женщину никогда не увидишь. Поскольку спиртное является величайшим дебоширом человечества, этот факт проводит четкую линию различия между этим классом здесь и в Англии и Соединенных Штатах. Подавляющее большинство не теряет самоуважения и заботится о своем здоровье, надеясь впоследствии исправиться и выйти

замуж. Здесь это правило, в то время как в Англии и Соединенных Штатах они бросают себя как можно быстрее.

"Таким образом, модные набережные Парижа, публичные балы и даже сады могут посещаться дамами и детьми в любое время вечера и ночи, и при этом ни разу не было замечено ни одного из этих оскорбительных движений публичных женщин, столь распространенных на улицах английских и американских городов. Сравните это положение вещей с Лондоном. Пусть читатель, если он когда-либо жил там, вспомнит Стрэнд, Хеймаркет, Пикадилли, Лестер-сквер и Риджент-стрит - фешенебельные деловые кварталы города. Не стоит вступать в описание такой сцены. Это освежает его исторические воспоминания об упадке Рима; его имя должно быть Платон, чтобы смотреть на такие достопримечательности. Улицы кишат пьяными и нецензурно говорящими молодыми девушками, часто совсем детьми; и когда я говорю "кишат", я имею в виду, что вам приходится проталкиваться, чтобы пробраться через них. Странно ли, что жители Лондона скандалят из-за такого положения вещей, или что его журналы или церковные старосты пытаются найти средство для исправления этой неприятности? Они будут думать обо всем остальном, прежде чем придут к простой, *эффективной* и прекрасно работающей парижской системе, потому что они - протестанты и не должны идти на компромисс с грехом. Он должен быть оставлен, чтобы найти свой собственный уровень. Почтенные граждане должны согласиться на то, чтобы их сыновья, а зачастую и их семьи соприкасались с этими деморализующими, каменносердечными ужасами улиц; они должны страдать индивидуально и как общество от гнусных тенденций уличной проституции, потому что они не решаются легализовать ее и отдать под опеку полиции. Видеть, как лучшие вечерние променады протестантского и христианского города отдаются исключительно под нестерпимый стыд и ужасы уличной проституции, - это проблема в каталоге несоответствий, которые католическая и неверная Франция не может постичь. Во Франции закон действует по принципу, что появление публичной женщины на улице - это оскорбление общественного вкуса, и поэтому, когда этих девушек необходимо доставить в тюрьму, в больницу или в диспансер префектуры полиции, их сажают в специально построенные для этого тесные кареты; или, когда они в силу обстоятельств вынуждены ехать в общественный *фиакр*, им предписывается опускать шторы. Вы можете говорить что угодно о поверхностной морали французов, но их уважение к общественному мнению делает честь их цивилизации, и их закон об этом зле был бы хорошо принят в других странах. Нет более верного принципа в гражданском управлении, чем то, что моральные язвы общества должны быть как можно больше скрыты от глаз общественности, ибо теперь уже слишком поздно бороться с максимой, давно напечатанной Поупом, что порок распространяется благодаря знакомству с ним. Французский закон может быть виновен в том, что разрешает маскарады и содержание наложниц, но это дела внутренние, которые публике не нужно видеть, если она этого не хочет; важное различие заключается в том, что французский закон не заставляет честного отца семейства, возвращаясь из церкви или театра, прокладывать себе путь через толпы пьяных развратных женщин, которые приветствуют уши его детей языком, который они никогда не должны слышать.

"В одной из своих последних статей на общую тему проституции лондонская *"Таймс"* делает несколько разумных замечаний, которые полностью подтвердились в той же категории в Париже. Так, *"Таймс"* заявляет, что правильным методом уменьшения числа этих несчастных (ибо думать об искоренении зла - иллюзия) являются не миссионерские усилия, направленные на них, а скорее на их бедных родителей; ведь эти бедные девушки были воспитаны в грехе и *никогда не совершали падений*. То же самое происходит и здесь. Девяносто пять сотых всех публичных женщин Парижа рождаются и воспитываются в грязи

души и тела; в возрасте десяти, двенадцати и четырнадцати лет они уже проститутки и воровки, а когда они получают свое первое шелковое платье, свой первый изысканный туалет, заработанные своей позорной профессией, они поднимаются на ступень выше по шкале морали; ибо тогда они перестают воровать, они приобретают определенную степень гордости за свое поведение, они более почтительны и прилично себя ведут. Так что, как это ни парадоксально, огромное большинство публичных женщин Парижа, вместо того чтобы упасть, на самом деле поднялись по шкале нравственности. Но все эти женщины не знают ничего другого, кроме той жизни, в которой они воспитывались; они ни на что другое не годятся, они неисправимо противятся всем моральным уговорам, которые к ним могут быть обращены, и реальное средство - это просвещение родителей таких детей, общее улучшение морального тона низших классов. В общем, если это зло нельзя искоренить, если дети нищих, сборщиков тряпок и *консьержей* будут впадать в дурные поступки, то будет правильно защитить общество хотя бы от публичной демонстрации их гнусных занятий путем принятия эффективных полицейских законов".

В качестве свидетельства того, что настроения, выраженные в этой главе, разделяют и другие представители медицинской профессии, и как в значительной степени поддерживающие наши взгляды, вниманию читателя предлагается прилагаемый отчет, принятый на специальном заседании медицинского совета больницы Бельвю, Нью-Йорк, в ответ на вопросы, адресованные им Исааком Таунсендом, Esq., Президентом Совета управляющих богадельни (по чьему указанию они приводятся в данной работе); а также с докладом Г. Н. Уиттелси, доктора медицины, врача-резидента больницы для новорожденных, остров Рэндалл, по тому же вопросу.

(Копия.)

"Отчет медицинского совета больницы Бельвю в ответ на допросы Айзека Таунсенда, президента совета управляющих богадельни, о конституциональном сифилисе".

"Офис губернаторов богадельни, Ротонда, Парк,
"Нью-Йорк, 24 августа 1855 года.

"Медицинскому совету больницы Бельвю:

"Джентльмены, - меня наводят на мысль, что большое число заключенных больницы Бельвю поражено сифилисом в некоторых из его многочисленных форм, и полагая, что управляющие богадельней призваны принять меры, чтобы устранить, насколько это возможно, причину этого великого недуга, чтобы иссушить источники зла, которое так широко распространено, разрушает здоровье и облагает налогом богатство города и т. д., и полагая далее, что, если порок не может быть остановлен, гуманность, равно как и политика, предполагает, что опасности, которые его окружают, могут быть уменьшены, я предлагаю несколько вопросов, направленных на достижение этой великой цели, желая, чтобы вы высказали свое мнение по ним в ответ не позднее 1 октября.

"1. Какой процент от общего числа пациентов, поступающих в госпиталь Бельвю, прямо или косвенно страдает от сифилиса?

"2. Не поступают ли в больницу Белльвю пациенты, чьи болезни обусловлены сифилисом; и не вынуждены ли многие из заключенных проходить в ней лечение и таким образом становиться зависимыми от города, будучи неприспособленными телом и разумом к обычным жизненным обязанностям вследствие сифилитических заболеваний?

"3. Не являются ли дети родителей, страдающих таким образом, нездоровыми?

"4. Какие средства, по вашему мнению, могут быть приняты для искоренения или уменьшения этой болезни в городе?

"Уделив вышеуказанным вопросам ваше самое раннее внимание, вы окажете большую услугу вашему покорному слуге,

"Исаак Таунсенд, президент."

"На специальном заседании медицинского совета больницы Бельвью, состоявшемся 18 декабря 1855 года, доктор Алонзо Кларк, председатель комитета, назначенного медицинским советом для рассмотрения и ответа на указанное письмо, зачитал следующий доклад в ответ на письмо Айзека Таунсенда, президента совета управляющих богадельни, от 24 августа 1855 года, касающееся сифилиса и проституции.

"По предложению доклад был принят и передан президенту Совета управляющих после получения подписей президента и секретаря.

"Джон Т. Меткалф, доктор медицины,
временный секретарь медицинского совета больницы Бельвью.

"Нью-Йорк, декабрь 1855 года".

"ДОКЛАД О ПРОСТИТУЦИИ И СИФИЛИСЕ.

"Исааку Таунсенду, эсквайру, президенту совета управляющих богадельни.

"В ответ на ваш запрос медицинский совет больницы Бельвью почтительно отвечает,

"Что 24 октября прошлого года они провели перепись населения больницы с целью выяснить, какая часть пациентов страдает от венерических заболеваний. Из этой переписи они узнали, что из 477 человек, находившихся в то время на медицинском и хирургическом лечении, 142, или около одной трети, были поражены этим недугом. По нескольким отделениям этого дома цифры следующие, а именно:

"Из 72 женщин, находящихся на хирургическом лечении, 17, или 1 из 4-24.

"Из 130 женщин на медицинском факультете - 17, или 1 из 8 почти.

"Из 118 мужчин на медицинском факультете - 45, или 1 из 2-6.

"Из 127 мужчин с хирургической стороны - 63, или 1 к 2.

Таким образом, из 245 мужчин, находившихся в то время на лечении, 108, или 1 из 2-27, страдали той или иной формой венерического заболевания; а среди 202 женщин 34, или 1 из 6, были подвержены подобному заболеванию.

Из общего числа признавшихся в том, что у них были заболевания этого класса, 106 человек страдали сифилисом, а 36 - гонореей".

"Из 106 человек, перенесших сифилис, 53, или всего лишь половина, все еще находились под воздействием яда, которым они были привиты, во многих случаях за много лет до этого.

Поскольку почти все эти пациенты поступили по поводу других заболеваний или с поражениями, которые только врач может признать отдаленными последствиями сифилиса, возможно, справедливо предположить, что они представляют, с некоторым преувеличением, тот класс общества, из которого они происходят".

"Совету была предоставлена перепись Нью-Йоркского госпиталя (Бродвей), проведенная с целью выяснения доли сифилитических случаев среди пациентов этого учреждения; из нее следует, что общее число пациентов на 8 декабря составляло 233 человека, из которых 99 страдали венерическими заболеваниями, а 37 находились на лечении по поводу тех же заболеваний, которые были недавно получены. Учитывая только старые случаи, большинство из которых были приняты, вероятно, по поводу других заболеваний, эта пропорция значительно превышает ту, что была отмечена выше для госпиталя Бельвю: она достигает 1 к 2-35. Однако в этой связи следует отметить, что данные по госпиталю Бельвю, как полагают, неполные. Они в значительной степени основаны на признаниях пациентов; и известно, что многие, особенно женщины, отрицали какое-либо заражение, когда впоследствии выяснилось, что их заявления не соответствовали действительности.

"Можно ли считать, что каждый третий или даже каждый четвертый из той многочисленной категории населения, которая вынуждена обращаться за помощью к медицинским благотворительным организациям, заражен венерическим ядом? Медицинский совет не считает себя вправе утверждать это. Но факты, приведенные здесь, и другие, находящиеся в пределах их досягаемости, оправдывают их в утверждении, что венерические заболевания преобладают в тревожной степени среди бедных жителей города. Одно только большое количество женщин, направленных полицейскими судами на лечение от этих болезней в Пенитенциарную больницу, может служить достаточным доказательством этого. Однако такие люди составляют лишь небольшую часть тех, кто даже среди бедняков страдает от этих расстройств. Диспансерные врачи и врачи, занимающиеся частной практикой, могут показать гораздо более длинный список жертв нечистых половых связей.

"Но болезнь не ограничивается этим классом. Объявления, которыми пестрят газеты, представленные людьми, которые "ограничивают свою практику одним классом болезней, в котором" они "вылечили двадцать тысяч случаев", больше или меньше, показывают, насколько велика компания нечистоплотных людей, которые живут и богатеют на урожае этих виноградных лоз Содомы. И все же их длинный список "несчастных" раскрывает лишь малую часть зла среди тех, кто в состоянии оплатить медицинские услуги. Медицинский совет не может сказать, какую часть дохода обычных и квалифицированных врачей в этом городе составляет лечение венерических заболеваний, но они знают, что она велика, и что многие, кто никогда не афиширует свое мастерство, получают из этого источника больше, чем из всех остальных источников вместе взятых. Они считают, что среди неизбежных болезней, как бы они ни были распространены, нет ни одной, за лечение которой обеспеченные граждане Нью-Йорка платили бы в два раза меньше, чем за избавление от последствий своих незаконных удовольствий.

"Городские отчеты о смертности дают мало информации о частоте венерических заболеваний. *Lues Venerea* занимает свое место в таблицах и насчитывает десяток-другой смертей в год. Хотя этот класс заболеваний не часто приводит к летальному исходу, за исключением детей, ему приписывают лишь малую часть той работы, которую он действительно выполняет. Врач не считает нужным в своем отчете о причинах смерти клеймить позором память своего пациента или записывать обвинения в адрес близких родственников. В младенчестве настоящая болезнь скрывается под такими терминами, как

маразм, атрофия, детская слабость или воспаление, а у взрослых ответственность за смерть берут на себя воспаление горла, фagedена, язва, золотуха и т. п.

"Эти заболевания являются, как их называют рекламисты, "частными болезнями" - проказами, которые "несчастный" всегда старается скрыть и, пока они щадят его речь и лицо, обычно удается их скрыть. Врач - его единственное доверенное лицо, и он относит все к разряду "невинных секретов", которые не подлежат разглашению. Поэтому общественность мало что знает о распространенности таких болезней и еще меньше о тех страшных разрушениях, которые они способны причинить.

"Тем не менее, как уже было сказано, сифилис не часто является непосредственной причиной смерти у взрослых. После того как его первые местные проявления проходят - а они, как правило, мягкие, но иногда бывают ужасающими, - яд задерживается в организме, готовый при любой провокации вырваться наружу в одном из своих многочисленных отвратительных проявлений, часто деформируя и клеймя свою жертву, угрожая жизни и делая ее бременем, но отказываясь от скудного утешения в виде могилы. Подобно стервятнику, питавшемуся внутренностями слишком любвеобильного Тития, он мучает и пожирает, но медленно уничтожает, и часто его видимое клеймо, как алый значок, который когда-то носила прелюбодейка, возвещает о вечном позоре. Длительные душевные и физические страдания, причиняемые этим классом болезней, постоянно меняющаяся и часто отвратительная форма их вторичных проявлений, а также почти необратимый характер яда, кажется, почти оправдывают старое мнение, одобренное папской буллой в 1826 году, что эти болезни являются мстительной чумой, назначенной Небесами в качестве особого наказания за особый грех.

"Неумолимый характер сифилитических заболеваний болезненно проявляется при передаче их от родителей к потомству. Здесь, действительно, зубы у детей становятся острыми, потому что отцы ели кислый виноград. Зараженному мужу или жене остается долгие годы бездетности или череды утрат оплакивать свои ранние глупости и каяться, когда покаяние оказывается бесплодным. Сифилитический мужчина или женщина вряд ли смогут стать родителями здорового ребенка.

"Молодой человек впитал заразу; она стала конституционной. После нескольких недель, а может быть, и месяцев лечения видимые признаки болезни больше не мучают его. Он заключает брачный союз и вскоре женится на здоровой и добродетельной женщине. Он льстит себе, что излечился. Достаточно нескольких месяцев, чтобы он получил болезненное доказательство своей ошибки, ведь тогда его растущие надежды на отцовство внезапно рушатся. Вместо ребенка, на которого он возлагал надежды, он видит сморщенный и проказливый труп. Это лишь первое из целой серии подобных несчастий. Он отравил плод своих чресл, и снова, и снова, и снова, и снова, он засыхает и умирает. Наконец природа, кажется, одержала победу над этим врагом домашнего счастья, и сердца родителей радуются при виде живого ребенка. Но радость их недолговечна. Ребенок слаб и болезнен, и через несколько дней или недель к списку покаяний смиренного и скорбящего отца добавляется еще одна смерть.

"Эта скорбная история не потребует существенных изменений в изложении, если яд нечистой связи, законной или незаконной, задержится в жилах матери.

"Ребенок от такой связи может родиться внешне здоровым, но не пройдет и шести месяцев, как появится одна из многочисленных форм детского сифилиса, угрожающая его жизни. В последующем состязании между болезнью и лечением обычно побеждает врач, но во

многих случаях это состязание затягивается, и часто его приходится возобновлять снова и снова. И, в конце концов, не верится, что дети, испорченные при рождении, часто вырастают и приобретают ту степень здоровья и бодрости, которую принято приписывать *хорошей конституции*.

"Эти факты хорошо знакомы врачам, практикующим в крупных городах. Но история наследственного сифилиса не полна. Если в только что приведенном случае жена избежала заражения от своего мужа и своего нерожденного ребенка, то печальные последствия глупости мужа еще не исчерпаны. Зараженное дитя, теперь уже больной младенец у ее груди, имеет в своих язвенных губах яд, который может привить матери свой собственный отвратительный яд, пока он черпает пищу из священного источника младенческой жизни. Но это еще не все. Эти маленькие невинности иногда распространяют свою болезнь через весь круг тех, кто дарит им свою заботу и доброту. Зараза распространяется через использование одной и той же ложки, одного и того же белья и даже через такой высший знак привязанности, как поцелуй. Известны случаи, когда один больной ребенок заражал свою мать, наемную сиделку, а через нее - ребенка сиделки, а в дополнение к ним - мать мужа и сестру матери. Таковы порой тяжелые последствия одной ошибки.

"ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ.

"То, что главным источником венерического яда является проституция, не требует аргументов. Поэтому первый вопрос, на который следует ответить, - можно ли предотвратить проституцию? Отвечая на этот вопрос, необходимо помнить, что мировая история свидетельствует о существовании этого порока во все века и среди всех народов, начиная с того дня, когда были написаны первые его страницы. Разжигающий его аппетит всегда был сильнее моральных ограничений - сильнее закона. Ни строгость наказаний, ни жестокость публичных обличений, ни ссылки, ни темницы, ни отвратительные болезни, которыми природа наказывает эту практику, никогда не приводили к ее истреблению даже на один год. Как ни велико было это зло во все времена, нельзя отрицать, что в наше время некоторые из случайностей того, что называют *прогрессом общества*, имеют тенденцию, по крайней мере в больших городах, значительно увеличивать его. Расходы на жизнь повсюду являются большим препятствием для ранних браков, независимо от того, являются ли эти расходы положительно необходимыми или их требует социальное положение человека, мода его класса, и поэтому они становятся относительно необходимыми. Там, где эти расходы растут быстрее, чем вознаграждение за труд, брак становится невозможным для постоянно растущего числа людей или может быть куплен только ценой социального положения. Но воздержание от брака не отменяет и не умеряет естественных appetitов. Великий закон природы, от которого зависит существование расы, не отменяется никаким искусственным состоянием общества. Моральные или религиозные принципы будут сдерживать его действие в некоторых; человеческие законы - в некоторых; страх перед последствиями - в некоторых; однако всегда было и, вероятно, всегда будет много представителей обоих полов, которых не сдерживает ни одно из этих соображений. Они поддерживали и, вероятно, будут поддерживать не только проституцию, но и дома проституции, перед лицом всех человеческих законов. Подавленная в одной форме, она тут же переходит в другую. Вновь преследуемая, она отступает в укромные места, где темнота и тайна защищают ее от преследователя.

"Суровые наказания до сих пор только усиливали зло проституции. Если сегодня за этот порок посадить в тюрьму сто женщин, то не пройдет и месяца, как на их место придет еще сто, и эти сто, хотя и наказанные, не исправятся. Движимые любовью к своей профессии, некоторые - страстью подражать более удачливым представительницам своего пола в

изысканности одежды (страсть, которая впервые послужила причиной их падения), многие - нуждой, и все - чувством, что они изгой, они не успевают освободиться, как с новым рвением возвращаются к жизни, от которой их удерживала только сила. Суровые законы заставляют их хранить тайну, но большего они сделать не могут. Когда проституция преступна, болезнь, если о ней знают другие, является практическим приговором. В таких обстоятельствах зараженные не спешат признаваться в болезни и тем самым подвергают себя наказанию. Однако и страсти, и нужда не позволяют им даже временно воздерживаться. Они распространяют болезнь без ограничений.

"Под этим фактом кроется важная мысль. Если бы заразиться сифилисом было не более позорно, чем заболеть лихорадкой или агонией, больные стремились бы к скорейшему избавлению, что почти равносильно полному избавлению, и болезнь вскоре ограничилась бы лишь теми жалкими немногими, кто в пьянстве и несчастье утратил инстинктивный страх перед всем, что есть мерзкого и отвратительного в личной болезни. Проституция, правда, была бы тогда восстановлена в своем древнеримском достоинстве, но *венерические заболевания могли бы быть тогда достигнуты и практически искоренены*. Но респектабельный сифилис не принадлежит нашему веку и народу. Он потерял касту в самом начале, и его подвиги в современности не были такого характера, чтобы завоевать себе друзей. Цель этого предположения - лишь показать на контрасте зло, которое несет в себе благонамеренное, но, возможно, непродуманное законодательство. Что касается наказаний: если бы кнут, конфискация и изгнание в руках Карла Великого и св. Людовика, при поддержке доброй воли и всех сил военного деспотизма, не смогли подавить проституцию или даже предотвратить открытие домов проституции; если уголовные законы в Европе со времен этих искренних принцев и до настоящего времени совершенно не справлялись со своей задачей, как это, несомненно, происходит, то справедливо спросить, насколько больше могут достичь запретительные законы в стране, где право частного суждения и личная свобода слова и действий являются самой основой политического тела? До сих пор они были неэффективны. Несмотря на такие законы, порок растет. *Вследствие таких законов его самое огромное физическое зло распространяется на все слои и круги общества*. Он по-прежнему остается чумой бедных; он по-прежнему приносит горе и несчастье к каминам богатых и титулованных людей.

"Утопический взгляд на совершенствование человека мог бы искать средство от этого зла во всеобщем раннем браке, в домашнем счастье и во всеобщем нравственном чувстве, которое заставит мужчин и женщин соблюдать свои брачные обеты. Но, принимая человека таким, каков он есть, мы видим, что общественные течения постоянно усиливаются против ранних браков; что домашнее счастье не является синонимом брака, будь то раннего или позднего; и что нравственное чувство, которое должно научить всех мужчин соблюдать даже свои торжественные обещания, должно быть чудесным. Для этих вещей закон сделал все, что было разумно попытаться сделать, и, вероятно, все, что он может сделать.

"Но можно спросить: если у правительства есть власть избавить общество от порока пьянства, почему нужно отчаиваться в его силе в отношении проституции? В ответ можно спросить, излечится ли когда-нибудь сам пьяница от своего порочного аппетита с помощью наказаний? Закон отчаивается в этом. Он даже признает свою неспособность предотвратить продажу опьяняющих напитков, пока они существуют; поэтому он заявляет о своем праве конфисковать и уничтожить их. Может ли он изъять и уничтожить врожденную страсть, которая наполняет и поддерживает дома проституции? Значит, она не может сделать для одного то, что надеется сделать для другого.

"И снова: подавление рабства и работорговли было приведено в этой связи как иллюстрация силы закона. В случае незаконного проникновения, кражи, насилия или мошенничества кому-то причиняется вред; и те, кто пострадал, стремятся привлечь преступника к ответственности. В данном случае нет пострадавшего. Все, кто в этом заинтересован, настолько заинтересованы, что не приемлют вмешательства любого закона, кроме того, который, по их мнению, является законом природы.

"Но неужели нет надежды на общества нравственной реформы? На подавление или даже сдерживание всеобщего порока - никакой. Ассоциация в Нью-Йорке заслуживает похвалы за свою ревностную доброжелательность. Они вернули некоторых из этих заблуждающихся женщин на путь добродетели, но сделали не больше для того, чтобы остановить течение проституции, чем тот, кто зачерпывает воду ведром, смог бы пересушить течение Гудзона. По правде говоря, можно сказать, что пути добродетели оказались скользкими для некоторых, кто считался бы новообращенным. Пути мудрости оказались слишком мирными для этих дочерей азарта. Это сказано не в духе уничижения усилий общества. Они вполне могут гордиться тем, что сделали. Но это сказано для того, чтобы показать, как мало могут сделать самые добрые и лучшие, чтобы вернуть тех, кто однажды отпал от добродетели и чести.

"Итак, пусть будет хорошо понят тот великий факт, что запретительные меры всегда терпели неудачу и, исходя из природы дела, всегда должны терпеть неудачу в подавлении проституции.

"Пусть этот дополнительный факт, проиллюстрированный в предыдущем замечании, будет хорошо рассмотрен, что наказания не исправляют преступника, но что они заставляют тайну в преступлении и молчание относительно его последствий, что является главной причиной нынешнего широкого распространения венерического яда.

"Какова же тогда сфера действия законодательства в этом важном вопросе?

"Мудрый законодатель не пытается осуществить невозможное. Он знает, что законы, которые, как показал опыт, не могут быть исполнены, учат неуважению и неповиновению всем законам. Он знает, что человеческие страсти не могут быть изменены человеческим законодательством. Он знает, что, попытавшись сделать невозможное в борьбе с пороком, он наверняка пренебрежет возможным и менее важным. Он знает, что река не перестанет течь по его приказу. Если она переполняется и опустошается, он поднимает ее берега и дамбы, чтобы предотвратить всеобщее затопление. Сотни лет правительства Европы тщетно пытались осушить источники проституции; с началом нынешнего века они начали запружать реку и предотвращать беды, которых можно было избежать. У нас тоже долгое время действовали законы против проституции, которые, при всех должных усилиях со стороны власть имущих, оказались настолько бесполезными, насколько могли бы желать те, кто живет этой незаконной торговлей, настолько же вредными в распространении болезней, насколько могли бы желать шарлатаны-рекламодатели. Так не пора ли нам задуматься, не слишком ли много мы пытаемся сделать; не достигнем ли мы большего, если будем стараться меньше? Не сможем ли мы ограничить и контролировать то, что не в силах предотвратить? Если мы не можем сделать все то, что хотела бы сделать большая благотворительная организация, то не является ли нашим долгом во имя человечности делать то, что полезно и практически осуществимо - все, что возможно?

"Хотя Медицинский совет убежден, что путем изменения политики, как это предлагается представленными фактами и причинами, можно многое сделать для ограничения и контроля проституции, а также для искоренения венерических заболеваний, они пока не готовы предложить детали плана, с помощью которого, как они надеются, эти важные цели могут

быть достигнуты. При содействии Совета управляющих они ведут переписку с медицинскими работниками многих крупных городов Европы, где ограничительные меры пришли на смену запретительным. Когда они получают информацию, которую, как они надеются, предоставит эта переписка, они попросят разрешения представить дополнительный отчет.

"Джон В. Фрэнсис, доктор медицины, президент.

"Джон Т. Меткалф, доктор медицины, временный секретарь.

"Примечание... Считается, что не более десяти процентов пациентов больницы Бельвью поступают сюда в связи с заболеваниями, которые имеют отдаленное происхождение от венерических болезней. Определенная форма ревматизма, некоторые воспаления горла, глаз, костей и суставов; стриктуры и кожные высыпания - наиболее распространенные заболевания этого класса. Какова доля, если таковая имеется, тех, кто страдает от золотухи и золотушных воспалений, от чахотки и других хронических заболеваний, обязанных своим нынешним недугом конституциональному сифилитическому пороку, унаследованному или приобретенному, не существует средств для удовлетворительного определения."

Медицинский совет, больница Бельвью, Нью-Йорк:

JOHN W. Фрэнсис, доктор медицины, президент.

Айзек Вуд, доктор медицины.

Джон Т. Меткалф, доктор
медицины.

Алонзо Кларк, доктор
медицины.

Бенджамин В. М'Криди,
доктор медицины.

Айзек Б. Тейлор, доктор
медицины.

Джордж Т. Эллиот, доктор
медицины.

B. Fordyce Barker, M.D.

Валентин Мотт, доктор
медицины.

Александр Х. Стивенс, доктор
медицины.

Джеймс Р. Вуд, доктор
медицины.

Уиллард Паркер, доктор
медицины.

Чарльз Д. Смит, доктор
медицины.

Льюис А. Сейр, доктор
медицины.

Джон Дж. Крейн, доктор
медицины.

Джон А. Лиделл, доктор
медицины.

Стивен Смит, доктор
медицины.

(Копия.)

"Отчет доктора Х. Н. Уиттелси, врача-резидента острова Рэндалл, в ответ на некоторые вопросы Исаака Таунсенда, эсквайра, управляющего богадельней, о конституциональном сифилисе":

"Нью-Йорк, 28 ноября 1855 года.

"Дорогой сэр, - из неоднократных бесед с вами я вынес мнение, что многие болезни детей на острове Рэндалл могут быть отнесены к родителям, страдающим конституциональным

сифилисом. Пожалуйста, сообщите мне свои соображения по следующим вопросам уже 10 декабря.

"1. В какой степени среди детей, находящихся под вашей опекой, распространен наследственный сифилис?

"2. В какой форме проявляется конституциональный сифилис, и какие заболевания обусловлены его влиянием?

"3. Не являются ли дети родителей, пораженных таким образом, нездоровыми, скрюченными, подверженными заболеваниям глаз, суставов и т. д.?

"С большим уважением,

"Айзек Таунсенд, губернатор А. Х.

"Доктор Х. Н. Уиттелси, врач-резидент, Р. И."

"Остров Рэндаллс, 24 декабря 1855 года.

"Исааку Таунсенду, президенту совета управляющих богадельни.

"Дорогой сэр, - В связи с вопросами, содержащимися в вашей записке от недавнего времени по поводу наследственного сифилиса, имею честь ответить:

"1. Относительно его распространенности. Известно, что девять десятых всех заболеваний, лечившихся в этой больнице в течение последних пяти лет, были конституционального происхождения и в большинстве своем наследственными. Эти заболевания принимают самые разнообразные формы и затрагивают практически все структуры организма, заканчиваясь кахексией, малярией, флегмоной и т.д. и т.п. Точная пропорция, которую наследственный сифилис составляет с этой суммой конституциональной испорченности, не может быть указана с точностью по следующим причинам:

"Дети поступают в это учреждение в возрасте от двух до пятнадцати лет, таким образом, выбрасывая из категории младенческий сифилис во всех его формах; и за исключением немногих случаев, не проявляя ни одной из его специфических характеристик, измененных соответствующим лечением, но проявляясь общей конституциональной испорченностью, и определяя большое разнообразие заболеваний, охватывая почти все формы кожных заболеваний, поражения слизистых оболочек и их зависимости, болезни глаза и уха, костей, особенно суставов, и т.д., являясь плодотворным и печальным источником многих болезней, присущих детям того класса, который представлен в этом учреждении. Принимая во внимание маскулидную форму, в которой последствия наследственного сифилиса проявляются в этом учреждении, а также отсутствие предыдущего анамнеза как у пациентов, так и у родителей, можно приблизительно оценить ту часть, которую этот недуг вносит в общую сумму конституциональных заболеваний. Из вышеизложенных фактов, а также из тщательного наблюдения в течение последних нескольких лет в этом отделении богадельни, следует, что человеческая деградация является источником потока загрязнений, снабжающего эту больницу болезнями; более того, что из всех пороков, составляющих общую сумму разврата, как морального, так и физического, проституция и ее последствия составляют большую долю.

"Перед нами предстает печальная картина огромного количества детей, обреченных на раннюю могилу или на жалкое существование с отвратительной болезнью, несущих на себе

наказания за пороки, в которых они сами не повинны, будучи поколением, зараженным и способным лишь заражать в свою очередь".

"В вышеприведенном очерке я ограничил свое изложение сифилисом, проявляющимся в больнице для престарелых, где в среднем лечится около двух тысяч случаев заболевания. Из этой области исключены все разновидности заболевания, кроме одной, а именно конституционального сифилиса, поражающего детей после того, как он был изменен лечением в младенческом возрасте.

"Н. Н. Уиттелси, доктор медицины".

Уже говорилось, что информация, полученная в ходе этого исследования, в значительной степени, несомненно, достоверна; но еще несколько слов по этому поводу не будут лишними, если учесть, какое значение приобретает такая информация, когда на ее основе делаются серьезные выводы. Эти женщины были обследованы поодиночке и в одиночку, и человек, который в течение нескольких лет занимался каким-либо расследованием, способен на основании своего опыта судить, говорят ли его информаторы правду в своих ответах. По этой, а также по другим причинам мы уверены, что почти в каждом случае не было обмана, а полученные ответы были правдивыми во всех существенных пунктах. Еще одним свидетельством правильности является степень совпадения, которая характеризует большую часть ответов. Более того, если обратиться к самим вопросам (перепечатанным в [главе XXXII.](#)), то можно убедиться, что они были составлены таким образом, что ложь легко обнаруживалась, если только она не была очень тщательно придумана до начала экзамена, о чем экзаменуемые не знали, и, следовательно, не было никакой возможности для мошенничества или обмана.

Не стоит отрицать, что пришлось столкнуться со многими трудностями, хотя принцип работы был прост. Вкратце его можно описать следующим образом. Капитан каждого полицейского участка (и часто писатель вместе с ним) объяснял свою задачу хозяйке дома, заверяя ее, что у нее нет намерения досаждать, преследовать или подвергать ее опасности; и, в частности, что никакие преследования не должны основываться на собранной таким образом информации. Последнее обещание было подкреплено письмом высокопоставленного чиновника, занимающегося юридическими вопросами, адресованным мэру и Департаменту полиции, в котором он заверял их, что собранные ими сведения не должны быть использованы каким-либо образом во вред самим женщинам, поскольку считалось, что сбор необходимой информации, требуемой для такой работы, как настоящая, принесет пользу городу. В ответ на вопрос о преследовании им было сказано, что истинным мотивом является получение точных сведений о проституции без разоблачения отдельных случаев, чтобы общественность могла судить о ее масштабах и составить мнение о необходимости мер, которые в конечном итоге станут защитой для граждан в целом, а также для домохозяек и куртизанок, и многие из домохозяек выразили надежду, что эта цель может быть достигнута. Поэтому их интересы заставляли их говорить правду. Короче говоря, исходя из принятых мер предосторожности и самого результата, можно почти не сомневаться в подлинности основной части ответов по всем существенным пунктам; исходя из этого, ответы были положены в основу описания и примечаний к "Проституции в Нью-Йорке".

Задача выполнена, и внимание читателя может быть обращено на различные факты, подтвержденные следующим образом

ПЕРЕЧИСЛЕНИИ.

В Нью-Йорке насчитывается шесть тысяч публичных проституток.

Большинству из них от пятнадцати до двадцати пяти лет.

Три восьмых из них родились в Соединенных Штатах.

Многие из тех, кто родился за границей, приехали сюда бедными, чтобы улучшить свое положение.

Образование у них находится на очень низком уровне.

Пятая часть из них - замужние женщины.

Половина из них родила детей, и более половины из них - незаконнорожденные.

Коэффициент смертности среди детей проституток в четыре раза превышает обычный коэффициент среди детей в Нью-Йорке.

Многие из этих детей живут в обители порока и непристойности.

Большинство этих женщин занимаются проституцией менее четырех лет.

Средняя продолжительность жизни проститутки составляет всего четыре года.

Почти половина проституток Нью-Йорка признаются, что они больны или болели сифилисом.

Соблазн, нищета, плохое обращение со стороны родителей, мужей или родственников, невожатеранность и дурная компания - вот основные причины проституции.

Женщины в этом городе не имеют достаточных средств для трудоустройства.

Их труд оплачивается неадекватно.

Ассоциации многих профессий наносят ущерб нравственности.

Шесть седьмых проституток в той или иной степени употребляют одурманивающие напитки.

Влияние родителей прививает привычку к опьянению.

Среди них распространено исповедуемое уважение к религии.

В бизнес проституции вложен капитал в размере почти *четырёх миллионов долларов*.

Ежегодные расходы на проституцию составляют более *семи миллионов долларов*.

Запретительные меры не смогли подавить или остановить проституцию.

Возникает необходимость в каких-то действиях.

Политические мотивы требуют изменения порядка действий.

КОНЕЦ.

Сноски:

[1] Со времени написания этого введения (1857 г.) в составе Совета управляющих произошли некоторые изменения. Избрание мистера Тимана на пост мэра привело к появлению вакансии, которую теперь занимает П. Макэлрой, эсквайр, а отставка и последующая смерть мистера Тейлора привели к избранию Уильяма Т. Пинкни, эсквайра.

[2] Сейчас (1858) президент правления.

[3] Теперь (1858 г.) секретарь правления.

[4] Чтобы объяснить кажущуюся эксцессивность направления письма президенту Таунсенду с подробным описанием действий, в которых он принимал столь важное участие, необходимо сказать, что постоянный приказ Совета управляющих требует, чтобы вся официальная корреспонденция с ними адресовалась их президенту.

[5] Об этих вопросах см. главу XXXII.

[6] Вполне вероятно, что коммерческая и финансовая паника, начавшаяся примерно в то время, когда эти страницы были почти готовы к печати, и продолжавшаяся всю зиму 1857-8 годов, увеличила число проституток в Нью-Йорке, весьма вероятно, до пятисот, а может быть, и до тысячи, но, конечно, не до такой степени, как принято представлять. В других статьях уже упоминалось о преувеличенных оценках масштабов этого порока, и мнения, публично высказанные по поводу пополнения рядов проституток за последние несколько месяцев, как правило, носят столь же неопределенный характер.

[7] Gen. xxxviii. 11.

[8] Лев. xix. 29; Втор. xxiii. 17.

[9] Исх. xxii. 19; Лев. xviii. 23.

[10] Исх. xxi. 17.

[11] Deut. xxii. 17.

[12] Лев. xv.

[13] Deut. xxiii. 18 и т. д.

[14] Ibid. xxiii. 18.

[15] Chron. xv. xvii. etc.

[16] Маккавеи.

[17] Гл. vii. 6 и т. д.

[18] Ктесий, цитируемый Афинеем, xiii. 10.

- [19] Herodotus, ii. 60.
- [20] Herodotus, ii. 64.
- [21] Id. ii. 89.
- [22] Id. ii. 89.
- [23] Baruch, vi.
- [24] Quintus Curtius, v. 1.
- [25] Macrobius, Sat. Conv. vii. Athenæus, xii. *passim*; Плутарх, Vit. Artaxerxes.
- [26] Никандр, цитируется Афинеем, xiii. 25.
- [27] Плутарх, Жизнь Солона: Лукиан, Диалоги.
- [28] Филемон, цитируется Афинеем, xiii. 25.
- [29] Идомений, цитируется Афинеем, xii. 44.
- [30] *Фаиномериды*. См. Плутарх, Жизнь Ликурга.
- [31] Политика, ii. 7.
- [32] Athenæus, xiii. 59; Письма Алкифрона.
- [33] Athenæus, xiii. 20, *et sed.*; Suidas, Lex., Vo. Diagramma; Æschylus c. Timarch. p. 134; St. Clement of Alexandria, Pædag. ii. 10; Becker, Charicles i. 126; etc.
- [34] Pollux, Onom. ii. 30; x. 170; St. Clement of Alex. *loc. cit.*
- [35] Филемон, цитируемый Афинеем, xiii. 25.
- [36] Ксенарх и Эвбул, цитируется Афинеем, xiii. 25.
- [37] Демосфен против Неэры.
- [38] Алексей, цитируемый Афинеем, xiii. 23.
- [39] Athenæus xiii. 26.
- [40] См. Лукиан. Диалог куртизанок, *passim*.
- [41] Письма Алкифрона, 46.
- [42] Lucian, *loc. cit.*
- [43] Anthology, ed. Jacobs, ii. 633.
- [44] Athenæus, xiii. 86.
- [45] Письма Алкифрона, 34.
- [46] Athenæus, xiii. 86.
- [47] Antiphanes, цитируется в Athenæus, xiii. 51.
- [48] Theopompus, Dicæarchus, etc. цитируется Афинеем, xiii. 67.

- [49] Письма Алкифрона, 44.
- [50] Плутарх, Жизнь Деметрия, 16, 19, 24-27; Афиней, xiii. 39.
- [51] Demosthenes against Neræa, p. 1386; Becker, Charicles, ii. 215.
- [52] Св. Климент Алекс.; Hortat. Address, 97.
- [53] Grote's History of Greece, vi. 100.
- [54] Плутарх, Жизнь Перикла, 24, 32 и т.д.; Демосфен против Нерей, p. 1350; Аристофан, Ахарм. 497 и т. д.; Афиней, xiii. 25-56.
- [55] Diogenes Laert. vi. 96.
- [56] Athenæus, xiii. 56, 66 и т. д.; Письма Алкифрона, 30.
- [57] Athenæus, xiii. 39 и т. д.
- [58] Id. xiii. 43, 47.
- [59] Plato, De Rep. iii. p. 404; Aristoph. Plut. 149; Müller, Dor. ii. 10, 7; Strabo, viii. 6, 211.
- [60] Diogenes Laert. ii. 84; St. Clement of Alex. Strom, iii. 47; Pausanias, ii. 2, 4; Ausonius, Epig. 17; Афиней, xiii. 26, 54 и т. д.
- [61] [Ælian](#), V. H. ix. 32; Alciphron's Letters, i. 31; Jacobs, Alt. Mus. iii. 18, 36 и т. д.; Athenæus, xiii. 59 и т. д.
- [62] Pausanias, i. 37, 5; Athenæus, xiii. 45 и т.д.; Diod. xvii. 108; Arr. *ap. Phot.* 70.
- [63] Diogenes Laert. x. 4; Athenæus, xiii. 29; Cicero, de Nat. Deor. i. 33.
- [64] Lactant. i. 20.
- [65] Martial, i. 1; Seneca, Epist. 96.
- [66] Val. Max. ii. 10, 8.
- [67] Annal. lib. ii. 85.
- [68] Plautus, Pænulus.
- [69] Nov. 5.
- [70] См. Tabl. Heracl. i. 123.
- [71] Plutarch, Vita Catonis.
- [72] Livy, xxxiv. 1, et seq.
- [73] Livy, xxxix. 8-19. См. также: St. August. De Civ. Dei, vii. 21.
- [74] Cicero, ad Fam. i. 9.
- [75] Val. Max. ii. 1, 7; Cicero, de Off. 1, 35.
- [76] Plutarch, Vit. Syllæ, 85.
- [77] Lex Jul. et Pap. Popp.; Lex Jul. de Adult.; Dig. 35, tit. 1, § 63; Gaius, ii. 113.

- [78] См. Dig. 48, tit. 5.
- [79] Aulus Gell. цитирует Ateius Capito.
- [80] Pierrugues, Gloss. Erot. Об обязанностях эдилов см. Schubert, de Rom. Ædilibus, liv. 4.
- [81] См. Plautus, *passim*.
- [82] Suetonius.
- [83] Cicero.
- [84] Ausonius.
- [85] Plaut. Panulus.
- [86] Cic. pro Cælio.
- [87] Juvenal.
- [88] Juvenal.
- [89] Suidas.
- [90] Plautus, Cistellaria.
- [91] Suetonius.
- [92] Марциал.
- [93] Plaut. Panulus. Ювенал говорит,
"Ad terram tremulo descendant clune puellæ".
- [94] Гораций, Од. iii. 6, 21.
- [95] См. Schubert, *loc. cit.*
- [96] Terenco, Adelph. 1; Catullus, etc.
- [97] Rom. i. 26, 27, и все латинские поэты, *passim*.
- [98] См. Bunsen, Beschreibung der Stadt Rome, 1830, i. 173.
- [99] Plautus, *Asinaria*; Martial, Ep. *passim*.
- [100] Petronius, Satyricon, i. 28.
- [101] Hor. Sat. i. 2, 30; Juv. Sat. iii. 156; Suet. Jul. 49.
- [102] Prudentius, in Agn; Boulenger, Cirque, etc.
- [103] *Olenti in fornice*, Hor. *Redolet fuligmura fornicis*, Mart.
- [104] Plautus.
- [105] Id.
- [106] Juvenal, ii. Sat. vi. 116.
- [107] Cyprian, Ep. 103; Boulenger, De Circe Rom.; Arnob.; Tertullian.

[108] Seneca, Ep. 86; Val. Max. ii. 1, 7.

[109] Plin. H. N. 33, 54.

[110] "Callidus et cristæ digitos impressit aliptes."-Juvenal, ii. Sat. vi.

[111] Spartianus, Hadrian, c. 1.

[112] См. Овидий, Ars Amat.

[113] Ulpian, liv. xxiii. De rit. nupt.; Jul. Paulus, Dig.; Cicero.

[114] Martial, xvi. 222.

[115]

Lesbia nostra, Lesbia illa,
Illa Lesbia, quam Catullus unam,
Plus quam se atque suas amavit omnes,
Nunc in quadriuis et angiporis
Glubit magnanimos Remi nepotes.
Catullus, *Carm.* 58.

[116] Cicero in Cat.

[117] Lampridius, Script. Hist. Aug. *Elagabalus*.

[118] Martial, Ep. i. 36, 8; ii. 39; vi. 64, 4. См. Becker's Gallus, i. 321.

[119] См. также Сенека.

[120] Seneca, Ep. 80, 110; Suet. Jul. 43; Claud. 28; Domit. 8.

[121] Petron. Satyr. i. 26.

[122] Juvenal, Sat. vi.; Tertullian, De exhort. cast. 45.

[123] Juvenal, Sat. vi.

[124] Petronius, ii. 352.

[125] Plautus, Miles; Apuleius, ii. 27.

[126] Juvenal, Sat. vi.

[127] Propertius, ii. 6; Suet. Tib. 43, и Vit. Hor.; Плиний, xxxv. 37.

[128] См. коллекцию в Музее Борбониче в Неаполе и т. д.

[129] Mutinus, cujus immanibus pudendis horrentique fascino vestras inequitare matrones.....
Arnobius, v. 132. См. также св. Августина и Лактанция.

[130] August. De Civ. Dei.

[131] Catullus, Epithalam.; Arnobius, *loc. cit.*

[132] Petron. Satyr. ii. 68.

[133] Petron. Satyr, ii. 70, etc.

- [134] Juvenal, Sat. vi.
- [135] Suetonius, Jul. 51.
- [136] Videsne ut cinædus urbano digito temperat? Suet. Aug. 68, etc.
- [137] Suetonius, Tiberius, 42.
- [138] Suetonius, Caligula, 24.
- [139] Id. Claudius, 26; Juvenal, Sat. vi.
- [140] Tacitus, Ann. xv. 37-40.
- [141] Scaliger.
- [142] Horace, Sat. i. 2, l.
- [143] Овидий, Remed. Amor.
- [144] Dig. 27, 1, 6; Cod. Theodos. xiii. 3. De Medic, et profess.
- [145] Ambrosius, De Virg. lib. i. Prudentius in Symmach.; Basil, Inter. 17, resp.
- [146] Cyprian, De Pudici. etc.
- [147] Clem. Pædag. ii. 10.
- [148] Sueton. Vit. Tiber.
- [149] Tertul. Apol.
- [150] Basil, De vera Virgin. 52.
- [151] Ambros. Epist. iv. ep. 34.
- [152] Амвросий, Epist. iv. ep. 34.
- [153] См. Ruinart, Actes ii. 196; также Palladius, Vit. Patr. cap. 148, etc.
- [154] August. contr. Jul. 1. iv.; id. ep. 122, и другие отцы.
- [155] Reynaud, Act. Sanct.
- [156] Ignat. Ep. ad Trall, et ad Philad.; Clement. Strom. 3; Epiphan. Hær. 27; Theodor. Hæret. i. 5.
- [157] Письмо к Иннокентию I.
- [158] Calvin, Tr. Relig.
- [159] Tr. Ord. lib. ii. c. 12.
- [160] Ep. ad Furiam, ad Fabiolam. См. также Lactantius, lib. vi. cap. 23.
- [161] Can. 61, 77.
- [162] Constit. lib. viii. c. 7.
- [163] Canons 12, 44.
- [164] Lib. de fid. et oper. c. xi.

[165] Const. Milan, tit. 65, de meret. et lenon.

[166] Justin, Apol. pro Christ.

[167] Evagrius, Hist. Eccl. liv. 3, c. 39.

[168] Id. ib.

[169] Cod. Theod. lib. xv. tit. 8, De lenon.

[170] Novel. 14, col. 1. tit. 1. De lenon.

[171] Ordonn. des Rois de France, vii. 327.

[172] Ibid. xiii. 75.

[173] Ann. de la Ville de Toulouse, par Lafaille, ii. 189, 199, 280.

[174] Astruc, *De morb. vener.*

[175]

"Sur le pont d'Avignon
Tout le monde y passe."

Мост был прибежищем проституток.

[176]

"Toutes estes, serez, ou fûtes,
De faict ou de volonté, putes."-*Roman de la Rose*.

[177] St. August. *per cont.*; St. John Chrysost. Hom. 22, sup. Gene.

[178] Bodin, Demonomanie.

[179] Recueil general des questions traictées es Conferences du Bureau d'Adresse. Paris, 1656.

[180] Hist. Ecclesiast. Henry XVII. 53.

[181] Bodin, Demonomanie.

[182] Nicolas Renny.

[183] Pere Crespet, De la Haine de Satan.

[184] Boileau, Hist. des Flagellants; Pic de la Mirandole, Tr. contre les Astrologies, liv. iii. ch. 27.

[185] Словарь Бейля, Vo. *Picard*.

[186] Lenglet, Dufresnoy sur Marot, iii. 97; Richelet's Dict.

[187] Brantome, в его Dames Galantes, описывая брак, говорит: "*Chacun estoit a l'escontes, a l'accoustumée.*"

[188] Vies des Hommes Illust: Bonnivet.

[189] Sauval, Amours des rois de France; из этой работы взяты многие факты, приведенные в тексте этой главы.

- [190] Le divorce Satirique.
- [191] Словарь Бейля, Vo. Генрих IV.
- [192] De Matrimonio, Le Somme des Peches.
- [193] Карл V. 17 окт. 1367.
- [194] A.D. 1365.
- [195] Cabinet du Roi de France, Paris, 1581.
- [196] Parent-Duchatelet, De la Prostitution dans la Ville de Paris, ii. 473.
- [197] См. Taylor's House of Orleans, vol. i. и Memoires de la Duchesse d'Orleans, *passim*.
- [198] Nicolas Leonicens, De Morbo Gallico, и другие.
- [199] Ulrich de Hutton, De Morbi Gallici curatione.
- [200] Roderic Dias, Contra las Bubas.
- [201] W. Beckett, Phil. Trans. vol. xxx.
- [202] Registres du Parlement de Paris, 1497.
- [203] Jerome Fracastor, De Morb. Contag.
- [204] Registres du Parlement de Paris, 1505.
- [205] Cullerier: Доклад хирурга Марешаля; Доклад месье де Бретей правительству; Parent-Duchatelet, ii. 180.
- [206] Cullerier; Parent-Duchatelet, ii. 184.
- [207] Parent-Duchatelet, ii. 186.
- [208] Parent-Duchatelet, ii. 124.
- [209] Parent-Duchatelet, ii. 130.
- [210] Id. ii. 138.
- [211] MSS. Отчеты, цитируемые Парент-Дюшатле, i. 30; Restif de la Bretonne; *Pornographe*.
- [212] Parent-Duchatelet, ii. 273.
- [213] Id. ii. 398.
- [214] Id. ii. 403.
- [215] Dennistoun's Dukes of Urbino; Ranke's History of the Popes; Gibbon's Rome.
- [216] Ranke, ii. Appendix.
- [217] В 1849 году, когда римский народ открыл дворец инквизиции, в библиотеке был найден отдел под названием "Сводка домогательств", представляющий собой запись дел, в которых женщины были побуждены к преступным действиям своими исповедниками в Папском государстве, и эта сводка не является краткой -Dwight's "Roman Republic in 1849", p. 115.

[218] Discorsi, i. 12.

[219] Жизнь Льва X. Приложение.

[220] Fabronius, Leo X. p. 287.

[221] Paris de Grassine, Memoirs of the Court of Julius II. p. 579.

[222] Jovius, lib. iii. p. 56.

[223] De Commynes, v. ii. c. 6.

[224] The Roman Pontiffs, New York, 1845.

[225] После оккупации французами в 1809 году французские власти провели сбор фактов с целью переписи населения, но нам не удалось получить эти данные.

[226] Medical and Chirurgical Review, April, 1854.

[227] Там же.

[228] Harper's Magazine, February, 1855, p. 326; Italian Life and Morals.

[229] Rome, by a New Yorker, 1845.

[230] Sharpe's Letters from Italy, 1705.

[231] История Италии: Семейная библиотека, т. iii.

[232] Roman Republic, 1849; Rome, by a New Yorker.

[233] Valery.

[234] Prescott, History of Ferdinand and Isabella, i. 66.

[235] Prescott, i. 66, *et seq.*

[236] Id. i. 227.

[237] Id. iii. 171.

[238] Вольтер говорит, что эти нечистоплотные вопросы обсуждались с азартом и с такой подробностью, какой нет нигде в других местах. Он приводит множество примеров этих абсурдных теорем.

[239] Можно представить, как это было в Берлине, что это требование вытекало из неправильных манер и поведения духовенства; но некоторые из отцов Церкви придерживались и высказывали это мнение в то время, когда мораль духовенства не подвергалась сомнению.

[240] Prescott's History of Ferdinand and Isabella, ii. 502 (примечание). Этот ученый историк довольно долго рассуждает на эту тему.

[241] Байрон отмечает красоту женщин Кадиса и, описывая кораблекрушение, спасает помощника от съедения его голодными товарищами благодаря тому, что

"Небольшой подарок, сделанный ему в Кадисе,
По общей подписке дам".

- [242] Townsend: Путешествия по Испании в 1786 и 1787 гг.
- [243] Таунсенд.
- [244] Атташе в Мадриде: Appleton, 1856, p. 64.
- [245] Duc de Chatelet's Travels in Portugal.
- [246] Kingston, Sketches in Lusitania, 1845.
- [247] De la Prostitution dans la Ville d'Alger depuis la conquête, par E. A. Duchesne. Paris, Bailliere, 1853.
- [248] *Ib.* p. 64, *et seq.*
- [249] Duchesne, p. 22, 171.
- [250] Duchesne, p. 31.
- [251] *Id.* p. 172.
- [252] *Id.* p. 54, 56.
- [253] Duchesne, p. 58.
- [254] *Id.* p. 70, *et seq.*
- [255] Duchesne, p. 132.
- [256] *Id.* p. 144.
- [257] *Id.* p. 148.
- [258] Duchesne, p. 152, *et seq.*
- [259] *Id.* p. 176.
- [260] *Id.* p. 192.
- [261] *Id.* p. 198.
- [262] W. Trollope's Belgium. Едва ли можно найти более либеральное произведение по отношению к бельгийцам, чем то, которое миссис Троллоп написала по отношению к нам.
- [263] Jäger's "Schwabischen Städtewesen des Mittelalters."
- [264] Hamburg and Altona Journal, 1805, iii. 50.
- [265] *Vorschriften die Bordelle und öffentlichen Madchen betreffend*: Hamburg, 1834.
- [266] Этот расчет не очень четко выражен. Его цель - показать, что сифилис не является опасно распространенным среди населения. Полиция приходит к такому выводу, вычитая из общей численности населения случаи, лечащиеся в Шарите (по их оценкам, две трети), а затем распределяя оставшиеся случаи среди основной массы людей, чтобы доказать, что лишь очень небольшая часть подвержена венерическому влиянию. Мы приводим это утверждение дословно, но не считаем его ценным.
- [267] Laing's Denmark in 1851.

[268] Бреструп, директор полиции в Копенгагене, о проституции и общественном здоровье.

[269] Доклад доктора (ныне сэра Джона) Боуринга о Швейцарии британскому парламенту в 1836 году. Он был послан в континентальное турне для изучения состояния рабочих классов в связи с английскими законами о бедных.

[270] Mrs. Strutt's Switzerland, ii. 231.

[271] Карамзин.

[272] Villebois.

[273] Memoires Secrets de la Cour de Russia. Villebois.

[274] Karamsin.

[275] Karamsin, p. 424.

[276] Duchesse d'Abrantes, p. 34.

[277]

"... Тогда госпожа Пратасофф
Прозванная по ее мистической должности l'Epreuveuse,
Термин, необъяснимый для музы,
С ней, как в смиренном долгу,
Juan retired."-Byron.

[278] D'Abrantes, p. 294.

[279] Id. p. 297.

[280] Kohl.

[281] Головин утверждает, что плеть - предмет, часто требуемый в супружеской жизни.

[282] Von Tietz, p. 73.

[283] Kohl. Есть некоторая трудность в оценке рубля из разницы в валюте русской серебряной монеты. Мы полагаем, что эта сумма будет превышать миллион долларов".

[284] Фон Тиц говорит, что в отношении нравственности институт работает неплохо, так как в Петербурге сравнительно меньше незаконнорожденных, чем в большинстве других городов, но не приводит никаких цифр, подтверждающих это утверждение.

[285] Головин.

[286] Отчеты шведского генерального регистратора, 1838, 1839.

[287] Baron Gall's Reiser durch Schweden, Bremen, 1838; Laing's Tour through Sweden; Baron Von Strombeck Darstellung, 1840.

[288] Spelman.

[289] Bede, lib. i. cap. 27.

[290] Padre Paolo.

[291] Wallingford.

[292] Leges Saxonicae.

[293] В популярной балладе, повествующей об этих событиях, удар описывается как окрасивший губы прекрасной Розамонд

"кораллово-красным":

Hard was the heart that gave the blow,
Soft were the lips that bled."

[294] State Trials, i. 228.

[295] Ивлин. 4th February, 1684-5.

[296] Прозаиков тех дней, дающих живые картины нравов и морали, читатель отсылает к страницам Филдинга, Смоллетта и особенно де Фо, который много писал о низкой жизни.

[297] "Чистая и неподкупная в своей собственной домашней жизни, королева умела насаждать при дворе добродетели или, по крайней мере, подобие добродетелей, которые она исповедовала. Ни одной другой женщине, вероятно, дело добрых нравов в Англии не было обязано столь глубоко" -Lord Mahon's History of England, 1713-1782, vol. iv., p. 221, 222.

[298] Несколько лет назад утверждалось, и многие в это верили, что после его смерти большое количество развратных французских гравюр, находившихся в лондонской таможне и предназначенных для личного развлечения короля, было сожжено. История с этими гравюрами и их дефлаграцией может быть правдой, но очень сомнительно, что они предназначались для королевского использования. Ряд низкопробных лондонских газет всегда нападали лично на Георга IV, среди которых Weekly Dispatch ("Воскресная вспышка" из романа Уоррена "Десять тысяч в год") занимала видное место благодаря грубости своего языка и остроте своей враждебности, принятой в то время, когда партийные чувства были на высоте, в качестве привлекательной приманки для своих читателей.

[299] Перепись населения Великобритании, 1851 год.

[300] Доктор Райан.

[301] Неэффективные положения закона недавно привлекли внимание жителей Лондона, и в январе нынешнего (1858) года состоялось собрание, на котором было рассмотрено это зло и решено, какие меры следует предпринять в этой связи. В другой части этой работы мы рассмотрим некоторые из предложений, сделанных по этому случаю.

[302] Общие второстепенные вопросы не входят в рамки данной работы, но деятельность этих ассоциаций по улучшению жилищных условий тесно связана с темой, которую мы сейчас рассматриваем. В Лондоне были опробованы и признаны чрезвычайно успешными типовые жилые дома для одиноких мужчин, одиноких женщин и супружеских пар с детьми, как в качестве умеренного вложения средств под проценты, так и в качестве очень замечательного механизма для повышения комфорта и здоровья рабочих классов. Около двух лет назад в ежедневных газетах появились подробные сведения о жилищах бедных и очень бедных жителей Нью-Йорка, которые были достаточно ужасающими, чтобы вызвать активное сочувствие со стороны доброжелательных капиталистов этого великого города. Самая лучшая филантропия - это та, которая учит и дает возможность бедняку самому улучшать свое положение. Этот принцип практически действует по всей территории Соединенных Штатов: но в больших городах свобода действий и непосредственно полезные

результаты бережливости и промышленности проявляются не так быстро, как в сельской местности. Попытки бедняков улучшить свое жилье в больших городах почти безнадежны, потому что зависят не от индивидуальных усилий, а от объединения денег и знаний. Необходимо выяснить и осуществить "как, когда и где": эти трудности очень малы и легко преодолимы, если те, кто располагает необходимыми средствами для проведения такой реформы и тем самым оказывает помощь в решении важной социальной проблемы, имеют склонность, соизмеримую с их ресурсами.

[303] В частности, что касается Лондона, см. отчеты Статистического общества, том xiii; отчеты Столичной ассоциации по улучшению жилищ бедняков; документы Совета по здравоохранению. А для сельских районов - отчеты о здоровье городов; отчет о занятости женщин и детей в сельском хозяйстве, 1843 г.

[304] Mayhew's Letters to the (London) Morning Chronicle; Mayhew's London Labor and the London Poor.

[305] Tait's Prostitution in Edinburgh.

[306] Эти выводы не всегда надежны. Могут действовать и другие причины. Если мы правильно помним, Эдинбург - гарнизонный город. Кроме того, в городах-фабриках всегда можно встретить большое количество безнравственности, которая в некоторой степени вытеснит открытую и явную проституцию по найму.

[307] Письма Мэйхью в "Лондон Морнинг Кроникл".

[308] Когда миссис Сидни Герберт основала Общество страдающих рукодельниц, считалось, что в одной из отраслей женского труда - производстве мельниц и платьев - было достигнуто многое: ведущие работодатели были вынуждены пообещать, что рабочий день будет ограничен двенадцатью часами - *Отчет Общества рукодельниц*, 1848 год.

[309] Было бы интересно узнать, является ли эта незаконная связь сожителем или просто временной. Нередки случаи, когда сожительствуют люди, утверждающие, что они слишком бедны, чтобы платить за брак. Чтобы избежать этого, священники в бедных и многолюдных приходах Англии, где обстоятельства отдельных прихожан им не известны, обычно приглашают всех, кто живет в браке, прийти и обвенчаться бесплатно. Многие пользуются этим предложением".

[310] Пока эта работа проходила через прессу, мы познакомились с недавней публикацией Вма Актона, эскайра, M.R.C.S. из Лондона, озаглавленной "Проституция в ее моральном, социальном и санитарном аспектах", в которой приводится более подробная информация по этому вопросу. Столичная полиция подсчитала количество проституток в Лондоне в 1841 году и еще раз в 1857 году, получив следующие результаты:

	1841.	1857.
Хорошо одетые проститутки в публичных домах	2071	921
Хорошо одетые проститутки на улицах	1994	2616
Проститутки в низких кварталах	5344	5063
Всего	9409	8600

Мистер Актон говорит: "В конце концов, эти данные дают лишь слабое представление об общем объеме проституции. * * * Если бы существовала возможность подсчитать всех тех,

кто в Лондоне подпадает под определение проституток, я склонен думать, что оценки самых смелых из тех, что были до меня, были бы отброшены в тень" -Р. 16-18.

[311] В 1847 году для "*Медико-хирургического обозрения*" была проведена оценка Корка, в которой указывалось двести пятьдесят проституток, живущих в восьмидесяти публичных домах, и сто подпольных проституток. Их возраст был указан между шестнадцатью и двадцатью годами.

[312] Это можно считать предрешенным выводом, но он был основан на предыдущих расследованиях отдельных случаев.

[313] Мы не понимаем этой цифры. Сумма швейных профессий Лондона почти в двадцать раз превышает это число. Возможно, мистер Мэйхью имеет в виду только грубую работу, включая самую распространенную одежду, как шерстяную, так и хлопчатобумажную, или даже ту часть ремесленников, которые в основном проживают в посещенных местах.

[314] Читатель заметит, что ни доктор Райан, ни мистер Тейт, ни взгляды на продолжительность жизни, изложенные в части этой работы, посвященной Нью-Йорку, не согласны с теми немецкими авторами, которые утверждают, что проституция полезна для здоровья. См. главу XVI, Гамбург.

[315] На встрече в Лондоне, на которую была сделана ссылка, мистер Актон (в прошлом хирург Ислингтонского диспансера и член Королевского медицинского общества) сказал, что, "по его мнению, обсуждаемая тема заслуживает законодательного регулирования". Как хирург, он изучал этот вопрос не только в Лондоне, но и в Париже и других континентальных столицах, и он может с определенным авторитетом говорить о статистике проституции и о том, как женщины становятся, так сказать, поглощенными населением, которое их окружает. *В результате подсчетов, основанных на таблицах переписи населения, выяснилось, что из всех незамужних женщин, достигших совершеннолетия, в стране каждая тринадцатая или четырнадцатая ведет аморальный образ жизни.* Это может показаться поразительным, но расчеты были сделаны на основе данных переписи, достоверность которых не подвергалась сомнению. Популярной ошибкой было предположение, что эти женщины умирают молодыми и уходят из жизни в больницах и домах трудолюбия. На самом деле это было не так. Женщины этого сословия все время выбирали жизнь, и рассеянность обычно не убивала их. Они занимались проституцией в течение двух, трех или четырех лет, а затем либо выходили замуж, либо устраивались на какую-нибудь службу или работу и постепенно вливались в общество. Было подсчитано, что таким образом ежегодно около 25 процентов от общего числа сливаются с населением".

Из этих замечаний мы можем сделать вывод, что продолжительность жизни проституток такая же, как и в тексте, а именно в среднем четыре года; но они выдвигают другую теорию относительно ее окончания, заменяя перевоспитание смертью. Мы не спешим безоговорочно поддержать это мнение. То, что случаи перевоспитания действительно имеют место, и, вероятно, в большей степени, чем принято считать, отрицать нельзя; но то, что четверть от общего числа проституток ежегодно отказывается от греховной жизни и становится добродетельными членами общества, - это вывод, который американский опыт не подтвердит. В Англии и на европейском континенте, возможно, есть класс мужчин, занимающих низшие позиции в жизни, которые не считают добродетель *непременным* условием при выборе жены; действительно, пресловутая легкость, с которой брошенные любовницы дворян или джентльменов могут быть выданы замуж за иждивенца, достаточно доказывает это; но в этой стране общественное мнение настроено прямо противоположным образом. Здесь, если женщина однажды оступилась или даже заподозрила ошибку, ее

строго исключают из добродетельного общества, и, хотя ее последующая жизнь может быть безупречной, промахи редко прощаются. Старый римский закон: "Раз проститутка, всегда проститутка" - слишком сурово соблюдается по эту сторону Атлантики. Речь мистера Актона - первый намек на столь либеральную благожелательность в Англии.

[316] Мы подсчитали, что в Лондоне насчитывается около шестисот тысяч женщин в возрасте от пятнадцати до сорока пяти лет. Доля замужних женщин среди них составляет 370 000 и выше; незамужних женщин старше двадцати лет и вдов - около 314 000".

[317] Очень необычным фактом в связи с переписью является то, что ни один человек не был зарегистрирован как проститутка. Дело не в том, что власти не обращают внимания на преступность, ведь в Великобритании 22 451 женщина-заключенная, все из которых, за исключением 1274, зарегистрированы как имеющие какое-либо законное занятие. В стране насчитывается 7600 женщин-бродяг, ночующих в сараях, палатках и т. д., из которых 2600 не достигли двадцатилетнего возраста.

[318] Томас Фауэлл Ракстон, о тюремной дисциплине.

[319] Лорд Джеффри, Эдинбургское обозрение.

[320] *Rosa Anglica*, Pavia, 1492.

[321] Краткий трактат о лечении болезни, которую сейчас обычно называют Lues Venerea. В. Кловвес, один из хирургов Ее Величества. 1569: p. 149.

[322] Мадам Кальдерон де ла Барка.

[323] Clavijero.

[324] Waddy Thompson, Mexico in 1846, p. 115.

[325] Madame Calderon de la Barca, p. 259.

[326] Norman, Yucatan.

[327] Stevens, Travels in Central America.

[328] Среди напуалей, остатка древних ацтеков, брак, по-видимому, заключался под руководством вождей и состоял в том, что сначала стороны подвергались люстрации, например, мытью в реке, а затем их связывали вместе в доме невесты, откуда родственники приносили подарки новобрачным.

Смерть обычных людей принято было оплакивать только родственникам, но смерть казика или вождя ознаменовывалась всеобщим трауром на четыре дня. Изнасилование каралось смертью, прелюбодеяние - превращением преступницы в рабыню обиженного мужа, "если только верховный жрец не помилует ее за прошлые военные заслуги". Существовали определенные степени родства, в пределах которых вступать в брак было запрещено, и сексуальные отношения в этих пределах карались смертью. В подобных вопросах существовала величайшая строгость, так как, по словам Эрреры, "тот, кто ухаживал или делал знаки замужней женщине, был изгнан". Блуд наказывался бичеванием".

[329] Squier, p. 50.

- [330] Peru; Reiseskizzen in den Jahren 1838-1842. (Перу, Очерки путешествий.) By J. J. Von Tschudi. 2 vols. St. Gallen, 1846.
- [331] Horace St. John.
- [332] Stewart's Brazil and La Plata: New York, 1856.
- [333] Ewbank's Brazil, p. 135.
- [334] Ib. p. 141.
- [335] Lewis and Clarke's Expedition across the Rocky Mountains, vol. ii. p. 144.
- [336] Thatcher's Indian Traits, vol. i. p. 51.
- [337] Lewis and Clarke's Expedition, i. 358.
- [338] Ib. i. 166.
- [339] Id. ib.
- [340] Indian Traits, i. 104.
- [341] Life and Adventures of James P. Beckwourth, p. 148.
- [342] Beckwourth, p. 201.
- [343] Id. p. 401.
- [344] Indian Traits, i. p. 114.
- [345] Beckwourth, p. 169.
- [346] Beckwourth, p. 212.
- [347] Murray's British North America, vol. i. p. 115.
- [348] Murray's British North America, vol. i. p. 94.
- [349] Indian Traits, i. p. 136.
- [350] Lewis and Clarke's Expedition, i. p. 135.
- [351] Ib. i. p. 151.
- [352] Beckwourth, p. 179.
- [353] Murray's British America, i. p. 94.
- [354] Indian Traits, i. p. 128.
- [355] Murray's British America, i. p. 94.
- [356] Beckwourth, p. 157.
- [357] Beckwourth, p. 238.
- [358] Lewis and Clarke's Expedition, i. 166.
- [359] Id. ib.

[360] Murray's British America, i. 125.

[361] Основные факты в этой и следующей главе взяты из статьи мистера Хораса Сент-Джона о проституции в книге Мэйхью "London Labor and the London Poor".

[362] Russell's History of Polynesia, p. 75.

[363] Их институт приписывается Оро, богу войны. Сходство между Ареои и Αρηρς, греческим богом войны, является случайным совпадением.

[364] South Sea Missions, p. 88.

[365] U. S. Exploring Expedition, vol. ii. p. 22.

[366] Missionary Voyage of Ship Duff, 1796, p. 336.

[367] U. S. Exploring Expedition, vol. ii. p. 80.

[368] Ib. 148.

[369] Wilkes, vol. iv. p. 77.

[370] Со времени написания предыдущих параграфов операции союзных держав против Китая и захват Кантона позволили получить более глубокое представление о внутренней экономике этого народа. Специальный корреспондент лондонской газеты "Таймс", пишущий из Гонконга 22 февраля 1858 года, так описывает китайские праздники:

"Во время *entrée acte* весь Китай взрывал хлопушки, а Гонконг праздновал свои "истмийские игры". К концу трехдневного праздника китайский праздник стал почти захватывающим. Если бы 29 декабря они вели в Кантоне хоть наполовину такой же сильный огонь, как 14 февраля, мы никогда не смогли бы перебраться через стены с потерями менее 500 человек. Улицы как Кантона, так и Гонконга были завалены мириадами взорвавшихся тушек крекеров. В Гонконге, где я провел последний день этих празднеств, серьезные мужчины и степенные дети с утра до полуночи развешивали на балконах нитки с этими шумными штуками и беспрестанно обновляли их, когда они взрывались. Женщины-певицы в богатых красивых платьях выкрикивали свои пронзительные песни и бренчали на двухструнных лютнях на всех верандах китайского квартала, в то время как владыки творения, собравшись за круглым столом, поглощали дневную трапезу. Нанятые певички с несомненной репутацией в перерывах между музыкой занимают места за столом напротив мужчин. Они не едят, но их дело - способствовать общению на пиру, они подзывают мужчин к кубку самшу и пьют вместе с ними. Удивительно видеть, какое количество разбавленного самшу могут выпить эти разукрашенные и парчовые небожители без всякого видимого эффекта. Время от времени один из компании удаляется на кушетку и берет трубку с опиумом, а затем возвращается и возобновляет трапезу. Меня пригласили на один из таких пиров; блюда были превосходны, но длился он до тех пор, пока я не возненавидел вид еды. Я полагаю, что китайцы тратят баснословные суммы на эти развлечения; певички часто привозят издалека, и их, несомненно, выбирают с определенной тщательностью. Они имитируют китайскую леди, и, поскольку у китайской леди нет ни образования, ни обязанностей, разница между бедной певичкой и несчастной женой, вероятно, не заметна ни по внешнему виду, ни по манерам. Одежда особенно скромна и пристойна. У всех них огромное количество черных волос. Если бы они распустили их по спине, как это делают женщины Маниллы, они были бы более живописными, но не формальными и приличными, как китайские, даже в своей распущенности. Волосы китаянки закреплены резинкой и собраны в конструкцию,

напоминающую огромный плоский утюг, и украшены гребнями, драгоценными камнями и цветами, уложенными с определенным вкусом. Вышитая туника из голубого шелка доходит от подбородка почти до щиколоток. Под туникой - нарядные брюки, расшитые золотыми или серебряными нитями; на ногах - тонкие белые шелковые чулки, а маленькая ступня (когда китайцы предоставлены природе, у них красивые ноги и руки) обута в богатые туфли с огромной белой подошвой в форме перевернутой пирамиды. В этих певуньях вы видите оригиналы китайских картин: раскрашенные лица, высоко поднятые брови, маленький круглый рот, довольно полные и слегка чувственные губы, естественно или искусственно окрашенные в глубокий пурпурный цвет, длинные, щелевидные, полужакрытые глаза, наводящие на мысль о праздности и лукавстве. Что может означать оживленный и шустрый разговор, обращенный к ним мужчинами, я не могу сказать, но их манеры вполне приличны, их ответы коротки и сдержанны, и каждый жест, или песня, или чашка самшу, кажется, регулируются известным церемониалом."

[371] Golownin, vol. iii. p. 52.

[372] Perry's Expedition, p. 462.

[373] Arctic Explorations, vol. i. p. 373.

[374] Ibid. ii. 250.

[375] Ibid. ii. 115.

[376] Arctic Explorations, ii. 123.

[377] Ibid. ii. 125.

[378] Ibid. ii. 109.

[379] Ibid. ii. 121.

[380] U. S. Census, 1850.

[381] Compendium of U. S. Census, 1850, p. 148.

[382] Compendium of United States Census, 1850, p. 142, etc.; Census of the State of New York, 1855, p. 16; Report of the Board of Education of New York City, 1857, p. 13, 18, 22, etc.

[383] Отчеты инспекторов города Нью-Йорка, 1854, 1855, 1856 гг.

[384] Перепись населения штата Нью-Йорк, 1855, с. 38.

[385] Отчеты инспекторов Нью-Йорка, 1854, 1855, 1856 гг.

[386] Отчет о младенческой смертности в крупных городах, составленный Д. Мередитом Ризом, M.D., LL.D., p. 8.

[387] Ib. p. 13.

[388] Отчет о младенческой смертности в крупных городах, составленный Д. Мередитом Ризом, M.D., LL.D., p. 9.

[389] После того как эти страницы были подготовлены к печати, в Нью-Йорке была переиздана работа под названием "Мысли женщины о женщинах, написанные автором "Джона Галифакса, джентльмена"", в которой содержится много отрывков, относящихся к данному исследованию. Высокая репутация ее автора (мисс Мьюлок), не только за

литературные способности, но и за практическую доброжелательность и женское милосердие, будет достаточным извинением для того, чтобы представить некоторые из ее замечаний читателю в виде примечаний. Приятно осознавать, что многие идеи, выдвинутые в этой книге, аналогичны тем, которые мисс Мьюлок отстаивала по другую сторону Атлантики. Говоря о соблазнении, она замечает:

"Думаю, не приходится сомневаться, что даже потеря личного целомудрия не означает полного развращения или постоянной деградации; что после нее и несмотря на нее можно найти множество достойных и женственных качеств не только в наших живописных *Нелл Гвинн* и *Пег Воффингтон*, но и в наших бедных повседневных грешницах": Служанка, вынужденная уволиться без характера и с ребенком; швея, бросившая голодную смерть ради элегантной бесчестности; неграмотная деревенская девчонка, которая считает, что так здорово, когда тебя делают госпожой - гораздо лучше быть любовницей богача, чем женой или, скорее, рабыней рабочего человека, которого плохо используют.

"Пока мы не признаем, что ни один грех, даже этот, не обязательно портит весь характер, мы вряд ли сможем судить о нем с той справедливостью, которая дает надежду на то, что мы исправим его или попытаемся хоть в какой-то степени уменьшить, индивидуально подходя к каждому отдельному случаю, который попадает на нашем пути, ту огромную совокупность страданий, которую он влечет за собой. Мы должны делать это даже из эгоистических соображений, потому что эта проблема касается нас ближе, чем многие из нас думают - скажем, у наших собственных очагов и домов; сыновей и братьев, которых мы вынуждены отправлять на борьбу в мир, о котором мы, сидя у камина, совершенно ничего не знаем: Если мы выходим замуж, то в отцах, которых мы даем нашим невинным детям, в слугах, которым мы доверяем их младенчество, и во влиянии, которому мы вынуждены подвергать их ежедневно и ежечасно, если только мы не хотим воспитать их в своего рода домашней Счастливой долине, из которой они первым делом постараются выбраться как можно скорее. И если предположить, что мы спасены от всего этого, что наше положение особенно свободно от зла, что если загрязнение в любой форме приближается к нам, мы поспешно и бесшумно убираем его от наших дверей и думаем, что мы правы и в безопасности - увы! мы забываем, что мусорная куча за воротами может породить чуму даже во дворце королевы" - *A Woman's Thoughts on Women* (New York ed.), p. 261.

[390] Мисс Мьюлок замечает по поводу женских профессий: "Равенство полов не в природе вещей. У нас есть только одно общее с человечеством "право", и оно в такой же степени в наших руках, как и в их - право иметь что-то, чем можно заниматься" - *A Woman's Thoughts on Women* (New York ed.), p. 13.

"Отец всего сущего никогда не приводил в этот мир ни одного мужчину, ни одну женщину, не дав каждому из них чего-то, чем можно было бы заняться" - Там же, с. 19.

"Для любого здравомыслящего и опытного человека остается очевидным тот факт, что в наши дни половина наших женщин вынуждена заботиться о себе сама, вынуждена рассчитывать только на себя в поисках содержания, положения, занятий, развлечений, репутации, жизни" - Там же, с. 29.

"Неужели общество должно разработать свод правил о том, что нам подобает делать, а что нет?" - Там же, стр. 31.

"Мир постепенно обнаруживает, что женщины способны на гораздо большее количество ремесел, чем предполагалось, если только их правильно обучить; что они хорошие бухгалтеры, лавочники, драпировщики, телеграфисты, часовщики; и, несомненно, было бы

лучше, если бы обычное обучение, которое имеет шанс получить почти каждый молодой человек, считалось столь же необходимым для молодых женщин" -Ibid., p. 76.

[391] Histoire Morale des Femmes. Par M. Ernest Legouv  . Paris, 1849.

[392] Westminster Review (London), July, 1850. Американское издание, том xxx. No. 2.

[393] De la Prostitution dans la Ville de Paris, vol. i. p. 96.

[394] "Корнем всех улучшений должно быть собственное убеждение хозяйки, религиозное и искреннее, в том, что она и ее служанки - одна общая женская сущность, с целями, надеждами и интересами, четко определенными и преследуемыми с одинаковым рвением; с жизнью здесь, предназначенной в качестве школы для следующей жизни; с бессмертной душой." - *A Woman's Thoughts on Women* (New York ed.), p. 130.

[395] "Ни труд, ни материал не могут быть получены "дешево", то есть ниже их средней признанной стоимости, без того, чтобы *кто-то не был обманут*: следовательно, эти приверженцы дешевизны очень часто не лучше благородных мошенников." -*A Woman's Thoughts upon Women* (New York ed.), p. 72.

[396] Mary Barton, by Mrs. Gaskell, vol. i., p. 258 (London edition.)

[397] Отчет врача-резидента с острова Блэкуэллс управляющим богадельни, 1854, стр. 26.

[398] На одной из предыдущих страниц приводятся результаты полицейского расследования количества проституток в Лондоне в 1857 году. Следует помнить, что было зарегистрировано всего 8600 обычных женщин при населении почти 2 500 000 человек. Расследования, проведенные в Нью-Йорке и Лондоне, в равной степени приводят к мнению, что масштабы этого порока, как правило, переоцениваются.

[399] Отчет врача-резидента, остров Блэкуэллс, управляющим богадельни, Нью-Йорк, за 1856 г., с. 40.

[400] Ibid., 1857, p. 26.

[401] Прилагаемый список вопросов представляет собой печатную копию допросов, используемых в Нью-Йорке и уже приводившихся на этих страницах.

[402] Compendium of Seventh Census, p. 49.

[403] Ibid. p. 87.

[404] Ibid. p. 101.

[405] Compendium of Seventh Census, p. 49.

[406] Ibid. p. 57.

[407] Compendium of Seventh Census, p. 94.

[408] Ibid. p. 69.

[409] Ibid. p. 91.

[410] Ibid. p 104.

[411] Compendium of Seventh Census, p. 141, 142.

[412] Ibid. p. 145.

[413] Ibid. p. 150.

[414] Ibid. p. 152.

[415] Ibid. p. 152, 153.

[416] Compendium of Seventh Census, p. 128.

[417] Ibid. p. 130.

[418] Compendium of Seventh Census, p. 164.

[419] Compendium of Seventh Census, p. 180-184.

[420] Ibid. p. 163.

[421] Compendium of Seventh Census, p. 162 (примечание).

[422] Ibid. p. 166.

[423] Ibid. p. 182.

[424] Compendium of Seventh Census, p. 61.

[425] Ibid. p. 79.

[426] "То, что за один проступок, каким бы серьезным он ни был, должна быть уничтожена вся жизнь, - это доктрина, противная даже тому, как сама природа поступает в видимом мире. Там ее голос ясно говорит: "Дайте волю всем этим чудесным силам жизненного обновления; дайте оскверненной плоти осклизнуть; отрубите гангренозную конечность; вступайте в жизнь, если нужно, искалеченную", но никогда до последнего момента полного распада она не говорит: "Ты вообще не должна вступать в жизнь".

"Поэтому стоит только дать женщине почувствовать, что "пока есть жизнь, есть надежда", зависящая от единственного условия - *не грешить больше*, и какое будущее вы откроете перед ней! Какой груз вы снимете с ее бедного несчастного духа, который в противном случае может быть раздавлен до самой глубины, до того, что гораздо хуже любого телесного загрязнения, - неизлечимого разложения души" - *A Woman's Thoughts on Women* (New York ed.), p. 269.

"Часто можно заметить, что чем менее добродетельны люди, тем больше они сторонятся малейшего запаха нечистоты. Добрые люди всегда наиболее милосердны, чистые - наиболее храбры. Я верю, что есть сотни и тысячи англичанок, которые охотно укроют своей безупречной репутацией любое бедное существо, которое придет к ним и честно скажет: "Я согрешила, помогите мне, чтобы я больше не грешила". Но несчастные не поверят в это. Они похожи на бедных индейцев, которые считают необходимым умиротворить злой принцип большим поклонением, чем то, которое они воздают Доброму Духу, потому что, по их словам, Злой Дух сильнее" -Ibid. p. 272.

[427] Капитан Инграхам.

[428] "Конечно, сознание утраченной невинности должно быть самым ужасным наказанием для любой женщины, и от него не могут полностью избавить ни доброта, ни сочувствие, ни сокрытие позора, ни даже восстановление хорошей репутации. Она должна нести свое

бремя, более легкое или более тяжелое, каким оно может казаться в разное время, и она должна нести его до самой смерти. Я думаю, одного этого факта достаточно, чтобы первое чувство целомудренной женщины по отношению к нецеломудренному человеку было безусловной, безоговорочной жалостью.

"Если допустить жалость, что же делать дальше? Конечно, должен быть какой-то свет, помимо простого сострадания, чтобы направить ее в последующем поведении по отношению к ним. Где же искать этот свет? В мире и его обычном кодексе общественной морали, приспособленном к общественному сознанию? Боюсь, что нет. Общее мнение, даже среди хороших людей, кажется, таково, что этот великий вопрос - очень печальная вещь, но своего рода непобедимая необходимость; говорить о нем бесполезно, и, действительно, чем меньше о нем говорят, тем лучше. Хорошие женщины думают примерно одинаково. Более распушенные представители обоих полов относятся к этому вопросу с философским безразличием или с таким смехом, от которого кровь закипает в любом по-настоящему добродетельном сердце.

"Я считаю, что на этот сложный вопрос нет иного света, кроме того, который дает Новый Завет. Там ясно и четко, повсюду повторяется учение о том, что за любое преступление, если в нем раскаялись и оставили его, есть прощение на небесах, а если на небесах, то оно должно быть и у людей.

"Когда вы закрываете дверь надежды для любой человеческой души, вы сразу же лишаете ее всех шансов на исправление. С таким же успехом можно предложить человеку есть без еды, видеть без света или дышать без воздуха, как и исправить свои поступки, и в то же время сказать ему, что, как бы он ни исправился, он останется в том же положении, таким же безнадежно деградировавшим, непрощенным, несчастным грешником" - *A Woman's Thoughts on Women* (New York ed.), p. 266.

[429] "Мы не имеем права, милосердно созданные с меньшим искушением ко злу, чем люди, с ханжеской сверхделикатностью уклоняться от самого упоминания вещей, о существовании которых мы должны знать. Если мы этого не знаем, наше невежество одновременно и беспомощно, и опасно; оно сужает наши суждения, подвергает нас тысяче болезненных ошибок и значительно ограничивает наши возможности быть полезными" - *A Woman's Thoughts on Women* (New York edition), p. 255.

"Ни одна женщина, которая хоть немного задумывается о том, что происходит вокруг нее, ни одна хозяйка или мать, которой постоянно требуются слуги для дома и няньки для детей, не может и не смеет закрывать глаза на этот факт. Лучше сразу посмотреть правде в глаза во всей ее наготе, чем вечно кутаться в складки шелковой фальши" - *Ib.*, p. 259.

"Многие из нас не станут исследовать эту тему, потому что боятся: боятся не столько того, что они будут, сколько того, что их сочтут, особенно представители другого пола, неправильными, бестактными, неженственными; того, что их сочтут знающими больше, чем они должны знать, или того, что современная утонченность общества - хорошая и прекрасная вещь, когда она настоящая - предполагает, что они действительно знают.

"О, женщины, женщины! Почему вы не верите больше в себя, в ту сильную, внутреннюю чистоту, которая одна только может сделать женщину храброй! Которая, если она знает, что чиста сердцем и желанием, телом и душой, любя чистоту ради нее самой, а не ради заслуг, которые она приносит, даст ей свободу действий и бесстрашие перед последствиями, которые являются для нее большей защитой, чем любые внешние приличия. Быть, а не казаться - вот амулет ее невинности" - *Ib.*, p. 261.

[430] "Реформаторские центры, институты Магдалины и тому подобные учреждения в своем роде восхитительны, но существует множество случаев, когда только индивидуальное суждение и помощь возможны. Именно этот образ мыслей, который должен привести к действию и который я хочу предложить отдельным умам, в надежде пробудить то незаметно малое влияние многих, которое образует самый сильный рычаг всеобщего мнения.

"Все, что я могу сделать, - все, что, боюсь, может сделать любой человек простым словом, - это внушить каждой женщине, и в первую очередь тем, кто, воспитанный в невинности в безопасных домах, смотрит на злой мир, не будучи похожим на зрителей на шоу или на зрителей на битве, потрясенных, удивленных, возможно, немного жалеющих, но совсем не понимающих, что покаяние возможно. Кроме того, вернувшись к целомудренной жизни, женщина никогда не должна быть "брошена" против прежней жизни; ей должно быть позволено вернуться если не к своему первоначальному положению, то, по крайней мере, к положению, полному пользы, приятности и уважения, причем уважение это должно определяться ее собственным повседневным поведением. О ней следует судить исключительно по тому, что она представляет собой сейчас, а не по тому, чем она была. Это суждение может быть суровым и непоколебимым, как сама справедливость, в отношении ее настоящего и даже прошлого, насколько это касается совершенного преступления; но оно никогда не должно брать закон в свои руки по отношению к преступнику, который, возможно, уже давно стал не столько преступником, сколько страдальцем. Добродетель деградирует и теряет все остатки своей силы, когда ее отношения с пороком сводятся к простому вопросу индивидуального мнения, личной неприязни или эгоистичному страху перед вредом. За все проступки должно последовать наказание, возмездие и неизбежность; но наказание - это одно, а месть - совсем другое. Лишь один, всеведущий и всемогущий, может заявить: "Мсть моя" - *A Woman's Thoughts on Women* (New York ed.), p. 275.